

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИНСТИТУТ АФРИКИ

ВОСТОК

Афро-азиатские общества: история и современность

2021

4

ИЮЛЬ–АВГУСТ

Выходит 6 раз в год

Основан в январе 1955 г.

Выходил под названиями: “СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ” (1955–1958),
“ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ” (1959–1961),
“НАРОДЫ АЗИИ И АФРИКИ” (1961–1990)

Журнал издается под руководством

Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор

академик РАН В.В. НАУМКИН

Редколлегия

И.О. АБРАМОВА, член-корр. РАН
Л.Б. АЛАЕВ, д.и.н., проф.
Ю.Г. АЛЕКСАНДРОВ, д.э.н.
А.К. АЛИКБЕРОВ, д.и.н.
В.М. АЛПАТОВ, академик РАН
Х.А. АМИРХАНОВ, академик РАН
Турадж АТАБАКИ, проф., доктор
(Нидерланды)
Б.В. БАЗАРОВ, академик РАН
А.С. БАЛАХВАНЦЕВ, д.и.н.
Байрам БАЛДЖИ, доктор (Франция)
А.Б. ДАВИДСОН, академик РАН
Г.М. ЕМЕЛЬЯНОВА, доктор
(Великобритания)
А.О. ЗАХАРОВ, д.и.н.
И.Д. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ, д.и.н., проф.
Пьерфранческо КАЛЬЕРИ, проф.
(Италия)
Михаэль КЕМПЕР, доктор
(Нидерланды)
Н.Н. КРАДИН, член-корр. РАН

А.Б. КУДЕЛИН, академик РАН
Ли ЮНЦЮАНЬ, проф. (Китай)
Н.А. МАККАВЕЕВ, к.и.н.
Пьетро МАСИНА, проф. (Италия)
Ильбер ОРТАЙЛЫ, почетный проф.
(Турция)
Мадхаван ПАЛАТ, проф. (Индия)
Юрий ПИНЕС, проф. (Израиль)
М.Б. ПИОТРОВСКИЙ,
академик РАН
И.Ф. ПОПОВА, чл.-корр. РАН
В.Я. ПОРХОМОВСКИЙ,
д.филол.н., проф.
Энтони РЕЙД, проф. (Австралия)
Н.А. СИМОНИЯ, академик РАН
И.В. СЛЕДЗЕВСКИЙ, д.и.н., проф.
А.В. СМЕРНОВ, академик РАН
Билл СТРАЙФЕР, доктор (США)
Р.Р. ХАЙРУТДИНОВ, проф.
Янис ЭШОТС, доктор
(Великобритания)

Редакция

А.С. БАЛАХВАНЦЕВ,
зам. главного редактора
Н.А. МАККАВЕЕВ,
ответственный секретарь,
Т.А. АНИКЕЕВА,
отдел культурологии
Н.Р. КРАЮШКИН
отдел истории
Н.Н. ЦВЕТКОВА,
отдел экономики
и политологии
Н.В. БУСЫГИН
редактор

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Древний Восток

С.В. ВЕТОХОВ	6	Нестандартное положение ложной двери в гробницах Гизы – строительная ошибка или вынужденная мера?
В.А. БОЛЬШАКОВ	25	Царственные женщины-систофоры: к интерпретации символики систра в культовой практике эпохи Нового царства
Maxim A. LEBEDEV	36	Archaeological Works to the North of the Great Amun Temple at Jebel Barkal (Sudan): Preliminary Results and New Perspectives

Классический Восток

А.А. СТОЛЯРОВ	48	Малые династии раннесредневековой Бенгалии по сведениям эпиграфики: династия Варманов (ок. 1050–1125)

Россия и Восток

А.В. БЕЛЯКОВ	60	Бакшеи – эволюция понятия
М.В. МОИСЕЕВ	72	Переводчики и толмачи с восточных языков в Московском государстве в конце XV–XVI вв.

Международные отношения

А.Д. ВАСИЛЬЕВ	83	«Бухара подобна Алжиру»: османская политическая элита о прошении бухарского эмира Хайдара к султану Махмуду II о принятии Бухары в состав Османской империи
В.И. БАРТЕНЕВ	95	«Довильское партнерство» со странами «Арабского пробуждения»: траектория развития уникального формата
Д.Б. ГРАФОВ	107	Израильский фактор в катарско-американских отношениях и новые векторы арабских интересов

Культура и социум

Д.В. ЖИГУЛЬСКАЯ	118	Неоосманская ностальгия в современной Турции
В.Н. ЗАРЫТОВСКАЯ,
А.М. АЛЬ-РАХБИ	128	Ибадизм в зеркале словесной культуры: особенности поэтики Абу Муслима аль-Бахляни и сподвижников
Н.А. ЖЕЛЕЗНОВА	138	Аскеты и/или миряне: джайнский взгляд на статус человека
О.Ю. ЗАВЬЯЛОВА,
П.А. КУЦЕНКОВ	150	Традиция и словестность (смеховая культура Мали и Гвинеи)
И.Г. РЫБАЛКИНА	161	Социальные особенности проблемы планирования семьи в Тропической Африке
М.А. КОБЗЕВА	173	Дискурсная власть Китая: инструменты и стратегия
К.А. САНИН	185	Китайская империя или прообраз ответственной глобальной державы: дискуссии о Цин в КНР и на Западе

Культура и письменность

Т.А. АНИКЕЕВА,
А.Р. ИДРИСОВ	195	О рукописях, литографиях и старопечатных книгах Каракалпакского института гуманитарных наук
Е.А. ЗАВИДОВСКАЯ,
Д.И. МАЯЦКИЙ	204	Традиции, новшества и исторические события на китайских календарях начала XX века из российских собраний

Из истории науки

О.Н. БОРОХ	219	Древнекитайская экономическая мысль и французский академический контекст 1930-х гг.: диссертация Ли Чжаои
С.А. ПАНАРИН	231	«Казахский народ должен ей низко поклониться»: Ирина Викторовна Ерофеева (1953–2020)

Публикации

А.А. НОВИКОВА	242	«Размышления о водах и землях Японии» Нисикава Дзёкэн (1648–1724)

РЕЦЕНЗИИ

Д.Г. КУКЕЕВ	259	[Рец. на:] <i>Перевод материалов маньчжурского архива военного совета (цзюньцзичу) [касающихся] джунгарских послов: на китайском и маньчжурском языках</i> . В 3-х тт. Первый исторический архив КНР, Исследовательский центр по изучению истории и географии приграничных регионов и национальностей Китая при Центральном университете национальностей. Пекин: Издательство Центрального университета национальностей, 2009. 2851 с. (Цзюньцзичу Маньвэнь Чжуньгаэр Шичжэ Дан-и-Бянь: <i>Мань, Хань</i> . Бэйцзин: Чжунъян миньцзу чубаньшэ, 2009.10); ISBN 978–7–81108–686–7

PERSONALIA**IN MEMORIAM**

В.О. БОБРОВНИКОВ,
П.И. ТАХНАЕВА	264	Михаил Юрьевич Рошин (1952–2021)
А.К. АЛИКБЕРОВ,
А.А. ЛУКАШЕВ
Л.М. РАВАНДИ-ФАДАИ	268	Памяти Яниса Эшотса (1966–2021)

На обложке: Страница рукописи из Фонда рукописей Каракалпакского Института гуманитарных наук (фото Т.А. Аникеевой)

Публикуемые материалы не обязательно отражают точки зрения Института востоковедения и Института Африки РАН, а также редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами. К публикации принимаются только статьи, прошедшие двойное экспертное рецензирование.

Адрес редакции:

107031, Москва, ул. Рождественка, 12

E-mail: vostokauct@gmail.com; www.vostokoriens.ru

facebook.com/VostokOriens

© Российская академия наук, 2021

© Составление. Редколлегия журнала
«Восток/Oriens», 2021

C O N T E N T S

ARTICLES

Sergey V. VETOKHOV	6	Non-standard position of the false door in Giza tombs – a building mistake or a least-evil solution?
Vladimir A. BOLSHAKOV	25	Royal Women Sistrophoroi: to the Interpretation of Sistrum Symbolism in Cultic Practice of the New Kingdom Period
Maxim A. LEBEDEV	36	Archaeological Works to the North of the Great Amun Temple at Jebel Barkal (Sudan): Preliminary Results and New Perspectives
Alexander A. STOLYAROV	48	Minor Dynasties of Early Mediaeval Bengal According to the Epigraphical Data: the Dynasty of Varmans (ca. 1050–1125 AD)
Andrey V. BELYAKOV	60	Baksheys: Evolution of the Concept
Maksim V. MOISEEV	72	Translators and Interpreters from Oriental Languages in the Moscow State at the End of the 15th–16th Centuries
Alexander D. VASILYEV	83	“Bukhara is Like Algeria”: The Ottoman Political Elite on the Petition of the Bukhara Emir Khaidar to Sultan Mahmud II to Accept Bukhara into the Ottoman Empire
Vladimir I. BARTENEV	95	The Deauville Partnership with Arab Countries in Transition: Tracing the Trajectory of a Unique Format
Dmitry B. GRAFOV	107	The Influence the Qatari-Israeli and the Qatari-American Relations on the Qatar's Arab Policy
Daria V. ZHIGULSKAYA	118	Neo-Ottoman Nostalgia in Contemporary Turkey
Victoria N. ZARYTOVSKAYA, Ahmed M. AL-RAHBI	128	Ibadism in the Mirror of Culture: Peculiarities of the Poetics of Abu Muslim al-Bahlani and his Coreligionists
Natalia A. ZHELEZNOVA	138	Ascetics and/or Laypeople: Jain View on Human Status in the World
Olga Yu. ZAVYALOVA, Piotr A. KUTSENKOV	150	Tradition and Literature (Culture of Laughter of Mali and Guinea)
Inna G. RYBALKINA	161	Social Peculiarities of the Family Planning Problem in Tropical Africa
Mariia A. KOBZEVA	173	China's Discourse Power: Instruments and Strategy
Konstantin A. SANIN	185	Chinese Empire or a Prototype of Responsible Global Power: Discussions on the Great Qing in China and the West
Tatiana A. ANIKEEVA, Abdusalam R. IDRISOV	195	About Manuscripts, Lithographs and Early Printed Books of the Karakalpak Institute of Humanities
Ekaterina A. ZAVIDOVSKAYA, Dmitrii I. MAIATSKII	204	Tradition, Innovations and Historical Events in the Early 20th Century Chinese Calendars from the Russian Collections

Olga N. BOROKH	219	Ancient Chinese Economic Thought and the French Academic Context of the 1930s: Li Zhaoyi's Doctoral Thesis
Sergei A. PANARIN	231	“Kazakh People Should Bow Low to Her”: Irina Viktorovna Erofeeva (1953–2020)
Anna A. NOVIKOVA	242	“Thoughts on Waters and Lands of Japan” by Nishikawa Joken (1648–1724)

BOOK REVIEWS

Dordzhi G. KUKKEEV	259	[Review of:] <i>The Translations at the Grand Council (Junjichu) Archive of the Zunghar Missions</i> . The First Historical Archives of China. Minzu University of China, China's Frontier Ethnic Regions History and Geography Research Center. Beijing: Minzu University of China Publishing House, 2009. 2851 p. (in Chinese) ISBN 978-7-81108-686-7

PERSONALIA

IN MEMORIAM

Vladimir O. BOBROVNIKOV,
Patimat I. TAKHNAEVA	264	Mikhail Yu. Roshchin (1952–2021)
Alikber K. ALIKBEROV,
Andrey A. LUKASHEV,
Lana M. RAVANDI-FADAI	268	In Memory of Janis Esots (1966–2021)

On the cover: Folio of the manuscript from the Fund of Oriental Manuscripts of the Karakalpak Institute of Humanities (photo by Tatiana A. Anikeeva)

The journal articles do not necessarily reflect the official views of the Institute of Oriental Studies or the Institute of African Studies, as well as of the editorial board and editorial staff. Only the authors are responsible for the information they report in their articles or reviews. All the manuscripts are submitted to double anonymous peer-reviewing.

Postal Address:

12 Rozhdestvenka, Moscow, 107031, Russian Federation

E-mail: vostokauct@gmail.com

www.vostokoriens.ru

facebook.com/VostokOriens

СТАТЬИ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080013935-5

НЕСТАНДАРТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛОЖНОЙ ДВЕРИ В ГРОБНИЦАХ
ГИЗЫ – СТРОИТЕЛЬНАЯ ОШИБКА ИЛИ ВЫНУЖДЕННАЯ МЕРА?

© 2021

С.В. ВЕТОХОВ^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-4507-9819; veto@list.ru

Резюме: В часовнях как скальных гробниц, так и сложенных из камня (мастабах), ложная дверь – главное культовое место гробницы – как правило, располагалась на западной стене. Между тем есть примеры ее расположения и на иных стенах. Учитывая, что традиция размещения ложной двери на западной стене имела глубокие многовековые корни, эти случаи порождают закономерный вопрос о причинах такой аномалии. Но малочисленность примеров как в Гизе, так и в других некрополях, усложняла проведение широкого анализа этого явления.

В литературе данный вопрос уже неоднократно поднимался, но до сих пор он остается дискуссионным. А после обнаружения новых примеров на участке работ Российской археологической экспедиции ИВ РАН в Гизе для их анализа появилась необходимость вернуться к данной проблеме, структурировать и обобщить раннюю информацию, попробовать разобраться в природе появления подобных случаев.

В исследовании рассматривались случаи, когда ложная дверь осознанно размещалась не на западной стене, тогда как в этой же или соседних гробницах другие ложные двери располагаются традиционно. Всего в некрополе Гизы известно девять подобных случаев; практически все они датируются временем V–VI династий, когда происходит резкое уплотнение некрополя и под гробницы отводятся любые доступные участки скального массива. Сооружение дополнительных погребений в самих гробницах нередко приводило к тому, что погребальные шахты целиком испещряли массив мастаб, а в полу часовен скальных гробниц не оставалось свободных участков. В такой ситуации размещение ложных дверей на западной стене часовен для каждого отдельного погребения не всегда представлялось возможным. В итоге иногда ложная дверь намеренно размещалась не на западной стене, но в непосредственной близости к погребению, чтобы подчеркнуть связь между ними.

Ключевые слова: Древний Египет, Древнее царство, Гиза, скальная гробница, ложная дверь, часовня.

Для цитирования: Ветохов С.В. Нестандартное положение ложной двери в гробницах Гизы – строительная ошибка или вынужденная мера? *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 6–24. DOI: 10.31857/S086919080013935-5

NON-STANDARD POSITION OF THE FALSE DOOR IN GIZA TOMBS – A BUILDING MISTAKE OR A LEAST-EVIL SOLUTION?

© 2021

Sergey V. VETOKHOV ^a

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4507-9819; veto@list.ru

Abstract: *In the chapels of a number of tombs in the Giza necropolis, both rock-cut and stone (mastaba), the false door – the main place of worship of the tomb – is sometimes not located on the west wall. Given that the tradition of placing the false door precisely on the western wall had deep roots for centuries, these cases raise a legitimate question about the reasons for such an anomaly. But the paucity of examples, both in Giza and in other necropolises, made it difficult to conduct a broad analysis of this phenomenon.*

This question has been repeatedly raised in the literature, but it is still debatable. And after the discovery of new examples at the site of the Russian Archaeological Mission at Giza of the Institute of Oriental Studies, RAS (RAMG), it became necessary to return to this problem to analyze it, to structure and summarize the early information, to try to understand the nature of the occurrence of such cases.

A total of nine such cases are known in the Giza necropolis; all of them date from the time of the V–VI dynasties, when the necropolis is drastically compacted – and the tombs are occupied by any vacant space. It was not always possible to place false doors on the western wall of the chapels for each individual burial. As a result, sometimes the builders deliberately placed a false door not on the western wall but in the immediate vicinity of the burial to emphasise the connection between them.

Keywords: Ancient Egypt, Old Kingdom, Giza necropolis, rock-cut tomb, false door, chapel.

For citation: Vetokhov S.V. Non-standard position of the false door in Giza tombs – a building mistake or a least-evil solution? *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 6–24. DOI: 10.31857/S086919080013935-5

На протяжении всей древнеегипетской истории с момента возникновения организованного культового пространства возле погребений, а в дальнейшем изолированных часовен рядом с ними ложная дверь служила главным магическим местом погребального комплекса, связующим звеном между миром живых и мертвых, через которую дух усопшего мог выходить для принятия подношений. Форма ложной двери прошла значительный путь развития от простого отверстия между погребением и местом подношения жертвенных даров в Раннединастический период до многосоставного архитектурного элемента гробницы с надписями, изображениями и даже статуями к концу Древнего царства. Простейшая форма ложной двери состоит из ниши и барабана, имитирующей настоящую дверь со скрученным дверным занавесом из циновки. Но наиболее традиционный вид, используемый практически во всех мастабах IV–VI династии, включает в себя нишу, косяки по флангам, нижний и верхний архитрав и плакетку, на которой изображался хозяин гробницы, сидящий перед столом с подношениями (рис. 1, 1).

Ложная дверь являлась главным культовым местом в гробнице и всегда была ориентирована на запад, располагаясь на внутренней западной или на внешней восточной стене сооружения. Эта традиция идет еще из глубокой древности с момента возникновения

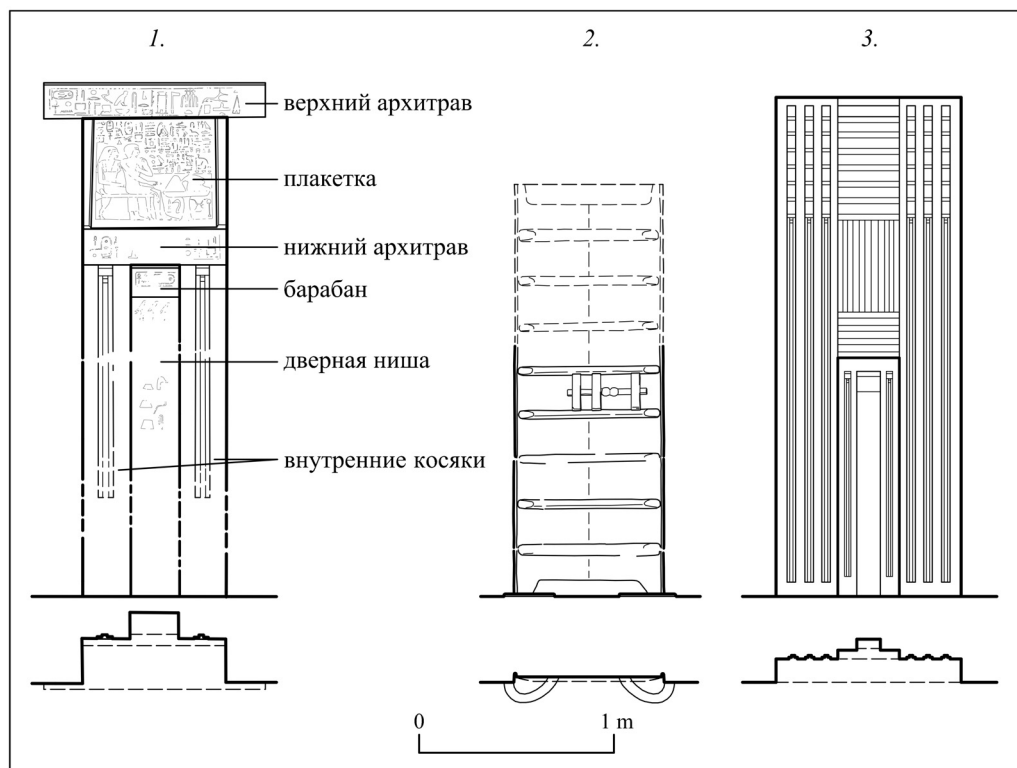

Рис. 1. Схемы различных типов ложных дверей: 1 – классический тип (южная ложная дверь на западной стене часовни скальной гробницы Хафраанха (G 7948)); 3 – детальная имитация настоящей двери (ложная дверь на южной стене помещения для *сердабов* в мастабе Сешемнефера II (G 5080) в Гизе, по: Junker, 1938, Abb. 34, S. 190); 2 – «дворцовый фасад» (ложная дверь на северной стене часовни скальной гробницы Каджедеда (Service tomb 1) (реконструкция)).

Fig. 1. Schematics of different types of false doors: 1 – classic type (southern false door on the western wall of the chapel of the rock-cut tomb of Khafraakh (G 7948)); 3 - detailed imitation of a real door (false door on the southern wall of the *serdab* room in the mastaba of Seshamnefer II (G 5080) in Giza, by: Junker, 1938, Abb. 34, S. 190); 2 – “palace facade” (false door on the northern wall of the chapel of the rock-cut tomb of Kadjeded (Service tomb 1) (reconstruction)).

первых прототипов часовен, где размещались жертвенные дары, а впоследствии после появления часовен осуществлялся поминальный культ.

Между тем встречаются единичные примеры ложных дверей, располагающихся не на западной, а на иных стенах часовни. Это особенно удивляет, когда совсем рядом – в этой же или соседней с ней гробнице – ложные двери размещаются как принято – на западной стене. Возникает вопрос – это ошибка, невнимательность или вынужденное и даже осознанное решение?

Естественно, в некрополе Гизы (и не только) многочисленны случаи, когда ориентация скальной часовни и, соответственно, месторасположение ложных дверей зависели от направления скалы, в которой она высечена. В таких случаях «западная» стена с ложными дверями могла оказаться ориентированной на северо-запад или юго-запад. Так, большинство

самых первых скальных гробниц в Гизе, относящихся к IV династии, не могут похвастать точной ориентацией – ее диктовала скала (например, LG 86, LG 87, LG 88, LG 89 и др.). Также в некрополе Гизы вряд ли можно говорить о попытке соориентировать сооружения на Нил подобно мастабам I династии в Северной Саккаре или в провинциальных центрах, поскольку самые первые скальные гробницы в Гизе (на Центральном плато) были построены в отвесной скале открытой каменоломни, где добывался камень для строительства пирамид Хуфу и Хафра, а поздние гробницы занимали все доступные участки скалы независимо от ее направления. Но нам для исследования важны те случаи, когда ложная дверь *осознанно* размещалась не на западной стене, тогда как в этой же или соседних гробницах другие ложные двери находятся на своем традиционном месте.

ПРИМЕРЫ НА ВОСТОЧНОМ ПЛАТО ГИЗЫ

Ложные двери, расположенные в часовне на иной стене кроме западной, достаточно редки для Гизы, где нам известно только о девяти подобных случаях – два на участке работ Российской археологической экспедиции ИВ РАН в Гизе на Восточном плато и еще семь по материалам раскопок Дж. Райзнера, Г. Юнкера и А.-М. Абу-Бакра.

На Восточном плато зафиксировано пять случаев размещения ложной двери не на западной стене: в скальных гробницах GE 69, GE 106, Каджедеда (Service tomb 1) и Небтихеркауз (G 7836), и в часовне мастабы G 7525.

Так, часовня скальной гробницы GE 69, имеющая в плане близкие к квадрату пропорции (3,20×2,57 м), содержит пять шахтных погребений и одну погребальную нишу, расположен-

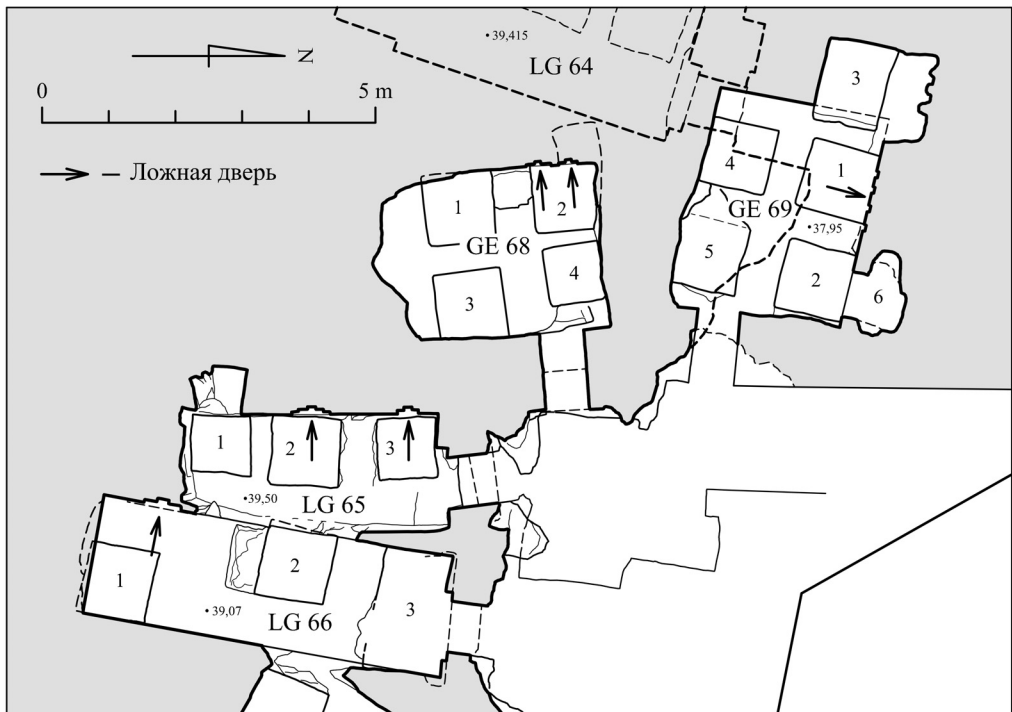

Рис. 2. План скальных гробниц LG 65, LG 66, GE 68 и GE 69.

Fig. 2. Plan of the rock-cut tombs LG 65, LG 66, GE 68, and GE 69.

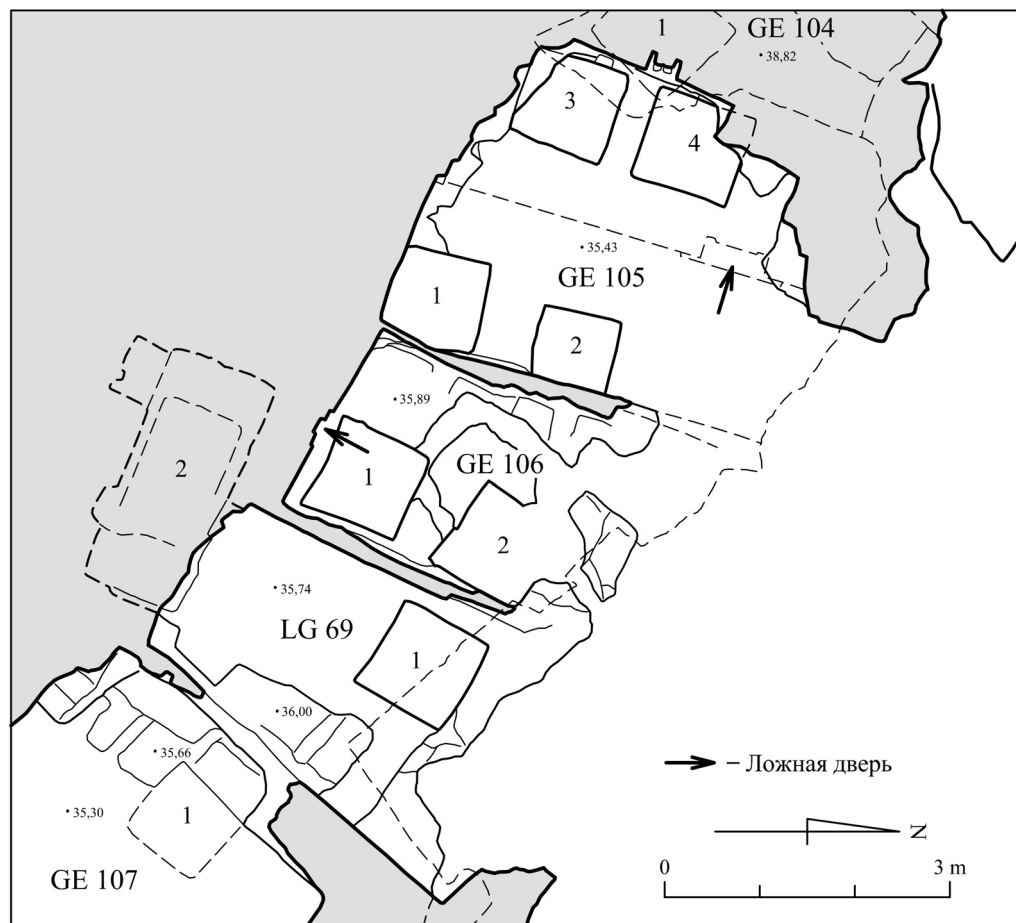

Рис. 3. План скальных гробниц LG 69, GE 105 и GE 106.
Fig. 3. Plan of the rock-cut tombs LG 69, GE 105, and GE 106.

ную на северной стене на высоте ок. 0,75 м от уровня пола (рис. 2). Часовни с подобными пропорциями в плане¹ не редки на Восточном плато. Например, часовня скальной гробницы GE 58 (3,50×3,20 м), содержащая четыре погребальные шахты и две погребальные ниши [Ветохов, 2016, с. 74, рис. 3, 2], или часовня GE 68 (3,20×2,57 м) с четырьмя шахтами и одной нишей и др. Как мы видим, при небольших габаритах часовен данные пропорции, приближенные к квадрату, позволили разместить достаточно большое количество шахтных и других погребений. Но при этом возникла другая задача – где располагать ложные двери для каждого из погребений? Так, на северной стене часовни GE 69 можно найти четыре небольшие ложные двери, объединенные одним архитравом с общей высотой 0,74 м. В случае с данной гробницей строители не могли не знать правильное направление на запад, поскольку во всех близлежащих гробницах ложные двери располагаются именно на западных стенах. Кроме того, непосредственно за северной стеной данной гробницы открывается вид на долину Нила, что никак не может быть направлением на «запад» как место упокоения

¹ Дж. Райзнером скальные гробницы с часовней, приближенной в плане к квадрату, отнесены к типу RC (VIb) и имеют достаточно широкую датировку – V–VI династия [Reisner, 1942, p. 244, 246].

умерших. Можно предположить, что ложные двери относятся к ближайшим шахтам (1 и 2) или даже к погребальной нише (6) и что строители намеренно расположили их как можно ближе к соответствующим погребениям.

Скальная гробница GE 106 настолько тесно зажата с запада и с востока между гробницами GE 105 и Каи (LG 69), что толщина скалы между часовнями едва достигает 5–15 см (рис. 3). Первоначально гробница имела вытянутую по оси север – юг часовню шириной 2,03 м и длиной, судя по размерам соседних с ней гробниц, ок. 4,20 м, но в результате природных катаклизмов ее северная стена была полностью разрушена. В полу часовни вдоль восточной стены находятся две шахты. Единственная ложная дверь в гробнице (шириной 38 см, высотой 135 см и глубиной 4–6 см) располагается на южной стене в непосредственной близости от шахты 1. Возможно, что именно для нее она и предназначалась, но возникает вопрос, только ли тонкая стена между соседней гробницей или удаленность западной стены от шахт послужили причиной размещения двери на южной стене? Известны также примеры, где шахты находятся не у западной стены рядом с ложными дверьми, а у восточной. Например, в часовне скальной гробницы GE 23 такое расположение шахт обеспечивает свободный подход к ложным дверям на западной стене для подношения жертвенных даров. Кроме того, ложные двери гробнице GE 23 напрямую соотносятся с погребальными камерами шахт, располагаясь непосредственно над ними². Вероятно, именно близость к шахте 1 или ее размещение над погребальной камерой (точное расположение которой мы не знаем, т.к. шахта не раскопана) в гробнице GE 106 стали причиной размещения ложной двери на южной стене. Несмотря на то, что все гробницы данного ряда имеют следы поздних перестроек, первоначально они сооружались одновременно. Из этого мы можем предложить относительную датировку скальной гробницы GE 106 по примыкающей к ней с востока гробнице LG 69, содержащей надписи и изображения, отнесенные Б. Портер и Р. Мосс к V–VI династиям [Porter, Moss, 1974, p. 211].

О конфигурации скальной гробницы Каджедеда (Service tomb 1) можно судить по плану, выполненному Николаем Мельниковым (Nicholas Melnikoff) еще в 30-х годах XX века (см. фото EG021031 в архиве Дж. Райзнера [EG021031]), по которому гробница имеет три помещения – центральное (А), вытянутое по оси запад – восток, и два боковых (В и С) (рис. 4). Помещения А и С помимо западной имеют ложные двери и на всех остальных стенах. Возможно, что боковые помещения (В и С) являлись погребальными камерами, поскольку шахтных погребений ни в одном из них не наблюдается (либо они не отражены на плане). На северной стене помещения А одна из ложных дверей выполнена в стиле «дворцового фасада» в виде ниши, покрытой рядом узких ниш, имитирующих внешние стены царского дворца додинастического и раннединастического периода (см. далее) (рис. 1, 3), но плохое общее состояние гробницы не позволяет с уверенностью говорить о стиле других дверей, включая двери на западной стене. Но частое расположение ложных дверей, их небольшая глубина и отсутствие плакеток дает нам возможность предположить, что они не были главными (см. далее) в гробнице в отличие от выделяющихся большей глубиной дверей, размещенных на западной стене.

Дж. Райзнер в своем неопубликованном дневнике предполагает, что Каджедед был сыном царя Менкаура, к правлению которого относится сооружение данной гробницы (конец IV династии). Таким образом, она была первой скальной гробницей на восточном склоне

² Но не всегда расположение ложной двери по оси погребальной камеры было возможно, тем более в условиях появления новых (дополнительных) погребальных шахт, где приходилось учитывать тесное соседство с другими скальными гробницами и погребальными камерами. Вследствие этого размещение ложной двери по оси погребальной камеры встречается нечасто.

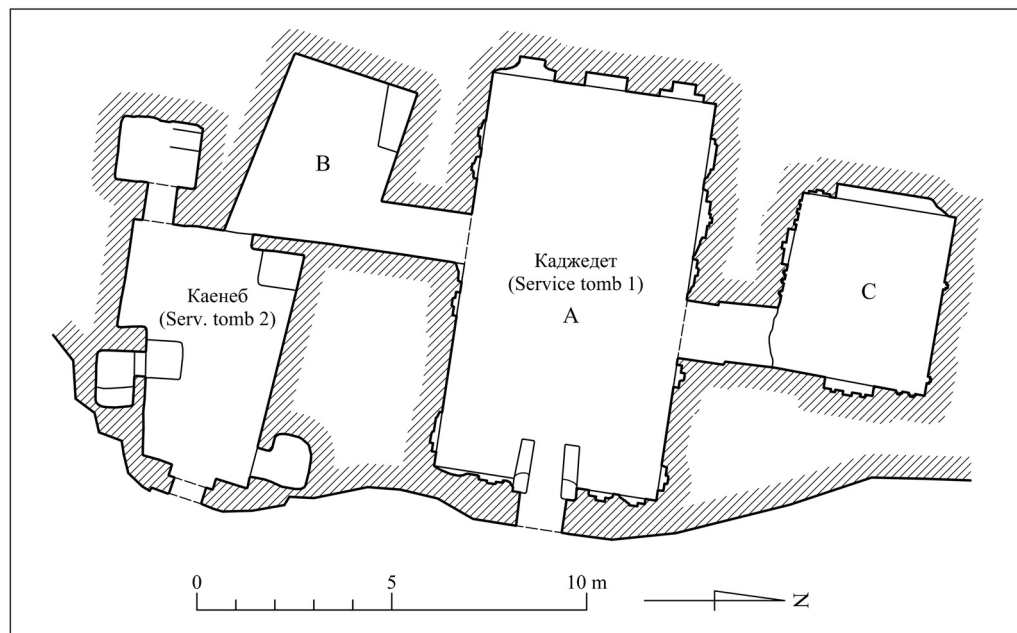

Рис. 4. План скальных гробниц Каджедеда (Service tomb 1) и Каенеба (Service tomb 2) (по рис. Николая Мельникова (Nicholas Melnikoff). См. фото EG021031 в архиве Дж. Райзнера).

Fig. 4. Plan of the rock-cut tombs Каджедеда (Service tomb 1) and Каенеба (Service tomb 2) (based on Nicholas Melnikoff's drawing. Photo EG021031 in the Reisner's archive).

(см. фото UM4469 в архиве Дж. Райзнера [UM4469]). Но М. Бо относит сооружение гробницы к концу IV династии (наиболее вероятно – царствование Менкаура или Шепсескафа) [Baud, 1999, p. 603], а Б. Портер и Р. Мосс к V династии [Porter, Moss, 1974, p. 211].

Скальная гробница Небтихеркаус (G 7836) имеет вытянутую по оси запад – восток часовню (1,60–2,0×3,20 м), одну погребальную шахту (A) и четыре погребальные ниши (B, C, D и E) (рис. 5). Дж. Райзнер в кратком описании этой гробницы упоминает про обрамленную стену (панель), врезанную в массив скалы в середине западной стены [Reisner, 1942, p. 243], но при этом ничего не говорит ни о ложной двери на северной стене, ни о жертвенных списках над нишами D и E (см. фото A7827_NS из архива Дж. Райзнера [A7827_NS]). Между тем на фотографии A7826_NS [A7826_NS] из того же архива мы видим, что на западной стене над нишей B располагается плакетка (которую, наверное, Дж. Райзнер и подразумевал, говоря о стеле), являющаяся верхней частью некогда существовавшей ложной двери, уничтоженной в более позднее время врезанным на ее месте проходом в нишу B. Таким образом, получается, что в гробнице первоначально была ложная дверь на западной стене, как раз возле единственной погребальной шахты (A), а погребения в нишах были врезаны позднее, как и относящаяся к ним ложная дверь в северной части сооружения. Примеры подобной узурпации, когда поверх ложной двери вырезается проход в погребальную нишу, на Восточном плато встречаются неоднократно (например, в скальных гробницах GE 65, LG 66 и др.). По эпиграфическим данным, Б. Портер и Р. Мосс датируют сооружение гробницы V династией [Porter, Moss, 1974, p. 206]. Между тем следует иметь в виду, что эти надписи относятся к погребальным нишам, являющимся поздней врезкой в ранее сооруженной гробнице.

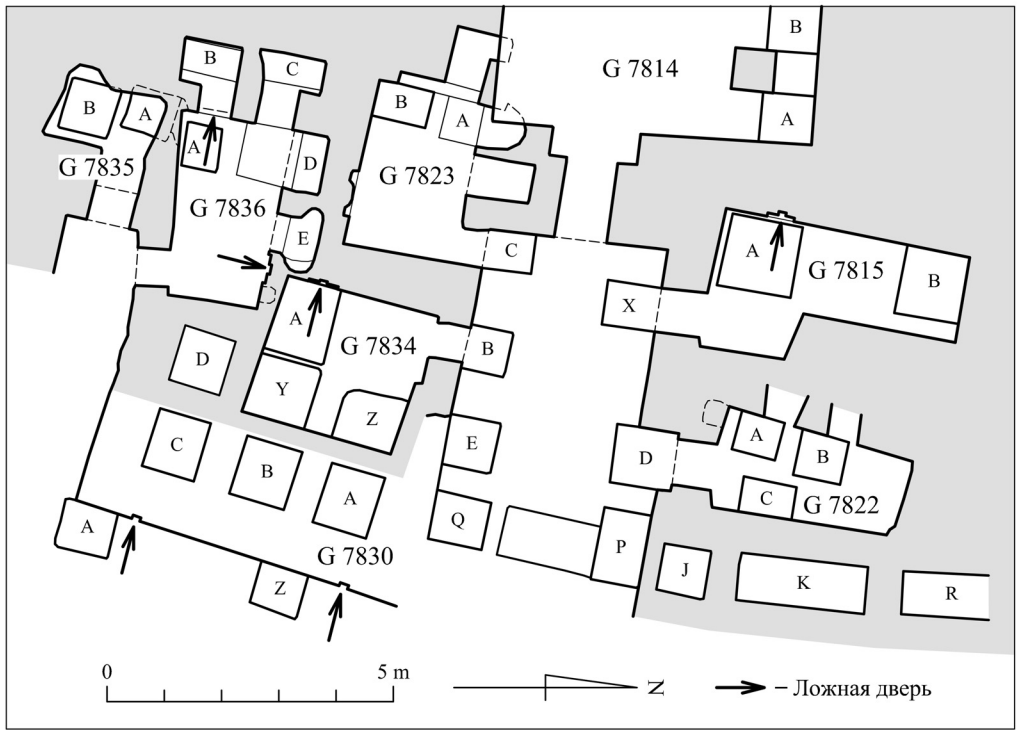

Рис. 5. План скальных гробниц G 7815, G 7814, G 7822, G 7823, G 7834, G 7835 и G 7836 (по: рис. Ноэля Ф. Вилера (Noel F. Wheeler). См. фото HUMFA_EG000595 в архиве Дж. Райзнера).
Fig. 5. Plan of the rock-cut tombs G 7815, G 7814, G 7822, G 7823, G 7834, G 7835, and G 7836 (based on Noel F. Wheeler's drawing. Photo HUMFA_EG000595 in the Reisner's archive).

Часовня мастабы G 7525 частично сложена из обработанных каменных блоков (южная и восточная стены), а частично вырезана в той же материковой скале, что и гробница Мересанх III (G 7530), к которой она примыкает с восточной стороны (рис. 6). Ложная дверь общей высотой с архитравом ок. 1,77 м и шириной без архитрава 1,04 м располагается на северной стене часовни (2,02×1,37 м). Можно предположить, что ложная дверь относится к шахте А, расположенной сразу за ней, но возникает вопрос: что помешало разместить эту дверь на западной стене часовни? Возможно, при расположении на западной стене, являющейся одновременно внешней стеной часовни Мересанх III, ее принадлежность к шахте А перестала бы быть столь очевидной. У данной ложной двери можно выделить две особенности: четыре широких косяка – два внутренних (по 17,5 см) и два внешних (по 25 см) – и небольшая общая глубина (8,5 см). Тенденция к уменьшению глубины ложной двери проявляется при V династии, но примеры с очень небольшой глубиной встречаются ближе к концу VI династии [Reisner, 1942, р. 379]. Двойные косяки характерны как для IV, так и для V династии, но увеличение их ширины – характерный признак именно для VI династии, когда возрастает количество надписей на них [Hassan, 1944, р. 82–83, 134, 178]. Следует иметь в виду, что форма ложной двери и ее проработка в значительной степени зависела от средств владельца гробницы, поэтому данные датировки носят приблизительный характер.

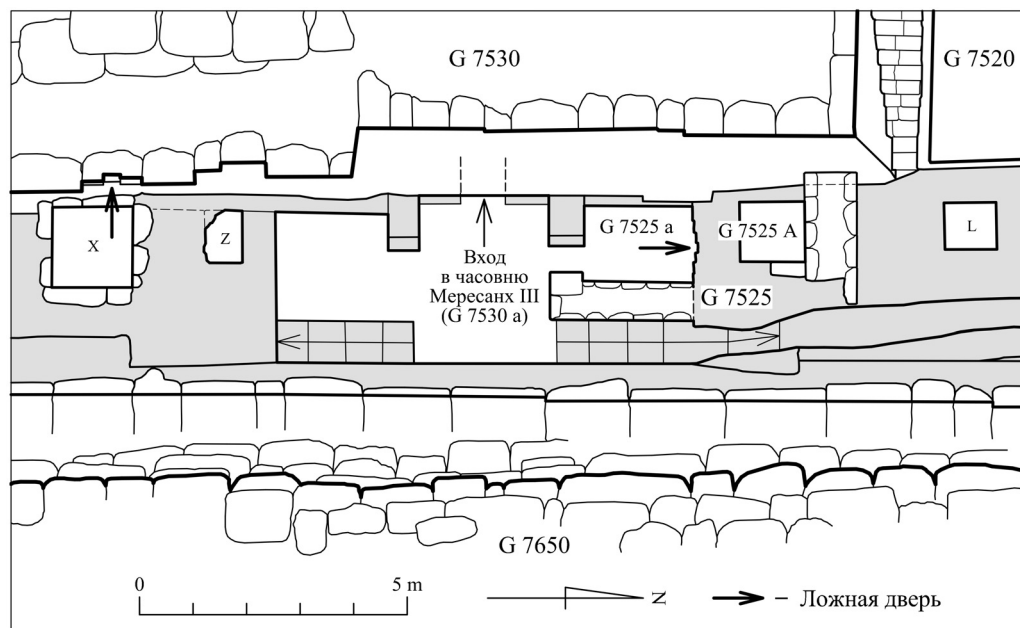

Рис. 6. План мастабы G 7525 возле входа в скальную гробницу Мересанх III (G 7530) (по рис. Александра Фролова (Alexander Froloff). См. фото HUMFA_EG000575 в архиве Дж. Райзнера).
 Fig. 6. Plan of the mastaba G 7525 near the entrance to the rock-cut tomb of Meresankh III (G 7530) (based on Alexander Froloff's drawing). Photo HUMFA_EG000575 in the Reisner's archive).

ПРИМЕРЫ НА ЗАПАДНОМ ПЛАТО ГИЗЫ

Остальные четыре известных нам примера располагаются на Западном плато Гизы: в скальной гробнице Анху; в часовне, примыкающей с юга к мастабе Сенесена; в часовне мастабы к западу от мастабы D 25 и в часовне мастабы Ису и Мешеду.

Скальная гробница Анху [Abu-Bakr, 1953, p. 95–96], имеющая квадратные пропорции в плане (2,40×2,40 м), содержит две погребальные шахты и три погребальные ниши в стенах (в двух были обнаружены останки погребений) (рис. 7). В часовне имеется три ложные двери, две из которых на западной стене, а одна – в восточной части южной стены [Abu-Bakr, 1953, fig. 82]. Погребальная шахта 100 в юго-восточном углу осталась незавершенной, поэтому можно предположить, что ложная дверь в южной части западной стены, как наиболее проработанная (с верхним и нижним архитравами, плакеткой, барабаном и двумя косяками), относилась не к ней, а к расположенной в юго-западном углу часовни шахте 101, в которой было обнаружено погребение, закрытое каменными блоками. И, следовательно, ложная дверь на южной стене, представляющая собой простую нишу с барабаном, относилась к погребальной нише, находящейся за ней. Таким образом, как мы уже видели ранее в других скальных гробницах, для поздних погребений в нишах, вырезанных в стенах часовен, был не большой выбор: расположить новую ложную дверь на западной стене, удаленной от погребения и не относящейся к ней со всей очевидностью, или разместить ее рядом, но не на западной стене, как в гробницах GE 69 и GE 106.

Небольшая каменная часовня, примыкающая с юга к мастабе Сенесена [Junker, 1950, S. 83–90], имеет всего одну ложную дверь на северной стене, относящуюся, по мнению

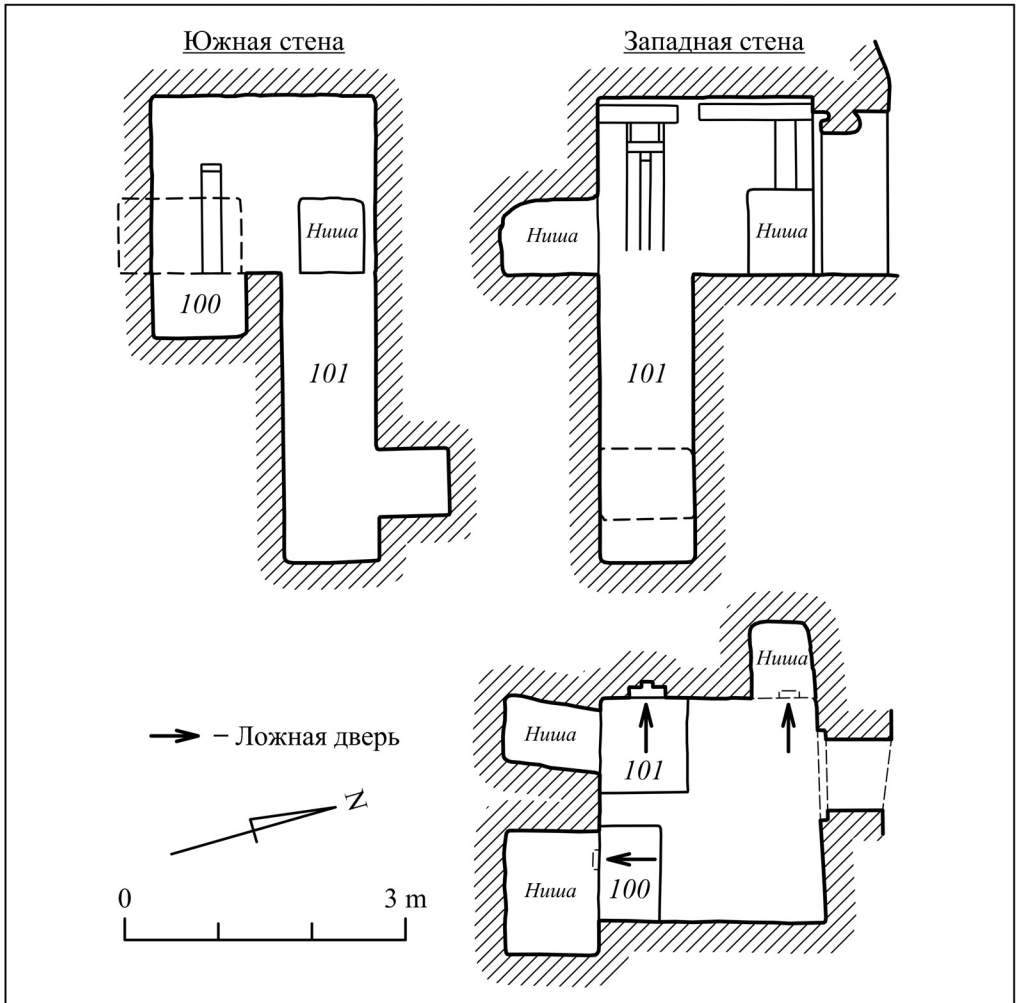

Рис. 7. Скальная гробница Анху (по: Abu-Bakr, 1953, fig. 82, 84).

Fig. 7. Rock-cut tomb of Ankhu (from: Abu-Bakr, 1953, fig. 82, 84).

Г. Юнкера, к находящейся к юго-востоку от нее шахте 2442 [Junker, 1950, S. 84] (рис. 8). Действительно, небольшая мастаба, содержащая в своем теле три погребальные шахты (2441, 2442 и 2446), примыкает с юга к мастабе Сенесена, но вероятнее, что данная ложная дверь относится к шахте 2189 мастабы Сенесена, на которую она ориентирована [Junker, 1950, S. 85, Abb. 34, 35]; по форме и размеру она схожа с ложной дверью на восточной внешней стене этой же мастабы. Б. Портер и Р. Мосс относят сооружение мастабы Сенесена к позднему периоду Древнего царства [Porter, Moss, 1974, p. 118].

К мастабе D 25 с запада примыкает группа мастаб с большим количеством шахтных погребений в каждой из них [Junker, 1950, Abb. 55] (рис. 9). Плотность шахт такова, что те небольшие пространства между мастабами, которые были превращены в культовые часовни, были не в состоянии физически вместить ложные двери для каждого отдельного шахтного погребения. Многие ложные двери здесь относятся еще к первоначальной стадии сооружения мастаб, когда шахт в них было немного. Но позднее врезка новых шахт приняла

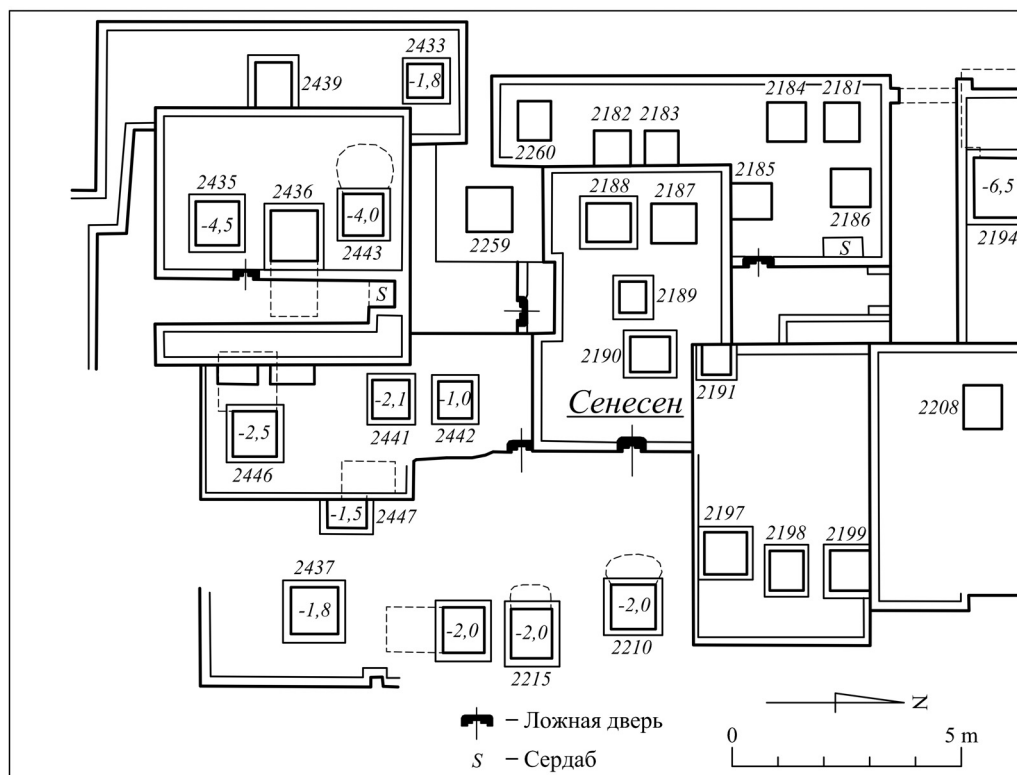

Рис. 8. Ложная дверь на северной стене небольшой каменной часовни к югу от мастабы Сенесена (без номера) на Западном плато некрополя Гизы (по: Junker, 1950, Abb. 34, 35).

Fig. 8. False door on the north wall of a small stone chapel to the south of the Senesene mastaba (unnumbered) on the Western Plateau of the Giza necropolis (from: Junker, 1950, Abb. 34, 35).

лавинообразный характер, в результате чего не осталось места, чтобы сделать ложную дверь для каждой новой шахты. Одна из таких мастаб S 2560/2562, содержащая 5 шахтных погребений, имеет узкую часовню шириной не более 1 м и только три ложных двери, одна из которых размещена на южной стене часовни. Скорее всего, данная ложная дверь относится к шахте (без номера), расположенной непосредственно за ней, но интересна одна деталь – ложная дверь на южной стене тесно соседствует с дверью на западной стене, с которой она имеет единое углубление в полу (бассейн) для жертвенных возлияний. Другими словами, обе двери, судя по всему, устанавливались в одно время, и мастера прекрасно понимали, где расположен запад, но все равно осознанно установили дверь на южной стене.

Мастаба Ису и Мешеду (без номера) содержит девять шахтных погребений, но ее небольшая часовня (ок. 3,10×1,0 м), не имевшая пространства для расширения, вероятно, имела всего три ложных двери (рис. 10). В южной части западной стены и у южной стены обнаружены два жертвенных бассейна, вероятно, первоначально располагавшихся у впоследствии утраченных ложных дверей. А в северной части западная стена разрушена, поэтому о существовании третьей ложной двери можно только предполагать [Junker, 1951, S. 141–142]. Таким образом, мы имеем ситуацию идентичную с мастабой S 2560/2562, когда строителям пришлось расположить место для приношений у южной стены из-за желания

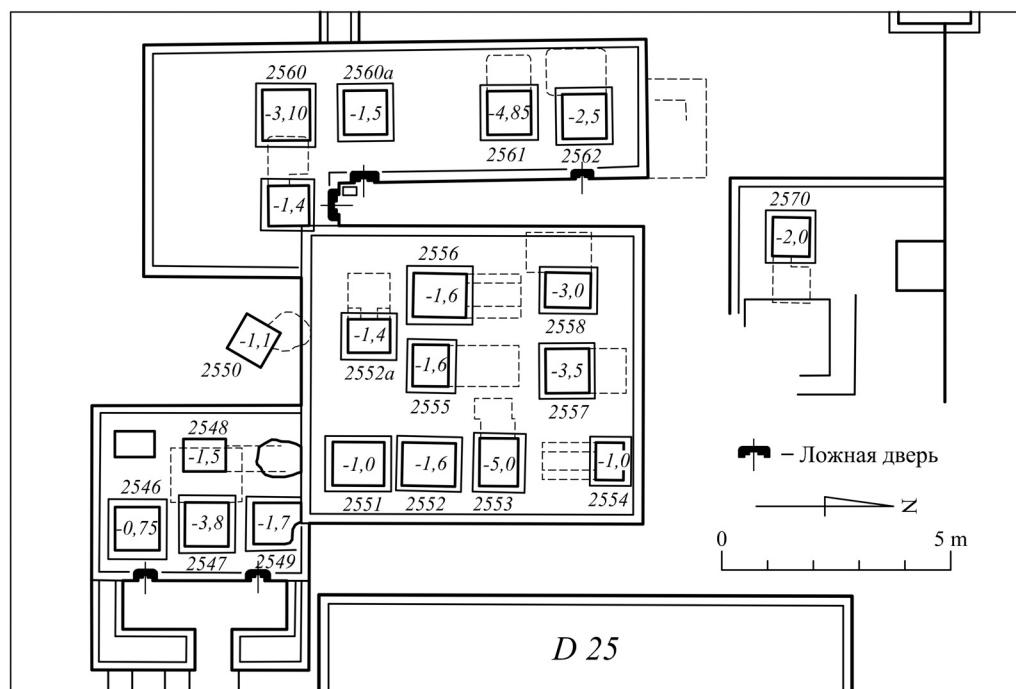

Рис. 9. Планы небольших мастаб к западу от мастабы D 25 на Западном плато некрополя Гизы (по: Junker, 1950, Abb. 55).

Fig. 9. Plans of small mastabas west of mastaba D 25 on the Western Plateau of the Giza necropolis (from: Junker, 1950, Abb. 55).

разместить его в непосредственной близости от шахт (3 или 98). Б. Портер и Р. Мосс относят сооружение мастабы Ису и Мешеду к VI династии [Porter, Moss, 1974, p. 218].

Рассмотрев известные нам случаи в некрополе Гизы, мы видим, что строительство всех этих гробниц относится ко второй половине Древнего царства (V–VI династиям), когда происходит активное уплотнение некрополя за счет новых небольших гробниц, приспособляющихся к сложившейся ранее ситуации. Кроме того, практически во всех примерах строители имели представление о реальном направлении на запад, как по расположенным рядом гробницам, так и по уже существующим ложным дверям в данных гробницах, но почему-то решили разместить дверь вопреки сложившейся традиции. Учитывая, что ложная дверь тесно связана с возникновением и функционированием культовой часовни, попробуем разобраться в данном вопросе через историю появления и развития самой часовни.

ЧАСОВНЯ И ЛОЖНАЯ ДВЕРЬ. ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Всегда, когда это было возможно, некрополи еще с Додинастического периода располагались на западном берегу Нила, между нильской долиной и пустыней – на границе между миром живых и царством мертвых [Verner, 2002, p. 30; Ikram, 2015, p. 140]. Такое расположение укладывается в естественную аналогию с солнцем, восходящим (зарождающимся) на востоке и заходящим (умирающим) на западе. Безусловно были ситуации, по разным причинам вынуждавшие размещать некрополь на восточном берегу [Saad, 1969,

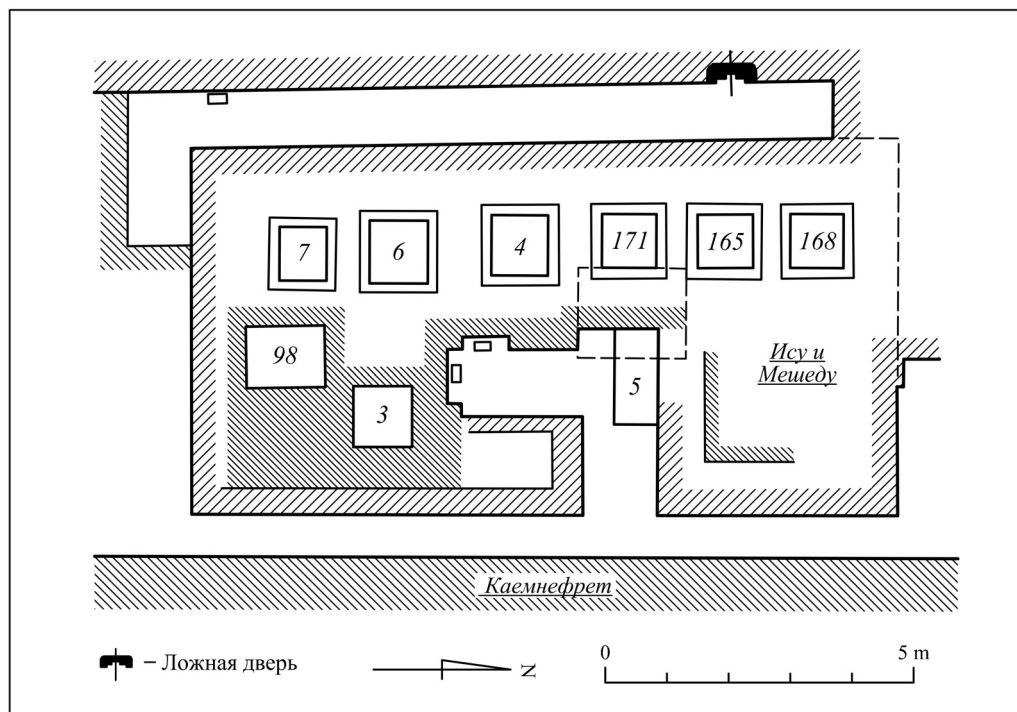

Рис. 10. Ложная дверь на южной стене часовни мастабы Ису и Мешеду (без номера), находящейся в непосредственной близости к северу от мастабы Каемнефрета (Mastaba III / GIS No. 2) (по: Junker, 1951, Abb. 50).

Fig. 10. False door on the south wall of the chapel of the mastaba of Isu and Meshedu (unnumbered), located in the immediate north of the mastaba of Kaemnefret (Mastaba III / GIS No. 2) (from: Junker, 1951, Abb. 50).

р. 77; Ikram, 2015, p. 141]. Таким образом, если некрополь расположен на западном берегу, то логично, что место культа, обращенное к миру живых, – на восточном. Хотя, например, согласно астральным представлениям, доминировавшим при III династии, царь после его смерти становился никогда не заходящей околополярной звездой³ [Verner, 2014, p. 233–234], в результате чего в царской архитектуре культовые сооружения ориентировались по линии север – юг, когда припирамидный храм располагался с северной стороны пирамиды⁴.

Так, примером заметных изменений в погребальной архитектуре I династии является мастаба S 3505 в Северной Саккаре, датируемая концом I династии и являющейся гробницей, по предположению У. Эмери, царя Каа [Emery, 1958, p. 5]. Три внешних стены мастабы (северная, восточная и южная) декорированы рядом многогранных ниш, символизирующих стены царского дворца (см. далее), а с северной стороны от нее расположен поминальный храм, состоящий из лабиринта комнат и коридоров, фактически являющийся прототипом припирамидных храмов более поздних периодов [Emery, 1972, p. 88,

³ Имеются ввиду звезды, входящие в незаходящие созвездия околополярной области небесной сферы, которые никогда не заходят за горизонт в течении всего года.

⁴ Например, в пирамиде Джосера припирамидный храм располагался с севера, а ложные двери на западной стене, но в подземных камерах.

90]. Но уже при царе Снофру, основателе IV династии, происходит усиление солярных представлений и реорганизация царского пирамидного комплекса, когда долинный храм, припирамидный поминальный храм и пирамида выстраиваются по оси восток – запад, следуя движению солнца по небосводу [Verner, 2014, p. 236; Ikram, 2015, p. 153–154; Bárta, 2019, p. 85].

Появление первой проточасовни датируется периодом I династии (ок. XXXI–IXXX вв. до н.э.), когда к гробнице было добавлено отдельное место для поминального культа. Так, в некрополе Тархан между Фаюмским оазисом и Нильской долиной Ф. Питри и Г. Вейнрайт обнаружили семь небольших погребений в виде мастаб из сырцового кирпича, относящихся ко времени завершающей фазы культуры Нагада (ок. 3000 г. до н.э.), у которых к одному из концов западной или восточной стены (в зависимости от положения погребенного) было пристроено место культа в виде невысокой кирпичной ограды с проходом. Между мастабой и часовней как раз напротив лица погребенного располагалось по два небольших вертикальных отверстия, через которые происходила символическая коммуникация между погребенным и приносящим жертвенные дары в часовню [Reisner, 1936, p. 11–12, 239–241; Bárta, 2011, p. 29]. Первая проточасовня не имела строгой ориентации, располагаясь с западной или с восточной стороны мастабы в зависимости от того, на какой бок был уложен погребенный, но она продемонстрировала связь между местом приношения жертвенных даров и лицом погребенного, проходящую через отверстия, которые можно назвать прототипами ложных дверей.

По мнению Дж. Райзнера, в додинастический период, несмотря на то что в большинстве известных случаев тело погребенного укладывалось на левый бок лицом на запад – место богов потустороннего мира (Анубиса, Осириса и др.) – это не было повсеместным, а нередко зависело от топографии местности или наличия поблизости погребения царя, но при этом лицом к месту подношения жертвенных даров [Reisner, 1936, p. 12].

В дальнейшем (в конце I – начале II династии), на небольших мастабах вместо двух отверстий появляются две неглубокие ниши, имеющие одинаковые размеры и расположенные у противоположных концов восточной стены. А уже при III и IV династиях большинство небольших мастаб в некрополях Саккары и Гизы в Нижнем Египте, а также Нага-эд-Дер и Регагнаха в Верхнем Египте имеют две ложные двери, где южная больше северной [Reisner, 1936, p. 241–242]. О том, что именно южная ложная дверь являлась главным местом культа, говорит не только ее больший размер у большинства мастаб, но и обнаружение возле нее жертвенных даров, например, у мастабы S 3503 в Саккаре [Bárta, 2011, p. 68], относящейся к I династии, а также то, что именно она располагалась ближе к погребению (к южной шахте – шахте хозяина гробницы). Далее получит развитие форма ложной двери и культовой часовни, но традиция размещения главной ложной двери в южной части западной стены часовни и напротив погребения уже устоялась.

ТИПЫ ЛОЖНЫХ ДВЕРЕЙ

Любая ложная дверь независимо от ее месторасположения, формы и стиля исполнения, менявшегося на протяжении всего Древнего царства, предназначалась для «выхода» из нее *ка* (двойника) хозяина гробницы, поскольку имитация настоящей двери говорит о назначении ей подобных функций. Между тем среди всех ложных дверей можно выделить двери, являвшиеся главным культовым местом в гробнице, перед которыми осуществлялся поминальный культ и через которые «выходил» двойник хозяина гробницы для принятия жертвенных даров (рис. 1, I). Такие двери, как правило, располагались на западной стене.

Так, самый ранний из известных примеров декорирования ложной двери был обнаружен в мастабе чиновника III династии Хесира в Северной Саккаре, относящейся ко време-

ни правления царя Джосера. Вдоль всей восточной части мастабы размещалась часовня коридорного типа, на западной стене которой располагалось 11 ниш, украшенных деревянными панелями с изображением Хесира и его титулами [Bárta, 2011, p. 113]. Другой знаковой находкой, относящейся к тому же историческому периоду, было обнаружение в мастабе чиновника Хетепи в Абусире небольшой встроенной часовни в ее юго-восточном углу, каменный фасад которой, ориентированный на восток, был декорирован рельефным изображением сидящего Хетепи перед столом для подношений. Помимо титулов хозяина на рельефе был прописан перечень подношений [Bárta, 2011, p. 117].

Другие ложные двери в гробнице так же, как и первые, предназначались для выхода двойника, но не являлись главными культовыми местами в гробнице, хотя перед ними могли осуществляться ритуальные действия. К такому типу можно отнести ложные двери, в деталях имитирующие настоящие, и двери, стилизованные под «дворцовый фасад» (рис. 1, 2, 3). Например, в мастабе Сешемнефера II (G 5080) в Гизе, относящейся к V династии, помимо часовни с двумя ложными дверьми на западной стене – главного культового места в гробнице – с ее южной стороны размещалась пристройка с вытянутым помещением, с трех сторон которого располагалось девять небольших изолированных камер (*сердабов*) со статуями (рис. 11). Из *сердабов* в помещение вели небольшие окошки в виде горизонтальных щелей, через которые *ка* Сешемнефера II мог наблюдать за происходящим в помещении, по-видимому, предназначенным для приема посетителей. Кроме того, южная стена помещения была декорирована пятью ложными дверьми, в деталях имитирующих настоящие двустворчатые двери с исполненными в камне ребрами жесткости (поперечинами), углублениями в полу для ее монтажа и засовом (см. реконструкцию [Junker, 1938, Abb. 34, S. 190]) (рис. 1, 2), а северная стена – семью ложными дверьми, стилизованными под «дворцовый фасад». Таким образом, ложные двери на южной и северной стенах, раз-

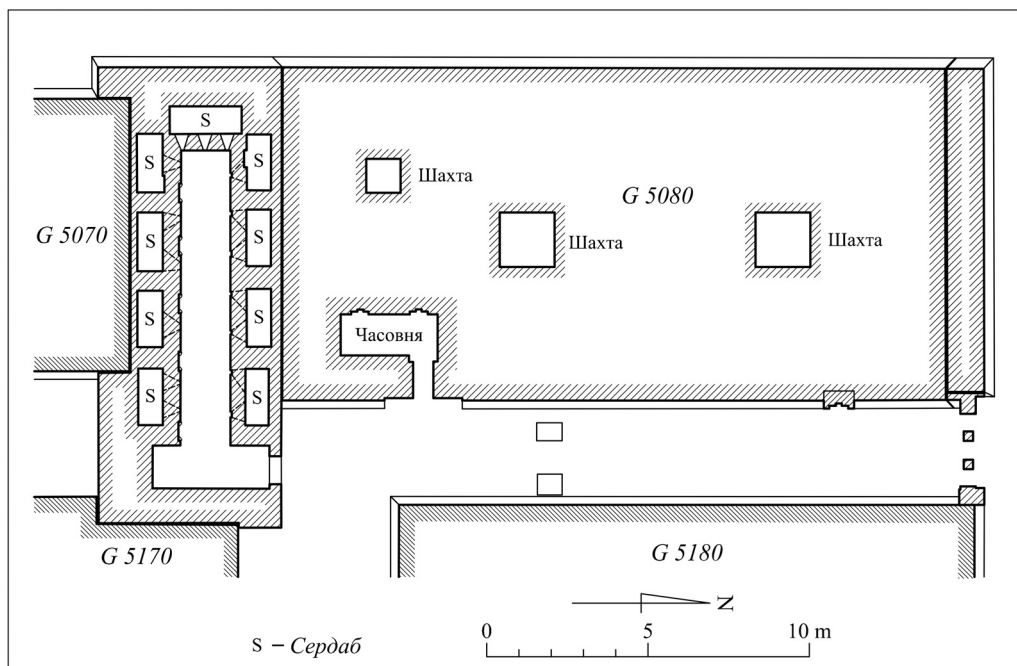

Рис. 11. План мастабы Сешемнефера II (G 5080) (по: Junker, 1938, Abb. 33; Kanawati, 2002, pl. 58)
Fig. 11. Plan of the mastaba of Seshemnefer II (G 5080) (from: Kanawati, 2002, pl. 58; Junker, 1938, Abb. 33).

мещенные не в основной часовне, не являлись главными культовыми порталами, что и объясняет их расположение не на западной стене.

«Дворцовый фасад» в виде череды ложных дверей зародился еще при I династии [Reisner, 1936, p. 243; Arnold, 2003, p. 89], когда царские мастабы с трех или четырех сторон украшались рядом многогранных перспективных ниш, символизирующими (или имитирующими) стены царского дворца⁵ додинастического и раннединастического периода (рис. 1, 3). Но начиная с III династии одновременно с уменьшением количества ниш на восточной стороне мастаб главная и дополнительная ложные двери стали выделяться за счет заглубления и постепенно превратились в часовни для жертвенных приношений [Arnold, 2003, p. 89–90]. Позднее при IV–V династиях тема «дворцового фасада» находит отражение и внутри часовен, представляя череду узких вертикальных ниш с небольшими барабанами, покрывавшими западные и другие стены. А уже при VI династии «дворцовый фасад» появляется на стенах погребальных камер и на саркофагах [Hassan, 1944, p. 164].

Как промежуточный итог мы можем отметить, что ложная дверь как главное культовое место в гробнице, пройдя значительный путь развития от простой ниши до сложного архитектурного элемента, уже начиная с I династии была ориентирована на запад, размещаясь, как правило, в юго-восточном углу сооружения – на внешней восточной стене мастабы или на западной стене часовни, примыкающей к мастабе. Устойчивость данной традиции на протяжении всего раннединастического периода и эпохи Древнего царства основывалась на сформировавшихся еще в Додинастическую эпоху представлениях о местоположении загробного мира на западе, как противопоставление миру живых на востоке. Обнаруженные нами примеры отклонений от этой традиции в некрополе Гизы относятся к сооружениям, имеющим широкую датировку – V–VI династия. Но какие причины и какие изменения в мировоззрении древних египтян во второй половине – конце Древнего царства могли привести к ломке традиции расположения ложной двери?

Конечно, выстроить стройную систему развития древнеегипетских представлений о загробном мире на протяжении Древнего царства и их отражения в культовых сооружениях представляется сложнейшей задачей, вероятно, и не совсем нужной для нашего исследования. Поскольку мы имеем дело не с массовым явлением, то следует с большой осторожностью усматривать в малочисленных примерах изменение традиций и мировоззрений. Скорее, причину появления рассматриваемых случаев следует искать в другой плоскости – возможно, в общей экономической и политической ситуации, складывающейся во второй половине – конце Древнего царства.

Так, показательный пример, отражающий политическую ситуацию в стране того времени, можно наблюдать в гробнице Инти в Саккаре, относящейся к VI династии, в погребальной камере которой на глубине 22 метра от уровня пола часовни с восточной стороны от саркофага размещалась каменная ложная дверь. Убранство двери состояло из списков основных подношений, необходимых для принесения в жертву духу умершего, и молитв, призванных обеспечить его безмятежное существование в потустороннем мире. По мнению М. Барты, ответ на такое необычное расположение ложной двери нужно искать в политической ситуации в египетском государстве конца Древнего царства, когда в обществе нарастал кризис: высокопоставленные чиновники узурпировали все больше и больше власти, стремились к неограниченному обогащению, не брезгуя даже грабежом гробниц. Естественной реакцией владельцев было спроектировать погребение таким образом, чтобы оно могло обеспечить загробное существование духа умершего, даже если часовня

⁵ Дж. Райзнер полагал, что форма ложных дверей в виде «дворцового фасада» была взята из жизни и имитировала обычные ложные двери или большие парадные дверные проемы, но в целом это не было изображением дома или дворца [Reisner, 1936, p. 245].

перестанет функционировать. Поэтому в погребальной камере Инти появилась каменная стела в виде ложной двери со списком подношений, обеспечивающим существование в потустороннем мире, которую можно рассматривать как переходную форму, когда надписи с жертвоприношениями стали размещать на внутренней и внешней сторонах саркофага [Bárta, 2005, p. 4; 2011, p. 250–251]. По этой же причине, например, при VI династии сердабы начали размещать в стенках шахт (гробницы Нилепи и Ичети в Саккаре) [Ветохов, 2016, с. 81].

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Мало кто из исследователей отмечает случаи нетрадиционного расположения ложных дверей, а еще реже – объясняет возможные причины такого решения. Например, на подобные случаи обращает внимание в своей работе С. Хассан, но попытку разобраться в этом вопросе мы находим только в работах двух авторов – А.О. Большакова и Дж. Такеношиты. Так, С. Хассан в 5 томе своей работы, посвященном раскопкам в Гизе в 1933–1934 гг., проводит многосторонний анализ 504 ложных дверей из более чем 344 погребений от архаичного периода (I–II династии) до конца Древнего царства, но все они располагались на западной стене [Hassan, 1944, p. 65–180]. Это достаточно показательно говорит о редкости подобных случаев, являющихся скорее аномалией, чем тенденцией. Между тем С. Хассан, отмечая, что еще с конца архаичного периода расположение ложной двери в интерьере всегда было на западной стене часовни, приводит четыре примера скальных гробниц в Дейр эль-Гебрави в Верхнем Египте, относящихся к VI династии, где имеются отклонения от этого правила. В целом ряде скальных часовен ложные двери помимо западной стены размещаются на северной, южной или восточной стенах. А, например, в гробнице Хенку ложные двери размещены вообще на всех четырех стенах [Davies et al., 1902, Pl. XXII]. С. Хассан не пытается проанализировать эти примеры, он только отмечает, что данной особенности не следует придавать слишком большое значение, поскольку она носит строго локальный характер [Hassan, 1944, p. 166, 179].

Но мы отметим несколько моментов. Во-первых, данные ложные двери размещаются в непосредственной близости к проходам в погребальные камеры, демонстрируя свою принадлежность именно к этим погребениям. Во-вторых, можно отметить, что многие ложные двери в данных часовнях, в отличие от тех, что расположены действительно на западной стене, – совсем небольшие и размещены под занимающими большую часть стен изображениями как второстепенные элементы, дополняющие изобразительное оформление.

Проблематика мировоззрения человека эпохи Древнего царства глубоко отражена А.О. Большаковым в его работе «Человек и его двойник», где на материале гробничных настенных изображений выявляется смысл категории *ка*, а также поднимается проблема ложной двери как главного культового места в гробнице [Большаков, 2001]. Автор касается термина «запад» (*jmnt*) – места будущей жизни человека (не царя), отмечая, что такое представление, действительно, могло существовать на раннем этапе и что его реликтами, видимо, являются ориентация культовых помещений гробниц, расположение ложной двери на западной стене и т.д. Но он приходит к выводу о том, что в эпоху Древнего царства понятие *jmnt* перестает быть связанным с географическим западом, приводя в пример ложные двери не на западной стене в уже упоминавшихся нами выше мастабах на Западном плато некрополя Гизы, опубликованных Г. Юнкером, а также примеры из провинциальных скальных гробниц (в Меире, Каср эс-Сайиде и др.), где расположение и планировка определялись в первую очередь ориентацией обрыва скалы, пригодной для высечения [Большаков, 2001, с. 38–39, 221].

Анализ размещения ложных дверей не на западной стене в скальных гробницах Дейр эль-Гебрави мы находим и в работе Дж. Такеношиты, посвященной социальным функциям ложных дверей в нецарской погребальной культуре с примерами из Первого переходного периода и Среднего царства [Takenoshita, 2011]. Автор полагает, что расположение дополнительных ложных дверей в гробнице, размещенных кроме западной и на других стенах, указывает на их нерелигиозные функции, а скорее, как на символ социального статуса, демонстрирующего богатство и высокое социальное положение владельца, а также они могут являться указателем места погребения [Takenoshita, 2011, p. 92, 93].

В итоге, учитывая совсем небольшое количество случаев размещения ложной двери не на западной стене в некрополе Гизы, назвать это тенденцией было бы неверным. Скорее, эта деталь – штрих в общем ходе инновационных изменений в архитектуре второй половины Древнего царства. Таких, например, как массовое расположение входа в часовни не с востока, появление новых типов скальных гробниц, расширение ранее построенных и др.

На фоне лавинообразного разрастания некрополя Гизы к концу Древнего царства, когда увеличивалась плотность размещения скальных гробниц, мастаб, и, соответственно, шахтных погребений в них, наиболее красноречивым является как раз отсутствие массового появления ложных дверей на иных кроме западной стенах, говорящее об устойчивой или, скорее, даже строгой культовой связи ложной двери с западной стеной. Но в редчайших случаях там, где было необходимо обозначить принадлежность ложной двери к конкретному погребению, ее размещали максимально близко к нему, даже если ее расположение в часовне шло вразрез с традицией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Большаков А.О. *Человек и его двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства*. СПб: Алетейя, 2001 [Bolshakov A.O. *Man and His Doppelganger. Fine Arts and Worldview in Egypt of the Old Kingdom*. Saint Petersburg: Aletheia, 2001 (in Russian)].

Ветохов С.В. Ниши в египетских скальных гробницах Гизы эпохи Древнего царства как датирующий признак. *Вестник НГУ*. 2016. Т. 15. № 5. С. 70–84 [Vetokhov S.V. Niches in Egyptian Old Kingdom Rock-Cut Tombs of Giza as the Dating Feature. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 2016. Vol. 15. No. 5. Pp. 70–84 (in Russian)].

A7826_NS. *Digital Giza. The Giza Project at Harvard University* <http://giza.fas.harvard.edu/photos/18305/full/> (accessed: 15.07.2021).

A7827_NS. *Digital Giza. The Giza project at Harvard University* <http://giza.fas.harvard.edu/photos/18306/full/> (accessed: 15.07.2021).

Abu-Bakr A.-M. *Excavations at Giza 1949–1950*. Cairo: Government Press, 1953.

Arnold D. *The Encyclopedia of Ancient Egyptian Architecture*. Princeton: Princeton University Press, 2003.

Bárta M. A New Gate to the Netherworld. *Studies in Honor of Ali Radwan, Supplement to the Annales du Service des Antiquités de l’Égypte*. Eds. Daoud K., Bedier S., Abd El-Fatah S. No. 34/1. Cairo: Supreme Council of Antiquities, 2005. Pp. 1–9.

Bárta M. *Journey to the West: The World of the Old Kingdom Tombs in Ancient Egypt*. Prague: Charles University in Prague, 2011.

Bárta M. *Analyzing Collapse: The Rise and Fall of the Old Kingdom*. Cairo – New York: The American University in Cairo Press, 2019.

Baud M., *Famille royale et pouvoir sous l’Ancien Empire égyptien* 1. Bibliothèque d’Étude 126/1. Cairo: Institut Français d’Archéologie Orientale, 1999.

Davies N. de G., Crum W.E., Boulenger G.A. *The rock tombs of Deir el Gebrawi*. London – Boston, 1902.

Emery W.B. *Excavations at Saqqara. Great Tombs of the First Dynasty*. T. III. London: Egypt Exploration Society, 1958.

- EG021031. *Digital Giza. The Giza project at Harvard University* <http://giza.fas.harvard.edu/photos/73391/full/> (accessed: 15.07.2021).
- Emery W.B. *Archaic Egypt*. Harmondsworth: Penguin Books, 1972.
- Hassan S. *Excavations at Giza*. Vol. V. 1933–1934. Cairo: Government Press, Bulaq, 1944.
- Ikram S. *Death and Burial in ancient Egypt*. Cairo – New York: The American University in Cairo Press, 2015.
- Junker H. *Giza III. Die Mastabas der vorgeschrittenen V. Dynastie auf dem Westfriedhof*. Wien und Leipzig: Hölder-Pichler-Tempsky A. G., 1938.
- Junker H. *Giza IX. Das Mittelfeld des Westfriedhofs*. Wien: Rudolph M. Rohrer, 1950.
- Junker H. *Giza X. Der Friedhof südlich der Cheopspyramide. Westteil*. Wien: Rudolph M. Rohrer, 1951.
- Kanawati N. *Tombs at Giza. Seshathetep/Heti (G 5150), Nesutnefer (G 4970) and Seshemnefer II (G 5080). Volume 2*. Warminster: Aris and Phillips, 2002.
- Porter B., Moss R.L.B. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings. III. Memphis*. Oxford: Clarendon Press, 1974.
- Reisner G.A. *The development of the Egyptian tomb down to the accession of Cheops*. Cambridge: Harvard University Press, 1936.
- Reisner G.A. *History of the Giza Necropolis. Vol. I*. Cambridge: Harvard University Press, 1942.
- Saad Z. *The excavations at Helwan: Art and civilization in the first and second Egyptian dynasties*. Norman: University of Oklahoma Press, 1969.
- Takenoshita J. *When the living met the dead: the social functions of false doors in non-royal funerary culture with references to examples from the First Intermediate Period and Middle Kingdom*. Birmingham: The University of Birmingham, 2011.
- UM4469. *Digital Giza. The Giza project at Harvard University* <http://giza.fas.harvard.edu/photos/65175/full/> (accessed: 15.07.2021).
- Verner M. *The Pyramids: The Mystery, Culture, and Science of Egypt's Great Monuments*. Cairo – New York: The American University in Cairo Press, 2002.
- Verner M. *Sons of the Sun. Rise and Decline of the Fifth Dynasty*. Prague: Charles University in Prague, 2014.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БЕТОХОВ Сергей Вячеславович –
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института
востоковедения РАН, Москва, Россия.

Sergey V. VETOKHOV, PhD (History),
Senior researcher, Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080015730-0

**ЦАРСТВЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ-«СИСТРОФОРЫ»:
К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИМВОЛИКИ СИСТРА
В КУЛЬТОВОЙ ПРАКТИКЕ ЭПОХИ НОВОГО ЦАРСТВА**

© 2021

В.А. БОЛЬШАКОВ ^а

^а – Российский университет дружбы народов,
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0790-6473; vb.scriba@gmail.com

Резюме: В представленной статье рассматривается символика систров в культово-церемониальной практике эпохи Нового царства. Как сакральный музыкальный инструмент, тесно связанный с Хатхор и с отождествлявшимися с ней богинями солярного мифологического круга (Тэфнут, Сехмет, Бастет, Иусаас, Небет-Хетепет), систр двух типов (*sššt* и *šḥm*) широко применялся в различных религиозных ритуалах и церемониях. Основной акцент в статье делается на использовании царственными женищинами систров как литургических предметов в сценах культа богов.

Поскольку доминирующим типом в иконографии царских супругов и матерей эпохи Нового царства становится их изображение с систром/систрами в руках, основное внимание автором уделено прежде всего главным представительницам семьи царя. В статье дается краткий обзор иконографии, хвалебных эпитетов царственных женищин и пояснительных надписей, сопутствующих использованию систров в культовом контексте. Изучение официальных культово-церемониальных сцен, в которых царственные женищины представлены звенящими систрами, позволяет определить три основных объекта почитания: а. боги; б. богини; в. царь.

Рассмотрение аспектов, связанных с ритуальным использованием систров, позволило поставить под сомнение распространенную в современной египтологии интерпретацию, согласно которой посредством вокально-музыкального сопровождения храмового культа царственная женищина, олицетворяющая супругу или дочь верховного божества-демиурга, стимулировала его сексуальную энергию. Отсутствие в протоколе ряда царственных женищин титулов «супруга/рука бога» также не позволяет сводить их роль в культе только как к земной персонификации супруги/дочери солнечного божества. Критический подход к данной интерпретации позволяет констатировать, что использование систров в служении богам не являлось исключительно женской прерогативой и, более того, не ограничивалось строгой оппозицией «царственная женищина – бог». Кроме того, имеются веские основания полагать, что использование систров как литургических предметов являлось необходимым условием совершения ритуалов жертвоприношения.

Ключевые слова: Древний Египет, Новое царство, древнеегипетские царицы, сестры, храмовый культ, древнеегипетская религия.

Для цитирования: Большаков В.А. Царственные женщины-«систрофоры»: к интерпретации символики систра в культовой практике эпохи Нового царства. *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 25–35. DOI: 10.31857/S086919080015730-0

ROYAL WOMEN-“SISTROPHOROI”: TO THE INTERPRETATION OF SISTRUM SYMBOLISM IN CULTIC PRACTICE OF THE NEW KINGDOM PERIOD

© 2021

Vladimir A. BOLSHAKOV ^a^a – RUDN University,

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-0790-6473; vb.scriba@gmail.com

Abstracts: *The present article deals with the symbolism of the sistrum in the cultic and ceremonial practice of the New Kingdom period. As a sacred musical instrument, closely associated with Hathor and other goddesses identified with her (Tefnut, Sakhmet, Bastet, Iusaas, Nebet-Hetepet), the sistrum of two types (sššt and šhm) was widely used in performing various religious rituals and ceremonies.*

Since the dominant type in the iconography of the king's wives and mothers of the New Kingdom is their image playing the sistrum/sistra, the author focuses primarily on the main female representatives of the royal family. The article provides a brief overview of iconography, laudatory epithets of royal women and accompanying inscriptions to the use of sistra. A study of official cultic and ceremonial scenes with royal women shaking sistra, allows the author to define three main objects of veneration: a. gods; b. goddesses; c. king.

The author also puts into doubt the interpretation widespread in modern Egyptology, according to which the sexual energy of the supreme deity was stimulated through playing music. Moreover, the absence of the important title “god's wife/hand” in the protocol of some royal women does not allow reducing their cultic role to the personification of the consort/daughter of a solar deity. A critical approach to this interpretation makes it possible to state that playing sistra was not an exclusively female prerogative and was not limited to the strict opposition “royal woman – god”. Besides, one can conclude that the use of sistra as liturgical objects was a prerequisite for performing offering rituals.

Keywords: Ancient Egypt, New Kingdom, ancient Egyptian queens, sistrum, temple cult, ancient Egyptian religion

For citation: Bolshakov V.A. Royal Women-“Sistrophoroi”: to the Interpretation of Sistrum Symbolism in Cultic Practice of the New Kingdom Period. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 25–35. DOI: 10.31857/S086919080015730-0

Систр, широко применявшийся с эпохи Нового царства в культово-церемониальной практике, относился к сакральным предметам, наделявшимся, по представлениям древних египтян, свойствами магической защиты и умиротворения богов и людей. Сохранившиеся подлинные образцы, изобразительные и эпиграфические источники свидетельствуют о существовании двух типов систров. Главное различие между ними состояло в конструкции верхней части: у первого она была выполнена в форме наоса (или храмового портала)¹, а у второго представляла изогнутую металлическую пластину (рис. 1)². Среднюю часть систров обоих типов занимал двухсторонний ма-

¹ Согласно альтернативной точке зрения, это – пилон с воротами (*bḥn*), являвшийся атрибутом богини Хатхор [Desroches Noblecourt, Kuentz 1968, I, p. 194. Также см.: [Pinch, 1993, p. 138].

² Рисунки 1, 3–5 находятся на цветной вклейке.

скарон богини Хатхор³, иногда дополненный другими декоративными элементами. Согласно поздним текстам, первый тип систра назывался *sššt*, а второй – *šhm* [Elwart, 2015, p. 111–113; 2018, p. 383]⁴. О терминологическом различии обоих типов систров в связи с их конструктивными особенностями и материалом было написано уже немало [Hickmann, 1956, p. 20–21; Daumas, 1970, p. 72–76; Ziegler, 1984, cols. 959–963; Vartavan de, 1986, p. 26–29; Reynders, 1998, p. 1013–1026; Elwart, 2005, p. 17–26; 2015, p. 110–113; 2018, p. 382–385; Gombert-Meurice, 2018, p. 376–381], поэтому ограничимся лишь констатацией того факта, что систр в форме наоса являлся более древним типом, известным с эпохи Древнего царства [Jéquier, 1921, p. 79–80; Ziegler, 1984, cols. 959, сноски 17–18]. Имеются основания предполагать, что этот тип систра первоначально применялся в качестве магического жезла или фетиша, наделявшегося силой вызывать плодородие [Jéquier, 1921, p. 82; Bleeker, 1973, p. 60]. В целом не подлежит сомнению, что в культово-церемониальной практике сама форма и материал систров, имевших многоплановую смысловую нагрузку, усиливали магическую действенность производимого ими звука.

Независимо от типа, систры были прежде всего связаны с культом богинь, ассоциирующихся с так называемой «удалившейся богиней» – гневным или мирным аспектом Ока Ра – Хатхор, Тефнут, Сехмет, Бастет и Мут [Daumas, 1970, p. 72; Bleeker, 1973, p. 60]. Согласно текстам из храмов греко-римского времени, скорее всего, имевшим значительно более древнее происхождение, систрам приписывалось смягчение гнева богини и ее обращение в благосклонную форму: «систр-*šhm* Сехмет устраняет гнев твой, систр-*sššt* ка твоего ярость твою» [Daumas, 1970, p. 72; Chassinat, Daumas, 1972, p. 91, pls DCXVII, DCXXII]; «Ихи великий, сын Хатхор ..., который заставляет исчезнуть ярость матери своей» [Cauville, 2011, p. 172; Rochemonteix de, Chassinat, 1897, p. 41]; «Систр-*sššt* в правой руке (моей) отражает ярость твою, ожерелье-*mnit* в левой руке (моей) отражает неистовство твое» [Cauville, 2011, p. 172; Chassinat, 1935(1), p. 27]; «Встряхиваю я систром-*sššt* перед лицом твоим прекрасным, систром-*šhm* для ка твоего...», «Хатхор... умиротворенная ты со мной..., не насылай на меня проклятие твое» [Cauville, 2011, p. 172; Chassinat, 1935(2), p. 75–76]. Таким образом, оба типа систра наделялись способностью умиротворения богов и привлечения внимания к адоранту в их милостивом аспекте. Согласно текстам и изображениям из храма Хатхор в Дендере, в наибольшей степени раскрывающим сакральное значение символики систров, они применялись для устранения всего нечистого или враждебного божеству: «Взял я систр-*sššt*(t), схватил я систр-*šhm* (и) изгоняю враждебного владычице неба (т.е. Хатхор)» [Blackman, 1921, p. 21; Chassinat, Daumas, 1972, p. 199, pl. DCLXXXVIII]. На характер использования систров как апотропея и средства ритуального очищения указывают, в частности, сцены, в которых безымянный царь кадит перед ковчегом Хатхор под аккомпанемент систров, которыми встряхивает царица [Chassinat, Daumas, 1972, pls DCLXXXVII, DCLXXXVIII; 1978, pl. DCCCLXVII].

До середины XVIII династии систр достаточно редко встречается в иконографии представительниц царской семьи⁵, причем обычно инструмент показан вне своего прямого

³ Или Бат, богини седьмого верхнеегипетского нома *Hwt-šhm* [Pinch, 1993, p. 135].

⁴ Следует отметить, что терминологическое различие между обоими типами систров условно [Reynders, 1998, p. 1014–1026; Manniche, 2010, p. 14]. Здесь и далее мы придерживаемся вышеуказанного соотношения терминов с формой инструментов, хотя в научных работах оно весьма варьируется. Например, К.Т. де Вартаван, С.-А. Нагиб и Л. Госселан под систром-*šhm*, напротив, понимают систр в форме наоса, а под *sššt* – дугообразный систр [Vartavan de, 1986, p. 26–29; Naguib, 1990, p. 59–60; Gosselin, 2007, p. 14].

⁵ Как полагает Л. Грин, систр впервые оказывается связанным с царским домом именно со Среднего царства. Однако, был ли придворный ритуал заимствован из храмового ритуала, или наоборот, и в какой момент систр стал использоваться царственными женщинами вне культа Хатхор, сказать невозможно [Green, 1988, p. 415].

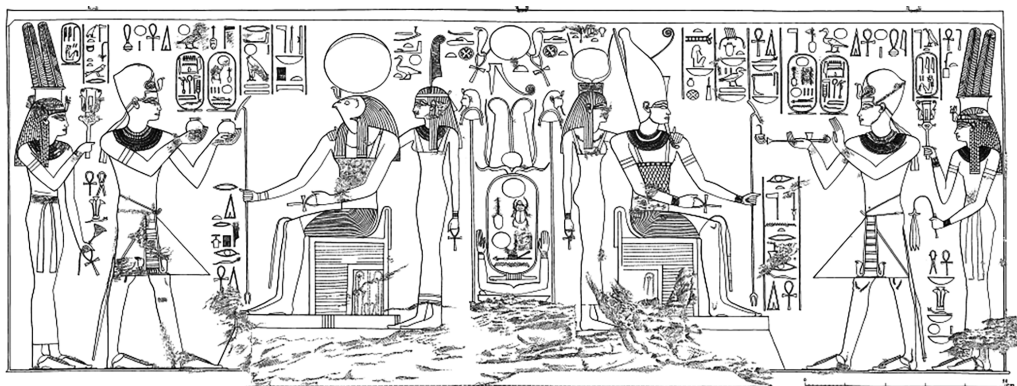

Рис. 2. Аменхотеп IV и Ти́и. Гробница TT 192 [Nims et al. 1980, pl. 8].

Fig. 2. Amenhotep IV and Tiye. Tomb TT 192 [Nims et al. 1980, pl. 8].

применения: или в опущенной вдоль тела руке, или прижатым к груди наподобие жезла⁶. Как литургический инструмент сistr впервые засвидетельствован на фрагменте рельефа с изображением Меритра-Хатшепсут, держащей перед собой богато украшенный сistr в форме наоса [Van Siclen III, 1987, p. 62, fig. 8]. Позднее сцены с царственными женщинами с систром в руках появляются на памятниках времени Аменхотепа III, при котором происходит заметное усиление сакральной роли великой царской супруги и отчасти царевен. При Аменхотепе III также формируется ставший впоследствии «стандартным» иконографический тип изображения супруги царя – встряхивающей систром/систрами перед тем или иным божеством⁷ (рис. 2). Последующее развитие данная иконография получила в Амарнский период, будучи представленной многочисленными сценами поклонения Атону с участием Нефертити и царевен. По всей видимости, присутствие в Амарнской иконографии систра, имевшего глубокие ассоциации с образом Хатхор, следует объяснять первоначально терпимым отношением Аменхотепа IV (Эхнатона) к богине, издревле связанной с гелиопольской солярной теологией. Тем не менее позднее, после перехода солнцепоклонничества Эхнатона в более радикальную фазу, сistr в форме наоса (*sššt*) из официальной иконографии исчезает [Manniche, 2010, p. 15], что в свою очередь косвенно подтверждает существовавшую разницу в смысловой нагрузке обоих типов сistroв. В пост-Амарнский период изображение царственных женщин с систрами в руках становится доминирующим типом в их иконографии, на основании чего можно предположить, что музыкально-вокальное сопровождение ритуалов стало основной формой их участия в культе и прочих официальных церемониях. Во всяком случае, в иконографии периода Рамессидов сistr становится постоянным атрибутом царской супруги [Troy, 2008, p. 162–163] (рис. 3). Во всех известных автору сценах вне зависимости от объекта поклонения используются оба типа систра – *sššt* и *shm*, – а со времени Рамессидов они нередко используются параллельно.

⁶ См., например: переделанное изображение царевны Нефрура в Дейр эль-Бахри [Szafranski, 2007, p. 144–145, figs 3B–C, E], изображение Ти́и на стеле Себекнахта (Музей египетского искусства. Мюнхен. Gl. WAF 28 [Bayer, 2014, taf. 72,73a]), фрагмент рельефа с изображением Ти́и из Гермополя (блок 670 [Bayer, 2014, Taf. 46a]).

⁷ В ритуальных сценах встряхивания систрами обоих типов в основном фигурирует великая супруга царя Ти́и [Robins, 1980, p. 202]. См. сцены из храмов Ком эль-Хеттан [Haeny et al., 1981, Taf. 5 a–c], Солеба [Schiff-Giorgini et al., 1998, pls 125, 139, n. Sb 280], Элефантины [Bayer, 2014, Taf. 49 a], из гробницы Херуэфа [Nims et al., 1980, pls 8–9]).

Сакральным предметом, имеющим смысловые параллели с систром и также тесно связанным с культом Хатхор, являлся особый вид украшения – ожерелье-*mnit*. В иконографии царственных женщин ожерелье-*mnit* появляется только с эпохи Нового царства, но, согласно «Рассказу Синухета», входило наряду с систрами в число атрибутов представительниц царской семьи по меньшей мере с начала XII династии: «Привели царских детей (и) сказал Величество Его супруге (своей): “Смотри, Синухет (вернулся) азиатом-*ʿ3m*, порождением азиатом-*styw*!” (И) вскрикнула она очень громко, (и) царские дети закричали все вместе; сказали они Величеству Его: “Не он это, воистину, государь, господин мой”. (Но) сказал Величество Его: “Это он, воистину”. Тогда принесли они с собой ожерелья-*mnit* свои, сistrы-*shm* свои и сistrы-*sššt* свои, (и) протянули их Величеству Его: “Да (прострешь) руки твои к Прекрасной, царь вечности, к украшениям владычицы неба! Да даст Золотая жизнь ноздрям твоим (и) да соединится с тобой госпожа звезд!”» [Blackman, 1972, p. 37–38, сткк. 263–271]. Функциональный и символический параллелизм обоих предметов убедительно подтверждают сцены из частных гробниц, в которых женщины показаны встряхивающими одновременно ожерельем-*mnit* и систром [Blackman, 1914, pls II, XVIII–XIX, fig. 1; Davies, 1915, pl. XIX; 1943, pls LXX–LXXI; Nims et al., 1980, pls. 47, 57]. Следует, однако, отметить, что использование ожерелья-*mnit* в ритуальном контексте в качестве перкуссии засвидетельствовано на памятниках частных лиц, а не у представительниц царской семьи, которые чаще всего изображены держащими его в руке только как статусный атрибут⁸ (рис. 4).

В культово-церемониальных сценах эпохи Нового царства с участием царственных женщин, звенящих систром/систрами, можно выделить три основных объекта поклонения: а. боги; б. богини; в. царь. Большинство сцен относится к первым двум категориям и обычно связано с ритуалами жертвоприношения, которые царь совершает в сопровождении своей главной супруги. Как правило, композиция таких сцен имеет следующее построение: царь приносит жертвы божеству или группе божеств, а стоящая позади него супруга встряхивает систром/систрами⁹. Преимущественно данный сюжет встречается в сценах почитания Амона-Ра, Атона (в период Амарны), Хатхор, Мут, Исиды, хотя объектом поклонения с использованием систров могло быть практически любое божество. В тех сценах, в которых объектом поклонения является (или подразумевается) не собственно божество, а царь, адорантами в большинстве случаев выступают не его супруги, а царевны. Ранее всего изображения царевен с систрами и ожерельями-*mnit* появляются при Аменхотепе III и сюжетно связаны с хеб-седными церемониями¹⁰. Получив дальнейшее развитие при Эхнатоне, тип сцен с групповыми изображениями царевен с систрами-*shm* в руках достиг кульминации в виде длинных процессий дочерей Рамсеса II и Рамсеса III (рис. 4). При этом, как было отмечено Г. Ксекалаки, в большей части процессий рамессидских царевен отсутствует конкретный адресат [Xekalaki, 2007, p. 153], что позволяет предполагать, что объектом почитания может быть как царь, так и божества, которым был посвящен храм¹¹. Такие «шаблонные» изображения процессий

⁸ Например: Нефрура [Szafranski, 2008, p. 281–282, figs 11–2] царевны в сценах хеб-седа Аменхотепа III [Schiff-Giorgini et al., 1998, pls 94, 97, 124–125, 127], царевна Небетакх [Kozloff et al., 1993, p. 35, fig. II.5], Нефертари Меритмут [Schmidt, Willeitner, 1994, S. 21, Abb. 23a], Меритамон (III) [Schmidt, Willeitner, 1994, S. 31, Abb. 36].

⁹ В действительности не позади, а рядом с царем.

¹⁰ См.: сцены в Солебе [Schiff-Giorgini et al., 1998, pls 94, 127], гробнице Херуэфа [Nims et al., 1980, pls 47, 57], на миниатюрных сердоликовых пластинах (Метрополитен-музей. Нью-Йорк. MMA 26.7.1339; музей Фицуильяма. Кембридж. E.GA.4605.1943 [Bayer, 2014, Taf. 82a, c]).

¹¹ Так как процессии обычно «двигаются» внутрь храма, объектами почитания могли являться как царь, представленный именами и титулами на входных порталах, так и «обитающие» в святилище боги.

рамессидских царевен с дугообразными систрами и ожерельями-*mnit* в большей или меньшей степени сохранились в нескольких храмах: в Луксоре [Leblanc, 2009, p. 199, 216, figs 233, 254], Рамессеуме [Leblanc, Fekri, 1990/1991, pl. XX], Мединет-Абу [Hughes et al., 1957, pls 300, 340], Абидосе [Porter, Moss, 1991, p. 3 (13)–(18); Schmidt, Willeitner, 1994, S. 18, Abb. 21], Вади эс-Себуа [Gauthier, 1912, pls XXVII, XXIX–XXX], Дерре [Blackman, 1913, pl. XII, 1–2], Абу-Симбеле [Wreszinski, 1935, pl. 184a].

В литургическом контексте сistr эпизодически встречается также в иконографии некоторых богинь, встряхивающих им перед богом. Например, на рельефах в храмах в Абидосе и Мединет-Абу в этой роли выступают Исида и Мут¹², причем пояснительные надписи к совершаемому им действию аналогичны начертанным в сценах с царскими супругами: «встряхивание систром/систрами ради лица его прекрасного» (*irt sšst n hr:k nfr* [Calverley et al., 1938, pl. 40; Hughes et al., 1957, pl. 338], *iry sšst n hr:k nfr* [Hughes et al., 1963, pl. 409]) (рис. 5). Как правило, в сценах, в которых сistr/систры используются царственными женщинами в литургическом контексте, пояснительные надписи составлены примерно по одной и той же схеме: «встряхивание систром/систрами ради лица твоего прекрасного» (*irt sšst/y n hr: k nfr*), «встряхивание систром для отца ее» (*irt sšst n it.s*). В развернутом варианте надписи, когда объектом поклонения является конкретное божество, также указывается его имя и эпитет: «встряхивание систрами для отца ее Амона-Ра, владыки тронов Обеих Земель» (*irt sšsty n it.s Imn-rꜥ nb nswt 3wy*).

С действиями, упоминающимися в пояснительных надписях, напрямую связаны хвалебные эпитеты царских супругов, указывающие на их ритуальные функции в храмовом культе¹³: «умиротворяющая Атона голосом сладостным и руками своими прекрасными, держащими систры»¹⁴ (*šhtpt p3 itn m hrw ndm m n3yw.s drty ꜥnw hr sšswt*) (Нефертити) [Трой, 1986, p. 167, 18.41], «чистая руками, держащими систры, умиротворяющая бога голосом своим» (*wꜥb(t) ꜥwy hr sšsty, šhtpt(t) ntr m hrw.s*) (Анхесенамон) [Трой, 1986, p. 167, 18.45], «встряхивающая систром Мут» (*šhmyt (n) Mwt*)¹⁵, «встряхивающая систром Небет-Хетепет» (*šhmyt n Nbt-hꜥpt*), «(держащая) ожерелье-*mnit* Хатхор» (*mnit Hwt-Hr*) (Туй) [Трой, 1986, p. 168, 19.2], «прекрасная руками, держащими систры» (*ꜥnt drty hr sšsty*), «встряхивающая систром в Ипет-Сут», «прекрасная руками, держащими систры» (*šhmyt m Ipt-swt, ꜥn(t) drwt hr sšsty*) (Нефертари-Меритенмут) [Трой, 1986, p. 169, 191, 19.5], «владычица ожерелья-*mnit*, госпожа систра-*sšst*» (*nbt mnit, hnwt sšst*) (Меритамон III) [Трой, 1986, p. 170, 19.8], «встряхивающая систром Амона / отца ее Амона» (*šhmyt (n) Imn/n it.s Imn*) (Тити) [Трой, 1986, p. 172, 20.11]. В совокупности качества царской супруги как участницы храмового культа выражают эпитеты, присвоенные в период Рамессидов обожествленной Яхмос-Нефертари: «прекрасноликая в храме систров», «умиротворяющая бога красотой своей», «прекрасная руками, держащими систры», «умиротворяющая отца своего Амона», «чистая руками, держащими систры» (*nfrt(t) hr m hwt sšswt, šhtpt(t) ntr m nfrw.s, ꜥn(t) drty hr sšst(t), šhtpt(t) it.s Imn, wꜥbt ꜥwy hr sšswt*) [Gitton, 1981, p. 71].

В современной египтологии символическое значение систров, поставленное в прямую смысловую взаимосвязь с гелиопольской версией мифа о сотворении мира, получило явно выраженные эротические обертоны [Derchain, 1972, p. 46; Трой, 1986, p. 91 ff]. Согласно дан-

¹² Исида, звенящая систром-*sšst* перед Осирисом [Calverley et al., 1938, pl. 40]; Мут с систром-*šhm* перед Амоном [Hughes et al., 1963, pl. 409]; безымянная богиня с систром-*šhm* перед Шу и Тефнут [Hughes et al., 1957, pl. 338].

¹³ Большая часть подобных эпитетов засвидетельствована у царственных женщин XIX–XX династий.

¹⁴ Букв.: «руками под систрами».

¹⁵ *šhmyt* – «die Sistrumspielerin» [Erman, Grapow, 1953, S. 252]; *šhmy* – «Sistrumspieler» [Hannig, 2006, S. 2315], т.е. «жрица», звенящая систром для упомянутого божества.

ной интерпретации, наиболее последовательно изложенной в работах Л. Трой, посредством музыки, пения и танца царственные женщины и жрицы, олицетворявшие при отправлении культа дочь или супругу бога-демиурга, стимулировали его сексуальное желание, необходимое для воспроизводства акта первотворения: «Музыкальное действие... имеет эротический характер и предназначено для пробуждения бога с целью его самовозрождения» [Трой, 1986, р. 91ff]¹⁶; «супруга бога и царственные женщины используют сistr, чтобы удовлетворить и умиротворить бога. Это ритуальное взаимодействие, тем не менее, сексуального характера, как указывает жреческий титул “супруга (бога. – В.Б.)”, предназначено для стимулирования самообновления бога» [Трой, 2002, р. 20]¹⁷. В свете такой интерпретации одним из визуальных аргументов в пользу сексуального подтекста в символике систров может служить рельеф из храма в Хибисе. Речь идет об изображении двух фетишей в виде систра в форме наоса: у первого из них рукоятку заменяет рука, сжимающая фаллос, у другого – в основании рукоятки в форме папирусообразной колонны помещена ладонь [Davies, 1953, pl. 4; Vandier, 1965, р. 115, fig. 12a]. В обоих случаях, несомненно, подразумевается способ сотворения Атумом первой дифференцированной пары божеств – Шу и Тефнут.

Исходя из распространенного в современной египтологии понимания вышеуказанной символики систров в литургическом контексте, аналогичное значение должен таким образом иметь и каузатив «удовлетворять» (*shṭp*), употребляющийся в пояснительных надписях в сценах поклонения божествам с использованием систров. Тем не менее в общем контексте данный термин обычно переводится как «умиротворять/успокаивать» [Erman, Grapow, 1953, S. 221–222; Hannig, 2006, S. 2291]¹⁸ и, с нашей точки зрения, может быть истолкован лишь как эвфемизм сексуального удовлетворения¹⁹. Однако справедливо ли понимание символики ритуального использования систров исключительно в «эротическом» смысле? Как было еще отмечено Э. Блэкмэном, организация храмового культа всех египетских богов, включавшего вокально-музыкальное сопровождение, в большей или меньшей степени являлась воспроизведением гелиопольского культа Атума-Ра [Blackman, 1921, р. 15]. Поэтому, не исключая существенный эротический подтекст в смысловой нагрузке систра как сакрального атрибута Хатхор, Небет-Хетепет, Иусаас, Тефнут/Бастет [Vandier, 1966, р. 76–84; Derchain, 1972, р. 46], по нашему мнению, основную цель его использования в культе все-таки невозможно сводить к стимуляции эроса божества. Более того, согласно изобразительным и эпиграфическим источникам Нового царства и других периодов египетской истории, литургическое использование систров вовсе не являлось исключительно женской прерогативой. Восприятие систра как сугубо женского атрибута также опровергают сцены, в которых даже царь эпизодически представлен перед богами и богинями с систрами в руках [Ayad, 2009, р. 49]. Перечислим некоторые из них: Рамсес II с систром-*sššt* перед итифаллическим Амоном-Ра Камутефом и Исидой (Карнак [Ayad, 2009, р. 44, fig. 2.3]); Рамсес II с систрами-*sššt* перед Хатхор (Карнак [Gombert-Meurice, 2018, р. 377, fig. 1]); Птолемей II с систрами-*sššt* перед Мут (Карнак [Ayad, 2009, р. 46, fig. 2.4]); безымянный царь с систрами-*shm* и *sššt* перед Хатхор и прочими богами (Дендера [Chassinat, Daumas, 1965, pls DXVIII, DXLI, DXLI; 1972, pls DXIII, DCXVII, DCLXXXVII; 1978,

¹⁶ При этом Л. Трой признает, что «прямые ссылки на эротическую роль исполнения музыки в ритуале немногочисленны» [Трой, 1986, р. 92].

¹⁷ Вариации данной интерпретации встречаются и у других авторов: [Bryan, 2005, р. 2; Graves-Brown, 2010, р. 89–90; Picton, 2016, р. 238; Gombert-Meurice, 2018, р. 380].

¹⁸ Для обозначения явно выраженных сексуальных действий употреблялись иные термины: *ndm*, *ndmndm*, *ndmmyt*, *iry ndm* [Erman, Grapow, 1940, S. 380–381; Hannig, 2006, S. 1423]. См. также: [Landgráfová, Navrátilová, 2009, р. 59–60].

¹⁹ Ж. Вандье, впрочем, трактует термин *hṭpt* именно в значении сексуального удовлетворения [Vandier, 1965, р. 109].

pls DCCX, DCCCVIII]), безымянный царь с систрами-*sšst* перед Хатхор [Brooklyn Museum]. Укажем также на то, что во многих сценах, в которых царственные женщины встряхивают систрами, объектом почитания нередко являются различные богини. Весьма показательным примером в этом отношении служат сцены из малого абусимбельского храма, где великая супруга царя Нефертари-Меритенмут предстает с систрами перед богинями (Анукей, Хатхор, Мут, Таурт), а не богами [Desroches Noblecourt, Kuentz, 1968, p. 48, 83, 102, pls XLIV, LIV, XLVIII, CIX, CXX]²⁰. Иначе говоря, ни здесь, ни в других сценах поклонения царственных женщин божеству с использованием сistroв строгого правила «царственная женщина – бог» не прослеживается.

В целом «эротическая» интерпретация ритуального использования сistroв в рамках гелиопольской теологии может быть применима с определенными оговорками лишь к сценам служения царственных женщин верховному солярному божеству. Однако изображений их поклонения с систрами в руках верховному божеству в итифаллической форме, подобных сцене служения Рамсеса II Амону-Ра Камутефу [Ayad, 2009, p. 44, fig. 2.3], нам не известно. Даже в тех сценах эпохи Нового царства, где царская супруга предстает с систрами перед Амоном-Ра, в ее официальном протоколе как правило отсутствуют титулы, указывающие на ее роль земного воплощения богини-спутницы верховного божества – «супруга/рука бога» (*hmt/drt ntr*). Нельзя при этом не отметить, что именно тогда, когда сисстры становятся одним из характерных элементов иконографии царской супруги (при Аменхотепе III), из ее протокола исчезает титул «супруга бога/Амона» (*hmt ntr/n Imn*), с которым обыкновенно ассоциируется использование сistroв в литургическом контексте. Так, после Нефертари-Меритенмут²¹ вплоть до правления Сети II титул «супруга бога» надежно не засвидетельствован ни у одной из живших в то время царственных женщин²². В основном параллели между ритуальным использованием сistroв и сакральной ролью «супруги бога» отчетливее прослеживаются значительно позднее, при XXII–XXVI династиях, когда верховные жрицы Амона-Ра в Фивах полностью восприняли иконографию и отчасти титулатуру царских супругов и матерей предшествующего периода²³. Более того, отсутствие указанных титулов в надписях в сценах поклонения с систрами не позволяют с уверенностью определить, в каких именно случаях царственная женщина олицетворяет супругу или дочь верховного божества. С нашей точки зрения, иконография царственных женщин с систрами в руках не столько иллюстрируют именно роль «супруги и руки бога» (т.е. супруги Амона-Ра, или персонификации руки Атума), сколько отражает их основные функции в культово-ритуальной практике в целом.

Как показывает изучение культово-церемониальных сцен с участием царственных женщин, использование ими сistroв в большинстве случаев сопутствует ритуалам жертвоприношения, что, в свою очередь, подтверждает предположение о роли музыки в символическом

²⁰ Имеются также сведения об особой категории женского храмового персонала, обязанность которого заключалась в потрясании систрами при отправлении культа богинь Мут и Небет-Хетепет. Например, эту функцию выполняла мать, супруга и дочь Рамсеса II – Туи, Нефертари-Меритенмут и Меритамон (*shmyt n Mwt; shmyt n Nbt-htpet*) [Gosselin, 2007, p. 14, 69, 107].

²¹ Титул «супруга бога» дважды засвидетельствован в гробнице Нефертари-Меритенмут (QV 66), однако в полном перечне ее титулов он не встречается [Green, 1988, p. 417, note 9]. См. также: [Gosselin, 2007, p. 103–104].

²² Исключением является обожествленная «супруга бога» Яхмос-Нефертари, изображавшаяся в период Рамессидов среди богов, в том числе поклоняющейся им. См., например, изображение «супруги бога» Яхмос-Нефертари, звенящей систром перед Амоном-Ра (Карнак [Nelson et al., 1936. pl. 51]).

²³ Впервые явная связь «супруги бога» с почитанием итифаллического Амона-Ра подтверждается лишь у носившей этот титул царицы XXII династии Каромамы-Меритмут [Ayad, 2009, p. 10, 51].

кормлении богов [Manniche, 1991, p. 115]²⁴. Из этого следует, что звук систров являлся не только одним из способов ритуального очищения пространства, но и необходимым условием для принятия божеством жертвенных даров. Вышесказанное позволяет заключить, что встряхивание систрами прежде всего необходимо рассматривать как действие, предназначенное для умиротворения божества и снискания его благоволения. Эротический же аспект символики систров в культово-церемониальной практике представляется автору весьма преувеличенным и имеющим локальное значение в зависимости от конкретного изобразительного контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ayad M.F. *God's Wife, God's Servant: The God's Wife of Amun (ca. 740–525 BC)*. London–New York: Routledge, 2009.
- Bayer Chr. *Die den Herrn Beider Länder mit ihrer Schönheit erfreut. Teje. Eine iconographische Studie*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014.
- Blackman A.M. *The Temple of Derr*. Le Caire: Imprimerie de l'Institut Français d'Archéologie Orientale, 1913.
- Blackman A.M. *The Rock Tombs of Meir. The Tomb-Chapel of Ukh-Hotp's Son Senbi*. Vol. I. London: Egypt Exploration Fund, 1914.
- Blackman A.M. On the Position of Women in Ancient Egyptian Hierarchy. *Journal of Egyptian Archaeology*. 1921. Vol. 7. No 1–2. Pp. 8–30.
- Blackman A.M. *Middle-Egyptian Stories*. Bruxelles: Éditions de la foundation égyptologique reine Éliabeth, 1972.
- Bleeker C.J. *Hathor and Thoth. Two Key Figures of the Ancient Egyptian Religion*. Leiden: Brill, 1973.
- Bourgos F., Larché F., Grimal N. (éds). *La Chapelle Rouge. Le sanctuaire de barque d'Hatshepsout. Vol. I. Fac-similés et photographies des scènes*. Paris: Éditions Recherches sur les Civilisations, 2006.
- Brooklyn Museum. King with Sistra (Rattles) before Hathor: <https://www.brooklynmuseum.org/opencollection/objects/3721> (accessed: 01.05.2021).
- Bryan B. Property and the God's Wives of Amun. *Women and Property in Ancient Mediterranean and Near Eastern Societies*. Eds.: Lyons D., Westbrook R. Harvard University: Center of Hellenistic Studies, 2005. Pp. 1–15.
- Calverley A.M., Broome M.F., Gardiner A.H. *The Temple of Sethos I at Abydos. Vol. III. The Osiris Complex*. London–Chicago: The University of Chicago Press, 1938.
- Cauville S. *L'offrande aux dieux dans le temple égyptien*. Leuven: Peeters, 2011.
- Chassinat É. *Le temple de Dendara. T. III*. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1935(1).
- Chassinat É. *Le temple de Dendara. T. IV*. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1935(2).
- Chassinat É., Daumas F. *Le temple de Dendara. T. VI*. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1965.
- Chassinat É., Daumas F. *Le temple de Dendara. T. VII*. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1972.
- Chassinat É., Daumas F. *Le temple de Dendara. T. VIII*. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1978.
- Daumas F. Les objets sacrés de la déesse Hathor à Dendara. *Revue d'Égyptologie*. 1970. T. 22. Pp. 64–78.
- Davies N. de G. *The Tomb of Amenemhêt (No. 82)*. London: Egypt Exploration Fund, 1915.
- Davies N. de G. *The Tomb of Rekh-mi-Rê at Thebes. Vol. II*. New York: Plantin Press, 1943.
- Davies N. de G. *The Temple of Hibis in El-Khārgēh Oasis. Part III. The Decoration*. New York: Plantin Press, 1953.

²⁴ Так, на связь систров с жертвоприношением указывает сопроводительная надпись к группе женщин, встряхивающих систрами в двух сценах в Красном Святилище Хатшепсут в Карнаке (блоки 61 и 66): «Изречение: “благоухание приношений... о, как приятно благоухание дома Амона, благоухает он жертвоприношениями”» (*dd-mdw st ht st ht ndm wy st pr Imn, iw.f hnm m htpt-df3w*) [Bourgos et al. 2006, p. 64, 108].

Derchain, Ph. *Hathor Quadrifrons. Recherches sur la syntaxe d'un mythe égyptien*. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1972.

Desroches Noblecourt C., Kuentz C. *Le petit temple d'Abou Simbel. Étude archéologique et épigraphique; essai d'interprétation*. Vol. I. Le Caire: Ministère de la Culture Centre de Documentation et d'étude sur l'Ancienne Égypte, 1968.

Elwart D. L'offrande des sistres : musique et rituel dans les temples ptolémaïques. *Égypte Afrique et Orient*. 2005. No. 40. Pp. 17–26.

Elwart D. Le sistre, le son et l'image, in: Zivie-Coche C. (éd.) *Offrandes, rites et rituels dans les temples d'époques ptolémaïque et romaine. Actes de la journée d'études de l'équipe EPHE (EA 4519) «Égypte ancienne : Archéologie, Langue, Religion», Paris, 27 juin 2013*. CENiM 10. Montpellier, 2015. Pp. 109–121.

Elwart D. Les sistres et leurs matériaux à la lumière des textes des époques tardives, in: Gombert-Meurice, F., Payraudeau, F. (éds). *Servir les dieux d'Égypte. Divines adoratrices, chanteuses et prêtres d'Amon à Thèbes*. Paris: Somogy éditions d'art, 2018. Pp. 382–385.

Erman A., Grapow H. (Hrsgs). *Wörterbuch der Aegyptischen Sprache*. Berlin: Akademie-Verlag, 1926–1971.

Gauthier H. *Le temple de Ouadi es-Seboua. Vol. II*. Le Caire: Imprimerie de l'Institut Français d'Archéologie Orientale, 1912.

Gitton M. *L'épouse du dieu Ahmes Néfertary, documents sur sa vie et son culte posthume*. Paris: CNRS, 1981.

Gombert-Meurice F. Quelques instruments de culte au féminin dans les temples thébains, in: Gombert-Meurice F., Payraudeau F. (éds). *Servir les dieux d'Égypte. Divines adoratrices, chanteuses et prêtres d'Amon à Thèbes*. Paris: Somogy éditions d'art, 2018. Pp. 376–381.

Gosselin L. *Les Divines épouses d'Amon dans l'Égypte de la XIXe à la XXe dynastie*. Paris: Cybèle, 2007.

Graves-Brown C. *Dancing for Hathor: Women in Ancient Egypt*. London–New York: Continuum, 2010.

Green L. *Queens and Princesses of the Amarna Period: The Social, Political, Religious and Cultic Role of the Women of the Royal Family and the End of the Eighteenth Dynasty*. University of Toronto. PhD Thesis, 1988.

Haeny G., Ricke H., Habachi L. *Untersuchungen im Totentempel Amenophis III. I. Der Totentempel Amenophis III. Baureste und Ergänzung. II. Zur Ausstattung des Tempels. Statuen. Reliefreste. Inschriften*. Wiesbaden: Steiner, 1981.

Hannig R. *Lexika 5: Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit*. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2006.

Hickmann H. *Musicologie pharaonique. Études sur l'évolution de l'art musical dans l'Égypte ancienne*. Kehl: Librairie Heitz, 1956.

Hughes G.R., Nelson H.H., Parker R.A., Caminos R.A., Nims Ch.F., Schott S., Seele K.C., Wilson J.A. *Medinet Habu – Vol. V. The Temple Proper. Pt. I*. Chicago: The University of Chicago Press, 1957.

Hughes G.R., Nelson H.H., Nims Ch.F., Parker R.A., Wente E.F., Wilson J.A. *Medinet Habu – Vol. VI. The Temple Proper. Pt. II*. Chicago: The University of Chicago Press, 1963.

Jéquier M.G. *Les frises d'objets des sarcophages du Moyen Empire*. Le Caire: l'Institut Français d'Archéologie Orientale, 1921.

Kozloff A.P., Bryan B.M., Berman L.M. Delange É. (éds). *Aménophis III. Le Pharaon-Soleil*. Paris: Réunion des Musées Nationaux, 1993.

Landgráfová, R., Navrátilová, H. *Sex and the Golden Goddess I*. Prague: Czech Institute of Egyptology, 2009.

Leblanc Chr. *Les reines du Nil au Nouvel Empire*. Paris: Bibliothèque des Introuvables, 2009.

Leblanc Chr., Fekri M.M. Les enfants de Ramsès II, au Ramesseum. *Memnonia* I, 1990/1991. Pp. 91–108.

Manniche L. *Music and Musicians in Ancient Egypt*. London: British Museum Press, 1991.

Manniche L. The Cultic Significance of the Sistrum in the Amarna Period, in: Woods A., McFarlane A., Binder, S. (eds) *Egyptian Culture and Society. Studies in Honour of Naguib Kanawati*. Vol. II. Cairo: The American University in Cairo Press, 2010. Pp. 13–26.

Naguib S.-A. *Le clergé féminin d'Amon thébain à la 21e dynastie*. Leuven: Orientaliste, 1990.

Nelson H.H., Schott S., Seele K.C. *Reliefs and Inscriptions at Karnak – Volume I. Ramses III's Temple within the Great Inclosure of Amon, Part I*. Chicago: The University of Chicago Press, 1936.

Nims Ch. F., Habachi L., Wente E.F., Larkin D.B. *The Tomb of Kheruef. Theban Tomb 192*. Chicago: The Oriental Institute, 1980.

Picton J. Living and Working in a New Kingdom 'harem town', in: Budin L., Turfa J.M. (eds). *Women in Antiquity. Real women across the Ancient World*. London–New York: Routledge, 2016. Pp. 229–242.

Pinch G. *Votive Offerings to Hathor*. London–New York: Griffith Institute, 1993.

Porter B., Moss R. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings. VI. Upper Egypt: Chief Temples*. Oxford: Griffith Institute, 1991.

Reynders M. *Sšst* and *šhm*: Names and Types of the Egyptian Sistrum, in: Clarysse W., Schoors A., Willems H. (éds) *Egyptian Religion. The Last Thousand Years. Studies Dedicated to the Memory of Jan Quaegebeur*. Leuven: Peeters, 1998. Pp. 1013–1026.

Robins G. *Egyptian Queens in the 18th dynasty up to the end of the reign of Amenhotpe III*. Vol. I. PhD Thesis. Oxford, 1980.

Rochemonteix M. de, Chassinat É. *Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire. T. II. Fasc. 1. Le temple d'Edfou. T. II*. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1897.

Schiff-Giorgini M., Robichon C., Leclant J., Beaux N. *Soleb V. Le temple. Bas-reliefs et inscriptions*. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1998.

Schmidt H.C., Willeitner, J. *Nefertari Gemahlin Ramses' II*. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1994.

Szafránski, Z.B. King (?) Neferure, Daughter of Kings Tuthmosis II and Hatshepsut. *Études et Travaux*. 2007. Vol. XXI. Pp. 140–151.

Szafránski, Z.E. Deir El-Bahri. Temple of Hatshepsut. Season 2005/2006. *Polish Archaeology in the Mediterranean*. Volume XVIII: Reports 2006. Warsaw 2008. Pp. 269–284.

Troy L. *Patterns of Queenship in Ancient Egyptian Myth and History*. Uppsala: Boreas, 1986.

Troy L. The Ancient Egyptian Queenship as an Icon of the State. *NIN. Journal of Gender Studies in Antiquity*. 2002. Vol. 3. Issue 1. Pp. 1–24.

Troy L. The Queen as a Female Counterpart of the Pharaoh, in: Ziegler Chr. (ed.) *Queens of Egypt. From Hetepheres to Cleopatra*. Monaco: Somogy Art Publishers, 2008. Pp. 154–170.

Van Siclen III C.C. The Building History of the Tuthmosid Temple at Amada and the Jubilees of Tuthmosis IV. *Varia Aegyptiaca*. 1987. Vol. 3. Pp. 53–66.

Vandier J. Iousâas et (Hathor)-Nébet-Hétépet. *Revue d'Égyptologie*, 1965. T. 17. Pp. 93–176.

Vandier J. Iousâas et (Hathor)-Nébet-Hétépet. *Revue d'Égyptologie*, 1966. T. 18. Pp. 67–142.

Vartavan C.T. de. The Origin, Evolution and Function of the SHM, known as the Naos-Sistrum. Preliminary Research. *Wepwawet: research papers in Egyptology*, 1986. Vol. 2. Pp. 26–29.

Wreszinski W. *Atlas zur altaegyptischen Kulturgeschichte*. Teil. II. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1935.

Xekalaki G. *Symbolism in the Representation of the Royal Children during the New Kingdom*. Vol. I. PhD Thesis. Liverpool, 2007.

Ziegler Chr. Sistrum. *Lexikon der Ägyptologie*. Bd V. Wiesbaden: Harrassowitz, 1984. Cols. 959–963.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Владимир Анатольевич БОЛЬШАКОВ – к.и.н., доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов, научный сотрудник Международного учебно-научного центра по изучению древних цивилизаций Египта и Судана им. В.С. Голенищева Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

Vladimir A. BOLSHAKOV, PhD (History), Associate Professor of the Chair of General Educational Disciplines of the RUDN University, Research Fellow of the V.S. Golenishev Center for the Study of Ancient Civilizations of Egypt and Sudan of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014745-6

ARCHAEOLOGICAL WORKS TO THE NORTH OF THE GREAT AMUN TEMPLE AT JEBEL BARKAL (SUDAN): PRELIMINARY RESULTS AND NEW PERSPECTIVES

© 2021

Maksim A. LEBEDEV ^a

^a – Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1524-2083; maximlebedev@mail.ru

Abstract: *The paper presents preliminary results and discusses future perspectives on archaeological research in the area to the north of the Great Amun temple at Jebel Barkal (Napata) in connection to the most recent excavations of elite Meroitic structure B 1700. The field season of 2020 at B 1700 continued to bring to light a new monumental foundation platform of the cellular type constructed for a building which function and meaning remain a subject for debate. B 1700 followed the classic Meroitic square plan with rooms arranged around a central columned space, utility chambers on the ground floor, and official areas on the upper floor(s). Paper discusses general features of the exposed plan of B 1700, the process of its construction, recorded archaeological matrix, and finds. Special mention is made of the brick masonry, earlier occupation phase, later activities at the site, and the great pottery dump which was extensively used while filling the foundation platform. The author argues that elite building B 1700 was probably constructed at the time of king Natakamani (1 century AD) and did not continue functioning for more than, probably, one century. The study of B 1700 and its surrounding area has a considerable significance for reconstructing the history of the development of the temple and royal zone to the north of the temenos of the Great Amun temple at Jebel Barkal as well as provide new data on the actual nature of Napata as an economic and political center of Meroitic Kush.*

Keywords: Jebel Barkal, mud-brick architecture, archaeology, Meroitic period, Kush, Nile Valley, Amun, Natakamani, temple.

For citation: Lebedev M.A. Archaeological Works to the North of the Great Amun Temple at Jebel Barkal (Sudan): Preliminary Results and New Perspectives. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 36–47. DOI: 10.31857/S086919080014745-6.

Jebel Barkal (Gebel Barkal/el-Barkal/Berkel/Birkel) is a modern Arabic name of an isolated sandstone mountain about 104 m high situated downstream of the fourth Nile cataract to the west of modern-day town Karima, Sudan (approx. 320 km north-west of Khartoum) (fig. 1)¹. In antiquity, the mountain was considered a sacred place. Its characteristic feature – a high pinnacle of an unusual shape that resembles a human figure, a rearing cobra, or the white crown of the Upper Egypt – has been traditionally giving rise to intense theological speculation. Near Jebel Barkal, ancient settlement called Napata developed for about two thousand years. In the mid-15th century BC, the fourth Nile cataract and Napata in its vicinity downstream became the border territory of the Egyptian New Kingdom Empire.

From the 15th century BC until the Meroitic period (300 BC–300 AD), the area beneath Jebel Barkal cliff, the “Pure Mountain,” witnessed the development of one of the most important religious centers in the ancient Nile Valley. As in many other Nubian sites integrated into the

¹ Illustrations 2–3 and 5–8 are placed on the colour plate.

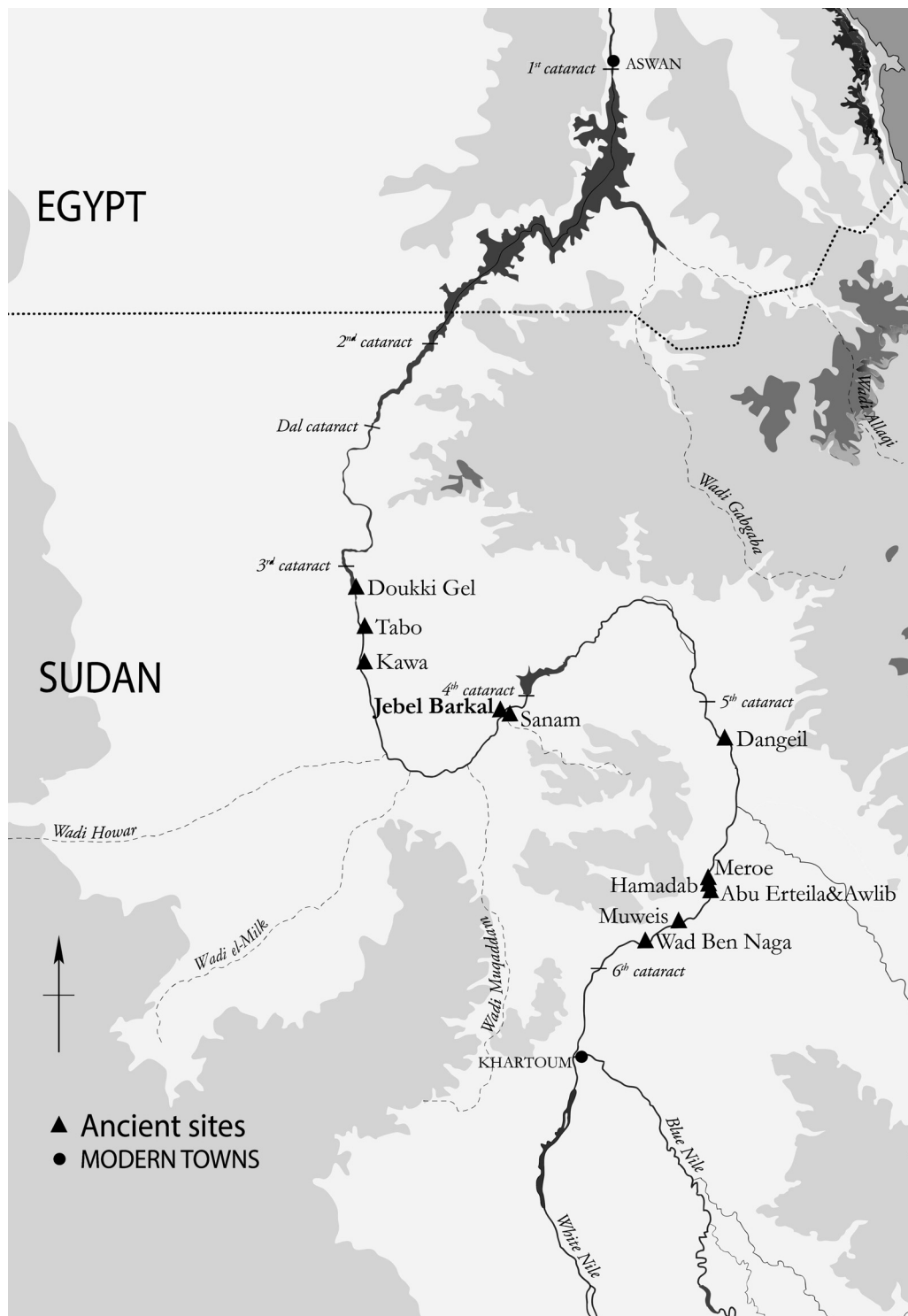

Fig. 1. Map of Sudan with archaeological sites mentioned in the text (Maksim Lebedev).

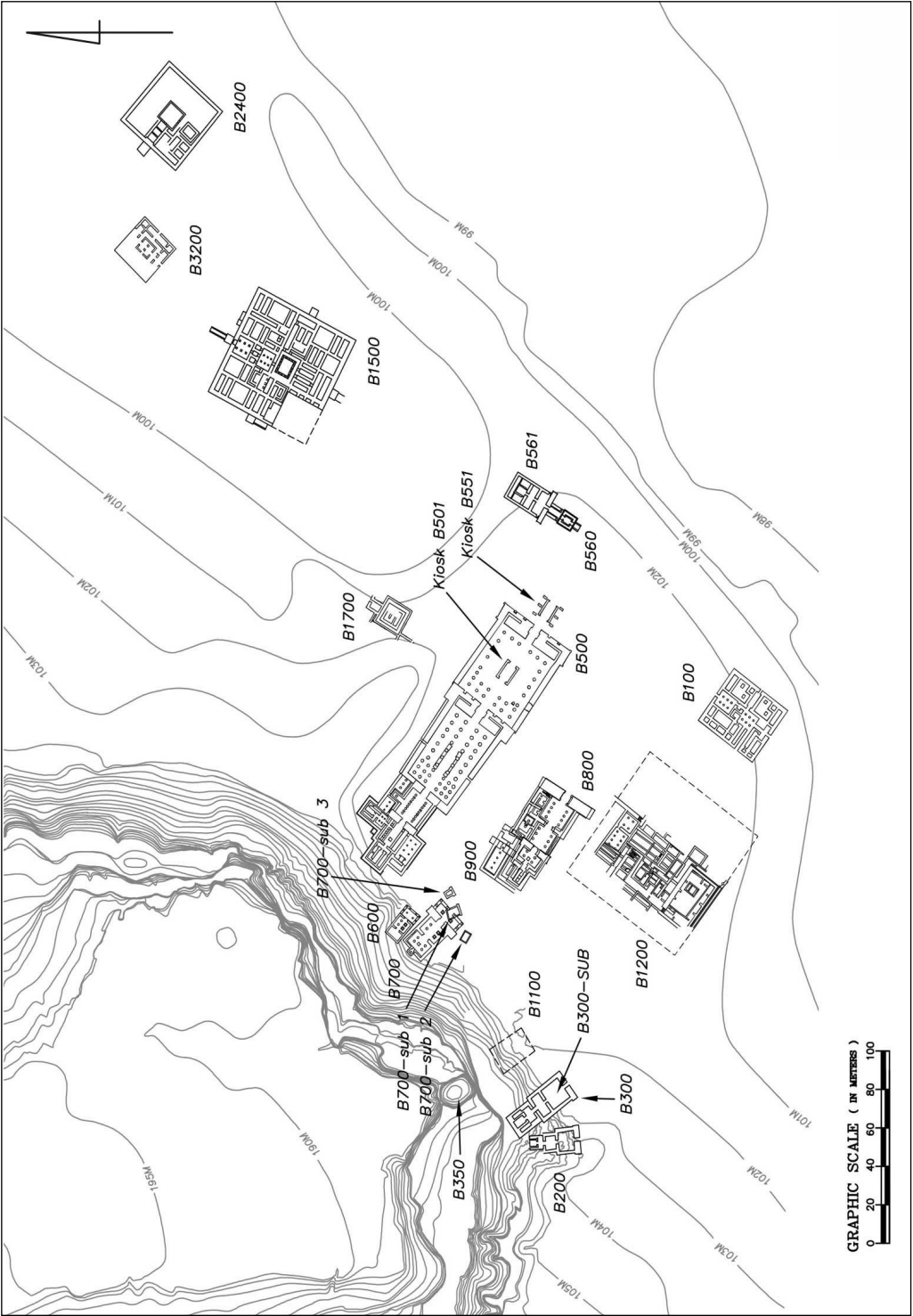

Fig. 4. General plan of monuments excavated at the foot of Jebel Barkal (surveyed by Rob Rosa).

Egyptian New Kingdom empire, the main god worshiped at Jebel Barkal was Amun. Other deities that had established cults were Mut, Khonsu, Isis, Osiris, Osiris-Dedwen, and, probably, Aten (during the reign of Akhenaten) and Apedemak. The cult of Amun of Napata was of an exceptional importance for both the Egyptians and the Kushites who gained control over Napata and its temple area at the foot of the sacred mountain in the aftermath of the collapse of Egyptian control around 1100 BC.

Jebel Barkal was first visited by European travelers and scholars in the first half of the 19th century [Porter, Moss, 1995, p. 203]. First excavations on the territory of the temple area were started in 1916 by the American mission directed by G.A. Reisner [Reisner, 1917; 1918; 1920; Dunham, 1970]. Systematic archaeological works at Jebel Barkal have been continuing since the 1970s [Roccati, 2008]. Regular exploration of the urban area of Napata started only few years ago [Tucker, Emberling, 2016, p. 52–53].

In 2006, the mission of the National Corporation of Antiquities and Museums (NCAM) directed by Timothy Kendall and El-Hassan Ahmed Mohamed conducted a magnetic survey of the area to the south-east, east, and north of the Great Amun temple (B 500) and revealed several interesting features below the modern-day surface (fig. 2). Among them, there were clear walls of the building previously labeled and referred to as B 1700 (the ruins of this structure first appeared on the map surveyed by Lepsius and his team [Lepsius, 1849, Taf. 125]) (fig. 3–4).

First excavations on the territory of B 1700 were conducted by the NCAM mission in 2015.² After these initial excavations, however, archaeological investigation of the area was postponed. In 2020, excavations were resumed by a joint team of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences directed by the present author³.

By 2015, B 1700 represented as a small *kom* (*tell*) covered with numerous pottery shards, some fragments of sandstone blocks, and fired bricks in the N and NE parts of the mound. Several pits visible on the surface gave evidence for later activities on the site. The main objectives of the works on B 1700 were the study of the general plan of the building, its stratigraphy, and, finally, its meaning. The first season brought to light a monumental mud-brick foundation platform of casemate type from an elite (presumably residential) building, remains of an earlier mud-brick structure utilized in the platform, and clear evidence of later activities at the site after the abandonment of the main structure.

The area investigated during the season 2015 covered a surface of approximately 420 sq. m. The area investigated in 2020 was 145 sq. m. The depth reached during excavations varied from square to square from 0.40–0.50 m required to expose preserved walls to over 3.5 m in deep sondages. By the end of the season 2020, 163 different archaeological contexts were recorded: 89 deposits (layers), 41 pits, and 33 walls.

SUMMARY OF THE ARCHAEOLOGICAL MATRIX

Plan of the platform (fig. 5)

B 1700 was oriented in accordance with the “Nile north.” The excavated central part of the mud-brick foundation platform is almost square in plan and consists of an inner enclosure (10.80 × 10.40 m) and a second enclosure (16.40 × 15.60 m) divided by “corridors” of up to 2 m wide.

² Excavation of B 1700 in 2015 was supervised by Simone Nannucci and Maksim Lebedev.

³ I would like to thank for their most appreciated cooperation co-directors of the NCAM mission (part A) Timothy Kendall (independent scholar) and El-Hassan Ahmed Mohamed (NCAM) and all the members of the Russian team: Sergey Vetokhov (Institute of Oriental Studies, RAS), Viktoria Yarmolovich (Centre for Egyptological Studies, RAS, and Institute of Oriental Studies, RAS), Sergey Malykh (Metropolitan Archaeological Bureau), and Alla Troshina (Institute of Archaeology, RAS).

The inner enclosure is subdivided into three casemates (“rooms”) of which two encompass remaining walls of an older building that break the regular subdivision of this part of the construction. The inner enclosure is formed by walls of up to 1.50 m thick whereas the second enclosure has walls ranging from 0.90 to 1.10 m thick.

The double enclosure forms the central part of the foundation platform which extends in all directions. For now, the minimum dimensions of the building are 32.4 by 22.4 m, but its actual size is still unknown. On the NE side of the exposed part of the structure, we detected what may be an outer wall of the platform. It is 1.40 m thick and has a mud plaster coating.

Besides casemates that had no entrances and were filled with debris, the foundation platform encompassed at least three rooms (Rooms X, XI, and XIII) with plastered walls and living floors. One of these rooms (Room X) is 7.20 × 2.30 m; dimensions of the other two rooms remain unknown.

Many column fragments (mostly drums of different diameter) recovered from the central part of the building and in square B0 give evidence of columned rooms that once existed over the platform. Thick walls of the inner enclosure may have served as basements for the central columned hall as it was, for example, at Wad Ben Naga [Baud, 2011, fig. 4] and B 1500 at Jebel Barkal [Barberini, 2010, fig. 8; Baud, 2010, fig. 112].

The top of the foundation platform may have been accessed via one or several ramps. However, excavators have not managed yet to identify remains of any ramp and we do not know yet where was the main entrance to the building.

Construction of the platform

The casemates of the platform were filled with pottery shards mixed with sand and debris: crushed and complete mud-bricks, silt, ashes, sand with desert pebbles, and reused sandstone blocks. Most of the pottery shards may have been brought from the great pottery dump located to the west and north-west of B 1700. A major part of pottery shards belongs to bread molds but there were also diagnostic fragments of imported Egyptian amphorae, storage jars, bowls, and pots dated to the late Napatan and early Meroitic periods (6th–2nd centuries BC). Some of diagnostic pottery may be dated to the 2 century BC or later. Radiocarbon dates for charcoals collected from the fill of casemates in 2015 varied from the 4th to the 1st centuries BC. These data set the *terminus post quem* for the construction of the platform.

Two deep sondages in Rooms II and IV made it possible to study the construction methods used in the central part of the foundation platform. The preliminary observations made in 2015 were confirmed by excavations in Rooms VI and VII in 2020. The walls of the platform preserved to the height of 1.75 m above the foundations and there were several construction phases that correlated to the process of filling the casemates with potsherds and rubble.

The builders started with the central enclosure and incorporated into the platform an earlier Meroitic structure. The upper 0.90 m of the fill of the inner enclosure consisted of sandstone blocks, fragments of mud-bricks, and a small number of fired bricks over a thick layer of potsherds. The blocks made of red sandstone were considerably weathered and had rounded forms. To all appearances, they originated from an earlier structure or structures and may have been used as a compact rubble fill of casemates in B 1700. In 2020, among the weathered blocks inside the central enclosure, excavators recovered several decorated sandstone fragments. One of them preserved the bottom of a royal cartouche carved on an inclining surface. No doubt, the block once belonged to the casing of one of temple pylons. The closest pylons to B 1700 are the first and the second pylons of the Great Amun temple (B 500). The latest attested restoration of the Napatan temple and its pylons was held by Natakamani and Amanitore in the 1st century BC. One can assume that the weathered Napatan blocks of the casing were partly removed and then reused in Meroitic

foundation platform of B 1700. The use of stones may indicate a considerable weight of structures built above casemates of the central enclosure. For instance, stone rubble was sometimes used for the core fill of access ramps and stairs [Maillot, 2016, p. 188–190]. The same fill (sandstone and silt) was found in Room XII in the western part of the exposed structure. Its function must be determined in the course of further excavations.

When the inner enclosure was finished, the bricklayers started to build the walls of the second enclosure and, at the same time, filled the newly emerging space between the two enclosures with sandy debris, mud-brick rubble, and piles of potsherds (fig. 6). Casemates were designed to raise the main structure above the ground on a stable foundation platform to reduce the effect of natural weathering and, sometimes, increase the significance of the building within the monumental landscape of the area.

As a rule, casemates were filled to the top with dirt, rubble from earlier buildings, and waste materials from the construction site itself [Leclère, 2008, p. 660; Maillot, 2014, p. 788]. The earliest known examples of casemate platforms from Egypt clearly demonstrate this feature [Leclère, 2008, p. 632; Małecká-Drozd, 2014, p. 151–152, 163]. However, casemates at Muweis may have had vaulted ceilings and seem to have been at least partly empty by the time when the main structure collapsed [Baud, 2008, p. 57; Maillot, 2014, p. 788]. French colleagues came to this conclusion after analyzing the thickness of the walls and the stratigraphy of the fill of casemates that included fragments of sandstone, white lime plaster, and fired bricks with deep sunken lines made by fingers [Maillot, 2014, p. 788; 2016, p. 191]. Our observations on the stratigraphy of the fill in Rooms II and IV suggest that, beyond the central enclosure, the foundation platform of B 1700 may have also utilized only partly filled casemates. Indeed, the width of outer walls of Egyptian casemate foundations filled with rubble varied from 3.00 to 3.50 m [Leclère, 2008, p. 631]. This thickness was enough to withstand the lateral pressure of the fill. However, the walls of Meroitic structures are often much thinner. In the case of B 1700, the walls of the second enclosure were 0.90–1.10 m thick and the outer wall of the platform was 1.40 m thick. Considering the stratigraphy recorded in deep sondages, it seems very probable that only the lower two-thirds of Rooms II and IV were filled with rubble and potsherds while the upper third remained empty and, since no traces of wooden beams have preserved, was probably covered with mud-brick arched ceilings. This building technology may have been a compromise that provided stability for the platform and reduced the lateral pressure on its walls. It seems possible that, depending on expected stresses, Meroitic architects could vary the materials used inside casemates and the degree of their fill. Like in other similar monuments, the platform of B 1700 could raise for about 2 m above the ground.

“Storerooms”

As was noted above, in its northern part, the foundation platform of B 1700 encompassed at least three rooms with living floors that were accessible when the building was functioning. Rooms like these are not uncommon in Meroitic platforms and are usually referred to as “storerooms” (although their exact meaning is not always clear). In 2020, the mission excavated a major part of Room XI reaching the latest floor level that was whitewashed and covered with a deposit of reddish sand with some small desert pebbles and domestic Meroitic pottery (fig. 7).

In the central part of the room, there was an elongated depression (pit 144P) (4.15×1.70×1.35 m; depth 0.45 m) with carefully plastered walls (mud plaster). The feature was cut through earlier floor deposits 0.30–0.35 m thick and reached the construction layer composed of a grey-brown sandy loam with many fragments of crushed mudbricks and some bread molds. Over the floor of the pit, there was a thin deposit of coarse sand. Above the sand, excavators found a silty occupation layer that contained charcoals, fragments of grinding stones, animal

bones, and potsherds found lying horizontally. Both fragments of domestic pottery and available radiocarbon date for charcoals from the deposit correspond to the 1st century BC – 1st century AD.

The debris fill of Room XI differed considerably from the fill of the casemates. It consisted of eolian sand and rubble from the collapsed upper parts of the structure: sandstone fragments, fired and mud bricks, many potsherds and fragments of faience tiles. At least two of the plastered rooms had entrances that were subsequently blocked with mud- and reused fired bricks (Rooms XI and X). This gives evidence of a certain reorganization of the functional rooms of the platform at a later occupation phase.

Earlier building

Excavators recorded seven walls from an earlier structure integrated into the platform. They preserved to the height of up to 2.30 m. These earlier walls have no traces of coating and does not bear any traces of any considerable weathering. The earlier walls were cut in their upper parts and then overlapped by the walls of the foundation platform. In their lower parts, where it was possible to observe, walls of the platform were built to the earlier structure brick to brick.

Pottery associated with the basement of one of the earlier walls allows dating the structure to the Early Meroitic period (3rd – 2nd centuries BC) or somewhat later. However, this date is only preliminary and should be verified by further excavations. Since the plan of the earlier building is still largely unknown and the presumable occupation layers connected to this structure were exposed on just a limited area of two deep sondages, we cannot be sure about the nature of this structure. The absence of any coating and clearly definable floors suggest that the only fully excavated wall of the earlier structure might belong to either an open court or an utility/production room.

Under the occupation deposits associated with the earlier building, we have found a layer of crushed sandstone and then alternating deposits of desert sand with pebbles and silt without any pottery but with some animal bones. The alternating layers were deposited by regular natural processes that included rains or floods. In none of the sondages, bedrock has been reached and the exact meaning of the naturally deposited contexts is still to be established.

B 1700 is not certainly unique. For instance, while building the palace M 750S in Meroe, ancient architects used existing constructions in a later casemate foundation. The earliest of these buildings predated the Meroitic palace for about 900 years [Grzymski, Grzymska, 2008]. Judging from the deep sondages, the spot where B 1700 was constructed had a less complicated history of occupation. However, one must remember that these preliminary observations consider stratigraphic sequences recorded in two small sondages situated remarkably close to each other.

Brick masonry

The fired brick module used in B 1700 corresponds to the standard Meroitic module (35×18×8 cm) attested at Wad Ben Naga, Muweis, Meroe, Awlib, Abu Erteila, and elsewhere in the Sudan. Like at Muweis [Mailliot, 2014, p. 787] and other Meroitic sites, fired bricks were used to strengthen specific points of the platform of B 1700. The mud-brick module is somewhat less stable but tends to correspond to the same measurements. Mud-bricks from both the earlier structure and the foundation platform had many inclusions such as desert pebbles, charcoals, crushed animal bones, desiccated plant macro remains, and potsherds. Anthropoc materials may indicate that some of the bricks were produced from earth recovered from earlier occupation deposits.

The foundation parts of the walls of the platform were composed of bricks laid both on their edge and flat. This was probably because the ancient builders did not level the early Meroitic

surface over the whole area assigned for the new platform [Baud, 2011, p. 354; Maillot, 2016, p. 185] but just eliminated the main irregularities. For example, the foundation of wall 100W was partly built over a pile of sand, sandstone fragments, pottery shards, and mud-bricks. In Room II, the ancient builders leveled the surface with crushed mud-bricks.

Evidence of late activities at the site

Dense layers of ceramic fragments in the central and southern parts of the *kom* formed over B 1700 were disturbed with a great number of pits of up to 2 m in diameter. Most of them were filled with eolian sand and pottery fragments. Similar pits are visible today on the surface of the great pottery dump to the north of the Great Amun temple (B 500). The fill of the pits has natural stratification with many seasonal interlayers and does not bear any traces of their use for dumping or storing. Thus, the pits recorded on the surface might be the result of plundering and extracting *sebakht*⁴ and potsherds by local people. No secure date for these intrusions may be established. However, latest pits might well be dated to the 19th or even early 20th century.

The uncovered mud-brick walls of the foundation platform and layers of packed silty deposits inside were extensively disturbed with another type of pits most of which were dug in several phases. Walls of pits preserved clear marks of digging tools which had a standard metal working surface about 5–6 cm wide. Most of these pits followed the contours of the walls and were filled with eolian sand, ceramics, and stones (including architectural details) that slid down, as well as layers of silt and mud from eroded bricks washed inside the pits. Dating of these features is complicated since no reliable organic material was found inside. The use of similar cutting tools suggests that most of the pits were made during a relatively short period of time. The upper fill of the pits in the central part of the structure contained big fragments of painted craters dated to the 1st century BC – 1st century AD which means that the mud-brick walls might have been targeted by lokal *sebakheen* during the Classic Meroitic period. Intensive destruction of Meroitic mud-brick complexes is a common feature of Napata as a densely populated area with limited resources [Roccati, 2003].

Finds

Besides architectural elements and their fragments⁵, the number and variety of individual finds that have been recovered from the foundation platform of B 1700 is quite limited. This probably gives evidence that the structure was meticulously plundered. Finds are represented by four groups of objects: 1) beads (made of faience, ostrich shell, bone, stone, and glass); 2) faience tiles; 3) grindstones and pounders; 4) varia (pigments, unidentified small metal objects, fragments of golden leaf, reused potsherds, objects made of unfired clay, etc.). Many fragments of faience tiles (fig. 8) found at the site are similar to those recorded by the Italian mission that excavates the royal district of Natakamani. Their presence suggests that B 1700 was an important elite building. Grindstones and pounders are mainly associated with upper deposits formed in the time of abandonment of the structure. Beads are common in all contexts.

⁴ The term is primarily used to denote decomposed mudbricks from archaeological sites that was extracted by local people to be used as an agricultural fertilizer.

⁵ Among the sandstone blocks recovered in 2020, mostly from the fill of Room VI, from outside the outer wall in square B0, and from some later pits, there were 45 fragments of architectural details made of white, yellow, pinkish, and red sandstone: 33 fragments of column shafts of different diameters, 1 rounded molding, 11 small fragments from decorative elements (varia). 6 more fragments of architectural elements in square B0 were mapped and left in situ for the next excavation season. Some of the details had remains of white plaster painted red or yellow. A part of a pavement made of plastered reused blocks was found outside the structure in square F3 (fig. 5). As trial trenches demonstrated in 2020, many more architectural details may be found outside outer walls and in the fill of unexcavated functional rooms (Rooms XI and XIII).

Pottery dump

As was mentioned above, the fill of casemates of the foundation platform of B 1700 contained many potsherds from a huge pottery dump that dominates the landscape to the north of the Great Amun temple (B 500). The known area of the dump exceeds 9500 sq. m and more pottery may be expected under the eolian sand. The actual size of the dump might exceed 1 ha.⁶ Our calculations suggest that about 1.5 million of pottery shards from cone-shaped bread moulds and other vessels were removed during the excavation in B 1700.

The piles of potsherds mixed with ashes, animal bones, plant macro remains, and other discarded materials must be connected to the temple bakery (or bakeries) that operated in the vicinity of the Great Amun temple (B 500). Similar dumps and bakeries were found associated with Kushite Amun temples at Dangeil, Sanam, Kawa, Tabo, and Doukki Gel [Anderson, Ahmed, 2006, p. 96]. It is assumed that the bread from temple bakeries was initially offered to the god and then distributed among priests and other people related to the cult. When used, the bread moulds were piled in the vicinity, usually behind, Amun temples.

Since the redeposited material of the pottery dump composes a considerable part of the archaeological matrix of B 1700, we decided to study in detail its nature and composition and then compare these data with the data from undisturbed deposits of the pottery dump itself. In 2020, we collected 1 cubic meter of context 115L (pottery shards mixed with some grey-brown sandy loam) from the fill of one of the casemates in the central part of the platform (Room VII) and 1 cubic meter of context 122L from a trench in the pottery dump. All potsherds from the two samples were sorted and then counted manually.⁷ In one cubic meter of context 115L there were 91 895 potsherds (of which 91 651 belonged to bread moulds) while the sample from the pottery dump (122L) contained 78 816 potsherds (of which 76 769 belonged to bread moulds). The difference of about 13 000 in the number of potsherds is because the redeposited ceramic fragments from context 115L were at average of smaller size; also, the fill of pottery dump (122L) contained more inclusions other than pottery (desert pebbles, fragments of sandstone, animal bones, etc.). In addition to the statistical data, the study revealed different types of bread moulds and associated ceramics as well as potter's marks which must be classified and described in detail during future seasons⁸. The great pottery dump preserved a considerable information on the economy of the cult of Amun of Napata. Applying our sampling strategy to other parts of the dump and the fill of the platform of B 1700, we expect to determine the nature of the dump, its stratigraphy and chronology, and be able to estimate the volume of bread distributed in the temple area and, probably, the number of people who benefited from Amun cult in the late Napatan and early Meroitic periods.

PRELIMINARY OBSERVATIONS AND CONCLUSIONS

The “profane” monumental landscape of the temple area of Napata was dominated by at least five palatial and residential buildings that have been partly excavated so far: B 1200 [Kendall 1991; 1997, p. 322–323; Kendall, Wolf, 2007], B 100 [Kendall, 2014], B 1500 [Donadoni, 1993; Roccati, 1997; 2003; 2004; 2008], B 2400 [Sist, 2011, p. 159–160], and B 3200 [Sist, 2011, p. 160–162] (fig. 4). B 1700 is yet another structure that may be added to this list now.

⁶ The original ancient dumping area had to be smaller in scale. One must consider the sprawling of the dump due to weathering and human activities.

⁷ The work was done by Viktoria Yarmolovich and Alla Troshina.

⁸ Results of the ceramological study will be published as a separate paper by Viktoria Yarmolovich.

Foundation platforms with cells (“casamatta”)⁹ are common in the monumental architecture of the Nile Valley from the Second Intermediate Period onwards [Malecka-Drozd, 2014]. This technique is well attested in Meroitic monumental architecture [Baud, 2011, p. 349–352; Maillot, 2015, p. 82–83] and there are numerous examples of structures with casemates excavated in Meroe, Wad Ben Naga, Muweis, Jebel Barkal, and elsewhere. Many of them have been interpreted as private residential buildings, administrative structures, or palaces.

The now available plan of B 1700 resembles the standard outline of Meroitic elite buildings based on the classic square plan with rooms arranged around a central columned space, utility chambers on the ground floor and official areas on the upper floor(s) [Baud, 2011, p. 343; Maillot, 2015, p. 80]. Inner central enclosures of similar dimensions are attested in Meroitic palaces B 1500, B 2400, and B 3200 at Jebel Barkal as well as in the palaces of Muweis and Wad Ben Naga.

The dense concentration of “rooms” and “corridors” within the casemate platform does not necessarily imply that the plan of upper floors followed this pattern. In fact, since casemate structures were used only as platforms and their main goal was to provide stability for the whole building, the number of rooms in upper store(s) may be smaller in comparison to the number of casemate cells. Above the platform, architects were able to design a space that was more convenient for encompassing necessary functions, i.e. living, administrative, and storage facilities.

Ceramic material and radiocarbon dates suggest that B 1700 functioned in the 1st century BC – 1st century AD. Thus, the excavated structure may be contemporary to or somewhat later than B 100, with which it is comparable in size. The utilization of reused blocks from the Great Amun temple in the foundation platform of B 1700 suggests that the building was erected either during the dramatic renovation of the area to the north and east of the temple initiated by Natakamani and Amanitore, or shortly before this.

Palatial and other elite structures usually had a strong connection to the main temple [Török 2002: 19–34; Maillot 2015: 83–85]. B 1700 was built almost opposite the gate on the NE side of the outer court of the Great Amun temple (B 500). Remains of a pavement made of reused blocks found in square F3 suggests that the space between B 1700 and the Great Amun temple was of some importance and have been extensively used. At the same time, excavations in square B0 that revealed many stone architectural elements, suggest that the main entrance to the structure was probably oriented towards east, i.e. facing the urban area.

Earlier Meroitic walls reused in the platform of B 1700 (like in the case of B 1500) suggest that the newly discovered structure was an important element that was once introduced into a well-developed area. Today, the area around B 1700 is covered with a thick layer of eolian sand and Reisner’s debris. However, before dumping debris from excavations, the American mission made more than 20 trial trenches and surveyed the area assigned for dumping. These trenches hit mud-brick walls to the west of B 1700 (probably visible also on the magnetometry image)¹⁰. Unfortunately, no information concerning these trial trenches and materials recovered from them has ever been published.

The season 2020 continued to bring to the light a new monumental structure within the temple and royal area of Napata. Its excavations raised new questions that must be answered during upcoming field seasons. Further excavations of B 1700 and its surrounding must improve our knowledge of the history of Jebel Barkal and the territory to the north of the temenos of the Great Amun temple as well as provide new data for discussions on the nature of Napata as an economic and political center of Meroitic Kush.

⁹ Also called in literature “cellular platforms” [Arnold, 2003, p. 49–50] and “foundation chambers” [Török, 1997, p. 182].

¹⁰ See, for instance, photo A2840_NS from Reisner’s archive (Museum of Fine Arts, Boston).

REFERENCES

- Anderson R., Ahmed S.M. Bread Moulds and 'Throne Halls': Recent Discoveries in the Amun Temple Precinct at Dangeil. *Sudan & Nubia*. 2006. Vol. 10. Pp. 95–101.
- Arnold D. *The Encyclopedia of Ancient Egyptian Architecture*. London – New York: I.B. Tauris & Co Ltd, 2003.
- Barberini S. Djebel Barkal (Season 1998): Reconstruction of the Courtyard in B1500. *Between the Cataracts: Proceedings of the 11th Conference for Nubian Studies, Warsaw University, 27 August – 2 September 2006*. Part Two: Session Papers. Polish Archaeology in the Mediterranean, Supplement Series 2/2. Eds. W. Godlewski, A. Łajtar. Warsaw: Warsaw University Press, 2010. Pp. 169–180.
- Baud M. The Meroitic Royal City of Muweis: First Steps into an Urban Settlement of Riverine Upper Nubia. *Sudan & Nubia*. 2008. Vol. 12. Pp. 52–63.
- Baud M. *Méroé: un empire sur le Nil*. Paris: Musée du Louvre, Milan: Officina Libraria, 2010.
- Baud M. Premières données sur le palais royal de Mouweis. *La pioche et la plume: autour du Soudan, du Liban et de la Jordanie: hommages archéologiques à Patrice Lenoble*. Eds. V. Rondot, F. Alpi, and F. Villeneuve. Paris: PUPS, 2011. Pp. 339–357.
- Donadoni F.S. Preliminary Report: Excavations of the University of Rome at "Natakamani Palace," Jebel Barkal. *Kush*. 1993. Vol. 16. Pp. 101–115.
- Dunham D. *The Barkal Temples Excavated by George Andrew Reisner*. Boston: Museum of Fine Arts, 1970.
- Grzymski K., Grzymska I. Excavations in Palace M 750S at Meroe. *Sudan & Nubia*. 2008. Vol. 12. Pp. 47–51.
- Kendall T. The Napatan Palace at Gebel Barkal: A First Look at B 1200. *Egypt and Africa: Nubia from Prehistory to Islam*. Ed. W.V. Davies. London: British Museum, 1991. Pp. 302–313.
- Kendall T. Excavations at Djebel Barkal. *Kush*. 1997. Vol. 17. Pp. 320–354.
- Kendall T. B 100: A Little-Known Meroitic Palace at Jebel Barkal. *Orientalia*. 2014. Vol. 83. Pp. 63–85.
- Kendall T., El-Hassan A.M. *A Visitor's Guide to the Jebel Barkal Temples*. Khartoum: Nubian Archaeological Development Organization, 2016.
- Kendall T., Wolf P. Excavations in the Palace of Aspetla at Jebel Barkal. *Sudan & Nubia*. 2007. Vol. 11. Pp. 82–88.
- Leclère F. *Les villes de Basse Egypte au Ier millénaire av. J.-C.* 2 vols. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 2008.
- Lepsius K.R. *Denkmaeler aus Aegypten und Aethiopien; Nach d. Zeichnungen d. von Seiner Majestät d. Koenige von Preußen Friedrich Wilhelm IV. nach diesen Ländern gesendeten u. in d. Jahren 1842–1845 ausgeführten wiss. Expedition auf Befehl Seiner Majestät*. Abt. I, Bd. 2. Berlin: Nicolaische Buchhandlung, 1849.
- Maillot M.M. The Palace of Muweis in the Shendi Reach: A Comparative Approach. *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of the 12th International Conference for Nubian Studies*, eds. J.R. Anderson, D.A. Welsby. Leuven – Paris – Walpole: Peeters, 2014. Pp. 783–795.
- Maillot M. M. The Meroitic Palace and Royal City. *Sudan & Nubia*. 2015. Vol. 19. Pp. 80–87.
- Maillot M. M. The Palace of Muweis and the Early Meroitic Levels: The Contribution of Technological Analysis to the Architectural Study. *Dotawo: A Journal of Nubian Studies*. 2016. Vol. 3. Pp. 179–200.
- Małecka-Drozd N. Notes on the Origin of Casemate Foundation Platforms in Ancient Egypt. *Studies in Ancient Art and Civilization*. Vol. 18. Eds. J. Dębowska-Ludwin, M.A. Jucha, P. Kołodziejczyk. Krakow: Księgarnia Akademicka, 2014. Pp. 149–169.
- Porter B., Moss R.L.B. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings*. Vol. VII. *Nubia, The Deserts, and Outside Egypt*. Oxford: Griffith Institute, Ashmolean Museum, 1995.
- Reisner G.A. The Barkal Temples in 1916. *Journal of Egyptian Archaeology*. 1917. Vol. 3. Pp. 213–227.

- Reisner G.A. The Barkal Temples in 1916 (Continued). *Journal of Egyptian Archaeology*. 1918. Vol. V. Pp. 99–112.
- Reisner G.A. Note on the Harvard-Boston Excavations at El-Kurruw and Barkal in 1918–1919. *Journal of Egyptian Archaeology*. 1920. Vol. VI. Pp. 61–64.
- Roccati A. Excavating the Palace of Natakamani at Napata: The Entrances. *Kush*. 1997. Vol. 17. Pp. 12–18.
- Roccati A. Napata, the Destroyed City. A Method for Plundering. *Arid Lands in Roman Times. Papers from the International Conference (Rome, July 9th-10th, 2001)*, ed. M. Liverani. Florence: All'insegna del giglio, 2003. Pp. 59–64.
- Roccati A. Hellenism at Napata. In *Nubian Studies 1998: Proceedings of the Ninth Conference of the International Society of Nubian Studies, August 21–26, 1998, Boston*. Ed. T. Kendall. Boston: Museum of Fine Arts, 2004. Pp. 384–388.
- Roccati A. The Italian Archaeological Expedition to Jebel Barkal/Napata. *Between the Cataracts: Proceedings of the 11th Conference for Nubian Studies, Warsaw University, 27 August – 2 September 2006*. Part One: Main Papers. Polish Archaeology in the Mediterranean, Supplement Series 2/1. Eds. W. Godlewski, A. Łajtar. Warsaw: Warsaw University Press, 2008. Pp. 249–261.
- Sist L. Preliminary Notes on Two Royal Buildings Discovered in Napata. *Vicino & Medio Oriente*. 2011. Vol. 15. Pp. 159–166.
- Török L. *Meroe City an Ancient African Capital. John Garstang's Excavations in the Sudan*. 2 vols. London: The Egypt Exploration Society, 1997.
- Török L. *The Image of the Ordered World in Ancient Nubian Art. The Construction of the Kushite Mind, 800 BC – 300 AD*. Leiden – Boston – Köln: Brill, 2002.
- Tucker G., Emberling G. Settlement in the Heartland of Napatan Kush: Preliminary Results of Magnetic Gradiometry at El-Kurru, Jebel Barkal and Sanam. *Sudan & Nubia*. 2016. Vol. 20. Pp. 50–56.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЕБЕДЕВ Максим Александрович –
кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник Института востоковедения РАН,
Москва, Россия.

Maksim A. LEBEDEV, PhD (History),
Senior Research Fellow, Institute of Oriental
Studies RAS, Moscow, Russia.

КЛАССИЧЕСКИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080016043-4

МАЛЫЕ ДИНАСТИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ БЕНГАЛИИ
ПО СВЕДЕНИЯМ ЭПИГРАФИКИ:
ДИНАСТИЯ ВАРМАНОВ (ОК. 1050–1125)

© 2021

А.А. СТОЛЯРОВ ^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000 0001 9790 0256; astol007@gattamelata.com

Резюме: В статье представлено описание социально-политического и экономического состояния юго-восточных районов Бенгалии на рубеже XI и XII вв. в период правления династии Варманов. За это время на престоле Варманов сменились четыре правителя: Джатаварман, его сыновья Хариварман и Самалаварман и сын последнего Бходжаварман. Об их правлении можно узнать из семи источников: двух рукописей и пяти надписей. В их число входят три жалованные грамоты, составленные от имени Харивармана, Самалавармана и Бходжавармана, и две надписи на крупных объектах, относящихся ко времени правления Харивармана и Бходжавармана. Две из трёх жалованных грамот имеют плохую сохранность и потому не могут быть прочитаны полностью, в отличие от жалованной грамоты Бходжавармана. Из двух надписей на крупных объектах одна является панегириком брахману Бхатте Бхавадеве, являвшимся министром мира и войны при дворе Харивармана, а другая составлена мелким феодалом во время правления Бходжавармана.

Рассмотрение жалованных грамот династии показывает, что Варманы были региональной династией, чьи интересы не простирались далее территории Бенгалии. Их статус позволял им самостоятельно совершать пожалования, но в то же время их можно отнести к мелким независимым правителям, составлявшим окружение регионального гегемона – династии Палов. В свою очередь, надписи на крупных объектах, относящиеся к правлению династии Варманов, свидетельствуют о существовании в их княжестве системы администрации нескольких уровней, а также о наличии сложившихся товарно-денежных отношений и интенсивных социальных и экономических связей территорий, подконтрольных Варманам, с остальной Бенгалией, а также с другими регионами не только Индии, но и, возможно, более отдалённых стран. Следует также подчеркнуть, что именно в их надписях содержится самое раннее свидетельство о присутствии в Бенгалии мусульман.

Ключевые слова: раннесредневековая Индия, раннесредневековая Бенгалия, исторические источники, эпиграфика, жалованные грамоты.

Для цитирования: Столяров А.А. Малые династии раннесредневековой Бенгалии по сведениям эпиграфики: династия Варманов (ок. 1050–1125). *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 48–59. DOI: 10.31857/S086919080016043-4

MINOR DYNASTIES OF EARLY MEDIAEVAL BENGAL
ACCORDING TO THE EPIGRAPHICAL DATA:
THE DYNASTY OF VARMAṆS (CA. 1050–1125 AD)

© 2021

Alexander A. STOLYAROV ^a

^a – Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000 0001 9790 0256; astol007@gattamelata.com

Abstract: *The paper presents a description of the socio-political and economic condition of South-Eastern Bengal in a relatively short period at the cusp of the 11th and 12th centuries, when the dynasty of Varmaṇs ruled there. It is based on the data contained in their inscriptions. Altogether the period of the dynasty's reign did not exceed ¾ century. During this time four rulers succeeded the throne, namely Jatavarman, his sons – Harivarman and Samalavarman, and also Bhojavarman, the son of the latter. There are seven historical sources ascribed to the dynasty, among them two manuscripts and five inscriptions. These five inscriptions contain three land-grant charters, and two inscriptions on large objects.*

The dynasty's charters show that Varmaṇs were a 'regional' dynasty whose interests did not extend beyond Bengal. Their status allowed them to give land-grants on their own; at the same time, they may be considered as minor independent rulers who constitute the orbit of the regional hegemon – the Pāla dynasty. In turn, the inscriptions on large objects ascribed to the dynasty of Varmaṇs speak for the existence of a system of the hierarchical administration in their principality, as well as the existence of developed commodity-money relations and intensive social and economic ties of the territories controlled by the Varman with the rest of Bengal as well as with other regions of not only India, but probably with more distant countries. It should also be emphasized that their inscriptions witness the earliest evidence of the presence of Muslims in Bengal.

Keywords: Early mediaeval India, early mediaeval Bengal, historical sources, epigraphy, copper-plate grants, land-grant charters.

For citation: Stolyarov A.A. Minor Dynasties of Early Mediaeval Bengal According to the Epigraphical Data: the Dynasty of Varmaṇs (ca. 1050–1125 AD). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 48–59. DOI: 10.31857/S086919080016043-4

История раннесредневековой Северной Индии – это в основном история малых династий и мелких государственных образований. Более или менее крупных государственных образований и правящих кланов было совсем немного; длительность их правления обычно не превышала полутора – двух веков. Исключения наблюдались крайне редко. Одним из таких них была династия бенгальских Палов, правивших в Северной Бенгалии четыре столетия: с середины VIII до второй половины XII вв. Их домен располагался в северной части территории, очертаемыми напоминающей ромб, образованный руслами Падмы (продолжение Ганги), Джамуны (продолжение Брахмапутры), Махананды (северный приток Ганги) и Тисты (западный приток Брахмапутры). Однако подконтрольные им владения временами простирались на всю Бенгалию вплоть до области Читтагонг на восточном побережье Бенгальского залива и на часть Бихара, расположенную вдоль русла Ганги, заходя иногда в восточные пределы современного штата Уттар Прадеш и достигая древнего Варанаси.

Основной и зачастую единственный источник по истории рассматриваемого периода – эпиграфика, или надписи. Североиндийскую раннесредневековую эпиграфику можно условно разделить на три типа: жалованные грамоты на медных табличках, надписи на крупных и на малых объектах [Столяров, 2019, с. 14–18].

На сегодняшний день известно о 218 источниках – надписях и колофонах¹ рукописей, относящихся к Бихару и Бенгалии и содержащих упоминания правителей Палов и соседних с ними династий. При этом к династии Палов и связанным с ними правителям относятся 166 источников, или больше $\frac{3}{4}$ от общего количества, а остальные 52 содержат упоминания правителей соседних с Палами династий [см. «Общий список источников» в Столяров, 2020(2), с. 236–278]. Примечательно, что структура распределения по типам внутри этих двух подвыборок существенно различна. Так, среди 166 источников, относящихся к Палам, надписей – 132, из них значительно больше половины – 72 – это надписи на малых объектах, 34 или чуть больше четверти – надписи на крупных объектах, и 26 или почти пятая часть – жалованные грамоты. Напротив, из 52 источников, содержащих упоминания соседей Палов, надписей – 50, из них подавляющее большинство – 39 – это жалованные грамоты, шесть надписей на крупных и пять – на малых объектах.

Одной из малых династий, соседствовавших с Палами и правившими в юго-восточных районах Бенгалии к северу от русла Мегхны неподалёку от её слияния с Падмой, были Варманы. Полагают, что они в середине XI в. пришли на смену династии Чандров при содействии Карны или Лакшмикарны (ок. 1041–1073) из династии Калачуриев из Трипури, правившей в Центральной Индии. Во всяком случае, это произошло после его набега в Бенгалию, состоявшегося ок. 1048–1049².

В совокупности Варманы правили недолго – три четверти века: примерно с середины XI в. по 1125 г., а если исключить первого из них, Джатавармана (1050–1075), не оставившего никаких материальных свидетельств, то и того меньше: примерно полвека – с 1075 по 1125 гг. Фактически, они были современниками Рамапалы, 17-го государя Палов (ок. 1076–1128). За это время на престоле Варманов сменились три правителя: Хариварман, Самалаварман и Бходжаварман. Самым длительным было правление Харивармана, сына Джатавармана. По свидетельству найденной в Непале рукописи «Лагхукилачакратика», он правил не менее 39 лет [упомянут в Majumdar, 1929, p. 28].

От времени этих трёх правителей дошло семь источников: две рукописи из Непала, три жалованных грамоты и две надписи на крупных объектах. Их детальное рассмотрение может пролить некоторый свет на политическую и социально-экономическую обстановку, сложившуюся на территории, подвластной Варманам.

ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ ДИНАСТИИ ВАРМАНОВ

Три жалованных грамоты были обнаружены примерно в одном районе неподалёку друг от друга. Они составлены от имени каждого из вышеупомянутых правителей из одного и того же места: «победоносного военного лагеря в Викрамапуре» (*śrī-Vikramapura-samāvāsita-śrīmaj-jayaskandhāvārāt*)³. В частности, сильно повреждённая недатированная жалованная грамота

¹ Колофон – текст на последней странице рукописной или старинной печатной книги, где сообщаются сведения об авторе, времени и месте создания этого произведения.

² О вторжении Карны в Бенгалию свидетельствуют его надписи из Пайкоре [Mirashi, 1955(1)] и Ревы [Mirashi, 1955(2)]. Кроме того, надпись Наяпалы из Сияна содержит сообщение о разгроме армии Карны войсками Наяпалы [Sircar, 1972–73; см. также Столяров, 2020(2), с. 154, 174–175].

³ Викрамапура (Бикрампура) – историческая область в современной Бангладеш, в настоящее время известна как дистрикт. Муншигандж, расположенный в области Дакка к югу от столицы Бангладеш и севернее от места слияния Мегхны и Падмы.

из деревни Самантасар была выпущена от имени Харивармана. Другой фрагмент недатированной жалованной грамоты, найденный в деревне Сомпара, являющейся частью деревни Ваджрайогини⁴, по всей видимости, относится ко времени правления Самалавармана. Наконец, единственная датированная жалованная грамота, составленная от имени Бходжавармана, была обнаружена в деревне Белава и датирована пятым годом его правления.

В грамотах государи династии наделены титулом парамавайшнава-парамешвара-парамабхаттарак-махараджадхираджа шриман (*paramavaiṣṇava-parameśvara-paramabhaṭṭāraka-mahārājādhirāja śrīman*), из чего следует, что все они были вишнуитами.

Первые две из трёх перечисленных грамот обнаружены в середине XX в. и опубликованы в 30-м томе «Эпиграфии Индики» [Bhattasali, 1953–54]. Они сильно повреждены: лицевая часть жалованной грамоты Харивармана, где должна содержаться его генеалогия, оплавлена огнём и практически не читается⁵, на оборотной стороне различимы 24 строки; от грамоты Самалавармана сохранился фрагмент в ¼ часть, поддаются транскрипции лишь окончания первых 15 строк на лицевой стороне и 15 строк на оборотной.

Из сохранившейся части грамоты Харивармана следует, что её выпустил «из победоносного военного лагеря в Викрамапуре парамавайшнава-парамешвара-парамабхаттарак-махараджадхираджа шри-Харивармадева, медитирующий у ног махараджадхираджи шри-Джатавармы» (*mahārājādhirāja-śrī-Jātavarma-pādānudyāta-paramavaiṣṇava-parameśvara-paramabhaṭṭāraka-mahārājādhirāja-śrī-Harivar-mmadevaḥ*). Объектом пожалования был участок обрабатываемой земли размером в 86 дрон⁶ в деревне Варапарвата, приданной дистрикту/району Маюравидджа-вишая в округе Панчавасаманда в провинции Паундра-бхукти. Получателем пожалования стал брахман, чьё имя заканчивается на -шарман, сын бхаттапутры⁷ Падманабха-шармана, внук бхаттапутры Ведагарбха-шармана, внук бхаттапутры Кшита-шармана, происходящий из готры⁸ Ватсы, из правары⁹ пяти мудрецов: Бхаргавы, Чьяваны, Апнувата, Аурввы, Джамадагни, последователь шакхи¹⁰ Ашвалаяны. Самому брахману, получателю пожалования, присвоены эпитеты «бхаттапутра», «шантиварика»¹¹ и «шри». По всей видимости, ему была дарована земля за исполнение жреческих обязанностей.

Текст грамоты завершается пятью строками традиционных благословений и проклятий. Обозначения исполнителя пожалования и даты отсутствуют.

Из сохранившегося фрагмента грамоты Самалавармана можно разобрать, что её выпустил «из победоносного военного лагеря в Викрамапуре медитирующий у ног махараджадхираджи шри-Джатавармадевы парамавайшнава-парамешвара-парамабхаттарак-махара(?)», далее текст обрывается, имя Самалавармана указано ниже, в том месте, где он назван в качестве дарителя. На основании этого можно заключить, что Хариварман и Самалаварман

⁴ Предполагают, что в эпоху раннего средневековья деревня Ваджрайогини могла быть частью города Викрамапура, дистр. Мунсигандж, Бангладеш, в 19 км к югу от Дакки, поблизости от слияния Мегхны и Падмы, откуда были выпущены жалованные грамоты Варманов.

⁵ Читается только последняя, 28-я строка.

⁶ *Droṇa* – а) мера зерна; б) (сокращение от *droṇavāpa*) мера земли, засеваемая одной дроной зерна, варьирует в зависимости от территории и времени составления документа [Sircar, 1966, p. 101].

⁷ *Bhaṭṭa* (санскр.: досточтимый) – титул учёного брахмана; бхаттапутра – сын учёного брахмана, титул.

⁸ *Gotra* (санскр.: загон для коров) – понятие экзогамного рода или линиджа в индуизме; внутри готры все считаются братьями и сёстрами.

⁹ *Pravara* (санскр.: отличнейший, наилучший, старший) – определённый предок или группа предков брахмана, принадлежащий к его готре; также может переводиться как «семья».

¹⁰ *Śākhā* (санскр.: ветвь) – индуистские богословские брахманические школы, специализировавшиеся на изучении определённых ведийских текстов, или же ведийские тексты, которым следовали брахманические школы.

¹¹ *Śāntivārika* – жрец, отвечающий за совершение очистительных обрядов, или жрец, отвечающий за изготовление «очистительной воды» и её возлияние [Sircar, 1966, p. 299].

были братьями. Естественно, об обстоятельствах перехода власти от старшего брата к младшему можно только догадываться. Обозначение места пожалования не сохранилось, слабо угадывается обозначение получателя пожалования: читаются не подряд имя Бхимадева и храм Праджняпарамиты¹². Д.Ч. Сиркар предполагает, что храм был построен усилиями Бхимадевы. Возможно, что фрагмент таблички был обнаружен в развалинах именно этого храма. Примечательным здесь является то, что пожалование буддийскому божеству совершено «во имя господина Вишну» – ситуация, обратная описанной в жалованных грамотах Палов. В конце фрагмента можно разобрать три строфы, содержащие традиционные благословения и проклятия и начало обозначения даты пожалования. Сама дата утрачена.

Третья жалованная грамота, датированная пятым годом правления Бходжавармана и найденная в деревне Белава или Белау, дистрикт Нараянгандж, область Дхакка, более столетия назад, в 1912 г., оказалась единственным хорошо читаемым источником этого типа [Basak, 1913–14; Banerji, 1914; Majumdar, 1929, p. 14–24; Mukherji, Maity, 1967, p. 234–244]. Размеры медной таблички, на которой выгравирована грамота, несколько меньше, чем табличек Палов, сохранность надписи в целом хорошая. Она состоит из 51 строки.

Генеалогию Бходжавармана составляют 15 строф, занимающих почти половину грамоты: 23 полных строки и небольшую часть в начале строки 24. В первых пяти её строфах содержится мифологический перечень пуранических¹³ царей, и в этом она схожа с генеалогиями некоторых южноиндийских правителей. В пятой строфе Варманы объявляются сородичами Хари (Кришны). В шестой строфе называется первый из Варманов: Ваджраварман, воин доблестный, но не суровый, он был великим поэтом, учёным. В седьмой и восьмой строфах описан Джатаварман, сын Ваджравармана. Восьмая строфа может расшифровываться как минимум в двух смыслах: мифологически-описательном и исторически-описательном¹⁴. На это обстоятельство А.К. Майтрея, директор Общества изучения Варендры, обратил внимание Р.Г. Басака, дешифровавшего и издавшего грамоту в первых выпусках «Эпиграфии Индики» за 1913 г. [Basak, 1913–14]. В мифологически-описательном смысле Джатаварману могут быть присвоены эпитеты «обладающий боевым духом Карны (герой Махабхараты)» (*pariṇayan=Kārṇṇasya vīra-śrīyaṁ*), «владеющий [всеми] частями [тела]» (*yo-ṅgeṣu prathayaṁ*), «наделённый [прекрасными] формами Камы (бог любви)» (*paribhavaṁs=tāṁ Kāmarūpa-śrīyaṁ*), «посрамивший силу божественных рук» (*dīvyā-bhujā-śrīyaṁ*) и «лишивший наверх [гору] Говардхану» (*vikalayan-Govarddhanasya-śrīyaṁ*), тогда как в исторически-описательном смысле те же части можно расшифровать так: [Джатаварман] «взял в жёны Виращи, [дочь] Карны» (*pariṇayan=Kārṇṇasya Vīraśrīyaṁ*), «распространил [своё] превосходство на ангов»¹⁵ (*yo-ṅgeṣu prathayaṁ*), «завоевал удачу

¹² Праджняпарамита (санскрит: *prajñā-pāramitā*, или совершенствование мудрости) – 1) высший вид духовного совершенства в ранней махаяне, 2) название цикла махаянских сутр, 3) богиня мудрости уровня бодхисаттв в Великой колеснице и в ваджраяне [Андронов, 2000, с. 156].

¹³ *Purāṇa* (санскр. – древний) – здесь: тексты древнеиндийской литературы на санскрите, написанные в форме историй. В основном относятся к послеведийскому периоду и содержат описание истории Вселенной от сотворения и до разрушения, генеалогии царей, героев, богов, а также изложение индуистских философских систем и космологии.

¹⁴ О типах строф, входящих в состав генеалогических частей жалованных грамот, см. [Столяров, 2019, с. 106]. Возможность использования полисемантических терминов и эпитетов при составлении строф генеалогических частей жалованных грамот с целью придания строфе двух, трёх и более смыслов достаточно широко использовалась их составителями на всей территории раннесредневековой Индии.

¹⁵ Говардхана – холм, расположенный неподалёку от города Вриндаван в штате Уттар-Прадеш, Индия. Место поклонения вишнуитов.

¹⁶ Анга – название древнеиндийского княжества и населявшего его племени или народа, фигурирует среди 16 махаджанапад ведийского периода, княжество располагалось к востоку от махаджанапады Магадха на территории современных дистриктов Мунгер и Бхахалпур штата Бихар.

Камарупы» (*paribhavaṁs=tām Kāmarūpa-śriyam*), «посрамил силу рук Дивьи» (*Divyabhujā-śriyam*). В поэме Сандхьякаранандина «Рамачарита» говорится, что дочь Карны Яуванашири была выдана за Виграхапалу III, 14-го правителя династии Палов, и стала матерью Махипалы II и Шурапалы II, а матерью Рамапалы была неназванная раштракутская¹⁷ принцесса, братом которой был раштракута Матхана или Махана, вместе с сыновьями оказавший ценную помощь Рамапале в его борьбе с восстанием кайвартов¹⁸. Из генеалогии Бходжавармана становится ясно, что ещё одна дочь Карны, Вирашри, была отдана в жёны Джатаварману, очевидно, союзнику Палов. На основании этого можно заключить, что Виграхапала III и Джатаварман были свояками. В строфе 8 сообщается также, что Джатаварман добился военных успехов в Камарупе и Анге¹⁹, был участником похода против Дивьи, предводителя кайвартов [см. также Столяров, 2020(2), с. 189]. В отношении топонима «Говардхана» Р.Г. Басак выдвинул идею трактовать его как имя собственное, предположив, что он мог быть отцом Бхатты Бхавадевы, героя панегирика, относящегося к времени правления Харивармана²⁰. Р.Д. Банерджи также рассматривал этот топоним как имя собственное, впрочем, без каких-либо соотнесений [Banerji, 1914]. Н.Г. Маджумдар вообще обошёл эту тему молчанием [Majumdar, 1929, p. 14–24]. В следующей, девятой строфе панегирика, сказано, что от Вирашри был рождён Самалаварман, чьим сыном стал Удайин (строфа 10), а дочь – Трайлокьясундари, рождённая от Малавьядеви (строфа 11), которая стала главной среди многих жён – дочерей многих царей (строфа 12). Их сыном стал Бходжаварман (строфа 13). В следующей строфе следуют восхваления Бходжаварману, а в заключительной назван автор панегирика, и, скорее всего, всей грамоты – Пурушоттама.

Таким образом, из 15 строф генеалогической части жалованной грамоты Бходжавармана пять можно отнести к непосредственно-генеалогическим, две – к опосредованно-генеалогическим, две – к исторически-описательным и шесть – к мифологически-описательным²¹. Подобную структуру имели генеалогические части ранних жалованных грамот Палов, когда ещё не выработался унифицированный генеалогический миф [см. Столяров, 2019, с. 107]. Обращает на себя внимание отсутствие в панегирике прямого упоминания Харивармана, старшего брата Самалавармана. Схожую картину можно наблюдать и в грамотах Палов, когда после правления первых пяти государей трон перешёл к представителям боковой ветви династии, в генеалогии которых из неё были исключены упоминания четвёртого, пятого и шестого государей, принадлежавших к начальной ветви [см. Столяров, 2020(2), с. 64–65].

В генеалогии Бходжавармана прямо утверждается, что его дед, Джатаварман, принимал участие в подавлении восстания кайвартов и последующих событиях, приведших к воцарению Рамапалы, 17-го государя династии Палов. По всей вероятности, современниками Рамапалы были и сыновья Джатавармана – Хариварман и Самалаварман, а также сын последнего Бходжаварман.

Так называемая «деловая» или «распорядительная» часть начинается сообщением, что грамоту выпустил «из победоносного военного лагеря в Викрамапуре парамавайшнава-

¹⁷ Раштракуты – индийская династия, происхождение которой не установлено.

¹⁸ Кайварты – крупная группа населения, обитавшая и частично продолжающая обитать в Бенгалии, Ассаме, восточном Бихаре, на севере Одиши. В средние века имели низкий социальный ранг, занимаясь преимущественно рыболовством. С течением времени разделились на несколько групп, одна из которых, будучи затронута процессом санскритизации, сменила традиционное занятие на земледелие, присвоила самоназвание ‘махишья’ и стала одной из доминирующих аграрных каст в южных районах штата Зап. Бенгалия.

¹⁹ Военные успехи Ваджравармана в Анге могут быть поставлены под сомнение, так как есть надпись, сообщающая, что правителем Анги был тот самый Матхана, дядя Рамапалы, который помог ему одержать победу над кайвартами [Столяров, 2020(2), с. 184].

²⁰ См. ниже.

²¹ О типах строф, входящих в состав генеалогических частей жалованных грамот, см. [Столяров, 2019, с. 106].

парамешвара-парамабхаттарака-махараджадхираджа шримад-Бходжа, медитирующий у ног махараджадхираджи шри-Самалавармадевы» (*mahārājādhirāja-śrī-Sāmalavarmadeva-pād-ānudhyāta-paramavaishṇava-parameśvara-paramabhaṭṭāraka-mahārājādhirāja-śrīmad-Bhojaḥ*).

Описание объекта пожалования занимает в тексте грамоты немногим больше двух строк: это участок земли размером в одну патаку и девять с четвертью дрон в деревне Упьялика-граме, приданной поддистрикту Каусамби-Аштагачха-кхандала²² в округе Адххаттана-мандала, расположенном в провинции Паундра-бхукти.

Получателем пожалования был блистательный Рамадева-шарман, носящий титул шан-тъягар-адхикрита²³, сын Вишварупадева-шармана, внук Джаганнатхадева-шармана и правнук Питамбарадева-шармана, происходящий из готры Саварны, из правары Бхригу, Чьяваны, Аппаваны, Аурвы, Джамадагни, последователя древнейшей шакхи Белой Яджурведы, являющейся частью чараны²⁴ Ваджасаней, родившегося в Мадхьядеше²⁵ и проживающего в деревне Сиддхала-грама в Северной Радхе²⁶. Примечательно, что Рамадева-шарман, получатель пожалования, принадлежал к той же праваре, что и получатель пожалования из грамоты Харивармана, и также имел отношение к совершению ритуалов очищения. Как и в грамоте Харивармана, ему была дарована земля за исполнение жреческих обязанностей.

Далее сообщалось, что ритуал пожалования «во славу господина Васудевы²⁷», сопровождался возлиянием воды на руки получателя дара²⁸. В качестве благословения приведена только одна (!) строфа, после чего названа дата совершения пожалования: год 5 правления Бходжавармана, день 14 месяца шравана (июль-август), а также указано, что грамота проверена махакшапаталикой²⁹. Дутака (ответственный за исполнение пожалования) и гравёр не названы.

В целом имеющийся материал не даёт возможности говорить о наличии генеалогического мифа³⁰ у династии Варманов, тем более о стадиях его сложения. В то же время изучение двух исторически-описательных строф генеалогической части грамоты Бходжавармана позволяет сделать вывод о том, что их территориальные «претензии» не выходят за рамки большой Бенгалии и частично – прилегающих к ней регионов, таких как Камарупа (западный Ассам). В качестве объектов пожалования выступают обычно участки земли, а не деревни или их части, как у Палов.

ПАНЕГИРИК БХАТТЕ БХАВАДЕВЕ, ОТНОСЯЩИЙСЯ К ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ ХАРИВАРМАНА

Недатированная надпись на каменной плите, относящаяся ко времени правления Харивармана, была обнаружена вместе с другой надписью более двух столетий назад в

²² *Khaṇḍala* – территориальная единица, дистрикт или его подразделение [Sircar, 1966, p. 155].

²³ *Śāntyaḡār-ādhikṛta* – жрец, отвечающий за помещение, где совершаются очистительные обряды [Sircar, 1966, p. 299].

²⁴ *Caraṇa* – помимо термина ‘шакха’ ортодоксальные ведийские школы назывались термином ‘чарана’. Хотя слова ‘шакха’ и ‘чарана’ часто используются как синонимы, чараной правильнее называть секту или группу людей одной школы, а термином ‘шакха’ – традиционный текст, которому следует школа [Monier-Williams, 1899, p. 1062.3].

²⁵ Мадхьядеша (санскр.: срединная страна) – располагалась в районе Дамна-Гангского двуречья.

²⁶ Радха или Парх – древний регион, охватывающий юго-западные дистрикты современного штата Зап. Бенгалия.

²⁷ *Vāsudeva* (санскр.: потомок Васудевы) – одно из основных именовании Кришны в индуизме.

²⁸ *Udaka-pūrvvakam* – ритуал, в котором вода выполняет роль церемониального дара в ситуации, когда реальный дар нельзя передать из рук в руки [Sircar, 1966, p. 347].

²⁹ Махакшапаталика – хранитель записей [Sircar, 1966, p. 178].

³⁰ О генеалогическом мифе Палов см. [Столяров, 2019, с. 106–108], более подробно при описании жалованных грамот каждого из государей см. [Столяров, 2020(2)].

храме Ананты Васудевы в г. Бхубанешвар, в ту пору входившего в состав дистрикта Пури, а в настоящее время являющегося столицей штата Одиша. Около 1810 г. плиты из тёмного камня с надписями были по приказу генерала Стюарта изъяты из храма и принесены в дар Азиатскому обществу Бенгалии. В 1837 г. они по настоянию общественности были возвращены в храм и в том же году их факсимильное издание появилось в шестом томе «Журнала Азиатского общества Бенгалии». На рубеже XIX и XX вв. проф. Ф. Килхорн переиздал обе надписи в шестом томе «Эпиграфии Индики». После этого надпись, содержащая сведения о Бенгалии, переиздавалась в 1929 г. в третьем томе «Надписей Бенгалии» и в 1967 г. в «Корпусе Бенгальских надписей» [Kielhorn, 1900–01; Majumdar, 1929, p. 25–41; Mukherji, Maity, 1967, p. 349–361].

Речь идёт о панегирике (прашасти) бхатте Бхавадеве, министру мира и войны при дворе Харивармадевы, второго правителя из династии Варманов. Надпись состоит из 25 строк и содержит 33 строфы.

В ней рассказывается о семье брахманов, потомков мудреца Саварны, проживавших в Радхе, находившейся в стране Арьяварта³¹. У одного из них, Бхавадевы, получившего от царя Гауда³² жалованную грамоту на деревню Хастинибхитту (строфа 7) (l. 4–5: *sa śāsanam Gauḍa-nṛpād=avāpa śrī-Hastinībhittam=abhīṣṭa-bhūmi*), было восемь сыновей, старшего звали Ратханга, от него родился Атьянга, чьим сыном был Будха, от которого родился Адидева, ставший министром, ответственным за отдых (вишрама-сачива) правителя Ванги (строфа 10) (l. 6–7: *yo Vaṅgarājarājya-śrī-viśrāma-sacivaḥ śuciḥ*), у которого был сын Говардхана, от него и родился Бхавадева, герой панегирика (строфа 14), с которым в качестве министра мира и войны Хариварман долго правил царством (строфа 16) (l. 10–11: *yan=mantra-śakti-sacivaḥ suciraṁ cakāra rājyaṁ sadharmma-vijayī Harivarmmadevaḥ*). В следующих восьми строфах превозносились многочисленные достоинства Бхавадевы во всех областях знания, за что он не только получил титул «бхатта», но и имя «Балавалабхибхуджанга» (строфа 24) (l. 17: *yasya khalu Vā(bā)lavalabhibhubhujaṅga iti nāma n=ādṛtaṁ kena*). В завершающих восьми строфах сообщалось, что в засушливых и полупустынных землях Радхи (!) (l. 18: *Rāḍhāyām=ajalāsu jāṅgla-patha-grām-opakaṇṭha-sthalī-sīmāsu*) он вырыл водоём (строфа 26), возвёл храм Наряне, украсив его изображением бога в форме Наряны, Ананты и Нрисимхи (строфа 29), вырыл подле храма водоём, насадил сад и т.п. Последняя, 25-я строка, значительно короче остальных и написанная прозой, сообщает, что это – панегирик бхатте блистательному Бхавадеве, другое имя которого Балавалабхибхуджанга (l. 25: *praśastir=iyam Vā(bā)lavalabhibhujaṅg-āparanāmnō Bhaṭṭa-śrī-Bhavadevasya*).

Таким образом, в панегирике изложена история семи поколений брахманов, пользовавшихся благосклонностью правителей Гауда, Ванги и Варманов. Можно только догадываться, кто из правителей Гауда пожаловал деревню самому первому Бхавадеве и у кого из правителей Ванги отвечал за отдых министр Адидева, дед Бхатты Бхавадевы, героя панегирика. Вполне вероятно, деревню пожаловал кто-либо из правителей Второй «империи» Палов – Раджьяпала II или Махипала I, а вишрама-сачивой Адидева был у одного из правителей династии Чандров.

Относительно того, как надпись попала в храм Ананты Васудевы в Бхубанешваре, Н.Г. Маджумдар в предисловии к изданию надписи предполагает, что Хариварман совершил набег в Уткалу (штат Одиша), где потерпел поражение от Рамапалы. Сообщение о походе Рамапалы в Калингу и Уткалу содержится в строфах 42–45 третьей главы поэмы «Рамачарита» Сандхьякаранандина [Majumdar, 1929, p. 29–30].

³¹ Арьяварта – название Северной Индии в классической санскритской литературе.

³² *Gauḍa-nṛpād* – царями или правителями Гауда называли себя представители династии Палов.

Сам Бхатта Бхавадева был не только политиком, царедворцем, но и крупным учёным, знатоком Вед, философом. Известны несколько рукописей, автором которых считают именно его [Majumdar, 1929, p. 31].

Панегирик Бхатты Бхавадевы знаменателен тем, что его составитель описывал территорию Бенгалии и прилегающих к ней земель как единое пространство, внутри которого брахманы могли перемещаться без каких-либо препятствий: иметь родительский дом в одном месте, пользоваться пожалованием в другом, а служить – в третьем. Это также можно рассматривать как косвенное подтверждение того, что относительный мир и спокойствие на всей территории обеспечивались патронажем Палов.

НАДПИСЬ НА КАМНЕ ИЗ СУДЖАНАГАРА, ОТНОСЯЩАЯСЯ К ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ БХОДЖАВАРМАНА³³

Средних размеров плита из чёрного камня с надписью была случайно обнаружена в 1967 г. в деревне Суджанагар, расположенной в упазиле Садар дистрикта Муншигандж, Бангладеш, примерно в том же районе, откуда происходят жалованные грамоты Варманов.

Критическое издание надписи осуществил Рьосукэ Фуруи в 2019 г. [Furui, 2019].

Надпись состоит из девяти строк, составленных прозой.

В первых двух строках надписи указывается дата: «в год 7 правления махараджадхираджи Бходжавармадевы, в день 21 [месяца] джайштха (май – июнь) по солнечному календарю, [в период] пребывания в должности адхикриты³⁴ Дживасены» (l. 1–2: [siddham] *mahārājādhirāja-śrīmad-bhojavarmadeva-padiya-samvat* 7 [kha] sūryyagatyā jyaiṣṭhadine 21 °adhikṛta-śrī-jīvasena-vyāpāre*). (Рьосукэ Фуруи указывает, что значок ° поставлен для обозначения самостоятельной гласной) В следующих пяти строках сказано, что с согласия всех родичей, проживающих в других странах, махасаманта шри Авудева, сын панчакулики³⁵ Хаси, имея целью сохранение гарантий, прекращения поступлений/даров от оборота неповреждённых раковин каури, вследствие потерь [от] рабочих [по вылову] витых раковин (рапанов), и для починки вихары (обители), опекаемой Аллахабхаттаракасвамином, просит установить фиксированный налог с захвата на рынке в качестве бхоги³⁶ для махасаманты. В завершающих двух строках говорится о приобретении религиозных заслуг для тех, кто защищает это богоугодное деяние, и напротив, о каре для тех, кто не будет его соблюдать: мать защитника получит божественное благословение, тогда как отец нарушителя родится в будущей жизни ослом.

Необходимость упомянуть в обозначении даты адхикриту Дживасену недвусмысленно указывает на существование в княжестве Варманов промежуточного звена между махараджадхираджей Бходжавармой и махасамантой Аву или Авудевой, т.е. между верховным государем и мелким правителем, вассалом.

Также в надписи обозначено, что отец мелкого правителя, махасаманты Авудеви, являлся главой или членом панчакулы – влиятельного органа местного управления; скорее всего, имелась в виду городская административная единица. Это вместе с наличием родичей, проживающих в других странах, указывает на торгово-купеческое происхождение самого махасаманты. Подобную ситуацию можно было наблюдать и в государстве Палов:

³³ В основу этой части работы положен материал, опубликованный в [Столяров, 2020(1)].

³⁴ Адхикрита – чиновник, руководитель, начальник [Sircar, 1966, p. 7].

³⁵ Панчакулика – член панчакулы или панчаята, органа местного административного управления, состоявшего из пяти членов.

³⁶ Бхога (скр.: удовольствие, наслаждение) – «джагир», владение; изначально – «удовольствие», позже – «джагир», владение, ещё позже – территориальная единица, часть дистрикта [Sircar, 1966, p. 54].

достаточно вспомнить о махасаманте Бхадранаге, реальном дарителе в Муршидабадской жалованной грамоте Дхармапалы [Furui, 2011; Столяров, 2020(2), с. 31], предком которого был «сартхаваха» – «торговец, купец, член корпорации торговцев, представлявший её в административном органе, панчаяте». Это наблюдение позволяет предположить, что титул мелкого феодала – махасаманты, махамандалики, махараджи – изначально кшатрийский, в реальности не был связан с варновой принадлежностью его носителя.

Как отмечает Рьосукэ Фуруи, в надписи зафиксированы два действия, осуществлённые Авудевои: прекратить поступления / дары от оборота неповреждённых раковин каури и обеспечить ремонт повреждений, нанесённых обители, опекаемой Аллахабхаттаракасвамином. По всей вероятности, фиксация обоих действий в одной надписи означает, что между ними существует определённая взаимосвязь.

Так, «дарения от оборота неповреждённых раковин каури» (л. 4–5: *akhaṇḍit-āvārttika-kapardaka-dānam*) можно расценивать как свидетельство существования некоего денежного вклада / фонда в виде раковин каури в качестве мелкой монеты. Прекращение поступлений / дарений означает ликвидацию вклада. Необходимость «согласия всех родичей, проживающих в других странах» (л. 2–3: *pāradeśika-samasta-jñātīnām anumatyā*) означает, во-первых, что этот фонд был создан ими совместно с Авудевои, а во-вторых, предполагает наличие интенсивных торговых связей между сторонами. Причина ликвидации фонда выражена словами «вследствие потерь рабочих [по вылову] витых раковин (рапанов) (л. 4: *samkhakara-[prā]pra(pta)-hara*) и «сохранение гарантий» (л. 4: *jñātīnām rakṣaṇ-ārtham*).

Рьосукэ Фуруи предлагает реконструировать события следующим образом: вклад, состоявший из раковин каури, был дан обители Алахабхаттаракасвамины. Вклад должен был быть вложен под проценты, и рабочие по вылову раковин-рапанов обеспечивались им на основании их гарантий. Однако из-за рабочих произошла утрата изначального капитала, и потребовались гарантии для его восстановления. Чтобы закрыть вопрос о гарантиях и покрыть потери, Авудеви ликвидировал вклад, обеспечив соответствующую компенсацию религиозному учреждению.

На предоставление этой компенсации и было направлено второе действие, зафиксированное в надписи: обеспечить поступление средств на ремонт обители за счёт установления «фиксированного налога с захвата на рынке» (л. 6–7: *haṭṭa-graha-klpta*)³⁷. Подчёркивается при этом, что указанный налог является бхогой, т. е. собственностью, которой владеет махасаманта. Иными словами, Авудеви отдавал своё право собирать этот налог обители Аллахабхаттаракасвамины в качестве компенсации за ликвидацию вклада / фонда.

Рьосукэ Фуруи отмечает необычный характер обозначения религиозного учреждения, получающего дар: имя бога «Аллах» и термин «вихара» не были характерны для индуистских храмов и монастырей. Скорее всего, так могла называться медресе – религиозное образовательное учреждение ислама. В этом случае термин «вихара», служащий для обозначения буддийского монастыря и одновременно учебного заведения, функционально вполне соответствует медресе.

Анализ содержания надписи на камне из Суджанагара позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, это единственная надпись, в которой говорится о структуре власти в каком-либо из государств Восточной Индии и о происхождении мелких вассальных правителей. Авудеви, имеющий отцом «панчакулику» и связанный финансовыми отношениями с родичами за рубежом, по всей видимости, происходил из купеческой семьи. Служа государю из династии Вармана, он достиг позиции махасаманты. Многоуровневый

³⁷ *Haṭṭa-graha-klpta* – налог на захваченные или конфискованные товары; при объяснении термина «*klpta*»

Рьосукэ Фуруи ссылается на [A Sanskrit Dictionary, 2015].

характер структуры власти продемонстрирован наличием поставленного между государем и вассалом адхикриты Дживасены, полномочия которого хоть и не вполне ясны, но тем не менее затрагивают территорию Авудеи. Это можно расценивать как попытку государства контролировать деятельность вассалов.

Во-вторых, зафиксированные в надписи действия, предпринятые Авудеи, предполагают существование в государстве Варманов развитых товарно-денежных отношений. Вклад / фонд из денег в виде раковин каури возможен только при их избытке. Предположительные вложения в фонд со стороны родичей Авудеи из других стран говорит о наличии каналов его пополнения. Даже неудавшаяся попытка извлечь из него выгоду свидетельствует о процветающей рыночной экономике, в которой циркулирующие товары беспрепятственно обмениваются на деньги.

В-третьих, ещё одним подтверждением этому является факт передачи Авудеи права на «фиксированный налог с захвата на рынке» религиозному учреждению. Подразумевалось тем самым, что этот налог адекватен понесённым потерям, что было бы невозможно при отсутствии интенсивных связей между рынками государства Варманов и других стран.

Наконец, в-четвёртых, надпись можно считать самым ранним свидетельством присутствия ислама и мусульман на территории Бенгалии. Рьосуке Фуруи предполагает, что имена Аву и Хаси – арабского и персидского происхождения. Допустимо предположить, что Хаси или его предки поселились в своё время в Бенгалии как арабские или персидские купцы и стали заниматься торговлей.

В целом рассмотрение жалованных грамот династии Варманов показывает, что Варманы были «региональной» династией, чьи интересы не простирались далее территории Бенгалии. Их статус позволял им самостоятельно совершать пожалования, но в то же время их можно отнести к кругу относительно мелких независимых правителей, имеющих вассально-союзнические отношения с региональным гегемоном – Палами. В свою очередь, надпись на крупном объекте из Суджанагара свидетельствует о существовании в княжестве Варманов системы администрации нескольких уровней, чего не было в государстве Палов, а также о наличии сложившихся товарно-денежных отношениях и интенсивных социальных и экономических связях территорий княжества с остальной Бенгалией, а также с другими регионами не только Индии, но и, возможно, и более отдалённых стран. Следует также подчеркнуть, что именно в надписях Варманов содержится самое раннее свидетельство присутствия в Бенгалии мусульман.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Андронов В.П. *Словарь индо-тибетского и русского буддизма: главные имена, основные термины и доктринальные понятия*. М.: Вестком, 2000 [Andronov V.P. *Dictionary of Indian-Tibetan and Russian Buddhism: Main Terms and Dogmas*. Moscow: Vestcom, 2000 (in Russian)].

Столяров А.А. Средневековая бенгальская поэма «Рамачарита» (фрагмент). *Народы Азии и Африки*. 1983. № 3. С. 133–144 [Stolyarov A.A. Mediaeval Bengali Poem “Rāmacharita” (A Fragment). *Narody Azii i Afriki*. 1983. No. 3. Pp. 133–144 (in Russian)].

Столяров А.А. *История Бенгалии и Бихара эпохи Палов (VIII–XII вв.) по материальным источникам. Часть I. Эпиграфика: историография, источники*. М.: ИВ РАН, 2019 [Stolyarov A.A. *The History of Bengal and Bihar during the Pāla Epoch (ca 8th–12th cc.). Part I. Epigraphy: Historiography, Sources*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2019 (in Russian)].

Столяров А.А. Важный источник по истории Бенгалии. *Эпиграфика Востока*. 2020(1). Вып. 35. С. 188–193 [Stolyarov A.A. An Important Source for the History of Bengal. *Oriental Epigraphy*. 2020(1). Issue 35. Pp. 188–193 (in Russian)].

Столяров А.А. *История Бенгалии и Бихара эпохи Палов (VIII–XII вв.) по материальным источникам. Часть II. Эпиграфика: социально-политическая история*. М.: ИВ РАН, 2020(2) [Stolyarov A.A. *The History of Bengal and Bihar during the Pāla Epoch (ca 8th–12th cents). Part II. Epigraphics: Social-Political History*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2020(2) (in Russian)].

Banerji R.D. The Belabo Grant of Bhojavarman. *Journal & Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. New Series*. 1914. Vol. 10. Pp. 121–129.

Basak R.G. Belava Copper-plate of Bhojavarmadeva. The Fifth Year. *Epigraphia Indica*. 1913–14. Vol. 12. Pp. 37–43.

Bhattachali N.K. Two Grants of Varmans of Vanga. *Epigraphia Indica*. 1953–54. Vol. 30. Pp. 255–263.

Furui R. Indian Museum Copper Plate Inscription of Dharmapala, Year 26: Tentative Reading and Study. *South Asian Studies*. London, 2011. Vol. 27. No. 2. Pp. 145–156.

Furui R. Sujanagar Stone Inscription of the Time of Bhojavarman, Year 7. *Pratna Samiksha. A Journal of Archaeology. New Series*. Kolkata, 2019. Vol. 10. Pp. 115–122.

Kielhorn F. Eulogy of Bhaṭṭa-Bhavadeva, Bālavabhībhujāṅga. *Epigraphia Indica*. 1900–01. Vol. 6. Pp. 203–207.

Majumdar N.G. *Inscriptions of Bengal*. Vol. 3. Containing Inscriptions of the Chandras, the Varmans and the Senas, and of Isvaraghosha and Damodara. Rajshahi, 1929.

Mirashi V.V. Paikore Stone Inscription of Karna. *Corpus Inscriptionum Indicarum*. Ootacamund, 1955(1). Vol. 4. Pt. 1. Pp. 250–252.

Mirashi V.V. Rewa Stone Inscription of Karna: (Kalachuri) Year 800. *Corpus Inscriptionum Indicarum*. Vol. 4: Inscriptions of the Kalachuri-Chedi Era. Ootacamund, 1955(2). Pt. 1. Pp. 263–275.

Monier-Williams M. *A Sanskrit-English Dictionary. Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages*. Oxford: Clarendon Press, 1899.

Mukherji R., Maity S.K. *Corpus of Bengal Inscriptions Bearing on History and Civilization of Bengal*. Calcutta: K.L. Mukhopadhyay, 1967.

A Sanskrit Dictionary of Law and Statecraft. Eds. Olivelle P., Brick D., McClish M.R. Delhi: Primus Books, 2015.

Sircar D.C. *Indian Epigraphical Glossary*. Delhi: Motilal Banarsidas, 1966.

Sircar D.C. Siyān Stone Slab Inscription of the Time of Nayapāla. *Three East Indian Inscriptions of the Early Mediaeval Period. Journal of Ancient Indian History*. 1972–73. Vol. 6. Pt. 1–2. Pp. 39–47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СТОЛЯРОВ Александр Александрович –
кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник Отдела истории Востока Института
востоковедения РАН, Москва, Россия.

Alexander A. STOLYAROV, PhD (History),
Senior Research Fellow, Oriental History
Department, Institute of Oriental Studies of the
RAS, Moscow, Russia.

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080015816-4

БАКШЕИ – ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ

© 2021

А.В. БЕЛЯКОВ ^a

^a – Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-8588-9192; belafeb@gmail.com

Резюме: Статья посвящена проблеме бытования в русских землях такого понятия как бакшей. Данный термин был заимствован из Золотой Орды. Однако со временем его значение постепенно трансформировалось.

Данное слово письменно фиксируется в русских землях с XV в., при этом чаще всего в виде родового прозвища (бакшеев сын). Однако оно должно было появиться здесь не ранее XIV в. По-видимому, изначально так называли дьяков княжеских канцелярий, которые знали уйгурский язык и отвечали за все контакты с Золотой Ордой. В результате постепенной концентрации политической власти в руках великих московских князей удельные князья вытесняются из внешнеполитической сферы. Но бакшей у наследников вчерашних удельных князей как статусные холопы, отвечающие в том числе за выполнение конфиденциальных и особых поручений, сохраняются до середины XVI в. При этом они входят в верхнюю страту челяди своего господина и явно стоят выше боевых холопов. В случае смерти господина они получали свободу и могли перейти на аналогичную службу к иным крупным феодалам.

В конце XV в. в России появляется еще одна категория лиц называемая бакшеями. Это высококлассные специалисты, знающие несколько восточных языков. Возможно, они также хорошо разбирались в восточной дипломатии. Они никогда не посылаются в составе посольств и служат исключительно при московском государе. Их особый статус подчеркивался размерами материального вознаграждения за службу. Оно было выше материального содержания подавляющего числа членов государственного двора.

Все изменилось после событий Смутного времени начала XVII в. Такая категория служащих Посольского приказа, как бакшей, исчезает. Только с этого времени фиксируется привычная система деления специалистов внешнеполитического ведомства на толмачей и переводчиков. При этом ни первые, ни вторые не унаследовали статус бакшеев.

Ключевые слова: бакшей, Московское государство XV–XVII вв., Посольский приказ, переводчики, служилые татары.

Для цитирования: Беляков А.В. Бакшей – эволюция понятия. *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 60–71. DOI: 10.31857/S086919080015816-4

BAKSHEYS: EVOLUTION OF THE CONCEPT

© 2021

Andrey V. BELYAKOV ^a

^a – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8588-9192; belafeb@gmail.com

Abstract: *The article covers the term “bakshey” as it existed on the territory of Russia. The term was borrowed by the Russians from the Golden Horde. However, later its meaning was transformed.*

The first records of this word on the Russian territory date back to the 15th century, most often in the form of a generic by-name (e.g., “bakshey’s son”). However it is supposed to have appeared not earlier than the 14th century. Apparently, initially this was a title for Prince’s Chancellery clerks, who spoke the Uyghur language and were responsible for contacts with the Golden Horde. As a result of the fact that the Grand Princes of Moscow gradually consolidated political power, appanage princes were “driven out” from the foreign policy area. “Baksheys” took the role of high-status bond slaves for the past appanage princes. They also fulfilled confidential and special duties till the middle of the 16th century. Herewith, they represented the upper stratum of servants and were expressly above the armed bond slaves. In the event of death of their master they gained freedom and could join other great feudal lords.

At the end of the 15th century there appeared another category of “baksheys”: these are highly-qualified specialists, who spoke several Oriental languages and may also had a good knowledge of oriental diplomatic intricacies. They were never sent as part of embassies and serve exclusively under the Moscovian Prince.

After the Time of Trouble events at the beginning of the 17th century the category of baksheys as Ambassadorial prikaz employees vanished.

Keyword: *bakshey, Muscovite state in the 15th–17th centuries, Ambassadorial prikaz, translators, interpreters, serving Tatars.*

For citation: Belyakov A.V. Baksheys: Evolution of the Concept. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 60–71. DOI: 10.31857/S086919080015816-4

Занимаясь историей Московского государства XV–XVI вв., мы регулярно сталкиваемся с той или иной терминологией, позаимствованной на Востоке. При этом подчас сиюмоментное значение этих слов далеко не всегда становится для нас понятным сразу. В некоторых случаях приходится разбираться в хитросплетениях той или иной конкретной ситуации для того, чтобы понять, о чем идет речь. Одним из таких «мимикрирующих» слов является бакшей (бахшей).

В.В. Бартольд в свое время, казалось бы, дал емкое и всестороннее объяснение этому термину: «Бахши – заимствованное (вероятно, из санскр. бхикшу) слово, появившееся в восточнотюркском и персидском языках в монгольскую эпоху; обозначает, прежде всего, буддийское духовенство и в этом значении соответствует китайскому хо-шан, тибетскому лама и уйгурскому тойн. Писцы тюркского происхождения, которые должны были составлять документы уйгурским шрифтом, предназначенные для тюркского и монгольского населения, также назывались бахши; согласно Бабуру, у монголов так назывался также хирург. В государстве индийских Бабуридов бахши назывался крупный чиновник, который ведал отчетностью отдельных воинских частей и выплачивал им жалованье. В настоящее время у калмыков, монголов и маньчжуров это слово обозначает высокое духовное звание, у киргизов (диалектные формы баксы и бакса) – колдуна и прорицателя, исцеляющего больных заклинаниями, у туркмен – народного певца (и у киргизов баксы сопровождает свои заклинания звуками своего музыкального инструмента, кобуза)» [Бартольд, 2002, с. 501]. Вместе с тем существует иное этимологическое объяснение данного понятия. К. Райхл считает, что оно произошло от древнекитайского пак-ши (в современном китайском бо-ши) – мастер учитель [Райхл, 2008, с. 60]. На самом деле, все несколько сложнее.

В данной работе мы предприняли попытку разобраться в том, как со временем менялись смыслы, вкладывавшиеся в это понятие. В России бакшеем в последнее время занимался только М.А. Усманов [Усманов, 1979, с. 125–128]. За рубежом на эту тему писал И. Вашари [Vásáry, 1987, p. 31–37]. Однако в этой теме по-прежнему много белых пятен.

По легенде, после покорения найманов в 1206 г. Чингисхан сделал уйгура Татанута, являвшегося прежде хранителем печати найманского хана, своим секретарем и поручил ему научить своих сыновей уйгурской грамоте. Вскоре уйгурское письмо стало восприниматься как преимущественно монгольское. Родственники и потомки Татанута выполняли аналогичные обязанности при потомках Чингисхана. За уйгурскими писцами закрепилось название «бахши», возводимое к санскритскому «бхикшу» – буддийский отшельник. При этом бакшей долгое время успешно конкурировали с образованными чиновниками завоеванных Китая и Средней Азии. С принятием в 1312 г. ислама ханом Узбеком и, как следствие, переходом на арабскую графику чиновники-уйгуры стали постепенно вытесняться на окраины империи. Некоторые из них оказались в русских княжествах. Здесь знатоки восточной дипломатии и делопроизводства нашли теплый прием. Тем более, что по некоторым свидетельствам, среди них были не только буддисты, но и христиане. О влиянии уйгурских переселенцев говорят сохранившиеся автографы на русских документах [Морозов, 2006]. Но еще больше об этом свидетельствует появление устойчивой традиции дьяческих вертикальных монограмм, подражаний уйгурской традиции [Грязнов, 2019, с. 93–135].

Бакшей упоминаются не только в России. Известны они в Крымском [Сб. РИО, 1884, с. 173, 176, 265; ПСРЛ, 2000, с. 115], Астраханском [ПСРЛ, 2005, с. 455] и Казанском [ПСРЛ, 2000, с. 69] ханствах, Ногайской Орде [Сб. РИО, 1884, с. 82–83, 95], возможно, в Турции¹, а также, по-видимому, в Великом княжестве Литовском (?) [Усманов, 1979, с. 113, 128], по крайней мере, это слово известно в литовской метрике [Lietuvos, 1998, p. 38]. В татарских государствах носители этой должности часто выступали в роли послов. Также в документах встречается такое понятие как большой бакшей [Сб. РИО, 1895, с. 522]. При этом зачастую исследователи превращают их в рядовых писцов. На самом деле, похоже, ситуация была значительно сложнее, и статус бакшеев колебался от простых грамотеев, способных составить письмо, до начальников ханских канцелярий. Чаще всего их положение было близко русским дьякам и литовским писарям.

Сведения о бакшеях в Московском государстве XV–XVI вв. отрывочны, но и они позволяют сделать определенные выводы. Известно несколько служилых родов Бакшеевых. Однако это родовое прозвище не может служить надежным маркером для утверждения о том, что их предок выполнял функции дьяка. В данный период, судя по источникам, прозвище «бакшей» было популярно. Его носили как служилые люди, так и крестьяне. Можно даже говорить об определенной моде на это слово. Но в отдельных случаях это явно указание на исполнение человеком (его предком) некоторых административных, в первую очередь дипломатических, функций.

Рассмотрим примеры употребления этого понятия. При этом в начале обратим внимание на те случаи, когда оно фиксируется среди членов частных канцелярий высшей московской элиты XVI в.

В июле 1554 г. было пресечено бегство в Литву кн. Никиты Семенова Лобанова-Ростовского. Из допроса князя стало известно, что его туда послал шестиюродный брат боярин кн. Семен Васильевич Ростовский сообщить, что он с «братья и племянники» вослед

¹ Имеется единичное очень туманное свидетельство: «И в то время от султана бакшеем князя зовут...» [Сб. РИО, 1884, с. 108]. Публикаторы воспринимают это слово за имя князя, по нашему мнению это скорее исполняемая им должность.

«х королю идет». Перед этим, как оказалось, Семен Васильевич посылал в Литву «человека своего, бакшея, опасной просить» [*ПСРЛ*, 2000, с. 237–238; Сергеев, 2013]. Публикаторы восприняли слова бакшей как имя. Однако его, скорее, следует интерпретировать как главу личной канцелярии, синоним дьяка. В соседней Литве аналогом русского дьяка выступал писарь, дьяк же занимал положение близкое к русскому подьячему. При этом писари частных канцелярий пользовались большим доверием своих господ. Им подчас давались различные конфиденциальные поручения [Груша, 2019, с. 353–355; Рычков, 2020].

Это не единственный пример, когда главы частных канцелярий назывались бакшеями. В духовной грамоте кн. Михаила Васильевича Горбатого 1534/35 г. читаем: «А которые люди мои у меня служили по крепостем и без крепостей, и те мои люди все на слободу. Да пожаловал есми слугу своего Бакшея Семенова сына деревнею отца его Отляевым да починком Оловянкиным в Ярлыкском приселье, да опашень бархаг червчат, да дватцать рублей денег, да за его сукна приказчики мои дадут ему два сукна брюкишные восемь локот» [Акты Суздальского, 1998, № 35, с. 93]. Показательно, что из всех холопов (в том числе и боевых) по имени он назван единственным. Нам становится известно, что для того, чтобы занять это место нужно было стать холопом. Эти же лица упоминаются еще раз во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря: «7043-го (1535. – А.Б.) году июня в 25 день по князь Михайле, во иноцех Захее, Кислом дал вкладу человек его, князь Михайлов, бакшей денег 20 рублей» [*Вкладная книга*, 1987, с. 74].

Духовная кн. Ивана Васильевича Ромодановского 1521/22 г. однако несколько противоречит сложившейся картине. Среди людей (слуг) князя находящихся на положении холопов завещанных его снохе Аксинье «до ее живота или замуж пойдет»: «Христофор бакшей Сенкин сын Долгомеров», «да дьяк Иван з женою и з детми», «Кузма толмач з женою и з детми» [*Акты Российского государства*, 1998, № 40, с. 125–126]. Одновременное упоминание дьяка и бакшея ставит под сомнение их тождество. Нельзя не учитывать возможность того, что в данном случае перед нами прозвище, а не указание на профессию. Дело в том, что среди холопов князя кроме Христофора отмечено еще 5 Долгомеровых. Вместе с тем следует отметить, что Бакшей Семенов князя Михаила Горбатого и Христофор бакшей Сенкин сын князя Ромодановского, на самом деле, одно лицо. На это указывает совпадение редкого имени – прозвища, а также тот факт, что владения обоих князей располагались всего в нескольких километрах друг от друга². Если это так, то перед нами пример горизонтальной мобильности бакшеев. Можно ли предположить иную специализацию бакшеев по сравнению с дьяками?

А.Л. Грязнов, анализируя монограммы белозерских дьяков, пришел к следующим выводам: «Графика ранних монограмм, близкая к уйгурской письменности, на которой велось официальное делопроизводство монгольской империи, а затем и Золотой Орды, демонстрировала включенность русских княжеств в ордынскую политическую систему. Ярлыки русским князьям и церковным иерархам писались уйгурским алфавитом. Он же, очевидно, использовался и для ответных посланий. Соответственно, присутствие в княжеской канцелярии дьяка, знавшего уйгурскую письменность, свидетельствует о возможности соответствующего князя вести самостоятельные отношения с Ордой и получать ярлык на свое княжение ... участие дьяка, сферой компетенции которого были внешнеполитические отношения, в составлении обычных жалованных грамот может свидетельствовать о не очень четком разграничении этих сфер внутри княжеской канцелярии ... переход на кириллические монограммы, как в белозерском уделе, так и в других уделах, вероятно, свидетельствует о вытеснении удельных князей из внешнеполитической сферы» [Грязнов, 2019, с. 133–134]. Очень важно замечание исследователя о том, что переход от уйгурицы

² На данный факт автору указал А.Л. Грязнов.

наметился в середине XV в. [Грязнов, 2014; 2017]. Предположим, что бакшей – это дьяки, владевшие кроме русского еще как минимум одним иностранным языком (и возможно, не только уйгурским), в том числе письменным. Такие лица в окружении потомков удельных князей носили двоякую функцию. С одной стороны – это статусные слуги, напоминающие о прежнем высоком положении их хозяев. С другой – данные лица возглавляли личные канцелярии князей в случае поручения им великим князем того или иного задания дипломатического характера. А.Л. Грязнов в личной беседе отметил, что почти все примеры значения слова бакшей, приведенные В.В. Бартольдом, укладываются в значение русского слова дьяк (писец, делопроизводитель, религиозный деятель, в том числе связанный с пением). Случайно ли такое совпадение?

Мы вправе предположить о сохранении следов наличия бакшеев за пределами Московского княжества. В Окологородном стане Рязанского уезда в конце XVI в. фиксируются помещики Бакшеевы, владевшие одноименной деревней [*Писцовые книги*, 1996, с. 32–33]. К этому времени род уже разросся. В писцовой книге упоминается три поколения рода. Старшие представители семьи (семей) родились не ранее середины XVI в. При этом их родоначальник должен был жить на рубеже XV–XVI вв. или даже ранее. По-видимому, он являлся бакшеем великого князя рязанского. Косвенным подтверждением этого могут служить следующие факты. В Рязанском уезде такой топоним больше не фиксируется [Бабурин, 2004, с. 25]. К тому же у рязанских князей отмечаются толмачи (Юрманча, ок. 1486 г. [*Акты служилых*, 2008, № 75]), без которых связь с Ордой была также невозможна. Они выполняли множество функций помимо переводов, в том числе приставов при послах. Имелся у рязанских князей и аналог московских великокняжеских служилых татар, также обеспечивавших устойчивые контакты в начале с Золотой Ордой, а далее с ее наследниками, бардаковские татары, испомещенные недалеко от Рязани [Беляков, 2011, с. 252]. Так, белозерским князьям, по-видимому, служил отец или же дед упоминаемого во 2-й четверти XVI в. Сени Бакшеева [Грязнов, 2019, с. 292]. Однако для окончательного признания последнего предположения требуются дополнительные факты. Пока же данное наблюдение подкрепляется только значительным распространением на грамотах, созданных в этом регионе, дьячих заверительных приписей, подражающих уйгурскому письму [Грязнов, 2019, с. 93–135].

Неизвестно ни одного документа, в котором великокняжеские дьяки назывались бы бакшеями. На договорной грамоте Василия II и Дмитрия Шемяки имеется припись из пяти слов на уйгурском языке. Второе и третье читается как «битикчи Андирай» (писец Андрей) [Грязнов, 2014, с. 153]. Слово «битикчи» произошло от древнетюркского «бити» – писать. В монгольский язык оно вошло из уйгурского и обозначало секретаря-делопроизводителя. По данным М.А. Усманова, уже в XIV–XVI вв. этот термин в значении писца-исполнителя был уже архаичен и заменялся «бакшеем» [Усманов, 1979, с. 125]. То, что писарь и бакшей не тождественные понятия, хотя эти функции мог выполнять один человек, подтверждает фраза из крымских посольских книг: «... с его писарем и бакшеем Ази-Мендеем-афызом» [*Сб. РИО*, 1895, с. 392].

С прекращением зависимости русских земель от Орды статус бакшеев постепенно трансформируется. Начиная с конца XV в. фиксируются лица тюркского происхождения с таким же прозвищем. При этом их служба всегда носит дипломатический характер и связана с переводами посольской корреспонденции с различных восточных языков. Первым на страницах документов попадает Абляз-бакшей (Аблез, Обляз). В сентябре и октябре 1489 г. он писал грамоты в Крым к Менгли-Гирею [*Сб. РИО*, 1884, с. 75, 78]. В апреле 1490 г. в очередной раз писал грамоту в Крым к Менгли-Гирею [*Сб. РИО*, 1884, с. 87]. В августе того же года писал грамоту «татарским письмом» в Ногайскую Орду к Мусе-мирзе

[Сб. РИО, 1884, с. 100; *Посольские книги*, 1995, с. 29]. В ноябре 1491 г. списывал «ярлык» Менгли-Гирея царя Ивану III [Сб. РИО, 1884, с. 120–122]. В феврале 1498 г. переводил турецкие грамоты [Сб. РИО, 1884, с. 247]. В октябре 1500 г. получены известия об измене Аблеза-бакшея, который якобы посылал в Астрахань своих людей с призывом захватить московских послов [Сб. РИО, 1884, с. 333, 335]. Последствия этого извета неизвестны.

В это же время недалеко от Москвы в Ростунове стане среди великокняжеских татар значатся, по-видимому, три брата – Мерет-Хозя, Тулуш и Тювекель (Тевекель), о которых сказано, что они бакшеевы дети. С 1487 по 1504 гг. они неоднократно посылались в Крым как в составе посольств, так и с собственными миссиями (как правило, доставка грамот) [Сб. РИО, 1884, с. 70, 347, 353, 370, 430, 520]. Таким образом, служба в бакшеях не являлась наследственной. Хотя такие примеры тоже известны, но для того, чтобы ее исполнять, требовалось обладать определенным набором личных качеств.

Во второй половине XVI – начале XVII вв. в Посольском приказе известна семья служилых татар Тенишевых – Бакшеевых. Основатель рода, Тениш (Джан-Мухаммед)-бакшей известен с 1537 по 1564 гг. Тениш, похоже, был хорошим переводчиком. 13 декабря 1562 г. ногайские послы приехали в Москву. А уже 15 декабря переводы четырех грамот сделанные Тенишем отправили Ивану IV. Не позднее чем в 1570-х гг. в приказе служат его дети Абдрахман, Семен и Богдан. Позднее отмечаются и иные Тенишевы. Однако точно соотнести их родственные связи с Тенишевыми-Бакшеевыми более раннего периода на настоящий момент не представляется возможным. К тому же в отличие от родоначальника и его сыновей у нас нет оснований причислять их к бакшеям. Они служили в станичниках и толмачах Посольского приказа [Моисеев, 2019]. Отметим тот факт, что братья Тенишевы были испомещены в Коломенском уезде, а также имели дворы в Коломне (по-видимому, они им достались от отца) в непосредственной близости от царского двора, «за государевым царевым и великого князя двором» [Города, 2002, с. 26]. По-видимому, этот двор принадлежал еще Тенишу, игравшему заметную роль во внешнеполитических событиях 1550-х – 1560-х гг. В связи с этим возникает ряд вопросов. Имелся ли у них двор в Москве? Если нет, то как функционировал механизм привлечения их к работе в Посольском приказе? Ведь они получали за свои услуги более чем значительное содержание. В волости Мещерка Коломенского уезда трем братьям Тенишевым принадлежало 511 четей земли [Моисеев, 2017, с. 238].

Из дела о поместном окладе и годовом денежном жаловании другого переводчика Посольского приказа, Кучукая Устокасимова, нам становятся известны дополнительные данные об Абдрахмане Тенишеве. В ноябре 1589 г. Кучукай подал челобитную, из которой нам становится известно, что при Иване IV ему был пожалован поместный оклад в 1000 четей. К тому же это была не заявленная величина возможного земельного владения, а его реальный размер. В Вяземском уезде ему принадлежало 600 четей, а в Можайском – 400. Годовой денежный оклад составлял 130 рублей. Однако при царе Федоре Ивановиче было решено несколько сократить столь крупное содержание переводчика. Ему назначили 70 рублей годового жалования и 600 четей поместного оклада. Можайские земли ушли в поместную раздачу. Одновременно с этим мы узнаем, что ранее Абдрахман получал 50 рублей в год и имел поместный оклад в 400 четей. Однако при Федоре Ивановиче он получил придачу в 200 четей и 20 рублей. По челобитью поместный оклад Кучукая было решено восстановить. Информация о годовом жаловании отсутствует. Однако по косвенным данным (челобитная переводчика Посольского приказа 2-й половины XVII в. Н. Сфафария), оно даже выросло до 170 рублей [РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1673, д. 5, л. 84–85].

Остановимся подробнее на Устокасимове. Все из того же дела нам известны дополнительные детали. Оказывается, он знал турецкий, татарский, персидский и арабский языки,

«и с русского писма, в мусюлманские государства, в Бухар и в Юргенч, и в ыные государства мудрые предисловья пишу, и с отцом твоим, государем нашим, во многих походех бывал, и вам, государем, служил з дворяны в ряд». Но самое главное, что в указной грамоте дьякам Поместного приказа он назван Кучук бакшеем Устокасимовым [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1589, д. 25, л. 2, 1 об.]. Отметим, бакшеем он называет себя не сам, так его идентифицируют приказные власти. Кучук впервые упоминается в июне 1571 г. Тогда он переводил грамоты крымского хана Девлет-Гирея. Отец Кучука, Устокасим (Стакасим), также, похоже, известен нам. Он отмечен в связи с изменой его шурина новокрещена Ивана (Сулеймана) Урманова. Иван в 1571 г. бежал в Крым и призывал хана совершить поход на Русские земли [Посольская книга, 2016, с. 76–77]. А.В. Лаврентьев сделал предположение о том, что Устокасим являлся казанским ювелиром (золотарем), создавшим для Ивана IV Казанскую шапку [Лаврентьев, 2008]. Однако, по нашему мнению, эта версия требует дополнительных обоснований.

Потомки Кучукая служили в переводчиках Посольского приказа почти весь XVII в. Резеп Кучуков (Кучумов) (? – 1629/1630 гг.) являлся переводчиком татарского и, возможно, турецкого языков с 1615 [Лисейцев, 2003, с. 372–373; Беляков и др., 2019, с. 203] по конец 1629 / начало 1630 г. (умер от ран при возвращении из крымской посылки) [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1630, д. 1, л. 109]. Кутлоамет (Андрей) Резепов служил переводчиком татарского языка с 1638/39 гг. [РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1649, д. 11, л. 3] по 31 октября 1689 г. [РГАДА, ф. 159, оп. 2, д. 2197].

В Шелонской пятине Новгородского уезда в 1590 г. известна семья помещиков Бакшеевых, которая, по-видимому, имеет самое прямое отношение к Посольскому приказу. На это указывает два факта: родовое прозвище и факт того, что вдова Дарья отмечена как жена новокрещена Петра-бакшея [Антонов, 2002, № 153, 155]. В последней четверти XVI в. станичники Посольского приказа начинают испомещаться в Новгороде. В настоящее время отождествить Петра-бакшея (Бакшеева) сложно. Наиболее всего на эту роль подходит один человек. По данным М.В. Моисеева, с 1553 по 1571 гг. в Посольском приказе отмечен бакшей из династии великокняжеских служилых татар Кадышевых, Исатиной-бакшей (Байкеш) Темеев (Темишев) сын Кадышев [Моисеев, 2020]. На самом деле, Исатиная встречается последний раз в 1586 г., когда просит прибавку за крымскую посылку. В документах он упоминается как станичный голова, причем не с самыми большими размерами годового денежного жалования и поместного оклада [РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1584, д. 1]. В этой истории Исатиная уникальна. Дело в том, что во всех остальных известных нам случаях бакшей никогда не посылались в сопредельные страны и служили на территории России. Возможно, перед нами пример постепенной девальвации рассматриваемого нами понятия, или же под бакшеем следует подразумевать более раннее родовое прозвище, полученное от статуса предка.

В Посольском приказе XVI – начала XVII вв. известно несколько категорий служащих восточного происхождения: переводчики, толмачи, станичники и служилые татары. Разграничить их функции более чем не просто. Один человек может в разных ситуациях называться толмачом, переводчиком или же станичником. По-видимому, четкого деления не существовало, и в зависимости от конкретной службы человеку приписывалась та или иная роль. Похоже, изначально, еще до возникновения Посольского приказа, это были великокняжеские служилые татары, в функцию которых входили доставка дани, грамот и вестей, проводы московских посольств в золотоордынские «юрты» (Крым, Астрахань, Казань, Большую и Ногайскую Орды). И.В. Зайцев относит их появление у московских князей ко второй половине XIV в. [Зайцев, 2013; Моисеев, 2017]. Наблюдения А.А. Горского над терминами «ордынцы» и «делной» позволяет нам напрямую связать великокняжеских

татар с так называемыми численными людьми. Упоминание их как «численных», по-видимому, указывает на то, что изначально их было определено строго оговоренное количество. В 1364 г. о них говорится как о вполне сложившейся корпорации. А.А. Горский обоснованно связывает их появление с зарождением в 1347 г. практики отправления регулярных ордынских посольств в русские земли [Горский, 2018]. В.И. Сергеевич видит аналогичную социальную группу в Рязанском княжестве в виде «кладежных людей» или «тяглых, кои послов кормят» [Сергеевич, 1909, с. 302–304]. Но в таком случае остается необъясним их «тяглый» статус. Ордынцы явно были служилыми людьми. Данное занятие было семейным и наследственным. Среди служилых татар много родственников. За службу их испомещали в подмосковных селах. Общая численность великокняжеских татар (включая детей и женщин) могла достигать нескольких сот человек. Постепенно, уже во второй половине XVI в., они теряют связь с внешнеполитическим ведомством, принимают православие и оказываются связаны (в первую очередь по земле) с иными регионами Московского государства. Однако следы профессиональной корпорации, сформированной по этническому принципу, заметны еще в 1620-х гг. [Зайцев, 2013; Моисеев, 2017].

Постепенно среди татар стала развиваться дифференциация по степени их грамотности и способности к восточным языкам, а также личным качествам. Стали выделяться: толмачи – выполнявшие роль переводчиков, как письменной, так и устной речи, а также приставов при послах; станичные головы – возглавлявшие станицы, минимальные структурные подразделения способные выполнять те или иные поставленные перед ними задачи; рядовые станичники.

Но до конца XVI в. существовала еще одна категория служащих внешнеполитического ведомства – бакшей. Это были высококвалифицированные переводчики, владевшие несколькими языками, а также специалисты, разбирающиеся в тонкостях восточной дипломатии, способные разрешить те или иные сложные ситуации. Это была элита русской восточной политики. Следует согласиться с утверждением о том, что во многом восточный дипломатический понятийный аппарат был создан именно ими [Бережнов, 1894, с. 15–16]. Возникает вопрос о их происхождении. С одной стороны, мы видим, что Тенишевы явно связаны с остальными великокняжескими (царскими) служилыми татарами. Но, с другой, потомки бакшеев не достигают статуса своих великих отцов и дедов. По ряду причин происходило постепенное затухание импульса, данного великим предком. Поэтому мы вправе предположить, что изначально бакшей были недавними выходцами с Востока. Они никогда не посылались в зарубежные посылки и, похоже, должны были находиться в непосредственной близости от московского государя. С последней трети XVI в. они начинают подчас отождествляться с переводчиками. Однако, по-видимому, эти два понятия не были синонимами.

Все кардинально поменялось в эпоху Смуты. Понятие бакшей уходит из приказной практики. Хотя к статусу бакшеев мусульман отчасти могли приближаться и отдельные русские люди. К ним, безусловно, следует отнести Прокофия Иванова сына Вражского, служившего переводчиком Посольского приказа с 1604 по 1643 гг. [Лисейцев, 2003, с. 370–371; Беляков и др., 2019, с. 192], а также братьев Степана и Вельямина Степановых (рубеж XVI–XVII вв.) [Виноградов, 2019]. Происходит окончательная институализация толмачей и переводчиков. При этом среди толмачей фиксируется большое количество русских выходцев из плена. Впервые о них как о двух отдельных группах приказных служащих говорится в ноябре 1601 г. [*Народное движение*, 2003, № 5, с. 34]. А вот численность станичников начинает резко сокращаться. Хотя этот процесс и затянулся до середины XVII в., потому что «ордынцев» остаются в явном меньшинстве среди служащих внешнеполитического ведомства. Возможно, причину, по которой понятие «бакшей» уходит в прошлое, следует

видеть в опосредованном среднеазиатском влиянии. Приблизительно в это время данная дефиниция здесь начинает по преимуществу означать исполнителя устного эпоса и даже шамана, колдуна, знахаря, чародея [Райхл, 2008, с. 60]. В последнем значении бакшей упоминаются в это время и за Уралом.

Все же имеется единичное упоминание бакшей в Посольском приказе второй половины XVII в. Это переводчик татарского языка Степан Игнатьев (Бакшаев) сын Самойлов. Он служил с 1648/49 по 1657/58 гг. [Беляков и др., 2019, с. 200]. Но по своему статусу он был далек от бакшеев XVI в. Да и грамотных людей теперь чаще называли абызами (хафизами) [Беляков, 2015].

В XVII в. бакшей упоминаются в России в связи с посольством «мугулского Алтына царя». Все послы имели к имени приставки «бакши» [*Акты исторические*, 1841, с. 364]. Из дел не совсем понятно, были ли это священнослужители или же так обозначали грамотных людей.

Мы видим, что такое явление как бакшей требует серьезного и всестороннего исследования. Но уже сейчас понятно, что их появление в русских землях было связано с потребностями в профессионалах, обеспечивавших дипломатические контакты на восточном направлении. Первые бакшей, по-видимому, были близки по своему статусу с великокняжеским казначеем и дьяком Остафием Аракчеевым, поставившим под одним из документов свою подпись на татарском языке [Зимин, 1991, с. 168]. Постепенно этот термин эволюционировал в сторону знатока восточных языков. При этом, когда, казалось бы, он устойчиво вошел в приказной обиход, происходит резкий отказ от него. Отметим, что понятия абыз и переводчик не смогли его заменить.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / LIST OF ABBREVIATIONS

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей [*PSRL* – Complete Collection of Russian chronicles].

РГАДА – Российский государственный архив древних актов [*RGADA* – Russian State Archive of Ancient Acts].

Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества [*Sb. RIO* – Collection of the Russian Historical Society].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. III. СПб.: Типография II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841 [*Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission*. Vol. III. Saint Petersburg: Tipografiya II-go Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii, 1841 (in Russian)].

Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начало XVII в. М.: Ладомир, 1998 [*Acts of the Russian State. Archives of Moscow Monasteries and Cathedrals of the 15th – Early 17th Centuries*. Moscow: Ladomir, 1998 (in Russian)].

Акты служилых землевладельцев XV–начала XVII века. Т. IV. М.: Древлехранилище, 2008 [*Acts of Service Landowners of the 15th – Early 17th Centuries*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2008. Vol. IV (in Russian)].

Акты Суздальского Спасо-Евфимьева Монастыря 1506–1608 гг. М.: Памятники исторической мысли, 1998 [*Acts of the Suzdal Spaso-Evfimiev Monastery 1506–1608*. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 1998 (in Russian)].

Антонов А.В. Частные Архивы русских феодалов XV – начала XVII века. *Русский дипломатий*. Вып. 8. М.: Древлехранилище, 2002 [Antonov A.V. Private Archives of Russian Feudal Lords of the 15th – Early 17th Centuries. *Russian diplomatiy*. Vol. 8. Moscow: Drevlekhranilishche, 2002 (in Russian)].

Бабурин А.В. Рязанский топонимический словарь (название рязанских деревень). *Рязанский этнографический вестник*. 2004. № 32. С. 1–545 [Baburin A.V. Ryazan Toponymic Dictionary (the Name of Ryazan Villages). *Ryazan Ethnographic Bulletin*. 2004. No. 32. Pp. 1–545 (in Russian)].

Бартольд В.В. *Собрание сочинений. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов*. М.: Восточная литература, 2002 [Bartold V.V. *Collected Works. Works on the History and Philology of the Turkic and Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002 (in Russian)].

Беляков А.В. *Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование*. Рязань: Рязань. Мир, 2011 [Belyakov A.V. *The Genghisids in Russia in the 15th–17th Centuries: A Prosopographic Research*. Ryazan: Ryazan. Mir, 2011 (in Russian)].

Беляков А.В. Абызы (хафизы) в Московском государстве XVI–XVII веков. *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2015. № 7. С. 40–45 [Belyakov A.V. Abyzes (Hafiz) in the Moscow State of the 16th–17th Centuries. *Medieval Turko-Tatar States*. 2015. No. 7. Pp. 40–45 (in Russian)].

Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные). *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия*. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 187–209 [Belyakov A.V., Guskov A.G., Liseytshev D.V., Shamin S.M. Translators of the Ambassadorial Prikaz in the 17th Century: Personnel (Preliminary Data). *Translators and Translations in Russia in the Late 16th – early 18th Centuries*. Moscow: Institute of Russian History RAS, 2019. Pp. 187–209 (in Russian)].

Бережнов Н.М. *Древнейшая книга крымских посольских дел 1474–1505 гг.* Симферополь: Таврическая губернская типография, 1894 [Berezhnov N.M. *The Oldest Book of the Crimean Embassy Affairs of 1474–1505*. Simferopol: Tavricheskaia gubernskaia tipografiia, 1894 (in Russian)].

Виноградов А.В. Переводчики Посольского приказа Степан и Вельямин Степановы в дипломатии Бориса Федоровича Годунова. *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия*. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 32–40 [Vinogradov A.V. Interpreters of the Ambassadorial Prikaz Stepan and Velyamin Stepanov in Diplomacy of Boris Fedorovich Godunov. *Translators and Translations in Russia in the late 16th – early 18th Centuries*. Moscow: Institute of Russian History RAS, 2019. Pp. 32–42 (in Russian)].

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М.: Наука, 1987 [Book of Gifts of the Holy Trinity-St. Sergius Monastery. Moscow: Nauka, 1987 (in Russian)].

Города России XVI в. М.: Древлехранилище, 2002 [Cities of 17th Century Russia. Moscow: Drevlekhranilishche, 2002 (in Russian)].

Горский А.А. Московские «ордынцы» и «делуи». *Вертоград многоцветный. Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори*. М.: Индрик, 2018. С. 173–179 [Gorsky A.A. Moscow “Horde” and “Deluis”. Multicolor Vertograd. *Collection for the 80th Anniversary of Boris Nikolaevich Florya*. Moscow: Indrik, 2018. Pp. 173–179 (in Russian)].

Груша А.И. *Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом Княжестве Литовском (конец XIV – первая треть XVI в.)*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019 [Grusha A. *Crisis of Trust? Appearance and Establishment of Legal Document in the Grand Duchy of Lithuania (End of 14th – First Third of 16th Centuries)*. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019 (in Russian)].

Грязнов А.Л. Дьяческие монограммы на духовных и договорных грамотах московских князей XV в. *Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, научные суждения историка*. М.: РГГУ, 2014. С. 152–155 [Gryaznov A.L. Dyaks Monograms on Spiritual and Contractual Charters of Moscow Princes of the 15th century. *Auxiliary and Special Sciences of History in the 20th–early 21st century: Vocation, Creativity, Scientific Judgments of the Historian*. Moscow: RHSU, 2014. Pp. 152–155 (in Russian)].

Грязнов А.Л. Дьяческие монограммы на актах из фонда ГКЭ. *Вестник «Альянс-Архео»*. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. Вып. 18. С. 31–84 [Gryaznov A.L. Dyaks' Monograms on the Acts from the Board

of Economy fund. “Alliance-Archeo” Bulletin. Moscow; Saint Petersburg: Alliance-Archeo, 2017. Vol. 18. Pp. 31–84 (in Russian)].

Грязнов А.Л. *Белозерские акты XIV–XVI вв.: исследование и перечень*. Вологда: Древности Севера, 2019 [Gryaznov A.L. *Belozersk Acts of the 14th–16th Centuries: the Research and the List*. Vologda: Drevnosti Severa, 2019 (in Russian)].

Зайцев И.В. *Великокняжеские служилые татары в XV – первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае* [Zaitsev I.V. *Great-Princely Service Tatars in the 15th – First Half of the 16th Century and Their Land Ownership in the Moscow Region* (in Russian)] <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaytsevs.pdf> (accessed: 13.10.2020).

Зимин А.А. *Витязь на распутье*. М.: Мысль, 1991 [Zimin A.A. *Knight at a Crossroads*. Moscow: Mysl', 1991 (in Russian)].

Лаврентьев А.В. Казанская шапка и казанские цари. *Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Б.Н. Флори*. М.: Индрик, 2008. Вып. 12. С. 99–117 [Lavrent'ev A.V. *Kazan crown and Kazan kings. Anfologion. Slavs and THEIR NEIGHBORS. Power, Society, Culture in the Slavic World in the Middle Ages. To the 70th Anniversary of B.N. Florya*. Moscow: Indrik, 2008. Vol. 12. Pp. 99–117 (in Russian)].

Лисейцев Д.В. *Посольский приказ в эпоху Смуты*. М.: ИРИ РАН, 2003 [Liseytshev D.V. *Ambassadorial Order During the Time of Troubles*. Moscow: Institute of Russian History RAS, 2003 (in Russian)].

Моисеев М.В. Землевладение служилых татар в Коломенском уезде XVI в.: (предварительные замечания). *Вестник университета Дмитрия Пожарского*. 2017. № 2. С. 236–247 [Moiseev M.V. *Land tenure of service Tatars in the Kolomna district of the 16th century: (preliminary remarks)*. *Journal of Dmitry Pozharsky University*. 2017. No 2. Pp. 236–247 (in Russian)].

Моисеев М.В. Тенешевы-Бакшеевы: семья переводчиков и толмачей XVI в. *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия*. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 83–87 [Moiseev M.V. *The Teneshevs-Baksheevs: a Family of Translators and Interpreters of the 16th century. Translators and Translations in Russia in the Late 16th – Early 18th Centuries*. Moscow: Institute of Russian History RAS, 2019. Pp. 83–87 (in Russian)].

Моисеев М.В. Семья гонцов Кадышевых: вехи служебной биографии. *Исследования по истории Восточной Европы = Studia historica Europae orientalis*. Минск: РИВШ, 2020. Вып. 13. С. 89–96 [Moiseev M.V. *The Kadyshhev Family of Messengers: Milestones of the Official Biography. Studia historica Europae orientalis*. Minsk, 2020. Vol. 13. Pp. 89–96 (in Russian)].

Морозов Д.А. Уйгурские автографы московских дьяков (дополнение к древнерусской дипломатике). *Памяти Лукичева*. М.: Древлехранилище, 2006. С. 173–199 [Morozov D.A. *Uyghur Autographs of Moscow Clerks (Addition to Old Russian Diplomacy)*. In *Memory of Lukichev*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2006. Pp. 173–199 (in Russian)].

Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608. М.: Наука, 2003 [Popular Movement in Russia during the Time of Troubles at the Beginning of the 17th Century, 1601–1608. Moscow: Nauka, 2003 (in Russian)].

Писцовые книги Рязанского края XVI века. Т. I. Вып. 1. Рязань: Русское слово, 1996 [Books Describing the Ryazan Region of the 16th century. Vol. I. No. 1. Ryazan: Russkoe slovo, 1996 (in Russian)].

Полное собрание русских летописей. Т. XIII: Никоновская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000 [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XIII: Nikon Chronicle. Moscow: Languages of the Russian Culture, 2000 (in Russian)].

Полное собрание русских летописей. Т. XX: Львовская летопись. М.: Языки русской культуры, 2005 [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XX: Lviv Chronicle. Moscow: Languages of the Russian Culture, 2005 (in Russian)].

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. М.: Издательский дом Марджани, 2016 [Ambassadorial Book on the Ties between the Moscow State and Crimea. 1571–1577. Moscow: Izdatelskii dom Mardzhani, 2016 (in Russian)].

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995 [*Ambassadorial Books on Russian Relations with the Nogai Horde 1489–1549*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatelstvo, 1995 (in Russian)].

Райхл К. *Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура*. М.: Восточная литература, 2008 [Raikhl K. *Turkic Epos: Traditions, Forms, Poetic Structure*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2008 (in Russian)].

Рычков А. О практиках коммуникации в Великом княжестве Литовском в первой половине XVI в. на примере одного черновика. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2020. № 2. С. 14–32 [Rychkov A. About the Communication Practices in the Grand Duchy of Lithuania in the First Half of the 16th Century on the Example of One Draft. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2020. No. 2. Pp. 14–32 (in Russian)].

Сборник Русского исторического общества. Т. 95. М.: Типография А. Траншеля, 1895 [*Collection of the Russian Historical Society*. Vol. 95. Moscow: Tipografiia A. Transhelya, 1895 (in Russian)].

Сборник Русского исторического общества. Т. 41. М.: Типография О. Елеонского и К°, 1884 [*Collection of the Russian Historical Society*. Vol. 41. Moscow: Tipografiia O. Eleonskogo i K°, 1884 (in Russian)].

Сергеев А.В. Из истории политической борьбы 50-х гг. XVI в. «Дело князя Семена Ростовского». *История и культура Ростовской земли: 2012*. Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2013. С. 66–74 [Sergeev A.V. From the History of the Political Struggle of the 1550-s “The case of Prince Semyon Rostovsky”. *History and Culture of the Rostov Land: 2012*. Rybinsk: Rybinskii Dom pechati, 2013. Pp. 66–74 (in Russian)].

Сергеевич В.И. *Древности русского права*. Т. I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909 [Sergeevich V.I. *Antiquities of Russian Law*. Vol. I. Saint Petersburg: Tipografiia M.M. Stasiulevicha, 1909 (in Russian)].

Усманов М.А. *Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв.* Казань: Издательство Казанского университета, 1979 [Usmanov M.A. *Acts of the Dzhuchiev Ulus of the 14th–16th Centuries*. Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo universiteta, 1979 (in Russian)].

Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1440–1498). Vilnius, 1998 [*Lithuanian Metrika. Book of Inscriptions*. Vilnius, 1998 (in Russian)].

Vásáry I. *Az Arany Horda kancelláriája*. Budapest: Kossuth Könyvkiadó, 1987 [Vasary I. *Chancellery of the Golden Horde*. Budapest: Kossuth Könyvkiadó, 1987 (in Hungarian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БЕЛЯКОВ Андрей Васильевич – д.и.н.,
старший научный сотрудник, Институт
российской истории, Москва, Россия.

Andrey V. BELYAKOV, DSc (History), Senior
Researcher, Institute of Russian History, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080015521-0

ПЕРЕВОДЧИКИ И ТОЛМАЧИ С ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ
В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В КОНЦЕ XV–XVI ВВ.¹

© 2021

М.В. МОИСЕЕВ^a

^a – Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0421-8982; maksim-moiseev@yandex.ru

Резюме: В настоящей статье исследуется процесс формирования переводческой службы в Московском государстве в течение конца XV–XVI вв. Проанализирован репертуар восточных языков, доступных московским специалистам-переводчикам. Автор пришел к выводу о том, что основным языком переговоров и переписки выступали языки тюркской группы, а использование фарси в это время вызывает сомнения. Первоначальной формой международной коммуникации в Московском государстве была устная, а письменная считалась менее почетной и выполняла служебную, вспомогательную функцию. Постепенно на рубеже XV–XVI вв. устная коммуникация уступила место обмену посольскими грамотами. В 1563 г. царь Иван IV Васильевич предпринял попытку вернуться к старой форме обмена мнениями между сторонами. Это было воспринято крымской стороной как новация, которая основывалась на завышенных претензиях московской стороны. В конечном итоге после спора правителей, зафиксированного в русско-крымской дипломатической переписке, стороны вернулись к привычной практике обмена посланиями, и крымско-татарский язык сохранил за собой роль языка дипломатического общения. Выявлены три группы специалистов, занимающихся межязыковой коммуникацией. Наиболее элитной были переводчики-бакшеи, которые специализировались на переводах и составлении грамот. Вторая группа – это толмачи. Они сопровождали иностранные посольства, обеспечивали их связь с принимающей стороной, исполняли дипломатические функции. Третья группа – это головы станиц служилых татар, которые исполняли, кроме своих непосредственных обязанностей, еще функции переводчиков устной речи. Они ездили в татарские-постордынские государства, а также периодически в Османскую империю. В этой трехчастной структуре именно толмачи были прослойкой, исполнившей наибольшее число функций в организации дипломатического диалога. В XVI в. толмачество играло роль стартовой площадки для детей бакшеев и подьячих, а вот для лиц, не принадлежащих к этим группам, – это был потолок карьерных возможностей.

Ключевые слова: переводчики, бакшеи, толмачи, дипломатическая переписка, Посольский приказ, международная коммуникация.

Для цитирования: Моисеев М.В. Переводчики и толмачи с восточных языков в Московском государстве в конце XV–XVI вв. *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 72–82. DOI: 10.31857/S086919080015521-0

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (проект № 20-18-00432). Руководитель проекта – К.Ю. Ерусалимский.

TRANSLATORS AND INTERPRETERS FROM ORIENTAL LANGUAGES IN THE MOSCOW STATE AT THE END OF THE 15TH–16TH CENTURIES

© 2021

Maksim V. MOISEEV ^a

^a – Russian State University of Humanities, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-0421-8982; maksim-moiseev@yandex.ru

Abstract: *The article examines the process of formation of the translation service in the Moscow state during the late 15th–16th centuries. The repertoire of oriental languages available to Moscow translation specialists is analyzed. The author came to the conclusion that among these oriental languages, the Turkic languages were the main languages of negotiations and correspondence, and the use of Farsi at this time is questionable. The original form of international communication in the Moscow state was oral communication, and written communication was considered less honorable and performed an official, auxiliary function. Gradually, at the turn of the 15th–16th, oral communication gave way to the exchange of embassy certificates. After the dispute between the rulers about the language of diplomatic correspondence in 1563, recorded in the Russian-Crimean diplomatic correspondence, the parties returned to the usual practice of exchanging messages, and the Crimean Tatar language retained its role as the language of diplomatic communication. Three groups of specialists engaged in cross-language communication are identified. The most privileged were the Bakshi translators, who specialized in translating and writing letters. The second group is the interpreters. They accompanied foreign embassies, ensured their communication with the host country, and performed diplomatic functions. The third group is the heads of the villages of the service Tatars, who performed, in addition to their direct duties, the functions of interpreters of oral speech. In the 16th century, 'tolmachestvo' played the role of a launching pad for the children of 'bakshey' and 'podyachy'.*

Keywords: translators, baksheys, interpreters, diplomatic correspondence, Embassy orders, international communication.

For citation: Moiseev M.V. Translators and Interpreters from Oriental Languages in the Moscow State at the End of the 15th–16th Centuries. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 72–82. DOI: 10.31857/S086919080015521-0

Acknowledgements: The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00432).

Важнейшую роль в международной коммуникации играли толмачи и переводчики. Традиционно принято определять *толмачей*, как переводчиков устной речи, а под переводчиками понимать специалистов письменного перевода. Впрочем, еще в начале XVII в. такой строгой дифференциации не было [Беляков, 2017, с. 99]. По мере развития внешнеполитических связей Московского государства и увеличения числа контрагентов растет и репертуар языков, необходимый для поддержания отношений. В начале XVII в. в Посольском приказе работали с 9 языками, в 1613–1615 гг. в активе уже было 13 языков [Лисейцев, 2003, с. 152, 154], а во 2-ой половине XVII в. работали с 21 языком [Беляков, 2017, с. 113–114]. На рубеже XV–XVI вв. рабочими языками московской дипломатии были латынь, немецкий и татарский. В конце XVI в. мы уже знаем о наличии переводчиков с *фарси* (персидский), однако это вызывает определенные сомнения. С одной стороны, известно, что языком офи-

циальных актов шахского Ирана был фарси [Петрушевский, 1949, с. 7]. С другой стороны, известно, что как минимум часть дипломатической переписки велась на *тюрки* [Шорохов, Слесарев, 2019, с. 31]. В.А. Шорохов и Т.А. Слесарев выявили фирман шаха Аббаса I астраханскому воеводе от 1622 г. Этот документ был написан на тюркском языке и, как отмечают исследователи, язык документа «чрезвычайно близок османскому» [Шорохов, Слесарев, 2019, с. 31, 32, прим. 1]. По крайней мере часть посланий русских царей к иранским шахам писалась на *тюрки* [Памятники, 1890, с. 171, 308, 332–334; Хисамова, 2012, с. 115, 195].

Толмачи и переводчики, обсуживавшие русско-иранские отношения, известны по документам именно, как татарские переводчики [Памятники, 1890, с. 154, 161, 165, 227]. Сложность с переводом с/на фарси для Посольского приказа иллюстрирует случай с миссией князя В.В. Тюфякина в 1597 г. Первоначально в состав делегации были назначены толмачи Девлет-Бахты Чекаев с сыном и Степан Маслов [Памятники, 1890, с. 337]. Однако через некоторое время Девлет-Бахты с сыном были отозваны в Москву из-за того, что старший Чекаев стар и болен, а младший не имеет необходимых навыков. Вместо них был послан Исен-Али Дербышев [Памятники, 1890, с. 390; Бушев, 1976, с. 281]. Однако в наказной памяти послу еще до этой замены содержалась инструкция, если шах решится на «докончание», то послу нужно было сообщить, что посланный переводчик умер, а тот, что выжил, «по фарсовски мало знает» и просить написать договор «по татарски» [Памятники, 1890, с. 370]. Иначе говоря, русское правительство заранее готовилось к тому, что выделенные в миссию специалисты по переводу фарси не знают и придумало версию со смертью переводчика. Интересно, что в случае, если иранская сторона все-таки подготовит «докончание» на фарси, предписывалось осуществить последовательное копирование текста слово в слово [Памятники, 1890, с. 370–371]. Известно, что послания царей Федора Ивановича и Бориса Годунова в Иран в 1590-х гг. писались по-татарски [Памятники, 1890, с. 171, 308, 332]. Следовательно, можно предположить, что еще в конце XVI в. специалистов-переводчиков с фарси было крайне мало, а возможно, были периоды, когда их и не было вовсе, а рабочим языком дипломатических отношений между Московским царством и Сефевидским Ираном был тюркский язык.

Ранняя форма осуществления коммуникации между правителями осуществлялась устно. В XII–XV вв. мы встречаем примеры, когда сама коммуникация представлялась как прямая речь одного правителя другому посредством посла [Присёлков, 2002, с. 222, 370]. Еще в конце XV в. такой стиль межгосударственной коммуникации сохранялся. К крымскому хану Менгли-Гирею послами ездили представители Боярской Думы и выступали с речами, и только когда отправлялись люди не родовитые, речи заменялись грамотами [СИРИО, с. 13, 15]. В памяти русскому послу к хану Менгли-Гирею кн. И.С. Кубенскому (апрель 1500 г.) описывалась практика, которая для этого времени была новой. Князю предписывалось после того, как он «речи выговорит», обратиться к хану и сообщить ему о том, что те речи, которые посол не произнес, он может приказать переписать со списка [СИРИО, с. 307]. Таким образом, послы выступали перед ханом и его двором на русском языке, а толмачи переводили. Послания в конце XV в. воспринимались как вынужденная мера, а на рубеже XV–XVI вв. появляется новая практика, когда родовитый посол выступает с речью, а потом ее переписывают. Это, кстати, фиксирует то обстоятельство, что еще в это время грамоты не выдаются послам-аристократам, и, вероятно, это связано с тем, что этот тип документа воспринимался как недостаточно почетный для них. Интересно, что и крымские послания могли быть написаны на русском языке [СИРИО, с. 320, 329]. Позднее в отношениях с татарскими государствами грамоты к правителям и членам их семьи и двора стали основным способом коммуникации и писались на *тюрки*, что на делопроизводственном языке того времени называлось «*татарским письмом*» (то есть на

татарском языке арабской графикой), но в 1563 г. в Москве от этой практики отказались. Эта реформа вызвала у крымского хана Девлет-Гирея недоумение – и это понятно, т.к. в это время уже сложился ритуал дипломатического общения, согласно которому русский посол сначала правил поклон, а затем после традиционных вопросов о здоровье следовал жест вручения грамоты [Бачинский и др., 2018, с. 113]. Речи же превратились во второстепенный способ коммуникации. Именно поэтому Девлет-Гирей I связывал эту акцию с гордостью царя Ивана IV Васильевича и его хвастовством, вызванным победами в Ливонской войне, а конкретно захватом Полоцка [РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 10, л. 171об.]. Однако царь возразил хану, сославшись на практику речей русских послов перед ханами в конце XV в. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 10, л. 211об.–213]. После этого спора русские вернулись к прежней практике отправки посланий «татарским письмом», хотя это выдерживалось не всегда и не везде. В 1570 г. послание азовскому дездару Джаферу было написано по-русски. Тогда эта проблема была решена после обращения Джафера к Ивану Новосельцеву, тот приказал читать грамоту по-татарски толмачу, а османский писец ее записал [Моисеев, 2019, с. 63]. В контексте спора крымского хана и русского царя в 1563 г. любопытно, что и в послании ногайскому мирзе Урусу в 1564 г. специально оговорено, что написано оно «татарским письмом» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 7, л. 16.]. Возможно, что на волне успеха в Ливонской войне в Москве и вправду решили реформировать переписку с татарами и вести ее на русском языке. Во всяком случае, с Великим княжеством Литовским и Коронай Польской переписка издавна велась на кириллице [Banionis, 1998, р. 145–150; Ерусалимский, Полехов, 2019, с. 48–61]. Эта атака не удалась, и русскому дипломатическому ведомству пришлось вернуть «татарскому письму» статус дипломатического языка.

Взаимоотношения не ограничивались перепиской, а сопровождалась обментами посольствами и переговорами. Когда посланник или посол направлялся в Крым или Ногайскую Орду, его обязательно сопровождала станица служилых татар и не одна, головы которых исполняли в посольстве роль толмачей. В конце XV в. нам известно несколько толмачей, исполнявших дипломатические функции. Иванча Белый ездил к хану Менгли-Гирею 30.04.1479 г., а позднее 19.03.1483 г., вероятно, он же ездил к жене Айдару [СИРИО, с. 15, 16, 35]. Осенью 1487 – весной 1488 гг. посла Д.В. Шеина в Крымское ханство сопровождал толмач Борис, и он тогда же ездил с миссией в Большую Орду [СИРИО, с. 74]. В январе 1491 г. в Казань к хану Мухаммед-Эмину с послом был направлен толмач Петруша Новокрещеной [Посольские, 1995, с. 40], а секретную часть переговоров должен был переводить Борис Марков [Посольские, 1995, с. 41]. В марте 1500 г. в Каффу был направлен А.С. Кутузов, в свите которого был толмач Бориска. В тексте посольской книги отмечено, что это был человек князя Семена Ряполовского [СИРИО, с. 292–293]. А.В. Беляков отождествляет толмача Бориса в миссии Д.В. Шеина и Бориса миссии А.С. Кутузова [Беляков(1)], однако надежных оснований для этого кроме тождества имен и сферы деятельности у нас нет. Кроме того, надо учесть, что на рубеже XV–XVI века на переводческой ниве трудилось несколько Борисов: Борис Марков, Борис Тарханов [СИРИО, с. 120], а также бесфамильные Борис, толмач миссии Д.В. Шеина, и Бориска, толмач миссии А.С. Кутузова. В 1500 г. в Перекоп к хану Менгли-Гирею был направлен послом князь И.С. Кубенской, которого должен был сопровождать толмач Борис Марков, однако вместо него были отправлены Бахтияр-татарин и Михал Белочник [СИРИО, с. 301]. В августе 1500 г. в состав посольства к крымскому хану входил толмач Илья [СИРИО, с. 315]. Вероятно, этот же Илья сопровождал в Крымское ханство князя Федора Ромодановского в марте 1501 г. [СИРИО, с. 340], и эта миссия для Ильи стала последней. На посольский караван напали в степи, и он был убит [СИРИО, с. 407]. В октябре 1501 г. к Менгли-Гирею посольством отправлен Ф.М. Киселев, которого сопровождал наш старый знакомец Борис Марков уже не только

как толмач, но и как подьячий [*СИРИО*, с. 372; Алексеев, 2019, с. 294]². В марте 1502 г. при после Алексее Заболотском толмачом выступал Андрей Немчин Маминский [*СИРИО*, с. 383]. В сентябре 1503 г. в составе посольства И.И. Ощерина числятся два толмача. Это были уже известные нам Борис человек князя С. Ряполовского и Иван Белый [*СИРИО*, с. 487]. Итак, за конец XV – начало XVI вв. нам известно несколько толмачей с восточных языков, которые принимали непосредственное участие в дипломатических миссиях: Иванча Белый (1479, 1483, 1503), Борис (1487/88), Петруша Новокрещенов (1491), Борис Марков (1491, 1501), Бориска, человек кн. С. Ряполовского (1500, 1503), Бахтияр (1500), Михаил Белочник (1500), Илья (1500, 1501[†]), Андрей Немчин Маминский. Интересно, что лишь для нескольких человек такие поездки были привычны, тогда как большинство упоминается лишь единожды. Заметно чаще в татарские юрты ездили служилые татары-гонцы, которые к тому же обладали знанием языка. Именно поэтому в XVI в. постепенно роль переводчиков при миссии в постордынские государства стали исполнять головы (руководители) станицы служилых татар. Однако при дипломатических контактах с Османской империей и Сефевидским Ираном сохранялась практика включения в миссию толмачей, не относящихся к станицам гонцов. Время от времени эти люди становятся известны нам поименно. В сентябре 1534 г. Сафа-Гирей вспоминал, что к нему ездил толмач Баика. Как толмачи известны Баибера, Севастьян, Собаня, Нагай, Кудаш и Девлет-хозя [*РГАДА*, ф. 123, оп. 1, кн. 8, л. 100; кн. 11, л. 319, 324об., 325, 326об.; кн. 15, л. 75, 84об., 277; *Посольская*, 2016(1), с. 200; *Посольская*, 2016(2), с. 110, 227, 235, 253]. Иногда нам известны подробности их деятельности. Например, ту самую знаменитую речь Афанасия Нагого, которая вызвала спор о языках переписки, о чем было рассказано ранее, переводил толмач Ногай [*Посольская*, 2016(1), с. 190, 191]. Но что мы еще можем узнать о толмачах и можем ли мы идентифицировать их, ведь они известны нам только по именам? Во-первых, и ногайские, и крымские аристократы были придирчивы и внимательны к толмачам. Они вполне воспринимали их как полноценных дипломатов. Ураз-Мухаммед, ногайский мирза, в 1578 г. просил царя Ивана IV прислать к себе или сына боярского или толмача [*РГАДА*, ф. 127, оп. 1, кн. 8, л. 376]. Так же рассуждал и крымский аристократ Ибрахим-паша, когда просил прислать к себе толмача Резана [*РГАДА*, ф. 123, оп. 1, кн. 8, л. 579]. Качество работы оценивалось, и иногда толмачи получали крайне не лестную оценку: «да присылал еси с Микитою толмача, ни слова говорити знает, ни сам догодаетца», а другие, наоборот, оценивались весьма высоко: «толмачи Рязан да Девлечар и сами говорити умеют, и от людей сказати умеют же» [*РГАДА*, ф. 123, оп. 1, кн. 8, л. 537]. Во-вторых, эти толмачи поддаются идентификации. Так, Севастьян – это известный толмач Севастьян Авраамов, вершиной карьеры (и последней службой) которого стала посольская миссия в Астраханское ханство в 1551 г. Собаней и Девлет-хозя – это очень известные гонцы, братья Резановы, сыновья Резана Баимакова, брата уже упоминавшегося Девлет-Чара Баимакова [Беляков(2)]. Ногай – это Ногай Сююндюков, станичный голова, неоднократно ездивший в Ногайскую Орду и Крымское ханство в 1557–1570 гг. [Виноградов, 2016, с. 87; Моисеев, 2016, с. 179]. К этой же категории относятся и упоминаемые Байберя – Байберя Тоишев и Кудаш, которого можно идентифицировать с Кадышем Кудиновым [Виноградов, 2016, с. 86, 88; Моисеев, 2016, с. 178].

В Османскую империю, Иран и позднее в центральноазиатские ханства и кавказские государства направлялись толмачи, которые не обязательно были сотрудниками станиц гонцов. Так, в 1514/1515 г. в составе посольства в Стамбул В.А. Коробова входили толмачи Федор Елболда и Онуфрий Колужанин [*РГАДА*, ф. 89, оп. 1, кн. 1, л. 28.]. Однако

² А.Ю. Савосичев полагает, что Борис Марков потомственный подьячий, сын подьячего Марко. См.: [Савосичев, 2015, с. 173].

это не было строгим правилом. В определенных случаях толмачами при миссии выступали станичные головы. Девлет-Чар Баймаков, известный гонец, был толмачем в миссии В.М. Третьяка-Губина в июне 1520 г. [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 1, л. 147–147об.; Беляков(2)]. Весной 1523 г. в Стамбул толмачем вновь был послан Елболда [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 1, л. 255об.]. В этой же миссии был еще один толмач – Гаврилка Буд, не упоминавшийся при описании состава миссии [РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 1, л. 257об.].

В 1588 г. в миссию Г.Б. Васильчикова, направленного в Иран, входил толмач Шестак Иванов [Памятники, 1890, с. 20, 25, 63, 64, 67, 104], в этой же поездке фигурирует еще один толмач – Шестак Кабанов [Памятники, 1890, с. 98], но возможно, что это один и тот же человек. В 1594 г. при русском после князе А.Д. Звенигородском состояли татарский переводчик Степан Полуханов и толмач Айдар Павлов [Памятники, 1890, с. 221, 222; Беляков и др., 2021, с. 168–169]. В 1597 г. в миссии В. В. Тюфякина, как уже говорилось выше, числились два толмача: Девлет Бахты Чекаев, Степан Маслов и один стажер Эмир-Бахты Чекаев [Памятники, 1890, с. 337], спустя время отца и сына Чекаевых сменил татарский переводчик Исен-Али Дербышев [Памятники, 1890, с. 390].

Кроме посольских миссий толмачи принимал участие в сопровождении иностранных посольств. В XVI в. функционал переводчиков и толмачей оказался уже окончательно сформировавшимся. В частности, в русско-ногайских отношениях сложилась практика, когда именно толмачи сопровождали ногайских послов до границы. Именно эта служба фиксируется у толмачей: Сенки в октябре 1504 г., Дениса Максимова в июне 1507 г., в июле 1507 г. Елки и Федьки Новокшенова мордвина в сентябре 1507 г. [СИРИО, с. 538; Посольские, 1995, с. 70, 72]. Переводчики назначались вместе с толмачами на базар, на котором ногаи продавали своих коней, могли выполнять функции приставов и назначались встречать послов вместе с приставом [РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 8, л. 30об., 31об.–32; ф. 127, оп. 1, 1587 г., д. 5, л. 2]. В группу встречающих, как правило, назначали представительный отряд толмачей и переводчиков. Причем эти толмачи были служащими посольского ведомства и не относились к корпорации гонцов. В 1551 г. ногайское посольство встречал толмач Михаил Тимофеев [Посольские, 2006, с. 52, 61]. Первоначально в Москве еще не отрегулировали состав и количество встречающих, если допускалось, чтобы послов встречал только толмач. Такая ситуация сохранялась недолго. Уже в середине XVI в. сложилась практика, когда формировался отряд, возглавляемый специально назначенным головой, который обеспечивал охрану посольству на все время нахождения в стране. В этот отряд и прикомандировывались толмачи и переводчики, но вот число их было определено не сразу. В октябре 1551 г., например, в отряд встречающих Строя Лачинова входил один толмач [Посольские, 2006, с. 77], также и в отряде князя Василия Мезецкого в октябре 1551 г. был один толмач Брюшко Павлов [Посольские, 2006, с. 79]. В июле 1557 г. указывается точное число толмачей – 5 человек [Посольские, 2006, с. 250] и эта практика сохранялась и позднее. Так, 20.10.1564 г. ногаев должен был встречать Михаил Безнин с отрядом в 10 детей боярских и 5 толмачей [РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 7, л. 27–27об.]. Могли толмачи исполнять функции приставов, во всяком случае именно толмач Игнат Голчихин 12.05.1552 г. и 2.06.1552 г. приглашал ногайских послов на двор на аудиенцию [Посольские, 2006, с. 85, 95]. В январе 1555 г. у пристава Офони Копьева были толмачи [Посольские, 2006, с. 159]. В 1557 г. к приставам у выехавшего на русскую службу Юнус-мирзы был прикомандированы толмачи Григорий Мальцев и Гаврила Доможиров [Посольские, 2006, с. 271]. Толмачи и переводчики регулярно исполняли приставство при иранских послах [Памятники, 1890, с. 9, 113, 114, 115, 122, 125, 131, 151, 154, 161, 165, 166, 183, 312]. Также толмачи назначались на ногайский базар в Москве «для всякого дела» и дежурили там посменно [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1587 г., д. 2, л. 21]. Временами толмачи превращались в сыщиков. Так, Тарас

Бабаев в мае 1587 г. поехал разыскивать 23 пропавших ногайских коня в Шацк и Касимов [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1587 г., д. 2, л. 21.].

Еще одной группой лиц, специалистов по международной коммуникации, были *бакши*, позднее получившие название *переводчиков* [Беляков(3)]. В отличие от толмачей, они не выполняли дипломатических поручений, а были сосредоточены только на письменном переводе и, вероятно, оформлении грамот.

Безусловной звездой на рубеже XV–XVI вв. был переводчик Абляз-Бакшей (Абу-л-Гази-бакши), который переводил и писал послания «татарским письмом» и в Крымское ханство, и Ногайскую Орду, что даже специально оговаривалось в посольских книгах [СИРИО, с. 75, 78, 87, 100]. Исключительность его положения обратила на себя внимание историков и после М.Н. Бережкова многие исследователи связывают развитие формуляра крымской посольской книги именно с этим переводчиком [Бережков, 1894, с. 15–16]. Одним из самых заметных и влиятельных переводчиков в русско-ногайских отношениях был Тениш (Джан-Мухаммед)-бакши. Начало его службы можно отнести к 1530-м гг., а уже в декабре 1562 г. он демонстрировал большой опыт в переводческой деятельности, когда 13-го числа ему поручили перевод, 15 декабря переведенные послания были отправлены царю Ивану IV в Можайск [РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 6, л. 90–90об.; *Посольские*, 1995, с. 202, 249–250]. В феврале 1577 г. «посылан крымских послов подчивати с меды толмач Абдрахман Тенишев» [*Посольская*, 2016(2), с. 269], который был очевидно его старшим сыном [Города, 2002, с. 26]. Последнее упоминание Тениш-бакшея относится к 1564 г., и оно связано с удержанием у себя ногай [РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 6, л. 212об.]. В 1576–1577 гг. источники фиксируют Абдрахмана, Семена и Богдана Тенишевых, исполнявших переводческие обязанности [РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 8, л. 30об., 31об.–32; *Посольская*, 2003, с. 17]! Известно, что Семен и Богдан переводили ногайские грамоты в 1577 г. [РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 8, л. 33об.] Допускать их родственную связь нам позволяют данные писцовых книг, которые содержат информацию о том, что Абд ар-Рахман (Абдрахман), Семен и Богдан совместно владели поместьем в волости Мещерка (Мещерская) Коломенского уезда. Причем источник фиксирует их как братьев, указывая на то, что они Тенишевы дети Бакшеева [*Писцовые*, 1872, с. 536–537].

Служба братьев Тенишевых-Бакшеевых на поприще дипломатических отношений с ногайцами продолжалась и позднее. 3 июня 1581 г. «толмач и переводчик» Семен Тенишев встречал ногайское посольство, а в конце июля того же года другое ногайское посольство встречал его брат Богдан [РГАДА, ф. 127, оп. 1, кн. 10, л. 74, 103об.]. Богдан Тенишев принимал ногайское посольство и позднее: 21 июля 1587 г. [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1587 г., д. 5, л. 2.]. В этом документе еще упоминается толмач Душкеи Тенишев [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1587 г., д. 5, л. 4.], но наличие родственных связей с нашими Тенишевыми не прослеживается. В 1587 г. Богдан Тенишев входил в отряд, встречавший ногайское посольство [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1587 г., д. 5, л. 2, 7], и тогда же упоминается толмач Юрий Тенишев [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1587 г., д. 2, л. 3], хотя одно из наиболее ранних упоминаний этого толмача относится к 1583 г. [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1583 г., д. 1, л. 7(8)]. Дольше всех в приказе из изучаемой семьи Бакшеевых-Тенишевых служил Богдан Тенишев, который еще 29.01.1610 г. давал показания об измене татарина-новокрещена Якова Еркутаева [*Народное движение*, 2003, с. 194].

Итак, данные источников позволяют нам выстроить следующие связи. Тениш-Бакши занимается переводом в 1530-е – 1560-е гг., затем мы обнаруживаем трех братьев Абд ар-Рахмана, Семена и Богдана Тенишевых-Бакшеевых. Причем вместе они упоминаются в 1576–1577 гг. Далее источники упоминают их по отдельности. В 1581 г. в документах фигурирует только Семен и Богдан, а с 1587 г. – только Богдан. Но в документах появ-

ляются два толмача Тенишевых: Юрий и Душкеи. Впрочем, надежно связать их с нашими Тенишевыми мы не можем, хотя эта связь и не исключена.

Анализ писцовых книг позволяет дополнить наши знания об этих переводчиках и толмачах. Поместье Тениша Бакшеева обнаруживается в Сурожском стану Московского уезда. Этот стан по наблюдениям И.В. Зайцева уже с конца XV в. использовался для испомещения великокняжеских служилых татар [Зайцев]. К моменту описания в 1583–1586 гг. это поместье уже давно запустело [Писцовые, 1872, с. 114, 118–119], а новые земельные владения семьи Тенишевых были сосредоточены в Коломенском уезде и были весьма значительны по площади, насчитывая 511 четей в одном поле [Моисеев, 2017, с. 238]. Имели они и двор в Коломне, который располагался за царским дворцом [Города, 2002, с. 26].

Не менее состоятельным был известный нам переводчик-бакшей Кучук Устакасимов. В 1589 г. при царе Иване IV у него было 1000 четвертей поместья (600 чети в Вязьме и 400 чети в Можайске) и денежного жалованья в год 130 рублей [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1589 г., д. 25, л. 2]³. Подобный поместный оклад делал его причастным к верхушке служилого города, например, если мы сравним его оклад по Вязьме в 600 чети с поместным окладом служилых детей боярских по этому же городу по боярскому списку 1577 г., то увидим, что верхушка этого города имела оклад в 500 чети [Станиславский, 2004, с. 199]. Впрочем, после смерти первого царя при Федоре Ивановиче экономическое положение Кучука Устакасимова ухудшилось. Его можайское поместье по неизвестным причинам было дано в раздachu, а жалованье уменьшено на 60 рублей, сравнив его с неким Адрахманом (не Абд ар-Рахман Тенишев ли это?) [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1589 г., д. 25, л. 2]. Теперь его поместный оклад стал равняться 600 четям, а денежный – 70 рублям. Впрочем, такой размер годового жалованья как у Кучука Устакасимова был доступен далеко не всем толмачам и переводчикам. Татарский и турецкий толмач Девлет Бахты Чикаев имел годовое жалование в размере 20 рублей, переводчик Степан Полуханов – 25 рублей, толмачи Степан Маслов и Айдар Павлов по 10 рублей, а только что верстаный Эмир Бахты Чекаев получил 8 рублей годового оклада [Памятники, 1890, с. 337]. Служебные командировки были хотя и полны опасностей, но помогали им улучшить свое имущественное положение. Степану Маслову, отправленному с миссией в составе посольства, выдали жалованье за два года (20 рублей) и еще он получил подмогу 20 рублей, Степан Полуханов получил подмоги на 50 рублей. Кроме этого, можно было добиться освобождения своих поместий от государевых податей [Памятники, 1890, с. 337–338]. Известны случаи, когда переводчики назначались послами. Например, Севастьян Авраамов в 1550 г. в Астраханское ханство, Прокофий Вразский в Ногайскую Орду в 1608 г. [Акты, 1914, с. 188; Комиссаренко, Моисеев, 2004, с. 199–209]. В целом можно отметить, что именно бакшей-переводчики составляли элиту среди специалистов по межкультурной коммуникации.

Итак, в конце XV – начале XVI вв. в службе международной коммуникации в Московском государстве мы можем выделить три группы. Первая, наиболее привилегированная – это *бакшей*, специалисты письменного перевода и составления посланий мусульманским владыкам. Вторая – толмачи, специалисты как устного, так и письменного перевода. Функционал толмачей был весьма широк. Они принимали участие в сопровождении иностранных миссий, входили в аппарат базарных воевод и приставов, ряд из них прикомандировывался к русским посольским делегациям, могли они быть направлены для обеспечения нужд перевода и в пограничные города и крепости. Третья группа – это станичные головы. Именно они в XVI в. заняли позицию толмача при миссии в татарские юрты, а иногда исполняли эту роль и в посольствах в Османскую империю. На данный момент сложно установить, насколько проницаемы были границы между этими тремя груп-

³ Благодарю А.В. Белякова за предоставленный документ.

пами. Однако можно отметить, что в течение XVI в. между бакшееми и толмачами строгой границы не было. Потомки бакшеев могли начинать службу как толмачи и позднее достичь статуса бакшея. Однако следов восходящих карьер из толмача (при условии отсутствия бакшейского происхождения) или станичной головы в бакшея нам неизвестно.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ/LIST OF ABBREVIATIONS

РГАДА – Российский государственный архив древних актов [RGADA – Russian State Archive of Ancient Acts].

СИРИО – Сборник Русского исторического общества [CIRIO – Collection of the Russian Historical Society].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Акты времени правления царя Василия Шуйского. (1606 г. 19 мая–17 июля 1610 г.). М.: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1914 [Acts of the Reign of Tsar Vasily Shuisky. (1606 May 19–July 17, 1610). Moscow: Imperatorskoe Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskih pri Moskovskom universitete, 1914 (in Russian)].

Алексеев Ю.Г. *Государство и право эпохи формирования Российского государства (XIV–XV вв.)*. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2019 [Alekseev Yu.G. State and Law of the Era of the Formation of the Russian State (14th–15th Centuries). Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2019 (in Russian)].

Беляков А.В. *Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг.* СПб.: Нестор-История, 2017 [Belyakov A.V. Employees of the Ambassadorial Order 1645–1682. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia, 2017 (in Russian)].

Беляков А.В. Когда появились переводчики? (в печати) (1) [Belyakov A.V. When did the Translators Appear? (in print) (1) (in Russian)].

Беляков А.В. Служилые татары на дипломатической службе Московского государства на примере семьи Резановых-Баймаковых (в печати) (2) [Belyakov A.V. Service Tatars in the Diplomatic Service of the Moscow State on the Example of the Rezanov-Baymakov Family (in print) (2) (in Russian)].

Беляков А.В. Бакшеи – эволюция понятия (в печати) (3) [Belyakov A.V. Baksheys: Evolution on the Concept (in print) (3) (in Russian)].

Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. *Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю*. М.: Индрик, 2021 [Belyakov A.V., Guskov A. G., Liseitsev D.V., Shamin S. M. Translators of the Ambassadorial Order in the 17th Century: Materials for the Dictionary. Moscow: Indrik, 2021 (in Russian)].

Бережков Н.М. *Древнейшая книга крымских посольских дел 1474–1505 гг.* Симферополь: Таврическая губернская типография, 1894 [Berezhkov N.M. The Oldest Book of the Crimean Embassy Affairs of 1474–1505. Simferopol: Tavricheskaia gubernskaia tipografiia, 1894 (in Russian)].

Бушев П.П. *История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 (по русским архивам)*. М.: Наука, 1976 [Bushev P.P. History of Embassies and Diplomatic Relations of Russia and Iran in 1586–1612 (according to the Russian Archives). Moscow: Nauka, 1976 (in Russian)].

Виноградов А.В. Служилые татары Посольского приказа в осуществлении дипломатических связей Русского государства и Крымского ханства 60 – 90-х годов XVI века. *Средневековые тюрко-татарские государства*. Казань, 2016 № 8. С. 84–91 [Vinogradov A.V. The service Tatars of the Ambassadorial Order in the Implementation of Diplomatic Relations between the Russian State and the Crimean Khanate of the 60–90s of the 16th century. Medieval Turkic-Tatar States. 2016. No. 8. Pp. 84–91 (in Russian)].

Города России XVI века. *Материалы писцовых описаний*. М.: Древлехранилище, 2002 [Cities of Russia of the 16th Century. Materials of Scribal Descriptions. Ed. Prepared by E.B. Frantsuzova. Moscow: Drevlehranilishe, 2002 (in Russian)].

Ерусалимский К.Ю., Полехов С.В. Послание короля Сигизмунда II Августа Ивану Грозному из собрания Вильнюсского университета (1568 г.): текст и дипломатический контекст. *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2019. № 4(78). С. 48–61 [Erusalimskiy K. Yu., Polekhov S. V. The Letter of King Sigismund II Augustus to Ivan the Terrible from the Collection of the Vilnius University (1568): Text and Diplomatic Context. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2019. No. 4(78). Pp. 48–61 (in Russian)].

Зайцев И.В. Великокняжеские служилые татары в XV–первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае [Zaitsev I. V. Great-Princely Service Tatars in the 15th–first Half of the 16th Century and their Land Ownership in the Moscow Region (in Russian)] <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaytsevs.pdf> (accessed: 10/13/2020).

Лисейцев Д.В. *Посольский приказ в эпоху Смуты*. М.: ИРИ РАН, 2003 [Liseytshev D. V. *Ambassadorial Order during the Time of Troubles*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2003 (in Russian)].

Моисеев М.В. Служилые татары – гонцы Посольского приказа XVI века. Материалы для биографического словаря. *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2016. № 8. С. 175–181 [Moiseev M. V. Service Tatars – the Messengers of the Ambassadorial Order of the 16th Century. Materials for a Biographical Dictionary. *Medieval Turkic-Tatar States*. 2016. No. 8. Pp. 175–181 (in Russian)].

Моисеев М.В. Землевладение служилых татар в Коломенском уезде XVI в.: (предварительные замечания). *Вестник университета Дмитрия Пожарского*. 2017. № 2. С. 236–247 [Moiseev M. V. Land Tenure of Service Tatars in the Kolomna District of the 16th Century: (Preliminary Remarks). *Journal of Dmitry Pozharsky University*. 2017. No. 2. Pp. 236–247 (in Russian)].

Моисеев М.В. Азов (Азак) в 1570 г. в донесении русского посланника Ивана Новосильцева. *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2019. № 11. С. 60–66 [Moiseev M. V. Azov (Azaq) in 1570 in the Report of the Russian Ambassador Ivan Novosiltsev. *Medieval Turkic-Tatar States*. 2019. No. 11. Pp. 60–66 (in Russian)].

Комиссаренко А.И., Моисеев М.В. Астраханское ханство по документам ногайской посольской книги за 1551–1556 гг. *Исторический архив*. 2004. № 2. С. 199–209 [Komissarenko A. I., Moiseev M. V. Astrakhan Khanate according to the Documents of the Nogai Embassy Book for 1551–1556. *Istoricheskii arkhiv* (= *Historical Archives*). 2004. No. 2. Pp. 199–209 (in Russian)]

Бачинский А., Ерусалимский К., Кочековская Н., Моисеев М. Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования. *Российская история*. 2018. № 2. С. 111–129 [Bachinskij A., Erusalimskij K., Kochekovskaya N., Moiseev M. Diplomatic Correspondence of Ivan the Terrible: Problems of Authorship, Storage and Existence. *Russian History*. 2018. No. 2. Pp. 111–129 (in Russian)].

Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сборник документов. Под ред. Н.М. Рогожина. М.: Наука, 2003 [Popular Movement in Russia during the Time of Troubles at the Beginning of the 17th Century, 1601–1608. Ed. N. M. Rogozhin. Moscow: Nauka, 2003 (in Russian)].

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Под ред. Н.И. Веселовского. Т. 1. СПб: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890 [Monuments of Diplomatic and Commercial Relations of Moscow Rus with Persia. Ed. N. I. Veselovsky. Vol. 1. Sankt-Peterburg: Tovarishchestvo parovoi skoropechatni Yablonskii i Perott, 1890 (in Russian)].

Петрушевский И.П. *Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI–начале XIX вв.* Л.: Издательство Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова, 1949 [Petrushevskii I. P. *Essays on the History of Feudal Relations in Azerbaijan and Armenia in the 16th–early 19th Centuries*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. A. Zhdanova, 1949 (in Russian)].

Писцовые книги Московского государства. Под ред. Н.В. Калачова. Ч. 1. Писцовые книги XVI века. Отд. 1. СПб: издание Императорского русского географического о-ва, 1872 [Scribal Books of the Moscow State. Ed. N. V. Kalachov. Part 1. Scribal Books of the 16th Century. Otd 1. Sankt-Peterburg: izdanie Imperatorskago russkago geograficheskago o-va, 1872 (in Russian)].

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995 [*Ambassadorial Books on Russian Relations with the Nogai Horde 1489–1549*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatelstvo, 1995 (in Russian)].

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М.: ИРИ РАН, 2003 [*Ambassadorial Book on Russian relations with the Nogai Horde (1576)*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2003 (in Russian)].

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань: Татарское книжное издательство, 2006 [*Ambassadorial Books on Russian Relations with the Nogai Horde 1551–1561*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 2006 (in Russian)].

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. М.: Фонд «Русские витязи», 2016(1) [*Ambassadorial Book on the Ties between the Moscow State and Crimea. 1567–1572*. Moscow: Russian Knights Foundation, 2016(1) (in Russian)].

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571 – 1577 гг. М., 2016(2) [*Ambassadorial Book on the Ties between the Moscow state and Crimea. 1571–1577*. Moscow: Izdatelskii dom Mardzhani, 2016(2) (in Russian)].

Присёлков М.Д. *Троицкая летопись. Реконструкция текста*. СПб.: Наука, 2002 [Priselkov M.D. *Trinity Chronicle. Text Reconstruction*. Sankt-Peterburg: Nauka, 2002 (in Russian)].

Савосичев А.Ю. *Дьяки и подьячие XIV–XVI веков: происхождение и социальные связи*. Т. 1. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Орел, 2015 [Savosichev A.Yu. *The Dyaks and the Podyachies of the 14th–16th Centuries: Origin and Social Relations*. Vol. 1. Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Orel, 2015 (in Russian)].

Сборник Русского исторического общества. Т. 41. М.: Типография О. Елеонского и К°, 1884 [Collection of the Russian Historical Society. Vol. 41. Moscow: Tipografiya O. Eleonskogo i K°, 1884 (in Russian)].

Станиславский А.Л. *Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв.* М.: РГГУ, 2004 [Stanislavsky A.L. *Works on the History of the Sovereign's Court in Russia of the 16th–17th Centuries*. М.: RSUH, 2004 (in Russian)].

Шорохов В.А., Слесарев Т.А. Фирман персидского шаха Аббаса I астраханскому воеводе из фондов Российского государственного архива древних актов. *Клио*. 2019. № 4(148). С. 28–33 [Shorokhov V.A., Slesarev T.A. Firman of the Shah Abbas I of Persia to the Voivode of Astrakhan from the Funds of the Russian State Archive of Ancient Acts. *Klio*. 2019. No. 4 (148). Pp. 28–33 (in Russian)].

Хисамова Ф.М. *Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начало XIX вв.)*. Казань: Татарское книжное издательство, 2012 [Khisamova F.M. *Tatar Language in the Eastern Diplomacy of Russia (16th–early 19th Centuries)*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 2012 (in Russian)].

Banionis E. *Lietuvos didžiosios kunigaikštystės pasiuntinybių tarnyba: XV–XVI amžiais*. Vilnius: Diemedžio leidykla, 1998 [Banionis E. *The Diplomatic Office of the Grand Duchy of Lithuania: 15th–16th centuries*. Vilnius: Diemedžio leidykla, 1998 (in Lithuanian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

МОИСЕЕВ Максим Владимирович –
кандидат исторических наук, научный
сотрудник Центра научного проектирования
РГГУ, Москва, Россия.

Maksim V. MOISEEV, PhD (History),
Research Fellow, Center for Scientific Design,
RSUH, Moscow, Russia.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.31857/S086919080016107-4

«БУХАРА ПОДОБНА АЛЖИРУ»: ОСМАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА О ПРОШЕНИИ БУХАРСКОГО ЭМИРА ХАЙДАРА К СУЛТАНУ МАХМУДУ II О ПРИНЯТИИ БУХАРЫ В СОСТАВ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

© 2021

А.Д. ВАСИЛЬЕВ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2947-4413; advasilyev@mail.ru

Резюме: *Взаимоотношения Бухарского эмирата и Османской империи в XIX в. ранее не раз становились объектом изучения. Однако, один любопытный эпизод двусторонних отношений не получил должной оценки исследователей. Речь идет о весьма интересном послании правителя Бухары, мангытского эмира Хайдара (1800–1826) к османскому султану Махмуду II (1808–1839) с просьбой о принятии Бухары в состав Османской империи. История политических и дипломатических контактов Османской империи и бухарских правителей династии Шейбанидов берет свое начало еще в XVI в., когда их основным геополитическим противником был сефевидский Иран. Однако, ранее правители Бухары не обращались к султану с просьбами о покровительстве и вассалитете, действуя зачастую более самостоятельно. Сложная внутри- и внешнеполитическая ситуация вокруг Бухары в 1810–1820-х гг. заставила эмира Хайдара искать пути ее решения, одним из которых было получение внешней помощи от государства, считавшегося наиболее могущественным в мусульманском мире. Интересны также мотивы османской политической элиты, обсуждавшей различные аспекты данного дипломатического казуса и проводивших прямое сравнение ситуации с потенциальным вхождением Бухары в состав империи с тем кругом проблем, которые испытывала османская дипломатия вокруг Алжира. Сходство условий вступления Алжира в XVI в. в состав Османской империи и ситуации вокруг Бухары в XIX в. было обусловлено похожими чертами военно-политических угроз, с которыми они столкнулись. Однако в XVI в. Османская империя находилась на пике своего могущества, а Алжир, первым из регионов Магриба принявший политическое покровительство Османской империи, являлся важным форпостом на Средиземном море для дальнейшей борьбы с Габсбургами в Испании. Для Османской империи, вступившей в XIX в. в период упадка, Бухара была малоизвестным регионом мира, присоединение которого несло значительные риски. В данной статье автор предпримет попытку рассмотреть этот эпизод, мотивы и цели сторон более детально.*

Ключевые слова: Бухара, эмир Хайдар, Османская империя, Махмуд II, Алжир, колониальная политика.

Для цитирования: Васильев А.Д. «Бухара подобна Алжиру»: османская политическая элита о прошении бухарского эмира Хайдара к султану Махмуду II о принятии Бухары в состав Османской империи. *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 83–94. DOI: 10.31857/S086919080016107-4

“BUKHARA IS LIKE ALGERIA”: THE OTTOMAN POLITICAL ELITE ON THE PETITION OF THE BUKHARA EMIR KHAIDAR TO SULTAN MAHMUD II TO ACCEPT BUKHARA INTO THE OTTOMAN EMPIRE

©2021

Alexander D. VASILYEV ^a

^a – Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0003-2947-4413; advasilyev@mail.ru

Abstract: *Relations between the Bukhara Emirate and the Ottoman Empire in the 19th century previously became the object of study more than once. However, one curious episode of bilateral relations has not received the proper assessment of the researchers. We are talking about a very interesting message from the ruler of Bukhara, Mangyt Emir Khaidar (1800–1826) to the Ottoman Sultan Mahmud II (1808–1839) with a request to accept Bukhara into the Ottoman Empire. Difficult internal and external political situation around Bukhara in the 1810s–1820s forced Emir Khaidar to look for the ways to solve it, and one of these ways was to receive external assistance from the state, which was considered the most powerful in the Muslim world. The motives of the Ottoman political elite, who discussed various aspects of this diplomatic incident and made a direct comparison of the situation with the potential entry of Bukhara into the empire with the range of problems that the Ottoman diplomacy experienced around Algeria, are also interesting. The similarity of the conditions for the entry of Algeria in the 16th century into the Ottoman Empire and the situation around Bukhara in the 19th century was due to the similarity of the military-political threats they faced. However, Bukhara was a little-known region of the world, and its annexation carried many significant risks. In this article, the author will attempt to consider this episode, the motives and goals of the parties in more detail.*

Keywords: Bukhara, emir Khaidar, Ottoman Empire, Mahmud II, Algeria, colonial policy.

For citation: Vasilyev A.D. “Bukhara is Like Algeria”: The Ottoman Political Elite on the Petition of the Bukhara Emir Khaidar to Sultan Mahmud II to Accept Bukhara into the Ottoman Empire. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 83–94. DOI: 10.31857/S086919080016107-4

Политические и дипломатические связи Бухарского эмирата и Османской империи в XIX в. не раз привлекали внимание исследователей [Saray, 1994; 2003; Andican, 2003]. Тем не менее, один любопытный эпизод двусторонних отношений ускользнул от их пристального, иногда даже пристрастного взгляда. В данной статье будет рассмотрено весьма любопытное послание правителя Бухары, мангытского эмира Хайдара (1800–1826) к османскому султану Махмуду II (1808–1839) с просьбой о принятии Бухары в состав Османской империи и его оценка османской политической и религиозной элитами. Прежде чем перейти к описанию самой просьбы и ее обсуждения при султанском дворе, необходимо привести краткий обзор османско-бухарских отношений первой четверти XIX в.

По-видимому, Хайдар (1775–1826) знал о политико-дипломатических контактах своего отца Шахмурада с османским султаном Абдулхамидом I (1774–1789) в канун русско-турецкой войны 1787–1791 гг. [Ряжев, 2020; Васильев, 2014]. Вскоре после прихода к власти в 1800 г. новый представитель мангытской династии эмир Хайдар решил возобновить связи с Турцией. Начало XIX в. ознаменовалось активизацией бухарско-османских связей: посольства от эмира Хайдара прибывали в османскую столицу в 1801, 1803, 1804, 1810, 1815, 1816, 1819 и 1820 гг. Практически все посланники прибывали в Османскую империю через территорию России, зачастую пользуясь содействием российских властей. Использовались и альтерна-

тивные маршруты: в 1820 г. облеченные посольскими полномочиями бухарцы добирались до османской территории через Иран, а в 1816 и 1819 г. – через Персидский залив и Багдад. Свое нахождение в России посланники Хайдара использовали для разрешения проблем, возникавших в русско-бухарских торговых отношениях; также они вели довольно активную торговлю ценными товарами, закупая важное сырье для Бухары. Зачастую весьма непродолжительные паузы между прибытием бухарских посланников объяснялись тем, что важная дипломатическая задача могла поручаться двум доверенным лицам, чтобы надежно доставить монаршее послание адресату. Дорога от Бухары до Стамбула была полна опасностей и трудностей, и дублирование дипломатического поручения было вполне осознанной мерой. Частота посольств и обсуждавшиеся турецкими и бухарскими дипломатами вопросы свидетельствуют о том важном значении, которое эмир Хайдар придавал связям с султаном-халифом. Для понимания сути необычной просьбы Хайдара об османском подданстве необходимо кратко рассмотреть содержание предыдущих бухарско-османских дипломатических связей.

Первое посольство Хайдара в Стамбул в 1801 г. имело целью, по всей видимости, установление дипломатических отношений. Бухарский посланник доставил в Стамбул письмо эмира к султану Селиму III. Оригинал письма не сохранился, но приведенное турецкими дипломатическими чиновниками краткое резюме письма весьма отчетливо характеризует политические амбиции эмира Хайдара, стремившегося объединить под своей властью все независимые государственные образования в Центральной Азии. В письме к султану Хайдар извещал султана о том, что он вззошел на престол, и гордо называл себя «владыкой Турана». Вместе с тем, в турецком переводе бухарского письма содержится весьма любопытная для мусульманского дипломатического протокола фраза о преданности султану и готовности распространить его господство на весь «Туран» [*Osmanlı Devleti ile Kafkasya, Türkistan ve Kırım hanlıkları*, 1992, р. 21]. Вполне вероятно, что в этом недосказанном намеке Хайдара была своего рода дипломатическая уловка, смысл которой заключался в получении морально-политической поддержки султана в преддверии борьбы за объединение региона под знаменем Бухары. Какого-либо официального ответа на это письмо не последовало, а посланник после выполнения своей дипломатической миссии отправился в паломничество в Мекку.

В 1803 и 1804 гг. ко двору султана Селима III прибыли два бухарских посольства. Их можно считать объединенной политической миссией эмира Хайдара к Селиму. Из российских архивных материалов становится известно, что бухарское посольство в Стамбул во главе с Ишмухаммедом Байкишиевым должно было проследовать еще в 1802 г. через Россию в Стамбул. На степном отрезке пути от Бухары до российской границы торговый караван, с которым перемещалось посольство, был разграблен кочевниками, были украдены и подарки Хайдара султану Селиму [АВПРИ, Ф. СПб., Главный архив. 1–8. Оп. 7. 1802–1804. Л. 3]. Истории с ограблением бухарского торгового каравана, при котором следовало посольство во главе с Ишмухаммедом Байкишиевым в 1802 г. недалеко от Троицка, посвящена отдельная статья [Зайцев, 2008, с. 16–17]. Опубликованный И.В. Зайцевым документ может ставить под сомнение кражу подарков султану Селиму. Как следует из документа, караван-баши вовремя послал за помощью к коменданту Троицкой крепости, гарнизон которой защитил караван от полного разграбления. В этой связи необходимо отметить некоторое противоречие информации из опубликованного И.В. Зайцевым источника содержанию документов из АВПРИ и турецких архивов, в которых версия с ограблением и утерей подарков получила дальнейшее развитие. Вполне вероятно, что история с нападением на караван могла быть использована посланником в личных или дипломатических целях.

Будучи в Стамбуле, И. Байкишиев провел переговоры с османскими чиновниками без вручения подарков, в то же время сам султанские подарки для Хайдара получил [BOA, NAT, dosya 175, belge 7616]. Из османских документов видно, что основной целью бухарской миссии 1804 г. было соблюдение дипломатического этикета и доставка ответных подарков

султану [BOA, НАТ, dosya 170, belge 7280]. Важной частью миссии 1803 г. стало разъяснение бухарским послом И. Байкишиевым политических реалий центральноазиатского региона при султанском дворе. Посол просил султана признать за эмиром Хайдаром титул «Падишах Турана и Туркестана», обосновывая это тем, что эмиру в условиях внутренней нестабильности и соседства с такими мощными государствами, как Россия, необходимо поддерживать свой политический авторитет и высокий статус. «Российский вопрос» возник в ходе переговоров с турками в связи с восшествием на русский престол императора Александра I и предложением Хайдара о расширении российско-бухарских торговых связей [АВПРИ, Ф. СПб., Главный архив. 1–8. Оп. 7. 1802–1804. Л. 198–201]. Байкишиев также упоминал о родословной Хайдара, которая придавала ему легитимность в глазах местного населения и как представителю Чингизидов, и как потомку пророка Мухаммеда (правда, по женской линии) [Кюгельген, 2004, с. 348–351]. Хотя османская политическая элита отказала в подобном требовании, опасаясь негативной реакции России [BOA, НАТ, dosya 175, belge 7616], повторная отправка подарков эмиром Хайдаром могла свидетельствовать о том, что эмир не оставлял надежд на успех своих просьб и воспринимал ситуацию иначе, чем стамбульские власти.

По-видимому, в Бухаре были неплохо осведомлены о положении дел в Стамбуле, поскольку вскоре после восшествия на престол султана Махмуда II (1808), эмир Хайдар отправил новую миссию в Стамбул. Очередной бухарский посол прибыл в османскую столицу в 1810 г. и имел своей целью, поздравив нового султана, установить с ним дипломатические отношения и выяснить его взгляды на отношения с Бухарой [BOA, НАТ, dosya 1417, gömlek 57968].

Два посольства 1815 и 1816 гг., по всей видимости, также дублировали друг друга. На основании османских архивных документов можно сделать вывод, что это была объединенная общими целями дипломатическая миссия, в ходе которой прибывший в османскую столицу первым бухарский посланник добирался до османской столицы южным маршрутом – через Индию, Басру и Багдад [BOA, НАТ, dosya 1274, gömlek 49436]¹. Более высокопоставленный посол, в задачу которого входили наиболее важные переговоры, добирался до Стамбула через Санкт-Петербург, где ему также было предписано поздравить российского императора с победой над Наполеоном [BOA, НАТ, dosya 961, gömlek 41191; также см.: Халфин, 1984, с. 101]. По-видимому, основной задачей посольства при дворе султана было получение султанского фирмана, который подтверждал бы права Хайдара на Фергану, Дешт-и Кыпчак, Хорезм, Мерв, Дугляб, Балх и Бадахшан [Belgelerle Osmanlı-Türkistan İlişkileri, 2004, p. 13–14]. Подобная просьба появилась в канун неудачной для Бухары войны с Кокандским ханством, которому в 1815 г. удалось захватить города Ташкент и Туркестан [История народов Узбекистана, 1947, с. 164; Иванов, 1958, с. 134–137], а также борьбы с хивинским Алла-кули ханом за контроль над узбекско-туркменским фронтиром [Belgelerle Osmanlı-Türkistan İlişkileri, 2004, p. 13–14]². По всей видимости, дипломатическая поддержка султана была крайне важна, учитывая недостаток военных сил в распоряжении эмира Хайдара. Кроме того, Хайдар, известный как авторитетный бухарский богослов и знаток Корана, просил прислать ему обширный список религиозной литературы из Османской империи [Belgelerle Osmanlı-Türkistan İlişkileri, 2004, p. 13–14]. Ответ османской бюрократии на первую просьбу был отрицательным, а мотивировочная часть была аналогична приведенным в 1803 г. доводам. Однако большой объем религиозной литературы все же был направлен через территорию Ирана [BOA, Name-i Hümayün, defter 10, p. 288].

Османские документы позволяют очертить те вопросы, которые затрагивались посланниками эмира при дворе султана. На первый план выходило получение дополнительной политико-правовой поддержки от султана в притязаниях Хайдара на власть. Инвеститура султана-халифа в глазах Хайдара была важным инструментом политического давления на

¹ Он прибыл, вероятно, в конце ноября – начале декабря 1815 г.

² В своем письме Хайдар открыто писал, что Хива и Фергана, бывшие его «мюльком», вышли из подчинения.

своих врагов или же повышения собственного престижа в отношениях с Россией. Просьбы об этом совпадают по времени с периодами ожесточенной борьбы Хайдара со своими соседями.

Организация бухарской дипломатической миссии 1819–1820 гг. была аналогична предыдущим бухарским посольствам. С небольшим перерывом на территорию Османской империи прибыли два бухарских представителя, первый из которых, Хаджи Мехмед Шериф, по всей видимости, был облечен полномочиями вести переговоры. Хаджи Мехмед Шериф прибыл ко двору османского султана осенью 1820 г., а второй посланник, Мухаммед Фазыл, – вероятно чуть позже³. Мухаммед Фазыл, узнав о прибытии другого бухарского посольства, ограничился передачей султанской администрации письма (не сохранилось, есть только упоминание [BOA, NAT, dosya 782, gömlek 36608]⁴) от эмира Хайдара, и после его вручения отправился в хадж. Однако просьбы бухарской посольской миссии 1819–1820 гг. были выдержаны в иной политической тональности, нежели имевшие место ранее завуалированные намеки и длительные разъяснительные беседы об источниках легитимности власти правителя в Центральной Азии. Фактически это была просьба о вхождении Бухары в состав Османской империи, которая вызвала замешательство османской политической элиты. О содержании беседы с послом эмира Хайдара мы знаем из пространной докладной записки великого визиря Ыспарталы Сеид Али-паши на имя султана Махмуда II. Излагая просьбу бухарского правителя о распространении османской власти на Бухарский эмират, Великий визирь весьма осторожно подошел к просьбе Хайдара. В своей докладной записке о прошении эмира он отмечал, что Бухара находится слишком далеко и у нее нет общей границы с Османской империей, эмират находится во враждебных отношениях со своими соседями, а о русско-бухарских отношениях достоверных известий нет. Визирь предлагал по этому поводу созвать особое совещание должностных лиц Османской империи. Вероятно, именно его сомнения предопределили вынесение последующего отрицательного решения. Кроме просьбы о принятии Бухары в состав Османской империи, Хайдар также просил у султана еще одну партию книг религиозного содержания [BOA, NAT, dosya 781, gömlek 36552]. Послание от эмира Хайдара с запросом об османском протекторате совпало со временем ожесточенной борьбы Бухары со своими соседями. По всей видимости, эмир отчаялся одолеть своих политических противников, опираясь лишь на собственные силы.

Созыв подобного «особого совещания» являлся для османских чиновников того времени хорошо известной, идущей со времен султана Сулеймана Кануни практикой обсуждения актуальных проблем. В османской традиции государственного строительства подобные собрания назывались *мешверет* и касались в основном политических и дипломатических вопросов, а иногда – экономики и внутренней политики [*История Османского государства, общества и цивилизации*, 2006, с. 144–145].

В результате созванного визирем совещания было составлено резюме с предлагаемым решением этой проблемы для султана, в котором обозначался круг участников, их доводы «за» и «против» и рекомендации [BOA, NAT, dosya 781, gömlek 36551]. В связи с тем, что документ ранее публиковался [*История Центральной Азии в османских документах*, 2011, с. 64–67; Saray, 1994, р. 35–37]⁵, вероятно, не имеет смысла пересказывать его и приводить его содержание полностью. Однако, действующие лица и их доводы заслуживают более пристального рассмотрения.

Участники данного «консультативного совета» состояли из числа наиболее авторитетных османских улемов из фетвахане под руководством румелийского и анатолийского

³ Точные даты приезда и отъезда посла и посланника не известны. Все документы в Османском архиве, связанные с миссией, датированы 7 октября 1820 г.

⁴ Поскольку содержание письма также не известно, можно предположить, что оно могло либо иметь характер рекомендательного, а не политико-дипломатического; либо же посланник должен был передать наиболее важную информацию изустно.

⁵ Впервые данный документ был опубликован на турецком языке М. Сараем [Saray, 1994, р. 35–37].

казиаскеров, высокопоставленного османского чиновника Тахсина-эфенди и управляющего инспекцией продовольственных поставок⁶.

По всей видимости, Тахсин Хасан-эфенди в начале XIX в. занимал при султанском дворе должности казначея, руководил аппаратом султанского дворца, и заведовал подготовкой финансовых документов. С 1819 по 1823 г. Тахсин-эфенди занимал в аппарате султана должность *нишанджи* [Süreyya, 1996, p. 1619–1620]⁷. Круг обязанностей нишанджи в 10-е гг. XIX в. включал в себя подготовку официальных документов, выпускавшихся от имени султана, контроль за распределением земельных наделов, а также переводы посланий иностранных монархов к султану.

Инспекция продовольственных поставок была создана в конце XVIII в. султаном Селимом III как один из элементов логистической поддержки реформированного военно-политического аппарата империи. Инспекция занималась закупками продовольствия и снабжением столицы империи – Стамбула, армии и дворца. Руководитель инспекции входил в круг высокопоставленных османских чиновников [*История Османского государства, общества и цивилизации*, 2006, с. 424, 433]. Вероятно, что участие оставшегося неизвестным нам управляющего инспекцией продовольственных поставок в заседании «консультативного совета» о принятии Бухары в османское подданство было продиктовано как раз транспортно-логистическим характером возглавляемого им учреждения.

Фетвахане в указанный период представляло собой центральный бюрократический аппарат шейхульислама⁸, служащие которого занимались различными административными, образовательными и религиозными вопросами, предоставляя шейхульисламу проекты готовых религиозно-правовых заключений по широкому спектру внутри- и внешнеполитических проблем, требовавших согласованных с шариатом решений [*История Османского государства, общества и цивилизации*, 2006, с. 210–211].

Из документа следует, что участники совещания приводили аргументы как в пользу удовлетворения просьбы эмира Хайдара, так и против. К сожалению, в документе не сказано, кто именно из участников совещания высказывал те или иные соображения «за» или «против», и каких взглядов придерживались участники совещания. Вероятно, отношение великого визиря, подходившего к просьбе эмира Хайдара более чем осторожно, предопределило итог обсуждения участников высокого совещания.

Тем не менее, первоначально османские чиновники выдвинули тезис о том, что принятие Бухары в состав Османской империи повысит международный престиж и авторитет султана. Однако, это оказался практически единственный довод в пользу удовлетворения просьбы эмира Хайдара. Далее участники совещания перешли к обсуждению геополитической составляющей просьбы. Географическая удаленность и труднодоступность Бухары были бесспорным фактами, влиявшими на принятие политических решений османской бюрократической элитой. Участники совещания отметили, что у стран нет общей границы, что ставит под сомнение возможность включения эмирата в состав империи. Отдельно в документе упоминается тот факт, что связь с Бухарой осуществлялась по территории Индии, Ирана или России. Это обстоятельство, хотя и не являлось по мнению османских чиновников непреодолимым, но все же делало поддержание транспортно-логистической связности территорий трудновыполнимым.

Особо рассматривались военно-политические аспекты возможного включения Бухары в состав Османской империи. Так, османские чиновники пытались смоделировать ситуацию, которая может сложиться в русско-бухарском пограничье в случае русско-турецкой войны.

⁶ Личность министра государственных запасов установить не удалось.

⁷ Тахсин Хасан Эфенди, судя по его краткой биографии, был близок к суфиям братства накшбандия в Османской империи.

⁸ В период обсуждения просьбы бухарского эмира на должности шейхульислама находился Черкес Халил Эфенди. О нем см.: [Uzundal, 2018, p. 178–196].

В случае подобного конфликта очевидным для турецких чиновников выглядело обращение эмира Хайдара за помощью к султану. Означенные выше географические факторы ставили бы Османскую империю в трудное положение, а поражение Бухары становилось бы более реальным. Участники совещания также отмечали, что существенным фактором, затруднявшим принятие решений, была полная неосведомленность османской бюрократии о происходящем в Бухаре и отсутствие объективной информации о военно-политическом положении эмирата.

В тесной увязке с военно-политическим фактором обсуждался и религиозно-политический аспект просьбы эмира. Османские улемы отмечали, что, будучи суннитским государством, Бухарский эмират может вступать в религиозные конфликты с Ираном или Индией (так в документе). В таком случае также вероятно обращение эмира к своему сюзерену за помощью.

Участники собрания высказали убежденность в том, что эмир может быть надежным вассалом султана и исполнит любой его приказ. Однако удаленность Бухары, неосведомленность относительно ее внутренней и внешней политики создавали стратегическую неопределенность в управлении подобной территорией. Столь удаленный от вектора основных османских геополитических интересов и устремлений регион, будучи принятым в состав империи, стал бы плохо контролируемой территорией, фактически неуправляемой из Стамбула. В этой связи участники собрания отмечали, что слабый контроль султана за происходящим и рвение эмира выполнить султанскую волю принесут империи больше проблем, чем пользы.

Интересно, что при обсуждении письма бухарского эмира Хайдара османские чиновники проводили прямую аналогию с ситуацией вокруг другого региона мусульманского мира, входившего в состав Османской империи, но находившегося на удалении от имперского центра и пользовавшегося значительной внутренней и внешней автономией – Алжира.

Алжир вошел в сферу османских внешнеполитических интересов в начале XVI в., когда местные жители, обеспокоенные экспансией испанцев на севере Африки, обратились за помощью к известному североафриканскому корсару Орудж Реису. Орудж Реис дал отпор испанцам и укрепился на побережье Алжира. Впоследствии его младший брат и преемник, Хайреддин Хызыр Барбаросса, укрепил свое влияние на севере Африки, получив от османского султана Селима I политическую поддержку и военную помощь в виде янычар и артиллерии [Türkler, 2002, p. 397]. В XVI–XVIII вв. порт Алжира активно использовали в качестве базы средиземноморские корсары (как европейские, так и ориентированные на Турцию). Алжир вошел в сферу османских геополитических интересов раньше, чем другие страны Магриба. В период наивысшего могущества Османской империи он представлял стратегический интерес как один из передовых пунктов базирования османского флота в борьбе за господство на Средиземном море, а также как перевалочный пункт эвакуации исповедовавшего иудаизм и ислам населения Испании [Türkler, 2002, p. 394–408]. Стратегическое значение Алжира лишь усилилось после неудачных попыток Габсбургов овладеть им [Türkler, 2002, p. 539]. Первоначально система управления Алжиром была выстроена османской бюрократией подобно другим вошедшим в состав империи провинциям с мусульманским населением. Во главе стоял бейлербей, который управлял регионом от имени султана. Провинция была поделена на уезды, в которых у власти сохранялась прежняя, доосманская мусульманская элита [Türkler, 2002, p. 582–583]. Алжир входил в состав эялета, объединявшего находившиеся под османской властью острова Эгейского моря, но в впоследствии был выделен в самостоятельную административную единицу. Верховная власть принадлежала османским бейлербейам, опиравшимся на присылаемых из столицы янычар. В XVI–XVII вв. друг друга сменяли периоды, когда регионом управляли присылаемые из Стамбула бейлербеи (1518–1587), паши (1587–1659), аги (1659–1671). Во второй половине XVII в. власть начинает сосредотачиваться в руках избираемого советом (диваном) пиратских капитанов и янычар правителя – дея, который управлял страной с помощью

состоявшего из пяти визирей Малого дивана. Одновременно с переходом Османской империи к стратегической обороне в XVIII в. интерес к Алжиру постепенно теряется. Избранные дей получали утверждение султана и считались его вассалами, хотя в действительности проводили независимую внутреннюю и внешнюю политику, самостоятельно заключая договоры с европейскими державами [*История Алжира в новое и новейшее время*, 1992, с. 13–14]. Первоначально данное государственное образованное управлялось включенными в османскую официальную властную иерархию бейлербеями, присылавшимися турецким султаном пашами, последний из которых, однако, был изгнан из Алжира в 1711 г. К началу XIX в. связь Алжира с Османской империей существенно ослабла. Первая Берберийская война существенно ослабила османские протектораты в Северной Африке. Кроме того, в ходе Венского конгресса 1815 г. европейские державы заявили о намерении решительно бороться с пиратством. В результате второй берберийской войны и последовавшей бомбардировки Алжира англо-голландским флотом в 1816 г. алжирский флот был уничтожен, а сам дей был вынужден подписать мирное соглашение с Англией и Голландией. Незадолго до прибытия бухарского посланника в 1818 г. в Алжире обострилась внутривластная борьба, после смерти дей Омер паши. Новый дей Мекрили Али был свергнут, а на его место взшел последний дей Алжира, Хусейн [*Osmanlı belgelerinde Cezayir*, 2010, р. 130–133]. Султан был поставлен в известность о произошедшем, а Хусейну постфактум был присвоен чин бейлербея [*Osmanlı belgelerinde Cezayir*, 2010, р. 134–135]. Вплоть до французской оккупации Алжира в 1830 г. в Османской империи регулярно вербовались добровольцы для пополнения турецких по своему этническому составу янычарских воинских формирований. Предпочтение отдавалось знакомым с мореходством выходцам из приморских провинций Западной и Юго-Западной Анатолии – Измира, Айдына, Манисы, Муглы [*Osmanlı belgelerinde Cezayir*, 2010, р. 106–109, 126–129]. Представители этих контингентов были важной политической опорой алжирских правителей, поскольку не зависели от сложных клиентских связей с местными элитами и способствовали укреплению политической власти дей. Заинтересованность дей в поступлении данных подкреплений объясняла сохранение формальных связей с Турцией [*История Алжира в новое и новейшее время*, 1992, с. 12].

Несмотря на то, что дей в 1816 г. официально воспретил корсарство и отменил рабство христиан, французская пресса продолжала активную кампанию против Алжира на страницах газет [*История Алжира в новое и новейшее время*, 1992, с. 23]. Основы политического курса на присоединение Алжира к Франции заложил еще император Наполеон. Критика французскими газетами правительства дей и упреки в адрес султана в связи с тем, что империя не может контролировать своего вассала могла восприниматься османской вестернизированной элитой весьма болезненно, поскольку для администрации султана Махмуда II Франция и французский исторический опыт оставались источником вдохновения при модернизации османского общества.

В силу указанных обстоятельств неслучайно то, что опыт дипломатического противостояния с Францией был перенесен османскими чиновниками на просьбу эмира Хайдара. В XIX в. Алжир, некогда бывший форпостом османской экспансии на западе, превратился в плохо контролируемый из Стамбула, фактически самостоятельный регион, бывший источником постоянных дипломатических претензий со стороны европейских держав. По сравнению с Бухарой у алжирских правителей была возможность поддерживать прямое морское транспортное сообщение со Стамбулом с помощью многочисленного флота. Однако перспектива получить в качестве протектората Бухару – удаленный, слабоизученный регион, во главе с плохо контролируемым правителем, с возможными территориальными конфликтами с сильными соседями (а в документе в качестве таковых упоминаются Россия, Иран и Индия) совсем не прельщала османских чиновников. Вероятно, при рассмотрении данной ситуации необходимо принимать во внимание и роль идеологического контекста, в котором действовало

турецкое руководство. После прихода к власти султана Махмуда II (1808–1839) турецкое правительство, вдохновленное идеями Великой французской революции, начинает достаточно активно проводить серию реформ. Накануне запланированных масштабных преобразований империи сохранение территориальной целостности и обеспечение невмешательства европейских держав в дела империи было приоритетным. Попытки же выступления в качестве самостоятельного игрока в Азии, не подкрепленные соответствующими военными и экономическими возможностями, рассматривались османской бюрократией как лишний повод для вмешательства европейцев и критики со стороны европейских посланников в Стамбуле.

Османские официальные лица оказались перед дилеммой: необходимо было дать дружественный мягкий отказ эмиру, не уронив в то же время достоинства султана и престижа Османской империи. В данной ситуации они воспользовались традиционным, отчасти схоластическим подходом к данной проблеме. Улемы решили рассмотреть личность бухарского эмира как мусульманина, уже априори связанного духовными узами с халифом и подчиненного его морально-идеологическому авторитету.

Вопрос о том, кто может претендовать на роль халифа как духовно-политического главы всемирной мусульманской общины интересовал исследователей не раз [Бартольд, 1966а, с. 15–78; 1966б, с. 400–402; Shukla, 1973; Özmi, 1977, р. 33–53]. Еще больше споров этот вопрос вызывал среди самой мусульманской уммы. Достаточно распространенной была такая точка зрения, что халифом может быть член племени курейшитов либо прямой потомок Мухаммада. Однако, начиная еще с XVI в., османские улемы, обосновывавшие претензии султанов на политическое лидерство в тогдашнем мусульманском мире, решили данный вопрос в соответствии с практическим положением вещей в мусульманском мире. По их мнению, халифом мог называться тот мусульманский правитель, который обладал наибольшим военно-политическим могуществом [Gibb, 1962, р. 287–295]. Подобный взгляд на вещи османские улемы сохранили и в XIX в., весьма расширительно трактуя к тому же положения Кючук-Кайнарджийского мирного договора, впервые в европейской международной правовой практике признававшего за султаном весьма ограниченное право покровительства мусульманам Крыма, которое закончилось с присоединением Крымского ханства к России.

Тем не менее, участникам совещания было необходимо сохранить лицо перед бухарским послом, чтобы не дать повода считать империю слишком слабой. Чтобы выработать подобающий вариант ответа и предоставить его на рассмотрение султану, участники совещания решили рассмотреть просьбу эмира Хайдара с точки зрения вопроса о роли халифа для мусульманских правителей. По всей видимости, это было поручено улемам из фетвахане, либо же это была их инициатива.

Именно то обстоятельство, что эмир, будучи правоверным мусульманином, является связанным духовными, религиозными узами с султаном как халифом и подчиняется его решениям, и послужило формальным предлогом для отказа просьбе о приеме в подданство. В ответном письме улемы, с одной стороны весьма обтекаемо упомянули о том, что бухарский эмир как мусульманин и ранее уважал авторитет халифа. С другой стороны, они указали, что эмир сам назначал наместников и своих преемников. От имени султана османские улемы рекомендовали ему править в соответствии с существующей традицией, зафиксировав благоприятное отношение Османской империи к эмирату [BOA, NAT, dosya 781, gömlek 36551].

Одновременно шейхульислам указал составить фетву такого характера, что, несмотря на желание эмира Хайдара принять османское подданство, это невозможно ввиду отдаленности Бухары от Османской империи [BOA, NAT, dosya 781, gömlek 36581–A]. Примечательно, что фетва, в отличие от письма, содержала реальный мотив отказа – дальность расстояния. И если письмо султана было адресовано лично эмиру, то фетва, по всей видимости, была ориентирована больше на османское общественное мнение.

Учитывая слабость Хайдара и последующие события – мианкальское восстание кытай-кыпчаков 1821–1825 гг. [Иванов, 1937] – эмир более не обращался с политическими запросами к Порте, обращаясь к султану лишь за содействием в пополнении собраний богословской литературы в Бухаре.

Османский опыт сравнения Бухары и Алжира интересен с точки зрения того как султанская бюрократия в начале XIX в. пыталась рассматривать системы управления имперских окраин. Ход обсуждений просьбы эмира Хайдара свидетельствует о том что, по сравнению с широко распространенной в XVI в. системой косвенного управления удаленными от Стамбула новыми территориями, на первый план выходили поддержание логистической связанности регионов империи и возможность прямого управления бывшими вассалами и полунезависимыми губернаторами на местах. К этому османскую бюрократию подталкивал исторический опыт, полученный в ходе наполеоновских войн и подавления восстания ваххабитов [Муджани, 2020]. Интересно, что российские военные востоковеды, впоследствии принимавшие участие в «Туркестанских походах», также весьма активно интересовались французским колониальным опытом управления в Алжире и частично в Тунисе [Васильев, 2014(2), с. 279–300]. В этой связи османский опыт рассмотрения двух удаленных окраин и сравнения особенностей государственного строительства систем протекторатов представляется весьма примечательным и требующим дальнейшего рассмотрения.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи [*AVPRI* – Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]

BOA – Başbakanlık Osmanlı Arşivi (Османский архив при премьер-министре Турецкой Республики) [*BOA* – Prime Ministry Ottoman Archive]

HAT – Hatt-i Hümayün.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

АВПРИ, Ф. СПб., Главный архив. 1–8. Оп. 7. 1802–1804. Л. 3.

АВПРИ, Ф. СПб., Главный архив. 1–8. Оп. 7. 1802–1804. Л. 198–201.

Бартольд В.В. Халиф и султан. *Сочинения*. Т. VI. М.: ИВЛ, 1966. С. 15–78 [Bartold V.V. Caliph and Sultan. *Selected Works*. Vol. VI. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoi Literatury, 1966. Pp. 15–78 (in Russian)].

Бартольд В.В. Панисламизм. *Сочинения*. Т. VI. М.: ИВЛ, 1966, С. 400–402 [Bartold V.V. Pan-Islamism. *Selected Works*. Vol. VI. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoi Literatury, 1966. Pp. 400–402 (in Russian)].

Васильев А.Д. *Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI–начало XX вв.)*. М.: Пробел-2000, 2014 [Vasiliev A.D. *Banner and Sword from the Padishah. Political and Cultural Contacts of the Khanates of Central Asia and the Ottoman Empire (Mid-16th – Early 20th Centuries)*. Moscow, Probel-2000, 2014 (in Russian)].

Васильев А.Д. Взаимоотношения с туземцами-мусульманами русской администрации в Туркестане и французской в Алжире. *Французский ежегодник 2014*. Том. 2. Франция и Восток. М., 2014. с. 279–300 [Vasilyev A.D. Relations with Muslim Natives of the Russian Administration in Turkestan and the French in Algeria. *French Yearbook 2014*. Vol. 2. France and the Orient. Moscow, 2014. Pp. 279–300 (in Russian)].

Зайцев И.В. Троицкий инцидент 1802 г. Эпизод из деятельности бухарской миссии в России. *Восточный Архив*. 2008. № 17. С. 16–17 [Zaitsev I.V. Troitsky Incident of 1802. An Episode from the Activities of the Bukhara Mission in Russia. *Oriental Archive*. 2008. No. 17. Pp. 16–17 (in Russian)].

Иванов П.П. *Восстание кытай-кыпчаков в Бухарском ханстве. 1821–1825 гг. Источники и опыт их исследования*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937 [Ivanov P.P. *The Uprising of the Khitay Kipchaks in the*

Bukhara Khanate. 1821–1825. Sources and Experience of their Research. Moscow; Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1937 (in Russian)].

Иванов П.П. *Очерки по истории Средней Азии.* М.: ИВЛ, 1958 [Ivanov P.P. *Essays on the History of Central Asia.* Moscow: IVL, 1958 (in Russian)].

История Алжира в новое и новейшее время. Под ред. А.М. Васильева. М: ГРВЛ, 1992 [*History of Algeria in Modern and Recent Times.* Ed. A.M. Vasilyev. Moscow: GRVL, 1992 (in Russian)].

История народов Узбекистана. Т. 2. От образования государства Шейбанидов до Великой октябрьской социалистической революции. Ташкент: Издательство АН УзССР, 1947 [*History of the Peoples of Uzbekistan.* Vol. 2. From the Formation of the Sheibanid State to the Great October Socialist Revolution. Tashkent: Izdatelstvo AN UzSSR, 1947 (in Russian)].

История Османского государства, общества и цивилизации. Под ред. Э. Ихсаноглу. Т. 1. М.: Вост. лит., 2006 [*History of the Ottoman State, Society and Civilization.* Ed. E. Ihsanoglu. Vol. 1. Moscow: Vost. Lit., 2006 (in Russian)].

История Центральной Азии в османских документах. Т. 1. Политические и дипломатические отношения. Самарканд: МИЦАИ, ТОА, 2011 [*History of Central Asia in Ottoman Documents.* Vol. 1. Political and Diplomatic Relations. Samarkand: ICAS, TAD, 2011 (in Russian)].

Кюгельген А., фон. *Легитимация среднеазиатской династии мангытов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.)* Алматы: Дайк-пресс, 2004 [Kugelgen, A. von. *Legitimation of the Central Asian Dynasty of the Mangyts in the Works of Their Historians (18th–19th Centuries).* Almaty: Daik-Press, 2004 (in Russian)].

Муджани С.А. *Хроника Неджда. Правление Мухаммада ибн Абд ал-Ваххаба и установление династии Сауда в Неджде и Хиджазе в османских архивных документах.* Пер. с перс. В.О. Кокликова; научн. ред. А.Д. Васильев. М.: ООО «Садра», 2020 [Mujani S.A. *Chronicle of Najd. The reign of Muhammad ibn Abd al-Wahhab and the establishment of the Saud dynasty in Najd and Hijaz in Ottoman archival documents.* Transl. from pers. V. Koklikov; scientific. ed. A. Vasilyev. Moscow: ООО “Sadra”, 2020 (in Russian)].

Ряжев А.С. *Мираж религиозной войны: обстановка на юго-востоке Российской империи в оценках пограничных властей (конец 1780–начало 1790-х гг.)* [Ryazhev A.S. *The Mirage of a Religious War: the Situation in the South-East of the Russian Empire in the Estimates of the Border Authorities (late 1780–early 1790s).* (in Russian)] <https://foreignasia.ru/nauchnye-trudy-po-teme-tsentralnaja-azija-v-mezhdunarodnyh-otnoshenijah/stat-i-2020/mirazh-religioznoj-vojny-obstanovka-na-yugo-vostoke-rossijskoj-imperii-v-otsenakh-pogranichnykh-vlastej-konets-1780-nachalo-1790-kh-gg> (дата обращения: 08.05.2021)

Халфин Н.А. *Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.)* М.: Наука, 1984 [Khalfin N.A. *Russia and the Khanates of Central Asia (First Half of the 19th Century).* Moscow: Nauka, 1984 (in Russian)].

Andican A.A. *Cedidizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türkistan Mücadelesi.* İstanbul: Farklı Yayımevi, 2003 [Andican A.A. *The External Turkestan Struggle from Jadidism to Independence.* İstanbul: Farklı Yayımevi, 2003 (in Turkish)].

Belgelerle Osmanlı-Türkistan İlişkileri (XVI.–XX. Yüzyıllar). Ankara: T.C. Başbakanlık, Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, 2004 [*Ottoman-Turkistan Relations in Documents.* Ankara: T.C. Başbakanlık, Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, 2004 (in Turkish)].

BOA, A.DVN. NMH., 10/346.

BOA, HAT, dosya 170, belge 7280.

BOA, HAT, dosya 175, belge 7616.

BOA, HAT, dosya 781, gömlek 36546.

BOA, HAT, dosya 781, gömlek 36551.

BOA, HAT, dosya 781, gömlek 36551.

- BOA, HAT, dosya 781, gömlek 36552.
 BOA, HAT, dosya 781, gömlek 36581-A.
 BOA, HAT, dosya 781, gömlek 36581-B
 BOA, HAT, dosya 781, gömlek 36582.
 BOA, HAT, dosya 782, gömlek 36608.
 BOA, HAT, dosya 961, gömlek 41191.
 BOA, HAT, dosya 1274, gömlek 49436.
 BOA, HAT, dosya 1417, gömlek 57968.
 BOA, Name-i Hümayün, defter 10, s.288.
 Gibb H.A.R. Lütfi Paşa on Ottoman Caliphate. *Oriens*, XV (Dec. 31, 1962). Pp. 287–295.
 Osmanlı Devleti ile Kafkasya, Türkistan ve Kırım hanlıkları arasındaki münasebetlere dair arşiv belgeleri. Ankara: T.C. Başbakanlık, Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, 1992 [*Archival Documents on the Relations between the Ottoman Empire and the Caucasus, Turkestan and Crimean Khanates*. Ankara: T.C. Başbakanlık, Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, 1992 (in Turkish)].
 Osmanlı belgelerinde Cezayir. Ankara: T.C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, 2010 [*Algeria in Ottoman Documents*. Ankara: T.C. Başbakanlık, Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı, 2010 (in Turkish)].
 Özmi A. *Pan-islamizm. Osmanlı Devleti, Hindistan Müslümanları ve İngiltere (1877–1924)*. Ankara: İSAM, 1977 [Özmi A. *Pan-Islamism. Ottoman Empire, Indian Muslims and the United Kingdom (1877–1924)*. Ankara: İSAM, 1977 (in Turkish)].
 Saray M. *Rus İşgali Devrinde Osmanlı Devleti ile Türkistan Hanlıkları Arasındaki Siyasi Münasebetler (1775–1875)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1994 [Saray M. *Political Relations between the Ottoman Empire and the Turkestan Khanates during the Russian Occupation Period (1775–1875)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1994 (in Turkish)].
 Saray M. *The Russian, British, Chinese and Ottoman Rivalry in Turkestan: Four Studies on the History of Central Asia*. Ankara: Turkish Historical Society Printing House, 2003.
 Shukla R.L. *Britain, India and the Turkish Empire. 1853–1882*. New Delhi: People's Publishing House, 1973.
 Süreyya M. *Sicill-i Osmani. Osmanlı ünlüleri*. Cilt 5. İstanbul: Numune matbaacılık, 1996 [Süreyya M. *Ottoman Registers. Famous People*. Vol. 5. İstanbul: Numune matbaacılık, 1996 (in Turkish)].
 Uzundal E. Osmanlı İlmiye Teşkilatından Bir Portre: Şeyhülislam Halil Efendi ve Terekesi. *International Journal of History*. Vol. 10. Issue 8, November 2018. Pp. 178–196 [Uzundal E. *A Portrait from the Ottoman İlmiye Organization: Şeyhülislam Halil Efendi and His Inheritance*. *International Journal of History*. Vol. 10. Issue 8, November 2018. Pp. 178–196 (in Turkish)].
 Türkler. Cilt 9. Ankara, Yeni Türkiye Yayınları, 2002 [*The Turks*. Vol. 9. Ankara, Yeni Türkiye Yayınları, 2002 (in Turkish)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАСИЛЬЕВ Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, директор Международного российско-турецкого центра РГГУ, Москва, Россия.

Alexander D. VASILYEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Central Eurasia Research Center of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Russian-Turkish Center of the Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080015910-8

«ДОВИЛЬСКОЕ ПАРТНЕРСТВО» СО СТРАНАМИ «АРАБСКОГО ПРОБУЖДЕНИЯ»: ТРАЕКТОРИЯ РАЗВИТИЯ УНИКАЛЬНОГО ФОРМАТА

© 2021

В.И. БАРТЕНЕВ^{a, b}^a – МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия^b – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-9804-0630; vl_bartenev@mail.ru

Резюме: В статье реконструирована история «Довильского партнерства с арабскими странами, переживающими переходный период», – уникального международного формата, который был учрежден весной 2011 г. на саммите «Группы восьми» во французском Довиле для оказания содействия политической трансформации в странах, затронутых «Арабским пробуждением». Обозначены особенности Партнерства, его основные задачи и компоненты, стадии реализации инициативы. В качестве отличительных черт выделены участие региональных акторов, большая вовлеченность многосторонних институтов и нацеленность участников на координацию усилий с новыми партнерами. Подчеркивается зонтичный характер инициативы, позволявший привязывать к ней любые отдельные проекты, придавая им большую легитимность и одновременно масштабируя кумулятивный эффект. Эта логика в полной мере проявила себя в годы председательства США и Великобритании (2012–2013), когда интерес к Партнерству находился на пике, ожидания позитивных изменений были высоки, а прогресс наблюдался по всем направлениям, в том числе благодаря мобилизации дополнительного финансирования в рамках специального Транзитного фонда под эгидой Всемирного банка. Однако резкое ухудшение обстановки в мире и в регионе в 2014 г. притормозило процесс поступательного наращивания усилий, а импульса к реинкарнации Партнерства, заданного Германией в 2015 г., хватило ненадолго. Изначальный энтузиазм партнеров во второй половине 2010-х гг. угас, что обусловило незаметное свертывание формата в 2019 г., как раз перед началом новой волны протестов в арабском мире. Однако преуменьшать значимость Партнерства не стоит: арабские страны почти 10 лет имели возможность регулярно взаимодействовать с ключевыми донорами и многосторонними институтами, а внешние акторы получили бесценный опыт координации усилий при реагировании на макрорегиональные вызовы. Гипотетически он мог бы быть востребован и сегодня, но представить возникновение нового, столь же инклюзивного формата с таким явным акцентом на демократизацию в арабском мире уже невозможно.

Ключевые слова: Ближний Восток и Северная Африка, «Арабское пробуждение», «Довильское партнерство», «Группа восьми», «Группа семи», политическая трансформация, международная помощь, содействие международному развитию, международные финансовые институты.

Для цитирования: Бартенев В.И. «Довильское партнерство» со странами «Арабского пробуждения»: траектория развития уникального формата. *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 95–106. DOI: 10.31857/S086919080015910-8

THE DEAUVILLE PARTNERSHIP WITH ARAB COUNTRIES IN TRANSITION: TRACING THE TRAJECTORY OF A UNIQUE FORMAT

© 2021

Vladimir I. BARTENEV ^{a b}^a – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia^b – Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia;

ORCID: 0000-0001-9804-0630; vl_bartenev@mail.ru

Abstract: *This paper reconstructs the history of the Deauville Partnership with Arab Countries in Transition – a unique multilateral format established at the 2011 G8 Summit in Deauville, France. It identifies the Partnership's particularities, objectives, pillars and key phases. The conclusion is drawn that this format stood out because of regional actors' participation, a deeper engagement of multilateral institutions and all members' willingness to cooperate with new partners. The Partnership's umbrella format allowed to unite stand-alone projects, to increase their legitimacy and cumulative effect. This logic manifested itself under the US and the UK chairmanships (2012–2013) when the members' interest in the Partnership and expectations were the highest, ensuring a visible progress supported by the Middle East and North Africa Transition Fund under the World Bank trusteeship. However, a dramatic deterioration of the global and regional geopolitical environment in 2014 hindered the intensification of efforts, and the German impulse to reinvigorate the format in 2015 did not have a lasting effect. The partners' initial enthusiasm waned, which resulted in a discrete reformatting of the Partnership in 2019, despite a new wave of protests in the Arab world. The Partnership has nonetheless had a positive effect: Arab countries enjoyed regular interactions with key donors and multilateral institutions, while the external actors have accumulated a valuable experience of coordinating response to macro-regional challenges. This experience might still be relevant today but the establishment of a novel and inclusive format focused on democratic transition in the Arab world is beyond possible.*

Keywords: Middle East and North Africa, Arab Awakening, Deauville Partnership, G8, G7, political transformation, international assistance, international development cooperation, international financial institutions.

For citation: The Deauville Partnership with Arab Countries in Transition: Tracing the Trajectory of a Unique Format. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 95–106. DOI: 10.31857/S086919080015910-8

Волна протестов, прокатившаяся по арабскому миру 10 лет назад, породила большие ожидания не только в самих странах Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), но и вне региона. Метафорическим их воплощением стали термины «арабская весна» и «арабское пробуждение», практическим – запуск отдельными государствами, многосторонними институтами и неправительственными организациями разнообразных программ содействия процессам политической трансформации в БВСА, призванных повторить успех транзита в других регионах мира.

Особое место среди таких инициатив заняло «Довильское партнерство с арабскими странами, переживающими переходный период» (далее – Партнерство, или ДП), старт которому был дан на саммите глав государств «Группы восьми» (G8) во французском Довиле 26–27 мая 2011 г. Его участниками в итоге стали 6 «пробудившихся» стран БВСА – Египет, Тунис, Иордания, Марокко, Ливия и Йемен, а их партнерами – 14 ведущих мировых доноров (члены G8, Европейский Союз, а также Катар, Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия и Турция), 10 меж-

дународных финансовых институтов (МФИ), а также ОЭСР, Лига арабских государств и ряд учреждений системы ООН. В 2010-е гг. ДП служило зонтичной платформой для большинства инициатив помощи арабским странам, но было свернуто – без громкой огласки – в 2019 г., несмотря на начало нового «поворота» в арабском мире, который затронул страны, оказавшиеся вне зоны турбулентности в 2011 г. – Алжир, Ирак, Ливан, Судан [Труевцев, 2020].

Несмотря на важное символическое значение Партнерства, широту представительства, географический охват и большой исследовательский интерес к изучению международных аспектов «Арабского пробуждения» [Ближний Восток, 2012; Mason, 2014; *The Struggle for Influence*, 2018; Çakmak, Özçelik, 2019], история данной инициативы еще не воссоздана – ни в РФ, ни за рубежом¹. Между тем, в такой реконструкции есть объективная потребность. На примере Партнерства можно изучать как процесс переоценки внешними силами характера, направленности и темпов изменений в арабских странах, так и саму логику реагирования мирополитической системы на мощные макрорегиональные вызовы. Наша цель – объединить эти две компоненты и дополнить тем самым картину «Арабского пробуждения» и его последствий, воссоздавать которую ученые будут еще не одно десятилетие – в том числе и на страницах данного издания.

ЗАПУСК ИНИЦИАТИВЫ (2011)

«Арабское пробуждение» застало мировое сообщество врасплох. На первых порах каждый крупный внешний актор вырабатывал собственную стратегию поведения, попросту не имея времени на согласование позиций.

Однако спустя некоторое время возможности для координации усилий появились, и платформой для выработки совместного ответа на макрорегиональный вызов стал формат G8, где в 2011 г. председательствовала Франция.

На момент начала «Арабского пробуждения» G8 уже имела в своем «портфеле» инициативу с прямой привязкой к региону БВСА – «Партнерство во имя прогресса и общего будущего с регионом Большого Ближнего Востока и Северной Африки». Оно было учреждено в год председательства США на саммите в Си-Айленде в июне 2004 г., и охватывало три области: политическую, социокультурную и экономическую [The White House, 9.06.2004]. Центральным элементом Партнерства стал «Форум за будущее» с участием министров иностранных дел, экономики и др. из стран G8 и государств БВСА с параллельным ведением диалога между представителями бизнеса и гражданского общества. Новая инициатива виделась в качестве долгосрочной программы, открытой для участия других стран и международных организаций [The White House, 9.06.2004].

Спустя 7 лет, 15 марта 2011 г., министры иностранных дел G8, собравшись в Париже, предложили учредить «партнерство нового качества». Считая формат G8 оптимальным для обсуждения политических и экономических вопросов в комплексе, министры пригласили к участию страны за пределами «клуба», пообещали расширить диалог с гражданским обществом в регионе и смягчить негативные экономические последствия революций в Египте и Тунисе посредством оказания срочной бюджетной поддержки – через международные институты и региональные банки развития [G8, 15.03.2011].

Параллельно начали координировать свои усилия и МФИ. Так, уже в апреле 2011 г. Всемирный банк (ВБ), Международная финансовая корпорация (МФК) и Исламский банк

¹По сути, мониторинг ее реализации осуществлял только Исследовательский центр «Группы восемь» университета Торонто под руководством Джона Киртона, но, во-первых, им отслеживались действия только стран-членов G8/G7, а, во-вторых, только до 2015 г. Нами первый шаг в изучении формата был сделан ранее в статье: [Bartenev, Solomatin, 2020].

развития (ИБР) учредили в рамках Инициативы для арабского мира (Arab World Initiative – AWI) Арабский финансовый механизм по поддержке инфраструктурных проектов (Arab Financing Facility for Infrastructure – AFFI). Кроме того, представители Африканского банка развития (АфБР), Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), МФК и ИБР разработали Совместный подход МФИ к развитию частного сектора в Северной Африке, представленный вскоре на саммите глав государств G8 в Довиле.

На этом саммите идея о «партнерстве нового качества» получила конкретное наполнение в отдельной декларации по «Арабской весне» [G8, 27.05.2011]. Реагируя на изменения в регионе и сравнивая их с процессами в Центральной и Восточной Европе после падения Берлинской стены, G8 учреждала «Довильское партнерство» как глобальную долгосрочную инициативу, ориентированную на «все страны региона, осуществляющие переход к свободным, демократическим и толерантным обществам», начиная с Египта и Туниса. Акцент делался на технической помощи странам региона по двум направлениям: укрепление структур управления (политический трек) и создание экономических условий для устойчивого и инклюзивного роста (экономический трек). Четырьмя ключевыми компонентами деятельности Партнерства стали: 1) макроэкономическая стабилизация; 2) создание рабочих мест; 3) расширение политического участия и совершенствование управления и 4) экономическая интеграция.

К участию в новой инициативе приглашались МФИ и учреждения ООН, частный сектор и гражданское общество, но акцент делался именно на взаимодействии с многосторонними институтами. В тексте декларации уделялось особое внимание МВФ и многосторонним банкам развития (МБР) и – отдельно – ЕБРР, который призвали распространить свой мандат на Южное и Восточное Средиземноморье (ЮВС) и быстро (до утверждения изменений в Уставе) запустить работу по поддержке частного сектора и созданию новых рабочих мест в регионе.

Страны G8 также рекомендовали выделить Египту и Тунису более 20 млрд долл. по линии МФИ (включая 3,5 млрд евро по линии ЕИБ) и поддержали идею координации их деятельности, включая реализацию Плана действий по развитию частного сектора в Северной Африке с подключением к этому процессу МВФ. Также члены «клуба» договорились поддержать Египет и Тунис в обеспечении возврата похищенных активов.

Более четкие контуры Партнерство приобрело к встрече министров финансов стран «Группы восьми» в Марселе 10 сентября 2011 г. [G8, 10.09.2011].

Во-первых, компанию Египту и Тунису как странам-партнерам составили Иордания и Марокко. К участию была приглашена и Ливия – в лице Переходного национального совета, подконтрольные которому силы на тот момент уже добились «коренного перелома» в борьбе со сторонниками Муаммара Каддафи.

Во-вторых, к странам G8 и ЕС присоединились ключевые ближневосточные страны-доноры – Катар, Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия и Турция.

В-третьих, сумма обязательств на 2011–2013 гг. почти удвоилась и достигла 38 млрд долл. (без учета стоимости кредитов по линии МВФ).

Наконец, в-четвертых, вдвое увеличилось число заинтересованных во взаимодействии со странами «Арабского пробуждения» МФИ. К АфБР, ЕБРР, ЕИБ, ИБР и МФК добавились ВБ, МВФ, Арабский валютный фонд (АВФ), Арабский фонд экономического и социального развития (АФЭСР) и Фонд ОПЕК для международного развития (ОФИД). 10 сентября эти институты выпустили совместное заявление в поддержку экономической стратегии ДП, подчеркнув важность как оказания помощи развитию, так и расширения доступа к рынкам развитых стран для товаров и рабочей силы из стран БВСА [Deauville Partnership:

IFI Statement, 10.09.2011]. Кроме того, МФИ учредили новую координационную платформу (КП) [Deauville Partnership. IFI Coordination Platform, 10.09.2011] с переходящим председательством. Предполагалось проводить регулярные заседания КП, а также дополнительные встречи перед мероприятиями ДП, готовить ежегодные отчеты.

Параллельно был заключен меморандум о взаимопонимании между ЕБРР, чей Совет директоров 27 июля 2011 г. рекомендовал Совету управляющих распространить мандат деятельности на ЮВС, и АфБР, а также начато расширение сотрудничества с ЕИБ в сфере поддержки стран «Арабского пробуждения». ЕИБ, в свою очередь, начал движение к заключению меморандума о взаимопонимании с ИБР – его подписание состоялось уже в начале 2012 г.

На встрече в Марселе министры финансов стран – участниц ДП одобрили инициативу МФИ. Они поддержали решение Совета директоров ЕБРР о расширении мандата Банка и начале операционной деятельности в странах ДП, соответствующих критериям по части демократии и транзита, и призвали его к созданию переходного механизма финансирования и сотрудничеству с другими донорами, в том числе региональными [G8, 10.09.2011]. Также члены «клуба» всячески содействовали вовлечению в контур Партнерства ОЭСР. Данная организация в ДП стала играть куда более заметную роль в последующие два года, когда в формате председательствовали англосаксонские страны – США (2012) и Великобритания (2013).

НАБОР ОБОРОТОВ (2012–2013)

США с самого начала развернули бурную активность по линии ДП, заложив традицию многократных тематических встреч в течение года. В 2012 г. их состоялось четыре – встреча шерп и министров торговли в Иордании 11–12 апреля, где произвели запуск «торгово-инвестиционно-интеграционной» компоненты Партнерства, встреча министров иностранных дел стран ДП на полях ГА ООН 28 сентября, а также две встречи министров финансов и представителей МФИ в Вашингтоне (20 апреля) и Токио (12 октября), на полях ежегодных совещаний ВБ и МВФ [G8, 31.12.2012]. Тематика ДП заняла видное место на саммите G8 в Кэмп-Дэвиде – в итоговой декларации ей было отведено 5 пунктов из 39. Но ярче всего заинтересованность США в Партнерстве иллюстрирует итоговый доклад об американском председательстве, где ДП было посвящено больше слов, чем остальным сюжетам вместе взятым. В 2012 г. список стран-партнеров пополнил Йемен, а прогресс наблюдался на каждом из четырех основных направлений.

В рамках обеспечения *макроэкономической стабилизации* в актив ДП было записано выделение дополнительных средств по линии МВФ (2,1 млрд долл. для Иордании, 6,2 млрд долл. для Марокко, а также льготного кредита в размере 100 млн долл. для Йемена), МБР (так, например, ВБ были заключены стратегии партнерства с Египтом, Иорданией, Йеменом и Тунисом и обновлена стратегия партнерства с Марокко). На саммите в Кэмп-Дэвиде состоялся запуск новой инициативы по облегчению доступа стран «Арабского пробуждения» к рынкам капитала (Capital Markets Access Initiative). Под эгидой МФИ при лидирующей роли АВФ и ЕБРР были оценены потребности Туниса и Египта в капитале, и Тунису – впервые с 2007 г. – были выданы кредитные гарантии США (на сумму 485 млн долл.) и Японией (на сумму 25 млрд иен).

В рамках трека «политическое участие/управление» был принят целый комплекс мер. Во-первых, в Кэмп-Дэвиде был одобрен План действий по возвращению украденных активов в рамках ДП. Кроме того, в партнерстве с профильной инициативой ВБ и Управления по наркотикам и преступности ООН был учрежден Арабский форум по возвращению активов. Первый форум – с участием более 200 госслужащих из 36 стран – был проведен в Катаре

в сентябре 2012 г., после чего состоялось еще три саммита, последний – в 2015 г. Кроме того, США внесли 1 млн долл. в ВБ на цели содействия арабским странам в вопросах возвращения активов.

Во-вторых, участники ДП обязались помочь странам «Арабского пробуждения» стать членами многосторонней организации «Открытое правительство». Благодаря поддержке США и партнеров по G8 к ней в 2012 г. присоединилась Иордания. Подготовительная работа началась в Тунисе (завершилась в январе 2014 г.) и Марокко.

В-третьих, члены G8 обязались поддержать другие страны Партнерства в Арабской сети по противодействию коррупции и обеспечению прозрачности под эгидой ПРООН.

Наконец, в-четвертых, было принято решение о создании Корпуса финансовых консультантов в целях организации тренингов для госслужащих из арабских стран представителями стран G8 (на эти цели США также выделили 1 млн долл.). Италия в партнерстве с ОЭСР разработала программы дистанционного обучения госслужащих из стран БВСА в Центре в Казерте. Кроме того, ОЭСР запустила специальную инициативу по обеспечению соответствия систем госзакупок в странах БВСА принципам ОЭСР.

Наконец, в-пятых, была инициирована новая программа обменов между государствами «Арабского пробуждения» и странами G8 для законодателей, судей, представителей региональных и муниципальных органов власти, а также профсоюзов. В ней в 2012 г. приняли участие Великобритания, Германия, Италия, США и Франция.

В рамках *поддержки процессов экономической интеграции* ключевыми мерами стали поддержка механизма AFFI, одобрение в апреле 2012 г. отдельного заявления по открытым международным инвестициям, поддержка Иордании в присоединении к Соглашению ВТО о государственных закупках и усилий Иордании и Туниса по присоединению к Декларации ОЭСР о международных инвестициях и транснациональных предприятиях; и, наконец, предоставление технической помощи арабским странам в реализации структурных реформ для поощрения конкуренции и улучшения инвестиционного климата.

Пожалуй, наиболее диверсифицированным был пакет мер, отнесенных к направлению *«содействие созданию рабочих мест»*. Во-первых, G8 приветствовала расширение мандата ЕБРР на страны ЮВС и создание им специального фонда для стран региона (1,3 млрд в 2012 г. для Египта, Иордании, Марокко и Туниса) и планы по наращиванию объема инвестиций в регион до 3,4 млрд долл. в год.

Во-вторых, были проведены два экспертных совещания в Риме и Аммане с участием всех стран – участниц партнерства, МФИ и ОЭСР. По итогам этих встреч были разработаны страновые планы действий по улучшению регуляторного климата для МСП – при поддержке ОЭСР, которая с самого начала проявляла большой интерес к ДП. Так, например, именно под эгидой ОЭСР в мае 2012 г. была проведена региональная конференция по инвестициям, по итогам которой был принят «План действий по усовершенствованию инвестиционного климата в странах Довильского партнерства». ОЭСР содействовала и присоединению Туниса к Конвенции по взаимной административной помощи по налоговым делам в 2012 г., проводила мероприятия по обмену опытом в области управления бюджетом.

В-третьих, предпринимались меры по повышению навыков молодежи через расширение доступа к профессиональному образованию (строительство новых школ, запуск программ обмена и профподготовки).

Однако самой важной мерой стало учреждение осенью 2012 г. специального Транзитного фонда «Довильского партнерства» объемом 250 млн долл. США, открытого для присоединения других стран. Функции попечителя Фонда и секретариата выполнял Всемирный банк, а МФИ и ОЭСР – заключив соглашение с Попечителем, обретали право на получение средств на реализацию проектов в качестве имплементирующих организаций.

В общей сложности в 2012 г. было мобилизовано 165 млн долл. – всеми странами G8, кроме Германии и Италии, а также Катаром, Кувейтом и Саудовской Аравией, – при этом самый крупный взнос ожидаемо был обещан США (50 млн долл.) [Bartenev, Solomatin, 2020]. Они же обеспечили одобрение – в декабре 2012 г. – и первого проекта по развитию сектора водоснабжения в Иордании. Второй по объему взнос сделала Великобритания (16 млн фунтов стерлингов) – в преддверии своего председательства в G8.

Британское правительство изначально уделяло председательству в ДП особое внимание, изобретая для него отдельный слоган «Открытые экономики, инклюзивный рост». На основании консультаций с арабскими странами был сделан акцент на поощрении торговли и инвестиций, расширении экономических возможностей для молодежи и женщин, повышении роли частного сектора, предоставлении технической помощи в проведении реформ и прогрессе в области возвращения украденных активов [G8, 2013, p. 6]. По инициативе Великобритании была запущена отдельная программа по передаче опыта предпринимателям в странах ДП в области управления МСП (Deauville Partnership SME Mentoring Initiative – Forsa). Целью было найти им «менторов» в компаниях-лидерах из стран G8 и БВСА и передать опыт в расширении бизнеса и создании новых рабочих мест [G8, 2013, p. 10].

Показательным событием стал запуск в мае 2013 г. крупной многосторонней инициативы по поддержке МСП в регионе БВСА. Свой вклад в нее внесли МФК, ЕИБ (по 150 млн долл.), Французское агентство развития (50 млн долл.) и Европейская комиссия (24 млн евро), причем в таком формате эти институты взаимодействовали впервые. Ее целью было мобилизовать 350–400 млн долл. в виде частных инвестиций через заключение соглашений о разделении рисков с местными банками. Бенефициарами инициативы стали Египет, Иордания, Марокко и Тунис – страны с особенно высоким уровнем безработицы среди молодежи. Параллельно был произведен запуск механизма технической помощи МСП под эгидой ВБ с участием многих двусторонних и многосторонних доноров [G8, 2013, p. 10].

Однако, пожалуй, лучше всего заинтересованность Великобритании в ДП демонстрирует внесение в 2013 г. самого крупного взноса в Транзитный фонд (в размере 16 млн фунтов стерлингов), а также составление отдельного отчета о достижениях Партнерства [G8, 2013], аналогов которого не выпускалось ни до, ни после.

Другими словами, в первые два года англосаксонским странам удалось установить достаточно высокую планку в отношении ДП. С одной стороны, в этом можно увидеть следствие давней заинтересованности властей США и Великобритании в демократизации (Большого) Ближнего Востока, с другой – сохранение надежд на реформы, исходя из обстановки в регионе. Однако постепенно ситуация стала меняться к худшему. Откат назад имел место уже в 2013 г., когда произошли государственный переворот в Египте, рост числа терактов в Тунисе и Египте, резкое ухудшение обстановки в Сирии. Далее события стали развиваться по еще более непредсказуемой траектории, причем как в самом арабском мире, так и за его пределами, но с явными последствиями для БВСА.

ПРОБУКСОВКА И ПОПЫТКА «ПЕРЕЗАГРУЗКИ» (2014–2015)

С января 2014 г. председательство в G8 и ДП перешло к России, которая планировала провести саммит глав государств в Сочи под девизом «Управление рисками для обеспечения устойчивого роста в безопасном мире». У властей РФ были все основания сделать особый акцент на ДП – к этому моменту Россия уже обязалась внести 10 млн долл. в Транзитный фонд и перевела первый транш в размере 4 млн долл. в 2013 г. а второй – в феврале 2014 г. Хотя на фоне политического кризиса на Украине 3 марта 2014 г. стра-

ны «семерки» приостановили свое участие в сочинском саммите, Россия первоначально продолжила участвовать в мероприятиях ДП и подчеркивать значимость своего участия в Фонде [Bartenev, Solomatin, 2020].

Саммит из Сочи был перенесен в Брюссель, и в итоговой декларации саммита глав государств G7 от 5 июня 2014 г. ДП было посвящено лишь две самые общие фразы – о приверженности формату и планах обсудить перспективы Партнерства на полях ГА ООН и ежегодных совещаний МВФ/ВБ [G7, 5.06.2014]. Однако отказа от формата не случилось. Ее предотвратила территориальная экспансия ИГИЛ² и провозглашение халифата на значительной части Сирии и Ирака 30 июня 2014 г., а также позиция следующего председателя в G7 – Германии, нацелившейся вдохнуть в Партнерство новую жизнь.

Показательно, что именно под председательством ФРГ в Нью-Йорке 25 сентября 2014 г. прошла следующая встреча министров иностранных дел ДП, где была признана неравномерность прогресса в достижении целей реформ в странах «Арабского пробуждения» [G7, 25.09.2014] и, по сути, впервые прозвучала мысль о том, что «политические противоречия и нестабильность в регионе являются серьезными препятствиями на пути его экономического и социального развития». Большая часть коммюнике была посвящена вопросам противодействия экстремизму и терроризму, конфликтам в Сирии, Ливии и Йемене. Подчеркивалось, в частности, что «жестокие репрессии Башара Асада и его поощрение конфессионального раскола стали важнейшими факторами, предопределившими победы ИГИЛ в Сирии» [G7, 25.09.2014]. Очевидно, что такие формулировки, отражавшие сугубо западное видение сирийского конфликта, могли быть согласованы только после приостановки членства в G8 России.

Особое внимание уделялось мобилизации средств в ТФ–ДП. Показательно, что ФРГ решила подать пример, став донором Фонда в 2014 г. и внося в него 9 млн евро в декабре 2014 г. Тем самым Берлин дал понять, что готов выполнять свое обещание «сохранить Партнерство в верхней части рейтинга политических приоритетов» [G7, 25.09.2014].

Новое подтверждение это стремление получило 6 мая 2015 г. на встрече высших должностных лиц стран ДП в штаб-квартире ОЭСР в Париже, где был утвержден текст нового *«Пакта в сфере экономического управления»* как рамочной схемы поддержки реформ в четырех областях: 1) содействие обеспечению инклюзивного, устойчивого роста; 2) повышение транспарентности и эффективности работы государственного сектора; 3) улучшение инвестиционного климата и развитие частного сектора; 4) обеспечение инклюзивности процесса принятия решений. Важнейшую роль в разработке Пакта сыграла ОЭСР, которая далее – в партнерстве с МИД ФРГ – участвовала в подготовке отчетов по реализации этой программы в Египте, Иордании, Марокко и Тунисе [G7, 06.05.2015].

28 апреля 2015 г. в Берлине состоялась конференция высокого уровня по проблемам финансовой включенности с участием более 100 представителей центральных банков и других регуляторных органов стран БВСА, МФИ и стран – членов G7. По ее итогам был разработан региональный План действий, ориентированный в первую очередь на МСП. Наконец, 10 ноября в Иордании была проведена конференция высокого уровня по финансовой включенности и безработице в арабских странах. На полях мероприятия Германское общество по международному сотрудничеству договорилось с АВФ о партнерстве в оказании технической помощи арабским странам в этой области.

Наконец, Германия внесла важный вклад в ТФ ДП. В 2015 г. она увеличила свой взнос в Фонд еще на 9,4 млн евро, став его четвертым крупнейшим донором – после США, Великобритании и КСА. Кроме того, ФРГ способствовала вхождению в состав доноров Фонда Нидерландов (внесли 5 млн долл.) и добилась продления срока утверждения

² Организация запрещена в РФ.

новых проектов Фонда еще на два года (до конца 2017 г.) [Bartenev, Solomatin, 2020]. Именно при ФРГ ТФ–ДП был упомянут не только в Итоговом отчете о деятельности G7 [Federal Government of Germany, 2015], но и в Итоговой декларации саммита в Эльмау [G7, 7–8.06.2015]. Однако после германского председательства постепенно энтузиазм в отношении Фонда и ДП в целом стал сходиться на нет.

УГАСАНИЕ ИМПУЛЬСА (2016–2019)

В 2016 г. роль председателя в G7 и ДП исполняла Япония, вовлеченная в дела Арабского мира, пожалуй, меньше остальных членов «клуба». Какими-то прорывными мероприятиями или новыми инициативами ее председательство отмечено не было.

Первая встреча высших должностных лиц стран – участниц ДП состоялась в Токио 2 марта 2016 г. и была посвящена обсуждению того, как «придать новый импульс Довильскому партнерству с тем, чтобы обеспечить его релевантность, значимость и устойчивость» [G7, 2.03.2016] в условиях роста нестабильности (экстремизма, обострения военных конфликтов и гуманитарных кризисов). Одновременно были обозначены стержневые элементы «нового ДП». В частности, было предложено объединить политический и финансовый треки и сузить фокус Партнерства, выбрав совместно с арабскими странами несколько приоритетных областей, но предложенный список почти ничем не отличался от списка предыдущих лет. Однако в итоговой декларации саммита G7 в Исэ-Симе [G7, 26–27.05.2016] о планах реструктуризации ДП не было сказано ни слова.

В 2016 г. было организовано лишь два мероприятия в рамках ДП. Первое – встреча высших должностных лиц 22 ноября в Барселоне на базе Союза для Средиземноморья, имевшего в ДП статус наблюдателя. Второе – международный симпозиум по продвижению общественной и социально-экономической роли женщин в БВСА, состоявшийся 15 декабря.

Что касается Транзитного фонда, то Япония также внесла дополнительный взнос в размере 4,3 млн долл., однако не сочла нужным упоминать Фонд в итоговом отчете и тем более Итоговой декларации саммита в Исэ-Симе. Не появилось в 2016 г. у Фонда и новых доноров, кроме Италии, которая, как и ФРГ, предварила председательство в ДП вхождением в состав доноров Фонда (сумма взноса – 5 млн евро) [Bartenev, Solomatin, 2020].

Само же председательство Италии в Партнерстве получилось отнюдь не таким насыщенным, как можно было ожидать, исходя из ее интересов в Южном Средиземноморье. Самым ярким событием стало проведение 30 марта 2017 г. в штаб-квартире ОЭСР в Париже Конференции высших должностных лиц ДП по вопросам экономического управления и развития человеческого капитала. На ней впервые Египтом и Тунисом были представлены отчеты о программах реформ, подготовленные при помощи ОЭСР. Однако главным стало представление «Рамочной стратегии по развитию человеческого капитала» [G7, Deauville Partnership Strategic Framework, 30.03.2017], призванной служить арабским странам базовым ориентиром в разработке национальных планов действий. Участники партнерства, ОЭСР и МФИ должны были оказывать им в этом помощь и осуществлять мониторинг за выполнением стратегии и обмен опытом.

Однако в коммюнике по итогам встречи министров иностранных дел в Лукке [G7, 10–11.04.2017] раздел, посвященный ДП шел только 20-м (из 22), что, несомненно, отражало понижение его рейтинга на общей шкале приоритетов стран-участниц. В итоговой декларации саммита лидеров G7 в Таормине Партнерство упомянуто не было [G7, 27.05.2017].

Вторая встреча под эгидой ДП состоялась в Риме 21 ноября 2017 г. на базе Министерства иностранных дел и международного сотрудничества Италии. На ней вновь обсуждались

как прошлые достижения, так и перспективы партнерства. Марокко представило отчет о программе реформ, подготовленный с помощью ОЭСР, а та, в свою очередь, проект отчета о реализации планов действий по развитию МСП. Был также обсужден отчет о работе КП МФИ. Наконец, Италия добилась продления срока утверждения новых проектов Фонда еще на год (до конца 2018 г.).

Что касается перспектив формата, то участники подчеркивали важность сохранения политического диалога и обсуждали его реконфигурацию – на основе проекта, который был подготовлен Италией и затрагивал вопросы тематического охвата, географического охвата и финансового измерения Партнерства. Итоги этой дискуссии предполагалось учесть в рамках председательства Канады [G7, 21.11.2017]. Однако намек на то, что Партнерство ожидает новая «реинкарнация» не просматривалось, – в Итоговом отчете, подготовленном Италией, ДП было посвящено равным счетом одно (!) предложение.

С переходом председательства в G7 и ДП к Канаде – стране, гораздо менее обеспокоенной судьбами Арабского мира, активность в рамках Партнерства достигла минимального уровня. Канада не запланировала и не провела ни одного специализированного мероприятия, стала первой страной, которая не внесла дополнительных средств в ТФ–ДП. Фактически весь 2018 г. страны – участницы ДП упражнялись исключительно в риторике. В апреле на встрече высших должностных лиц подчеркивались достижения инициативы и важность поиска новых способов развивать сотрудничество со странами БВСА «в интересах региональной стабильности и процветания» [G7, 23.04.2018]. Однако в итоговом документе саммита в Ла-Мальбе Партнерство упомянуто не было.

Никакой ясности в отношении судьбы формата не внесла и встреча высших должностных лиц в столице Туниса 21 июня 2018 г. На ней обсуждалась деятельность Фонда, КП МФИ, которую планировали продолжать использовать для поддержки политического транзита; обзор ОЭСР программ реформ в Египте и Иордании; синергия Партнерства и «Пакта с Африкой» G20. Однако срок действия ТФ–ДП продлен не был.

Вскоре стало достоянием истории и само Довильское партнерство. Его конец зафиксировала встреча министров иностранных дел G7 в Сен-Мало 6 апреля 2019 г., утвердившая «трансформацию Партнерства в Локальный координационный механизм под эгидой G7» и призвавшая страны – члены G7 и главы дипмиссий стран ЕС в регионе к поддержанию регулярного диалога высокого уровня с национальными властями, оказанию помощи партнерам в БВСА, а международные организации, частный сектор и гражданское общество – к активному содействию этим усилиям» [G7, 6.04.2019]. Никакого сводного итогового документа о результатах деятельности формата подготовлено не было, что, впрочем, не мешает нам оценить его историческое значение самостоятельно.

«Довильское партнерство» резко отличалось от «Партнерства во имя прогресса и общего будущего с регионом БВСА», запущенного в 2004 г. Это касается и участия региональных акторов, и совершенно новой степени вовлеченности международных институтов – как глобальных, так и региональных – и готовности их координировать действия друг с другом. Запуск ДП не означал отказа внешних акторов от самостоятельных действий. Однако зонтичный характер инициатив позволял привязывать к ней любые отдельные проекты, придавая им большую легитимность, и одновременно масштабируя кумулятивный эффект. Эта логика в полной мере проявила себя в годы председательства США и Великобритании (2012–2013), когда интерес к Партнерству находился на пике, ожидания позитивных изменений были высоки, а прогресс по всем направлениям подкреплялся мобилизацией средств в рамках специального Фонда.

Однако резкое ухудшение геополитической ситуации в мире (на фоне «украинского кризиса») и в регионе притормозило процесс наращивания усилий. Импульса к реинкарнации Партнерства, заданного Германией и отразившего качественно новую степень ее вовлеченности в дела БВСА, хватило ненадолго. Изначальный энтузиазм, вызвавший Партнерство к жизни, угас. Партнеры явно искали возможность подвести черту под форматом, и то, как незаметно это произошло, еще ярче иллюстрирует исчерпание его потенциала.

Сказанное, впрочем, не отменяет наличия у Партнерства позитивного эффекта. Арабские страны почти 10 лет имели возможность регулярно взаимодействовать с ключевыми донорами и МФИ, а внешние акторы получили бесценный опыт координации усилий при реагировании на макрорегиональные вызовы. Гипотетически этот опыт мог бы быть использован при реагировании на новые региональные вызовы. Однако мир изменился, и представить в 2021 г. возникновение столь же инклюзивного формата с таким явным акцентом на демократизации уже невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Отв. ред. В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012 [*The Middle East, "Arab Awakening" and Russia: What's Next?* Eds. V.V. Naumkin, V.V. Popov, V.A. Kuznetsov. M.: IOS RAS, 2012 (in Russian)].

Труевцев К.М. Поворот 2019: продолжение Арабской весны или начало новой парадигмы политического развития? *Восток (Oriens)*. 2020. №. 2. С. 96–105 [Truevtsev K.M. 2019 Turn: The New Stage of the "Arab Spring" or Start of the New Paradigm of Political Development? *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 2. Pp. 96–105 (in Russian)].

Bartenev V., Solomatin A. The World Bank Financial Intermediary Funds as a Multilateral Mechanism to Channel Assistance to Politically Unstable Regions: The Case of the Middle East and North Africa Transition Fund. *International Organisations Research Journal*. 2020. Vol. 15. No. 3. Pp. 72–108.

Çakmak C., Özçelik A. *The World Community and Arab Spring*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019.

Deauville Partnership – International Financial Institutions' Statement. Marseille, 10.09.2011. <https://www.imf.org/external/np/dm/2011/pdf/091011.pdf> (accessed: 15.04.2021).

Deauville Partnership: IFI Coordination Platform. Marseille, 10.09.2011. <http://www.g8.utoronto.ca/finance/fm110910-deauville-ifi-en.html> (accessed: 15.04.2021).

Federal Government of Germany. Final Report by the Federal Government on the G7 Presidency. 2015. http://www.g7germany.de/Content/EN/_Anlagen/G7/2016-01-20-g7-abschluss-ng_en__blob=publicationFile&v=4.pdf (accessed: 15.04.2021).

G7 Brussels Summit Declaration. 05.06.2014. <http://www.g8.utoronto.ca/summit/2014brussels/declaration.html> (accessed: 15.04.2021).

G7. Compact on Economic Governance of the Deauville Partnership. 06.05.2015. https://www.g7germany.de/Content/DE/_Anlagen/G7_G20/2015-06-01-deauville-economic__blob=publicationFile&v=4.pdf (accessed: 15.04.2021).

G7 Deauville Partnership Foreign Ministers' Meeting. New York. 25.09.2014. German Chair's Statement. <https://www.mofa.go.jp/files/000054374.pdf> (accessed: 15.04.2021).

G7 Deauville Partnership Senior Officials' Meeting. Chair's Summary. Rome, 21.11.2017. http://www.g7italy.it/sites/default/files/documents/DP%20SOM%20Chair%252527s%20summary_0/index.pdf (accessed: 15.04.2021).

G7 Foreign Minister's Communiqué. Saint Malo. 06.04.2019. <http://www.g7.utoronto.ca/foreign/190406-communicue.html> (accessed: 15.04.2021).

G7 Foreign Minister's Joint Communiqué. 23.04.2018. <http://www.g7.utoronto.ca/foreign/180423-communicue.html> (accessed: 15.04.2021).

G7 Foreign Ministers' Meeting Joint Communiqué. Lucca, 10–11.04. 2017 http://www.g7.utoronto.ca/foreign/170411-7_joint_communique_final.pdf (accessed: 15.04.2021).

G7 Taormina Leaders' Communiqué. 27.05.2017. <http://www.g7.utoronto.ca/summit/2017taormina/communique.html> (accessed: 15.04.2021).

G7. Deauville Partnership Strategic Framework for the Development of Human Capital. 30.03.2017. <http://www.g7italy.it/it/node/277/index.html> (accessed: 15.04.2021).

G7. Ise-Shima Leaders' Declaration G7 Ise-Shima Summit, 26–27.05.2016. <https://www.mofa.go.jp/files/000160266.pdf> (accessed: 15.04.2021).

G7. Leaders' Summit Declaration. Elmau. 7–8.06.2015. <http://www.g7.utoronto.ca/summit/2015elmau/2015-G7-declaration-en.html> (accessed: 15.04.2021).

G7. Outcome Document of the Deauville Partnership Senior Official's Meeting: Elements for the Future Deauville Partnership. Tokyo. 2.03.2016. <http://www.g7.utoronto.ca/summit/2016shima/deauville-report-2016-en.pdf> (accessed: 15.04.2021).

G8 Meeting of Foreign Ministers: Chair's Summary. Paris, 15.03.2011. <http://www.g8.utoronto.ca/foreign/formin110315-en.html> (accessed: 15.04.2021).

G8. Deauville Partnership Finance Ministers' Meeting Communiqué. Marseille. 10.09.2011. <http://www.g8.utoronto.ca/finance/fm110910-deauville-en.html> (accessed: 15.04.2021).

G8. Deauville Partnership with Arab Countries in Transition. Progress Report 2013. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/248907/130925_DP_progress_rpt.pdf (accessed: 15.04.2021).

G8. Declaration on the Arab Spring. Deauville. 27.05.2011. <http://en.kremlin.ru/supplement/944> (accessed: 15.04.2021).

G8. Final Update on the U.S. G8 Presidency. 31.12.2012. <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/202643.pdf> (accessed: 15.04.2021).

Mason R. *The International Politics of the Arab Spring: Popular Unrest and Foreign Policy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.

The Struggle for Influence in the Middle East. The Arab Uprisings and Foreign Assistance. Bicchi F., Chailland B., Heydemann B. (Eds.). N.Y. Routledge, 2018.

The White House – Office of the Press Secretary. Partnership for Progress and a Common Future with the Region of the Broader Middle East and North Africa. Fact Sheet. 09.06.2004. <https://2001-2009.state.gov/e/eeb/rls/fs/33375.htm> (accessed: 15.04.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БАРТЕНЕВ Владимир Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Vladimir I. BARTENEV, PhD (History), Associate Professor, Chair of International Organisations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University; Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080015563-6

ИЗРАИЛЬСКИЙ ФАКТОР В КАТАРСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
И ЕГО РОЛЬ В АРАБСКОЙ ПОЛИТИКЕ КАТАРА

© 2021 г.

Д.Б. ГРАФОВ ^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7334-5398; graftvc@mail.ru

Резюме: В статье рассматриваются катарско-израильские отношения, которые активизировались в процессе нарастания противоречий между Катаром и монархиями Залива. Автор исследует с точки зрения структурного реализма отношения в треугольнике КСА, ОАЭ – Катар – США, Израиль, в центре которых лежит желание Дохи использовать отношения с Вашингтоном и Израилем для балансирования угроз основных конкурентов по Заливу – Эр-Рияда и Абу-Даби. Пока Дохе не удастся добиться серьезных результатов с помощью израильского лобби в США. Противоборствующие акторы в попытках повлиять на баланс сил в американских коридорах власти склоняют США к тому, чтобы сделать ставку на одну из сторон конфликта. Но это превратит Вашингтон в заложника отношений с одним из государств, что не соответствует американским принципам и интересам.

В статье делаются следующие выводы: 1) Связи с Ираном не позволили Катару успешно лоббировать интересы в Вашингтоне без учета интересов произраильского лобби; 2) Стратегия «buck-passing» оказывается неэффективной, если оба противника выступают клиентами по отношению к США, которым передается «ответный ход».

Ключевые слова: Катар, Саудовская Аравия; ОАЭ, Израиль, Катарский дипломатический кризис, блокада Катара, лоббирование в США; произраильское лобби; Иран.

Для цитирования: Графов Д.Б. Израильский фактор в катарско-американских отношениях и его роль в арабской политике Катара. *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 107–117. DOI: 10.31857/S086919080015563-6

THE INFLUENCE THE QATARI-ISRAELI AND THE QATARI-AMERICAN
RELATIONS ON THE QATAR'S ARAB POLICY

© 2021

Dmitry B. GRAFOV ^a^a – Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7334-5398; graftvc@mail.ru

Abstract: As Qatar's ambitions to become a regional player grew, it repeatedly offered to broker peace between Israel and the Arab states, and also tried to negotiate between conflicting parties. But Sunni Gulf States are irritated by this mediation and suppose that Doha tries to undermine stability of Arab countries. This is the reason for the tension in Doha's relations with Riyadh and Abu Dhabi. As a result, Saudi Arabia, the UAE, Bahrain and Egypt declared a blockade on Qatar in June 2017. They accused Qatar of supporting terrorism, demanded to break off all ties with Iran and to close the Turkish military base on its own territory. Qatar tries to ease tensions with the Gulf States by using American lobbyists, Israeli interests, and the

Jewish-American community. Qatar follows defensive realism in the combination with the “buck passing” strategy – transferring the responsibility to act to other States while remaining on the sidelines. This is transferring the responsibility to act to the U.S. Qatar’s relations with Israel and the Jewish-American community should shift the U.S. position in favor of Qatar.

The main conclusions are the following: 1) there is little chance of luck lobbying in the U.S. for any interests of any State that cooperates with Iran. But the development of Qatari-Israeli relations makes it difficult to accuse Qatar of supporting Iran; 2) the development of Qatari – Saudi crisis shows that attempt both rival parties to “buck-pass” by one superpower is inefficient. The reason is that both Qatar and Saudi coalition act like US’s clients.

Keywords: *Qatar diplomatic crisis, Qatari-Israeli relations, lobbying in the U.S., Saudi Arabia, Iran, Israel, the UAE, Jewish Americans.*

For citation: Grafov D.B. The Influence the Qatari-Israeli and the Qatari-American Relations on the Qatar’s Arab Policy. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 107–117. DOI: 10.31857/S086919080015563-6

Внешней политике Катара на современном этапе посвящен ряд работ отечественных исследователей, хотя Эмират и пребывает в тени внимания российских востоковедов к «старшим» монархиям Залива и таким ключевым странам Арабского мира, как Египет и Ирак. Участие Катара в дестабилизации режимов М. Каддафи, Х. Мубарака и Б. Асада изучал А. Борисов [Борисов, 2013]. В. Исаев и А. Филоник посвятили свою работу экономическому росту Катара, затронув внешнеполитические факторы [Исаев, Филоник, 2015]. Посреднические усилия Эмирата, организацию переговоров между участниками конфликтов в Ливии, Ливане, Йемене исследовал А. Букин [Букин, 2014]. А. Демченко анализировал политику Катара в увязке с внутренними причинами, общими для Арабского Востока [Демченко, 2010]. В контексте событий Большого Ближнего Востока рассматривали политику Эмирата Г. Косач, Е. Мелкумян [Мелкумян, 2013; Косач, Мелкумян, 2012], А. Подцероб [Подцероб, 2011].

Однако израильский вектор в политике Дохи и влияние отношений с еврейским государством на достижение других целей внешней политики Катара исследованы недостаточно. В большинстве работ отношения арабских стран с Израилем рассматриваются в парадигме противостояния. В реальной политике эти отношения сложнее. Арабский мир давно не озвучивает планов ликвидировать «очаг сионизма в Палестине» и «де-факто» признает еврейское государство. Египет подписал мирный договор с Израилем в 1979 г., Иордания юридически признает еврейское государство с 1994 г., официально нормализовали свои отношения с Израилем ОАЭ (август 2020 г.), Бахрейн (сентябрь 2020 г.), Марокко (декабрь 2020 г.) и Судан (январь 2021 г.). Все это имеет непосредственное отношение к сделке века – объявленному 28 января 2020 г. президентом США Д. Трампом плану политического урегулирования палестино-израильской проблемы, который предусматривал выделение 50 млрд долл. Палестине, Египту, Иордании и Ливану с сохранением оккупированных палестинских территорий за Израилем при согласии ключевых арабских стран. Многие арабские страны понимают, что, как только дело касается их отношений с США, «слово» Израиля начинает иметь большое значение. Поэтому неформальное сотрудничество с еврейским государством дает много преимуществ. В этом быстро убедились ОАЭ, когда зашла речь о закупках американских истребителей F-35 [Likud, 2020].

В 2003 г. Катар попробовал себя на роль посредника между арабскими странами и Израилем. Министры иностранных дел Катара и Израиля – шейх Хамад бен Джассим Аль Тани и Сильван Шалом – встретились в Париже, чтобы обсудить мирную повестку

на Ближнем Востоке. В мае 2003 года шейх Хамад не исключил возможности заключения договора о мире с Израилем, если это будет отвечать интересам Катара. В 2005 г. в поисках путей выхода Израйля из Газы шейх Хамад встретился с министром иностранных дел Израйля Ципи Ливни на полях сессии ООН в Нью-Йорке.

Претензии на особую роль не только в Арабском мире, но и в исламском мире появились у третьего эмира Катара Шейха Хамада бин Халифа Аль Тани¹. Власть досталась ему не таким уж мирным путем. Его правление началось в 1995 г., когда он сверг своего отца шейха Халифу бин Хамада, пока тот отдыхал в Швейцарии [Smooth, 2013]. Лишенный власти Х. бин Хамад, публично отрекся от сына и в феврале 1996 г. предпринял неудачную попытку контрпереворота. Он продолжал встречаться с королевскими семействами Саудовской Аравии (КСА), Бахрейна и Эмиратов, а сын жаловался, что эти страны планировали вернуть отца на трон силой. Власти Катара вскрывали одно покушение за другим и обвиняли Саудовскую Аравию и ОАЭ [New Details, 2018]. Однако корни противостояния двух монархий глубже. Есть многолетний пограничный спор в месте выхода КСА к Заливу. В сентябре 1992 г. между Катаром и Саудовской Аравией возникла напряженность, из-за попытки переместить границу на 14 км. Саудовские войска, якобы, атаковали пограничный пост Катара, что сопровождалось потерями с катарской стороны [Ayalon, 1992, p. 686].

Таким образом, в качестве изначального условия внешней политики Катара можно назвать не очень дружественное окружение.

Вторым обстоятельством, определившим политику Дохи, стали огромные нефтегазовые ресурсы. Нефтегазовые доходы обеспечивают более 55% ВВП страны (более 190 млрд долл. в 2019 г.) и около 85% доходов от экспорта. С учетом малого населения страны (число граждан менее 300 тыс.) огромные нефтегазовые доходы дают самый высокий ВВП на душу населения в мире – более 70 тыс. долл. на человека. Доходы государства почти на 40–45% превышают расходы [World, 2019].

Огромные доходы, накопленные капиталы, инвестиции также ставили вопрос об их секьюритизации. Власти осознавали, что страна находится под постоянным прессингом явлений и процессов, формируемых за пределами её влияния. Пассивная позиция в международных делах лишь усугубляет трудности, с которыми сталкивается Катар, «...поскольку не он генерирует решения, влияющие на ход мировых событий и, следовательно, не эксплуатирует их в своих интересах, но вынужден постоянно лавировать в меняющейся среде, чтобы сохранять оптимальные параметры своего жизнеобеспечения» [Исаев, Филоник, 2015, с. 104].

Развивая отношения с Израилем, Катар видит в этом способ укрепить связи с Западом, включая Соединенные Штаты. Высокомерное отношение со стороны «старших» монархий Катар компенсировал развитием связей с Йеменом, Ираком, Ираном и Турцией. КСА и ОАЭ посчитали это вызовом региональной системе отношений и увидели в этом не просто конкуренцию, а претензию крошечного эмирата на статус региональной сверхдержавы. [Da Lage, 2006, p. 126].

В теории неореализма международных отношений есть два подхода к обеспечению безопасности государства: «наступательный реализм» [Labs 1997; Mearsheimer, 2001] и «оборонительный реализм» [Waltz, 1990]. В первом случае безопасность обеспечивается за счет опоры на собственные возможности и максимизацию военной силы, во втором – балансирование угрозы происходит за счет союзов и выстраивания отношений с другими акторами, вынуждая угрожающую сторону расходовать больше ресурсов на противостояние с коалицией. Однако получение гарантий безопасности через максимизацию власти и

¹ 25 июня 2013 г. он объявил о передаче власти своему 33-летнему сыну — наследному принцу шейху Тамиму бин Хамаду Аль Тани, который правит сейчас.

мощи может привести к известной в международной политике «дилемме безопасности», когда противоположная сторона воспринимает наращивание мощи не как желание гарантированной безопасности, а как приготовление к нападению, что вызывает взвинчивание по спирали взаимной угрозы [Schweller, 1996]. Чем большей безопасности добивается для себя одно государство, тем меньше её остаётся у другого, тем больше сторона, ощущающая угрозу, готова на превентивные действия. В реальной политике акторы ищут оптимум в сохранении баланса сил с соседними государствами (также за их счет), предпочитая баланс между нападением и обороной [Snyder, 1991].

Подход Катара во внешней политике состоит в том, что обеспечить выживание Эмирата в качестве суверенного государства можно только, выстраивая отношения с влиятельными игроками на региональном и глобальном уровне, балансируя одни интересы другими [Kirkpatrick, Barnard, 2017]. В Катаре располагается крупнейшая американская военная база «Аль-Удейд» со штабом командования США и штабом командования ВВС США в Центральном регионе. Катарские инвестиции в экономику США создают рабочие места и поддерживают американский фондовый рынок. Доха приобрела британского ритейлера Harrods. Эмират известен как щедрый спонсор американского аналитического Брукингского института, Фонда Клинтона (особенно в период, когда Х. Клинтон была госсекретарем США) [Clinton's, 2016].

Сближение Катара с еврейским государством стало заметным, когда Доха установила с Тель-Авивом торговые отношения. Ш. Перес посетил Катар в 1996 г. и открыл там израильское торговое представительство, которое просуществовало до 2009 г. [Israel's, 2020]. В 2006 г. Катар предложил Израилю посреднические услуги во время Второй ливанской войны. Доха позиционировала себя как представитель, с одной стороны, ливанского правительства, а с другой – группировок ХАМАС и «Хизбалла». Между тем, Госсекретарь США К. Райс обсуждала скорейшее прекращение огня в Вашингтоне с главой МИД Саудовской Аравии Саудом аль-Фейсалом. Однако боевые действия были остановлены согласно резолюции Совета Безопасности ООН № 1701.

В 2006–2007 гг. израильтяне поддержали представительство Катара в Совете Безопасности ООН. Второй визит вице-премьер Ш. Перес совершил в Доху в январе 2007 г. Катар, с одной стороны, старался говорить с Израилем от имени Арабского мира, чем вызвал раздражение у соседних монархий, а с другой – выступал в отношениях с Израилем от имени палестинского народа. Хотя палестинский мандат Доха выдала себе сама. В 2008 г., когда Израиль провел против группировки ХАМАС операцию «Литой свинец» в секторе Газа (что привело к гибели около 1300 палестинцев), Катар ответил на это закрытием торгпредства Израиля, однако уже в начале 2009 г. на встрече бывших министров иностранных дел в Дохе от катарских властей поступило предложение нового посредничества между ХАМАС и армией Израиля. Катар дважды предлагал восстановить торговые отношения, но при условии, что Израиль позволит направлять стройматериалы и деньги в Газу. А также сделает заявление, в котором поблагодарит Эмират за признание им «существования» еврейского государства [A Shameful Rejection, 2010]. Израиль ответил уклончиво: он не хочет участвовать в соревновании между Катаром и Египтом за посредничество в палестинском вопросе [Israel, 2010]. Это заявление отражает интерес Израиля к сотрудничеству с Катаром, т. к. Доха выступает переговорщиком от лица ХАМАС, когда еврейскому государству необходимо договориться о перемирии. А израильская сторона может выбирать между переговорным каналом через Египет или Катар. Но, активизируя контакты с Тель-Авивом, Доха старалась избежать в публичном пространстве вопросов, имеющих принципиальное значение для арабской уммы. Катар помогал Израилю в перевозке йеменских евреев в Израиль, но в Дохе не реагировали на призывы израильских политиков публично осудить борьбу с сионизмом, отмежеваться от террористических организаций [Qatar Helping, 2013].

АРАБСКАЯ ВЕСНА И «КАТАРСКИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ КРИЗИС»

В Ливии и Египте Катар поддерживал в первую очередь движение «Братьев Мусульман», в Сирии и Ираке – террористические джихадистские группировки, в том числе Джебхат ан-Нусра, Хайат Тахрир аш-Шам и «исламское государство»² [Bureau, 2016]. В 2014 г. КСА публично обвинило Катар в сотрудничестве с организациями, представляющими угрозу безопасности и стабильности государств-членов ССАГПЗ, в первую очередь имея в виду Иран. Второй этап дипломатического кризиса начался 24 мая 2017 г. По версии катарских властей, вебсайт национального информационного агентства QNA был взломан, на нем было размещено сфальсифицированное заявление главы государства Тамима бин Хамада Аль Тани, в котором он назвал Иран гарантом стабильности в регионе и выступил с обличением политики стран ССАГПЗ, направленной против Тегерана. Атака хакеров, якобы, была организована ОАЭ [UAE orchestrated, 2017]. Там же появилось заявление МИД Катара об отзыве послов из пяти арабских стран, в том числе Саудовской Аравии и ОАЭ. Все эти сообщения были опровергнуты через несколько минут властями Катара.

Противники Катара стояли на позициях «наступательного реализма». На вебсайте Совета по международным делам МИДа Катара говорится, что госсекретарю США Р. Тиллерсону пришлось вмешаться, чтобы остановить разработанный КСА и ОАЭ план вторжения в Катар [Just, 2020]. Доха избрала стратегию «оборонительного реализма». Хотя Катар располагает немалым военным потенциалом, его ресурсы уступают возможностям КСА и ОАЭ. Но больший риск несла возможность военной эскалации конфликта, что вызвало бы раздражение Вашингтона. Оборонительная стратегия, наоборот, требует меньших ресурсов и предполагает усиление позиции за счет издержек атакующей стороны через вовлечение внешних игроков [Waltz, 1990, p. 34]. Балансировать угрозу Доха могла, обратившись за помощью к США, могла использовать в качестве рычага дружеские отношения с Турцией и Ираном, но это создало бы проблемы для США и помешало бы Д. Трампу усилить давление на Иран.

Позицию Вашингтона сформулировал бывший тогда госсекретарем Р. Тиллерсон, который указал на негативные последствия блокады Катара в гуманитарной области, в противодействии терроризму и для деловой активности в регионе [Qatar blockade, 2017].

Доха пошла по пути расширения экономических выгод для США и использования американских лоббистских фирм. Требовалось, чтобы США заняли позицию между Катаром и КСА (причем ближе к Катару), что, по сути, является стратегией «buck-passing» – передачи другому актору «ответного хода» по отношению к противнику [Powell, 1999, p. 283].

В январе 2018 г. Доха подписала с Вашингтоном Меморандум о взаимопонимании, провозгласивший «Стратегический диалог». В документе указывается на необходимость немедленного решения кризиса в отношениях с КСА и ОАЭ на основе уважения суверенитета Катара. США похвалили Катар за поддержку военного присутствия США в этой стране и выразили готовность сотрудничать с Дохой «в сдерживании и противодействии внешней угрозе территориальной целостности Катара» [Joint Statement, 2018]. Доха и Вашингтон отметили в меморандуме большую роль американских компаний в развитии Катара и значение инвестиций Катара (45 млрд долл.) в США. Были упомянуты поставки американских вооружений на 24,7 млрд долларов. Доха получила от Вашингтона осуждение «экстремизма» против Эмирата и готовность сотрудничать «в сдерживании и противодействии внешней угрозы Катару». В оплату позиции Вашингтона Дохой были обещаны новые инвестиции в американский энергетический сектор [Big Oil, 2018].

² Запрещено в Российской Федерации.

Для изменения позиции Вашингтона в свою пользу Катар нанял более трех десятков американских лоббистских фирм. С начала кризиса к октябрю 2017 г. Эмират потратил на лоббирование около 4,7 млн долларов. Для сравнения, с 2012 по июнь 2017 г. Доха истратила только 6,5 млн долларов [Qatar Spent, 2017]. Так, лоббистская фирма BlueFront Strategies отвечала за кампанию, осуждающую блокаду Катара, к 72-й сессии Генассамблеи ООН в сентябре 2017 г. Действия «четверки» трактовались как преступление против суверенитета Катара. Эмират обратился в Совет ИКАО с просьбой активизировать Чикагскую Конвенцию и положить конец запрету пролета катарских самолетов со стороны четырех стран [Saudi, 2018]. Другой продвигаемой темой катарских интересов была критика ультиматума «четверки» о выдворении граждан Катара. Доха обратилась в Международный суд в Гааге с требованием защитить катарские семьи от «разрушения» [UAE Says Qatar, 2018].

Доха старалась ослабить позиции враждебных монархий, продвигая через лоббистов компании Avenue Strategies Global, LLC обеспокоенность «гуманитарными страданиями населения Йемена от боевых действий саудовской коалиции». Для Эр-Рияда это было крайне чувствительно, т. к. в Конгрессе рассматривался вопрос о приостановке военно-технического сотрудничества с КСА из-за неизбирательного применения военной силы в Йемене.

Лоббисты компании McDermott Will & Emery LLP помогали Катару освоиться в коридорах Конгресса, установить контакты с законодателями и сотрудниками комитетов и подкомитетов, а также с «членами пропагандистских групп и СМИ по вопросам изоляции и бойкота Катара». На встречах с послом Катара, министром иностранных дел, министром обороны Катара «в формате обеда» побывали несколько десятков членов Палаты представителей и Сената. Некоторые контакты были посвящены созданию «катарского кокуса» в Конгрессе. В число «друзей Катара» вошли конгрессмены от демократической партии: Т. Малиновски, У. Херд, Д. Бейер и Г. Микс, Ч. Крист, Н. Барраган, Д. Сисиллин, У. Китинг [FARA eFile 1, 2019].

Еще одна нанятая Катаром фирма – Debevoise & Plimpton LLP – в 2018 г. посвятила теме «правовой и справедливой позиции Катара в отношении блокады» встречи с конгрессменом П. Кингом, сенатором Л. Грэмом, чиновниками Государственного департамента США. В 2019 году та же лоббистская фирма, согласно отчетам, обсуждала «правовую и справедливую позицию Катара в отношении блокады» с помощником госсекретаря Д. Шенкером и заместителем помощника госсекретаря Т. Лендеркингом [FARA eFile 2, 2019].

ОПОРА НА АМЕРИКАНСКИЕ ЕВРЕЙСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ИЗРАИЛЬСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

Госсекретарь Р. Тиллерсон неожиданно был отправлен Д. Трампом в отставку. Выдвижение директора ЦРУ М. Помпео в качестве следующего госсекретаря вызывало одобрение КСА и ОАЭ, поскольку бывший глава ЦРУ известен своим непримиримым отношением к Ирану. Повлиять на решение об увольнении Тиллерсона могли несколько факторов. В том числе и усилия близких к президенту политиков, за которыми стоят КСА и ОАЭ [Emails, 2018]. Также госсекретарь отговаривал Д. Трампа от разрыва ядерной сделки с Ираном и заблокировал военную интервенцию против Катара, на которую два могущественных соседа уже были готовы. Сама блокада Катара оказалась не столь жесткой тоже из-за позиции Госдепартамента [Saudi Arabia, 2018]. Во всяком случае, посол ОАЭ в США Ю. Аль-Отейба знал за три месяца об отставке главы Госдепартамента Р. Тиллерсона. В качестве канала влияния мог быть использован зять президента Д. Кушнер, с которым Ю. Аль-Отейба лично знаком. Хорошие личные отношения с Кушнером имеет и саудовский наследный принц Мухамед бен Салман [The Prince, 2018].

Доха могла использовать новых акторов для смещения баланса сил в свою пользу. Против блокады Катара выступила Великобритания. На встрече в Лондоне премьер-министр Великобритании Т. Мэй убеждала наследного принца Саудовской Аравии, что блокада не поставила Катар на колени и не привела к смене режима, но вредит бизнесу в Заливе [Gulf, 2018]. Доха дала понять, что противовесом могут стать и более влиятельные игроки, например, Россия. Впервые за всю историю двусторонних отношений в октябре 2017 г. стороны подписали контракт на поставку легких вооружений, в том числе ПТРК «Корнет». Было заявлено о планах открыть в Дохе и Москве аппараты военных атташе. КСА и ОАЭ расценили как очередной вызов со стороны Дохи эти действия, но особенно переговоры о закупке наиболее современного российского зенитно-ракетного комплекса С-400. Саудовская Аравия тут же пригрозила Катару применением военной силы, как только С-400 будет доставлен из России [Катар, 2018].

Однако противостояние Катара с КСА и ОАЭ в коридорах американской власти показало, что главным препятствием для Катара стали обвинения в его сотрудничестве с Ираном. Невозможно добиться успеха в Вашингтоне, пренебрегая интересами израильского лобби, встроенного в американский политический механизм. Успех же зависит от того, как Израиль, израильское лобби в США будут воспринимать желание Катара улучшить отношения. Уже в 2018 г. нанятая посольством Катара лоббистская фирма Lexington Strategies, LLC указывает в отчете в Минюст США, что занималась развитием отношений с руководством еврейской общины США в интересах Катара. Речь идет о поисках влияния на ключевые фигуры и задаче улучшить их отношение к Катару [FARA eFile 3, 2018]. Доха рассматривала это как политически полезные инвестиции, которые должны снять обеспокоенность Израиля: во-первых, тем, что Доха развивает отношения с Тегераном; во-вторых, встречами эмира Катара Аль Тани с лидером «Братьев-мусульман» египетским проповедником Аль-Карадави, получившим убежище в Дохе, известным сравнением холокоста с «божественным наказанием» [Prominent, 2018].

Для Израиля является принципиальным вопрос поддержки Катаром деятельности «ХАМАС» и «Хизбалла». Что это: инструмент борьбы с соседями за влияние в исламском мире, или это сущностная позиция консолидации антисиионистских сил?

Одним из первых серьезных столкновений интересов семейств Аль Сауд и Аль Тани стала «арабская весна» в Египте. До того, как военные во главе с будущим президентом Абдул-Фаттахом ас-Сиси положили конец «арабской весне», Катар делал ставку на движение «Братья мусульмане», воплощающее идею политического ислама, а саудиты поддерживали другие исламские силы [Estival, 2013, p. 95]. Однако сама идея политического ислама антагонистична и Катарской монархии, и Саудовской. Государственное устройство Катара, как и КСА, основано на суннитском исламе, господствующим толком которого выступает ханбалитский мазхаб³. Монархическо-религиозные формы правления Катара и КСА основаны на принципе аль-бей'а (в данном случае политическом договоре между правящей династией и религиозной элитой). А политический ислам означает «революционно-религиозное очищение» – контроль религиозных институтов над государственными (монархическими).

Но ставки Катара и КСА на разные фундаменталистские группировки по всему Ближнему Востоку и за его пределами определялись не религиозными, а политическими соображениями. То же можно сказать и про сотрудничество Катара с Ираном и проиранскими шиитскими группировками: их ценность для Дохи – в том, что они противостоят Эр-Рияду и Абу-Даби.

³ Догматическо-правовая школа ханбализма является официальной в Саудовской Аравии и Катаре, значительное число ханбалитов проживает на территории ОАЭ, султаната Оман и других государств Персидского залива. Модифицированное ханбалитское учение было воспринято радикальными исламистами во многих частях мира. [Harris, 1994, p. 89].

Официальная Доха объясняет свои связи с различными радикальными силами вполне реалистично – желанием стать площадкой для разрешения конфликтов в исламской ойкумене. МИД Катара причисляет к достижениям «посредничество в достижении мирного соглашения по конфликту в Дарфуре, освобождении джибутийских военнопленных в Эритрее, освобождении заложников в Сирии, прекращении президентского кризиса в Ливане». Катар продолжает работать ради примирения между палестинцами и выступает посредником между движением «Талибан» и США [Ministry, 2020]. Лоббисты, нанятые Катаром, даже «представляли интересы сирийского народа» в Вашингтоне с целью помочь оппозиции «на переговорах с сирийским режимом» [FARA eFile 4, 2017].

Очевидно, израильские власти могут так же прагматично относиться к желанию Катара улучшать отношения. В 2018 г. Израиль позволил послу Катара в Палестине на частном самолете доставить через аэропорт Тель-Авива в Газу большой объем американских долларов. В том же году Аль-Тани встретился с министром обороны Израиля А. Либерманом на Кипре в рамках усилий по посредничеству в прекращении огня с группировкой ХАМАС, правящей в Газе. В 2019 г. премьер-министр Б. Нетаньяху намеревался встретиться с Мухаммедом бен Абдаррахманом Аль Тани в феврале в Варшаве на конференции по Ближнему Востоку. Однако Доха ответила, что момент для встречи неблагоприятный [Netanyahu, 2019].

Стратегическим решением можно назвать разворот Катара в сторону сотрудничества с влиятельными представителями еврейской диаспоры США. Доха поддержала суммой в 100 тыс. долларов Сионистскую Организацию Америки (Zionist Organization of America), которая агитировала за введение санкций против Саудовской Аравии. Еще в 2014 г. эта еврейская организация призывала правительство США признать Катар спонсором терроризма, а уже в 2017 г. на ежегодном торжественном гала-ужине Сионистской Организации Америки на видном месте оказался бывший катарский дипломат Ахмед ар-Румейхи, также возглавлявший суверенный инвестиционный фонд Qatar Investments. На знаковое мероприятие его пригласил Д. Аллахам, бывший владелец группы кошерных мясных ресторанов, зарегистрированный в Минюсте США как лоббист Катара. Другим катарским лоббистом стал Н. Музин, бывший советник сенаторов-республиканцев Т. Круза и Т. Скотта. Свою миссию он объяснял так: «взаимодействие с Катаром может быть только в лучших интересах США и еврейской общины, поскольку мы не можем позволить Катару подвергнуться остракизму со стороны своих соседей и оказаться в сфере влияния Ирана» [Qatar Trying, 2017].

Ар-Румейхи пообещал стать спонсором баскетбольной команды бизнесмена Д. Кватинца (Kwatinetz), чтобы познакомиться с его другом, бывшим помощником Д. Трампа, С. Бэнноном. Еще 100 тыс. долларов через Д. Аллахаму получила еврейская организация «Наши солдаты говорят» (Our Soldiers Speak), которая организует лекционные туры из США для пропаганды израильских ценностей и достижений. Бывший кандидат в президенты от Республиканской партии, он же бывший губернатор штата Арканзас, М. Хакаби тоже получил от Катара на счет своей фирмы Blue Diamond Horizons 50 тыс. долл. [Qatar funded, 2018]. «Друзей Катара» возили в Доху, оплачивали там расходы. Всего таких новых друзей в американском истеблишменте катарские власти отобрали около 250 человек. Среди них профессора, адвокаты, журналисты, бывшие партнеры Д. Трампа, люди, известные не только в еврейской диаспоре, но составляющие некую «орбиту» Трампа. Например, дочь Хакаби оказалась пресс-секретарем Белого дома Сарой Хакаби Сандерс. Вместе с ней летал в Катар и президент «Сионистской Организации Америки» М. Кляйн. Дружба с Катаром состояла в том, чтобы активнее критиковать Саудовское королевство как государство, представляющее угрозу Израилю [The New Lobbying, 2018].

Сближение с Израилем катарское руководство не всегда скрывает, посылая сигнал американскому политическому классу. Например, раввин Марк Шнейер из Нью-Йорка принял приглашение оргкомитета Катара по проведению Чемпионата Мира по футболу 2022 г.

приехать в Эмират для консультаций по обеспечению кошерным питанием еврейских ботельщиков [New York, 2018].

Пока Дохе не удалось добиться серьезных результатов с помощью израильского лобби. Противоборствующие акторы в попытках повлиять на баланс сил в американских коридорах власти склоняют США к тому, чтобы сделать ставку на одну из сторон конфликта. Но это превратит Вашингтон в заложника отношений с одним из государств, что не соответствует американским принципам и интересам.

Расчет Дохи на передачу хода Вашингтону демонстрирует неэффективность стратегии «buck-passing», когда оба противника выступают клиентами по отношению к третьей стороне. Однако, Катар, хоть и уступает по своему потенциалу соперникам, демонстрирует большую эффективность стратегии «оборонительного реализма», в том числе за счет развития отношений с Израилем и американскими еврейскими организациями, что размывает обвинения Катара в связях с Ираном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Борисов А. *Внешняя политика Катара. Ближний Восток и современность*. М., 2013 г. № 47. С. 17–27 [Borisov A. *Qatar's Foreign Policy. The Middle East and Modernity*, Moscow. 2013. No. 47. Pp. 17–27 (in Russian)].

Букин А.В. Посредническая политика Катара в арабских странах. *Вестник РУДН, серия Международные отношения*. 2014. № 3. С. 96–100 [Bukin A.V. Mediation Policy of Qatar in the Arab Countries. *RUDN Bulletin, International Relations Series*. 2014. No. 3. Pp. 96–100 (in Russian)].

Демченко А.В. Внутренние факторы формирования внешней политики стран Арабского Востока. *Вестник МГИМО-Университета*: 2010. 1(10). С. 153–165 [Demchenko A.V. Internal Factors in the Formation of Foreign Policy of Arab States. *Bulletin of MGIMO University*: 2010. 1(10). Pp. 153–165 (in Russian)].

Исаев В.А., Филоник А.О. *Катар. Три столпа роста*. М.: ИВ РАН, 2015 [Isaev V.A., Filonik A.O. *Qatar. Three Pillars of Growth*. Moscow: IOS RAS, 2015 (in Russian)].

Катар купит у России автоматы, гранатометы и комплексы «Корнет». *Российская газета*. 23.07.2018 [Katar kupit u Rossii avtomaty, granatomety i komplekсы "Kornet". *Rossiyskaya gazeta*. 23.07.2018] <https://rg.ru/2018/07/23/katar-kupit-u-rossii-avtomaty-granatomety-i-komplekсы-kornet.html> (accessed: 16.08.2020).

Мелкумян Е.С. Арабские монархии: моделирование регионального пространства и «Арабская весна». *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2013. (102). С. 126–134 [Melkumyan E. Arab Monarchies: Constructing of Regional Environment and “the Arab Spring”. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*. 2013. (102). Pp. 126–134 (in Russian)].

Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских государств Залива как региональная военно-политическая организация. *Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика*. 2012. № 4. С. 39–69 [Kosach G.G., Melkumyan E.S. The Gulf Cooperation Council as a Regional Military-Political Organization. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Vol. 25. International Relations and World Politics*. 2012. No. 4. Pp. 39–69 (in Russian)].

Подцероб А.Б. Арабские страны в системе международных отношений. *Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика*. 2011. № 1. С. 76–97 [Podtserob A.B. Arab Countries in the System of International Relations. *Bulletin of Moscow State University. Series 25. International Relations and World Politics*. 2011. No. 1. Pp. 76–97 (in Russian)].

Ayalon A. *Middle East Contemporary Survey*. The Moshe Dayan Center. Volume XVI, 1992.

A Shameful Rejection. *Haaretz*. 20.05.10. <https://www.haaretz.com/1.5122450> (accessed: 15.08.2020).

Big Oil, Gas Investments Coming to US via Middle East, Perry says. *Washington Examiner*. 28.06.2018. <https://www.washingtonexaminer.com/policy/energy/big-oil-gas-investments-coming-to-us-via-middle-east-perry-says> (accessed: 15.08.2020).

Bureau of Counterterrorism and Countering Violent Extremism. United States Department of State Publication. 02.06.2016. <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/258249.pdf> (accessed: 25.08.2020).

Clinton's Charity Confirms Qatar's \$1 Million Gift While She Was at State Dept. *Reuters*. 05.11.2016. <https://www.reuters.com/article/us-usa-election-foundation-idUSKBN12Z2SL> (accessed: 15.07.2020).

Da Lage O. *Géopolitique de l'Arabie Saoudite*. Editions Complexe. 2006.

Emails Show UAE-linked Effort Against Tillerson. *BBC News*. 05.03.2018. <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-43281519> (accessed: 22.08.2020).

Estival J.P. *La Tragédie syrienne: Révolte populaire ou complot international?* L'Harmattan. 2013.

FARA eFile 1. 2019. U.S. Department of Justice. <https://efile.fara.gov/docs/6447-Amendment-20191205-5.pdf> (accessed: 10.08.2020).

FARA eFile 2. 2019. <https://efile.fara.gov/docs/6560-Supplemental-Statement-20191223-4.pdf> (accessed: 10.08.2020).

FARA eFile 3. 2018. <https://efile.fara.gov/docs/6563-Short-Form-20180615-4.pdf> (accessed: 10.08.2020).

FARA eFile 4. 2017. <https://www.fara.gov/docs/6210-Exhibit-AB-20171221-4.pdf> (accessed: 11.08.2020).

Harris I.C. *Longman guide to living religions*. Stockton. 1994.

Israel's Diplomatic Missions Abroad: Status of relations. Israel Ministry of Foreign Affairs. 2020. <https://mfa.gov.il/MFA/AboutTheMinistry/Pages/Israel%20Diplomatic%20Missions%20Abroad.aspx> (accessed: 24.08.2020).

Israel rejects Qatar bid to restore diplomatic ties. *Haaretz*. 20.05.2010. <https://www.haaretz.com/1.5122450> (accessed: 28.08.2020).

Joint Statement of the Inaugural United States-Qatar Strategic Dialogue. U.S. Embassy in Qatar. 30.01.2018. <https://qa.usembassy.gov/joint-statement-inaugural-united-states-qatar-strategic-dialogue/> (accessed: 12.08.2020).

Just How Important Is the Rift Between Qatar and the Saudi Arabia-led Quartet? Council on Foreign Relations. 22.06.2020. <https://www.cfr.org/blog/just-how-important-rift-between-qatar-and-saudi-arabia-led-quartet> (accessed: 24.08.2020).

Kirkpatrick D.D., Barnard A. Terrorist Attacks Pour Gas on Saudi-Iranian Rivalry and Gulf Tensions. *The New York Times*. 07.06.2017. <https://www.nytimes.com/2017/06/07/world/middleeast/terrorism-saudi-arabia-iran-qatar.html> (accessed: 25.08.2020).

Labs E.J. 1997. Beyond Victory: Offensive Realism and the Expansion of War Aims. *Security Studies* 6. No. 4. Pp. 1–49.

Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W. W. Norton & Company. 2001.

Ministry of Foreign Affairs of Qatar. *Preventive diplomacy*. 2020. <https://www.mofa.gov.qa/en/foreign-policy/preventive-diplomacy> (accessed: 25.08.2020).

Netanyahu Reportedly Rebuffed After Seeking Meet with Qatari Foreign Minister. *Times of Israel*. 17.09.2019. <https://www.timesofisrael.com/netanyahu-reportedly-sought-meeting-with-qatari-fm-but-was-turned-down/> (accessed: 25.08.2020).

New Details Revealed on 1996 Coup Attempt Against Qatar. Exclusive Al Jazeera Documentary Uncovers New Evidence of Saudi, UAE, and Bahrain Involvement in the 1996 Foiled Coup. *Aljazeera*. 05.03.2018. <https://www.aljazeera.com/news/2018/03/al-jazeera-reveals-details-1996-coup-attempt-qatar-180304200532130.html> (accessed: 25.08.2020).

New York Hot Dog Rabbi to Make Qatar Kosher for World Cup. *Bloomberg*. 26.12.2018. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-12-26/new-york-hot-dog-rabbi-to-make-qatar-kosher-at-soccer-world-cup> (accessed: 05.09.2020).

Powell R. *In the Shadow of Power: States and Strategies in International Politics*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 1999.

Qatar Blockade: Gulf States Silent on Tillerson Plea to Ease Measures. *BBC*. 10.06.2017. <https://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-40232856> (accessed: 05.09.2020).

Qatar Funded Pro-Israel US Groups in Lobbying Campaign. *The National*. 11.07.2018. <https://www.thenational.ae/world/mena/qatar-funded-pro-israel-us-groups-in-lobbying-campaign-1.749437> (accessed: 05.09.2020).

Qatar Helping Yemenite Jews Reach Israel? *Israel National News*. 21.01.2013. <http://www.israelnationalnews.com/News/News.aspx/164406#.UQH8gCfs6zo> (accessed: 05.09.2020).

Qatar Spent Nearly \$5 Million on U.S. Influence Campaigns Following its Isolation by Saudi Coalition. *The Center for Responsive Politics*. 13.10.2017. <https://www.opensecrets.org/news/2017/10/qatar-spent-5-million-on-influence> (accessed: 07.09.2020).

Qatar Trying to Arrange Meeting With Jewish American Leaders as Part of PR Push. *Haaretz*. 13.09.2017. <https://www.haaretz.com/us-news/in-pr-push-qatar-trying-to-meet-with-u-s-jewish-leaders-1.5450190> (accessed: 07.09.2020).

Saudi Arabia Planned to Invade Qatar Last Summer. Rex Tillerson's Effort to Stop it May Have Cost Him His Job. *The Intercept*. 01.08.2018. <https://theintercept.com/2018/08/01/rex-tillerson-qatar-saudi-uae/> (accessed: 07.09.2020).

Schweller R.L. Neorealism's Status-Quo Bias: What Security Dilemma? *Security Studies*. 1996. 5. No. 3. Pp. 90–121.

Smooth Qatar Handover Rooted in Turbulent Past of 'Father Emir'. *Voice of America*. 03.07.2013. <https://www.voanews.com/a/smooth-qatar-handover-rooted-in-turbulent-past-of-father-mir/1694301.html> (accessed: 17.09.2020).

Snyder J.L. *Myths of Empire: Domestic Politics and International Ambition*. Ithaca. New York. Cornell University Press. 1991.

The New Lobbying: Qatar Targeted 250 Trump 'Influencers' to Change U.S. Policy. 29.08.2018. <https://www.wsj.com/articles/the-new-lobbying-qatar-targeted-250-trump-influencers-to-change-u-s-policy-1535554647> (accessed: 17.09.2020).

The Prince Who Would Remake the World. *The New York Times*. 21.06.2018. <https://www.nytimes.com/2018/06/21/opinion/sunday/saudi-arabia-women-drivers.html> (accessed: 17.09.2020).

UAE Orchestrated Hacking of Qatari Government Sites, Sparking Regional Upheaval, According to U.S. Intelligence Officials. *The Washington Post*. 16.10.2017. <https://www.washingtonpost.com/world/national-security/uae-hacked-qatari-government-sites-sparking-regional-upheaval-according-to-us-intelligence-officials/2017/07/16/> (accessed: 11.09.2020).

UAE Says Qatar World Court Case a "Misuse" of International Organisations. *Gulf Business*. 27.06.2018. <http://gulfbusiness.com/uae-says-qatar-world-court-case-abuse-of-international-organisations> (accessed: 11.09.2020).

Waltz K. Realist Thought and Neorealist Theory. *Journal of International Affairs*. 1990. Vol. 44. Issue 1. Pp. 21–37.

World Economic Outlook Database. IMF. October 2019. <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/weorept.aspx?pr.x=38&pr.y=16&sy=2017&ey=2021&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=453&s=NGDPD%2CPPPDP%2CNGDPDPC%2CPPPPC%2CPCPI&grp=0&a=> (accessed: 14.08.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГРАФОВ Дмитрий Борисович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Dmitry B. GRAFOV, PhD (Political Science), Senior Research Fellow, Center for the Study of General Problems of the Modern East, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia.

КУЛЬТУРА И СОЦИУМ

DOI: 10.31857/S086919080013926-5

НЕООСМАНСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ¹

© 2021

Д.В. ЖИГУЛЬСКАЯ^{а, б}^а – Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова;^б – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3163-4308; dvzhigulskaya@gmail.com

Резюме: В статье рассматривается феномен неоосманской ностальгии в контексте попыток формирования новой пост-кемалистской гражданской идентичности. Сегодня неоосманизм звучит в различных сферах жизни турецкого общества: в культуре, кино и литературе, политике и других. Новая Турция прилагает всеческие усилия для того, чтобы соединить воедино отдельные части её фрагментированной идентичности.

При этом среди представителей разных слоев турецкого общества распространен амбивалентный подход к османскому наследию. Большинство отцов-основателей светской республики негативно относились к османскому прошлому и винили империю в череде неудач, преследовавших её на закате своего существования – потерях значительных территорий и многочисленных военных поражениях. В результате кемалистского проекта национального строительства появилась современная турецкая нация, которая должна была стать частью западного мира.

Вместе с тем обращение к османским нарративам возродилось после перехода к многопартийной системе в 1950-х гг., восхищение османским прошлым заметно увеличилось в 1980-е гг. и достигло своего пика на современном этапе во время правления Партии справедливости и развития (ПСР). Лидеры партии стремятся создать новую идентичность для современной Турции, на свой лад трактуя и интерпретируя историю. В попытке навязать гражданам чувство единства нации ностальгия ПСР трактует османско-исламскую цивилизацию как источник исторического наследия турок. Стоит отметить, что возвышение ностальгии в Турции отражает глобальный тренд среди авторитарных популистских режимов мира.

Также необходимо учитывать, что растущий интерес к османской истории в современной Турции отражает изменения как в государственном политическом дискурсе, так и популярной культуре. Эта ностальгия по прошлому заново интерпретирует и деконтекстуализирует ранее четко сформулированные и закреплённые символы, идеи, исторические факты. В связи с этим необходимо разделять государственную политику неоосманизма и популярную тягу к османскому наследию среди народа – эти два дискурса отличны, хотя и взаимосвязаны.

Ключевые слова: Турецкая Республика, османизм, неоосманизм, ностальгия, национализм, консервативный нарратив, Партия справедливости и развития (ПСР).

Для цитирования: Жигульская Д.В. Неоосманская ностальгия в современной Турции. Восток (Orient). 2021. № 4. С. 118–127. DOI: 10.31857/S086919080013926-5

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук МК-636.2020.6.

NEO-OTTOMAN NOSTALGIA IN CONTEMPORARY TURKEY

© 2021

Daria V. ZHIGULSKAYA ^{a, b}^a – Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University;^b – Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3163-4308; dvzhigulskaya@gmail.com

Abstract: *The article examines the phenomenon of neo-Ottoman nostalgia in the context of attempts to shape a new post-Kemalist civil identity. Today, neo-Ottomanism is making itself heard in various spheres of life in Turkish society: in culture, cinema and literature, politics and elsewhere. The new Turkey is making every effort to tie together individual parts of its fragmentary identity.*

This being said, an ambivalent approach to the Ottoman heritage is widespread amongst various strata of Turkish society. Most of the founding fathers of the secular republic took a negative view of the Ottoman past and blamed the empire for a string of failures that beset it at the dawn of its new existence – extensive territorial losses and numerous military defeats. The Kemalist nation building project gave rise to a modern Turkish nation which was supposed to become part of the Western world.

At the same time, the appeal to Ottoman narratives reemerged after the transition to a multiparty system in the 1950s; admiration for the Ottoman past increased noticeably in the 1980s and has now reached its peak under the Justice and Development Party (JDP). The party leaders are striving to create a new identity for contemporary Turkey, construing and interpreting history in their own way.

It should also be taken into account that the growing interest in Ottoman history in contemporary Turkey reflects changes in both the state's political discourse and popular culture. This nostalgia for the past reinterprets and decontextualizes previously clearly formulated and enshrined symbols, ideas and historical facts.

Keywords: Turkish Republic, Ottomanism, neo-Ottomanism, nostalgia, nationalism, conservative narrative, the Justice and Development Party (JDP).

For citation: Zhigulskaya D.V. Neo-Ottoman Nostalgia in Contemporary Turkey. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 118–127. DOI: 10.31857/S086919080013926-5

Acknowledgements: The study was supported by the grant MK-636.2020.6 under the RF President's Grant Programme for young candidates of science.

ИДЕОЛОГИЯ НЕООСМАНИЗМА

Идеология неосманизма, исследуемая в данной статье, строится на фундаменте своего исторического предшественника – османизма, официальной идеологии Османской империи XIX в. Ориентируясь на создание новой османской нации, османизм пропагандировал принципы верховенства закона и обещал одинаковое отношение ко всем народам, населяющим империю, в вопросе прав и привилегий – взамен на их преданность и верность государству и нации [Kayalı, 1997, p. 18–24]. Главной целью османизма было нейтрализовать центробежные силы этнического национализма и сепаратистские движения на Балканах путем формального признания полиэтнической и мультирелигиозной природы Османской империи. Однако эта идеология не была успешной. Национальные движения различных народов, населявших империю, показали себя гораздо более эффективными и сильными, чем идея османской идентичности.

В целом, османизм, исламизм Абдулхамита II и тюркизм младотурок преследовали единую цель – спасти государство от националистических движений и европейской интервенции, которые угрожали разрушить империю [Blumi, Nakan Yavuz, 2013].

Османизм не только служил стратегией спасения государства, но был общественной моделью, сформулированной бюрократами эпохи Танзимата. Ввиду отсутствия единой национальной идентичности новая идеология основывалась на принципе общности территории и подчёркивала факт проживания всех народов на общей территории. После потери Османской империей Балкан фокус османизма сместился на восток, усиливая исламские референции. С этим фактом связано и то, что, говоря сегодня о неоосманизме, зачастую имеют в виду политику Турции на Ближнем Востоке.

Термин «неоосманизм» был изобретен с целью охвата широкого спектра идей и ценностных норм, свойственных для Турции и её миропонимания. Этот холистический комплекс идей и ценностей формирует определение того, как Турция характеризует себя.

Неоосманизм стремится создать новую национальную идентичность и отразить её как во внутренней, так и во внешней политике, используя при этом исторические, культурные и религиозные связи с бывшими османскими территориями. Новая турецкая идентичность не ограничена территорией Анатолии, но выходит за её пределы. Идея неоосманизма как сконструированной памяти о прошлом изначально была развита в турецкой литературе и культуре, позже перейдя в политическую сферу и публичный дискурс.

Д. Барчард, который изобрел сам термин «неоосманизм», предлагает следующее определение: «Осознание имперского прошлого», которое является «более мощной силой в Турции, чем ислам», потому что «по мере того как Турция приобретает экономическую силу, она будет усиленно пытаться заявить о себе» [Barchard, 1985, p. 91].

Таким образом, неоосманизм предлагает плюралистический взгляд на турецкую идентичность, допускает её широкую вариабельность, позволяющую многочисленным более частным этническим и лингвистическим идентичностям сосуществовать.

Цель неоосманизма – не восстановить прошлое, но подвергнуть критике настоящее с целью формулировки новой коллективной цели. Очевидно, что идеология неоосманизма стремится: разрушить кемалистскую концепцию идентичности и общества; выработать механизмы взаимодействия с бывшими османскими обществами с целью развития рынка сбыта товаров и, конечно, увеличения социо-политического влияния; вернуть ислам в общественную сферу.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НОСТАЛЬГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

Хотя понятие ностальгии получило широкое теоретическое осмысление, оно довольно малоизучено и недооценено в рамках политического дискурса [Boym, 2001; Niemeyer, 2014].

Ностальгия представляет собой особую форму коллективной памяти, которая выстраивает эмоциональную связь с великим, но потерянным прошлым. Это прошлое проливает свет на политическую тропу, ведущую к успешному будущему нации. Такой вид коллективной памяти опирается на двойственное изображение реальности, в которой прошлое изображено как гораздо более успешное время по сравнению с настоящим. Вместе с тем ностальгия успешно сочетается с популистской риторикой, выполняя функцию эмоционального связующего звена с многовековым прошлым.

Любой политический проект держится на «историческом якоре», который может принимать различные формы, среди них, например, *травматический нарратив* [Alexander, 2004], *космополитизм* с присущей ему гармонией между различными народами и конфессиями, *культ исторического лидера* и др. Однако ностальгия современных политических проектов опирает-

ся, скорее, на «двойственность» истории: великое прошлое противопоставляется проблемному настоящему, от которого лидер или коллективная политическая сила должны спасти народ.

Турецкий политический проект ностальгии – неоосманизм – сочетает в себе различные дискурсы с целью полной замены преобладавшей в республиканский период традиции отрицания османской эпохи.

Сочетание и взаимодополнение ностальгии и популизма успешно формирует дискурс двойственных историй, который увеличивает расстояние между обычным народом и элитой. В этом контексте лидеры Партии справедливости и развития (ПСР) утверждают, что ложная история неудач Османской империи, выдвинутая представителями республиканской светской элиты, насильно насаждалась среди обычного народа, в то время как правдивая версия османско-исламской истории всё еще подавляется частью политической элиты, но возрождается усилиями партии и режима. В качестве примера можно привести выражение Реджепа Тайипа Эрдогана во время памятных мероприятий, посвященных наследию султана Абдулхамита II: «Некоторые люди всё еще ошибочно пытаются свести начало истории Турции к 1923 году» [Karakaya, 2020, p. 140].

Действительно, потеря обширных территорий Османской империей стала серьезной травмой как для простого народа Турции, так и для государственных деятелей и политиков. В первые десятилетия существования светской республики наблюдался жесткий отказ от османского прошлого и негативная реакция на всё, что напоминало о былых поражениях и неудачах.

С провозглашением республиканской Турции в 1923 г. османское прошлое, в отличие от европейского уклада жизни, стало «чужим» для современного турка [Koşuncu, 2014, p. 41], идентичность которого была сконструирована благодаря революционной политике Мустафы Кемаля Ататюрка (1881–1938). Отцы-основатели Турецкой Республики хотели создать новую идентичность – светского турка, который бы принадлежал западной цивилизации и гордился своим культурным наследием, при этом не замечая недавнего османского прошлого. Поэтому Центральная Азия и исторические земли тюрков – Туркестан – были представлены как историческая родина турок. Турецкий язык и история древних тюрков были возвышены и их роль нарочито подчеркнута в ущерб исламской и османской идентичностям и их истории. Иными словами, процесс национального строительства основывался на доисламском и тюркоцентричном видении мира. Политику раннереспубликанского правительства можно сравнить с французской революцией как «цивилизующий процесс сверху» с целью «создания нового образа жизни» [Çolak, 2000, p. 13, 144–145]. В этом новом образе жизни наука и рационализм были представлены как истинные ориентиры вместо следования религиозному фактору и политике сектарианизма [Sayılı, 2010].

Вестернизация должна была быть достигнута и ментально, и физически, в том числе и во внешнем облике, одежде, манерах и привычках. В 1935 г. Айя-София (или Собор Святой Софии), византийский храм, превращенный в мечеть в 1453 г., стал музеем, открытым для всех. В тот же день официальный выходной был изменен с пятницы на воскресенье [Mango, 1999, p. 499]. Таким образом, не отвергая религию открыто, кемалистская Турция предложила национализм и науку в качестве центральных компонентов в создании новой турецкой нации, гордившейся своей историей, закрепленной в «Турецком историческом тезисе» (тур. “Türk Tarih Tezi”) 1930-х гг. Согласно этой исторической теории, турки считались основателями практически всех древних цивилизаций в Анатолии и Центральной Азии, таким образом обходя недавнее прошлое Османской империи. При этом нужно отметить, что значительная часть турецкого населения не приняла полностью или даже отрицала радикальные реформы Ататюрка. С переходом к многопартийной системе в 1950-х гг. требования народа стали звучать громче, и были услышаны правящей Демократической партией (ДП) [Uzer, 2020, p. 4].

Так, в 1950-х гг. начался процесс возрождения османского нарратива. Хотя правительство ДП издало специальный закон в защиту наследия Ататюрка, который скончался в

1938 г., исламисты и консервативные слои населения чувствовали себя более свободными в выражении своих идей и даже призывах к смене статуса музея Айя-Софии обратно в мечеть. ДП со временем превратилась в коалицию кемалистов, националистов, либералов и консерваторов [Çinar, Sezgin, 2013]. Примечательно, что руководство ДП стремилось контролировать экстремальные формы проявления антикемализма и любую антисветскую деятельность, в то же время используя религиозный дискурс для привлечения голосов. В итоге в 1950-е гг. и позже османское наследие было сохранено в литературе, искусстве и музыке, несмотря на отрицание османского прошлого кемалистским режимом и попытки подавить «это имперское привидение» [Nakan Yavuz, 2016, p. 439–440].

Пятисотая годовщина завоевания Стамбула в 1953 г. стала знаменательным событием, во время которого политики правого крыла стали активно ассоциировать себя с османской историей. Можно утверждать, что с этого времени интерес ко всему османскому значительно возрос, а в 1980-е гг., когда Тургут Озал занимал пост премьер-министра, возникло новое явление, известное как неоосманизм. Вместе с тем беспрецедентный рост культурных и ценностных отсылок к османскому прошлому можно отнести к периоду правления ПСР (с 2002 г. по настоящее время).

Необходимо подчеркнуть, что неоосманизм в Турции не предполагает восстановление монархии и османской династии. Эмоциональный аспект этой идеологии включает в себя чувственную привязанность к Османской империи и её величию, которая вызывает чувство гордости среди населения и ностальгии по былым временам, в то время как тактический элемент неоосманизма предполагает использование истории в качестве инструмента создания альтернативной национальной идентичности с усиленной консервативной составляющей. Нередко такой подход воспринимают как своеобразное прикрытие для растущих про-исламских настроений. Ностальгия по османским временам в руках правящего режима выполняет эффективную роль в уничтожении светских ценностей Турции западного образца и создании нового общественного уклада с сильными исламскими референциями в политическом дискурсе. Эту идеологию можно считать своеобразным инструментом «уничтожения кемалистской концепции идентичности и общества» [Nakan Yavuz, 2016, p. 448].

НЕООСМАНИЗМ ЭПОХИ ТУРГУТА ОЗАЛА

Концепция неоосманизма приобрела особую популярность во времена Тургута Озала, который занимал пост премьер-министра в 1983–1989 гг., а затем президента Турции в 1989–1993 гг. Озал предложил компромиссный подход, включающий консервативные ценности и принимающий исламские референции и османское наследие, и в то же время Озал открыл экономику Турции миру. Экономические и социальные изменения эпохи Озала заложили основу и создали благоприятные условия для подъема политического ислама в 1990-х гг., который вышел на качественно новую ступень с приходом к власти ПСР в 2001–2002 гг.

Подход Озала к османизму можно охарактеризовать как плюралистский и мультикультуралистский, стремящийся решить курдский вопрос и создать более инклюзивную национальную идентичность [Nakan Yavuz, 2016, p. 456, 459].

Озал считается первым турецким лидером, привнесшим провинциальный религиозно-консервативный элемент в политическую сферу. Экономические реформы Озала завершили период статической экономики и поддержали экспорт-ориентированную политику. Эти меры наряду с либерализацией экономики привели к возникновению нового среднего класса религиозно-консервативной анатолийской буржуазии. Озал подчёркивал прозападную ориентированность Турции, подав заявку на членство в ЕС. В Турции была проведена серия реформ, направленных на демократизацию и соблюдение прав человека, среди них – отмена смертной

казни, наделение значительными правами курдского меньшинства и налаживание диалога с ним. Во внешней политике Озал развивал связи с Балканами и тюркскими республиками Центральной Азии, приобретшими независимость. Границы между государством и обществом были обозначены заново. Новые экономические акторы, известные как «анатолийские тигры», стремились внедрить в общественную сферу элементы османско-исламского прошлого. Реформы Озала наделили властью гражданское общество и позволили общественным силам формировать государственную идентичность и влиять на внешнюю политику.

При этом во внешней политике неоосманизм Озала не обязательно включал экспансионизм, но предполагал более активную роль Турции на бывших территориях Османской империи. Можно утверждать, что неоосманизм Озала имел имперское видение мира, но не империалистское. При этом Озал не разделял антизападные настроения, как это делали партии движения Национального видения (тур. Milli Görüş), например, Партия благоденствия в 1990-х гг., для которой исламизм и османизм были синонимичными понятиями.

ИСЛАМИЗАЦИЯ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ В ТУРЦИИ ПОСЛЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ ПСР

Муниципальные выборы в Турции в 1995 г. были поворотным моментом в процессе исламизации государства и общества. Успех происламской Партии благоденствия и последующая коалиция в правительстве сместили страну с тропы кемализма в направлении проекта новой Турции. Руководство Партии благоденствия стремилось восстановить «Великую Турцию» как центр исламской цивилизации, обращаясь к ценностям османского прошлого. Такая форма неоосманизма отличалась от подхода Озала и использовала термины «османизм» и «исламизм» как взаимозаменяемые. Также новый вид неоосманизма стремился к гомогенизации общества, в то время как подход Озала подразумевал мультикультурализм и укрепление прав и свобод человека.

Партия справедливости и развития пришла к власти в 2002 г. Несмотря на свои исламистские корни, руководство партии на раннем этапе своего правления следовало проевропейскому курсу, постепенно возвращаясь к своей исламской идентичности. Самоидентификация партии в качестве прогрессивной мусульманской партии сама по себе была чем-то совершенно новым для Турции. Так, период правления ПСР можно разделить на несколько этапов: проевропейский период 2002–2011 гг., период смещения в область исламских ценностей 2011–2014 гг., период изоляционизма с 2014 г. по настоящее время. В плане идеологии ПСР пыталась осуществить изменения идентичности, сменив «монолитную турецкую идентичность» на «идентичность, базирующуюся на исламских ценностях». Таким образом, понятия «турок» и «турецкий» сводились к одной из многих этнических групп в стране [А1, 2019, р. 152, 155].

Начало неоосманистского дискурса ускорило процесс деевропеизации для турецкого общества, который также привел к смене роли Турции на международной арене. Турция официально повернула своё лицо на Восток.

Неоосманизм стал главным инструментом в создании нового политического проекта ПСР, который был начат внешней политической доктриной Ахмета Давутоглу, и обернулся в процесс реконструкции идентичности во времена, когда доминирующая позиция ЕС в турецкой внутренней и внешней политике подвергалась острой критике.

Увеличение роли неоосманизма как во внутренней, так и во внешней политике, а также в продукции поп-культуры продолжает отдалять Турцию от некогда популярной европейской идентичности. Артикуляция новой турецкой идентичности в рамках неоосманистского дискурса способствует созданию дихотомии «мы–они», где «мы» – это новое консервативное турецкое общество, а «они» – Европа и западные ценности.

Представители светских кругов в Турции стремились противостоять политике исламизации ПСР. Это привело к резкой поляризации турецкого общества на приверженцев светскости и консерваторов. Религиозный идеологический нарратив столкнулся с республиканской идеологией. Пользуясь терминологией Э. Лаклау, можно заключить, что это противостояние привело к «дискурсивным битвам», в которых противоборствующие дискурсы борются друг с другом, чтобы достичь гегемонии [Laclau, 2007, p. 545]. Политический дискурс неразрывно связан с политическим действием. Естественно, ПСР предпринимает практические усилия, чтобы создать новую идентичность на основе своих дискурсивных паттернов. Новая Турция при правлении ПСР идеализировала османский нарратив как конкурирующий со светской республиканской идеологией – кемализмом. Вместо прямых обвинений в адрес Ататюрка, османское прошлое представляется в виде идеала, достойного подражания. Примечательно, что консерваторы возвышают фигуру султана Абдулхамита II, хотя во время его правления в Османской империи наблюдался значительный упадок и были утрачены обширные территории. Абдулхамит II для консерваторов выступает в роли героя, альтернативного Ататюрку, «турецкая идентичность», в свою очередь, была сведена до одной из этнических идентичностей, наряду с курдской, черкесской, лазской, албанской. Вместе с тем, немусульманские этносы Турции снова не были включены в новую идентичность, предложенную Р.Т. Эрдоганом. Примечательно, что Эрдоган зачастую избегает использования словосочетания «турецкая нация», предпочитая ему «наша нация».

Являясь идейно образующим нарративом ПСР, неоосманизм, естественно, имеет влияние на внутреннюю и внешнюю политику Турции. Как это явно продемонстрировано в книге «Стратегическая глубина» (тур. “Stratejik Derinlik”) бывшего министра иностранных дел и премьер-министра Турции А. Давутоглу, неоосманизм во внешней политике стремится установить связи со странами Ближнего Востока и Балканами ценой смещения приоритетов с традиционного прозападного направления [Murinson, 2006, p. 945–964].

При этом регион Ближнего Востока и тесные связи Турции с ним воспринимаются как историческая и географическая судьба Турции [Davutoğlu, 2011].

Во внутренней политике политический истеблишмент настойчиво стремится подчеркнуть османское прошлое, это стремление отчетливо проявляется в праздновании исторических событий османской эпохи, ревитализации османского наследия на официальных мероприятиях, поддерживаемых правящим режимом, в школьных учебниках и т.д.

НЕООСМАНСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ В ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ ТУРЦИИ

История и память – взаимосвязанные понятия, однако не синонимичные. Память предполагает общественное понимание прошлого, она становится кодифицированной и консолидированной в рамках определенного нарратива, выработанного в условиях актуального контекста. Память относится скорее к поиску идентичности: к тому, как человек и общество пытаются понять прошлое, чтобы придать форму настоящему и будущему. Сегодня память об османском прошлом реконструируется в сфере культуры и киноиндустрии значительно активнее, чем история империи.

Согласно мнению А. Байера, «ранее четко разделенные понятия популярной и официальной истории, сферы образования и развлечений – сегодня всё менее разделены, а границы между ними размыты» [Baer, 2001, p. 491–501]. Этот процесс размывания границ между популярным и официальным наблюдается сегодня и в Турции, которая активно использует «мягкую силу», обращаясь к культуре как государственному ресурсу с целью привлечения внимания и интереса стран региона. С 2003 г. Турция производит более 60 фильмов ежегодно, среди которых сериалы «Великолепный век» (тур. “Muhteşem Yüzyıl”) и «Запретная любовь» (тур. “Aşk-ı Memnu”), которые демонстрируют на Балканах, в странах Кавказа и на Ближнем Востоке.

Сериал «Великолепный век», посвященный жизни султана Сулеймана Великолепного (1520–1566 гг.) и его возлюбленной и жене Хюррем (Роксолане), ставшей самой влиятельной женщиной в истории Османской империи, вызвал всплеск интереса к османскому периоду истории и спровоцировал многочисленные дебаты относительно исторической правды, которые А. Онджю охарактеризовала как «общественная болтовня» [Öncü, 2011, p. 53].

Сериал обрел множество поклонников как в Турции, так и за её пределами. Примечательно, что Р.Т. Эрдоган осуждал сериал за ошибочное изображение османских предков, проводящих всё своё время в гаремных интригах вместо того чтобы сражаться верхом на коне. Существуют сведения о том, что высокопоставленные представители ПСР просили продюсеров сериала прекратить его выпуск. Братья Тайлан – продюсеры сериала – в интервью 2013 г. изданию “The New Yorker” заявляли, что им пришлось платить штрафы и применять самоцензуру, например, осознанно увеличить число военных сцен [Batuman, 2014].

«Великолепный век» демонстрирует, как изменился государственный контроль над популярной культурой. В начале 1930-х гг. турецкая политическая элита транслировала свою увлеченность вестернизацией в популярной культуре. Это привело к культурной опеке и вторжению в сферу музыки, фильмов, радио и искусства. Такие спорные инициативы, как запрет на османскую дворцовую музыку на общественном радио с целью популяризации западной музыки, явно отображают связь между популярной культурой и эпохой модерна [Ergin, 2005, p. 63–92].

Популярная культура в Турции является противоречивой областью, которая свидетельствует о борьбе и спорах в отношении различных подходов к модернизации и истории.

Подъем интереса ко всему османскому в популярной культуре соответствует двум примечательным историческим сдвигам: во-первых, стирание культурных границ между высокообразованным населением и широкими массами; во-вторых, смещение из сферы государственно-спонсированного культурного модерна и последующие попытки реабилитировать османское и исламское наследие. Этот факт ведет к популяризации и коммерциализации истории, но также ставит новые вопросы, на этот раз – о подлинности исторических идентичностей [Ergin, Karakaya, 2017, p. 45].

В 1990-е гг. уровень государственного вмешательства в культуру и её спонсирование существенно снизились, произошел всплеск интереса к популярной культуре. В результате расстояние между официальным и популярным подходом к оценке культурного сократилось.

Восприятие османской истории в современном турецком обществе – вопрос комплексный и контекстно ограниченный. В Турции не существует единого и последовательного отношения к османскому наследию, в то же время восприятие популярной истории нельзя разделить на условные противоборствующие лагеря – например, религиозный и светский. С одной стороны, исламизм в Турции проникает в капитализм по мере того, как мусульмане интегрируются в коммерциализированную и ориентированную на развлечения популярную культуру [Tuğal, 2009]. С другой стороны, люди, которые подчёркивают свою приверженность светским ценностям, выражают опасения в отношении того, как прошлое Османской империи изображается и трактуется.

Несоответствие в восприятии между продюсерами «Великолепного века», консервативными госслужащими и религиозными группами привело к постепенной самоцензуре сценаристами сериала. Данный факт демонстрирует, что увлечение османской культурой является противоречивой областью, которую формирует не только видение продюсеров и режиссёров, но и общественное восприятие. При этом определение «настоящей истории» меняется от человека к человеку и учреждения к учреждению, таким образом сплетая воедино государственный и популярный дискурсы. Как отмечено ранее, коллективное восприятие Османской империи является довольно комплексным и отличается в деталях. Тем не менее, центральный нарратив изображает Османскую империю как мультикультурное и толерантное государство и вместе с тем исламскую имперскую силу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обе формы неоосманизма (предложенные Озалом и Эрдоганом) имеют мало общего с идеологией османизма XIX в., которая предполагала сосуществование представителей различных конфессий как равноправных жителей империи [Çetinsaya, 2003, p. 361–380] и была выработана как гражданско-правовая система с целью поддержания единства империи.

Неоосманизм Т. Озала, в свою очередь, стоит рассматривать как прагматический ответ проблеме идентичности в условиях после окончания холодной войны. Его также можно считать политической стратегией, направленной на решение политических конфликтов идентичностей. Озал прибегал к историческим референциям с целью либерализации Турции.

Важно подчеркнуть, что, в то время как неоосманизм Т. Озала имел прозападный характер, неоосманизм Эрдогана является инструментом в его попытках занять место лидера мусульманского мира. Можно заключить, что, не отказываясь целиком от кемалистской идеологии, в эпоху ПСР произошло медленное стирание памяти об Ататюрке и его взглядах.

Неоосманизм правящей ПСР определяет внешнюю политику Турции, а также мультикультурный космополитичный дискурс во внутренней политике и влияет на процессы урбанистической трансформации. Новая консервативная элита Турции в противоположность республиканской элите, черпает своё историческое вдохновение преимущественно из эпохи Османской империи, которую они изображают как мультикультурную, набожную, справедливую и гармоничную веку в истории. При этом неоосманский дискурс сегодня говорит нам больше о настоящей субъективности, чем о конкретных событиях в истории Османской империи. Основой сегодняшнего неоосманизма является османцентричная исламская солидарность, нормы ислама и позитивный цивилизационный аспект исламизма с ведущей и объединяющей ролью Турции.

Такая ностальгия не основана на анализе или рациональном переосмыслении османского прошлого, но содержит в себе чувственные и идеологические элементы, которые формируют новую идентичность для Турции. Популяризация османского наследия явно наблюдается в увеличении числа популярных фильмов и сериалов на османскую тематику, а также повсеместном развитии ресторанов османской кухни, росте интереса к культуре, моде, музыке Османской империи. Такой культурный феномен можно охарактеризовать как дух времени, или *Zeitgeist*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

ДП – Демократическая партия

ЕС – Европейский союз

ПСР — Партия справедливости и развития

JDP – The Justice and Development Party

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Al S. *Patterns of Nationhood and Saving the State in Turkey: Ottomanism, Nationalism and Multiculturalism*. New York: Routledge, 2019.

Alexander J.C. Cultural Pragmatics: Social Performance Between Ritual and Strategy. *Sociological Theory*. 2004. Vol. 22 (4). Pp. 527–573.

Baer A. Consuming History and Memory through Mass Media Products. *European Journal of Cultural Studies*. 2001. Vol. 4 (4). Pp. 491–501.

Barchard D. *Turkey and the West*. London: Routledge Chatham House Papers, 1985.

Batuman E. *Ottomania: A Hit TV Show Reimagines Turkey's Imperial Past* <http://www.newyorker.com/magazine/2014/02/17/ottomania> (accessed: 01.02.2021).

- Blumi I., Hakan Yavuz M. Introduction: Lasting Consequences of the Balkan Wars (1912–1913). *War and Nationalism: The Balkan Wars 1912–1913, and Their Sociopolitical Consequences*. Ed. M. Hakan Yavuz, I. Blumi. Salt Lake City: University of Utah, 2013. Pp. 1–30.
- Boym S. *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books, 2001.
- Çetinsaya G. Cumhuriyet Türkiye'sinde Osmanlıcılık. *Modern Türkiye'de Siyasal Düşünce*. Ed. A. Cığdem. 2003. Cilt 4. Pp. 361–380 [Çetinsaya G. The Ottomanism in Republican Turkey. *Türkiye'de Siyasal Düşünce*. Ed. A. Cığdem. 2003. Vol. 4. Pp. 361–380 (in Turkish)].
- Çınar M., Sezgin İ.G. Islamist Political Engagement in the Early Years of Multi-Party Politics in Turkey. *Turkish Studies*. 2013. Vol. 14 (2). Pp. 329–345.
- Çolak Y. *Civilizing Process from Above: Culture and State in Turkey (1923–1945)*. Bilkent University, 2000.
- Davutoğlu A. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları, 2011 [Davutoğlu A. *Strategic Depth: Turkey's International Position*. İstanbul: Küre Yayınları, 2011 (in Turkish)].
- Ergin M. On Humans, Fish, and Mermaids: The Republican Taxonomy of Tastes and Arabesk. *New Perspectives on Turkey*. 2005. No. 33. Pp. 63–92.
- Ergin M., Karakaya Y. Between neo-Ottomanism and Ottomania: Navigating State-led and Popular Cultural Representations of the Past. *New Perspectives on Turkey*. 2017. No. 56. Pp. 33–59.
- Hakan Yavuz M. Social and Intellectual Origins of Neo-Ottomanism: Searching for a PostNational Vision. *Die Welt Des Islams*. 2016. No. 56. Pp. 438–465.
- Karakaya Y. The Conquest of Hearts: the Central Role of Ottoman Nostalgia within Contemporary Turkish Populism. *American Journal of Cultural Sociology*. 2020. Vol. 8. Pp. 125–157.
- Kayalı H. *Arabs and Young Turks: Ottomanism, Arabism, and Islamism in the Ottoman Empire, 1908–1918*. Berkeley: University of California Press, 1997.
- Koyuncu B. *Benim Milletim... AK Parti İktidarı, Din ve Ulusal Kimlik*. İstanbul: İletişim Yayınları, 2014 [Koyuncu B. *My Nation... The JDP Rule, Religion and National Identity*. İstanbul: İletişim Yayınları, 2014 (in Turkish)].
- Mango A. *Atatürk*. London: John Murray, 1999.
- Laclau E. Discourse. *A Companion to Contemporary Political Philosophy*. Ed. R.E. Goodin, P. Pettit, T. Pogge. Blackwell Publishing, 2007. Vol. 2. Pp. 541–546.
- Murinson A. The Strategic Depth Doctrine of Turkish Foreign Policy. *Middle Eastern Studies*. 2006. Vol. 42 (6). Pp. 945–964.
- Niemeyer K. *Media and Nostalgia: Yearning for the Past, Present and Future*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2014.
- Öncü A. Representing and Consuming “The East” in Cultural Markets. *New Perspectives on Turkey*. 2011. Vol. 45. Pp. 49–73.
- Sayılı A. *Hayatta En Hakiki Mürşit İlimdir*. Ankara: Atatürk Kültür Merkezi, 2010 [Sayılı A. *Our True Mentor in Life is Science*. Ankara: Atatürk Kültür Merkezi, 2010 (in Turkish)].
- Tuğal C. *Passive Revolution: Absorbing the Islamic Challenge to Capitalism*. Stanford: Stanford University Press, 2009.
- Uzer U. Conservative Narrative: Contemporary Neo-Ottomanist Approaches in Turkish Politics. *Middle East Critique*. 2020. Vol. 29. Issue 3: Special Issue: Erdoğan's Turkey; Guest Edited by Hakan Yavuz, Ahmet Erdi Öztürk. Pp. 1–16.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЖИГУЛЬСКАЯ Дарья Владимировна – кандидат исторических наук, заместитель директора ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Daria V. ZHIGULSKAYA, PhD (History), Deputy Director of the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University Senior Researcher, Oriental History Department, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080011813-1

ИБАДИЗМ В ЗЕРКАЛЕ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ: ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ АБУ МУСЛИМА АЛЬ-БАХЛЯНИ И ЕГО СПОДВИЖНИКОВ

© 2021

В.Н. ЗАРЫТОВСКАЯ ^a, А.М. АЛЬ-РАХБИ ^b

^a – Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9910-7913; widaad@yandex.ru

^b – Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-4010-1634; al_rakhbi_a@pfur.ru

Резюме: В статье рассматривается идеологический стержень и как его следствие особая техника поэтического искусства стихотворцев Омана, исповедующих ибадизм. Авторы исходили из того, что религиозно-правовые постулаты этого течения ислама хариджитского толка сыграли ключевую роль в истории страны, наложив отпечаток на характер наследия выдающихся культурных и общественных деятелей этого восточного края Арабского мира. Междисциплинарный подход, включающий исторические методы наравне с лингвистическими, примененными для анализа оригинальных текстов, позволил обозначить, в чем заключаются содержательные и художественные особенности произведений авторов-ибадитов. Выявлена тесная связь теории и истории ибадизма не только с мотивами произведений оманских поэтов (религиозные с преобладанием темы покаяния, осуждение гражданского бездействия и др.), но и с формами их реализации, такими как подражание Корану, отказ от прямого упоминания эпитетов Аллаха, обязательность некоторых видов хронотопов, суггестивные методы, риторические приемы, использование всего семантического потенциала арабского слова и др. В исследовании подчеркивается, что творчество ибадитов имеет ярко выраженную религиозную и общественную направленность и что гражданская арабская поэзия могла достичь определенных высот именно в ибадитской среде. Практическое воплощение принципов ибадизма в словесном творчестве прослеживается в основном на текстах такой ключевой фигуры культуры Омана, как Абу Муслим аль-Бахляни, влияние и заслуги которого в качестве основателя оманской периодики и автора, чье творчество оказало влияние на формирование национального самосознания, были высоко оценены ЮНЕСКО в 2019 г. Также проводятся параллели с творчеством поэтов-ибадитов стран Северной Африки, Алжира и Ливии, где на конфессиональной карте исторически присутствует эта религиозная община, чьи представители активно проявили себя в общественных движениях и на литературном поприще. Учитывая неосвещенность вопроса влияния ибадизма на словесную культуру в российской научной традиции, авторы опирались в первую очередь на работы арабских специалистов.

Ключевые слова: Оман, ибадизм, арабская поэзия, Абу Муслим аль-Бахляни, поэты-ибадиты Северной Африки.

Для цитирования: Зарытовская В.Н., Аль-Рахби А.М. Ибадизм в зеркале словесной культуры: особенности поэтики Абу Муслима аль-Бахляни и его сподвижников. *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 128–137. DOI: 10.31857/S086919080011813-1

IBADISM IN THE MIRROR OF CULTURE: PECULIARITIES OF THE POETICS OF ABU MUSLIM AL-BAHLANI AND HIS CORELIGIONISTS

© 2021

Victoria N. ZARYTOVSKAYA ^a, Ahmed M. AL-RAHBI ^b

^a – Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9910-7913; widaad@yandex.ru

^b – Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4010-1634; al_rakhbi_a@pfur.ru

Abstract: *The article examines the ideological core and technique of the poetic art of the most famous poets of Oman, the state religion of which is Ibadism. An interdisciplinary approach, which included historical review and linguistic methods of analysis of the original texts, made it possible to identify the content and artistic features of the Ibadites works. A close connection was revealed between the theory and history of Ibadism not only with the themes of the works (religious with a predominance of the motive of repentance, condemnation of civil inaction, etc.), but also with the forms of their implementation, such as refusal to directly mention the epithets of Allah, certain types of chronotopes, suggestive techniques, etc. The authors assert that Ibadite poetry has a religious and political orientation and that civil Arab poetry could reach its heights in the Ibadite environment. The peculiarities of the Ibadite poetics are traced mainly in the texts of such a key figure in the culture of Oman as Abu Muslim al-Bahlani – a public figure, founder of the Omani periodicals and author; whose heritage influenced the formation of national identity and whose impact was recognized by UNESCO in 2019. Parallels are also drawn with the Ibadite poets of North Africa, where this religious community is present on the confessional map and whose representatives have actively shown themselves in social movements. Considering the lack of coverage of Ibadism from the point of view of its verbal culture, the authors relied primarily on the works of the Arab specialists.*

Keywords: Oman, Ibadism, Arabic poetry, Abu Muslim al-Bahlani, Ibadi poets of North Africa.

For citation: Zarytovskaya V.N., Al-Rahbi A.M. Ibadism in the Mirror of Culture: Peculiarities of the Poetics of Abu Muslim al-Bahlani and his Coreligionists. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 128–137. DOI: 10.31857/S086919080011813-1

Ибадизм, как известно, представляет собой одно из миноритарных течений ислама хариджитского толка. Он получил распространение прежде всего на территории Султаната Оман, государственной религией которого является. Порядка 75% коренного населения страны исповедуют именно его. Последователи ибадизма проживают также в отдельных районах Северной Африки (Джебель Нафуса и Зунга в Ливии, Варгля и Мзаб в Алжире) и на Восточноафриканском побережье, куда ибадизм попал с экспансией Оманской империи (1696–1856 гг.). О данном течении в Арабском мире образно говорят, что это «яйцо, которое было снесено» в Мекке, но «птенец вылупился» в иракской Басре, где ибадизм возник в результате исторически значимых для ислама прений о «праведности» четвертого халифа ‘Али ибн Абу Талиба и законности передачи власти над мусульманской общиной в руки Муавии из династии Омейядов. Затем, как мы можем добавить, «окрепший птенец свил гнездо» в Омане, чьи племена восприняли и сохранили по сей день религиозно-правовое учение Джабера ибн Зейда (ум. в 713 г.), считающегося основателем и идеологом ибадизма. Имя его единомышленника ‘Абдаллаха ибн Ибада ат-Тамими (ум. в 708 г.) стало эпонимом

мом, давшим течению название, хотя по значимости главным признают именно ибн Зейда [Сенченко, 2020, с. 190–191].

Ибадизм сыграл судьбоносную роль в истории страны. Ключевые события, как мы можем проследить по значимым для Омана датам, были связаны с попытками создания и сохранения на внутренних территориях независимого от прибрежного Султаната Маскат имамата – того устройства государственной и общественной жизни, которое ибадиты находили единственно верным. Среди таких событий – битва при Нахраване (658 г.), по исходу которой хариджиты были почти поголовно разбиты войском четвертого «праведного» халифа ‘Али, но стали еще непримиримее; поражение имамата аль-Джалянди, подчинившегося Аббасидам (753 г.); расцвет и падение династий имамов Аль Набхани (1154–1624 гг.) (Набханидов) и Аль Йариба (1624–1741 гг.) (Йарибидов); движение имама Аззана ибн Кайса из правящей сегодня династии Аль Бу Саиди (ум. в 1871 г.) и подавленная в 1957 г. т.н. революция аль-Джабаль аль-Ахдар (Оманская война в англоязычной литературе), которую возглавил избранный в 1954 г. имам Галейб ибн ‘Али аль-Хинаи (годы жизни – 1912–2009). Имамат периодически устанавливался и набирал силу на большей территории страны со сменяющимися столицами в таких городах, как Рустак, Бахля, Низва, получивших впоследствии статус научно-религиозных центров. Народ веками жил в состоянии, с одной стороны, межплеменных трений между крупнейшими кланами хинави и гафири, а с другой – гражданской конфронтации, приводящей к политическим и экономическим кризисам. Так, с XVII до середины XX в. страна была официально разделена на Султанат Маскат и Имамат Оман. А в первую декаду XX в. экономические санкции, введенные султаном Фейсалом бен Турки (годы правления 1888–1913) против земледельцев внутренних территорий в составе Имамата, обрушили экономику обеих частей Омана и привели к страшному голоду и оттоку зарубежных бизнесменов и инвесторов [Губаш, 1998, с. 286]. Кроме того, со времени утверждения власти младших членов династии Аль Бу Саиди на острове Занзибар и до революционных событий 1964 г., за которым последовал массовый отток некоренного населения на континент [Белошапко, 2014, с. 63], оманцы более чем столетие были разделены на два континента.

Что касается самого ибадизма как идеологии, то среди его постулатов мы выделяем прежде всего отрицание им всех позиций в исламе, которые делают мусульман слабыми и политически бездеятельными [Al-Rawas, 2000, p. 81]. Как указывают арабские исследователи, ибадизм – это не только способ поклонения Богу, несомненно, связанный с зухдом (аскетизмом), но и набор идей, направленных на преобразование общества и создание государства, которым управляет избираемый религиозный лидер с ограниченной властью – имам [Хаджир, Ша‘бан, 2014–2015, с. 27]. При этом с остальными хариджитами последователей ибадизма объединяет не только отрицание божественных атрибутов, вера в сотворенность Корана, но и, на что сделаем акцент, активная гражданская позиция, позволяющая восстание против несправедливых правителей [Хаджир, Ша‘бан, 2014–2015, с. 23].

Также обращает на себя внимание то, что ибадиты проявляют строгость прежде всего к самим себе – называют «неверующим» того, кто совершает большой грех, тогда как сунниты и шииты характеризуют такого человека лишь в качестве «ослушника» или «нечестивца». Тот, кто умер в этом состоянии, согласно суннитским убеждениям, может быть прощен милостью Всевышнего, либо Аллах накажет его по справедливости, чтобы очистить его от грехов, а затем введет в Рай. Но ибадиты считают, что грешник будет вечно пребывать в Аду, и это их мнение полностью совпадает с утверждениями остальных хариджитов [Hoffman, 2015, p. 301].

Все это – религиозно-правовые основы ибадизма, длительное гражданское противостояние и вековое проживание большой оманской общины на окраине империи – не могло не отразиться на характере интеллектуально-творческого наследия представителей Султаната. Помимо прочего, говоря об общественной деятельности и литературном процессе, надо при-

нимать во внимание тот факт, что альтернативного религиозному образованию до современного периода истории в Омане не было, как не было эффективной системы государственных всеобщих школ. Программа ликвидации неграмотности была запущена в 70-ые гг. XX в. Первый светский вуз (Институт банковского дела) был открыт в 1983 г., а государственный Университет, носящий имя Султана Кабуса, начало правления которого ознаменовало для Омана т.н. Возрождение (по-арабски – ан-Нахда), – в 1986 г. До этого будущие литераторы, жаждущие знаний, получали их только от религиозных мужей, часто переезжая за шейхами из одного населенного пункта в другой. Вдобавок расположение Омана на восточной оконечности Арабского мира, его отделенность от последнего труднопроходимой пустыней Руб эль-Хали («Пустая четверть») изолировали его от ближайших соседей. Страна оказалась на периферии «золотого века» арабской науки и литературы Омейядского (661–750 гг.) и Аббасидского (750–1258 гг.) халифатов, что начертало Оману особый путь. Имеет значение, что Султанат не в такой степени испытал пережитый остальной частью Арабского мира «упадок», последовавший за веками процветания Халифата. Также его не коснулась османизация, которая оказала заметное влияние на культуру ряда других арабских стран (1285–1805 гг.). Позже Оман не подвергался агрессивной открытой колонизации, как, например, Алжир. Вместе с тем изоляция Омана временами усиливалась искусственно изнутри. Так, при правлении султана Саида ибн Таймура, которое продолжалось с 1932 по 1970 гг., об Омане в Европе отзывались как об «аравийском Тибете», малоизвестном и труднодоступном, наглухо отгороженном от всего остального мира [Сенченко, 2020, с. 435].

В этих исторических условиях литературный процесс в Омане получал медленное, но постепенное и равномерное развитие в относительно герметичном пространстве с сохранением особого национального колорита и чистейшего арабского языка, близкого к кораническому слогу. При этом значительных высот смогла достичь поэзия религиозно-гражданственной направленности, отразившая те описанные нами выше исторические обстоятельства, в которых столетиями существовали оманцы. Оманская поэзия явила собой специфический сплав религии, политики и искусства с преобладанием гражданской и религиозной лирики при менее значительной доле иных жанров, например, любовных стихов. И в этом заключается ее отличие от литератур остальных арабских стран, где распространение и популярность получали другие направления литературного творчества, например, романтическая проза в Египте, Сирии и Ливане в XIX – начале XX в. [Долинина, 1981].

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ПОЭЗИИ ИБАДИТОВ

Ярчайшим образцом и вершиной оманской словесности признается творчество рупора политического движения ибадитов начала XX в. Абу Муслима аль-Бахляни (1860–1920 гг.). На Генеральной конференции ЮНЕСКО в ноябре 2019 г., приуроченной к столетию со дня смерти поэта, аль-Бахляни был включен в число влиятельнейших фигур, чья деятельность имела для человечества особое культурное и историческое значение [Abu Muslim al Bahlani, 2019]. Его роль в сплочении оманской нации, формировании самосознания оманцев и зарождении национальной поэтической школы сложно переоценить. При этом необходимо напомнить, что сам он, в юности переехав на Занзибар, куда его отца назначили судьей, оставался там до смерти, но был неразрывно духовно связан с родиной и пытался активно участвовать в общественной жизни континентального Омана. Так, его детище четырехстраничный еженедельник «Ан-Наджх» («Успех»), основанный в 1911 г. на Занзибаре, стал первой оманской периодикой.

Касыды аль-Бахляни были признаны неотъемлемой частью программы воспитания всех последующих поколений оманцев после Корана и «Наставления молодым» («Талькын ас-субьян») оманского поэта и исламского правоведа Нура ад-Дина аль-Салеми, современника и

сподвижника аль-Бахляни (1867–1913 гг.). «Ан-Нунийя» (1914 г.) аль-Бахляни из 400 бейтов (двух полустиший с обязательной цезурой посередине), написанная как обращение за поддержкой к шейхам оманских племен незадолго до гибели (по другой версии – убийства наёмником) имама внутренних территорий Салема бен Рашида аль-Харуси в 1920 г., вошла в домашние библиотеки оманских семей. Сборник 10 касыд Абу Муслима приобрел историческую важность уже потому, что первым из оманских изданий был напечатан в современной типографии в 1914 г. в Каире. Кроме того, собрание его сочинений после 1917 г. переиздавалось рекордными для Омана тиражами в 1957, 1980 и 1986 гг., не говоря уже об отдельных произведениях, переписываемых от руки каллиграфами, и бесчисленных аудиозаписях его текстов в исполнении популярных чтецов, когда их массовое копирование стало технически возможным.

Аль-Бахляни, служивший судьей, затем назначенный советником нескольких правителей Занзибара и доверенным лицом султана Занзибара Хамеда бен Сувейни бен Саида Аль Бу Саиди (годы правления – 1893–1896), оказывал покровительство многим культурным деятелям и поэтам своего времени. Среди его единомышленников и творческих последователей можно назвать таких известных оманских поэтов, как Абдель Рахман бен Насер ар-Риями (1849–1917 гг.), Рашид бен Сейф аль-Лямки (1845–1914 гг.), Хальфан бен Джамиль ас-Сияби (1890–1972 гг.), ‘Абдаллах бен ‘Али аль-Халили (1922–2000 гг.) и др. Под влиянием аль-Бахляни в стране сложилась целая поэтическая школа, названная арабскими критиками «поэзией внутренней ссылки», с ее классическим арабским языком, обращением к истории страны, настроениями непокорства и нонконформизма, темами разлуки с родиной, смерти, ухода, потери, несправедливости судьбы, попытками осмысления человеческого бытия в понятиях ибадизма, модусами обращения, побуждения, отрицания, подтверждения, восклицания, клятвы [‘Исса, 2016].

Аль-Бахляни пробовал себя во всех традиционных для арабского словесного наследия жанрах – аль-мадих (ода во славу), аль-рисаа (эпитафия), аль-газаль (любовная лирика), аль-истинхад (гражданская лирика), аль-мунасаха (дидатика, наставления), что подтверждает его талант как художника, способного освоить разные формы. Однако стихи аль-Бахляни с религиозным содержанием оцениваются специалистами практически в две трети от всего им созданного [Al-Mahrouqi, 2001, p. 91]. Это такие работы, как «Вера государства аль-Ваххаба» («аль-‘Акыда аль-ваххабийя») (см. ниже, не путать с ваххабитами), «Книга вопросов» («Китаб ас-су’ алят»), «Мухаммед: начало» («ан-Наша’ ат аль-мухаммадийя») (распевалось на празднованиях дня рождения Пророка на Занзибаре и других центрах ибадизма), «Дар Всемиловейшего» («ар-Рахмани ан-нафс»), «Ослепительный свет» («аль-Лявами’ аль-баракийя») и касыда «Святая долина» («аль-Вади аль-мукаддас»), насчитывающая рекордные 1500 полустиший. Общее наследие аль-Бахляни, собранное его потомками, составляет порядка 900 страниц. Всем этим религиозным стихам, прославляющим пророка Мухаммада либо представляющим мольбу ко Всевышнему, созданным в рамках течения ибадизма, присущи четко выраженные гражданская и политическая составляющие – поддержка имамата, осознание единства оманцев как нации, апелляция к их общей истории и др. Эта содержательная основа в свою очередь диктует формальное своеобразие ибадитской поэзии, что делает ее уникальным явлением арабской и мировой культуры.

Обращают на себя внимание прежде всего такие черты ибадитской поэзии, как:

1) наличие хронотопов, связанных, к примеру, с таким важным для ибадитов местом в период расцвета Имамата, как город Низва – столица внутреннего Омана в VI–VII вв., значимый научный и культурный центр, университет которого сохраняет свои позиции по сей день. Другим хронотопом выступает такое ключевое в истории ибадизма событие, как упомянутая выше битва при Нахраване, ставшая для ибадитов символом самопожертвования ради веры;

2) использование особой ибадитской терминологии, как, например, самоназвание ибадитов – *ахль аль-истикама* (люди праведного пути), эпитет ибадизма *аль-ваххабийя* (от имени Абд

аль-Ваххаба ибн Абд ар-Рахмана ибн Рустама, имама ибадитского государства Магриба раннего Средневековья (годы правления династии Рустамидов – 778–909) [ас-Салими, 2003] и др.;

3) придание коннотаций некоторым религиозно-политическим терминам, существующим и вне ибадизма, как, например, *имам* и *имамат* с коннотацией «правое дело, установление данных свыше законов, справедливое политическое устройство». При этом отметим, что в ибадизме имам скорее обладает функциями уполномоченного, чем является правителем с безграничной властью, отсюда и другое смысловое наполнение слова [Хаджир, Ша‘бан, 2014–2015, с. 27]. Также особый статус имеет часто повторяющееся слово *аль-идрак* в значении умозрительного познания Аллаха вместо *ар-руйя* (видение), поскольку один из центральных постулатов ибадизма – невозможность лицезреть Аллаха:

Табаррака ман ля юдрику аль-‘аклю кунхаху
ва ля тадда‘ы идракаху заг аджфан

Благословен тот, кто не может познать Его сущность,
но и не стремится познать Его глазами
(здесь и далее перевод с арабского авторов)
[Аль-Халили, 1978, с. 11]

4) отказ от употребления эпитетов Аллаха по соображениям, которые продиктованы запретом у ибадитов на антропоморфическое описание Бога [Хаджир, Ша‘бан, 2014–2015, с. 23], замена их на однокоренные слова. Так, избегая эпитета *аль-кахир* – «сокрушающий», в соответствующий контекст вводят единицы того же словообразовательного гнезда, как «сокрушение», «сокрушенный», «сокрушитель» – *каххар*, *макхур*, *кахр*.

5) акцент на покаяние в собственных грехах и самоуничтожение, связанный с тем, что ибадиты, как было сказано выше, проявляют морально-этическую строгость прежде всего к самим себе. У аль-Бахляни признание собственных ошибок, осознание своего несовершенства и дискурс покаяния занимают порой до 90 строчек. Проиллюстрируем это практически дословным переводом нескольких бейтов из его сборника:

Я раскаиваюсь пред Тобой в грехах тайных,
Я раскаиваюсь пред Тобой в грехах явных,
В грехах, сломавших жизнь,
В грехах, приведших к обездоленности,
В грехах, которые опалят нас Адом.
Я раскаиваюсь пред тобой в злых помыслах,
Во всем, на что был наложен запрет печатью Аллаха,
Во всем, что я совершил уже после покаяния,
Во всем, где нарушил святость,
Во всем, великом и малом, что скрываю.

[Аль-Бахляни, 1980, с. 179]

6) преобладающие мотивы – пребывание на чужбине, тоска по родине, неприятие несправедливости, в том числе социальной, непримиримость, думы о бренности существования и др., многое из чего легло в основу школы национальной оманской поэзии:

Погонщик, скажи, отчего твоя песня
Склонила мне голову, я уж не весел.
В бешеном реве стад я твоих
Слышу, как армия еле живых
Носится в небе и на земле.
Сладостен голос, но не по мне.

[Аль-Харти, 2010, с. 193]

7) прямое либо латентное побуждение к действию, как, например, в стихотворении аль-Бахляни «Аль-мажд ля юмляк ‘ан выраса» («Слава не достается по наследству»), из названия которого следует, как можно предположить, что современное поэту поколение оманцев бездействует и должно доказать свою состоятельность:

Нак’аду нашку ба’дуна ли ба’дына
ва ма мафад мин шака ва бакя

Сидим и жалуемся друг другу,
да что толку от жалоб и плача?

[Каса’ид Абу Муслим аль-Бахляни]

ФОРМАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТИХОСЛОЖЕНИЯ У АВТОРОВ-ИБАДИТОВ

С формальной стороны касыды Абу Муслима аль-Бахляни и современных ему поэтов-ибадитов демонстрируют поразительную языковую эрудированность и осознанное владение ими не просто словом, а единицами всех уровней языка, которые фиксируют продвинутое лингвистические теории. Перечисление можно было бы начать, обратившись к названию самого известного произведения аль-Бахляни, упомянутой «ан-Нунийя», получившего заголовок по структурной характеристике: каждый стих в нем заканчивается на букву арабского алфавита – нун, служащий своеобразной рифмой, проходящей через ткань всего произведения. Надо отметить, что нунийя – это не изобретение самого аль-Бахляни, а древний поджанр арабского словесного творчества, который встречается и у других авторов [Фильштинский, 1985, с. 53]. Этим приемом прославились также крупнейший поэт Андалусии XI в. Ибн Зейдун, чья «ан-Нунийя» долгое время считалась непревзойденным шедевром [Куделин, 2003, с. 224], дамаский богослов начала XIV в. Ибн Каййим аль-Джаузия, поэт начала XI в. Абу аль-Фатх аль-Бусти и др. Заслуга аль-Бахляни и его единомышленников состоит в том, что они продолжили эту средневековую традицию, которая потеряла популярность, дав ей второе дыхание уже в начале XX в. Вслед за аль-Бахляни поэт Мухаммед ‘Абдаллах бен Асимин из Катара (ум. в 1944 г.) представил свое стихотворное прославление монарха Саудовской Аравии короля Абдель Азиза Аль Сауда в том же ритме и с той же рифмой, что и «ан-Нунийя», после того как последняя была полностью, несмотря на объемность, напечатана в журнале «аль-Кувейт». Выбор харфа нун здесь не принципиален, отметим, что у того же Нур ад-Дина ас-Салеми есть сотканная по тому же принципу «ас-Синийя», в которой рифма опирается уже на харф син. Можем предположить, что необычная для нас рифма-акцент на звонкий согласный, передающая энергичность, побуждение, категоричность суждений, стала излюбленным приемом у авторов-ибадитов по той причине, что соответствует содержанию их поэзии в целом.

Арабские критики однозначно указывают на то, что ничто так не продолжает оказывать влияние на стилистику произведений ибадитов, как Священный Коран, и не только содержательно, но и по форме. Это и простое цитирование строк Священной книги, и аналогичное использование для усиления воздействия сказанного на слушателя повторений целых словосочетаний, фраз, зачинов, и сложные переклички на уровнях фонетики (звуковой ассонанс), лексики (повтор корня), грамматики (построение фраз по заданному паттерну) и синтаксиса (дублирующие друг друга предложения). Так, фраза «во имя Аллаха» в одном из произведений аль-Бахляни повторяется 130 раз, в другом трижды подряд автор начинает строки со слов «ко Всевышнему, который» – «Иля аль-малик аль-а’ля аллязи» [Al-Mahrouqi, 2001, p. 102], в третьем – аль-Бахляни прибегает к серии риторических вопросов:

Айна аль-‘азаим айна ан-нахва
айна аль-хифаз айна аль-‘изз ваш шан

Где ваша твердость? Где честь свою потеряли?

Что сохранили? Где же дело, где мощь былая?

[Ши'ар Абу Муслим аль-Бахляни, 1986, с. 241]

Для игры с дубликацией арабский язык, носители которого совершенно по-другому смотрят на вопрос тавтологии, организуя некоторые стилистические приемы как раз на ее основе (например, т.н. абсолютный масдар – «приветствовать теплым приветствием», «распространить быстрым распространением» и т.д.), позволяет взять не просто отдельное слово, а целое словообразовательное гнездо. При этом у ибадитов однокоренные лексические единицы, сосредотачиваются в тексте как можно плотнее, чтобы слушающий прочувствовал эффект ассонанса, вызывающий определенные эмоции. Аль-Бахляни порой ставит задачу еще сложнее – он приводит слова сразу из двух словообразовательных цепочек в одной строке:

Такаддаста йа каддуса 'ан джинс 'ылятин

Ва 'ан хадд ма 'люлин ва расми таби'атин

Твоя святость, о Священный, выше этой бренности,

Выше нашей ущербности и природы

(нами выделены курсивом слова с корнем айн-лям-лям, передающим общее значение болезненности и недостаточности, и подчеркиванием слова с корнем каф-даль-син, передающим общее значение святости)

[Al-Mahrouqi, 2001, p. 103]

Аль-Бахляни широко использует и семиотические возможности языка – употребление одного и того же слова, вернее, его фонетической оболочки, во всех значениях. И это при условии расположения данной лексической единицы с различными обозначающими как можно ближе друг к другу в полотне текста. Так, слово *халь*, к примеру, употреблено во всех четырех значениях, которые имеются в арсенале арабского тезауруса, на протяжении всего двух строк – как «прошрое», как «пустыня», как «гора» и как «родинка»:

Ма 'ахиду ашжани тухаввилука аль-халю

Ва мар'а аль-маха биль хали ля акфаз аль-халь

Вукуфан бисафхи аль-хали асфакху 'абратан

Юкафкифуха 'азми ва юваккифуха аль-халю

Places of my belovedes, the *past* has destroyed you

I hope the places where the gazzeles graze in the *desert* will never be without greenery.

Standing on the top of the *mountain* I pour out tears

My determination held them back and the *beauty spot* make them flow.

[перевод на англ. Al-Mahrouqi, 2001, p.102]

Лингвистические тонкости поэзии ибадитов представлены также в «пристрастии» к технике, названной в арабской словесной традиции лузумият (от араб. лузум – обязательность), когда каждую новую строку поэтического произведения автор обязуется начинать со следующего в алфавитном порядке харфа. Так, первая строка начинается с алифа, вторая – с ба, третья с са и т.д. При этом языковая головоломка (поскольку требование глубокого смысла и эстетическая красота для этих стихов, равно как баланс между поэтической техникой и ясным изложением мысли не отменяются) у поэтов-ибадитов усложняется тем, что начинающий строчку харф должен всплыть в строке несколько раз, чем достигается особый фонетический эффект усиления воздействия сказанного и внушения. Приведем в качестве примера строку на *айн* и подчеркнем однокоренные слова с этим харфом:

‘Алиль ва ма би ‘ылля гайра анти
 Сулюки хубб аль-Мустафа сара ‘ылляти

Я болен. Болен только Тобой.
 Моей болезнью стала любовь к Пророку.
 [Ши‘ар Абу Муслим аль-Бахляни, 1986, с. 287]

Таким образом, поэты-ибадиты, вдохновляясь в первую очередь религиозными текстами, явились в XIX–XX вв. продолжателями приемов «золотого века» арабской поэзии. При этом они, как правило, занимали активную гражданскую позицию, заложенную в самом течении ибадизма, и создавали касыды, подлежащие не столько чтению про себя и не просто ознакомлению или размышлению, а выразительной громкой декламации. Такая интегративная форма творчества, где следуют смысловым религиозным канонам и при этом используют эффективные приемы в качестве призыва к активной общественной позиции, как мы считаем, могла достичь высокого уровня развития в ибадитской среде. Достаточно вспомнить, что автором «Кассамана», текста гимна Алжира, на карте которого ибадиты представлены незначительным меньшинством, является представитель именно этой общины из упомянутого Мзаба – Муфди Закария (1908–1977 гг.), генеральный секретарь алжирской национальной партии «Североафриканская звезда». Нет сомнений в том, что перечисленные особенности поэзии ибадитов – от специфичных черт, уходящих в историю этого течения и отражающих его каноны в языке, до приемов, продолжающих и развивающих средневековую арабскую традицию в XX в. – позволяют говорить об ибадитской поэтике как о самостоятельном феномене словесности. Более того, как показывает работа итальянского исследователя новейшей поэзии берберов-ибадитов, все те же техники и мотивы (мольба к Всевышнему, признание в собственной греховности, покаяние) сохраняются в творчестве представителей ибадитских общин до сих пор и за пределами Султаната [Brugnatelli, 2005, p. 138].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Белошапко С.В. 50 лет революции на Занзибаре: как это было? *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 1. С. 60–64 [Beloshapko S.V. 50 Years of Revolution in Zanzibar: How Was It? *Asia and Africa Today*. 2014. No. 1. Pp. 60–64 (in Russian)].
- Долинина А. Предисловие. *Арабская романтическая проза XIX–XX веков*. Л.: Художественная литература, 1981. С. 5–22 [Dolinina A. Foreword. *Arabic Romantic Prose of the 19th–20th Centuries*. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura, 1981. Pp. 5–22 (in Russian)].
- Куделин А.Б. *Арабская литература. Поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи*. М.: Языки славянской культуры, 2003 [Kudelin A.B. *Arabic Literature. Poetics, Stylistics, Typology, Relationships*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2003 (in Russian)].
- Сенченко И.П. *Султанат Оман. Легенды, сказания и факты истории*. СПб.: Алетея, 2020 [Senchenko I.P. *Sultanate of Oman. Legends, Tales and Facts of History*. Saint Petersburg: Aletheia, 2020 (in Russian)].
- Фильштинский И.М. *История арабской литературы. V–начало IX века*. М.: Наука, 1985 [Filshchinskij I.M. *History of Arabic Literature. 5th–Early 9th Century*. Moscow: Nauka, 1985 (in Russian)].
- Аль-Бахляни, Абу Муслим. *Ад-Диван* (Собрание сочинений). Маскат: Министерство культурного наследия, 1980 [Al-Bahlani, Abu Muslim. *Al-Diwan (Divan)*. Muscat: Wizarat at-turath al-qaumiyy wa al-thaqafa, 1980 (in Arab.)].
- Ас-Салими, Махмуд бен Мубарак бен Хабиб. *Асар аль-фикр аль-‘ибадий фи-ш-ши‘ар аль-‘уманий филь карнейн ас-салис ‘ашар вар раби ‘ашар аль-хиджрийейн* (Влияние ибадитской мысли на оманскую поэзию в XIII и XIV вв. по хиджре). Маскат: Аль-Джейль аль-ва‘ид, 2003 [Al-Salimi, Mahmoud ben Mubarak ben Habib. *Athar al-fikr al-‘ibadiyy fi al-shi‘ar al-‘umaniyy fi al-qarneyn al-thalith ‘ashar*

wa al-rabi' 'ashar al-hijriyyin (*The Influence of Ibadite Thought on the Omani Poetry in the 13th and 14th Centuries AH*). Muscat: Al-jayl al-wa'yid, 2003 (in Arab.).]

Аль-Халили, 'Абдаллах бен 'Али. *Диван вахйи аль-'абкарийя* (Сборник вдохновения гениальности). Маскат: ат-Турас, 1978 [Al-Khalili, 'Abdullah ben 'Ali. *Diwan al-wahyi al-'abqariyya* (*Divan Inspiration of Genius*). Muscat: At-Turath, 1978 (in Arab.).]

Аль-Харти, Джох. *Сайидат аль-камар* (Небесные тела). Бейрут: Дар аль-Адаб, 2010 [Al-Harthi, Jokha. *Sayyidat al-qamar* (*Celestial Bodies*). Beirut: Dar al-Adab, 2010 (in Arab.).]

Губаш, Хусейн 'Абид Ганем. *'Уман ад-димократыйя аль-ислямийя. Такалиду аль-имама ват тарих ас-сийасий аль-хадис* (Исламский демократический Оман. Традиции имамата и современная политическая история). Бейрут: Дар аль-джадид, 1998 [Ghubash, Husein 'Abid Ghanim. *'Uman al-dimuqratiyya al-islamiyya. Taqalid al-imama wa al-tarikh al-siyasiyy al-hadith* (*Islamic Democratic Oman. Imamate Traditions and Political History*). Beirut: Dar al-jadid, 1998 (in Arab.).]

'Исса, Сама. Аш-ши'ар аль-'уманий аль-му'асыр (Современная оманская поэзия). *Фэйсал*. 2016 ['Issa, Sama. Al-shi'ar al-'umaniyy al-mu'asyr (Contemporary Omani Poetry). *Al Faisal Magazine*. 2016 (in Arabic)] <https://www.alfaisalmag.com/?p=2858> (accessed: 12.08.2020).

Каса'ид Абу Муслим аль-Бахляни аль-'уманий (Касыды оманца Абу Муслима аль-Бахляни) [Qasayd Abu Muslim Al-Bahlani al-'umaniyy (Qasids of the Omani Abu Muslim al-Bahlani)] <https://konouz.com/ar/الأبداع-الأدبي/الأدب-العربي/الشعر/العصر-الحديث-و-المعاصر/أبو-مسلم-البهلائي-العماني/المجد-لايملك-عن-ورثة> p.1.1.5.15.10523/ (in Arab.).]

Хаджир 'Атик, Ша'бан Са'ида. *Аль-фикр ас-сиясий 'инда аль-'ибадийя* (Политическая мысль в ибадизме). Алжир: Университет аль-Бувейра, 2014–2015 [Hajir 'Atiq, Sha'ban Sa'ida. *Al-fikr as-siyasiyy fi al-'ibadiyya* (*Political Thought in Ibadism*). Algeria: University of Buir, 2014–2015 (in Arab.).]

Ши'ар Абу Муслим аль-Бахляни (Поэзия Абу Муслима аль-Бахляни). Из архива Салеха бен 'Иссы аль-Харти. 1986 [Shi'ar Abu Muslim Al-Bahlani (*Abu Muslim Poems*). Collection of Salih Bin 'Issa Al-Harthi. Muscat. 1986 (in Arab.).]

Abu Muslim al Bahlani among Global Influential Figures. *Omanobserver*. 2019 <https://www.omanoobserver.com/abu-muslim-al-bahlani-among-global-influential-figures-unesco/> (accessed: 10.10.2020).

Al-Mahrouqi M. Religions Discourse in the Poetry of Abu Muslim al-Bahlani. *Journal of African Cultural Studies*. 2001. Vol. 14. No. 1. June. Pp. 89–106.

Al-Rawas, Islam. *Oman In Early Islamic History*. New York: Ithaca Press. 2000.

Brugnatelli V. A New Berber Ibadite Poem. *Studi Magrebini*. 2005. No. 3. Pp. 131–142.

Hoffman V. Ibadism: History, Doctrines, and Recent Scholarship. *Religion Compass*. 2015. No. 9. Pp. 297–307.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЗАРЫТОВСКАЯ Виктория Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, Москва, Россия.

Victoria N. ZARYTOVSKAYA, PhD (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, PFUR, Moscow, Russia.

АЛЬ-РАХБИ Ахмед Мохаммед – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, Москва, Россия.

Ahmed M. AL-RAHBI, PhD (Philology), Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, PFUR, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014204-1

АСКЕТЫ И/ИЛИ МИРЯНЕ:
ДЖАЙНСКИЙ ВЗГЛЯД НА СТАТУС ЧЕЛОВЕКА

© 2021

Н.А. ЖЕЛЕЗНОВА^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7029-0806; natali-zheleznov@yandex.ru

Резюме: В статье рассматривается этическая система джайнизма на примере образа жизни аскетов-монахов и мирян-домохозяев. Дисциплинарные правила для мирских последователей (как дигамбарского, так и шветамбарского направлений джайнизма) закреплены в текстах жанра шравакачара, составленных аскетами. Это отражает иерархическое распределение «ролей» внутри джайнской общины. Аскеты представляют наиболее продвинувшуюся по духовному Пути Освобождения часть общины, тогда как миряне лишь вступили на эту тропу. Автор акцентирует внимание на том, что в джайнизме монашество рассматривается как духовно более высокая ступень, а не просто иной (но столь же значимый) путь спасения. Выделенный статус монахов определяется практикуемой ими аскезой и полным отказом от любых мирских привязанностей, включая семейно-родственные узы и владение вещами. Только монашествующие определенных рангов обладают правом публичной проповеди, толкования писаний и наставления мирян. Домохозяева же (при соответствующей подготовке) могут это делать исключительно в отсутствие монахов. При этом в своем обиходе аскеты полностью зависят от мирян, поскольку всё необходимое для жизни им обязаны предоставлять домохозяева. Поведение же мирян в целом также должно быть ориентировано на подвижничество, идеальный домохозяин – это аскет «в миру», с учетом предлагаемых обстоятельств. Введение промежуточной, квазимонашеской формы образа жизни в виде бхаттариков (дигамбр.) и института шрипуджьи (шветамбр.) в средние века позволило джайнской общине выжить и даже оказывать прямое воздействие на политическую и экономическую ситуацию в различных регионах Индии. Автор подчеркивает, что вписанная в общинный парадигму жизненных регулятивов (артха, кама, дхарма и мокиша) джайнская система домашних обрядов и ритуалов вкупе с практикой обетов и ограничений ориентирована на подготовку домохозяев к продвижению на пути самосовершенствования и достижения в конечном счете главной религиозной цели – реализации природы собственной души.

Ключевые слова: дигамбары, шветамбары, шравака, ануврата, домашние обряды, ступени совершенствования, бхаттарики, шрипуджья.

Для цитирования: Железнова Н.А. Аскеты и/или миряне: джайнский взгляд на статус человека. Восток (Oriens). 2021. № 4. С. 138–149. DOI: 10.31857/S086919080014204-1

ASCETICS AND / OR LAYPEOPLE:
JAIN VIEW ON HUMAN STATUS IN THE WORLD

© 2021

Natalia A. ZHELEZNOVA^а^а – Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7029-0806; natali-zheleznov@yandex.ru

Abstract: The article examines the ethical system of Jainism on the example of the lifestyle of ascetic monks and lay householders. The disciplinary rules for lay followers (both Digambara and Śvetāmbara branches of Jainism) are fixed in the texts of the śrāvakācāra genre compiled by ascetics. This reflects the hierarchical distribution of “roles” within the Jain community. Ascetics represent the most advanced part of the community on the spiritual Path of Liberation, while lay people have only just entered this path. The author focuses on the fact that in Jainism monasticism is considered as a spiritually higher stage, and not just a different (but equally significant) way of salvation. Only monks of certain ranks have the right to preach publicly, interpret the Scriptures, and instruct the laity. Householders can only do this in the absence of monks. At the same time, ascetics are almost completely dependent on the laity for their everyday life, since householders are obliged to provide them with everything necessary for life. The introduction of an intermediate, quasi-monastic way of life in the form of the bhaṭṭārakas (Digambara) and śrīpūjya (Śvetāmbara) in the middle ages allowed the Jain community to survive and have a direct impact on the political and economic situation in various regions of India. Written in all-India paradigm of the life regulations (artha, kāma, dharma and mokṣa), Jain system of domestic rituals, coupled with the practice of vows and limitations focused on training of householders to move towards self-improvement and eventually achieve the main religious goal – realization the nature of one’s own soul.

Keywords: Digambaras, Śvetāmbaras, śrāvaka, aṇuvrata, saṃskāras, pratimā, bhaṭṭāraka, śrīpūjya.

For citation: Zheleznova N.A. Ascetics and/or Laypeople: Jain View on Human Status in the World. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 138–149. DOI: 10.31857/S086919080014204-1

ДЖАЙНИЗМ – РЕЛИГИЯ АСКЕЗЫ

В истории религий сложно найти более суровую, аскетически ориентированную систему, чем джайнизм. Изначально возникшая на северо-востоке Индии, на земле царства Магадха, в не-брахманской среде традиция со временем практически покинула свое историческое «родовое гнездо» и распространилась по всей Индии, пропагандируя высокие этические идеалы Дхармы¹ *тиртханкаров*² – от Панджаба на севере до Карнатаки на юге, от Кача на западе до Бенгальского залива на востоке³. В отличие от другой шраманской⁴ традиции, буддизма, джайнизм по сей день сохранил непрерывную историческую и религиозную преемственность, а представители джайнской общины играют значительную роль в экономической⁵ и культурной жизни современного общества Республики Индия.

¹ Дхарма (санскр. *dharma*, букв. «Закон, Учение, добродетель») – термин философии и религии, охватывающий большой спектр значений, первое из которых – учение (здесь: джайнское учение), в отличие от других традиций Индии. Второе значение включает в себя всю совокупность моральных, религиозных, социальных и даже политических обязанностей члена общины. Третье значение этого термина подразумевает идею добродетели, нравственной доблести. Все эти значения используются в джайнизме.

² *Тиртханкар* (санскр. *tirthaṅkara*, букв. «создатель переправы, брода») – провозвестник джайнского учения-Дхармы и создатель джайнской общины в каждую эпоху человеческой «истории». Подробнее см.: [Железнова, 2018, с. 1–14]

³ Краткий экскурс в историю распространения джайнизма в Индии подробнее см.: [Железнова, 2018, с. 1–14]. Более подробно см.: [Jain, 2010].

⁴ *Шраманы* – общее название для странствующих аскетов, появившихся на рубеже VI/V–V/IV вв. до н.э. и отстаивавших оппозиционные традиционному брахманизму взгляды. Подробнее см.: [Шохин, 1997, с. 5–50].

⁵ Сферами деятельности джайнских бизнесменов в силу изначальной ориентированности на «не-насиленные» профессии по преимуществу являются ювелирное дело, банковское дело, финансовые операции, ад-

Аскетический ригоризм джайнизма определяется его базовой доктринальной установкой о недопустимости каких бы то ни было видов насилия по отношению к любым формам жизни. *Ахимса* (санскр. *ahimsā*, букв. «не-насилие, не-вреждение») является главным моральным императивом для последователей *тиртханкаров*, охватывая собою самые различные сферы повседневной жизни – от пищевых запретов на употребление всех типов «насильственной»⁶ пищи до скрупулезно внимательного осматривания дорог и мест сидения. Стремление к максимально возможному ненасильственному образу жизни в полной мере присуще только монашествующим аскетам как мужского, так и женского пола (вполне понятно, что охватывающая все стороны деятельности практика не-вреждения привела бы к исчезновению этой религии еще во времена самого ее исторического основателя – Джинны Махавиры Вардхаманы), однако и миряне также должны соблюдать *ахимсу* в предписанной им дисциплинарными текстами степени.

ПРАКТИКА ДИСЦИПЛИНЫ: МОНАХИ VERSUS ДОМОХОЗЯЕВА

Сочинения, содержащие правила для домохозяев относительно поведения, объединены общим названием «шравакачара» (санскр. *śrāvakācāra*, букв. «мирской образ жизни», или «поведение мирян»)⁷. До нашего времени дошло более 40 произведений этого жанра⁸, подавляющее большинство из которых написаны монахами – муни (санскр. *muni*), или садху (санскр. *sādhu*). Исключение составляет лишь написанный мирянином Ашадхарой текст XIII в. «Дхармамрита» (санскр. *Dharmāmṛta*, букв. «Нектар Учения»). Его первая часть посвящена правилам мирского поведения, а вторая рассматривает принципы монашества. То, что дисциплинарные предписания для домохозяев сочинены аскетами, полностью отказавшимися от мира и ведущими страннический образ жизни⁹, не случайно: данное обстоятельство отражает иерархическое распределение «ролей» внутри джайнской сангхи. Аскеты представляют собой наиболее продвинувшуюся по духовному Пути Освобождения¹⁰ часть общины, тогда как миряне лишь вступили на эту тропу. Монашество рассматривается как духовно более высокая ступень, а не просто иной (но столь же значимый) путь спасе-

вокатура, строительство и издательское дело, киноиндустрия и шоу-бизнес. Тем не менее среди джайнов встречаются полицейские и военные. Однако профессии, связанные с применением прямого насилия, пока не получили широкого распространения в джайнской среде, и, несмотря на то что подобные сферы деятельности проблематичны с точки зрения религиозной «приемлемости», обсуждение данной темы еще не вышло за пределы отдельных семей и не стало предметом дискуссии на уровне общины.

⁶ «Насильственной» пищей в джайнизме считаются мясо, рыба, яйца и мед. Об особенностях пищевой культуры джайнов см. главу «Еда как базовый элемент формирования идентичности в джайнской традиции» в книге «Вкус Востока» [Вкус Востока, 2018, с. 101–115].

⁷ Самым известным и наиболее авторитетным сочинением этого жанра является текст «Ратнакарандашравакачара» (санскр. *Ratnakaraṇḍakāśrāvakācāra*, букв. «Драгоценная корзина, [посвященная] мирскому образу жизни»), составленный дигамбарским учителем Самантабхадрой (VI в.). [Samantabhadra, 1917]. Одно из последних исследований см.: [Bollee, 2010].

⁸ Подробное рассмотрение сводов дисциплинарных правил в сочинениях данного жанра см. в классической работе Р. Уильямса [Williams, 2000].

⁹ Монашествующие обоих полов в джайнизме большую часть года обязаны находиться в пути, странствуя от селения к селению. Тем самым аскеты демонстрируют не-привязанность к людям и местам. Такой бродячий образ жизни носит название в дигамбарской традиции *вихар* (хинди *viḥār*, букв. «блуждание, странствование»), в шветамбарской – *гочари* (санскр. *gocārī*, букв. «странствование [подобно] корове»). Подробнее см.: [Железнова, 2018, с. 95, 102]. Только четыре месяца в году (*чатурмаса*), когда в Индии наступает сезон дождей, все аскеты обязаны пребывать в одном месте в силу опасности увеличения насилия (*хунса*, санскр. *himsā*) из-за бурного роста и размножения всех живых существ. Подробнее см.: [Железнова, 2018, с. 312].

¹⁰ Путь Освобождения (санскр. *mokṣamārga*) – базовый концепт всей джайнской доктрины, заключающийся в правильном видении, знании и поведении. Подробнее см.: [Железнова, 2018, с. 187].

ния. Несмотря на неоднократные попытки некоторых современных наставников в среде мирян претендовать на религиозное и нравственное лидерство, мирская часть общины традиционно считается недостаточно зрелой и подготовленной для подлинно духовной жизни и практики.

Выделенный статус монахов определяется в первую очередь именно практикуемой ими аскезой и полным (по крайней мере, декларируемым) отказом от любых мирских привязанностей, включая семейно-родственные узы и владение вещами¹¹. Только монашествующие определенных рангов обладают правом публичной проповеди, толкования писаний и наставления мирян. Домохозяева же (при соответствующей подготовке) могут это делать исключительно в отсутствие монахов. При этом в своем житейском обиходе аскеты практически полностью зависят от мирян, поскольку еду они могут получать только в качестве подаяния¹², книги для чтения, предметы монашеской практики и всё, что нужно для ежедневного использования, им обязаны предоставлять домохозяева. Мирская жизнь, должным образом устроенная, рассматривается как предварительная подготовка для последующей практики в качестве аскета, кем в зависимости от накопленных благими делами заслуг домохозяин может стать либо в нынешней жизни, либо в последующей. Поэтому поведение мирян в целом также должно быть ориентировано на подвижничество, идеальный домохозяин – это аскет «в миру», с учетом предлагаемых обстоятельств.

В джайнизме мирянин-домохозяин имеет общее наименование *шравака*¹³. Нормативные тексты по дисциплине для домохозяев дают разные этимологические толкования данного термина. Согласно одной версии, *шравака* – тот, кто слушает (*śrṇoti*) Дхарму; согласно другой – тот, кто имеет прибежище для веры (*śraddhālutām śrāti*); согласно третьей – тот, чьи пороки утекают (*śravanti yasya pāpāni*) [Williams, 2000, p. 36].

В зависимости от наименования, статуса, сущности и состояния¹⁴ мирянин может различаться как:

1) *нама-шравака* (санскр. *nāma-śrāvaka*) – мирянин лишь по названию, подобно тому, как убогий раб лишь именуется «богом» (*дева*);

2) *стхапана-шравака* (санскр. *sthāpanā-śrāvaka*) – мирянин пребывает в статусе домохозяина;

3) *дравья-шравака* (санскр. *dravya-śrāvaka*) – выполняющий все необходимые обряды, но лишенный подлинной духовности домохозяин;

4) *бхава-шравака* (санскр. *bhāva-śrāvaka*) – истинно верующий домохозяин.

Некоторые средневековые дигамбарские авторы (в частности, Ашадхара и Медхавин) приводят иную классификацию *шраваков*:

¹¹ Дигамбарская традиция разрешает своим монахам обладание двумя предметами: метелкой из павлиньих перьев для сметания насекомых – *пинчи* и сосудом с водой для гигиенических целей – *камандалу*. Подробнее см.: [Железнова, 2018, с. 153, 222–223]. Шветамбарские монашествующие в качестве одеяния носят цельные куски белой ткани, используют метелки из нитей белой шерсти – *раджохарана* и набор чаш для сбора подаяния-еды – *патра* [Железнова, 2018, с. 242].

¹² В джайнизме существует запрет на приготовление пищи монашествующими, поскольку готовка предполагает использование огня, что, в свою очередь, связано с причинением вреда живым существам растений и воздуха. Роль таких «насильников» предоставляется мирянам, которые готовят пищу для себя и выделяют ее небольшое количество аскетам. Намеренное приготовление пищи специально для аскетов также запрещено. Подробнее см.: [Вкус Востока, 2018, с. 101–115].

¹³ Еще одно слово, используемое в традиции для обозначения мирянина, – *упасака* (санскр. *upāsaka*, букв. «почитающий»).

¹⁴ Здесь речь идет о нередко применяемом в джайнизме эпистемологическом подходе, в соответствии с которым любое явление, объект или событие рассматривается в четырех аспектах (*никшепа*, санскр. *nikṣepa*): название (*nāma*), установление (*sthāpanā*), субстанция (*dravya*) и состояние (*bhāva*).

1) *накишика* (санскр. *pākṣika*) – мирянин, имеющий склонность (санскр. *pakṣa*) к соблюдению *ахимсы*. Он наделен должной праведностью¹⁵, соблюдает обеты и прилежен в совершении ритуалов;

2) *найштхика* (санскр. *naiṣṭhika*) – домохозяин, поднимающийся по ступеням предписанного дисциплинарными текстами для мирян пути совершенствования, на вершине (санскр. *niṣṭhā*) которого он отказывается от мирской жизни и начинает практиковать дхарму аскета. Если же он не удерживается, то падает вновь на уровень *накишики*;

3) *садхака* (санскр. *sādhaka*) – мирянин, который завершает (*sādhayati*) свою жизнь ритуалом окончательного духовного очищения посредством благочестивой смерти (*саллекхана*¹⁶).

Джайнская концепция образцовой жизни мирянина в общем выстроена по тем же принципам, что и индуистская: последователи *тиртханкаров* также утверждают, что всякий человек имеет четыре цели/смысла своего существования (санскр. *puruṣārtha*): польза-*артха* (санскр. *artha*), чувственное желание-*кама* (санскр. *kāma*), долг/добродетель-*дхарма* (санскр. *dharma*) и освобождение-*мокша* (санскр. *mokṣa*)¹⁷. Наличие дома и семейные ценности являются неотъемлемым элементом этой системы регулятивов, поскольку позволяют реализовать первые три из них. Семья в джайнизме (как, впрочем, и во всей индийской традиционной культуре) – это то, что составляет базовый уровень самоидентификации. То, с чем каждый человек себя отождествляет в первую очередь. В системе религиозно-нравственных ценностей всякий джайн соотносит себя с внешними характеристиками и связями, ибо человека целиком и полностью определяют его принадлежность к общине, включенность в кастово-варновую систему, наличие кланово-родственных уз и обладание определенным имуществом (земля, хозяйство, домашний скот, богатство и т.п.). В зависимости от того, к какому направлению, субтрадиции¹⁸ и группе последователей определенного духовного наставника (как правило, известного и авторитетного для конкретного региона монаха) принадлежит данный клан и род, каждый джайн и руководствуется уже принятыми в его семье установлениями. Истинный, т.е. живущий должным образом, домохозяин-джайн своей жизнью следует общиндийской парадигме идеального человеческого существования, накапливая мирское богатство, создавая семью и воспитывая детей в рамках предписанной дхармы.

СИСТЕМА ДОМАШНИХ ОБРЯДОВ

Такая парадигма помимо указанных регулятивов *артхи*, *камы* и *дхармы* также включает в себя определенную совокупность различного рода домашних обрядов (*санскара*, санскр. *samskāra*) и религиозных ритуалов (*пуджа*, санскр. *pūjā*)¹⁹, которые регламентируют

¹⁵ Праведность (санскр. *samyaktva*) – в джайнизме синоним правильных взглядов, правильной веры, т.е. веры в учение *тиртханкаров*.

¹⁶ *Саллекхана* (санскр. *sallekhanā*, букв. «выскабливание») – смерть посредством прогрессирующего отказа от пищи и питья. Она направлена на «выскабливание» остатков порочной (*nana*) кармической материи в этой жизни с целью улучшения жизни последующей. Подробнее см.: [Железнова, 2021, с. 214–232].

¹⁷ Джайнская традиция неоднократно ссылается на четыре цели человеческого существования, начиная с текстов Кундакунды (III–IV вв.) «Бодха-пахуда» и «Бхава-пахуда». Подробнее см.: [Железнова, 2012, с. 217, 232]. Встречается эта доктрина и в более поздней философской литературе, например, в субкомментарии Акаланки Бхатты «Таттвартха-раджаварттика» (VIII в.) на основной компендиум джайнизма – «Таттвартхадхигода-сутру» Умасвати (III–IV вв.). См.: [Железнова, 2012, с. 51–179].

¹⁸ Под субтрадицией в данном случае понимается школа или подшкола в рамках более крупной религиозной традиции. Так, не признающие «каноническим» почитание изображений *тиртханкаров* или божеств сторонники Канджисвами являются представителями субтрадиции *канджисвами-пантха* внутри дигамбарской традиции, а *стханакаवासина* (букв. «обитающие в странноприимных домах») составляют субтрадицию внутри шветамбарской традиции. Подробнее об этих субтрадициях см.: [Железнова 2018, с. 153–154, 270–271].

¹⁹ Более подробно о *пудже* (в дигамбарской традиции) см.: [Железнова, 2019, с. 241–260].

жизнь любого домохозяина. Первые охватывают всю жизнь мирянина с момента зачатия до погребального костра, вторые проводятся от случая к случаю. Количество домашних обрядов значительно варьируется в зависимости от конкретной общины и области. Так, известное дигамбарское сочинение по «историософии» под названием «Адипурана»²⁰ приводит нормативный список из 53 санскар. В целом они воспроизводят систему индуистских домашних обрядов²¹, но имеют джайнскую «окраску». Кроме того, этот перечень представляет собой дополнительную детализацию общих обрядов с учетом жизни членов джайнской общины²².

Как и представители других религиозных традиций Индии, последователи *тиртханкаров* начинают отсчет жизненного цикла с обряда благополучного зачатия (*гарбхадхана*, или *адхана*), сопровождаемого предварительным посещением супружеской четой храма и совершением там *пуджи*. На третий месяц от зачатия осуществляется ритуал умиротворения (*прити*) беременной женщины, который затем повторяется на пятом и седьмом месяцах. На девятом месяце с целью пожелания благополучного разрешения от бремени на теле женщины рисуются первые буквы алфавита. После рождения младенца спустя 12 суток в любой подходящий для этого день новорожденному дается имя (*намакарана*). Такие значимые моменты в жизни ребенка, как первое появление вне дома (*бахирьяна*), усаживание (*нишадыа*), начало кормления (*аннапрашана*) твердой пищей, также сопровождаются проведением соответствующих обрядов. Следующий важный этап – годовщина (*вьюшти*) и первое обривание (*кешавана*), после чего младенцу оставляют небольшой клочок волос на голове. На пятый год от рождения начинается обучение письму и счету (*липисанкхьянасамграха*) под руководством наставника, а спустя три года, мальчик²³ проходит посвящение в ученики (*упанити*), совершаемое в храме и сопровождаемое принятием «малых обетов» (*ануврата*)²⁴, а также надеванием священного шнура. Обучение и «возвращение» обетов учителю (т.е. отказ от ранее принятых обетов, в первую очередь обета безбрачия) завершается на 12-й или 16-й год, после чего юноша женится (*виваха*) и обретает самостоятельность (*варналабха*). Собственно, именно с этого момента и можно говорить о жизни домохозяина-мирянину, поскольку, став семейным человеком, заняв соответствующее его семье и роду деятельности положение в общине, мирянин начинает практиковать предписанные ему религиозным благочестием шесть «ежедневных обязанностей» (*авашьяка*, санскр. *āvaśyaka*)²⁵. В дальнейшем глава семейства, достигнув определенного возраста, выполнив свои мирские обязательства и оставив дела на попечение сыновьям, отказывается от жизни домохозяина и начинает вести аскетический образ жизни.

Следующий этап, являющийся, по сути, сменой статуса и переходом на новую ступень лестницы духовного совершенствования²⁶ – это обретение формы *джины* (санскр. *jina*,

²⁰ «Адипурана» (санскр. *Ādipūraṇa*, букв. «Предание о начале») – сочинение Джинасены (IX в.), содержащее рассказы о первом джайнском *тиртханкаре* и идеальном правителе Ришабхе, а также о совершенном устройении общества, что включает и описание цикла жизненных ритуалов.

²¹ О домашних обрядах в брахманистско-индуистской культуре подробнее см.: [Пандей, 1991].

²² Здесь не приводится полный перечень всех *санскар*, перечисленных в «Адипуране», а указываются лишь некоторые особенности этапов жизненного цикла. Подробнее см.: [Железнова, 2018, с. 261–263].

²³ Как это принято в большинстве традиционных культур, дисциплинарные тексты описывают в первую очередь ритуалы и обряды для мужской части общины. Обряды для девочек/девушек с определенными оговорками в целом следуют общей схеме.

²⁴ Подробнее о «малых обетах» см. ниже в статье.

²⁵ «Ежедневные обязанности» включают в себя: 1) обретение спокойствия, или «самотождественности» (*самаика*); 2) восхваление 24 *тиртханкаров* (*чатувимшиати-става*); 3) почитание монахов (*гурувандана*); 4) раскаяние (*пратикрамана*); 5) отречение (*пратьякхьяна*) от недостойных действий и определенных видов пищи; 6) отречение от тела, или стоячую медитацию (*кайотсарга*) [Железнова, 2018, с. 30].

²⁶ О ступенях лестницы духовного совершенствования (*гунастхана*, санскр. *guṇasthāna*) подробнее см.: [Glasenapp, 1991, p. 75–92; Железнова, 2018, с. 104–105].

букв. «победитель [страстей]»), которая заключается в отказе от одежд и оставлении всех мирских привязанностей. Иными словами, с этого момента, после совершения обряда посвящения (*дикиша*, санскр. *dīkṣā*), бывший мирянин-домохозяин становится монахом-аскетом. Дальнейшая религиозная «карьеря» развивается в соответствии с приобретаемым углубленным знанием писаний и способностями к экзегезе, успехами в практике медитации и достижением иерархических постов в монашеской общине – от проповедующего Дхарму мирянам монаха до положения главы общины.

Примечательно, что духовный рост джайна в системе жизненного цикла не ограничивается этой жизнью – концепция *санскар* распространяется также и на события жизни последующей, поскольку после достойного завершения жизни посредством обряда благочестивой смерти (*саллекхана*) бывший мирянин и нынешний монах обретает рождение в теле владыки богов – Индры, что также сопровождается совершением соответствующих обрядов²⁷.

Шветамбарская традиция, представленная текстом «Ачирадинакара», приводит список из 16 ритуалов, которые охватывают собой лишь обычную мирскую жизнь (по сути, совпадающих с ранее описанными, разнятся только некоторые названия) и заканчиваются погребальным обрядом, включающим в себя также молитвы, пост, благотворительность и т.п.

КОНЦЕПЦИЯ СТУПЕНЕЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЛЯ МИРЯН

Благочестивая жизнь джайна-мирянина предполагает не только внешнюю церемониальную сторону, т.е. совершение домашних обрядов-*санскар* и участие в храмовых ритуалах-*пуджах* (или даже их проведение), но и внутреннее самосовершенствование, т.е. деятельное восхождение по 11 ступеням лестницы духовного роста для домохозяев. Подобная практика в джайнизме теоретически закреплена концептом *пратима* (санскр. *pratimā*, букв. «образ, изображение»). Описанию и разъяснению представления о том, что такое идеальный джайн-мирянин посвящены тексты жанра шравакачара.

Сочинения дисциплинарного характера насчитывают 11 ступеней-*пратима* лестницы аскезы домохозяина. Начальный уровень определяется наличием правильного видения (*даршана*, санскр. *darśana*) у тех, кто поклоняется *тиртханкарам*, признаёт истинность джайнских писаний, а джайнских монахов-аскетов – наставниками в подлинной Дхарме. Дети джайнов-домохозяев до обряда вступления на ступень *даршана-пратима* являются джайнами лишь номинально. Кроме того, первый уровень включает в себя две формы религиозного поведения: одна связана с девициональным аспектом, а вторая – с дисциплинарным. Первый аспект выражается в восхвалении наиболее выдающихся и значимых в джайнизме личностей, а также в произнесении главной джайнской «молитвы» – *нама-скара-мантры* (санскр. *namaskāra-mantra*, букв. «формула поклонения») ²⁸. Второй, дисциплинарный, аспект начальной ступени выражается в различного рода ограничениях по своей природе «диетического» характера: джайн никогда не должен употреблять в пищу мясо, рыбу, алкоголь, мёд и пять видов фиговых ²⁹. Все это напрямую связано с концепцией не-насилия-*ахимсы*.

²⁷ Следует отметить, что такое «продолгование» домашних обрядов за пределы текущей жизни в джайнизме выглядит логичным, ведь система *санскар* в пределе охватывает весь путь души, направляющейся к конечной цели – освобождению.

²⁸ Подробнее об этой мантре см.: [Железнова, 2018, с. 199].

²⁹ Отказ от алкоголя в джайнизме определяется не только и не столько его затуманивающим воздействием на сознание, сколько процессом брожения и ферментирования самой опьяняющей субстанции, которая в таком случае, согласно представлениям джайнов, вызывает к жизни большое количество простейших душ. Следовательно, распитие алкогольных напитков ведет к их «поеданию». Запрет на употребление в пищу мёда связан со спосо-

Следующий этап – принятие обетов (*vrata-pratima*, санскр. *vrata-pratimā*). Как и монахи, *шраваки* в своей жизни могут следовать определенным запретам и ограничениям. Однако если для аскетов обеты выступают обязательным элементом посвящения (собственно, принятие «великих обетов» и является одним из маркеров перехода из стадии домохозяина на стадию монаха), то для джайнов-мирян ограничения носят «факультативный» характер: какие именно обеты, в каком объеме и на какой срок они даются, определяют сами миряне. Обязательным же для них будет публичное провозглашение даваемых обетов – только в таком случае принимаемые на себя ограничения имеют религиозную силу и дают соответствующий кармический плод. Практика зарокос «про себя» (например, «Решено, никаких ночных перекусов!», «Все, отказываюсь от сладкого», «Больше не ем чипсы! Никогда! Ни за что!») обетами в собственном смысле слова в джайнизме не считаются.

К мирским обетам (*шравакавра́та*, санскр. *śrāvakavrata*) относятся: пять «малых обетов» (*анувра́та*, санскр. *anuvrata*), три «обета добродетели» (*гунавра́та*, санскр. *gūnavrata*) и четыре «обучающих обета» (*шикшавра́та*, санскр. *śikṣāvratā*). «Малые обеты», являющиеся главными в данном списке, включают в себя соблюдение не-насилия-*ахимсы*, правдивости (*сатья*, санскр. *satya*), не-воровства (*астея*, санскр. *asteya*), не-привязанности (*анарипу́граха*, санскр. *aparigraha*) и воздержания (*брахмача́рья*, санскр. *brahmacarya*). Будучи сформулированными по образцу монашеских «великих обетов» (*махавра́та*, санскр. *mahāvratā*), они считаются менее жесткими и не столь всеобъемлющими.

Понимая, что жизнь домохозяина по определению связана с некоторыми формами недóлжных действий (в частности, насилием), джайнская традиция различает те формы недóлжного, которые неприемлемы ни в каких случаях, и допустимые виды недóлжного. Так, намеренное, сознательное насилие (*санкальпа́джа-химса*, санскр. *saṃkalpajā-himsā*) неприемлемо, тогда как случайное насилие (*ара́мбха́джа-химса*, санскр. *ārambhajā-himsā*) как результат деятельности в области разрешенной Дхармой профессии – допустимо. В джайнизме существует представление о шести дозволенных видах деятельности, поддерживающих существование: управление, писательство, земледелие, искусство, торговля и различные ремесла. Среди них искусство управления государством и земледелие считаются менее достойными занятиями, тогда как торговля – наиболее желательным. При любом виде деятельности тот, кто принял на себя обет не-насилия, обязан соблюдать максимально возможную степень внимательности с целью сведения к минимуму всех форм насилия. Это становится особенно значимым, когда долг требует насильственных действий – как в случае с воинами, чья страна вовлечена в военные действия³⁰. Такой вид насилия (подразумевающий в целом сознательное убийство) считается менее кармически тяжким, чем намеренное, и квалифицируется как «вред/насилие в противостоянии» (*ви́родхи-химса*, санскр. *virodhī-himsā*). Во всех остальных случаях джайн не должен ставить себя в условия, где будет применять насилие. Остальные «малые обеты» опираются на идею *ахимсы* в речи применительно к объектам и предметам и межличностным отношениям.

«Обеты добродетели» состоят из трех обетов и могут охватывать собой как всю жизнь, так и определенное время (*дешавра́та*, санскр. *deśavratā*). Первый обет касается ограничения «относительно сторон света» (*дигъвра́та*, санскр. *digvratā*) с целью установле-

бом его добычи в Индии – разрушением ульев диких пчел и изъятием мёда. Пчеловодством в Индии не занимаются, поэтому любая добыча мёда предполагает смерть пчелиного роя. Однако в редких случаях при медицинской необходимости джайны-миряне могут использовать препараты, содержащие алкоголь и мёд. Плоды вида фиговых содержат большое количество семян и, как следствие, – огромное количество душ. Поэтому не следует есть такие плоды.

³⁰ Подобная нравственная дилемма актуальна также и в современных условиях, когда джайны становятся полицейскими и военными, судьями (чья профессиональная деятельность предполагает вынесение, в том числе, и смертных приговоров) и врачами (проводящими помимо других операций и аборты).

ния предела мирской активности для четкого обозначения места и сферы деятельности. Например, данный обет запрещает влезать на деревья или подниматься на горы; спускаться в колодезь или яму; путешествовать за пределы границ, принятых в обете, пересекая реки, леса и т.д.; расширять местность перемещения; забывать установленные обетом границы. Второй состоит в ограничении «относительно однократного и многократного наслаждения» (*бхогопабхогапариманаврата*, санскр. *bhogopabhodaparimānavarata*), что включает в себя большое количество разного рода запретов: на употребление в пищу существ, имеющих сознание; того, что связано с сознательными существами; сырых продуктов; недоваренных продуктов; ферментированной еды. Это подразумевает исключение из питания содержащих большое количество семян фруктов, неизвестных фруктов, молочных продуктов, хранящихся более двух дней, и мёда. Данный обет также налагает запрет на употребление пищи после захода солнца (*ратрибходжана*, санскр. *ratribhojana*) и исключает 15 профессиональных занятий, связанных с продажей животных, людей, предметов насилия, алкоголя, с использованием огня, воды и т.п.³¹ Третий «обет добродетели» заключается в ограничении «бессмысленного насилия» (*анартхадандаврата*, санскр. *anarthadandavrata*) для предотвращения ненужных насильственных действий, что подразумевает запреты на мысли о насилии, злорадство, сплетни и т.п.; бессмысленные траты, пьянство и азартные игры; средства насилия (оружие, яд и т.д.); вредные советы; а также слушание и пересказ историй, связанных с насилием.

«Обучающие обеты» приближают мирянина к монашествующим и приучают его к регулярному совершению необходимых ритуалов. Следуя им, адепт обязуется совершать определенные действия ежедневно, еженедельно, ежемесячно и т.д. К таким обетам относятся подаяние (*данаврата*, санскр. *dānavrata*), ограничение пространства на определенное время (*дешавайкашикаврата*, санскр. *deśavaikaṣikavrata*), пост (*пошадхонавасаварата*, санскр. *poṣadhonavāsavrata*) и медитация-«самотождественность» (*самаикаврата*, санскр. *sāmāyikavrata*)³². По мере продвижения по пути духовного самосовершенствования строгость принимаемых на себя ограничений увеличивается, что сближает их практикующего мирянина с монахом.

Третьей ступени (*самаика-пратима*, санскр. *sāmāyika-pratimā*) достигает тот, кто практикует ритуал «самотождественности» трижды в день: на рассвете, в полдень и перед закатом. Тот мирянин, который в четыре священных дня (на 8-й и 14-й дни прибывающей и убывающей луны) постится, поднимается до четвертого уровня (*пошадха-пратима*, санскр. *poṣadha-pratimā*). Дальнейший духовный рост связан с отказом от употребления в пищу зеленых овощей, корнеплодов, невареных зерен, некипяченой воды и соленых напитков³³, и это происходит на пятой ступени (*сачит-татьяга-пратима*, санскр. *sacittatyāga-pratimā*). Восхождение на шестую ступень (*ратрибхакта-пратима*, санскр. *ratribhakta-pratimā*) маркируется отказом от вкушения

³¹ Перечень 15 запрещенных для джайнов профессий приводится в: [Williams, 2000, p. 117–123].

³² Суть данного ритуала состоит в обретении спокойствия ума посредством отвлечения органов чувств от их объектов с целью пребывания в «самости» и осознании природы собственной души. Миряне, принявшие на себя данный обет, подобно монашествующим, практикуют его трижды в день для обретения третьей ступени совершенствования. Для данного ритуала характерно принятие обязательства не причинять вред живым существам и пребывать в медитации 48 минут, т.е. одну *мухурту*. В течении этого времени мирянин уподобляется монаху, и он так же, как и все аскеты, проверяет место сидения с целью удаления насекомых. Во время *самаики* адепт может медитировать, слушать проповедь или recитировать *мантры*, используя соответствующее монашеское руководство «Самаика-сутра».

³³ В целом данная пища и питье разрешены мирянам, но противопоказаны монашествующим, поскольку зеленые овощи и корнеплоды, согласно джайнским представлениям, содержат большое количество душ, как и некипяченая вода, зерна и т.п. Поэтому по мере усиления аскезы миряне перестают их употреблять.

пищи после захода солнца с наступлением темноты. После этого наступает время перехода к полному целомудрию (*брахмачарья-пратима*, санскр. *brahmacarya-pratimā*). Восьмая ступень (*арамбхатьяга-пратима*, санскр. *ārambhatyāga-pratimā*) связана с воздержанием от обычной активности домохозяина и деловой активности, при этом мирянину разрешено оставаться в роли пассивного наблюдателя. Далее (*париграхатьяга-пратима*, санскр. *parigrahatyāga-pratimā*) мирянин должен воздерживаться от накопительства или совершать формальный отказ от собственности. На десятой ступени (*ануматитьяга-пратима*, санскр. *anumatityāga-pratimā*) он отрекается от мирской деятельности даже в форме простого наблюдения. Последняя ступень (*уддиштатьяга-пратима*, санскр. *uddiṣṭatyāga-pratimā*) знаменует собой отказ от специально приготовленной для мирянина пищи и места проживания, переход к совместному проживанию с монашествующими.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ МОДЕЛИ

Исторически джайнизм выработал еще одну, промежуточную, форму, которая имела черты как монашеского, так и мирского образа жизни. В дигамбарской традиции такую форму воплощает институт *бхаттарак* (санскр. *bhaṭṭāraka*, букв. «почитаемый/знарок»), а в шветамбарской – *шрипуджья* (санскр. *śrīpūjya*, букв. «господин, достойный почитания»). *Бхаттарак* изначально выбирались в качестве главы группы монахов или общины в целом и жили постоянно в монастыре (*матха*), отказавшись от практики наготы. Вероятно, этот институт возник в XIII или XIV в., поскольку монахи, практикующие предписанную им уставом наготу, подвергались общественному порицанию, в особенности в среде мусульман. В средние века *бхаттарак* называли мирян, которые соблюдали целибат, приняли «малые обеты» и носили оранжевые одежды как внутри, так и вне монастыря, и снимали их только во время принятия пищи и во время посвящения в сан других бхаттарак. *Шрипуджья* и *бхаттарак* могли иметь собственность, несли ответственность за храмовые комплексы, включая библиотеки рукописей и монастыри. Кроме того, они руководили установкой статуй *тиртханкаров*, проведением различных ритуалов и отвечали за соблюдение «малых обетов» и религиозное просвещение членов общины. Помимо этого, *бхаттарак* и *шрипуджьи* также являлись представителями местных общин при дворах раджпутов и мусульман. Они восседали на троне в собственной резиденции, их появление на публике сопровождалось пышным выездом с опахалами и знаменами, во время церемонии принятия титула им воздавались почти царские почести. Некоторые даже служили советниками при дворах правителей. Поскольку этой категории «квазимонахов» не запрещено пользоваться транспортом, они путешествуют по всей Индии, представляя свою общину на официальных мероприятиях и принимая участие в делах образования и издательской деятельности. В настоящее время бхаттарак и шрипуджьи не имеют учеников среди монашеской части общин, но назначают себе преемников из числа мирских последователей.

Подобная «пограничная» форма образа жизни возникла в определенных исторических обстоятельствах, когда полноценное монашество по тем или иным причинам (невозможность соблюдения наготы в мусульманском окружении для дигамбаров, упадок дисциплины и стремление к более роскошному образу жизни для шветамбаров) оказалось вытеснено на периферию религиозной жизни. Введение в свою духовную иерархию такой синкретической модели, отчасти монашеской, отчасти мирской, позволило джайнской общине выжить и даже оказывать прямое воздействие на политическую и экономическую ситуацию в различных регионах Индии.

В настоящее время при наличии активно действующего даже на уровне СМИ монашества³⁴, сфера влияния такого социального института крайне ограничена. Победный стяг Дхармы снова подхвачен и прочно удерживается духовными лидерами именно из среды монахов (в редких случаях – монахинь³⁵). Миряне же по-прежнему остаются «материальной базой», фундаментом, который обеспечивает устойчивость здания джайнской общины. При таком подходе семья рассматривается как необходимая для организации правильной жизни общины первичная и по сути – низовая «ячейка» общины.

Таким образом, используя образ жизни домохозяина, обремененного собственностью, кровнородственными узами и общественными обязанностями, джайнская традиция рассматривает семью в качестве своего рода трамплина для настоящей, подлинной жизни, выражаемой лишь заботой о душе и ее освобождении из круговорота рождений и смертей. Семейные ценности джайнов-мирян, с одной стороны, аккумулировали общиндийские идеалы материального благополучия и мирского процветания, а с другой – были встроены в жесткую религиозную систему, которая возложила на домохозяев бремя заботы о благополучии всей общины, в том числе и монашеской ее части. Сотерилогически несколько обесценив статус семьянина, джайнизм предполагает, что после соответствующей подготовки мирянин (в идеале – уже в этой жизни, либо в последующей) оставит всякое попечение о телесном. Он сможет реализовать свою изначально чистую духовную природу и станет тем, кем и призван быть человек в своем настоящем виде – атманом, т.е. самим собой, свободным от всех (включая семейные) сансарных уз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Вкус Востока: гастрономические традиции в истории, культуре и религиях народов Азии и Африки. Под ред. И.Т. Прокофьевой, Е.Ю. Карачковой. М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 101–115 [The Taste of the East: Gastronomic Traditions in the History, Culture and Religions of the Peoples of Asia and Africa. Ed. by I.T. Prokofieva, E.Yu. Karachkova. Moscow: MGIMO-University, 2018. Pp. 101–115 (in Russian)].

Железнова Н.А. *Дигамбарская философия от Умасвати до Немичандры: историко-философские очерки.* М.: Вост. лит., 2012 [Zheleznova N.A. *Digambara Philosophy from Umasvati up to Nemichandra: Historical and Philosophical Essays.* Moscow: Vostochnaia literatura, 2012 (in Russian)].

Железнова Н.А. *Джайнизм. Энциклопедический словарь.* М.: Наука – Вост. лит., 2018 [Zheleznova N.A. *Jainsim. Encyclopedic Dictionary.* Moscow: Nauka – Vostochnaia literatura, 2018 (in Russian)].

Железнова Н.А. Пуджа в дигамбарской традиции джайнизма: материальные репрезентанты бестелесного. *Orientalistica.* 2019. № 2(2). С. 241–260 [Zheleznova N.A. Pūjā in Digambara Jain Tradition: Material Representations of the Disembodied. *Orientalistica.* 2019. No. 2(2). Pp. 241–260 (in Russian)].

Железнова Н.А. Саллекхана: джайнский вариант «эвтаназии». *Orientalistica.* 2021. № 4(1). С. 214–232 [Zheleznova N.A. Sallekhanā: Jaina version of “euthanasia” *Orientalistica.* 2021. No. 4(1). Pp. 214–232 (in Russian)].

Пандей Р.Б. *Древнеиндийские домашние обряды (обычаи).* М.: Высшая школа, 1991 [Pandey R.B. *Ancient Indian Home Rituals (Customs).* Moscow: Vysshiaia Shkola, 1991 (in Russian)].

³⁴ Джайнские монахи (во всяком случае – некоторых из них) активно присутствуют в медийном пространстве, выступая с проповедями на телевидении и радио. Так, в дигамбарской среде этим славился Тарунсагарджи см.: [Jain Muni Tarun Sagar, 2020]. Также он выступал и в политических собраниях [Acharya, 2016].

³⁵ Наиболее яркий пример – монахиня-арьяка Гьянматаджи, постоянно проживающая в Хастинапуре (шт. Уттар-Прадеш) и руководящая созданным ей институтом изучения джайнской космологии. Подробнее см.: [Железнова, 2018, с. 131].

Шохин В.К. *Первые философы Индии*. М.: Ладомир, 1997 [Shokhin V.K. *The First Philosophers of India*. Moscow: Lodomir, 1997 (in Russian)].

Acharya P.D.T. Jain leader Tarun Sagar's address in Haryana Assembly. *The Indian Express*. 1 September, 2016 <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/tarun-sagar-jain-religious-leader-monsoon-session-female-foeticide-eradication-haryana-assembly-3006769/> (accessed 27.09.2020).

Bollee W. *Samantabhadra Deva's Ratnakaraṇḍaka Śrāvakaṇḍakāra*. Bangalore: Sundara Prakashana, 2010.

Glaserapp H. *Doctrine of Karman in Jaina Philosophy*. Varanasi: P.V. Research Institute, 1991.

Jain K.C. *History of Jainism*. In 3 vols. New Delhi: D.K. Printworld (P) Ltd., 2010.

Jain Muni Tarun Sagar in Aap Ki Adalat with Rajat Sharma <https://www.youtube.com/watch?v=bkprK-c7oVGI> (accessed 27.09.2020).

Samantabhadra. Ratnakaraṇḍakaśrāvakaṇḍakāra. Transl. by Ch.R. Jain. Arrah: Central Jain Publishing House, 1917.

Williams R. *Jaina Yoga: A Survey of the Mediaeval Śrāvakaṇḍakāras*. Delhi: Motilal Banarsidass, 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЖЕЛЕЗНОВА Наталья Анатольевна –
кандидат философских наук, старший
научный сотрудник Института
востоковедения РАН, Москва, Россия.

Natalia A. ZHELEZNOVA, PhD (Philosophy),
Senior Research Fellow, Institute of Oriental
Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia.

DOI: 10.31857/S086919080016046-7

ТРАДИЦИЯ И СЛОВЕСНОСТЬ (СМЕХОВАЯ КУЛЬТУРА МАЛИ И ГВИНЕИ)

© 2021

О.Ю. ЗАВЬЯЛОВА ^a, П.А. КУЦЕНКОВ ^b^a – СПбГУ, Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7696-3098; jontan@mail.ru

^b – Институт востоковедения РАН, Москва Россия

ORCID: 0000-0002-4288-6167; pkutsenkov@gmail.com

Резюме: Эта статья продолжает тему предыдущей [Завьялова, Куценков, 2020]. В ней говорилось о том, насколько велика роль юмора в культурах Западной Африки, где он проявляется в самых разных сферах жизни ее народов. Народный театр Котеба в Мали и Гвинее – ещё один традиционный аспект проявления юмора, основанного на сатире и высмеивании. Подобные традиционные театры есть во многих странах Западной Африки. Не менее характерен для традиционной культуры манден Коре́дуга, тайный союз «шутов», а для культуры догонов – хранители бруссы алатопуои, которые играют шутовскую роль во время выхода масок, и жёницыны-шуты уауегё, которыми могут быть только уроженки других деревень, вышедшие замуж за жителей данной деревни. Юмор у манден и догонов пронизывает все сферы традиционного образа жизни, а в манере общения, в театре и в словесности он играет одну из основополагающих ролей. Сатира нацелена на урегулирование возможных конфликтов в случае отсутствия взаимопонимания между представителями различных социальных, возрастных и др. групп. На этой основе функционируют все сатирические фольклорные жанры, или те, что включают в себя сатиру: анекдот и юмористические сказки базируются на типичных нарушениях норм поведения. Сказки и анекдоты высмеивают нарушения норм этикета, присущих именно этой культуре и непонятных для носителей других культур. Народный театр, в свою очередь, затрагивает злободневные, актуальные нарушения норм поведения членами данного социума. В заключение авторы приходят к выводу, что юмор является одной из основ той «виртуальной» реальности (или культуры), которую создали данные социумы. При нарушении или отвержении таких регуляторов изменится само существование этих народов.

Ключевые слова: Мали, бамбара, догоны, Котеба, Коре́дуга, традиционный театр.

Для цитирования: Завьялова О.Ю., Куценков П.А. Традиция и словесность (смеховая культура Мали и Гвиней). Восток (Oriens). 2021. № 4. С. 150–160. DOI: 10.31857/S086919080016046-7

TRADITION AND LITERATURE (CULTURE OF LAUGHTER OF MALI AND GUINEA)

© 2021

Olga Yu. ZAVYALOVA ^a, Piotr A. KUTSENKOV ^b^a – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7696-3098, jontan@mail.ru

^b – Institute of Oriental Studies, RAS Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4288-6167, pkutsenkov@gmail.com

Abstract: *This article continues the topic of the previous one [Zavyalova, Kutsenkov, 2020]. It reveals how great is the role of humor in the cultures of West Africa, where it manifests itself in various spheres of life of its peoples. The Kòtèba Folk Theater in Mali and Guinea is another traditional aspect of humor based on satire. The secret society of Kòréduga “jesters” is characteristic of the traditional cultures of Manden. The Dogon have guardians of brussa, alamonyou, who play the role of clowns during the release of masks, and female jesters yayeré, who are wives of the inhabitants of a given village, originating from other villages. The Manden and Dogon humor permeates all spheres of the traditional way of life, and it plays one of fundamental roles in the manner of communication, in the theater and in oral literature. Thus, satire is aimed either at resolving possible conflicts in the absence of mutual understanding between representatives of various social, age and other groups, at resolving conflicts associated with violation of etiquette. All satirical folklore genres function on this basis. Fairy tales and anecdotes ridicule violations of the norms of etiquette inherent in this particular culture. The folk theater touches on topical, actual violations of traditional norms of behavior. In conclusion, the authors note that humor is one of the foundations of the “virtual” reality of the culture created by these societies. When such regulators are violated and their semantic content changes, the whole reality and even the very existence of these peoples will change.*

Keywords: Mali, Bambara, Dogon, Kòtèba, Kòréduga, traditional theater.

For citation: Zavyalova O.Yu., Kutsenkov P.A. Tradition and Literature (Culture of Laughter of Mali and Guinea). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 150–160. DOI: 10.31857/S086919080016046-7

Слово *Kòtèba* буквально переводится как «большая улитка» (улитка также является и символом города Сегу, столицы одноимённого региона Республики Мали и неофициальной столицы народа бамбара). Предположительно, оно происходит от того, что актеры и зрители располагаются подобно улитке на деревенской площади, где, как правило, проводятся все массовые мероприятия и представления. В центре находятся певцы, затем музыканты, за ними танцоры и актеры, далее публика: дети, женщины, мужчины. Во время танца группы танцоров также двигаются «улиткой»: танцоры мужчины и женщины выстраиваются по кругу и танцуют в противоположных направлениях¹. Котеба – народный театр, основанный на фарсе и сатире, он состоит из музыкальной части и собственно представления. Хотя женщины входят в союз Котеба, раньше они в представлениях не участвовали: все роли исполняли актеры-мужчины. Сейчас это правило уже не соблюдается.

Как и многие мероприятия, Котеба проводится после сбора урожая, когда полевые работы закончены и жители деревни могут отдохнуть. Они собираются ночью, чтобы танцевать, петь и разыгрывать небольшие сценки. В традиции Котеба первая часть вечера посвящена танцам, после чего уже начинается театральное представление. Актеры, как правило, из молодежи. Суть самого представления – сатира над тем, что представляется неправильным в жизни деревни, высмеиваются нарушения норм жизни деревенской общины. Союз Котеба большое внимание уделяет моральным ценностям не только внутри своего сообщества, но поддерживает их и в социуме как целом.

¹ Имеются и другие версии тех причин, по которым театр стал называться «улиткой». Так, по мнению Гауссу Диавара, «Сравнение драмы с улиткой происходит от того, что до и после спектакля большая маска в форме птицы исполняет на площадке великолепный танец. Она настолько хорошо и быстро вертится, что похожа на волчок для игр молодёжи, сделанный из раковины улитки. Птица, или Коно, похожа на эту раковину, но достигает 4 м в диаметре. Она движется под звук даро (колокольчик, звон которого служит ей ориентиром) [Диавара, 1981].

Часто актёры белят свои лица, импровизируют в форме диалога, используя при этом и пантомиму. Существуют несколько стереотипных персонажей Котеба, хорошо известных широкой публике: ленивый крестьянин, деревенский петух (бабник), торговец-вор, марабут-шарлатан, и др. Те же самые персонажи встречаются и в анекдотах. Настоящие имена «действующих лиц» не называются никогда, чтобы не унижать людей. Подразумевается, что виновник сам узнает себя и сможет исправить свое поведение. В наши дни существует множество театральных трупп, практикующих представления на основе Котеба, их выступления можно увидеть в Ю-Туб, они очень популярны и в Мали, и в Гвинее, и на языке бамана, и на французском.

Театр выполняет функции и развлечения, и поучения. Представление состоит из двух частей: танцевальной части и собственно представления, которое длится около трех часов. В Котеба задействованы разные формы искусства: разговорный театр, пантомима, танцы, маски, пение (подр. о ритуале см.: [Puren, 2009]). Представление Котеба может быть связано с определенными негативными событиями в деревенской жизни, такими как воровство, прелюбодеяние и т. д. Оно может быть приурочено к каким-то важным событиям, например, к свадьбе (в этом случае действие продолжается весь день (илл. 1))². Свадебный Котеба играется для невесты, как всегда, в юмористическом ключе. В постановке представляются два варианта семейной жизни: с хорошей женой и с нерадивой женой, невесте как бы предлагают выбрать лучший вариант ее будущего поведения. Кроме того, существует определенная дата (после сбора урожая), которая выбирается каждый год союзом Котеба и называется днем Котеба. В этот день сначала происходит общая трапеза (большой обед, на который приглашаются жители соседних деревень, где они все обсуждают общие проблемы). Затем вечером происходит Котеба.

С 1980-х гг. Котеба стал практиковаться и в городах, развивает его движение актеров. Невероятная популярность этого движения оказала большое влияние на политику Мали. Функции Котеба значительно расширились за последние годы: появился телевизионный театр *Kòtèba*, реклама от *Kòtèba*, терапевтический вариант театра и т. д. Сейчас в Мали популярны фестивали, например, театральные дни Гимба. Традиционный театр чаще стал высмеивать политических или административных деятелей и их действия, он стал более политизированным и современным, часто оппозиционным.

У дьюла Конг народный театр называется *Bara*. Слово происходит от *bàra* 'танцы, место для танцев'. Вага включает в себя и песни, и повествования. Основную роль играет актер, которому аккомпанируют два музыканта. Как правило, представление предназначено для семьи, ближайших родственников или для друзей. «Режиссер» спектакля (тот, кто организует действие) появляется на небольшой площадке, принадлежащей всему кварталу, где проходят публичные мероприятия. Сами дьюла говорят, что им показали этот театр духи, которые в образе обезьян в саванне на пути основателя рода Ватара продемонстрировали ему театральное представление. Так члены семьи Ватара стали хранителями народной театральной культуры [Derive, 1986].

Характерная черта театральной смеховой культуры народов Мали и Гвинеи – вовлеченность всех присутствующих в юмористическое действие. Не бывает, что вам показывают или рассказывают нечто смешное, не имеющее отношения именно к вам. Это действие всегда так или иначе будет касаться вас: это может быть и театральное представление, и анекдот, и сказка. Чаще встречается именно подшучивание, так как оно предполагает вовлечение и ответ. Юмор при этом укрепляет общение, позволяя даже незнакомым людям легко включаться в беседу. Как и во всей устной традиции, при этом обязательно создается ситуация диалога. При таком общении необходимо постоянное внимание к разговору, и

² Иллюстрации к статье находятся на цветной вклейке.

людям приходится быть всегда «наготове», так как требуется незамедлительная реакция – подобные действия сродни соревнованиям. Так, в январе 2020 г. в деревне Сиби (примерно 40 км к западу от Бамако) местные гриоты устроили концерт для участников Малийской экспедиции ИВ РАН, и во время него подвергли осмеянию и их, и присутствовавших там француза и догона. Шутки не были обидными – в основном варьировалась тема того, что вот, сидят тут эти русские и француз, сидят, но ничегошеньки в происходящем не понимают, а о догоне («младший брат» по сананкуйя живущих в Сиби манинка) и говорить нечего.

Это и есть вторая важная черта театральной смеховой культуры – юмор и смех делает необходимыми пародию на чье-либо поведение или поддразнивание кого-то. Это очень важно, так как в противном случае такие вещи могли бы казаться оскорбительными, что для манден неприемлемо. Гротеск же выводит событие за грани реальности и делает его более абстрактным, чтобы никого не обидеть.

Сатира, ирония и самоирония, осмеяние, распространяются на все области жизни народов Западной Африки. В Буркина-Фасо, например, в лучших традициях сенанкуя работал журнал *Journal du jeudi* [*Journal du jeudi*, 2016], который высмеивал политиков и в сатирической манере представлял различные новости. Сейчас в Мали и окружающих ее странах идет бурная исламизация, что, так или иначе, влияет на культуру. Это хорошо заметно в Гвинее и на западе Мали, но в несколько меньшей степени – на востоке центральной части Мали. Можно точно сказать, что юмор сегодня не столь популярен, как раньше, так как мусульманское поведение отличается сдержанностью и серьезностью, что, впрочем, характерно для любого религиозного поведения. Это, между прочим, является один из факторов несоответствия ислама традициям манден, что вызывает неприятие у местных жителей, которые начинают высмеивать в итоге и мусульманское поведение, и каноны. У догонов такая серьезность вызывает ещё большее раздражение, и является одной из причин их разочарования в исламе³.

Ещё один традиционный институт, связанный со смеховой культурой Манден – *Kòreduga*, тайный союз «шутов» (*kòreduga* / *kòrɔjuga*; *kòre* – фетиш и его тайное общество, *duga* – гриф). Некоторые считают, что Коредуга – это название касты. Однако, стать коредуга может представитель любого джаму, пройдя церемонию посвящения, хотя, как правило, мастерство передается из поколения в поколение. Членами данного союза могут быть представители всех социальных и профессиональных групп, независимо от этнической принадлежности, пола или религии. Статус коредуга наследуется, обучение выполняется духами или мастером. Основные знания и умения передаются во время ежегодных церемоний посвящения [*La société secrète*, 2019]. Выступают коредуга на больших церемониях, праздниках и других мероприятиях. Так, О.Ю. Завьялова встречала их на официальной церемонии в честь открытия школы, на которой присутствовал министр культуры Гвиней (илл. 2). Коредуга, могут быть одеты в яркие одежды, или в рванье, обвешаны кучей ненужных предметов, ожерельями из красной фасоли, в больших очках, могут скакать на палках, изображающих лошадь, и т. д. Их задача – веселить публику своими выходками и шутками. Однако, манден считают, что смех соседствует с мудростью, и шутки коредуга поучительны или саркастичны. Пословица бамана гласит: «*Mɔ̀gɔ̀ya ye hakili ye*» – «Человечность – это ум (мудрость)».

Согласно пресс-релизу Национальной дирекции культурного наследия Мали, представленному ЮНЕСКО, «Тайное общество Коредуга – обряд мудрости, который занимает центральное место в культурной самобытности общин бамана, манинка, сенуфо и самого» [*La société secrète*, 2019]. Институт Коредуга внесен ЮНЕСКО в 2011 г. в список нематериального наследия, нуждающегося в срочной охране.

³ О непростых отношениях догонов с исламом см.: [Куценков, 2020].

Как считают сами манден, коредуга являются хранителями мудрости и обладают большими знаниями. Члены этого союза также выступают в качестве общественных посредников во время возможных споров или переговоров и играют ключевые роли на фестивалях и во время других публичных мероприятий. В пресс-релизе также говорится, что «Коредуга также являются традиционными травниками и врачами, чьи знания о растениях помогают лечить болезни, бесплодие, предотвращать неудачи...» и т. д. Они, как и охотники, умеют изготавливать *basi* (магические средства).

Во время экспедиции в Гвинею, в деревню Баланинборо округа Сигири (1999), мы познакомились с семьей фетишеров Камисоко. Они умели сращивать кости и любые трещины из глины. При нас они зарастили трещину на стене глинобитной традиционной хижины. Старший Камисоко умел приготавливать лекарства. Одновременно они выступали главными персонажами во всех деревенских праздниках. В этой деревне, которая до сих пор очень традиционна и живет почти так же, как и сто лет назад, коредуга как таковых не было. Однако была семья, которая фактически исполняла их функции. О.Ю. Завьялова не наблюдала там прямого шутовства: эти люди были заняты только организацией развлекательных мероприятий и лечением. Следующий наш визит в эту деревню показал, что очень большое количество мужчин в ней стали *soma* – фетишерами, знахарями и гадалщиками. Это уже были представители различных семей⁴, все они помогали охотникам. Нам даже сказали, что Баланинборо – деревня фетишеров.

Принципы, которые исповедуют Коредуга, аналогичны принципам многих других союзов и самого общества манден: щедрость, терпимость, безобидность (не вредить другим – главенствующий принцип социума манден), а также получение новых знаний. Их поведение должно демонстрировать образец следования тем самым нормам поведения, хранителями которых они являются.

Таким образом, юмор у манден пронизывает все сферы традиционного образа жизни, а в манере общения, в театре и в словесности он играет одну из основополагающих ролей. Так, сатира нацелена либо на урегулирование возможных конфликтов в случае отсутствия взаимопонимания между представителями различных социальных, возрастных и других групп, и на урегулирование конфликтов, связанных с нарушением норм этикета. Таким образом, смех дает возможность облегчить коммуникацию между людьми, создавая комфортную ситуацию в любых положениях, и позволяет им в процессе общения избегать стеснительности и неуверенности. Поскольку устное общение у африканских народов намного более значимо, чем у европейцев, и является основной составляющей жизни как социума в целом, так и каждого индивидуума, то нельзя недооценивать роль смеха и юмора в традиционной культуре. Необходимо также отметить то, что смех и юмор в обществе манден всегда соседствует с мудростью и знаниями: это можно заметить и в устной традиции, и в традициях Котеба и Коредуга, причём, эта черта всегда отмечается самими носителями культуры.

Организация смеховой культуры догонов заметно отличается от манден. Прежде всего, театра наподобие Котеба у них нет. Однако шуты в их культуре занимают весьма заметное место. На языке тенкан их называют *alamonyou* (*ala* – лицо, *tonyou* – противное. См. илл. 3) на языке торо-со – *alamojou*. Во время церемоний масок и вообще всех ритуальных действий они облачаются в бесформенный костюм коричневого цвета, покрытый лоскутами ткани и обрывками веревок, так что лица не видно. *Alamonyou* являются хранителями и хозяевами бруссы, и в этом пункте их деятельность пересекается с миром джинна (духов), которые повсюду в Западной Африке считаются хозяевами вод и земель. «Должность» *alamonyou* передаётся по наследству.

⁴В частности, один из сыновей бывшего вождя деревни, Секу Кейта, стал известным охотником (хотя в первый визит не мог попасть и в куропатку), а второй младший сын Муса Кейта стал *soma* и помогал старшему на охоте.

Большое значение для повседневной культуры имеют женщины-шуты – *yayeré* (илл. 4). Слово это переводится как «пришлая женщина» (*ya*– женщина, *yeré*– пришлая, ещё одно значение – «вчера прибывшая» (яз. тенкан). Дело в том, что *yayeré* может быть только уроженка другой деревни, вышедшая замуж за члена данной общины. Так, *yayeré* является Маимуна, жена самого уважаемого жителя квартала Огоденгу деревни Энде, Сейду (Жюстена) Гиндо, который дважды избирался мэром сельской коммуны Кани-Бонзони, куда входит и д. Энде. *Yayeré* облачаются в одежду своих мужей (бubu марабута, рубаху охотника и т.д.), и во время деревенских праздников пародируют слова и действия окружающих. Так, во время церемонии открытия ирригационной системы в квартале Энде-Торо 15 ноября 2017 г., Маимуна в охотничьей рубахе своего мужа пародировала официальных лиц, приехавших из самого регионального центра, Мопти.

* * *

Если перейти в область словесности, то следует отметить, что шутки и «подкалывания» присущи не только сказкам, самому распространенному фольклорному жанру, но и такому «серьёзному» жанру, как эпос: в сказании храбрый герой может подшучивать над правителем, гриот – над своим патроном или другим правителем (но только по заданию своего патрона). В традиции высмеивание может быть как безобидным, играющим роль катализатора общения, снимающим возможные конфликты, так и провокационным, несущим скрытые смыслы, оскорбление (в отношениях между теми, кто не связан по шуточному родству, где оскорбления неприемлемы). Например, гриот правителя Дуга Коро, Коре, от имени своего патрона подарил Да Монсону подарки, предназначенные для невест, таким образом «обозвав» его женщиной, высмеял и оскорбил его, в итоге спровоцировав войну между Коре и Серы [Sissoko, 1977]:

Он [Дуга] встал, хихикая и долго потягиваясь.

«Немедленно иди в Сегу, – сказал он рабу, – чтобы сообщить Да Монсону, что хлопок прибыл в Коре. Наши женщины тянули тюки с нитками. Его репутация ткача мне известна. Пусть он придет ко мне на службу за хорошие деньги».

«Он снова лег, все ещё хихикая, взял свою бутылку вина, опустошил ее и приказал, чтобы гриоты играли сильнее...».

Да Монсон, получив оскорбление, не проявил ни малейших признаков гнева. Он даже нашел в себе силу изобразить добродушную улыбку на губах:

«Таиджи Тигиба, родившийся Тигиба Данте, – сказал он своему гриоту, – ответь этому так, как тебе нравится».

«Посланник Дуга Коро из Коре, – сказал старый советник, – скажи своему господину, что правитель Сегу просит три месяца, чтобы освоить профессию».

Когда посланник вышел из тронного зала, Да Монсон был безумно зол [Diabate, 1970, p. 69–78].

Именно высмеивание, острота шутки котируются и у гриота, и у воина. Высмеивание противника является традиционным приёмом снижения самооценки противника и, соответственно, снижения его способностей (этот прием часто использовали воины перед битвой). Но работает он только тогда, когда заявление более-менее адекватно, соответствует реальности и способностям говорящего. В противном случае завышенные претензии работают так же, как и завышенная самооценка, – приводят к краху, снижая собственные возможности индивида.

Литературные и фольклорные шутки и анекдоты у манден также распространены и очень популярны. В газете Кибару (Бамако) есть популярная рубрика «Давайте посмеемся», куда читатели присылают разные смешные истории.

Необходимо отметить, что сказки, повествующие о мире людей или мире животных (так называемые бытовые и животные), по большей части именно юмористические. Шутки же, которые приближены к жанру анекдотов, часто достаточно простые, без скрытых смыслов, и в этом отношении сродни сказкам. Практически в любом общении есть место таким шуткам, хотя сказки и смешные истории будут рассказывать скорее вечером, после захода солнца. Совершенно так же это выглядит и у догонов.

Как и у других народов, проявления чувства юмора можно встретить и в паремии, в пословицах и загадках. В наши дни развивается жанр анекдота, но пока что он очень неоднороден. Смешные истории и анекдоты различаются по степени сложности их понимания. Так, сказки-анекдоты, истории про сумасшедших, истории с путаницей в словах и высказываниях (про детей и стариков) являются более простыми и доступными для понимания и взрослых, и детей. Типичными героями смешных историй-полусказок являются марабуты, воры, представители других этносов, торговцы, неверные или глупые жены. Такие истории основаны на выявлении глупости или хитрости, они немного сложнее для восприятия. Ещё более сложные истории – полноценные анекдоты: это повествования со запутанными связями, с большой степенью недосказанности, которые требуют обязательного включения навыков логического мышления и знания местных стереотипов поведения и реалий (подр. см.: [Завьялова, 2019]). Как и современные шутки, которые можно услышать по телевидению, в выступлениях стендаперов, они относятся, скорее, уже к городскому фольклору (или являются авторскими).

В смешных историях встречаются персонажи традиционного театра бамана: это всё те же ленивый крестьянин, деревенский «петух» (бабник), торговец-вор и марабут-шарлатан. Шутки, обыгрываемые в традиционном театре или используемые в историях с этими персонажами, довольно просты, они основаны на очевидных нарушениях правил поведения в социуме: в них высмеиваются глупость и явные пороки, мешающие коллективу, такие как жадность, ложь, прелюбодеяние и т. д.

Отметим, что манден – весьма чуткие к окружающим люди, ещё со времен Хартии Куруканфуга (илл. 5, 6) у них запрещено унижать других людей. Хартия гласит, что врага можно убить, но нельзя пытаться или унижать его человеческое достоинство (статья 32 [La Charte de Kurukafuga, 1998, p. 9]). Поэтому все без исключения шутки в отношении другого человека должны быть ограничены определенными рамками. Никогда никто не унижит мать другого. Жена не унижит мужа, а муж – жену. Если шутят с человеком более старшим по возрасту, то шутки всегда очень корректны, а вот шутить со старшим по положению можно и даже нужно более остро, но все же зная время и место. Нельзя шутить над *dugutigi* (вождем деревни). Исключение составляет только глава рода гриотов Куяте, который является сенанку (партнером по шуточному родству) вождя, так как вождями деревень в районе Ньягассоля могут быть только Кейта, а их гриотами – только Куйате. Но и в этом случае шутки не бывают грубыми или обидными. Интересно отметить, что женщины очень остро и часто фривольно шутят с чужими мужчинами (соседями, родственниками по браку, предпочитая соответствующих их возрасту), но не с отцами, дядьями, мужьями (по крайней мере прилюдно) и со старшими братьями. При подшучивании все равно действуют в первую очередь законы старшинства, вежливости, то есть основной принцип *m̄gzuu* (человечность) всегда будут доминировать, и никакие подшучивания не могут его нарушить⁵.

Например, в своем интервью по поводу конфликта между догонами и фульбе Карамого Фабла Думбия напрямую связывает *senankunya* (шуточное родство) и *m̄gzuu* народной этимологией: «Одна из эффективных стратегий предотвращения конфликтов – “шуточное

⁵ *M̄gzuu* – базовое понятие у манден, в которое входят основные принципы взаимоотношений, первый из которых *bonu* (система уважительных отношений).

родство», называемое на бамбара «*sanankuya*»⁶, это слово на самом деле происходит от «*son mogoya*», что означает “принятие других людей во всем их разнообразии, с их недостатками, и т. д.” Эта традиция может помочь решить многие проблемы в обществе... и способствовать справедливости» [Doumbia, 2019]. Шутливые отношения, характерные для культуры манден, закреплены, так сказать, на законодательном уровне в Хартии Курукан Фуга – устном документе, в котором провозглашены все основные законы устройства социума в только что образованной тогда (1232 год) империи Мали. Статья 7 Хартии гласит: «Статья 7: Среди Манден устанавливается институт «*senankunya*» (шуточного родства) и «*tanatanuoya*» (форма тотемизма).

Следовательно, никакие споры, возникающие между этими группами, не должны обостряться, уважение к другим является правилом.

Между зятьями и золовками, между бабушкой и дедушкой и внуками принцип терпимости и шутливых игр должен быть основным». [*La Charte de Kurukafuga*, 1998, р. 7].

Действие высмеивания, сами шутки столь действенны и популярны у бамана, так как отношение к ним у всех народов манден (и у догонов) основано на представлении о роли Слова. Для манден оно материально, в нем, как и во многих других объектах, есть сила *nyama* (внутренняя энергия), которую человек может направить на другого. Кроме этого, для манден очень важно понятие репутации. Важно даже не то, что человек действительно сделал, а как об этом говорят люди⁸. Так как это показывает его значимость и значимость его действия для коллектива. Соответственно высмеивание может «опустить рейтинг» человека в социуме. Так включается механизм боязни стыда. «Лучше смерть, чем стыд», гласит пословица бамана («*Saya ka fisa malo ye*»). Поэтому так опасно слишком унижать человека, и в то же время так действенно высмеивать его недостойное поведение. Таким образом, смех – лучший регулятор жизни общества.

* * *

У манден есть несколько основных понятий-регуляторов социального поведения, которые требуют отдельного изучения, описания и анализа. Простой их перевод полного понимания не дает, так как их значение намного шире словарного. Эти слова – *mɔgɔya*, *bonyu*, *danbe* и *malo*.

Основой всех социальных взаимоотношений манден является *mɔgɔya* – человечность, то есть то, что определяет человека, как члена социума. Человечность основана на принципе взаимности поведения и превентивности поведения: ты ведешь с человеком себя так, как хочешь, чтобы он вел себя с тобой.

*mɔgɔya*⁹

- 1 • человечность
- 2 • совершеннолетие
- 3 • вежливость, социальные отношения, знание правил поведения.
- 4 • доброта, готовность помочь, любезность

⁶ Основной вариант на языке бамана *sɛnankunya* (другие варианты: *sɛnenkunya*, *sɪnankunya*, *sànankunya*).

⁷ *Sòn mɔgɔya* – ‘сердечная человечность’ или ‘человечность согласия’.

⁸ Такое же отношение к Слову прослеживается и у догонов. Так, принадлежность к их этносоциальному организму предполагает принятие общедогоновского мифа о происхождении из Страны манде. Это относится и к тем группам, которые приходили, например, с территории современной Буркина-Фасо. В то же время, в деревенских и квартальных устных исторических преданиях сохраняется память о миграциях, нередко противоречащая этому мифу.

⁹Здесь и далее перевод по словарю-справочнику языка Бамбара [*Bamadaba bamanankan danegafe*, 2020].

mɔ̃gɔ не является свойством любого человека вообще, так как *mɔ̃gɔ* (человек) – это именно «человек, как член социума», т. е. это свойство только взрослого человека, полноправного члена коллектива.

Bɔ̃nɔ:

- 1 • размер, объем
- 2 • изобилие, важность
- 3 • интенсивность, сила
- 4 • уважение, внимание, почтение.
- 5 • подарок (чтобы проявить уважение).

Даже только по словарной статье можно утверждать, что принцип уважения *bɔ̃nɔ* основан на внимании, почтении, выделении важности человека, а также на традиции дарения подарков. Подарок – знак уважения. Младший уважает старшего, жена уважает мужа и его родню, муж – жену, дети уважают родителей. Проявляется это в речи и в поведении. Если человек не выказывает должного уважения к другим, его считают никчемным, пустым.

Dà̃nbe:

- 1 • достоинство, честь.
- 2 • гордый взгляд
- 3 • репутация, известность

Честь, достоинство, репутация и известность взаимосвязаны. Поэтому говорят, что важны не сами поступки человека, а то, что о нем говорят: репутация и известность являются основой чести и достоинства.

Однажды один пожилой гвинец из Ньягассоля сказал О.Ю. Завьяловой, что с усилением ислама, люди стали хуже. Раньше поступки каждого были перед глазами других людей, и он отвечал за свои поступки перед другими людьми. Теперь же человек отвечает только перед Аллахом, что позволяет ему часто вести себя недостойно: Аллах далеко, и проступки могут остаться безнаказанными. Но на самом деле мнение других людей все ещё очень значимо и у манден, и у догонов, и по-прежнему остается основным регулятором поведения людей, особенно в деревнях.

Mà̃lo:

- 1 • позор («Лучше смерть, чем позор»).
- 2 • готовность испытывать стыд за недостойное поведение
- 3 • смущение
- 4 • стыд

Стыд указывает на нарушение человеком норм поведения, соответственно, акцентуация роли стыда показывает важность именно норм поведения. Слово у манден и догонов действительно играет огромную роль. Оно не только может дать или отнять силу человека, энергию Ньяма (согласно традиционным верованиям), но может дать человеку жизнь в коллективе или отнять ее: “*Kuma te mɔ̃gɔ bolo, mɔ̃gɔ be kuma bolo*” («Речь (слово) не в руках человека, человек в руках речи»). Высмеивание недостойного поведения вызывает у человека чувство стыда. Благодаря этому в Мали и Гвинее так развита смеховая культура: сами люди (их мнение) являются основным критерием их поведения.

Именно так функционируют все фольклорные жанры, основанные на сатире, или включающие в себя сатиру: анекдот и юмористические сказки базируются на типичных нарушениях норм поведения. Причем, сказки – на более общих (общечеловеческих) нормах поведения, анекдоты, – скорее, на частных, как правило, присущих именно этой культуре и непонятных для носителей других культур. Народный же театр, в свою очередь, затрагивает именно текущие, актуальные нарушения норм поведения членами данного социума.

Все вышеназванные основные понятия традиционного общества манден, его регуляторы, являются основой, если так можно выразиться, той «виртуальной» реальности (или культуры), которую создали данные социумы. При нарушении или отвержении таких регуляторов, при смене их смыслового наполнения изменится вся реальность, само существование этих народов. Подобные собственные реальности есть у любого этноса. Вот почему каждый народ готов до последней капли крови отстаивать собственные ценности: только так можно сохранить реальность своего существования и, соответственно, самих себя. Таким-то образом мы создаём культуру, а она – нас. Виртуальная реальность не переносит инородные объекты внутри себя, поскольку они разрушают её. Именно поэтому мы никогда полностью не выпускаем представителей иных культур в свой мир: можно только посмотреть со стороны. Манден же, посредством предоставления некоторым иностранцам своего джаму, выпускают их в свою реальность, не угрожая ей.

Таким образом, система шуточных отношений представляет собой ещё один механизм защиты и сохранения «своей» реальности и идентичности. Чужим через нее пройти трудно, но освоив ее, человек чувствует себя своим в этой культуре, и она его не отвергает. Поэтому-то в систему шуточных отношений и подшучивания вовлечены все этносы, плотно контактирующие друг с другом внутри единой культурной системы (приблизительно на территории бывшей империи Мали и окрестностях в эпоху ее расцвета).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Диавара Гауссу (Мали). Котеба – традиционный театр бамбара. *Пути развития театрального искусства Африки. Сборник научных трудов*. Сост. В.М. Турчин. – Москва: ГИТИС, 1981. С. 56–67 [Diawara Gaussu (Mali). Koteba – Traditional Bambara Theater. *Ways of Development of the Theatrical Art in Africa. Collection of Papers*. Comp. V.M. Turchin. Moscow: GITIS, 1981. Pp. 56–67 (in Russian)].

Завьялова О.Ю. К проблеме определения жанра анекдота у народов манден. *Вестник Московского Университета*. Серия 13: Востоковедение. № 1. 2019. С. 92–107 [Zav'ialova O.Yu. To the Problem of Determining the Genre of an Anecdote in Manden. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Seriya 13: Vostokovedenie. No. 1. 2019. Pp. 92–107 (in Russian)].

Завьялова О.Ю., Куценков П.А. Смеховая культура народов Мали и Гвинеи (сенанкуя). *Восток (Oriens)*. 2020. № 4. С. 150–160 [Zav'yalova O.Yu., Kutsenkov P.A. The Laughing Culture of the Peoples of Mali and Guinea (Senankuya). *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 4. Pp. 150–160 (in Russian)]. DOI: 0.31857/S086919080010813-1.

Куценков П.А. Ислам и догоны. *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Том 4. Зона Сахары-Сахеля и Африканский Рог*. Отв. ред.: И.В. Пономарев. М.: Институт Африки РАН, 2020. С. 87–105 [Kutsenkov P.A. Islam and Dogon. *Islamic Radical Movements on the Political Map of the Modern World. Vol. 4. Sahara-Sahel Zone and the Horn of Africa*. Resp. ed., introduction, bookmark: I.V. Ponomarev. Moscow: Institute for African Studies, 2020. Pp. 87–105 (in Russian)].

Bamadaba bamanankan dapegafe / dictionnaire du Corpus bambara de référence <http://www.mali-pense.net/bm/lexicon/m.htm#Misali> (accessed: 09.11.2020).

Derive G. *Le fonctionnement sociologique de la littérature orale. L'exemple des dioula de Congo (Cote d'Ivoire). T. 1, 2.* Pour le doctorat d'Etat et Lettres et Siences humaines. Paris, 1986.

Diabate, Massa Makan. *Janjon, et autres chants populaires du Mali.* Paris: Présence Africaine, 1970. Pp. 69–78.

Doumbia, Karamoko Fabla. *Le sanankuya peut sauver le centre du Mali.* <http://bamada.net/%EF%BB%BFkaramoko-fabla-doumbia-le-sanankuya-peut-sauver-le-centre-du-mali>. (accessed: 07.09.2020).

Journal du jeudi. https://www.journaldujeudi.com/fixe/fs_une.htm (accessed: 25.12.2019).

La Charte de Kurukafuga. Radio rurale de Guinee. Kankan, 12.03.1998. <http://www.humiliationstudies.org/documents/KaboreLaCharteDeKurukafuga.pdf>. (accessed 11.04.2020).

La société secrète des Kôrêdugaw, rite de sagesse du Mali. <https://ich.unesco.org/fr/USL/la-societe-secrete-des-koredugaw-rite-de-sagesse-du-mali-00520> (accessed: 25.01.2019).

Puren O. Le kotéba : théâtre traditionnel malien. *La revue de Theran.* N° 40, 2009 <http://www.teheran.ir/spip.php?article910#gsc.tab=0> (accessed: 27.12.2019).

Sissoko B. *Da ka Kore kele.* Bamako: EDIM, 1977.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЗАВЬЯЛОВА Ольга Юрьевна –
к. филол. н., доцент, Восточный факультет
Санкт-Петербургского государственного
университета, Санкт-Петербург, Россия.

Olga Yu. ZAVYALOVA, PhD (Philology),
Associate Professor, Department of African
Studies, Faculty of Asian and African Studies,
Saint Petersburg State University, Saint
Petersburg, Russia.

КУЦЕНКОВ Петр Анатольевич –
кандидат искусствоведения, доктор культуроло-
гии, ведущий научный сотрудник, Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия.

Piotr A. KUTSENKOV, PhD (Art History),
DSc (Cultural Studies), Leading Research Fellow,
Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow,
Russia.

DOI: 10.31857/S086919080016080-5

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ СЕМЬИ
В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ

© 2021

И.Г. РЫБАЛКИНА ^а^а – Институт Африки РАН, Москва, Россия;
ORCID: 0000-0003-2590-4084; i.rybalkina@inafr.ru

Резюме: Статья посвящена теме большой значимости, что отразилось в важнейших международных документах ООН – Целях развития тысячелетия 2001 г. и Целях устойчивого развития 2015 г. Исследуются трудности реализации программ планирования семьи в странах Тропической Африки, отношение правящих кругов и народных масс к данной проблеме на фоне многовековых традиций многодетности, полигинии, глубокой религиозности и множества других социокультурных стереотипов. Несмотря на усилия финансовых доноров, международных организаций и фондов, в большинстве из 48 государств Африки южнее Сахары распространение средств контрацепции происходит замедленными темпами, рождаемость в ряде стран «застыла» на высоких показателях, в иных снижение уровня фертильности происходит низкими темпами.

Но на континенте имеются и позитивные примеры, когда употребление контрацепции достигает рекомендованных международными экспертами-демографами 70%, а рождаемость постоянно снижается, приближаясь к заместительному уровню. Это Эфиопия, Руанда, Мадагаскар, Гана, Кения, страны южноафриканского региона. Вероятно, успехи реализации курса на планирование семьи и сокращение рождаемости объясняются прежде всего консолидированным подходом к данной сложной проблеме правительственных кругов совместно с НПО, частными, общественными и международными организациями при решающей роли международных доноров и финансовых фондов. Для изменения общественного мнения в странах Тропической Африки в пользу снижения рождаемости было активно задействовано множество каналов СМИ, агитационных, информационных, медицинских программ и пр.

В процессе эволюционного социально-экономического развития показатели фертильности будут снижаться. Но в ближайшие несколько десятилетий еще будет наблюдаться увеличение численности населения ряда стран АЮС не только в два, но и в три раза. Без зарубежной финансовой помощи народам, прежде всего Центральной и Западной Африки, не справиться с данной проблемой. Запад будет оказывать им всемерную поддержку в попытках предотвратить количественное увеличение глобальных миграционных потоков.

Ключевые слова: Африка южнее Сахары, нормы многодетности, планирование семьи, фертильность, традиционализм, снижение рождаемости.

Для цитирования: Рыбалкина И.Г. Социальные особенности проблемы планирования семьи в Тропической Африке. *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 161–172. DOI: 10.31857/S086919080016080-5

SOCIAL PECULIARITIES OF THE FAMILY PLANNING PROBLEM
IN TROPICAL AFRICA

© 2021

Inna G. RYBALKINA ^a

^a – Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2590-4084; i.rybalkina@inafr.ru

Abstract: *The subject is reflected in the important international documents of the UN – the Millennium development Goals 2001 and the Sustainable development Goals 2015. The article examines implementing family planning programs in Tropical Africa, analyzes the attitude of ruling circles and people masses to this problem in the context of centuries-old traditions of having many children, great value of free child labor in agriculture, polygyny, religiosity and other socio-cultural stereotypes. Despite the efforts of international organizations, most of the 48 countries in sub-Saharan Africa are experiencing a slow spread of contraception, the birth rate is “stalling” at high rates, or the decline in fertility is slow.*

But there are some positive examples of countries, where the use of contraception reaches the 70% level recommended by international experts-demographers, and the birth rate is decreasing, approaching the replacement level. These countries are Ethiopia, Rwanda, Madagascar, Ghana, Kenya, and the countries of the South African region. It is likely that the success of family planning and the reduction of the birth rate are due to the consolidated approach of government circles, NGOs, private, public and international organizations, with the crucial role of international donors and financial funds.

In the course of evolutionary socio-economic development, fertility rates will decrease. But in the next decades, there will still be an increase in the population of a number of SSA countries by 2–3 times. Without substantial foreign financial assistance peoples of Africa, especially the peoples of Central and West Africa, will not be able to cope with this problem.

Keywords: Sub-Saharan Africa, norms of large families, traditionalism, family planning, fertility, declining birth rate.

For citation: Inna G. Rybalkina I.G. Social Peculiarities of the Family Planning Problem in Tropical Africa. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 161–172. DOI: 10.31857/S086919080016080-5

Еще в середине XX в. выдающийся политический деятель Джавахарлал Неру подчеркивал, что существовавшие высокие темпы роста населения опрокидывают все планы социально-экономического развития страны [Nehru, 1946], и задача планирования семьи была выделена как важная цель укрепления благосостояния населения.

Быстрые темпы роста народонаселения по сравнению с темпами социально-экономического развития ведут к обострению проблем занятости, бедности, земельного вопроса, продовольственного положения, к низкому уровню образования, ухудшению здоровья населения, снижению его жизненного уровня, деградации окружающей среды. И хотя решение этих и многих иных задач лежит не только в плоскости демографии, социодемографическая политика и ее важная составная часть – планирование семьи – позволяют добиться постепенного замедления естественного роста численности населения, что может облегчить решение указанных проблем [Осколкова, Кушелева, 2005, с. 84].

В настоящее время в связи с усугублением процессов глобальных миграций и многих иных проблем особую остроту обретает вопрос о необходимости сокращения рождаемости

в развивающихся странах. Наибольшие показатели рождаемости фиксируются социодемографами в странах Тропической Африки. Социальные аспекты данной темы еще недостаточно изучены в отечественной науке. Поэтому важным представляется исследование и осмысление процессов, связанных с демографической политикой, которые представляют особую значимость для социально-экономической эволюции развивающихся государств и всего мира в целом.

По мнению многих исследователей, тема планирования семьи требует междисциплинарного подхода, привлечения специалистов различного профиля, не только медиков и демографов, но и социологов, этнологов, экономистов, психологов. Страны очень отличаются по менталитету, традициям, религии, уровню знаний, социально-экономическому развитию. А «воспроизводство населения» – вопрос крайне деликатный, и вмешательство в столь интимную сферу требует осторожного подхода и разностороннего спектра знаний [Осколкова, Кушелева, 2005, с. 90].

В 1950-е гг. первые азиатские государства официально встали на путь планирования семьи. На Африканском континенте первыми странами, приступившими на рубеже 1950–1960-х гг. к осуществлению контроля за рождаемостью, были Тунис и Египет, затем к ним присоединились Кения, Марокко и Гана.

В 1970-е, 1980-е и в начале 1990-х гг. рождаемость в большинстве стран Африки стала сокращаться все более быстрыми темпами. К началу 2000-х гг. среди мирового сообщества распространилась информация о снижении рождаемости в Тропической Африке. По мнению экспертов ООН, ожидалось, что сокращение рождаемости будет продолжаться и в дальнейшем [United Nations, 2012]. Но в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в большинстве стран Тропической Африки снижение рождаемости замедлилось или вовсе прекратилось. Она «застыла» на очень высоких уровнях, в большинстве случаев – 5,5–6 детей на женщину [Коротаев, Зинькина, 2013, с. 30].

ОТНОШЕНИЕ АФРИКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ К ПРОБЛЕМЕ СНИЖЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ

Прежде данному вопросу со стороны подавляющего большинства африканского политического руководства уделялось недостаточное внимание. Результатом слабого социально-экономического развития стал затрудненный доступ к средствам контрацепции в регионе. На взгляды африканских лидеров значительное воздействие оказывали традиционные социокультурные стереотипы. Практика полигинии, господство мужчины, отношение к женщине как к собственности, установки, что женщины должны доказать свою ценность в браке, родив максимальное число детей, – все эти и многие иные факторы влияли на точку зрения африканских политиков в отношении проблемы планирования семьи [Caldwell J.C., Caldwell P., 1987, p. 409–437].

Даже те африканские политические деятели, которые одобряют концепцию планирования семьи, нередко не решаются активно ее поддерживать из опасений массовой конфронтации с избирателями и дополнительных внутривластных проблем. Подобное развитие событий имело место в Мали в 2009 г., когда под руководством премьер-министра Модибо Сидибэ (2007–2011), который прежде был министром здравоохранения (1993–1997) в малийском правительстве, было подготовлено несколько новых поправок к Семейному кодексу Мали 1962 г. Предлагавшиеся поправки (определение брака как светского акта гражданского состояния в отличие от прежнего религиозного таинства, повышение брачного возраста до 18 лет и др.) имели целью способствовать социокультурной модернизации правовых и общественных взаимоотношений. Но они вызвали бурю протеста со стороны

мусульманских фундаменталистов и малийского общества, выступивших единым фронтом в многочисленных массовых демонстрациях на улицах столицы Бамако. В результате все поправки, предложенные премьер-министром, были аннулированы [May, 2017, p. 313–314]. Африканские политики сталкивались с подобными проявлениями массового сознания и во многих других странах континента. Кроме того, высокая степень религиозности населения Африки, которую отмечают специалисты-исследователи, положительно соотносится с высоким уровнем рождаемости [Götmark, Andersson, 2020].

Социально-политическая обстановка в африканских странах и традиционализм массового сознания не способствуют реализации политики сокращения рождаемости. Безусловно, на африканских политических деятелей оказывают значительное влияние мировое общественное мнение, международные источники информации о политике планирования семьи, сокращения рождаемости, защите здоровья матери и ребенка. Они принимают участие в многочисленных международных конференциях и симпозиумах, посвященных данной проблематике, подписывают резолюции, планы действий, программы и рекомендации, что напоминает скорее декларации, чем конкретные обязательства. Но по возвращении в свои страны они сталкиваются с местной реальностью, где среди населения отнюдь не наблюдается стремления к радикальным изменениям в области планирования семьи. В качестве примера можно привести Africa Union's 2003 Women's Protocol и ассоциированный с ним 2010 Maputo Plan of Action on Sexual and Reproductive Health – документы, направленные на борьбу с гендерным неравенством и защиту здоровья женщин. Среди многих африканских стран, подписавших их, лишь в одной стране, Руанде, социальная модернизация была эффективно реализована и закреплена на государственном уровне. Некоторые страны даже не подписали План действий.

С течением времени помимо Руанды позитивные изменения правительственной политики произошли в Кении, Ботсване, Зимбабве и Эфиопии.

О РОЛИ ФИНАНСОВЫХ ДОНОРОВ И НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НПО)

Роль доноров чрезвычайно значительна во многих отношениях: при сборе, аккумулировании и публикации демографических данных, субсидировании программ планирования семьи, поддержке национальных программ народонаселения и развития. Помимо этого, доноры спонсировали издание двух крупных серий демографических обзоров, в частности, the World Fertility Surveys (WFS) и несколько позже Demographic and Health Surveys (DHS), медико-демографические исследования (основная часть финансирования исходила от американского Агентства международного развития (US Agency for International Development, USAID). Международным спонсорам принадлежит и основная роль в формировании демографического мониторинга в ряде африканских стран, прежде всего в таких локальных проектах, как Навронго на севере Ганы и в Пикине, пригороде Дакара, столицы Сенегала. Эти мероприятия по сбору демографических данных, финансировавшиеся с привлечением средств из различных источников, позволили африканским странам глубже осознать проблемы народонаселения и впоследствии разрабатывать программы планирования семьи и политический курс в области вопросов народонаселения.

Донорам также принадлежит решающая роль в создании первых программ планирования семьи на континенте, которые они интенсивно финансировали. Наиболее наглядно их роль проявилась в XX в. в Кении и Гане, которые раньше других приступили к созданию программ планирования семьи, с 1958 и 1959 г. соответственно. В 1970-е гг. рождаемость в Кении была одной из самых высоких в мире. К концу XX в. начался демографический

переход и показатели фертильности снизились до 5 детей на женщину [Heisel, 2007, p. 393]. Затем прирост населения в Кении «застыл» на этой позиции. Во втором десятилетии XXI в. снижение уровня фертильности возобновлялось и снизилось с цифры 4,6 в 2010 г. до 3,9 в 2014 г. [Republic of Kenya, 2015].

В Гане к концу XX в. с помощью финансирования международных спонсоров фертильность составила уже 4,4 ребенка на женщину. А затем ее снижение «застыло» на отметке 4,2 ребенка [Republic of Ghana, 2015].

Помимо Кении и Ганы одними из первых приступили к реализации программ планирования семьи Зимбабве и Ботсвана. Программы планирования семьи в Эфиопии, Руанде и на Мадагаскаре также активно субсидировались внешними донорами, прежде всего USAID. В Руанде Всемирный банк оказывал большую поддержку этим программам посредством финансирования соответствующих отделов министерства здравоохранения. Однако вклад USAID был наиболее значительным. Программы по сокращению рождаемости финансировали также UNFPA, UK Department for International Development (DfID, Британский департамент содействия международному развитию) и German Development Cooperation (GIZ, Германское сотрудничество для развития). Отдельные доноры, в частности GIZ, поддерживали и локальные проекты планирования семьи в странах Африки южнее Сахары.

Но реализация принятых правительством постановлений встречала большие препятствия со стороны населения и оказалась чрезвычайно затруднительной. А соответствующие комитеты и комиссии, созданные для данных целей, были организованы при самых различных службах – при министерстве финансов, министерстве планирования, министерстве экономики либо даже при офисе премьер-министра. Задачей этих организаций была координация всех мероприятий, связанных с реализацией политики в области народонаселения; все они находились в зависимости от финансирования зарубежных фондов [May, 2012, p. 62–64]. Большинство из них со временем прекратило свою деятельность, либо осталось существовать лишь на бумаге, либо слилось с другими отделами различных министерств. Но имеются и исключения. Так, кенийский Национальный совет по народонаселению и развитию¹ функционирует не только активно, но и весьма эффективно.

Западные специалисты не раз отмечали значение пропаганды необходимости проведения политики планирования семьи и ликвидации так называемой демографической неграмотности, которая, по их мнению, распространена среди африканского политического руководства, правительственных чиновников, политиков и широких слоев гражданского населения [May, 2017, p. 319].

ИЗМЕНЕНИЕ ПРИОРИТЕТОВ В СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

В 1968 г. американский биолог П. Эрлих опубликовал свою противоречивую книгу «The Population Bomb». Специалисты-демографы опасались бурного роста населения, в особенности в Азии, и усиления деградации окружающей среды; контроль рождаемости стал доминирующей темой для ученых, что инициировало разработку программ планирования семьи. Экологические проблемы также содействовали росту интереса политиков к демографической тематике.

Но в 1990-е гг. в Африке основные усилия и финансовые средства стали направляться на борьбу с эпидемией СПИДа. Предполагалась даже депопуляция в затронутых эпидемией африканских странах [Cleland, Sinding, 2005, p. 1899–1901]. Массовый отток финансовых средств от проектов планирования семьи наблюдался в связи с эпидемией СПИДа до середины 2000-х гг. В настоящее время три четверти инфицированных проживают в

¹ National Council for Population and Development (NCPD).

странах Африки южнее Сахары (АЮС). Но предсказания об уменьшении из-за эпидемии африканского населения не подтвердились [Bongaarts, 2011, p. 214]. Ее демографические последствия были не столь значительны. Благодаря введению антиретровирусной терапии в больших масштабах эпидемия была остановлена. Программы планирования семьи в настоящее время сфокусированы на удовлетворении спроса на контрацептивные препараты.

После почти двух десятилетий сокращения внимания международной общественности к проблемам планирования семьи основные доноры – UNFPA, USAID, Мировой банк, DfID, Фонд Билла и Мелинды Гейтс и фонд Вильяма и Флоры Хьюлетт – усилили финансирование проектов по сокращению рождаемости [Bongaarts et al., 2012, p. VI–VII]. В июле 2012 г. состоялся Лондонский саммит по проблемам планирования семьи. В итоговой резолюции предлагалось обратить усиленное внимание мировой общественности, благотворительных и финансовых организаций, государственных и частных фондов на данную тематику, была одобрена Инициатива по планированию семьи и привлечению ресурсов для улучшения доступа к контрацептивным средствам до 2020 г. в масштабах всего мира. Основными целями Инициативы объявлялись расширение информации по данным предметам, содействие доступу к контрацептивным средствам 120 млн женщин и девушек в 69 беднейших странах мира к 2020 г., многие из которых расположены в АЮС.

О СТЕПЕНИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОГРАММ ПЛАНИРОВАНИЯ СЕМЬИ

Достаточно сложно оценить эффективность программ планирования семьи в АЮС, поскольку они тесно взаимосвязаны и, как правило, функционируют одновременно в русле со многими иными социальными стратегиями развития, в частности, в области здравоохранения и образования, борьбы с бедностью и нищетой, решения многочисленных гендерных проблем и пр. Все эти факторы способны либо содействовать, либо препятствовать решению вопросов сокращения рождаемости [Miller, Babiartz, 2016, p. 10–11].

Среди некоторых позитивных примеров можно отметить осуществление социодемографического проекта в Гане. В 1993 г. правительство Ганы приступило к реализации локального проекта по охране здоровья и планированию семьи в области Навронго, расширяя и усиливая финансирование местных служб здравоохранения. С 1995 г. там проводились регулярные демографические обследования населения. Данные специалистов-демографов за 1995 и 2002 гг. свидетельствуют, что в пропорциональном отношении увеличилось число женщин, предпочитающих меньший размер семьи, и сократилось число африканок, желавших иметь многочисленное потомство [Phillips et al., 2012, p. 175–190].

Социологические исследования в Танзании на рубеже XX–XXI вв. выявили, что в результате агитационных мероприятий и проведенной кампании по планированию семьи уровень фертильности снизился с 4,7 детей на женщину до 4,1; при этом центры здравоохранения показывали лучшие результаты в плане деятельности по сокращению рождаемости, чем больницы и диспансеры [May, 2017, p. 322].

В АЮС реализовывались и специфические программы планирования семьи. Так, в 2003 г. правительство Эфиопии разработало базовую программу здравоохранения для общин, названную Health Extension Program (HEP), которая осуществлялась в рамках местной системы здравоохранения [Admassie et al., 2015, p. 5]. Она начала реализовываться в 2004–2005 гг. и впоследствии функционировала под непосредственным руководством министра здравоохранения. Программа получала финансирование из многих источников, включая Всемирный банк. В настоящее время в рамках программы работают более 35 тыс. сотрудников, которые набирались на учебу в местных общинах при активном участии населения. Они распределялись на работу по всей стране, первоначально в сельской местности, затем

и в городских поселениях. Основной целью было охватить базовой системой здравоохранения максимальное число жителей страны. Составной частью являлось информирование граждан Эфиопии о программах планирования семьи и соответствующих службах, с этой целью сотрудницы посещали индивидуальные домохозяйства и проводили тематические беседы с населением [The Demographic, 2011, p. 291]. В результате к 2015 г. использование контрацептивов в Эфиопии возросло до 42% [Population Reference Bureau, 2015]. Хотя, вероятно, и иные факторы сыграли свою роль – улучшение системы женского образования, постепенное изменение представлений о размерах семьи и численности потомства и др.

В случае с плотно населенной Руандой следует отметить важность таких факторов, как стойкий политический курс ее руководства и неизменная приверженность концепции сокращения рождаемости. После того как эксперты-демографы международной организации Resources for the Awareness of Population Impact on Development (RAPID)², финансируемой USAID, в 2005 г. представили подробный прогноз правительству Руанды об особых опасностях стремительного роста ее населения, руандийские политические деятели кардинальным образом изменили свои представления о программах планирования семьи. Президент Поль Кагаме не только объявил их национальным приоритетом, но правительство также предприняло конкретные эффективные шаги для содействия реализации рекомендованных программ. Прежде всего помощь данных служб и средства контрацепции в Руанде стали бесплатными, в СМИ активно распространялись реклама контрацепции и информация о благоприятном влиянии сокращения размеров семьи на процессы социально-экономического развития страны и повышение благосостояния населения, были улучшены координация и взаимодействие между многочисленными государственными агентствами, частными и неправительственными организациями. При этом финансовая поддержка доноров имела первостепенное значение. Благодаря привлечению всех методов и средств использование контрацептивов возросло до 52% к 2010 г. [Westoff, 2012, p. 171, 176–177].

В Руанде и других странах, где программы планирования семьи имели успешные результаты, в информационных, образовательных и иных разнообразных программах новостей в СМИ также доказывались преимущества небольших размеров семьи. Эти передачи, особенно по радио и телевидению, оказывали значительное влияние на решение о предпочтительном размере домохозяйства [Bongaarts, 2011, p. 214].

В субрегионе Западной Африки, по данным демографов, процент женщин, признающих методы контрацепции, за период проведения опроса с конца 1980-х гг. до 2007 г. повысился с 32 до 39%, а процент имеющих доступ к методам контрацепции вырос с 8 до 29% [Cleland et al., 2011, p. 138]. Доля женщин, использовавших современные методы, выросла с 7 до 15%. В странах Восточной Африки тенденции более четко выражены: ежегодный показатель использования противозачаточных средств вырос с 16% в 1986 г. до 33% в 2007 г. [Cleland et al., 2011, p. 139.] В Западной Африке прогресс в использовании контрацепции представляется более замедленным. Препятствием являются социокультурные стереотипы поведения, вековые традиции многодетности, а доступность противозачаточных средств остается ограниченной. Если ситуация радикально не изменится в короткий срок, то прогнозы ООН в области численности народонаселения для данного субрегиона будут превышены. В Восточной Африке перспективы снижения рождаемости более благоприятные.

Как отмечалось выше, программы планирования семьи сворачивались, либо застыли в 1990-е гг. главным образом вследствие эпидемии СПИДа, отвлекавшей значительные ресурсы от программ снижения рождаемости. Лишь после Лондонского саммита 2012 г., посвященного проблемам планирования семьи, к решению данных вопросов вновь было

² RAPID занимается изучением влияния социодемографических факторов на процессы развития.

обращено внимание во всех регионах развивающегося мира, включая и Африку южнее Сахары.

О НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ПРОБЛЕМЫ

Убежденность руководства африканских стран в необходимости программ планирования семьи и постоянная финансовая и материальная помощь доноров – одни из важнейших условий эффективности курса на сокращение рождаемости. Несмотря на преобладание пронаталистских норм и в целом неблагоприятный традиционалистский социокультурный контекст, нескольким странам из 48 государств АЮС все же удалось реализовать достаточно эффективные программы планирования семьи. В свою очередь, это повлияло на недавнее изменение общественного мнения в странах региона о политике и проектах планирования семьи [Murunga et al., 2012].

Среди специалистов, занимающихся проблемами развития в странах АЮС, возрастает консолидированное убеждение, что устойчивое сокращение показателей фертильности в регионе будет зависеть от снижения младенческой и детской смертности, значительных улучшений в повышении женской грамотности и уровня образования, включая период обучения в средней школе, более настойчивой пропаганды необходимости уменьшения численности потомства и создания программ планирования семьи, располагающих надежной достоверной информацией и качественными службами. Но до сих пор все эти условия еще необходимо создавать во многих странах Тропической Африки.

Со времени Лондонского саммита 2012 г. были аккумулированы значительные ресурсы для субсидирования служб планирования семьи в АЮС. По ряду причин, таких как забота о здоровье женщин (прежде всего необходимость снижения материнской смертности вследствие беременности и родов), стал проявляться интерес африканских правительств к программам планирования семьи. Из 69 стран, на которых было сфокусировано внимание международной общественности в Family planning 2020 Initiative, 39 находятся в АЮС [World Family, 2020]. В частности, в настоящее время снова стало уделяться внимание к планированию семьи в Западной Африке, где сохраняются одни из самых высоких показателей фертильности в мире. Программа «Партнерство Уагадугу», стартовавшая в 2011 г., включает Бенин, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуар, Гвинею, Мали, Мавританию, Нигер, Сенегал и Того. Она получает поддержку главным образом от Французского агентства развития (AFD), USAID, министерства иностранных дел Франции, фонда Билла и Мелинды Гейтс и фонда Вильяма и Флоры Хьюлетт [May, 2017, p. 324].

Проблема заключается в том, что вследствие многовековых традиций многодетности и глубокой религиозности среди населения в АЮС все еще сохраняется довольно низкий спрос на контрацептивные препараты. Ряд из 48 стран АЮС (Кения, Малави, Руанда, Зимбабве, страны южноафриканского региона) в настоящее время уже достигли спроса на контрацепцию в 70%, рекомендованного программами планирования семьи для развивающихся стран. Однако немало стран АЮС, особенно в Западной и Центральной Африке, все еще мало применяют контрацепцию [Guengant, May, 2013, p. 229].

Ускорение распространения средств контрацепции в регионе остается одной из сложнейших социополитических проблем. В целом реализация программ планирования семьи в развивающихся странах происходит по двум различным «моделям». В Азии в настоящее время наблюдается активное подключение правительств к осуществлению программ, хотя и с привлечением общественности, но с преобладанием авторитарных методов. Другая «модель» применения, наиболее характерная для Латинской Америки и Карибского бассейна, которая была позднее принята на вооружение на Африканском континенте, в частности, в

Гане полагалась на широкое привлечение частного сектора и общественных организаций в виде специализированных НПО, которым удалось преодолеть противостояние негативно настроенных слоев населения [Мау, 2012, р. 132].

Еще предстоит разработать такую «модель», которая была бы наиболее приемлема для континента, учитывая, что вплоть до недавнего времени африканские политические деятели слабо поддерживали концепцию планирования семьи. Вероятно, было бы малоэффективно полагаться лишь на стабильную государственную поддержку. Содействие и помощь низовых организаций очевидно могли бы сыграть более позитивную роль в контексте АЮС. Однако многие страны АЮС еще не готовы ни материально, ни психологически пойти на резкое сокращение уровня фертильности [Иванов, 2019]. Показателем данного положения вещей является, в частности, тот факт, что гражданское общество африканских стран выдвинуло из своих рядов весьма небольшое число активных поборников кампании по планированию семьи, несоизмеримое с азиатскими странами.

Тем не менее опыт Эфиопии, Руанды и Мадагаскара свидетельствует, что национальные лидеры, оказывающие активную поддержку программам планирования семьи, могут помочь расширить распространение контрацепции и понизить уровень фертильности.

Улучшение качества и доступа к службам планирования семьи и увеличение тем самым потребности в контрацепции потребует больших заранее запланированных инвестиций, подлинной приверженности африканских лидеров и поддержки сообщества нескольких крупных доноров. Международная обеспокоенность этой проблемой отражена в важнейших международных документах, инициированных ООН, – Цели развития тысячелетия 2001 г. (цель 5.В: обеспечить всеобщий доступ к репродуктивному здоровью к 2015 г. и сократить неудовлетворенную потребность в планировании семьи) и Цели устойчивого развития 2015 г., где экспертами ООН четко сформулированы задачи улучшения и повышения качества планирования семьи и репродуктивного здоровья. Но необходимы еще дополнительные исследования для того, чтобы выявить социокультурологические детерминанты перманентно высокого уровня фертильности отдельных народов. Огромные усилия потребуются и для снижения младенческой и детской смертности, а также для увеличения посещаемости школы девочками. Эти меры помогли бы содействовать изменению традиционных репродуктивных норм и способствовали бы росту потребности в уменьшении размеров семьи. Программа реализации политики планирования семьи должна сочетать действия в социальной сфере, такие как образовательная и гендерная политика с формированием качественных служб планирования семьи.

Важным аспектом данной проблемы являются особенности влияния на мужчин и их точки зрения на политику планирования семьи. Большинство африканцев осведомлены о данных программах и различных методах контрацепции (например, в Эфиопии более 90% мужчин), но редко кто ими пользуется [Vouking et al., 2014]. Однако традиционно мнение мужчин – важный фактор, оказывающий воздействие на принятие решений африканками. Хотя выбор методов контрацепции происходит в семейном коллективе в основном совместно, окончательное слово остается всегда за мужчиной. В научной литературе преобладает мнение об острой необходимости проведения разъяснительных кампаний среди мужчин и просвещения их по многим вопросам охраны женского здоровья, связанным с проблематикой деторождения, материнской смертности во время родов или в результате осложнений беременности, более всего среди девушек подросткового возраста, опасности аборт, в особенности нелегальных, при нежеланной беременности, необходимости посещения центров планирования семьи, использования средств контрацепции. По наблюдениям социологов, наиболее широко распространенный источник информации для мужчин о программах планирования семьи – это радио. Но, к сожалению, среди африканцев бытуют стереотипы,

что посещение центров планирования семьи – женское занятие, и если мужчина появляется там, значит, он под каблуком у жены [Vouking et al., 2014].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращаясь к трем основным факторам, отмеченным в данной статье, а именно – отношение африканских лидеров, роль доноров и изменение парадигм (отношения населения к контрацепции), подчеркнем, что все эти три вышеуказанных компонента, вероятно, необходимо будет сконцентрировать воедино для того, чтобы ускорить процесс демографического перехода в регионе [May, 2017, p. 326]. В настоящее время африканские лидеры более склонны уделять внимание программам сокращения рождаемости. Доноры также более решительно настроены на помощь политике планирования семьи, как подчеркивалось на Лондонском саммите 2012 г. Вероятно, современные тенденции будут преобладать и усиливаться, и концепции планирования семьи, и программы здравоохранения вновь не изменятся, как это имело место в период эпидемии СПИДа.

В этой связи представляется, что обычный подход без учета всех разнообразных особенностей и нюансов будет недостаточным для ускорения демографического перехода в регионе и достижения демографического преимущества, которое впоследствии могло бы способствовать получению первого демографического дивиденда.

Регулирование репродуктивного поведения вероятно можно добиться лишь объединив все факторы, оказывающие влияние на традиционалистские общества, которые существуют в Тропической Африке. Это и политический курс правительства, и международная финансовая помощь доноров, и агитация неправительственных организаций и скоординированная работа центров планирования семьи, медиков и социодемографов. Особое значение имеет повышение уровня женского образования вплоть до этапа средней школы, который положительно коррелирует со снижением рождаемости.

Одни из наиболее авторитетных экспертов ООН в области народонаселения американские ученые-демографы Д. Бонгаартс³ и Д. Кастерлайн отмечали – бытует мнение, что экономическое развитие – лучшее средство контрацепции; но этот процесс с большой степенью вероятности займет многие десятилетия, в течение которых быстрый рост населения будет продолжаться [Bongaarts, Casterline, 2012, p. 166]. Несмотря на успехи отдельных стран и усилия по реализации программ по сокращению рождаемости и планированию семьи, в Африке будет неизбежен массовый рост населения [Bongaarts, 2011, p. 209]. Поэтому принцип замедленной эволюции в отношении реализации программ планирования семьи, преобладавший в прошлом, по мнению экспертов ООН, необходимо заменить постоянным энергичным вовлечением и государственным, и частного сектора в дело направления Африки на путь активного внедрения и применения контрацепции. На этот путь необходимо вовлекать одну страну за другой, не прекращая беспрестанных усилий в течение ряда нескольких десятилетий при более активном участии африканского руководства и при перманентной финансовой и материальной помощи мирового сообщества.

Важнейшими факторами успеха являются повышение уровня женского образования и реализация программ планирования семьи, которые наиболее эффективны, когда им оказывает поддержку африканское политическое руководство. Посредством разнообразных информационных кампаний, прежде всего в СМИ, в частности, о позитивном влиянии контрацепции и небольших размеров семьи на здоровье женщин и детей, они могли бы значительно способствовать социально-экономическому развитию своих народов в целом.

³ Д. Бонгаартс – вице-президент Совета народонаселения ООН (Нью-Йорк).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Иванов С.Ф. Демографический переход в Африке к югу от Сахары. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2019. № 1 (46). С. 99–114 [Ivanov S.F. Demographic Transition in Sub-Saharan Africa. *Scientific Notes of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2019. No. 1 (46). Pp. 99–114 (in Russian)].
- Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Как оптимизировать рождаемость и предотвратить гуманитарные катастрофы в странах Тропической Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 4. С. 28–35 [Korotaev A.V., Zinkina Yu.V. How to Optimize Fertility and Prevent Humanitarian Disasters in Tropical Africa. *Aziya i Afrika Segodnya (= Asia and Africa Today)* 2013. No. 4. Pp. 28–35 (in Russian)].
- Осколкова О.Б., Кушелева А.А. Планирование семьи в странах Азии и Африки. *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 2. С. 84–90 [Oskolkova O.B., Kusheleva A.A. Family planning in Asia and Africa. *World Economy and International Relations*. 2005. No. 2. Pp. 84–90 (in Russian)].
- Admassie A., Nuru S., May J., Megquier S. *The Demographic Dividend: An Opportunity for Ethiopia's Transformation*. Washington D.C.: Population Reference Bureau and Ethiopian Economics Association, 2015.
- Bongaarts J. Can Family Planning Programs Reduce High Desired Family Size in Sub-Saharan Africa? *International Perspectives on Sexual and Reproductive Health*. 2011. Vol. 37. No. 4. Pp. 209–216.
- Bongaarts J., Casterline J. Fertility Transition: Is Sub-Saharan Africa Different? *Population and Development Review*. 2012. Vol. 38 (Supplement 1). Pp. 153–168.
- Bongaarts J., Cleland J., Townsend J., Bertrand J., Das Gupta M. *Family Planning Programs for the 21st Century: Rationale and Design*. New York: Population Council, 2012.
- Caldwell J.C., Caldwell P. The Cultural Context of High Fertility in Sub-Saharan Africa. *Population and Development Review*. 1987. Vol. 13. No. 3. Pp. 409–437.
- Cleland J., Sinding S. What would Malthus say about AIDS in Africa? *Lancet*. 2005. Vol. 366. No. 9500. Pp. 1899–1901.
- Cleland J.G., Ndugwa R.P., Zulu E.M. Family Planning in Sub-Saharan Africa: Progress or Stagnation? *Bulletin of World Health Organisation*. 2011. Vol. 89. Pp. 137–143.
- Götmark F., Andersson M. Human Fertility in Relation to Education, Economy, Religion, Contraception, and Family Planning Programs. *Biomedcentral Public Health*. 22 February 2020.
- Guengant J.P., May J.F. African Demography. *Global Journal of Emerging Market Economics*. 2013. Vol. 5. No. 3. Pp. 215–267.
- Heisel D.F. Family Planning in Kenya in the 1960s and 1970s. *The Global Family Planning Revolution: Three Decades of Population Policies and Programs*. Ed. by W.C. Robinson, J.A. Ross. Washington D.C.: The World Bank, 2007. Pp. 393–417.
- May J.F. (2012) *World Population Policies: Their Origin, Evolution, and Impact*. Dordrecht: Springer. 2012.
- May J.F. The Politics of Family Planning Policies and Programs in Sub-Saharan Africa. *Population and Development Review*. 2017. Vol. 43. Pp. 308–329.
- Miller G., Babiarz K.S. Family Planning Program Effects: Evidence from Microdata. *Population and Development Review*. 2016. Vol. 42. No. 1. Pp. 7–26. www.jstor.org/stable/44015612. (accessed: 17.08.2020).
- Murunga V.I., Musila N., Oronje R., Zulu E. *Africa on the Move! The Role of Political Will and Commitment in Improving Access to Family Planning in Africa*. Washington DC: The Wilson Center, 2012.
- Nehru J. *The Discovery of India*. The Signet Press, 1946.
- Phillips J., Jackson E., Bawah A., MacLeod B., Adongo P., Baynes C., Williams J. The Long-Term Fertility Impact of the Navrongo Project in Northern Ghana. *Studies in Family Planning*. 2012. Vol. 43. No. 3. Pp. 175–190.
- Population Reference Bureau. *World Population Data Sheet*. 2015. Washington.

Republic of Ghana 2015. Demographic and Health Survey 2014: Key Indicators, Accra: Ghana Statistical Service & Ghana Health Service and Rockville: The DHS Program, ICF International. 2015.

Republic of Kenya 2015. Kenya. Demographic and Health Survey 2014. Key Indicators. Nairobi: Kenya National Bureau of Statistics, Ministry of Health, National AIDS Control Council, Kenya Medical Research Institute, National Council for Population and Development. 2015.

United Nations 2012. Population Division Database. World Population Prospects. http://esa.un.org/unpd/wpp/unpp/panel_population/htm (accessed: 20.07.2020).

Vouking M.Z., Evina C.D., Tadenfok C.N. Male Involvement in family planning decision making in sub-Saharan Africa – what the evidence suggest. *Pan African Medical Journal*. 2014. December. Vol. 19: 349. <https://www.panafrican-med-journal.com/content/article/19/349/pdf/349.pdf> (accessed: 29.07.2021). Westoff C.F. The Recent Fertility Transition in Rwanda. *Population and Development Review*. 2012. Vol. 38 (Suppl.). Pp. 169–178. www.familyplanning2020.org (accessed: 15.09.2020).

World Family Planning 2020 Highlights. New York, United Nations. 2020. https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/files/documents/2020/Sep/unpd_2020_worldfamilyplanning_highlights.pdf (accessed: 29.07.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РЫБАЛКИНА Инна Геннадьевна –
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Института Африки РАН,
Москва, Россия.

Inna G. RYBALKINA, PhD (History),
Senior Research Fellow, Institute for African
Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia.

DOI: 10.31857/S086919080015513-1

ДИСКУРСНАЯ ВЛАСТЬ КИТАЯ: ИНСТРУМЕНТЫ И СТРАТЕГИЯ

© 2021

М.А. КОБЗЕВА ^a

^a – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0001-6054-4374; m.kobzeva@spbu.ru

Резюме: Сегодня Китай стремится активно участвовать в формировании международной политической повестки, норм и правил взаимодействия государств. Эта деятельность является одним из главных направлений политики КНР по укреплению международной дискурсной власти. Несмотря на то, что исследования информационной политики Китая многочисленны, дискурсная власть пока остаётся вне фокуса исследователей, публикующих работы на русском и английском. В связи с этим автор исследует, как именно КНР интерпретирует понятие дискурсной власти, почему, как и с какой целью её реализует.

В статье проведён анализ литературы и источников на русском, английском и китайском языках по теме дискурсной власти; изучено происхождение термина в китайском дискурсе и оформление его в качестве политической задачи; изучены основные ведомства и организации, ответственные за формирование дискурсной власти, а также инструменты и механизмы её реализации. Автор выявляет «мягкий» и «жесткий» варианты реализации дискурсной власти Китая, поясняет различие целей и методов, приводит примеры из внешнеполитической практики КНР.

Автор приходит к выводу, что необходимость в появлении дискурсной власти, объединившей различные методы информационной политики Китая, возникла в связи с острой внутривластной борьбой и новыми амбициями страны на международной арене. Развитие дискурсной власти как политического явления подпитывают идеи всё более жесткой оппозиции Западу. В этой связи дискурсная власть становится важным инструментом противостояния Китая и США в условиях меняющегося баланса сил.

Ключевые слова: дискурсная власть, КНР, политика Китая, китайская пропаганда, мягкая сила, право голоса.

Для цитирования: Кобзева М.А. Дискурсная власть Китая: инструменты и стратегия. Восток (Oriens). 2021. № 4. С. 173–184. DOI: 10.31857/S086919080015513-1

CHINA'S DISCOURSE POWER: INSTRUMENTS AND STRATEGY

© 2021

Mariia A. KOBZEVA ^a

^a – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0001-6054-4374; m.kobzeva@spbu.ru

Abstract: Today China actively participates in shaping the international political agenda, norms and rules for interaction between states. This activity is a part of the PRC's policy to strengthen its international discourse power. Despite the fact that there are many studies of China's propaganda politics, discourse power remains outside of the focus of researchers both in

Russian and English-speaking communities. The term has varying interpretations and translations in non-Chinese academic literature. In this regard, the article examines the meaning of this term and answers questions – how, why, and for what purpose does the PRC implement its discourse power.

The article analyzes research literature and documents in Russian, English, and Chinese languages regarding the discourse power, the origin, and the development of the term in Chinese discourse, and using it as a political task. The article studies the main departments and organizations responsible for the formation of the discourse power, as well as tools and mechanisms for its implementation. The author identifies “soft” and “hard” variants of China’s discourse power, explains the difference in their goals and methods via giving examples from the PRC’s foreign policy.

The author concludes that the need for discourse power, which combines various methods of China’s policy, is due to the acute internal political struggle, and the country’s new ambitions in the international arena. The development of discourse power as a political phenomenon is fueled by the ideas of opposition to the “West”. In this regard, discourse power is becoming one of the most important counterweapons in competition between China and the United States.

Keywords: discourse power, China, China’s politics, Chinese propaganda, soft power, voting right.

For citation: Kobzeva M. China’s Discourse Power: Instruments and Strategy. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 173–184. DOI: 10.31857/S086919080015513-1

Сегодня Китай стремится привнести в международный дискурс собственные принципы и концепции и укрепить свою роль в глобальном управлении. Активная позиция Пекина неизбежно становится вызовом Вашингтону в сложившейся системе американского доминирования. Поскольку даже «мягкие» способы продвижения китайских культурных ценностей воспринимаются в мире всё с большим недоверием, у руководства КНР возникла потребность разработать более эффективную стратегию. Так во внешней политике страны появился новый инструмент, дискурсная власть (на кит. «хуаюйцюань», 话语), которая, по некоторым оценкам, вскоре потеснит «мягкую» силу [Денисов, 2020, с. 42–43]¹.

Идея о дискурсной власти по-новому упорядочила инструменты и механизмы продвижения инициатив КНР на международной арене. Сегодня изучение феномена может пролить свет на долгосрочные мотивы и цели внешней политики Китая. Особую актуальность такое исследование представляет для России, развивающей стратегическое партнёрство с КНР. В рамках тесного взаимодействия необходимо точно понимать позицию партнёра по ключевым вопросам международной повестки дня. Однако дискурсная власть Китая пока находится вне фокуса внимания российского научного сообщества и западных экспертов [Денисов, Адамова, 2017, с. 76–78]. До сих пор не сложилось однозначного мнения о сути и значении этого явления китайской политики.

В отечественной литературе дискурсную власть рассматривают как «смысловую аранжировку» внешнеполитических инициатив, которую осуществляют совместно руководство страны, китайские СМИ и экспертное сообщество [Песцов, 2017, с. 155–157]. В единственной работе, непосредственно посвящённой китайской дискурсной власти, отмечена её стратегическая роль как инструмента продвижения новых норм на международной арене

¹ На английский язык термин переводят как «right to speak», «right to voice», «discourse right», «discourse power». В отечественных работах встречаются такие варианты перевода, как «дискурсивная сила», «дискурсная власть» и «право голоса».

[Денисов, 2020, с. 78]. В ряде публикаций рассмотрены отдельные направления развития китайского дискурса: влияние нового характера выступлений китайских дипломатов на формирование отношений страны с Европой [Litvak, Pomofova, 2021], вклад публикаций экспертов в формирование политики страны в Арктике [Кобзева, 2017, с. 972].

Среди англоязычных работ термин интерпретируется как манипуляция фактами, совершаемая китайским правительством, с целью навязать свою позицию собственным гражданам и либеральной общественности западных стран. [Gustafsson, 2014, p. 424–426]. В целом же понятие «дискурсная власть» оценивается как инструмент манипуляции общественным мнением и даже оружие информационной войны [Kania, 2016]. Стоит отметить, что зарубежные дискуссии постепенно пополняются публикациями китайских учёных. Можно отметить работу Кэцзинь Чжао, эксперта Центра глобальной политики Карнеги-Цинхуа, в которой он описал стратегию развития дискурсной власти как «подачу фактов, введение новаторских правил и прорывы в социальной практике» [Zhao, 2016, p. 547]. Тем не менее в англоязычной литературе полноценной работы, посвящённой этому явлению китайской политики, до сих пор не опубликовано.

На этом фоне контрастно выделяется активная работа экспертов КНР. Руководство страны поддерживает исследования по этой теме, выделяя специализированные государственные гранты. В этой связи существует множество наработок китайских учёных на тему дискурсной власти [Wang, 2015, p. 175]. Подробно описаны истоки, цели, возможности и направления реализации *хуаюйцюань* на международной арене, а также её роль для продвижения национальных интересов в отдельных сферах внешней политики. В частности, немало работ посвящено возможностям использования дискурсной власти для продвижения инициативы «Пояс и путь» и в рамках новых направлений политики, например, в Арктике [Дин Хуан, Чжан Чун, 2016, с. 78–79]. Особое внимание эксперты уделяют роли научного сообщества Китая и мозговых центров для развития дискурсной власти страны [Госсовет КНР, 2015(2)].

Вышесказанное подчёркивает существенный пробел в отечественной науке о китайской дискурсной власти на фоне активной работы учёных КНР. В этой связи цель нашей работы – оценить суть и значение этого относительно нового феномена китайской внешней политики и описать стратегию его развития.

Изучение явления дискурсной власти КНР невозможно без анализа работ китайских экспертов и официальных документов, в которых обозначены её цели, принципы, инструменты и механизмы реализации. В связи с этим материалом предлагаемого исследования стала совокупность работ отечественных, зарубежных и китайских экспертов, а также китайских источников. Источниковая база включает публикации официальных СМИ (Жэньминь Жибао), а также сайтов госструктур КНР (Госсовет, Министерство иностранных дел, ЦК КПК): государственные документы и выступления официальных лиц КНР, а также экспертные мнения, опубликованные на сайтах ведомств и отражающие позицию КПК по дискурсной власти.

ДИСКУРСНАЯ ВЛАСТЬ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Термин «дискурсная власть» заимствован китайскими учёными из работ европейских авторов, в частности М. Фуко, который ввёл понятие «дискурсной практики» и стал одним из пионеров исследований взаимоотношений дискурса и власти. В ряду исследователей, благодаря которым термин оказался известным широкой аудитории, стоит отметить и Тён ван Дейка. Ван Дейк определял дискурсную власть как использование риторических средств убеждения, формирование дискурса путём привнесения в него новых концепций

(символов), процесс мобилизации дискурсов, а также контроль над дискурсом [ван Дейк, 2013, с. 86].

Для китайской политической мысли этот термин и связанная с ним теоретическая основа оказались привлекательными и достаточно гибкими, чтобы использовать их в национальном дискурсе. Обосновывая необходимость развития международной дискурсивной власти КНР, эксперты апеллировали к идеям М. Фуко о дискурсивных практиках и роли дискурса в осуществлении власти. Фундаментальное осмысление термина позволило учёным связать разработки М. Фуко и Ж. Дерриды о значении и закономерностях развития дискурса с идеями Дж. Ная о «мягкой» силе, тезисами Мао Цзэдуна о важности идеологии в формировании права голоса страны на международной арене, а также мыслями и инициативами Си Цзиньпина. Термин стал популярным в среде китайских философов-марксистов, занятых проблемой новой роли Китая на международной арене.

При этом, как отмечает Денисов И.Е., трактовка изначальных тезисов, предложенных Фуко и другими философами, самая вольная. Продолжая традицию, сложившуюся на излете правления последней китайской династии Цин, достижения западной науки призваны служить утилитарным дополнением для китайского базиса, что бы в него ни включали руководители страны (идеи превосходства Среднего царства или конфуцианство и марксизм) [Денисов, 2020, с. 44]. Таким образом заимствованные из западного дискурса формулировки облегчают восприятие китайских идей, увеличивают их шанс быть услышанными. В то же время в содержательном плане синтез этот весьма условный.

Развитие понятия «дискурсивной власти» как инструмента китайской политики имеет более чем десятилетнюю историю, и важную роль в этом процессе сыграло руководство страны. Одно из первых заявлений на эту тему сделал в 2008 г. премьер Госсовета Вэнь Цзябао. В своей речи на церемонии открытия 3-го Китайско-российского экономического форума деловых кругов на высоком уровне он отметил необходимость развивать дискурсивную власть КНР в отношении международной финансовой политики [Жэньминь Жибао, 2008].

В 2010 г. Ли Чанчунь, на тот момент ответственный за идеологическую работу КПК, в рамках Всекитайской рабочей конференции начальников отделов пропаганды и агитации отметил значение дискурсивной власти как инструмента мягкой силы Китая, а также её роль во внешней пропаганде. Затем понятие появлялось в выступлениях и статьях других высокопоставленных лиц (Ху Цзиньтао, Лю Яньдуна – тогда вице-премьера Госсовета, Ли Чанчуня и пр.). Термин вошёл в официальную риторику и оказался прочно связанным с идеологией КПК, представлением о «мягкой силе» и роли Китая в формировании международного политического дискурса [Сунь Цишэн, 2019, с. 20–25, 36].

Особый акцент на развитие дискурсивной власти на международной арене китайское правительство стало делать после 18-го съезда КПК. Сегодня термин звучит в словосочетании «международная дискурсивная власть» Китая (国际话语权), и под ним подразумевают те идеи, которые КНР предлагает внешнему миру. Используется и смежный термин, который дословно переводится как «право голоса» или «свобода слова» (发言权). Кроме того, в политических документах прибегают к понятию «создание системы внешнего дискурса» (对外话语体系建设), а также более узкому термину «институциональная власть» (制度性权力), подразумевающему представленность и «вес» голоса Китая в международных организациях [Госсовет КНР, 2013]. В целом понятие «дискурсивная власть» в китайской интерпретации сочетает в себе институциональное право голоса (то есть право выражать своё мнение и формулировать правила в рамках международных организаций) и дискурсивную силу, связанную с привлекательностью идей для международного сообщества.

Формирование дискурсивной власти КНР – зона ответственности ЦК КПК. Процесс принятия решений на этом направлении носит исключительно закрытый характер. Распределение

задач между ведомствами осуществляет Центральная руководящая группа пропаганды и идеологии. Группа объединяет руководителей основных организаций, ответственных за формирование имиджа страны: Отдела пропаганды, Министерства культуры, крупнейших китайских СМИ [Zhao, 2016, p. 554–558].

Реализация выработанной политики внутри страны – задача Отдела пропаганды ЦК КПК, Центральной руководящей комиссии по построению духовной цивилизации, Управления по вопросам киберпространства КНР, а также СМИ. КПК постепенно ужесточает контроль за информационным пространством внутри страны [Bates, 2020, p. 109–110]. При этом нагнетание антизападной риторики и возвращение культа Си как «сердцевины» партии и нового «кормчего» укрепляет партийную дисциплину и консолидируют общественное мнение [Lams, 2018, p. 387]. Коронавирусная пандемия предоставила КПК ещё больше возможностей и ресурсов для ужесточения контроля на новой волне противостояния «Западу» [ТАСС, 2020].

На международную аудиторию нацелена работа Отдела пропаганды ЦК КПК, международных отделений китайских СМИ (Информационного агентства Синьхуа, Центрального телевидения Китая, Международного радио Китая, и пр.), ведомств, включённых во внешнюю политику (Министерства иностранных дел, Народно-освободительной армии Китая, и пр.), и Рабочего отдела Единого фронта (подчиняется ЦК КПК). Работу Единого фронта по продвижению дискурсной власти стоит выделить особо.

С подачи Мао Единый фронт (ЕФ)² получил статус «волшебного оружия Китая» (наряду с вооружённой борьбой и партийным строительством) [Госссовет КНР, 2015(1)]. Суть работы организации – вовлечение беспартийных интеллектуалов в орбиту китайской политики. В фокусе внимания Единого фронта граждане китайского происхождения, не входящие в ряды КПК, проживающие в регионах с особым статусом, таких как Гонконг, Тайвань, Тибет, Синьцзян, или за рубежом. Целью Единого Фронта является предотвращение «подрывной деятельности» против КНР со стороны таких граждан и формирование лояльных КПК умонастроений. Примкнувшие к ЕФ могут рассчитывать на поддержку в решении частных проблем, например, связанных с интеграцией на новом месте. Объектом особого внимания Единого Фронта являются беспартийные интеллектуалы и люди высокого положения. Их личная позиция, озвученная иностранной публике, способна влиять на общественное мнение. Таким образом, члены ЕФ вольно или невольно принимают участие в укреплении международной дискурсной власти Китая [Kynge et al., 2017].

Существенный вклад в развитие китайской дискурсной власти традиционно вносят СМИ – «рупор партии». С 2007 г. в рамках «большой внешней пропаганды» – новой политики, объявленной Ху Цзиньтао (председатель КНР, 2003–2013), китайские медиа получили внушительную государственную поддержку для работы с международной аудиторией. При этом если ранее пропаганда китайского социализма была более прямолинейной и потому вызывала отторжение у международной публики, то сейчас перед СМИ стоит задача распространять «китайские взгляды» с учётом культурной специфики аудитории, не связывая их с КПК напрямую. Замечено, что агентство Синьхуа чаще публикует критические материалы на языке той аудитории, для которой затрагиваемые темы являются особенно острыми (например, о проблемах Франции на французском). В то же время любые статьи о Китае на любых языках почти исключительно описывают успехи КНР и прогрессивный подход её граждан к ключевым вызовам современности, от потепления климата до инноваций в образовании [Brazys, Dukalskis, 2020, p. 64]. По-прежнему актуальна и «правильная» интерпретация ключевых событий. В случае необходимости она допускает умолчание

² Патриотический единый фронт китайского народа (сокращённо Единый фронт) — политическое объединение под руководством КПК.

или некорректный перевод заявлений с целью преподнести информацию в выгодном для Китая свете (как, к примеру, было в случае перевода заявления М. Захаровой в отношении результатов арбитражного суда Гааги по иску Филиппин относительно территорий в Южно-Китайском море) [Денисов, Адамова, 2017, с. 78, 82].

В этой связи стоит отметить, что условия пандемии дают китайским СМИ уникальный шанс для продвижения международной дискурсной власти. Ещё во время эпидемии атипичной пневмонии в 2003 г. СМИ взяли на себя роль информационного барьера, замалчивая информацию и смещая общественное внимание с ошибок руководства КПК на критику провинившихся чиновников и полемику с Западом [Zhao, 2016, p. 558]. Новая пандемия оказалась ещё более масштабной и сегодня (конец 2020 г.) китайские медиа играют важную роль в стремлении Китая удержать внутривнутриполитическую стабильность любой ценой и в его борьбе за лидерство на глобальной арене. Для информирования целевой аудитории всё активнее применяются соцсети, в том числе, запрещённые в КНР «Твиттер» и «Фейсбук». Китайские СМИ и чиновники активно используют аккаунты в этих соцсетях, чтобы высказать «частное мнение» по особенно острым вопросам, включая пандемию COVID-19 [Litvak, Pomozova, 2021]. Показательным стал пост посла Китая в Южной Африке Чэнь Сяодуна в Твиттере о предположительно некитайском происхождении вируса, и последовавшие спекуляции [Bates, 2020, p. 100–101; Chen, 2020].

Ещё одним ресурсом для продвижения дискурсной власти является экспертное сообщество. Учёных призывают предлагать идеи и распространять их для китайской и международной аудитории. В этой связи растёт количество китайских государственных грантов и соответственно количество и качество публикаций экспертов КНР, в том числе адресованных международной аудитории (то есть опубликованных на английском языке и в ведущих международных изданиях). В то же время формирование «правильного» дискурса и жёсткая цензура консервируют китайскую политическую мысль. Это особенно заметно в работах, публикуемых вслед за каким-либо государственным документом: концепции, сформулированные руководством, не обсуждаются, а лишь повторяются в виде цитат. Кроме того, авторы обязательно делают реверансы в сторону партии и Си Цзиньпина, подчёркивая их мудрость и прозорливость. Тем не менее до публикации официального документа простор для дискуссий шире, что даёт возможность отслеживать влияние экспертного дискурса на политику [Кобзева, 2017, с. 214–217].

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДИСКУРСНОЙ ВЛАСТИ КНР

Дискурсную власть возможно отнести к инструментам мягкой силы. Как писал Дж. Най, «нарративы становятся валютой мягкой силы», а дискурсная власть призвана создавать их, направлять, и корректировать [Nye, 2011, p. 105]. Тем не менее, в китайской интерпретации тема дискурсной власти строится на противопоставлении политической системы и ценностей КНР западным и потому является высоко политизированной. В этой связи сам термин применяется как в самом мягком контексте, связанном с задачей преодолеть восприятие Китая как угрозы для международного сообщества, так и в экстремально враждебной риторике, где дискурсная власть рассматривается как оружие против гегемонии Запада. Соответственно, варьируется и набор инструментов реализации дискурсной власти.

Мягкий вариант реализации дискурсной власти связан с восприятием Запада как оппонента КНР, но не противника. В этой перспективе причиной недоверия западных стран к Китаю считается недостаточная работа КПК по информированию международной аудитории. Пока по историческим и экономическим причинам руководство КНР не уделяло развитию дискурсной власти особого внимания, Китай оставался в стороне от глобальной

повестки дня. Однако экономический рывок и «выход вовне» произошли так быстро, что сформировался идейный вакуум, и его заполнили опасения других государств по поводу истинных намерений КНР [Сунь Цзишэн, 2019, с. 19–20]. Теперь руководство КПК ставит задачу «рассказывать хорошие истории о Китае», усилить голос Китая в мире, тщательно конструировать дискурс, повышать его привлекательность, а также максимально точно переводить китайские идеи и термины [Китайская метеорологическая администрация, 2018].

В этой перспективе дискурсная власть нацелена не на борьбу, а на соревнование с Западом. Предполагается, что проснувшийся Китай внесёт в мировой дискурс идеи, отражающие глубину и древность его культуры и философии, тем самым дополнит и усовершенствует международную систему. Результатом усилий станет более «справедливый» и «разумный» миропорядок [Денисов, Адамова, 2017, с. 83–85].

В этой интерпретации развитие международной дискурсной власти представляется как игра (с позиции теории игр), результаты которой влияют на легитимность актора. Международное право интерпретируется как отражение существующей доминанты западного дискурса. Соответственно укрепление собственной дискурсной власти позволит КНР изменить восприятие легитимности Китая как актора на международной арене. Показателями укрепления дискурсной власти могут считаться формирование новых международно-правовых норм или стандартов, инициированных Китаем (например, в сфере технологий 5G), принятие резолюций ООН, которые упоминают китайские ценности и принципы (в частности, «Резолюция СБ ООН 2344» по афганскому вопросу, проекты двух резолюций о неразмещении первыми оружия в космосе, резолюция «Дальнейшие практические меры по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве»); усиление позиций КНР рамках глобального экономического управления (например, увеличение квоты Китая в МВФ на 50%) [Чжан Чжичжоу, 2020, с. 126–129].

С 2000-х гг. сфера применения дискурсной власти существенно расширилась. Первоначально она развивалась в контексте проблем регионального лидерства, поддержки идей многополярности и возможности влияния КНР на международные финансовые институты. Сегодня дискурсная власть ориентирована и на новые для Китая сферы, такие как освоение Арктики, космоса, развитие информационной и кибербезопасности. Кроме того, дискурсную власть рассматривают как инструмент успешной реализации «Пояса и пути», а также продвижения политики КНР по разрешению территориальных конфликтов в Южно-Китайском море [Чжан Чжичжоу, 2020, с. 126–129].

Основными инструментами укрепления дискурсной власти становятся распространение информации об инициативах и политических идеях КНР в рамках международного дискурса и формирование имиджа КНР как ответственной державы, готовой защищать права развивающихся стран и недемократических режимов. Особую роль в развитии дискурсной власти Китая играет его ключевая международная инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП). Поскольку ОПОП реализуется на территории многих государств, это определяет необходимость постоянной информационной поддержки, адресованной международной аудитории. А именно, требуется извещать публику о реализуемых проектах и пояснять преимущества сотрудничества в рамках ОПОП. В этой связи инициатива становится стержнем новой информационной политики КНР, аккумулируя вокруг себя идеи и нарративы [Liu, 2020, p. 179]. При этом само понятие «Пояса и пути» так или иначе уже прочно вошло в международный дискурс, что укрепляет китайскую повестку дня на международной арене.

Особый вклад вносит активное лоббирование интересов страны в рамках организованных Пекином диалоговых механизмов (например, Форум «Один пояс и один путь») и других международных форумов и организаций, прежде всего ООН. На этом пути Китай достиг определённых успехов. Достижением стало включение идеи о «сообществе единой

судьбы человечества», а также проекта «Пояс и путь» как благоприятного для развития участвующих в нём стран, в ряд резолюций ООН от 2017 г., упомянутых выше.

Таким образом, дискурсная власть как часть мягкой силы реализуется благодаря высказываниям и публикациям политиков, учёных, СМИ, и участников народной дипломатии. Их усилия позволяют «достигать желаемых результатов путём совместных действий, задающих политическую повестку дня, а также путём убеждения и привлекательности» [Nye, 2011, p. 83, 106].

Жёсткий вариант реализации дискурсной власти означает отстаивание права на дискурс и борьбу за доминирование в нём [Lams, 2018, p. 394, 405]. В такой интерпретации перед Китаем стоит задача преодолеть дискурсную гегемонию Запада, ситуацию, когда, по выражению китайских чиновников, «Запад сильный, а мы слабые» [Liu, 2020, p. 171]. Этот вариант предполагает активное противостояние западным нормам и ценностям вплоть до информационной войны (войны мнений, дискурсов), войны в правовой сфере и психологической войны [Kania, 2016].

Развитие дискурсной власти в таком контексте связано прежде всего с необходимостью решения острых внутриполитических проблем. Дискурсная власть, во-первых, становится инструментом борьбы КПК с элементами «прозападного разложения» (теми, кто придерживается идей конституционной демократии, гражданского общества, высказывает сомнения или критику в отношении КПК и идей «социализма с китайской спецификой», и пр.) [Lams, 2018, p. 400]. Во-вторых, она служит цели подавления сепаратистских настроений и инакомыслия в связи с наиболее острыми внутриполитическими проблемами КНР: положением Гонконга, Тайваня, Синьцзяна и Тибета. В-третьих, для внешнего мира, дискурсная власть становится инструментом «креативного вмешательства» в международную политику и борьбы за лидирующие позиции КНР [Хэ Гуанцян, Сун Сюэцзюй, 2013, с. 51–53].

Противостояние «западным ценностям» предполагает наличие альтернативы. В этой связи развивается политическая полемика, прежде всего адресованная китайской аудитории. С одной стороны, идеологи КПК превозносят политическую систему и традиционные ценности Китая как основу социализма с китайской спецификой [Lams, 2018, p. 395; Xi, 2017, p. 366–370]. С другой стороны, они стремятся увидеть слабые места политической системы США и Европы, нередко прибегая к казуистике. Так, отстаивая «китайский вариант» демократии и критикуя монополию Запада на то, что следует называть демократией, идеологи КПК приходят к парадоксальным выводам. Преподносится мысль, что буржуазная демократия ценит только свободу выбора человека, что искажает истоки демократии Древней Греции. Китайская демократия, наоборот, является истинной преемницей идеалов античности [Чжоу Ядун, 2017].

Реализация дискурсной власти жёсткими методами осуществляется путём зарубежной пропаганды и за счёт формирования лояльных кадров вне страны, способных влиять на общественное мнение. Так, продвижение идеи мирного воссоединения с Тайванем по принципу «одна страна, две системы» перерастает в активную пропагандистскую деятельность в период очередных выборов на острове [Huang, 2020, p. 8]. Другим примером является непрозрачное лоббирование интересов КНР усилиями политиков китайского происхождения в Новой Зеландии [Brady, 2017]. Наконец, отметим, что дискурсная власть официально стала важной частью стратегии Народно-освободительной армии Китая [Kania, 2016].

Такой вариант реализации дискурсной власти превращает её из инструмента мягкой силы в оружие информационной борьбы. Это подразумевает в том числе поддержку оппозиционных СМИ и движений в других странах, дезинформацию и искажение правды с привлечением к подобной работе как гражданских структур, так и войск стратегической поддержки, в ответственность которых входят операции в киберпространстве [Huang, 2020, p. 23].

ВЫВОДЫ

Развитие дискурсной власти КНР последовало за экономическим рывком и стратегией «выхода вовне» и ознаменовало собой превращение Китая из политического наблюдателя в актора, формирующего международную повестку дня. Укрепление дискурсной власти КНР – не просто привнесение ценностей китайской культуры в международных дискурс, а попытка страны предложить новые ценности и принципы международного сотрудничества, альтернативные западным.

Однако стоит отметить, что если демократические ценности в различных вариациях формировались столетиями в рамках взаимодействия США и европейских стран, включая Россию, то китайский «улучшенный» мировой порядок – новый конструкт для западного мира. В частности, неясным остаётся суть идей КНР о более «справедливом» и «разумном» мировом порядке. Учитывая прагматичный подход Китая к международной политике, можно предположить, что приоритетной целью такого порядка является укрепление лидерства КНР. В этой связи китайская повестка лишь отчасти соответствует политическим интересам России: например, когда она касается принципов невмешательства во внутренние дела других стран и строительства многополярной системы.

Дискурсная власть имеет двоякую природу. С одной стороны, она является инструментом мягкой силы Китая, ориентирована на достижение долгосрочных целей, международный диалог и создание доверительных партнёрских отношений. В этой связи для продвижения своих идей на международных площадках Китай предпочитает использовать не понятие «дискурсная власть», а термин «право голоса», более мягкий и апеллирующий к чувству справедливости. В этом контексте основными инструментами укрепления дискурсной власти являются дипломатия, включая публичную дипломатию, развитие культурной привлекательности и законное лоббирование политических и экономических интересов.

С другой стороны, новый виток внутривластных противоречий в КНР и усиливающееся противостояние с США переводят дискурсную власть в разряд инструментов информационной борьбы. В этой связи дискурсная власть служит цели консолидации общественного мнения внутри Китая и за рубежом – в пользу КПК. Подобный вариант реализации дискурсной власти подразумевает использование всего спектра методов пропаганды, манипуляций и контроля информации с применением современных информационных технологий. Текущий момент пандемии оказался благоприятным для апробирования новых способов влияния на общественное мнение, в том числе, через популярные китайские и зарубежные соцсети.

В заключение отметим, что существенное запоздание отечественной науки в изучении проблемы дискурсной власти КНР может воспрепятствовать своевременному реагированию на вызовы, которые связаны с этим явлением. В условиях усугубившихся международных противоречий и катаклизмов система принятия решений КНР остаётся по-прежнему закрытой для всех наблюдателей. В этой связи изучение развития дискурсной власти Китая, включая регулярный мониторинг экспертного дискурса и СМИ, может стать важным источником информации о способе и целях продвижения идей КНР на международной арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Госсовет КНР (中华人民共和国中央人民政府) 2015(1) Чжунгун Чжунъян Иньфа “*Чжунго Гунчаньдан Гунъи Чжаньсянь Гунцзо Тяоли (Шисин)*” (Центральный Комитет Коммунистической партии Китая издал «Положение о работе Единого фронта Коммунистической партии Китая (Пробная Версия)»). (中共中央印发《中国共产党统一战线工作条例（试行）》). 22.09.2015 [The State Council

of the PRC. Zhonggong Zhongyang Yinfu “Zhongguo Gongchandang Tongyi Zhanxian Gongzuo Tiaoli (Shixing)” (*The Central Committee of the Communist Party of China Issued the Regulation on the Work of the United Front of the Communist Party of China (Trial Version)*). 22.09.2015 (in Chinese)]. http://www.gov.cn/zhengce/2015-09/22/content_937054.htm (accessed: 05.11.2020).

Госсовет КНР (中华人民共和国中央人民政府). 2015 (2) Гуаньюй Цзяцян Чжунго Тэсэ Синьсин Чжику Цзяньшэ Дэ Ицзянь Цюаньвэнь (Мнения о продвижении создания нового типа «мозговых центров» с китайскими характеристиками (полный текст)) (《关于加强中国特色新型智库建设的意见》全文). 26.03.2015 [The State Council of the PRC. “Guanyu jiaqiang zhongguo tese xinxing zhiku jianshe de yijian” *quanwen*. (*Opinions on Strengthening the Construction of New Type Think Tanks with Chinese Characteristics (full text)*) 26.03.2015 (in Chinese)] <http://www.scio.gov.cn/zhzc/8/5/document/1397284/1397284.htm> (accessed: 12.11.2018).

Госсовет КНР (中华人民共和国中央人民政府). Чжунгун Чжунъян Гуаньюй Цюаньмянь Шэньхуа Гайгэ Жогань Чжунда Вэньти Дэ Цзюэдин. (Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая по нескольким важным вопросам всестороннего углубления реформ) (中共中央关于全面深化改革若干重大问题的决定). 15.11.2013 [The State Council of the PRC. *Zhonggong zhongyang guanyu quanmian shenhua gaige ruogan zhongda wenti de jue ding* (Decision of the Central Committee of the Chinese Communist Party on Several Important Issues of Comprehensive Deepening of reforms). 15.11.2013 (in Chinese)]. http://www.gov.cn/jrzq/2013-11/15/content_2528179.htm (accessed: 19.11.2019).

ван Дейк, Тён. *Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. М: ЛИБРОКОМ, 2013 [Teun A. van Dijk. *Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication*. Moscow: LIBROKOM, 2013 (in Russian)].

Денисов И.Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине. *Сравнительная политика*. 2020. Т. 11. № 4. С. 42–52 [Denisov I.E. The Concept of “Discursive Power” and the Transformation of Chinese Foreign Policy under Xi Jinping. *Comparative Politics*. 2020. Vol. 11. No. 4. Pp. 42–52 (in Russian)].

Денисов И.Е., Адамова Д.Л. Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2017. № 22. С. 76–89 [Denisov I.E., Adamova D.L. Xi Jinping’s Foreign Policy Formulas: Main Features and Problems of Interpretation. *China in World and Regional Politics (History and Modernity)*. 2017. No. 1. Pp. 76–89 (in Russian)].

Дин Хуан, Чжан Чун (丁煌, 张冲). Фань Бэйцзи Гунтунти Дэ Шэсян Юй Чжунго Шэньфэнь Дэ Суцзао—И Чжун Цзяньюй Чжун Дэ Цзеду (Видение Пан-Арктического сообщества и формирование китайской идентичности – интерпретация конструктивизма) (泛北极共同体的设想与中国身份的塑造——一种建构主义的解读). *Цзянсу Синчжэн Сюэюань Сюэбао* (*Журнал Института управления Цзянсу*). 江苏行政学院学报. 2016. № 4. Pp. 76–79 [Ding Huang, Zhang Chong. Fan beiji gongtongti de shexiang yu zhongguo shenfen de suzao—yi zhong jiangou zhuyi de jiedu (*Vision of the Pan-Arctic Community and the Formation of Chinese Identity – Constructivist Interpretation*) *Jiangsu xingzheng xueyuan xuebao* (*Journal of Jiangsu Administration Institute*). 2016. No. 4. Pp. 76–79 (in Chinese)].

Жэньминь Жибао (人民日报). Сешоу Кайсхуан Чжун Э Цзинмао Хэцэо Синь Цзюймянь Цай Ди Сань Цзе Чжун Э Цзинцзи Гуншан Цзе Гаофэн Луньтань Кайму Ши Шан Дэ Чжицы Чжунго Гоюань Цзунли Вэньцзябао (Сплотиться, чтобы создать новую ситуацию в китайско-российском торгово-экономическом сотрудничестве – выступление на церемонии открытия 3-го китайско-российского экономического и делового саммита. Речь премьер-министра Госсовета Китая Вэнь Цзябао) (携手开创中俄经贸合作新局面——在第三届中俄经济工商界高峰论坛开幕式上的致辞。中国国务院总理温家宝) Москва, 28.10.2008 [People’s Daily. Xieshou kaichuang zhong e jingmao hezuo xin jumian – zai di san jie zhong e jingji gongshang jie gaofeng luntan kaimu shi shang de zhici zhongguo guowuyuan zongli wenjiabao (To Unite to Create a New Situation in Sino-Russian Trade and Economic Cooperation – Speech at the Opening Ceremony of the 3rd China-Russia Economic and Trade Summit. Speech by Chinese Premier

Wen Jiabao) Moscow, 28.10.2008 (in Chinese)] http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2008-10/29/content_128180.htm (accessed: 19.11.2019).

Китайская метеорологическая администрация (中国气象局). *Сицзиньпин Синьвэнь Юйлунь Гунцзо Силе Чжунъяо Цзяньхуа* (Серия важных выступлений Си Цзиньпина о новостях и работе общественного мнения) (习近平新闻舆论工作系列重要讲话) 18.10.2018 [China Meteorological Administration. *Xijiping xinwen yulun gongzuo xilie zhongyao jianghua* (A Series of Important Speeches by Xi Jinping on News and Public Opinion Work). 18.10.2018 (in Chinese)] http://www.cma.gov.cn/2011xzt/2018zt/20181016/2018101601/201810160101/201810/t20181018_480653.html (accessed: 11.11.2020).

Кобзева М.А. Противоречия в оценках арктической политики КНР. *Конфликтология*. 2017. № 2. С. 201–219 [Kobzeva M.A. The Conflict in Assessments of China's Arctic Behaviors. *Konfliktologia* (= *Conflictology*). 2017. No. 2. Pp. 201–219 (in Russian)].

Песцов С.К. Дискурсная сила во внешней политике Китая: интерпретация и продвижение инициативы «Один пояс – один путь». *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2017. Т. 22. С. 155–164 [Pestsov S.K. Discourse Power in China's Foreign Policy: Interpretations and Promotion of the «One Belt – One Road» Initiative. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*. 2017. Vol. 22. Pp. 155–164 (in Russian)].

Сунь Цзишэн (孙吉胜). Чжунго Гоцзи Хуаюй Цюань Дэ Суцзао Юй Тишэн Луцзин – И Дан Дэ Шиба Да Илай Дэ Чжунго Вайцзяо Шицзянь Вэй Ли (Путь совершенствования и формирования международной дискурсной власти Китая: на примере дипломатической практики Китая после 18-го Национального конгресса Коммунистической партии Китая) (中国国际话语权的塑造与提升路径——以党的十八大以来的中国外交实践为例) *Шицзе Цзинцзи Юй Чжэньчжи* (Мировая экономика и политика, 世界经济与政治). 2019. № 3. Pp. 19–43 [Sun Jisheng. Zhongguo guoji huayu quan de suzao yu tisheng lujing – yi dang de shiba da yilai de zhongguo waijiao shijian wei li (The Path to Shaping and Promoting China's International Discourse Power: Taking China's Diplomatic Practice Since the 18th National Congress of the Communist Party of China as an Example) *Shijie jingji yu zhengzhi* (World Economics and Politics). 2019. No. 3. Pp. 19–43 (in Chinese)].

ТАСС. *Китай вводит новые правила национальной кибербезопасности*. 28.04.2020 [TASS. *China Introduces New Rules for National Cyber Security*. 28.04.2020 (in Russian)] <https://tass.ru/ekonomika/8354091> (accessed: 17.10.2020).

Хэ Гуанцянь, Сун Сюэцзюй (何光强, 宋秀琚). Чуанцзаосин Цзежу: Чжунго Цаньюй Бэйцзи Дицюй Шиу Дэ Тяоцзянь Юй Луцзин Таньсо (Креативное вмешательство: поиск путей и условий участия Китая в международных отношениях в Арктике) (创造性介入: 中国参与北极地区事务的条件与路径探索) *Таипинъян Сюэбао* (Тихоокеанский журнал, 太平洋学报). 2013. Vol. 21. № 3. Pp. 51–58 [He Guangqiang, Song Xuju. Chuangzaoxing jieru: Zhongguo canyu beiji diqu shiwu de tiaojian yu lujing tansuo (Creative Intervention: Exploration of Conditions and Paths for China's Involvement in Arctic Affairs) *Таипинъян Сюэбао* (Taipingyang xuebao). 2013. Vol. 21. No. 3. Pp. 51–58 (in Chinese)].

Чжан Чжичжоу (张志洲). Наньхай Вэньти Шан Дэ Хуаюй Бои Юй Чжунго Гоцзи Хуаюй Цюань (Проблема Южно-Китайского моря с точки зрения игры дискурсов и международной дискурсной власти Китая) (南海问题上的话语博弈与中国国际话语权). *Таньсо Юй Чжэньмин* (Исследования и дискуссии, 探索与争鸣). 2020. № 7. Pp. 126–134 [Zhang Zhizhou. Nanhai wenti shang de huayu boyi yu zhongguo guoji huayu quan (Discourse Game and China's International Discourse Power on the South China Sea Issue). *Tansuo yu zhengming* (Exploration and Free Views). 2020. No. 7. Pp. 126–134 (in Chinese)].

Чжоу Ядун. Гоуцзянь Вомэнь Цзыцзи Дэ Миньчжу Хуаюй Тиси (Строительство нашей собственной системы демократического дискурса) (构建我们自己的民主话语体系). *Жэньминь Жибао* (人民日报) 20.06.2017 [Zhou Yadong. Goujian Women Ziji de Minzhu Huayu Tixi (Build Our Own Democratic Discourse System). *People's Daily*. 20.06.2017 (in Chinese)] <http://theory.people.com.cn/n1/2017/0630/c40531-29373312.html> (accessed: 18.11.2019).

- Bates G. China's Global Influence: Post-COVID Prospects for Soft Power. *The Washington Quarterly*, 2020. Vol. 43. No. 2. Pp. 97–115.
- Brady A.M. Magic Weapons: China's Political Influence Activities under Xi Jinping. Wilson Center, 2017. No. 18. <https://www.wilsoncenter.org/article/magic-weapons-chinas-political-influence-activities-under-xi-jinping> (accessed: 19.10.2019).
- Brazys S., Dukalskis A. China's Message Machine. *Journal of Democracy*, 2020. Vol. 31. No. 4. Pp. 59–73.
- Chen X. AmbCHENXiaodong. Twitter. 07.03.2020. <https://twitter.com/AmbCHENXiaodong/status/1236322524281044993> (accessed: 15.08.2020).
- Gustafsson K. Is China's Discursive Power Increasing? The «Power of the Past» in Sino-Japanese Relations. *Asian Perspective*, 2014. Vol. 38. No. 3. Pp. 411–433.
- Huang A. *Combating and Defeating Chinese Propaganda and Disinformation. A Case Study of Taiwan's 2020 Elections. Policy Analysis Exercise*. Harvard: Harvard Kennedy School. Belfer Center for Science and International Affairs, 2020.
- Kania E. *The PLA's Latest Strategic Thinking on the Three Warfares*. The Jamestown Foundation, 22.08.2016. <https://jamestown.org/program/the-plas-latest-strategic-thinking-on-the-three-warfares/> (accessed: 10.12.2019).
- Kynge J., Hornby L., Anderlini J. Inside China's Secret “Magic Weapon” for Worldwide Influence. *Financial Times*. 26.10.2017. <https://www.ft.com/content/fb2b3934-b004-11e7-beba-5521c713abf4> (accessed: 10.10.2020).
- Lams L. Examining Strategic Narratives in Chinese Official Discourse under Xi Jinping. *Journal of Chinese Political Science*. 2018. Vol. 23. No. 3. Pp. 387–411.
- Litvak N.V., Pomozova N.B. Chinese Diplomatic Discourse for Europe: A Change of Style. *Russia in Global Affairs*. 15.03.2021. <https://eng.globalaffairs.ru/articles/chinese-diplomatic-europe/> (accessed: 17.03.2020).
- Liu R.C. China's “Great Overseas Propaganda” Under the Belt and Road Initiative. *China's Search for 'National Rejuvenation': Domestic and Foreign Policies under Xi Jinping*. Ed. by Jabin T.J., Hoang T.A. Singapore: Springer, 2020. Pp. 169–183.
- Nye J. S. *The future of power*. New-York: Public Affairs, 2011.
- Wang H. Contextualising China's Call for Discourse Power in International Politics. *China: An International Journal*. 2015. Vol. 13. No. 3. Pp. 172–189.
- Xi, J. *Xi Jinping: The governance of China*. Vol. 2. Foreign Languages Press: Beijing, 2017.
- Zhao K. China's Rise Its Discursive Power Strategy. *Chinese Political Science Review*. April 2016. Pp. 539–564.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОБЗЕВА Мария Артуровна –
кандидат политических наук, научный
сотрудник Санкт-Петербургского
государственного университета, Россия.

Mariia A. KOBZEVA, PhD in Political Science,
Research Fellow, Saint Petersburg State
University, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014533-3

КИТАЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ИЛИ ПРООБРАЗ ОТВЕТСТВЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЫ: ДИСКУССИИ О ЦИН В КНР И НА ЗАПАДЕ

© 2021

К.А. САНИН^а

^а – Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6317-007X; sanin.k.a@my.mgimo.ru

Резюме: В свете укрепления Китая в качестве одной из великих держав объектом исследований становятся распространенные в КНР представления о природе китайского государства и должном характере отношений с соседними странами. Учитывая, что руководством КНР провозглашена цель «возрождения» китайской нации, современные оценки исторического прошлого Китая позволяют по-новому взглянуть на перспективы внутреннего развития КНР, а также китайской внешней политики в Восточной Азии. Эпоха династии Цин представляет в этом плане особый интерес, так как к этому периоду относятся расширение территории китайского государства примерно до современных границ и переход Китая от сложившейся веками традиционной модели отношений с соседями к современному типу взаимодействия суверенных государств.

В настоящее время существуют различные интерпретации и подходы к пониманию китайских традиций во внешней политике, которые в значительной степени обусловлены отношением к современной позиции Китая на международной арене. В то время, как руководители КНР взяли на вооружение разработанную западными китаистами концепцию традиционного китайского миропорядка, множество исследователей на Западе ставят эту концепцию под сомнение и склоняются к описанию дореволюционного Китая в качестве одной из многих экспансионистских империй в Евразии. Такая точка зрения, в свою очередь, подвергается острой критике со стороны китайских авторов, потому что изображение Цинского Китая как одной из империй может в долгосрочной перспективе повлечь серьезные последствия не только для внешней политики, но и для государственного единства КНР.

В целях достижения своих целей во внутренней и внешней политике китайские руководители стремятся выстраивать исторический нарратив таким образом, чтобы он объединял в себе наиболее выгодные в современной ситуации элементы различных периодов китайской истории, при этом большое внимание уделяется истории Шёлкового пути.

Ключевые слова: Цин, империя, данническая система, Центральная Азия, международный порядок, многонациональное государство.

Для цитирования: Санин К.А. Китайская империя или прообраз ответственной глобальной державы: дискуссии о Цин в КНР и на Западе. *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 185–194. DOI: 10.31857/S086919080014533-3

CHINESE EMPIRE OR A PROTOTYPE OF RESPONSIBLE GLOBAL POWER: DISCUSSIONS ON THE GREAT QING IN CHINA AND THE WEST

© 2021

Konstantin A. SANIN^a

^a—Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6317-007X; sanin.k.a@my.mgimo.ru

Abstract: *In the light of China's rise, it is of great interest to consider the views that are widespread in the PRC on the nature of Chinese State and the proper mode of international relations. Considering that Chinese leadership has proclaimed the goal of "rejuvenation" of the Chinese nation, modern assessments of China's historical past allow us to take a fresh look at the prospects for China's internal development as well as Chinese foreign policy in Asia. In this regard, the era of the Qing Dynasty is of particular interest. During that period Chinese territory expanded approximately to its modern borders, and the relations with the neighbors underwent a transition from the tributary system to the modern Westphalian type of international relations.*

There exist various interpretations of Chinese foreign policy's traditions. Those interpretations are largely determined by the attitude to China's current behavior at the international stage. While the Chinese rulers have adopted the concept of traditional Chinese world order that is of Western origin, many Western researchers nowadays question this concept and tend to describe pre-revolutionary China as one of many expansionist empires in Eurasia. That point of view is subject to sharp criticism from Chinese authors.

In order to achieve their goals in domestic and foreign policy, Chinese leaders strive to build a historical narrative in such a way that it combines the elements of various historical periods, which are most profitable in the current circumstances, including the history of the Silk Road.

Keywords: Qing, empire, tributary system, Inner Asia, international order, multiethnic state.

For citation: Sanin K.A. Chinese Empire or a Prototype of Responsible Global Power: Discussions on the Great Qing in China and the West. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 185–194. DOI: 10.31857/S086919080014533-3

С приходом в конце 2012 г. к власти пятого поколения китайских руководителей во главе с Си Цзиньпином власти КНР выдвинули ряд политических инициатив, которые свидетельствуют о постепенном переходе Китая к новой модели отношений с другими странами. Масштабная стратегия по укреплению роли Китая в мировой экономике, обозначенная девизом «выход вовне», направлена на превращение Китая к 2049 г. в богатое, сильное, модернизированное государство [Ломанов, 2018, с. 8–14]. При этом во внешней политике важное место в обозримой перспективе отведено реализации инициативы «Один пояс, один путь» [Си, 2017 (1)], которая предполагает наращивание всеобъемлющего сотрудничества с соседними странами.

В статье приведен краткий обзор того, как современное развитие внешней и внутренней политики КНР отражается в интерпретациях истории императорского Китая и какие существуют подходы к пониманию китайской истории в Новое время.

УСИЛЕНИЕ КНР В XXI ВЕКЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Как отметил Дж. Эгнью [Agnew, 2010], в научных и околонаучных дискуссиях выделяются два основных подхода к рассмотрению вопроса усиления Китая. В рамках перво-

го подхода Китай рассматривается в качестве очередной державы, которая поднимается на вершину глобальной иерархии, и настроена на открытый конфликт с действующим мировым лидером, то есть с США. Такой сценарий развития событий обычно именуется «ловушкой Фукидида». Второй подход направлен на восприятие Китая как совершенно иного явления в мировой политике, которое связано с его культурным и историческим своеобразием.

Заявленная Си Цзиньпином цель «великого возрождения китайской нации» также побуждает внимательнее изучить исторические принципы внешней политики Китая в период его расцвета. Главный редактор авторитетного научного журнала *Journal of Contemporary China* Чжао Суйшэн [Zhao, 2015] объясняет важность изучения того, как в современном Китае интерпретируют историческое прошлое, тем, что в продолжающийся рост благосостояния и мощи страны в КНР традиционно описывается как «возрождение» [Си, 2017 (2), с. 31–35]. Политику Китая можно в определенной степени прогнозировать, исходя из китайского понимания собственного исторического прошлого, многие элементы которого КНР намерена возрождать.

На протяжении десятков лет в западной исследовательской литературе отношения императорского Китая с другими государствами описывались в рамках модели, получившей название «данническая система» [Fairbank, 1968, p. 21–53]. Согласно данной концепции, китайский император в силу своей принадлежности к цивилизации и наличия особых моральных качеств получал мандат Неба на управление всей Поднебесной. Сопредельные страны и народы, в рамках этой концепции, приобщались к цивилизации и являлись ко двору Сына Неба с «данью», становились его подданными и получали мандаты на правление. «Непокорных» варваров, которые не желали приобщаться к цивилизации, китайский император мог подчинить силой и таким образом «привести мир в гармоничный порядок».

Таким образом, в ойкумене вокруг Китая была выстроена иерархическая система, основанная на неравенстве и управляемая в соответствии с конфуцианскими принципами морали и ритуала. Формально, в рамках системы тянься Китай занимал центральное место (или полагал так) не по причине своих экономических или военно-политических возможностей, а как единственный источник цивилизации и культуры.

Разработанная Дж. Фэрбэнком теория «даннической системы» в значительной степени носит схематичный характер и рассматривает многие эпизоды в отношениях между Китаем и сопредельными странами как отклонение от нормы. Благодаря Чжао Тиньяну [Zhao T., 2018], который исследовал эту концепцию как один из возможных вариантов развития системы международных отношений, традиционная идея китайского миропорядка получила широкую популярность в работах о современной политике в Восточной Азии. Как утверждает Чжао, преимущество «даннической системы» заключается в наличии иерархической структуры и высшей власти в мироустройстве, что позволяет сглаживать множество потенциальных конфликтов. Этого преимущества нет у Вестфальской системы международных отношений, которая основывается на формальном равноправии субъектов и анархии.

Идея о естественном и благотворном состоянии неравенства в отношениях Китая с соседями отстаивается не только китайскими авторами. Американский исследователь Д. Кан отмечает существенное отличие Китая от других стран Восточной Азии с точки зрения размеров и потенциала, в связи с чем региональное доминирование КНР может рассматриваться как возвращение к исторической норме, которая была разрушена Западом в XIX в. Также Кан утверждает, что усиление КНР в последние годы побудило соседние страны не противодействовать Китаю, а стремиться выстроить с ним взаимовыгодные отношения [Kang, 2010].

Вместе с тем по мере того как руководство КНР всё больше опирается на комплементарную трактовку истории Китая, на Западе возрастает тенденция пересмотра такого восприятия традиционного китайского миропорядка. Подходы к описанию истории отношений императорского Китая с соседями в негативном ключе используются в качестве весомого аргумента для критики и дискредитации современной внешней политики КНР.

Концепция китайского миропорядка, которая была предложена Дж. Фэрбэнком в 1960-х гг., в последнее время подвергается критике и пересмотру. Так, профессор Йельского университета П. Пердью отмечает [Perdue, 2015], что Дж. Фэрбэнк писал свои работы вместе с китайскими учеными-эмигрантами, которые преимущественно выражали точку зрения партии Гоминьдан. В период Холодной войны они стремились показать, что революционный коммунистический режим в Китае установился не навсегда и в целом Китай на протяжении всей своей истории оказывал благоприятное влияние на окружающие его страны [Chiang, 1947, p. 27–43].

П. Пердью определяет «китайский миропорядок» как исключительно умозрительную концепцию, которая использовалась специалистами по китайской истории для простоты описания. Большинство стран, которые в Китае было принято считать частью даннической системы, никогда на самом деле не признавали сюзеренитет китайских императоров. Во многих случаях отношения в рамках «даннической системы» носили спорадический характер или состояли исключительно из торговли товарами, в которых нуждался Китай.

Политика Китая в Средней Азии, по утверждению П. Пердью [Perdue, 2005, p. 462–517], периодически носила агрессивный характер, что дает повод говорить о китайском колониализме в регионе. О захватническом характере политики империи Цин в Центральной Азии писали в период советско-китайского разрыва и советские историки, в том числе В.С. Кузнецов [Кузнецов, 1983, с. 5–12]. Если придерживаться такого взгляда на китайскую историю, в отношениях с более слабыми соседями и в своих методах расширения империи традиционный Китай мало чем отличался от других великих держав Нового времени.

Следует отметить, что среди китайских авторов также нет однозначно положительного восприятия «даннической системы». Отдельные исследователи [Ван, 2007] рассматривают эту систему межгосударственных отношений как досадное следствие внешних угроз и социальной структуры императорского Китая, которое стоило Китаю много ресурсов и в итоге привело империю Цин к поражению в борьбе с колониальными империями Запада.

Система отношений императорского Китая с сопредельными государствами стала предметом широкого обсуждения в качестве культурной, политической и экономической модели, на основе которой КНР могла бы выстраивать свои отношения в Восточноазиатском регионе в наше время [Номпот, 2020]. Вместе с тем, на наш взгляд, в дискуссиях о международной политике зачастую без внимания остается внутривосточный фактор в КНР и значение, которое исторические интерпретации имеют для него.

ДИСКУССИИ О ПРИРОДЕ ГОСУДАРСТВА ЦИН

В последние 15–20 лет в западных гуманитарных науках большую популярность приобрели так называемые *empire studies*, которые направлены на изучение культуры, политической организации, идеологии и других аспектов жизнеустройства колониальных империй Нового времени. Большое внимание в них уделяется сравнительному анализу, выделению общих качеств и тенденций, характерных для всех империй. Учитывая исторические условия образования крупных империй в Азии, важной темой исследований стала история государств, основанных кочевыми народами, и выработанные в политиях кочевников принципы управления [Darwin, 2008, с. 4–47, 487–507]. Интерес к азиатским империям напрямую

связан с изучением большого региона, часто именуемого «внутренней Азией» (Inner Asia), который простирается от Каспийского моря на западе до Синьцзяна и Монголии на востоке и от Казахстана на севере до Индии на юге [Di Cosmo, 1999].

В случае с Китаем в 1990-е и 2000-е гг. также появились новые подходы к изучению эпохи династии Цин, которая правила страной в Новое время и присоединила к Китаю его современные западные территории. Так называемая новая школа Цин (New Qing School) предложила новый взгляд на историю Китая и взаимоотношения китайской цивилизации с кочевыми народами Евразии. Для современного Китая эпоха династии Цин имеет наиболее важное значение среди всех династических периодов, потому что КНР не только почти полностью наследует империи Цин территориально, но и многие идейные основы современного государства и его внешней политики берут свое начало в позднем периоде Цин.

Основная особенность «новой школы Цин» в том, что исследователи, которых можно условно отнести к ней, рассматривают период правления маньчжурской династии как особый период в китайской истории, когда сам Китай был частью обширной многоэтнической империи во «внутренней Азии», в которой традиционная китайская политическая культура дополняла механизмы управления, характерные для государств кочевников. Постепенная китаизация Цин не подвергается сомнению, однако большое внимание уделяется именно особенностям Цин как правящей династии некитайского происхождения. Таким образом, основные послы «новой школы Цин» в том, что государство под властью династии Цин было империей, при этом маньчжурская династия была изначально чуждой для Китая, который был так же завоёван маньчжурами, как впоследствии Монголия и Синьцзян. В рамках этой исследовательской концепции империя Цин рассматривается не столько как один из периодов правления множества китайских династий, но преимущественно как одно из могущественных азиатских государств Азии, изначально основанных кочевниками, наряду с империей Великих Моголов в Индии, Османской империей и государством Тамерлана.

Наряду с историей маньчжуров и китайского государства в 1644–1911 гг. исследователи, которых относят к этой исторической школе, отличаются введением в оборот большого количества источников, в том числе документов на маньчжурском языке, географических карт и литературных произведений, использованием сравнительного анализа (сравнения с азиатскими империями Нового времени), а также изучением периферийных регионов Китая [Waley-Cohen, 2004]. К указанному направлению исследования истории Китая следует отнести работы американских авторов П. Пердью [Perdue, 2005], Дж. Миллварда [Millward, 1998], П. Кроссли [Crossley, 1999]. Благодаря наличию большого количества документов авторами достаточно подробно изучена политико-экономическая структура, в том числе механизмы государственного контроля и управления на приграничных территориях на западе страны, которые в наше время служат центром для продвижения инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) в Центральной Азии.

В КНР отношение вообще к понятию «империя» и работам «новой школы Цин» однозначно отрицательное. Американские авторы, относящие себя к этой исследовательской школе, официальной идеологией подвергаются жесткой критике [Кроссли, 2018]. Среди прочего, недовольство в Китае вызывает повышенное внимание авторов этой исторической школы к периферийным регионам КНР, что расценивается как подрыв единства китайской истории и современной китайской нации в исторической перспективе.

Одновременно в связи с реализацией инициативы ОПОП многие работы «новой школы Цин» встречают интерес китайских историков, в основном благодаря основательному изучению источников периода Цин. Например, доцента университета Шэньчжэня Цай Вэйцзе [Цай, 2017], который занимается исследованием истории Китая с точки зрения истории

кочевых народов, также можно отнести к «новой школе Цин». Тем не менее основные идеи, характерные для этой школы, не встречаются в Китае одобрения.

Весьма показательной в этом плане служит статья в издании АОН Китая сотрудника государственного комитета по изучению истории Цин Ли Чжитина [Ли, 2015], который приводит обширный ряд доводов и претензий против этой школы. Во-первых, отмечает Ли Чжитин, многие китайские ученые, начиная с 1950-х гг., посвящали свою деятельность исследованию истории и культуры национальных меньшинств на периферии КНР, благодаря чему введение в научный оборот документов на маньчжурском и других языках уже давно не считается чем-то инновационным. При этом основные претензии к западной точке зрения на природу династии Цин сводятся к пониманию взаимоотношений ханьцев и китайского государства с другими народами.

В исследованиях «новой школы Цин» общепринято понимание Китая в ту эпоху как империи, учитывая, что государство имело в своем основании универсалистскую идею власти (тянься) и охватывало огромные территории и множество народностей, которые зачастую были включены в состав страны в результате военного завоевания.

Дж. Миллвард [Millward, 1998, p. 35–44] в этой связи характеризует способ устройства и расширения государства Цин как «старый империализм», который более характерен для континентальных империй Евразии и отличается от европейского и японского «экономического империализма». Исходя из общепринятой в современном Китае концепции «века унижений» от европейского и японского колониализма, Ли Чжипин категорически отвергает определение государства Цин как «империи», ведь сам Китай в XIX в. стал жертвой империализма. Кроме того, такое неприятие идеи империи также хорошо соответствует отношению к империализму в социалистической традиции. По словам Ли Чжитина, единственным китайским историком, который определял Китай эпохи Цин как империю, был Сяо Ишань, однако его взгляд на эту проблему в китайской исторической науке давно признан «экстремистским» [Цуй, 2020].

Таким образом, тяжелое положение Китая после его включения в международную систему в 1842 г., борьба китайских революционеров и националистов против маньчжурской династии, проникновение в сознание жителей КНР социалистических идей, а также распространенные во всем мире либеральные концепции эпохи глобализации в совокупности сформировали в Китае крайнее отторжение идеи империи, даже в отношении истории страны. Пример отношения современных китайских авторов к определению Цин в качестве китайской «империи» дает дополнительное понимание, почему при продвижении за рубежом инициатив ОПОП и «сообщества единой судьбы человечества» китайское руководство стремится обосновать их, обращаясь к истории Шёлкового пути, и не уделяет особого внимания расширению китайского государства в Центральной Азии, Монголии и т.д. Расширение империи Тан в VII в. или Цин в XVI–XVIII вв. трактуется исключительно как обретение Китаем своих естественных древних границ, практически в отрыве от международных отношений с соседними странами.

Еще одним предметом недовольства китайской историографии американскими авторам «новой школы Цин» является изучение империи Цин как особого государства Нового времени в Восточной Азии, которое, по мнению упомянутых западных исследователей, по ряду признаков кардинально выделяется из общей истории китайских правящих династий [Rawski, 1998, p. 197–230]. Ли Чжипин полностью отвергает предположения о некитайской природе государства Цин из-за маньчжурского происхождения правящей династии и даже приводит в качестве довода президентство Б. Обамы, которые не сделало США менее американским государством. Ли также ссылается на мыслителя эпохи Северная Сун Ши Цзе (1005–1045), который писал, что «варвары» на севере и западе были вассалами Китая

при династиях Шан и Чжоу, до того как Цинь Шихуан покорил хунну и ди и построил стену [Ли, 2015]. По мнению Ли Чжитина, это подтверждает историческое единство всех народностей современного Китая, и тот факт, что окончательно в единое государство все территории были объединены только в эпоху Цин, ничего в этом не меняет.

Ли Чжитин также отвергает рассуждения о захватнической политике Цин в отношении соседних народов, прежде всего монголов, джунгаров, уйгуров. Он ссылается на записи истории царствования императора Юнчжэна (1723–1735), который сказал о «великом объединении» Китая: Цин «заложила основу у Восточно-Китайского моря, объединила все страны и всех людей, которые были внутри и по периметру страны со времен Яо и Шуня, правит Поднебесной. В мире знают, что Цин совершила великое объединение». Ли Чжитин подчеркивает, что идея «великого объединения» не была придумана маньчжурами для оправдания своей территориальной экспансии, а впервые упоминается в Хронике «Весны и осени» и относится к древним политическим концепциям Китая. Таким образом, в соответствии с официальным нарративом, территориальные завоевания Цин представляются не как имперская или колониальная экспансия маньчжурской державы, а исключительно как восстановление территориального и государственного единства китайской цивилизации.

Наконец, Ли Чжитин подвергает резкой критике представление о маньчжурах как о народе, чуждом Китаю до 1644 г. Ссылаясь на 24 классические династийные истории, он относит маньчжуров к древнему народу сушень, который согласно традиционным китайским источникам находился в политической орбите Китая еще во времена мифических правителей Яо и Шуня. В целом концепция о чуждости маньчжурской по происхождению династии Цин (и наряду с ней монгольской Юань) Китаю трактуется Ли Чжитином как однозначно антикитайская, потому что она использовалась японцами в период Второй мировой войны для обоснования разделения Китая и независимости от него марионеточного государства Маньчжоу-го. В целом события новейшей истории Китая, когда его территориальная целостность подвергалась серьезным угрозам (некоторые из них сохраняются до сих пор, преимущественно в Синьцзяне), заставляют китайские власти придерживаться нарратива, согласно которому Китай никогда не расширялся за пределы своих естественных границ, которые были заложены в глубокой древности и всегда охватывали все народы, населяющие современную КНР. Другими словами, согласно общепринятому в Китае историческому нарративу, Китай, несмотря на известную традиционную идею о власти императора над Поднебесной, является многонациональным, но в то же время не склонным к расширению государством. Наряду с отрицательными коннотациями понятия «империя» из этого следует, что народы, которые сейчас не входят в состав Китая, никогда ранее в него не входили ни в каком виде. Такая точка зрения на историю, с одной стороны, позволяет подвести идеологическое обоснование под необходимость сохранения территориальной целостности современного государства и в значительной степени снять опасения соседних государств относительно агрессивных намерений КНР. С другой стороны, такой исторический нарратив накладывает ограничения для обоснования, прежде всего для населения самой КНР, территориальной или военно-политической экспансии в соседние страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие различных подходов к пониманию империи Цин и традиционной модели отношений Китая с другими странами в значительной степени связано с тем, что история используется для описания современной политики КНР в международных делах и в периферийных регионах внутри страны [Homprot, 2020].

Исходя из целей сохранения единства КНР, территориальная экспансия Цин трактуется как не завоевание, а восстановление единства и естественных границ китайской нации. При этом в вопросах отношений Цин с другими народами, не входящими в состав КНР, китайская точка зрения акцентируется на мирном взаимодействии, которое малым странам зачастую приносило больше выгод, чем Китаю. Особого внимания удостоивается также ущерб, который государство Цин понесло от империалистических держав Запада и Японии.

В современной внешней политике инициатива Си Цзиньпина «Один пояс, один путь» выглядит единственным возможным вариантом для расширения сферы влияния КНР на основе исторических образов и новых политических концепций. Образ древнего Шелкового пути привлекателен для многих стран Азии тем, что подразумевает мирную торговлю и культурные обмены, а также не подразумевает политического господства Китая [Си, 2017(1)]. Хотя Китай и играл крайне значимую роль в древнем Шелковом пути, он не занимал на нем доминирующих позиций, которые позволяли бы контролировать других участников обменов. Например, как известно, основную роль в торговле играли купцы из оазисов Средней Азии, поэтому идея нового Шелкового пути и не вызывает отторжения в регионе. Инициатива «Один пояс, один путь» в значительной степени фиксирует мирный характер устремлений Китая, направленный на развитие экономического и гуманитарного сотрудничества.

В целом китайские теоретики внешней политики, которые развивают новые концепции, призванные обеспечить международное лидерство КНР, опираются преимущественно на традиционные политические теории Китая, а также на образ исторического Шелкового пути. К государству Цин как примеру сильного Китая больше обращаются, касаясь современной внутренней политики, в целях подчеркнуть единство исторической судьбы всех народов, которые населяют территорию КНР. В качестве исторического обоснования внешней политики на современном этапе история империи Цин практически не используется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

Кузнецов В.С. *Цинская империя на рубежах Центральной Азии, (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.)*. Новосибирск: Наука, 1983 [Kuznetsov V.S. *Qing Empire at the Borders of Central Asia (Second Half of the 18th – First Half of the 19th Century)*. Novosibirsk: Nauka, 1983 (in Russian)].

Ломанов А.В. *Проблемы внешней политики на XIX съезде КПК. Решения XIX съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений*. Отв. ред. А.О. Виноградов. М.: ИДВ РАН, 2018 [Lomanov A.V. *Foreign Policy Issues at the 19th CCP National Congress. Resolutions of the 19th CCP National Congress and the Prospects for Chinese-Russian Relations*. Ed. A.O. Vinogradov. Moscow: IFES RAS, 2018 (in Russian)].

Ван Цин (王青). *Чжунго чуаньтун дуйвай гуаньси дэ лян чжун моши – лии жэньчжи юй тиси цзегоу фэньси* (Две модели традиционных отношений Китая с другими странами: анализ понимания интересов и структуры системы (中国传统对外关系的两种模式 - 利益认知与体系结构分析). Диссертация на звание доктора философии. Университет Цинхуа. 2007 [Wang Qing. *Zhongguo chuantong duiwai guanxi de liang zhong moshi - Liyi renzhi yu tixi jieou fenxi (The Two Patterns of China's Traditional Foreign Relations – Interest Perception and System Structure Analysis*. PhD Thesis). Tsinghua University. 2007 (in Chinese)].

Кроссли Р. (柯妍燕). Во бу шу юй «синь цин ши» (我不属于“新清史”) (Кроссли Р. Я не отношу себя к «новой истории Цин») Пэнпай синьвэнь (澎湃) [Kejiaoyan: wo bu shuyu “Xin Qing shi” (Crossley P. I Do Not Belong to “New Qing School”. *Penpai xinwen (The Paper)* (In Chinese)] https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_2705137 (accessed: 23.10.2018).

Ли Чжитин (李治亭). «Синь Цин ши»: «синь диго чжун шисюэ бяобэнь» (“新清史”: “新帝国主义”史学标本). («Новая история Цин»: новый образец исторической школы «нового империализма») [Li Zhiting. “Xin Qing shi”: “xin diguo zhuyi” shixue biao ben. (“New Qing history”: New Example of the “New Imperialism School”) (in Chinese)] http://www.cssn.cn/zx/201504/t20150420_1592588_7.shtml (accessed: 22.10.2019).

Си Цзиньпин цзай «И дай и лу» луньтан фабяо чжучжи цзяньянь. (习近平在“一带一路”论坛发表主旨讲演). (Си Цзиньпин выступил с основной речью на Форуме «Один пояс, один путь»). Синьхуа. 2017(1) [Xi Jinping zai “Yidai yilu” luntan fabiao zhuzhi jiangyan. (Xi Jinping Presented the Key Speech at the “One Belt, One Road” Forum). *Xinhua*. 2017(1) (in Chinese)] http://news.xinhuanet.com/politics/2017-05/14/c_1120969677.htm (accessed: 14.12.2017).

Си Цзиньпин (习近平). *Цзюэшэн цюаньмянь цзяньчэн сяокан шэхуэй. Доцю синьшидай чжунго тэсе шэхуэйчжун вэйда шэнли* (Завершить строительство общества среднего достатка. О великой победе социализма с китайской спецификой в новой эпохе (决胜全面建成小康社会. 夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利). Дандэ шицзю дабаогэо сюэси фудэо байвэнь (党的十九大报告学习辅导百问). (Сто вопросов для изучения и комментариев к большому докладу XIX съезда Партии). Пекин: Сюэси чубаньшэ, 2017(2) [Xi Jinping. Juesheng quanmian jiancheng xiaokang shehui. Duoqu xin shidai zhongguo tese shehuizhuyi weida shengli (*Complete the Construction of a Middle-Class Society. On the Great Victory of Socialism with Chinese Characteristics in the New Era*). Dangde shijiu dabaogao xuexi fudao baiwen (*100 Questions to Study the Great Report at the 19th CCP National Congress*). Beijing: Xuexi chubanshe, 2017(2) (in Chinese)].

Цай Вэйцзе (蔡伟杰). Чжэнлунь чжи вай: «синь Цин ши» ю хэ синь цзиньчжан? (争议之外, “新清史”有何新进展?). (За рамками споров: что нового у «новой школы Цин»?) *Пэнпай синьвэнь* (澎湃) [Cai Weijie. Zhengyi zhiwai: “Xin Qing shi” you he jinzhang? Cai Weijie. Beyond the Discussions: What is New at the “New Qing School”? *The Paper* (in Chinese)] https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1587104 (accessed: 19.01.2020).

Цуй Чжихай (崔志海). *Вань Цин чжэнчжи ши яньцзю 70 нянь хуэймоу юйч жаньван* (晚清政治史研究70年回眸与展望) (Обзор 70 лет исследований политической истории Цин) [Cui Zhihai. Wan Qing zhengzhi shi 70 nian huimou yu zhanwang (*A Review of 70 Years Research of the Qing's Political History*) (in Chinese)] http://www.cssn.cn/zx/202005/t20200505_5121668.shtml (accessed: 01.06.2020).

Agnew J. Emerging China and Critical Geopolitics: Between World Politics and Chinese Particularity. *Eurasian Geography and Economics*. 2010. 51:5. Pp. 569–582.

Chiang Kai-shek. *China's Destiny and Chinese Economic Theory*. New York: Roy Publishers, 1947.

Crossley P.K. *A Translucent Mirror: History and Identity in Qing Imperial Ideology*. Berkeley: University of California Press, 1999.

Darwin J. *After Tamerlane: The Rise and Fall of Global Empires, 1400–2000*. London: Penguin Books, 2008.

Di Cosmo N. New Directions in Inner Asia History: A Review Article. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1999. Vol. 42(2). Pp. 243–263.

Fairbank J.K. *The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations*. Second edition. Cambridge: Harvard University Press, 1968.

Hompot S. A Discourse Analysis of Recent Mainland Chinese Historiography on the Sinocentric Tributary System of the Ming and Qing Dynasties (1368–1912). *Vienna Journal of East Asian Studies*. 2020. 12. Pp. 149–176.

Kang D.C. Hierarchy and Legitimacy in International Systems: The Tribute System in Early Modern East Asia. *Security Studies*. 2010. Vol. 19. Pp. 591–622.

Millward J. M. *Beyond the Pass: Economy, Ethnicity, and Empire in Qing Central Asia, 1759–864*. Stanford: Stanford University Press, 1998.

- Perdue P.C. *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Harvard: Belknap Press, 2005.
- Perdue P. C. The Tenacious Tributary System. *Journal of Contemporary China*. 2015. Vol. 24 (96). Pp. 1002–1014.
- Rawski E.S. *The Last Emperors: A Social History of Qing Imperial Institutions*. Berkley: University of California, 1998.
- Waley-Cohen J. The New Qing History. *Radical History Review*. 2004. Issue 88. Pp. 193–206.
- Zhao Suisheng. Rethinking the Chinese World Order: the Imperial Cycle and the Rise of China. *Journal of Contemporary China*. 2015. 24:96. Pp. 962–974.
- Zhao Tingyang. *Can This Ancient Chinese Philosophy Save Us from Global Chaos?* https://www.washingtonpost.com/news/theworldpost/wp/2018/02/07/tianxia/?utm_term=.7c1270021a7b (accessed: 04.03.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

САНИН Константин Алексеевич –
аспирант Института Дальнего Востока РАН,
Москва, Россия.

Konstantin A. SANIN, PhD student, Institute
of Far Eastern Studies of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ

DOI: 10.31857/S086919080016226-5

О РУКОПИСЯХ, ЛИТОГРАФИЯХ И СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГАХ
КАРАКАЛПАКСКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

© 2021

Т.А. АНИКЕЕВА ^a, А.Р. ИДРИСОВ ^b^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-0653-3970; tatiana.anikeeva@gmail.com

^b – Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, Нукус, Узбекистан

ORCID: 0000-0002-3618-744X; qaraqalpaqstan@mail.ru

Резюме: Данная статья посвящена фонду арабографичных рукописей, литографий и старопечатных книг Каракалпакского Института гуманитарных наук КК ОАН РУз и содержит краткие описания некоторых из них. Многие рукописи и литографии этого фонда еще не становились объектом описания, и тем самым, не были введены в научный оборот.

В мае 2021 г. в ходе работы в данном рукописном фонде было продолжено научное описание коллекции рукописей, литографий и старопечатных книг, состоящей из новых поступлений (так называемой Чимбайской по месту происхождения большей части рукописей). Это более трехсот рукописей и печатных изданий на арабском, персидском и тюркском языках. Среди этих рукописей – произведения по мусульманской догматике, Кораны, поэтические произведения (стихи каракалпакских поэтов Ажинияза, Бердаха, разнообразные дастаны), трактаты по грамматике арабского языка, медицине и фармацевтике, истории, образцы каллиграфии на отдельных листах и др. – на арабском и тюркском языках (чагатайском, татарском, каракалпакском). Особый интерес представляют рукописи, переписанные в XX в. (например, «История города Чимбая», ряд пьес и т.д.). Также было осуществлено предварительное описание ряда арабографичных рукописей, поступивших в фонд КИГН из Института истории, археологии и этнографии.

Ключевые слова: арабографичные рукописи, Средняя Азия, Чимбай, Каракалпакия, книжная культура, Приаралье, литографии, тюркский фольклор.

Для цитирования: Анিকেева Т.А., Идрисов А.Р. О рукописях, литографиях и старопечатных книгах Каракалпакского института гуманитарных наук. *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 195–203. DOI: 10.31857/S086919080016226-5

ABOUT MANUSCRIPTS, LITHOGRAPHS AND EARLY PRINTED BOOKS
OF THE KARAKALPAK INSTITUTE OF HUMANITIES

© 2021

Tatiana A. ANIKEEVA ^a, Abdusalim R. IDRISOV ^b^a – Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia;

ORCID: 0000-0002-0653-3970; tatiana.anikeeva@gmail.com

^b – The Karakalpak State University named after Berdakh, Nukus, Uzbekistan;

ORCID: 0000-0002-3618-744X; qaraqalpaqstan@mail.ru

Abstract: In the course of work in the manuscript collection of the Karakalpak Institute of Humanities (Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan), a collection of manuscripts, lithographs and old-printed books was identified. It consists mainly of new arrivals (the so-called “Chimbay collection” at the place of origin of most of the manuscripts, from the city of Chimbay, formerly Shakhtemir, now in the Republic of Karakalpakstan). According to the information of the Institute’s employees, Uzak Rakhmatullayev (born in 1920 in the territory of the modern Chimbay district of Karakalpakstan) collected more than 300 manuscripts and printed publications in Arabic, Persian and Turkic languages and subsequently transferred the collection to the Institute. We started its scientific description. A preliminary list of manuscripts, lithographs, and old-printed books was compiled, and they were distributed by language, chronology and subject. Among these manuscripts are works on Muslim dogmatics, Korans, poetic works (poems by Ajiniyaz, Berdakh, Suleyman Bakyrghani, Ahmad Yasavi, various destans, etc.), treatises on the grammar of the Arabic language (“Tarkib al-Awamil”), historical works, samples of calligraphy on separate folios, etc., in Arabic, Persian and Turkic languages (Chagatai, Tatar, Karakalpak). Together, they represent the area of reading of a Muslim of that era (19-first half of the 20th century) and are one of the illustrations of the close literary and cultural ties between the Aral Sea region (then the Khanate of Khiva), the Volga region, and the Ottoman Empire (where a number of manuscripts were copied).

Keywords: arabographic manuscripts, Central Asia, Chimbay, Karakalpakstan, book culture, the Aral Sea region, lithographs, Turkic folklore.

For citation: Anikeeva T.A., Idrisov A.R. About Manuscripts, Lithographs and Early Printed Books of the Karakalpak Institute of Humanities. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 195–203. DOI: 10.31857/S086919080016226-5

Фонд восточных рукописей Каракалпакского Института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Узбекистана (г. Нукус, Каракалпакстан) насчитывает несколько сотен рукописей, старопечатных книг и литографий на арабском и тюркских и, в меньшей степени, персидском языках и объединяет поступления из разных источников.

Работа над описанием всего фонда, его систематизацией и составлением общего каталога рукописей была начата сотрудниками Каракалпакского научно-исследовательского Института гуманитарных наук М.А. Карлыбаевым и А.Р. Идрисовым, которые также вели активную полевую работу по поиску и выявлению рукописей. Впоследствии к ним в рамках реализации договора о сотрудничестве между ИВ РАН и КИГН присоединилась и Т.А. Аникеева¹. Можно сказать, что это рукописное собрание, включающее также литографии и книги, только начинает вводиться в научный оборот.

Источники пополнения библиотеки Института гуманитарных наук (в состав которого входят также старопечатные книги и литографии) различны: это и единичные поступления от частных лиц, и поступления целых коллекций, связанных с именем того или иного собирателя (например, А. Пирназарова, У. Рахметуллаева), а также манускрипты и книги, поступившие в фонд КИГН КК ОАн РУз из Института истории, археологии и этнографии в результате реорганизации и слияния библиотечных фондов.

В числе этих новых поступлений Фонда восточных рукописей КИГН особый интерес вызывает так называемая Чимбайская коллекция, получившая свое название по месту

¹ Хочу выразить благодарность директору КИГН КК ОАн РУз А.И. Алиянзову, сотрудникам Института и библиотеки за оказанное доверие и помощь в работе. – Т.А. Аникеева.

происхождения. Эта коллекция, несомненно, имеет огромное значение для истории каракалпакской культуры и литературы в целом: в ее составе были выявлены уникальные произведения, такие как «История города Чимбая» (написанная М. Оразымбетовым), стихи поэта каракалпакских классиков Ажинияза (1824–1878), Бердаха (1827–1900) и многие другие.

Чимбай (каракалп. Шымбай) – город в Каракалпакстане, расположенный в юго-восточном Приаралье, на р. Кегейли (Кегейлинском канале). Принято считать, что первые сведения о Чимбае восходят к XVIII в. (в раннее Средневековье на месте Чимбая, предположительно, находился некий город Кердер) – он упоминается в донесениях военных, русских и персидских послов, в трудах путешественников [Абишов, 2019]. В этот период времени Чимбай носил название Шахтемир и, по мнению ряда исследователей, являлся «вторым торговым центром северного Хорезма после Кунграда» [Абишов, 2019]; под современным названием он стал известен уже в первой половине XIX в. (см. также карту Хорезма в XVIII–XIX вв. [Bregel, 2003, p. 67, map 33]).

Собирателем рукописей и книг этой коллекции является Узак Рахматуллаев², который родился в 1920 г. в местности Куйын в территории современного Чимбайского района Республики Каракалпакстан. Отец Узака Рахматуллаева, Рахматулла Сейилхан-улы, в молодости учился в медресе Каракум-ишана (Кутлы-ходжа ишана). Известно, что библиотека этого медресе была очень богатой, некогда она считалась одним из самых крупных книжных собраний региона [Карлыбаев, 2020, с. 112]. Судьба библиотеки, по сведениям исследователей, полученным от информантов, скорее всего, была трагической: многие книги и рукописи были сожжены [Карлыбаев, 2020, с. 112], однако некоторая их часть, судя по рукописным отметкам У. Рахматуллаева на некоторых переплетках (см. далее), все же уцелела и была спасена.

Узак Рахматуллаев в 1936 г. вступил в ряды комсомольской организации, в 1941–1945 – участник Отечественной войны (в 1985 г. был награжден Орденом Отечественной войны II степени³). После войны учился в Партийной школе в Ташкенте. Работал в сфере культуры и образования. Он с юных лет интересовался литературой, музыкой и историей, коллекционированием и изучением арабографичных рукописей, собрав более трехсот рукописей и печатных изданий на арабском, персидском и тюркском языках.

Многие рукописи имеет довольно сильные повреждения (потеки от воды, следы горения (некоторые страницы прожжены насквозь), поедены жучком), иногда – следы реставрации. У ряда рукописей и литографий время и место переписывания⁴ можно установить только по косвенным палеографическим данным и данным сфрагистики (бумага, почерк, чернила, переплет, владельческие надписи и печати и т.д.).

Особый интерес представляют рукописи, переписанные в XX в. (например, упомянутая «История города Чимбая», ряд пьес, стихов, дастанов и т.д.): некоторая часть этих рукописей была переписана в 1930–50-е гг., в арабской графике и на кириллице (после 1939 г., когда состоялся переход на кириллицу). Эти списки говорят о том, что рукописная

² Интересно, что в том числе именно на сведения Узака Рахматуллаева ссылаются авторы при объяснении этимологии названия Чимбая: «Название *Чимбай*, по некоторым историческим источникам и документам архива, а также по материалам, собранным у жителей, произошел от имени *Чимбай*, человека, который помог освоить эту территорию. Об этом также говорит ветеран войны У. Рахматуллаев, услышавший это от чимбайского старика по имени Генжекул, который умер в 1946 г. в возрасте 100 лет. По рассказам этого старика, раньше на месте этого города был густой лес, и он утверждал, что человек по имени Чимбай действительно существовал и наименование произошло от его имени» [Абишов, 2019].

³ По данным веб-портала «Память народа»: <https://pamyat-naroda.ru/awards/anniversaries/1519313968> (дата доступа: 01.06.2021).

⁴ Отсутствие указания места переписки рукописи (в том числе и точное – медресе и т.д.) является довольно характерным для рукописей, переписанных в Средней Азии [Султанов, 1987, с. 494].

традиция в Хорезме, на территории Каракалпакии не прерывалась, и продолжала существовать даже после перехода на кириллицу в 1939 г. Переписывание же текстов дастанов (таких как «Гарип Ашик», локальные версии «Эдиге», фрагменты сказания об Алпамыше, сказки – это либо тексты, полученные от сказителей собирателями, либо же тексты, переписанные самими читателями, «слушателями»⁵) свидетельствует прежде всего о том, что устная традиция исполнения дастанов, а также их книжное бытование сохранились в XX в. довольно долгое время.

Ограничиваясь рамками статьи, мы приводим описания лишь некоторых рукописей, литографий и книг, что наиболее ярко отражают жанровый состав собрания арабграфических рукописей, литографий и книг фонда Института: это списки Корана, богословские сочинения, поэзия, трактаты, посвященные изучению арабского языка, литературные сочинения. Почти все они связаны с распространением мусульманской учености в регионе. Одни являются частью Чимбайской коллекции (рукописи этой коллекции, как правило, отмечены шифром, начинающимся на «Р-№», «Л-№»), другие представляют собой пополнения из иных источников.

[без шифра]. Коран القرآن

(илл. 1, 2)⁶

Рукопись. Язык текста – арабский.

Кожаный переплет, верхняя крышка отсутствует, 14×8 см. Видны следы тиснения (*мурдж*) на задней крышке. Бумага глянцевая среднеазиатская. От 6 до 11 строк на странице. Насх. Украшенный унван (позолота). Черные и красные чернила. Хафизы. Позолоченная рамка, 5×9,5 см. 205 л.

Переписан в Средней Азии, б.г. На с. 503 (последней) затертая владельческая печать.

Надпись карандашом «Инв. 140». Повреждения: следы жука.

Р-10. Фикх ал-Кайдани فقه كيداني (фрагмент)

Представляет собой фрагмент известного во всем мусульманском мире сочинения по исламскому праву (составлено Лутфаллахом Насафи ал-Фазил ал-Кайдани в XIV в.); списки этого сочинения присутствуют практически во всех крупных коллекциях арабских рукописей. Использовалось в качестве учебника в медресе Российской империи (преимущественно, в Поволжье), многократно переиздавалось⁷.

Рукопись. Язык текста – арабский. 7 листов. 9–13 строк на странице. Черные чернила. Насх. Конец отсутствует. Список выполнен на русской бумаге для делопроизводства и канцелярских документов (описей?); определить точный формат сложно из-за повреждений краев листа.

Место, время переписывания отсутствуют. Рукопись переписана в XX в. с типографского казанского издания 1904 года (Казань, типография Торгового дома братьев Каримовых), о чем сообщает имитация выходных данных печатной книги (илл. 3) на л. 1 (там же – рисунок).

Р-24. Таркиб ал-‘авамил [ал-ми’а] تركيب العوامل المنة

Комментарий к грамматическому трактату по синтаксису арабского языка «Ал-‘авамил ал-миа» («Сто управляющих частиц») Абу Бакра ‘Абд ал-Кахира ал-Джурджани (XI в.).

⁵ Записи эпических дастанов, полученные от сказителей, можно выделить в особую группу. Они также хранятся в Фонде рукописей Каракалпакского Института гуманитарных наук и, несомненно, нуждаются в отдельном исследовании и публикации.

⁶ Иллюстрации находятся на цветной вклейке.

⁷ Известно, что в период с 1869 по 1909 гг. татарскими издателями было выпущено более 20 изданий «Фикха» Кайдани [Сафиуллина, 2016].

Рукопись. Язык текста – арабский. Переплет отсутствует: тетрадь (прибл. 13×19 см) переплетена в страницы из журналов и газет XX в. Черные чернила. Насх. 15 строк на странице. 38 листов. Хафизы.

Дата, место переписки отсутствуют.

Л-150. Мехмед (Мехмед Челеби, Мухаммад ибн Салих) Языджиоглу. Мухаммадийя
محمديّة

Эта поэма, посвященная пророку Мухаммаду, представляет собой памятник религиозной дидактической поэзии, созданный турецким поэтом Мехмедом Языджиоглу (ум. 1451 г.). «Мухаммадийя» известна во многих списках и изданиях – как типографских, так и литографиях. Она пользовалась огромной популярностью не только в Османской Турции, но и среди российских мусульман, в частности, в татарской среде и среди мусульман Крыма (в том числе и в виде печатного издания – она была в числе первых, напечатанных в Казани типографским способом⁸). Многочисленные списки «Мухаммадийи», относящиеся к разному времени, присутствуют во многих рукописных собраниях страны и за рубежом (см., например: [Дмитриева, 2002, №№ 1042–1054]).

Наборная печать. Язык текста – турецкий. Поздний картонный переплет, обтянутый тканью. Конец отсутствует. Казань: Типография Торгового дома братьев Каримовых, 1902 г. В заднюю крышку переплета вложены фрагменты рукописи (один лист).

Л-30. Шамс ад-Дин Мухаммад ал-Кухистани.

Джами‘ ар-румуз [китабы] جامع الرموز

Распространенное в мусульманском мире (в особенности, среди мусульман Российской империи) сочинение по фикху бухарского муфтия-ханафита Шамс ад-Дина Мухаммада ал-Кухистани (ум. 950/ 1543); представляет собой комментарий к произведению «Мухтасар ал-викайа фи маса’ил ал-хидайа» Убайдуллы Садра аш-Шари‘а ас-Сани. О рукописных списках ее см.: [Булгаков, 2017, с. 317].

Наборная печать. Язык текста – арабский. 605 стр. Казань, 1880.

Следы потеков от воды. На титульном листе и на последней странице оттиски печати: «Мухаммед Суфи Серди (Сарди) 1301»⁹. На переднем форзаце надпись синими чернилами (шариковой ручкой), сделанная У. Рахметуллаевым: «1131 хиджрий 1880... Сейяхан углы Рахматулланын Кара-Кум мадрасинда окынан китабы.» (то есть эта книга принадлежала его отцу и происходит из библиотеки медресе Каракум-ишана).

Л-28. Бакырган китабы باقیرغان کیتابی

«Бакырганова книга». Сборник поэтических произведений, приписываемых тюркским поэтам-суфиям: главным образом, Сулейману Бакыргани¹⁰ (в состав антологии «Бакырган китабы» вошла его поэма «Ахыр заман китабы» – эсхатологическая поэма о конце света, а также поэма «Хазрат-и Марйам китабы»), а также Ходже Ахмаду Йасави¹¹ и др.

⁸ Например, см. издание М.А. Казембека в собрании МГИМО: № 308. Мухаммед Челеби (Языджиоглу). Мухаммадийя محمديّة Наборная печать. Язык текста – татарский. Казань: типография Людвиг Шутца, 1845 г. 300 стр. Печать библиотеки Ин-та востоковедения в Москве, ЛИВЯ. Надпись синими чернилами № 9223; Карандашом 497 – Д. (см.: [Аникеева, Зайцев, 2020]).

⁹ Прочтение печати предложено И.В. Зайцевым. По его предположению, возможно, из дер. Серда неподалеку от Казани.

¹⁰ Сулейман Бакыргани (или Хаким Ата, ум. в Хорезме в 1186 г.) – поэт, последователь Ахмада Йасави.

¹¹ Ахмад Йасави (Ахмад б. Ибрахим б. Али из г. Йасы/Туркестан, ум. в 1166/67 г.) – среднеазиатский поэт-проповедник XII в., автор сборника четверостиший «Диван-и хикмат» (или «Хикматов Йасави», т.е. наставлений-сентенций Йасави; достоверность принадлежности этих стихов находится под вопросом, так как многие

Наборная печать. Язык текста – тюркский. Казань: типография Торгового дома братьев Каримовых, 1906. 58 стр.

Шариковой ручкой на титульном листе сделана отметка (арабицей) с именем Узака Рахметуллаева и инвентарный номер L-28.

Казанские издания (известно, что в период с 1846 по 1916 гг. произведения Бакыргани были изданы в Казани 61 раз) крайне широко распространялись и были весьма популярными на родине Сулеймана Бакыргани в Центральной Азии, и, видимо, этим объясняется отсутствие среднеазиатских изданий «Бакырган китабы» и других произведений поэта [Язбердиев, 2001, с. 93].

[Л-38]. Мухаммад б. Шайх Мухаммад Рабхами.

Рийаз ан-насихин رياض الناصحين

Энциклопедия, посвященная различным отраслям мусульманских наук: догматике, праву, грамматике, медицине. Составлена Рабхами в 30-е гг. XV в.

Литография. Язык текста – персидский.

27 см. Индийский насталик. Бомбей: Карими, 1317/1899. Заказчик: хаджжи Сиддик Ходжанди. Об других изданиях см. [Щеглова, 2002, с. 107].

Литография без своего оригинального переплета, однако вплетена в поздний среднеазиатский переплет¹² (илл. 4) с тиснением (центральный медальон-*турундж* и спутники, но без сведений о переплетчиках).

Особое внимание, на наш взгляд, привлекают образцы традиционной тюркской словесности различных жанров, хранящиеся в фонде Института. Они представлены и в виде рукописей, и в литографиях и старопечатных книгах и весьма разнообразны по своему составу, а также разнородны и в хронологическом отношении. Это очевидно пользовавшиеся популярностью и циркулировавшие в различных рукописных списках, литографиях и отчасти устным исполнении в Южном Приаралье – Хорезме XIX – начала XX вв. эпические дастаны – как те, что связаны с общетюркской фольклорной традицией («Гариб Ашик»), так и те, что представляют собой локальные версии крупных эпосов (например, «Гороглы», «Эдиге»), – а также произведения, восходящие к средневековой арабской («Румуз-шах») литературной традиции, образцы классической «обрамленной прозы», популярной в Османской Турции и Среднем Востоке («История сорока везиров»), дидактические сочинения («Малика-йи Данышманд ве хезар саволи»). Ниже мы приводим некоторые книги и литографии (номера этих изданий также проставлены в соответствии с их обозначением/шифром в Фонде Института).

Л-144. Кёроглы рисалеси کور اوغلی رساله سی

Дастан относится к циклу сказаний о подвигах Кёроглы. Сказания этого цикла являются неотъемлемой частью устной традиции как тюркских народов (турок, азербайджанцев, туркмен, казахов, крымских татар, каракалпаков, узбеков, уйгуров), так и армян, грузин,

его последователи приписывали ему различные тексты, см.: [Бабаджанов, 2006, с. 426]), основатель братства *йасавайя*, впоследствии широко распространившегося в Средней Азии, в особенности и в Каракалпакии (свою популярность идеи братства сохраняли вплоть до XVIII в., см. [Карлыбаев, 2018, с. 63]), и затем (опосредованно через Юнуса Эмре) на территории Малой Азии – Турции.

¹² Нельзя сказать, принадлежал ли этот переплет другой литографии или же когда-либо в него была переплетена рукопись; однако он является ярким образцом местной традиции. Известно, что, в частности, в Хиве в области переплетного дела в типографиях сохранялась преемственность приемов рукописной книги (повсеместно в Центральной Азии для переплетов рукописей использовали цветную кожу с тиснением), а также местные мастера «предпочитали зеленый переплет при красном корешке» [Чабров, 1961, с. 327].

таджиков, курдов и др. Все версии данного эпического цикла объединяет общность сюжетных линий, в центре всех сказаний находится фигура Кёроглы (Кёроглу, туркм. Гёроглы, узб. Горогли) – ашуга, народного мстителя, храбреца и заступника обездоленных. Главная тема эпоса – борьба Кёроглы и его соратников (40 джигитов) против разнообразных врагов и угнетателей. Принято считать, что основной сюжет эпоса сложился в Азербайджане в конце XVI в., откуда распространился на север, запад и на восток; версии эпоса принято разделять на две группы, условно называемые западной и восточной. В разных формах и версиях бытование сказания о Кёроглы (Горогли, Гуругли, Гёр-оглы) зафиксировано у народов Центральной Азии, Турции, Ирана, Поволжья и даже Южной Сибири [Райхл, 2008]. Сюжеты отдельных глав, или частей, эпического цикла о Кёроглы объединены в серии эпизодов и приключений (сватовство главного героя, военные походы-вылазки, спасение из плена и др.). Версии эпоса различаются формой и объемом, а также степенью популярности

Наборная печать. Язык текста – тюркский. Начало отсутствует (с 3-й стр.). 88 стр. Петропавловск¹³, 1880.

Надпись синими чернилами на обороте 1л.: «Горуглы. 88 стр. 50 руб.», на переплете: «Горуглы. 88 стр. 50 руб.».

Л-266. [Мухаммад Зафар]. Малика-и Донишманд [ва хезар савол]

ملکه دانشمند و هزار سوال

«Мудрая царевна и [ее] 1001 вопрос». Популярное дидактическое сочинение в форме вопросов и ответов о вере, приписываемое Мухаммаду Зафару из Бухары.

Литография. Язык текста – староузбекский. Переплет отсутствует. Насталик. Б.м. (Средняя Азия¹⁴), б.г. 54 листа, начало и конец отсутствуют. Проставлена нумерация страниц шариковой ручкой – в обратную сторону, начиная с последней, слева направо. Надпись шариковой ручкой и инв. номер 172484: «Малика-уа Данишманд (ески озбек тилинде)».

Л-95. Кырк везир кыссасы قرق وزیر سی قصه

«Рассказы сорока визирей». Популярное прежде всего в турецком османском городском фольклоре сочинение, созданное в жанре «обрамленной прозы», состоящее из 112 сказок и бытовых новелл, объединенных общей историей.

Наборная печать. Язык текста – татарский. Перевод на татарский с османского языка: Абд ал-Каййум мулла Абд ан-Насир угли. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1900. 149 стр.

Печати Библиотеки Каракалпакского филиала АН УзССР, инв. № 42878; Л 95.

Работа над изучением рукописного фонда КИГН КК ОАн РУз, его систематизацией и составлением каталога будет продолжаться. Можно сказать, что в совокупности рукописи и печатные книги и литографии (и их сохраненные фрагменты), изданные в Казани, в Индии и в известных печатнях Центральной Азии, представляют собой круг чтения мусульманина рубежа XIX–XX вв. и являются одной из иллюстраций тесных литературных и культурных связей между Приаральем (тогда – Хивинским ханством), соседними регионами, Поволжьем, Османской империей.

¹³ Петропавловск (каз. *Петропавл*) – город на севере современного Казахстана.

¹⁴ Вероятнее всего, одна из многочисленных типо-литографий Туркестанского края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абишов Г.М. Название «Чимбай» в Каракалпакстане. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 7–12 [Abishov G.M. The Name Chimbay in Karakalpakstan. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019. No. 1 (423). Philology Sciences. Iss. 115. Pp. 7–12 (in Russian)].

Аникеева Т.А., Зайцев И.В. *Тюркские, арабские и персидские рукописи, литографии и книги Лазаревского института восточных языков в собрании Научной библиотеки МГИМО (У) МИД РФ*. М.: Наука — Вост. лит., 2020 [Anikeeva T. A., Zaitsev I. V. *Turkic, Arabic and Persian Manuscripts, Lithographs and Books of the Lazarev Institute of Oriental Languages in the Collection of the Scientific Library of the MGIMO (U) of the MFA of the Russian Federation*. Moscow: Nauka – Vostochnaia literatura, 2020 (in Russian)].

Бабаджанов Б. Хикмат. *Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь*. Под ред. С.М. Прокурова. Т. I. М.: Вост. лит., 2006. С. 425–426 [Babadzhanov B. Hikmat. Islam on the Territory of the Former Russian Empire. An Encyclopedic Dictionary. Ed. by S.M. Prozorov. Vol. I. Moscow: Vostochnaia literatura, 2006. Pp. 425–426 (in Russian)].

Булгаков Р.М. Описание списка «Джами' ар-румуз» Шамс ад-Дина Мухаммада ал-Кухистани. *Развитие гуманитарной науки в регионах России. Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию ФГБУН ИИЯЛ УНЦ РАН*. Отв. ред. М.Н. Фархшатов. Уфа, 2017. С. 316–321 [Bulgakov R.M. Description of the Manuscript Copy of “Jami’ al-Rumuz” by Shams al-Din Muhammad al-Kuhistani. *The Development of Humanitarian Science in the Regions of Russia. Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 85th anniversary of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Ed. by M.N. Farkhshatov. Ufa, 2017. Pp. 316–321 (in Russian)].

Дмитриева Л.В. *Каталог тюркских рукописей Института востоковедения*. М.: Вост. лит., 2002 [Dmitrieva L. V. *Catalogue of Turkic Manuscripts of the Institute of Oriental Studies*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002 (in Russian)].

Карлыбаев М.А. О двух иршадах – нисбатномаи хваджагон накшбандия. *Вестник МИЦАИ*. 2018. Вып. 27. С. 61–79 [Karlibaev M.A. On Two Irshads – Nisbatnomai Khvadhaggon Nakshbandia. *Bulletin of ICAS*. 2018. Vol. 27. Pp. 61–79 (in Russian)].

Карлыбаев М.А. О письменном наследии Каракалпакстана XIX – начала XX вв. *O'zbekiston Tarixi*. 2020. № 3. С. 102–115 [Karlibaev M.A. On Written Heritage of Karakalpakstan of the 19th – Beginning of the 20th Centuries. *O'zbekiston Tarixi*. 2020. No. 3. Pp. 102–115 (in Russian)].

Райхл К. *Тюркский эпос. Традиции, форма, поэтическая структура*. М., 2008 [Reichl K. *Turkic Oral Epic Poetry: Traditions, Forms, Poetical Structure*. Transl. into Russian by V. Treyster, ed. D. Funk. Moscow: Vostochnaia literatura, 2008 (in Russian)].

Сафиуллина Р. Известнейшие труды по фикху, изданные татарами в начале XX в. *Islam Today*. 23.11.2016 [Safiullina R. The Most Famous Works on Fiqh, Published by the Tatars at the Beginning of the 20th Century. *Islam Today* (in Russian)]. <https://islam-today.ru/blogi/rezeda-safiullina-alansi/izvestnejsie-trudy-po-fikhu-izdannye-tatarami-v-nacale-xx-v/> (accessed: 01.06.2021).

Султанов Т.И. Среднеазиатская и восточнотуркестанская позднесредневековая рукописная книга. *Рукописная книга в культуре народов Востока*. Кн. 1. М.: Наука, 1987. С. 478–404 [Sultanov T.I. Central Asian and East Turkestan Late Medieval Handwritten Book. *A Handwritten Book in the Culture of the Peoples of the East*. Book 1. Moscow: Nauka, 1987. Pp. 478–494 (in Russian)].

Чабров Г.Н. У истоков узбекской полиграфии (хивинская придворная литография 1874–1910 гг.). *Книга. Исследования и материалы. Сборник*. Часть IV. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1961. С. 317–329 [Chabrov G.N. At the Origins of Uzbek Lytograph Printing (Khiva Court Lithography 1874–1910). *The Book. Researches and Materials. Symposia*. Part IV. Moscow: Publishing Office of All Union Book Chamber, 1961. Pp. 317–329 (in Russian)].

Щеглова О.П. *Каталог литографированных книг на персидском языке из собрания Российской Национальной Библиотеки*. М.: Вост. лит., 2002 [Shcheglova O.P. *Catalog of Lithographed Books in Persian from the Collection of the Russian National Library*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002 (in Russian)].

Язбердиев А. *Старопечатные туркменские книги. Проблемы собирания, библиографирования и изучения*. М.: Ориент-пресс, 2001 [Yazberdiev A. *Old Printed Turkmen Books. Problems of Collection, Bibliography and Study*. Moscow: Orient-press, 2001 (in Russian)].

Bregel Y. *A Historical Atlas of Central Asia*. Leiden: Brill, 2003 (HdO Series, 9).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АНИКЕЕВА Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, руководитель Центра исламских рукописей Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

ИДРИСОВ Абдусалим Рахматулаевич – ассистент преподавателя кафедры каракалпакского языковедения Каракалпакского государственного университета им. Бердаха, Нукус, Узбекистан.

Tatiana A. ANIKEEVA, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Head of the Center of Islamic Manuscripts, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia.

Abdusalim R. IDRISOV, Assistant Teacher of the Department of the Karakalpak Linguistics of the Karakalpak State University named after Berdakh, Nukus, Uzbekistan.

DOI: 10.31857/S086919080015487-2

ТРАДИЦИИ, НОВШЕСТВА И ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ НА КИТАЙСКИХ КАЛЕНДАРЯХ НАЧАЛА XX ВЕКА ИЗ РОССИЙСКИХ СОБРАНИЙ¹

© 2021

Е.А. ЗАВИДОВСКАЯ^{a, b}, Д.И. МАЯЦКИЙ^c^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия;^b – Брянский государственный университет, Брянск, Россия

ORCID: 0000-0002-8369-7776; katushaza@yahoo.com

^c – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ORCID: 0000-0002-4855-4585; d.mayatsky@spbu.ru

Резюме: Данная статья знакомит с результатами работы авторов по изучению китайской печатной народной картины няньхуа из крупнейших музейных и библиотечных собраний Санкт-Петербурга с целью их описания, установления истории, классификации, прояснения связей с книжной иллюстрацией, народной культурой. В статье рассматриваются два вида относящихся к няньхуа китайских ксилографических календарей: имеющий более чем тысячелетнюю историю традиционный сельскохозяйственный календарь «нунли» и возникший под влиянием западной культуры в конце XIX века в Шанхае календарь «юэфэньпай». За основу взяты экземпляры из коллекций Государственного Эрмитажа (ГЭ), Музея антропологии и этнографии РАН (МАЭ РАН), Государственного музея истории религии (ГМИР) и Научной библиотеки СПбГУ (НБ СПбГУ). Проанализированы их история, основные типы и структура, особенности использованных в них традиционных и новых сюжетов, художественных деталей. Прослежены изменения формы, произошедшие в первые годы после основания КНР. Объяснены причины этих изменений – по мнению авторов, они были вызваны проходившими тогда в Китае работой КПК по выработке стандартов нового «народного» искусства, параметрам которого отвечали «няньхуа», но не «юэфэньпай». Особое внимание уделено функционированию наименее изученных шанхайских календарей «юэфэньпай» как недорогого и удобного средства массового информирования населения о важнейших недавних или текущих исторических событиях начала XX века, в частности о восшествии на престол нового императора Пу И (правил в 1908–1911), устройстве высшей политической власти в Китае, именах ключевых сановников, актуальных правительственных указах и проч. Петербургские «юэфэньпай» сравниваются с календарями, хранящимися в зарубежных коллекциях. Учтены наработки авторитетных исследователей в этой области, а также уточнены прежде неверно истолкованные некоторые детали картин. Выявлены и раскрыты уникальные черты ранее неизвестных петербургских изобразительных материалов, введение которых в научный оборот способно заинтересовать занимающихся народной картиной отечественных и зарубежных специалистов.

Ключевые слова: Китай, сельскохозяйственный календарь, календарь юэфэньпай, Шанхай, бог очага, Пу И.

¹ Данная публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19-59-52001 МНТ_а «Торговля, народные верования, искусство и культура на традиционной ксилографической картине Китая из малоисследованных коллекций России и Тайваня».

Для цитирования: Завидовская Е.А., Маяцкий Д.И. Традиции, новшества и исторические события на китайских календарях начала XX века из российских собраний. *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 204–218. DOI: 10.31857/S086919080015487-2

TRADITION, INNOVATIONS AND HISTORICAL EVENTS
IN THE EARLY XX CENTURY CHINESE CALENDARS
FROM THE RUSSIAN COLLECTIONS

© 2021

Ekaterina A. ZAVIDOVSKAYA ^{a, b}, Dmitrii I. MAIATSKII ^c

^a – Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia;

^b – Bryansk State University, Bryansk, Russia

ORCID: 0000-0002-8369-7776; katushaza@yahoo.com

^c – Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0002-4855-4585; d.mayatsky@spbu.ru

Abstract: *The paper discusses two types of Chinese calendars – a traditional agricultural calendar “nongli” which existed in China since the 9th century and a Westernized “yuefenpai” calendar that emerged in Shanghai in the late 19th century and flourished until the 30–40s of the 20th century. Apart from the lunar and solar calendars and a table of 24 seasons woodblock “nongli” calendar featured a Stove God Zao-wang alone or with a spouse surrounded by a suite, fortune bringing deities and auspicious symbols, Stove God was believed to ascend to heaven and report good and bad deeds of the family members to the Jade Emperor. New standards of “peoples” art in PRC borrowed the aesthetics of the traditional woodblock popular prints by proclaiming “new nianhua” as a new tool of propaganda and criticizing “yuefenpai”. “Yuefenpai” differed from “nongli” by modern technology of production and acting as an advertisement, yet early pieces of Shanghai calendars either feature auspicious characters and motifs or introduce current political events, such as accession of the Pu Yi emperor on the throne in 1908 (reigned in 1908–1912). These calendars were seen to be a cheap and easily available media suitable for informing population about news and innovations. The paper attempts to revisit previously established interpretations of some “yuefenpai” calendars. The research is based unpublished pieces from the collections of the State Hermitage, the Museum of Anthropology and Ethnography, academic library of the St.-Petersburg State University, the State Museum of the History of Religion mostly acquired by V.M. Alekseev (1881–1951) during his stays to China.*

Keywords: China, agricultural calendar, yuefenpai calendar, Shanghai, Stove God, Pu Yi.

For citation: Zavidovskaya E.A., Maiatskii D.I. Tradition, Innovations and Historical Events in the Early 20th Century Chinese Calendars from the Russian Collections. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 204–218. DOI: 10.31857/S086919080015487-2

Acknowledgements: The study was supported by the RFBR grant 19-59-52001 MNT_a “Trade, folk beliefs, art and culture on a traditional woodcut painting of China from the insufficiently studied collections of Russia and Taiwan”.

В ходе работы авторов по изучению китайской народной картины из музейных и библиотечных собраний Петербурга обнаружались календари традиционного типа – *нунли* 農曆 (сельскохозяйственный календарь), изготовленные на севере Китая, и нового типа *юэфэньпай* 月份牌 (таблицы месяцев) из Шанхая. Они датируются 1903–1912 гг., были приобретены в Китае В.М. Алексеевым и собирателем по фамилии Окулич (фонд МАЭ РАН № 3676). В первой части статьи анализируются содержание и эстетические особенности *нунли*, изданных до 1950 г. Вторая часть посвящена истории и особенностям ранних *юэфэньпай*, как зеркало, отразивших события тех лет: восшествие на престол Пу И (1908) и Синьхайскую революцию (1911–1912). Имеющиеся в Петербурге календари дают возможность созерцать два мира, существовавших в одной стране, – мир традиции, представленный на *нунли* с Богом очага Цзао-ваном 灶王, и модернизирующийся мир на шанхайских *юэфэньпай*.

ИСТОРИЯ И СОДЕРЖАНИЕ КИТАЙСКОГО ТРАДИЦИОННОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО КАЛЕНДАРЯ

Традиционные календари – особый вид старопечатных материалов, издававшихся в старом Китае. Эти обычно исполненные на отдельных листах бумаги большого формата таблицы, которые содержали названия месяцев и сезонов, а также другие, относящиеся к календарю сведения. Часто они дополнялись цветными изображениями. Важной особенностью календарей является то, что они ориентированы на старую китайскую систему летоисчисления, совмещающую лунный и солнечный календари.

Ксилографические календари хранятся во многих музеях и библиотеках мира – Конгресса США, Колумбийского университета США (коллекция Анны Гудрич, Anne Goodrich, 1895–2005) и др. За рубежом их более всего имеется в Китае. В России они представлены в фондах Государственного Эрмитажа (ГЭ), Музея антропологии и этнографии РАН (МАЭ РАН), Государственного музея истории религии (ГМИР). Небольшое количество (пока найдены четыре календаря, три из которых дублируются) доступны и в Научной библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета (НБ СПбГУ). Изучались *нунли* и *юэфэньпай* преимущественно китайскими учеными. Ван Шуцунь считал *нунли* разновидностью народной картины *няньхуа* 年畫. Действительно, они изготавливались в тех же мастерских, что и *няньхуа*. В народе их называли *нунли* 農曆圖 (сельскохозяйственный календарь) или *чунли* 春歷圖 («календарь с весенним быком»), и развешивали в домах в соответствии с 24 сельскохозяйственными сезонами [Ван, 1956, с. 48].

ИСТОРИЯ И СТРУКТУРА ТРАДИЦИОННОГО НАСТЕННОГО КАЛЕНДАРЯ

Гравированные календари появились в Китае в IX в. или раньше, когда изобрели ксилографию. Древнейший иллюстрированный календарь нашел в пещерах Дуньхуана и привез в Англию Марк Аурель Стейн (Stein Mark Aurel, 1862–1943) [Laing, 2004, p. 21]. Он датируется 877 г. и имеет вид свитка длиной более метра, со схемами дуоденарного цикла и изображениями 12 животных китайского зодиака. Свиток хранится в Британской библиотеке. С тех пор календари печатались из года в год до середины XX в. В наше время их продолжают выпускать с использованием техник современной печати.

В старом Китае были известны два основных вида печатных календарей. Помимо *нунли*, исполнявшихся на одном листе с иллюстрациями разного содержания, существовали еще календарные ежегодники *няньли* 年歷 в виде книжных блоков (ксилографов). В зависимости

от целевой аудитории *няньли* делятся на чиновничьи (для императора, знати и чиновников; с желтой обложкой) и народные (с красной обложкой). Ежегодники дополнялись полезной информацией на каждый день, в них отмечались счастливые/несчастливые дни (для совершения поездок, свадеб, похорон, начала строительства, работ и других случаев), толкования снов, советы по геомантии и т.д. Такие многостраничные календари – атрибут почти каждого дома в современном Китае.

За тысячелетнюю историю эволюции календаря приоритет отдавался новогодней тематике, печатались главным образом три сюжета: с богом очага (*цзаованту* 竈王圖), встречей бога радости Сишэня 喜神 (*инситу* 迎喜圖) и с «весенним быком» (*чуньню* 春牛圖). Первые были связаны с ритуалом проводов Цзао-вана в канун китайского Нового года, «после земных поклонов перед богом, его бумажное изображение выносят во двор, зажигают вместе с жертвенной бумагой и пускают при этом хлопушки. Бог уезжает на неделю из дому» [Баранов, 1999, с. 8]. Цзао-ван отправлялся к Яшмовому императору (Юйди 玉帝) с докладом о происходивших в доме делах. Среди земледельцев Цзао-ван почитался и как дух земли. Это было связано с представлением, согласно которому день его рождения приходится на день и месяц *чоу* 丑 – последний 12-й месяц по китайскому лунному календарю, а в системе *фэньшуй* «знак *чоу* совпадал с элементом земля». Это в совокупности придавало богу очага дополнительную функцию [Хижняк и др., 2017, с. 135].

Эллен Лэинг пишет, что *цзаованту* печатались еще в эпоху Сун [Laing, 2004, p. 22], они были двух видов – с духом в паре с супругой (вывешивались в частных домах) и без нее (их вешали в казенных учреждениях или в тех домах, где боялись сглазить благополучие семьи) [Рифтин, 2007, с. 679]. В заметках к *цзаованту* китайский учитель В.М. Алексеева сообщает, что «одиночно стоящему господину очага делают подношения в лавках и магазинах». Во время экспедиции с Э. Шаванном в 1907 г. В.М. Алексеев стал свидетелем «культа Цзао-вана, кухонного бога, величание и ублажение которого является самым распространенным в Китае религиозным обрядом», это была «картина-икона» Цзао-вана «со всеми его полуцарскими атрибутами» и «традиционным деревенским календарем». Алексеев резюмировал, что «эта картина-икона – самое частое явление на стенах китайских кухонь» [Алексеев, 2012, с. 364]. Нередко вокруг Цзао-вана и супруги изображались различные святые и бессмертные, вкладывавшие в календарь набор благопожеланий.

Картинки *insitu* воспроизводили ритуал, проводившийся перед рассветом в 1-й день 1-го лунного месяца после поклонения богам и предкам. Китайцы верят, что в начале Нового года Сишэнь спускается, его необходимо подобающе встретить, и тогда в течение года дела будут успешны, в доме станет царить счастье.

Весенний бык *чуньню* 春牛 был главным атрибутом другого обряда, устраивавшегося в начале 1-го месяца. С древности в эту пору китайцы из глины лепили быка высотой 4 *чи* (120 см, символ времен года), длиной 8 *чи* (240 см, намек на 8 праздников земледельцев: весеннего и осеннего равноденствия, летнего и зимнего солнцестояния, начала весны, лета, осени и зимы), длина хвоста составляла 1 *чи* и 2 *цуня* (35 см, символ 12 месяцев). Чиновники в знак открытия нового цикла сельхозработ били изваяние быка украшенными яркими лентами палками и нагайками. На гравюрах изображения быка использовались для предсказания погоды, осадков, урожая и т.д. Он показывался с тянущим его духом весны Маншэнем (芒神, также Гоуман 句芒) в образе пастушка, со стихотворными предсказаниями погоды и урожая. Если дух изображался в обуви, то год ожидался дождливым, если обутом на одну ногу, то – засушливым; если в шляпе – теплым и солнечным; если без нее – холодным.

В качестве примера традиционного *нунли* рассмотрим экземпляр из НБ СПбГУ (рис. 1)². Над картинкой дана таблица календаря и его название: «18-й год Китайской республики (1929). Место духа очага» (中華民國十八年, 竈君之位). В центре картины за столом восседают Цзао-ван с супругой. Над ними, а также слева и справа висят красные свитки с золотыми надписями: «Когда Цзао-шэнь на месте; утром и вечером отвешивайте три поклона; с утра до вечера держите курильницу зажженной». Позади божественной четы в просвет между ними виднеется конюх духа очага с его красным конем. Перед четой – стол с дарами и свечами. Слева от стола стоит отрок, помогающий Духу считать совершенные в доме благие поступки (善), справа – отрок, подсчитывающий худые дела (惡).

Впереди стола стоят два чиновника. Один держит в правой руке красный шар с иероглифом *шоу* 壽: он отвечает за здоровье и долголетие. Другой, с иероглифом *фу* 福, – за счастье. Тут же подле них видны два хранителя входа (門神), не пропускающих в дом всякое зло. Эта четверка обступает «урну с драгоценностями» (聚寶盆) – неиссякаемый источник богатства, подобный рогу изобилия.

Слева и справа от урны показаны собака и петух – важные спутники человека, символы благополучного домашнего хозяйства, потому что в «Троемолвии» сказано: «Собака ночью охраняет, петух утром будит». По левому и правому краям рисунка – по 4 с каждой стороны – показаны 8 даосских бессмертных, выполняющих защитные функции. В таблице указано, какие в этом году месяцы длятся 29 или 30 дней. Приведены даты Начала Зимы, Малых Снегов, Больших Снегов и других сезонов-*цзеци* (節氣), коих всего 24.

Кроме того, на календаре приведен прогноз погоды и урожая. Сообщается, что в 1929 г. «Семь драконов управляют водами» (七龍治水), «Четыре быка пахут поле» (四牛耕地). Так как драконов и быков всего по 12, дождей ожидалось больше среднего, урожай – небогатым. Эти и другие предсказания приведены в левой и правой частях календаря. Они основывались на том, на какие числа 1-го месяца падают в этом году некоторые циклические знаки [Баранов, 1927, с. 5].

На календаре 1929 г. обозначены счастливые направления, в которых, как считалось, в новом году пребывают духи. Бог богатства Цайшэнь 財神 был на западе, Бог знатности Гуйшэнь 貴神 – на северо-востоке, Шишэнь – на юго-западе. В эти стороны полагалось кланяться, выходя из дому в первый раз в новом году. Календарь 1929 г. полностью воспроизводит образцы поздней Цин.

В ГМИР имеются 22 *цзаованту* (на 1905, 1906, 1908 и 1915 гг.) В.М. Алексеева. В верхней их части в рамке из играющих с жемчужиной драконов, помещен земледельческий дореформенный табель-календарь и указаны счастливые направления, даны в основном изображения духов и символов богатства, но нередки также изображения женщин, лепящих пельмени. Лепка пельменей – одна из новогодних традиций, сохраняется преимущественно в Северном Китае до сих пор³.

²Рисунки 1, 2, 4–8 находятся на цветной клейке.

³В сочинении Ли Гуантина 李光庭 (1773–1860) «Смешные сельские речи» (*Сяньяньцзеи* 乡言解颐, 1865, изд. 4) сказано: «Накануне Нового года лепят пельмени, которые называют вареными булочками *бобо*, схожи с колбасками из рисовой муки *юаньсяо* на день верхнего первоначала, треугольными голубцами в листе на праздник начала лета *дуаньян*, лунными пирожками на середину осени. Сельский стишок гласит: летний сезон проходит, осень проходит, на новый год вновь надо почтить матушку, быстро заворачивают горячие *бобо*. Кожица тонкая, начинки много, матушка попробовала и улыбнулась, невестка хлопочет» (<https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=222225&map=gb> Дата доступа: 26.03.2021).

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВИЗНА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КАЛЕНДАРЕЙ НОВОГО КИТАЯ

Дж. Флат отмечает, что «в начале 1950 г. противопоставление *няньхуа* и *юэфэньпай* легло в основу работы КПК по выработке критериев нового пропагандистского искусства», результатом чего стало «утверждение новых *няньхуа* (新年畫, первые образцы которых относят к 1939 г.), представляющих собой революционное искусство» [Flath, 2004, p. 124, 125]. *Няньхуа* выжила как жанр в горниле антияпонской войны благодаря художникам Во Чжа (沃渣, 1905–1974) и Цзян Фэну (江豐, 1910–1983). Они изучали графику в 1930-х гг. в Шанхае, переехали в Яньань, где работали в Академии литературы и искусства им. Лу Синя и создали первые «новые *няньхуа*» [Flath, 2004, p. 126; Lufkin, 2016, p. 145]. В 1950 г. главные художественные журналы часто публиковали статьи об истории и традиции *няньхуа*, перспективах их использования. В 1950 г. «Жэньминь мэйшу» 人民美術 уделит им целый выпуск. Интерес к *няньхуа* в этом журнале достиг пика в 1955–56 гг. – тогда о них там вышло не менее 15 статей [Flath, 2000, p. 17].

Для сравнения с описанными выше традиционными *нунли* рассмотрим структуру и содержание календаря «Чтение газеты» (讀報圖) за 1950 г. (рис. 2), который относится категории «новых *няньхуа*». Согласно подписи внизу, его «создал Ли Цюнь из Шаньси» (力羣作, 山西). Это псевдоним Хао Личуня (郝麗春, 1912–2012), уроженца провинции Шаньси. Окончив в 1930-х гг. Ханчжоуское художественное училище 杭州藝術專科學校, он отправился в Яньань, где вступил в КПК и устроился на работу в Академии им. Лу Синя. Ли Цюнь ратовал за реформу старого искусства и активное применение *няньхуа* в пропагандистских целях. После 1949 г. он был членом Союза китайских художников 中國美術家協會, возглавлял журналы «Шаньсихуабao» 山西畫報, «Мэйшу» 美術, «Баньхуа» 版畫 и т.д., является автором многих «новых *няньхуа*». В 1950 г. в газете «Жэньминь жибао» 人民日報 был опубликован список «новых *няньхуа*», получивших премии «Всекитайской выставки *няньхуа*» 全國年畫展會, одно из вторых мест занял Ли Цюнь за календарь «Чтение газеты» (讀報圖) [Flath, 2004, p. 134].

Экземпляр «Чтения газеты» имеется в НБ СПбГУ⁴. Календарь состоит из таблицы и агитационного рисунка, окаймленных орнаментом в виде ветвей с зелеными листочками и синих шаров со звездами. Наверху по центру – портрет Мао Цзэдуна. По бокам от него по три флага – СССР и КНР, символ советско-китайской дружбы. Таблица состоит из пяти строк, четыре из которых (кроме сплошной верхней) делятся на 13 колонок. Текст в таблице, в соответствии со старой традицией, дается справа налево. В верхней строке написано: «Сельскохозяйственный календарь на 1950 г. новой эры». Приведем перевод нескольких колонок календаря в порядке справа налево, сверху вниз. Первая колонка: «Главный месяц, малый» (正月小), «3-й день, дожди; 18-й день, пробуждение насекомых» (初三兩雨; 十八驚蟄), «19 февраля, 6 марта» (二月十九; 三月六日); «Удобрения споро вносите, бороны-грабли чините; землю боронуйте, дамбы поправляйте» (快送糞, 修犁耙; 打耙地, 修堤壩). Вторая колонка: «2-й месяц, большой» (二月大); «4-й день, весеннее равноденствие; 19-й день, ясные дни (Цинмин)» (初四春分; 十九清明); «21 марта, 5 апреля» (三月廿一; 四月五日); «Яровую пшеницу сажайте, коноплю втыкайте; деревья посадите, ранние овощи – тоже» (種春麥, 點大蔴; 栽按樹, 種春菜). Третья колонка: «3-й месяц, большой» (三月大); «5-й день, хлебные дожди; 20-й день, начало лета» (初五穀雨; 二十立夏); «21 апреля, 6 мая» (四月廿一; 五月六日); «Бахчу и бобы посадите, хлопок в лунки киньте; лета уже начало – можно кунжут посеять» (按瓜豆, 點棉花; 立了夏, 種葫蔴). Список работ оформлен в виде нехитрых стихотворных рекомендаций, понятных любому крестьянину.

⁴О собрании «новых *няньхуа*» из библиотеки СПбГУ см.: [Маяцкий, 2020].

Стихи имеют трехсложный ритм (три слога в строке) и частично основаны на народных поговорках (например, «Лета уже начало – можно кунжут посеять», 立夏种葫麻), что способствовало их лучшему восприятию и запоминанию.

На приложенном к календарю рисунке изображен читающий вслух газету «Шаньси нунминь» (山西農民) крестьянин, которого внимательно слушают собравшиеся вокруг люди от мала до велика. Календарь явно агитационный, популяризирует грамотность и символизирует наступление новой жизни, хозяевами в которой будут простые люди. Важная деталь – дети, один из которых держит книгу.

Можно заключить, что в северных регионах страны после основания КНР сохранялась приверженность народным формам, что полностью отвечало проводимой с яньаньского периода политике КПК по поддержке и продвижению народных форм в искусстве.

ШАНХАЙСКИЕ КАЛЕНДАРИ ЮЭФЭНПАЙ

В этом разделе будет проанализирована специфика содержания календарей *юэфэньпай* с традиционными сюжетами, а также изображающих события 1908 и 1912 гг. Эллен Лэинг сообщает, что прообразы календаря нового типа *юэфэньпай* появились в 1850-е гг. в Гонконге, к концу XIX в. он пришел в Шанхай [Laing, 2004, p. 28]. Считается, что первый образец *юэфэньпай* создали в 1884 г. художники журнала «Дяньшичжай хуабao» 點石齋畫報, приложения газеты «Шэньбао» 申報 [Чжан Вэй, 2002, с. 48]. Ранние *юэфэньпай* создавали художники Чжан Чжиин 張志瀛 и Чжоу Муцяо 周慕橋 (1868–1922), также прославившиеся изысканными народными картинами направления *сяоцзяочан* 小校場. Вплоть до начала XX в. в Китае не было технологий для производства хромолитографии, такая печать делалась в других странах. Первые цветные календари начали печатать в Гонконге в 1906 г. [Laing, 2004, p. 80, 82]. От описанных выше *нунли* они отличались технологией производства, изображение наносилось на меловую бумагу или картон, к верхнему и нижнему краям готового календаря прикреплялись медные планки с отверстиями на верхней (для вывешивания), зачастую такой календарь вручали покупателям в подарок к покупке. Ранние календари обычно печатались на плотном картоне. В технике исполнения изображения соединяли прием «рисования и растирания» карандашного контурного рисунка *цаби* 擦筆 с акварелью⁵. Художник наносил контуры персонажей, кончиком кисти растирал по поверхности угольный порошок, добиваясь эффекта объема, поверх наносил прозрачные акварельные краски, отчего кожа персонажей выглядела блестящей и естественной, детали одежды выглядели более достоверными. На календарях могли помещаться сведения о суточных приливах на главной транспортной реке Шанхая – Усунхэ [Лянчжуан, 2013, с. 114].

РАННИЕ «КИТАЙСКО-АНГЛИЙСКИЕ КАЛЕНДАРИ»

Известно, что свою первую крупную закупку народной картины и другой печатной продукции на юге Китая В.М. Алексеев осуществил во время короткой поездки туда в начале 1909 г., проехав по маршруту: Ханькоу – Учан – Шанхай – Сучжоу – Ханчжоу. Эта часть календарей попала в ГЭ, они датированы 1908–1909 гг., некоторые имеют заголовок «Китайско-английский календарь» 華英月份牌. В статье Э. Лэинг приводится «Китайско-английский календарь» 1898 г. мастерской «Вэньчжай» 文儀齋, из коллекции Берлинского Музея культуры народов мира (Museum für Völkerkunde, № 16950; рис. 3)

⁵ Считается, что первым начал использовать в 1915 г. метод *цаби* художник Чжэн Маньто (鄭曼陀, 1885–1961), на изучаемых нами образцах этот прием еще отсутствует.

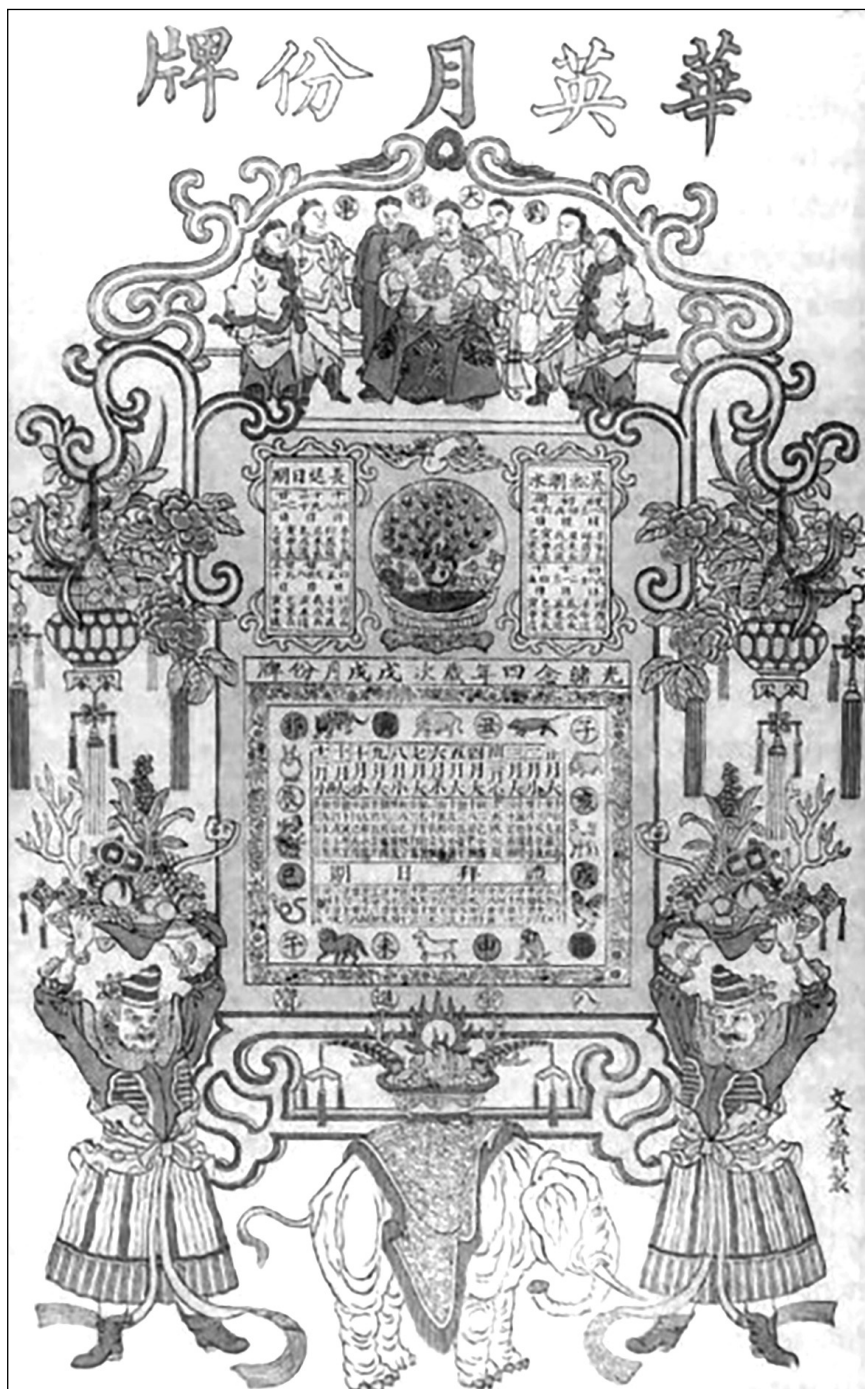

Рис.3. Шанхайский календарь юэфэньпай, 1898,
Музей культуры народов мира, Берлин, из: [Laing, 2004, p. 114].

Fig. 3. Shanghai yuefenpai calendar, 1898,
Museum für Völkerkunde, Berlin, from: [Laing, 2004, p.114].

[Laing, 2004, p. 114]. Он включает традиционный календарь, данные о приливах на реке Усунхэ, в оформлении использованы мотивы и символы с пожеланием богатства. Можно сделать вывод о том, что «Китайско-английские календари» могли появиться в последние годы XIX в. Композиционно они отличаются от плотно усыпанных мелкими иллюстрациями ранних календарей журнала «Дяньшичжай хуабao» [Чжан Вэй, 2002, с. 48–50].

В собрании ГЭ имеется «Китайско-английский календарь» 1908 г. (№ЛТ-4880) шанхайской мастерской «Хуаньюньцзи» 黃雲記 (рис. 4). В его верхней части изображена многофигурная композиция, по центру сидит правитель в желтом халате, на планке текст «написано на китайском и западном языках». Под планкой – циферблат часов, по левую и правую стороны от него – таблицы приливов и отливов Усунхэ⁶. По центру – традиционный календарь и даты воскресений, по периметру – 12 животных китайского зодиака. Мы предполагаем, что композиционно календарь ЛТ-4880 схож с упомянутым Лэинг календарем «с циферблатом с римскими цифрами и таблицами приливов Усунхэ» 1898 г. (его иллюстрация в ее статье не приведена, только словесное описание) [Laing, 2000, p. 134]. От календаря 1898 г. ЛТ-4880 отличается обликом фигур, держащих над головами корзины с цветами. На календаре из Берлина между фигурами помещено изображение слона, представляющее собой омоним слова «благоприятный». На ЛТ-4880 в этом месте видна урна с монетами. Предположительно, календарь с часами 1898 г. из берлинского собрания мог послужить образцом оформления для календаря ЛТ-4880.

В МАЭ РАН имеются два «китайско-английских» календаря 1903 г.: 1) МАЭ №3676-112_1 (рис. 5) изготовлен шанхайской мастерской «Суньвэнья» 孫文雅, в центре изображена пара небожителей мира и гармонии Хэхэ; 2) МАЭ №3676-181_1, без указания названия мастерской, на нем изображены красавицы древности и известные в то время куртизанки Шанхая [Завидовская, 2020, с. 124–125].

Немалая часть *юэфэньпай* из ГЭ оформлена традиционными символами и мотивами, присущими описанным выше *нунли*. Приведем таблицу содержания шанхайских календарей:

Номер	Год, мастерская	Содержание сцен
ЛТ-4864	朝北門內舊校場源興號, Юаньсинхао, 1908	Бьют кнотом весеннего быка, император и сановники пропахивают первую борозду у храма бога земледелия Шэньнуна 神農. В этот день чиновники на местах проводили такую же церемонию.
ЛТ-4866	-	Стилизованные иероглифы «шуанцюань» 雙全 (полнота), вокруг благопожелательные символы.

⁶ В СПбФ АРАН хранится дело академика В.М. Алексеева (ф. 820, оп. 1, д. 479а), на листе № а08060 содержится пояснение китайского учителя к данному календарю: «Это *юэфэньпай*, вверху нарисован сунский правитель на троне, это изображение воинов из рода Ян, оберегающих государство, ниже двое бессмертных Хэхэ, в руках держат вазы с цветами, посередине урна с драгоценностями, 12 животных зодиака, даты подъема воды. Благопожелание гласит: “Мир и гармония соединяются, поднимаешься к процветанию, собрались вместе богатство и счастье”». О часах ничего не сказано.

ЛТ-4869	-	Вверху: гражданский и военный боги богатства, Отрок, привлекающий богатство, Чиновник торговой прибыли. Ниже: 12 красавиц с цветами в руках – символ того, что в каждый месяц распускается тот или иной цветок, приносящий богатство и славу. По центру: весенний бык с урной богатств на спине.
ЛТ-4870	飛雲閣印 Фэйюньгэ, 1908	Вверху: волопас и ткачиха; внутри круга: бессмертные Хэхэ, 12 красавиц, символизирующих месяцы, рядом с каждой текст «песенки сбора чая».
ЛТ-4871	1908	Вверху: 8 бессмертных пересекают море, золотая жаба играет с монетой; по центру: встреча волопаса и ткачихи.
ЛТ-4872	黃雲記 Хуаньюньцзи	Вверху: над иероглифом «небо» бог богатства, Отрок, привлекающий богатство, Чиновник торговой прибыли, ниже крестьянин и ткачиха; по сторонам: 8 бессмертных; внизу по центру: бык с вазой цветов на спине.
ЛТ-4873	上洋趙一大 Чжаоида, 1908	Вверху: богиня Сиванму летит на фениксе; слева: 8 бессмертных, боги счастья, жалования, долголетия, бессмертные Хэхэ, на лодке плывут буддистские божества и боги богатства. Внизу: Царь дракон с обитателями вод подносят драгоценные дары.
ЛТ-4874	彩雲閣制 Цайюньгэ, 1909	Сцены из пьесы «Затопленный храм Цзиньшаньсы».
ЛТ-4875	1909	Вверху по центру: боги счастья, жалования, долголетия; ниже: 8 бессмертных с благопожелательными предметами в руках, либо верхом на мифических животных (тигр, феникс). По центру: две женщины с собачками смотрят на сороку – символ удачи.
ЛТ-4876	上洋久和齋制 Цзюхэчжай, 1909	Сцены из пьесы «Дерево, обсыпанное монетами» об усмирении демоницы Чжан Четвертой.
ЛТ-4877	上洋彩雲閣制 Цайюньгэ	Сцены из романа «Троецарствие».
ЛТ-4881	孫文雅印 Суньвэнья, 1908	Вверху: празднование дня рождения Царя дракона, с поздравлениями прибыли Сунь Укун и вся водная живность.
ЛТ-4883	1908	Красавицы древности.

КАЛЕНДАРИ С «ВОСШЕСТВИЕМ ИМПЕРАТОРА НА ПРЕСТОЛ»

В.М. Алексеев пребывал на стажировке в Китае в тот период, когда скончался Гуансюй (1871–1908) и в декабре 1908 г. на престол возшел малолетний Сюаньтун (Пу И, 1906–1967). Исследователь приобрел несколько календарей, отразивших этот этап китайской истории. Они хранятся в ГЭ и уникальны тем, что в коллекциях Китая и других стран не встречаются – там имеется лишь небольшое количество *юэфэньпай*, отразивших более поздние события Синьхайской революции 1911–1912 гг. [Бянь Пэн, 2018].

Специалисты упоминают хранящийся в Китае «Календарь с восшествием императора на престол» (龍飛月份牌). Э. Лэинг сообщает, что, несмотря на название (Пу И начал править в 1908 г.), этот отпечатанный в Сучжоу календарь посвящен событиям января-февраля 1912 г. В верхней части изображен Пу И на троне, по бокам от него два сановника, ниже по двум сторонам стоят присягающие ему сановники, в нижней части календаря изображены чиновники, стоящие по сторонам от урны с драгоценностями, еще ниже – пустое место под календарь некоего года. Видны парные надписи с девизами правления Сюаньтуна 宣統 (1908–1911) и Тунчжи 同治 (1856–1874). Э. Лэинг считает, что надписи выражают идею поддержки народом нового правительства и его реформ. Сравнение с эрой Тунчжи передает чаяния о том, что новые реформы принесут стране мир и процветание. Считалось, что в годы Тунчжи падение Цин было предотвращено благодаря опоре на конфуцианские принципы управления; было подавлено восстание тайпинов, власть над многими территориями восстановилась, налоги снизили, для управления страной были отобраны таланты [Ван, 1991, с. 370].

Хранящийся в ГЭ «Календарь с восшествием императора на престол» (ЛТ-4882, рис. 6) датирован 1908 г. и изображает сцену воцарения Пу И. Его возвели на трон в декабре 1908 г. в Зале Великого мира Тайхэдянь. Регентом при Пу И стал его отец Цзайфэн 載灃 (брат Гуансюя, 1883–1951), носивший титул «великий князь Чунь» 醇親王, он занимал пост регента до 6 декабря 1911 г. В нижней части приведены лунный календарь и даты воскресений. В верхней части под надписью «Да здравствует сын неба» 天子萬年 изображены портреты трех регентов: по центру – *ичжэньван* 議政王, справа – *цинъваншэ* 親王 攝 (вероятно, Цинван 慶王, Икуан 奕劻, 1838–1917)⁷, слева – вдовствующая императрица Лунь Юй 隆裕 (1868–1913). На наш взгляд, этот календарь был выпущен с целью ознакомления покупателей с реальным положением дел у властей. В центральной части календаря изображен сидящий на троне регент с Пу И на руках, по сторонам – стоящие на коленях члены Верховного императорского совета. На календаре изображена именно сцена присяги Пу И, хотя отец показан сидящим на троне с сыном на руках. Изображенная на календаре картина воцарения Пу И немного отличается от реальных событий. В своих мемуарах Пу И описывал их так: «В начале в Дворцовой палате Чжунхэдянь полагалось принять поздравления от офицеров дворцовой охраны, а затем уже в палате Тайхэдянь принимать поздравления гражданских и военных чиновников и знати... Отец, стоя на одном колене возле трона, держал меня обеими руками, чтобы я не дергался, а я сопротивлялся и кричал сквозь слезы» [Пу, 1968, с. 59].

Ниже этой сцены – мужчины (справа) и женщины (слева). Справа на зеленом фоне виден также текст указа, гласящий: «Высочайшим повелением строжайше запрещаются проход во дворец и выход из него разных лиц. В случае нарушения (далее неразборчиво) поступать так. Сим повелевается» (奉上諭: 宮門重禁, 不准各種人等出入。□再違犯, □

⁷ Хотя правил безвольный князь Чунь, вся власть фактически находилась в руках его дяди – старого князя Цина, уже не сдерживаемого могуществом Цыси, он был ярким реакционером и врагом новаций [История Китая, 2014, с. 355].

口口口是用。口見上諭)。 На рисунке показаны ворота с двумя вооруженными алебардами стражниками, двое прохожих и толпа что-то обсуждающих чиновников.

Слева изображены окружившие стол с подарками жены и наложницы, позади них на малиновом фоне сообщается: «Князь-регент и Вдовствующая императрица повелевают: Во внутренних покоях дворца Великой императорской драгоценной наложнице, Императорской драгоценной наложнице и Драгоценным наложницам милостиво от казны жалуются по 500 лан серебра. Распоряжение надлежит выполнить Управлению торжественных церемоний Министерства Двора (攝政王令旨皇太后懿旨: 內廷皇太貴妃、皇貴妃、貴妃口口, 着加恩, 賞給工曹銀五百兩, 由內務府慶儀司口進領口). Еще ниже – «иностранные послы, пришедшие с поздравлениями к князю-регенту».

Другой календарь из ГЭ (ЛТ-4865, рис. 7) интересен тем, что соединяет функции календаря и информационной сводки о коронации. В верхней части – два желтых цинских флага, по центру – поздравление: «С новым годом, 1-й год Сюаньтун великой Цин». Изображен Зал великого спокойствия Тайхэдянь с вывеской, гласящей: «Новый Государь достиг вершины (сел на трон) – бесконечных лет жизни» 新皇登極萬壽無疆, по сторонам от трона, на котором сидит регент с Пу И на руках (хотя в реальности отец стоял на одном колене у трона и удерживал ребенка), написано: «В начале 12 месяца новый государь взшел на трон, управление поручено регенту. В этот день по 6 гражданских и военных сановников прибыли ко двору для присяги». Любопытны вставки по двум сторонам ключевой сцены принесения присяги сановниками. Внутри облака сложной формы два сановника почтительно кланяются друг другу, рядом надпись: «Передача высочайшего повеления об учреждении конституции лисянь 立憲. Придавать значение утверждению конституции». Эта сцена заслуживает внимания, т.к. иллюстрирует развернувшееся по Китаю движение за конституцию. В августе 1908 г. конституционалисты Хубэя, Хунани, Гуандуна и других провинций направили в Пекин делегатов для подачи петиций за принятие конституции, двор счел это «недопустимым актом». В сентябре 1908 г. власти опубликовали проект «Основных положений конституционных законов», в котором конституции отводилась декоративная роль, само движение подавили [История, 2014, с. 371, 483–484]. Календарь ЛТ-4865 мог служить своего рода наглядной агитацией за конституцию.

Справа от центральной сцены показана «Таблица преемственности недавних правителей», изображены подписанные портреты четырех монархов (в желтых халатах) с указанием последнего года правления и четырех важнейших сановников (в халатах других цветов): «Сюаньцзун, 30-й год Даогуан (1850)» (宣宗道光三十年), «Принц Дунцин Ицун (1831–1889)» (惇親王奕誼), «князь Фуцзюнь Ихуй (1845–1877)» (孚郡王奕譞), «Вэньцзун, 11-й год Сяньфэн (1861)» (文宗咸豐十一年), «Муцзун, 13-й год Тунчжи (1874)» (穆宗同治十三年), «34-й год Гуансюй Обладающего шестью добродетелями Государя (1808)» (六行皇帝光緒三十四年), «Регент Цайфэн (1883–1851)» (攝政王載灃), «великий князь Гунцин Пувэй (1880–1936)» (恭親王溥偉). Упоминается и Пу И («Наследник трона Сюаньтун» 嗣皇帝宣統), но его изображения нет. В квадрате ниже – чиновники и регент в желтом халате, надпись: «Телеграмма из Пекина сообщает: все крупные сановники прибыли в Зал процветающей словесности Вэньхуадянь для совершения троекратного земного поклона регенту. Князь принял поклоны стоя». В левой части над сановниками внутри сложной фигуры изображены военные в форме западного образца со знаменем, надпись гласит: «Каждый торжественно приветствует Зал Письмен Вэньцзытан». Слева: желтая табличка под балдахином в окружении благопожелательных символов (горящая жемчужина, колесо сансары, грибы долголетия линчжи) с пожеланием: «Долголетие государя безгранично». Возможно, такие таблички

устанавливались в представительствах власти. Ниже видны приветствующие нового императора иностранные послы.

Календарь из МАЭ РАН (МАЭ №2054–302, рис. 8) датирован «4610 годом» с правления мифического императора Хуанди (1912 г.). Ксилограф изготовлен в шанхайской печатне «Лусиньчан» 陸新昌, на нем нашел отражение тот факт, что после Синьхайской революции с декабря 1911 г. регентом при Пу И стала вдовствующая императрица Лун Юй. На картине показана аудиенция членов Высшего императорского совета у императора, сидящего на руках Лун Юй. Мы считаем, что это женщина (с характерной прической знатной маньчжурской дамы и серьгами в ушах), хотя авторы каталога «Редкие китайские народные картины из советских собраний» заключают, что «на картине... в центре, за столом изображен великий князь-регент Чунь с малолетним императором на коленях» [Рифтин, Ван, 1991, с. 205]. Слева от них министры традиционных управлений – жертвоприношений предкам, дворцовой гвардии, академии Ханьлинь, двое сановников из Кабинета министров (內閣, создан в мае 1911 г., возглавлялся князем Цином) приветствуют друг друга поклоном со сложенными руками. Справа министры новых ведомств (почты и связи, наземных войск, юстиции, гражданской администрации, с/х, промышленности и торговли и проч.), внизу двое сановников приветствуют друг друга, встав на колено. Примечательно отсутствие отсылок к факту установления на юге страны власти Китайской республики. Девиз Сюаньтун также не напечатан. Предположительно, на картине изображена сцена отречения Пу И: 12 февраля 1912 г. Лун Юй огласила «Повеление об отречении императора Цин от трона».

Рассмотрев историю развития китайского старопечатного календаря, мы увидели, что на протяжении многих веков существования до конца Цин его форма и содержание почти не менялись. Значительные изменения произошли в переломные десятилетия конца XIX – середины XX в., когда страна погрузилась в затяжной политический кризис, совпавший с активным проникновением в страну западных культурных, экономических и политических веяний, что прямым образом повлияло на такой массовый и потому немаловажный тогда вид искусства, как печатные календари. Осознавая их доступность всем слоям населения, различные политические силы стали стремиться совмещать в них изначально присущие традиционным календарям благожелательные и летоисчислительные функции с донесением до китайцев в удобной и доступной форме новых идей. В результате произошла трансформация календарных жанров, наглядно прослеженная нами на примере образцов из собраний Санкт-Петербурга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алексеев В.М. *В старом Кумае*. М.: Вост. лит., 2012 [Alekseev V.M. *In Old China*. Moscow: Vostochnaia Literatura, 2012 (in Russian)].

Баранов И.Г. Китайский Новый год. *Вестник Маньчжурии*. Харбин, 1927(1). С. 1–18 [Baranov I.G. Chinese New Year. *Herald of Manchuria*. Harbin, 1927(1). Pp. 1–18 (in Russian)].

Баранов И.Г. *Верования и обычаи китайцев*. М.: Муравей, 1999 [Baranov I.G. *Customs and Beliefs of the Chinese*. Moscow: Muravei, 1999 (in Russian)].

Бянь Пэн (边鹏). Синьхай гэмин чжаньши няньхуа тусян юй гуннэн каолунь: и хайвай цан шанхай сяоцзяочан няньхуа вэй чжунсинь (Народные картины со сценами боев Синьхайской революции и их функции: на материале картин школы сяоцзяочан из иностранных собраний (辛亥革命戰事年畫圖像與功能考論: 以海外藏上海小校場年畫為中心). *Няньхуаыньцзю* (年畫研究). 2018 (fall). С. 38–59 [Bian Peng. Study of the Images and Functions of the Xinhai Revolution Battle Scenes: Centered on Xiaojiaochang Prints from Foreign Collections. *Studies of Popular Prints*. 2018 (Fall). Pp. 38–59 (in Chinese)].

Ван Шуцунь (王樹村). Гуаньюй мэньхуа. Лихуа вэньти (О дверных картинах. Вопрос разноцветных календарей (關於門畫, 歷華問題). *Мэйишу* (美術). 1956 (12). С. 35–49 [Wang Shucun. About Door Pictures. Question of Colored Calendars. *Fine Arts*. 1956 (12). Pp. 35–49 (in Chinese)].

Ван Шуцунь (王樹村). *Чжунго миньцзянь няньхуа шилюньцзи* (Собрание сочинений по истории народной картины Китая (中國民間年畫史論集). Тяньцзинь: Янлюцин хуашэ, 1991 [Wang Shucun. *Collection of Studies on History of the Chinese Popular Prints*. Tianjin: Yangliuqing huashe, 1991 (in Chinese)].

Завидовская Е.А. Жизнь Шанхая на рубеже XIX–XX вв. в зеркале народной картины направления «сяоцзяочан» из российских коллекций. *Вестник Московского университета*. Сер. 13. Востоковедение. 2020. № 3. С. 117–130 [Zavidovskaya E.A. Daily Life at the Turn of the 20th Century Reflected on the Shanghai's "Xiaojiaochang" Popular Prints from the Russian Collections. *Bulletin of the Moscow University*. Series 13. Oriental Studies. 2020. No. 3. Pp. 117–130 (in Russian)].

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VI. Династия Цин. Отв. ред. О.Е. Непомнин. Москва: Наука, 2014 [History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century. In 10 Vols. Vol. 6. The Qing Dynasty. Ed. O.E. Nepomnin. Moscow: Nauka, 2014 (in Russian)].

Лянчжуан Айлунь (梁莊愛論, Laing E.J.). Юй вайлай цай, инцайшэнь хэ фацай хуаньцзя: няньхуа чжун дэ саньгэ сянгуань чжути (Богатство издалека, бог, призывающий богатство и возвращение домой богатым: три взаимосвязанных сюжета на народной картине (域外來財、迎財神和發財還家—年畫中的三個相關主題). *Няньхуаыньцзю* (年畫研究). 2013 (Fall). С. 108–122 [Liangzhuang Ailun (Laing E.J.). A Wealth from Afar, Wealth Welcoming God and Return Home Rich: Three Interlaced Themes on the Popular Prints. *Studies of Popular Prints*. 2013 (Fall). Pp. 108–122 (in Chinese)].

Маяцкий Д.И. Коллекция китайских «новых новогодних картин» в восточном собрании Научной библиотеки СПбГУ. Доклады Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Санкт-Петербург, 2020. С. 435–457 [Majatsky D.I. Collection of the Chinese "new New Year pictures" from the Oriental Section of the Saint Petersburg State University Library. *Papers of the International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa*. Saint Petersburg, 2020. Pp. 435–457 (in Russian)].

Пу И. *Первая половина моей жизни. Воспоминания Пу И – последнего императора Китая*. Москва: Прогресс, 1968 [Pu Yi. *The First Half of My Life. Memoirs of Pu Yi the Last Emperor of China*. Moscow: Progress, 1968 (in Russian)].

Рифтин Б.Л. Цао-ван. *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2. Мифология. Религия*. Ред. М.Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2007. С. 679–680 [Riftin B.L. Zao-wang. *Spiritual Culture of China*. In 5 vol. Vol. 2. Mythology. Religion. Ed. M.L. Titarenko. Moscow: Vostochnaia Literatura, 2007. Pp. 679–680 (in Russian)].

Рифтин Б.Л., Ван Шуцунь. *Редкие китайские народные картины из советских собраний*. Ленинград: Аврора, 1991 [Riftin B.L., Wang Shucun. *Rare Chinese Popular Prints from the Soviet Collections*. Leningrad: Avropa, 1991 (in Russian)].

Хижняк О.С., Завидовская Е.А., Терюкова Е.А. К вопросу об источниках изучения культа китайского бога очага Цао-вана (по материалам коллекции В.М. Алексеева из собрания ГМИР). *Труды Государственного музея истории религии*. 2017. Вып. 17. С. 115–144 [Khizhniak O.S., Zavidovskaya E.A., Teriukova E.A. On the Sources of Studying the Chinese Cult of Stove God Zao-wang (Materials of GMIР Collection). *Works of the State Museum of the History of Religion*. 2017. Issue 17. Pp. 115–144 (in Russian)].

Чжан Вэй (張偉). Шоуха юэфэньпай (Говорящие календари (說話月份牌). *Сюньгэнь* (尋根). 2002. № 4. С. 48–50 [Zhang Wei. Talking Calendars. *Rootseeking*. 2002. No. 4. Pp. 48–50 (in Chinese)].

Flath J.A. "It's a Wonderful Life": "Nianhua" and "Yuefenpai" at the Dawn of the People's Republic. *Modern Chinese Literature and Culture*. 2004. Vol. 16(2). Pp. 123–159.

Flath J.A. *Printing Culture in North China*. The University of British Columbia. PhD Diss. 2000.

Lufkin F. *Folk Art and Modern Culture in Republican China*. Lanham: Lexington Books, 2016.

Laing E.J. *Selling Happiness: Calendar Posters and Visual Culture in Early-twentieth-century Shanghai*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2004.

Laing E.J. Reform, Revolutionary, Political, and Resistance Themes in Chinese Popular Prints, 1900–1940. *Modern Chinese Literature and Culture*. 2000. Vol. 12(2). Pp. 123–175.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЗАВИДОВСКАЯ Екатерина Александровна –
кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник ИВ РАН, Москва,
Россия, доцент Брянского государственного
университета, Брянск, Россия.

Ekaterina A. ZAVIDOVSKAYA, Phd (Philology),
Senior Research Fellow, Institute of Oriental
Studies, RAS, Moscow, Russia, Associate
Professor, Bryansk State University, Bryansk,
Russia.

МАЯЦКИЙ Дмитрий Иванович –
кандидат филологических наук, доцент
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия.

Dmitrii I. MAIATSKII, PhD (Philology),
Associate Professor, Saint Petersburg State
University, Saint Petersburg, Russia

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

DOI: 10.31857/S086919080015545-6

ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ФРАНЦУЗСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ 1930-х гг.: ДИССЕРТАЦИЯ ЛИ ЧЖАОИ

© 2021

О.Н. БОРОХ ^а

^а – Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0109-4462; borokh@hotmail.com

Резюме: В статье рассматривается вклад исследователя первой половины XX в. Ли Чжаои в изучение воздействия древнекитайской мысли на экономическое учение французских физиократов. В качестве ключевой особенности концепции Ли Чжаои выделена трактовка школ даосизма, конфуцианства и легизма как носителей идеи естественного закона, ставшей основополагающей для физиократов. Истолкование китайских учений о морали, ритуале, пути-Дао и законе-фа как различных пониманий естественного закона было нацелено на обоснование китайского воздействия на европейскую мысль эпохи Просвещения. Ли Чжаои считал изучение пришедшей в Европу экономической мысли древнего Китая необходимым для целостного понимания мировой истории экономических учений. Отличительной особенностью исследования Ли Чжаои стало использование европейских концепций, прежде всего анархизма и индивидуализма, для выявления специфики древнекитайской мысли через сопоставления с идеями Ж.-Ж. Руссо, П.А. Кропоткина, М.А. Бакунина, М. Штирнера. Учеба во Франции сформировала у китайского ученого интерес к идеям кооперации. Обращение к наследию Ли Чжаои в современном Китае связано с ростом внимания к проблемам проникновения китайских идей во внешний мир и их признания мировым научным сообществом. История воздействия на французских физиократов XVIII в. была редким примером вклада Китая в развитие мировой экономической науки, призванным стать источником вдохновения для будущих межкультурных взаимодействий. Повышению интереса к идеям Ли Чжаои в Китае способствовало упоминание его имени в работе известного экономиста Й. Шумпетера. В статье рассмотрена история возвращения имени Ли Чжаои в китайский научный оборот в период реформ. Сделан вывод, что официальная политика продвижения во внешний мир «философии и общественных наук с китайской спецификой» будет способствовать поддержанию интереса к истории влияния Китая на европейскую мысль.

Ключевые слова: экономическая наука, республиканский Китай, Ли Чжаои, древнекитайская мысль, французские физиократы, Просвещение.

Для цитирования: Борох О.Н. Древнекитайская экономическая мысль и французский академический контекст 1930-х гг.: диссертация Ли Чжаои. *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 219–230. DOI: 10.31857/S086919080015545-6

ANCIENT CHINESE ECONOMIC THOUGHT AND THE FRENCH ACADEMIC
CONTEXT OF THE 1930s: LI ZHAOYI'S DOCTORAL THESIS

© 2021

Olga N. BOROKH ^a

^a – Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-0109-4462; borokh@hotmail.com

Abstract: *The article examines the contribution of the Chinese researcher of the first half of the 20th century Li Zhaoyi to the study of the impact of ancient Chinese thought on the economic doctrine of the French physiocrats. An interpretation of the schools of Taoism, Confucianism and Legalism as carriers of the idea of natural law, which became fundamental for physiocrats, is highlighted as a key feature of Li Zhaoyi's academic concept. The interpretation of the Chinese teachings on morality, ritual, the way-Tao, and the law-Fa as different understandings of natural law was aimed at demonstrating the Chinese influence on the European thought of the Enlightenment. A distinctive feature of Li Zhaoyi's research was the use of European concepts, primarily anarchism and individualism, to discuss the specifics of ancient Chinese thought through comparisons with the ideas of J.J. Rousseau, P.A. Kropotkin, M.A. Bakunin, M. Stirner. The increasing attention to the legacy of Li Zhaoyi in modern China is due to the growing interest in the problem of the recognition of Chinese concepts by the global academic community. Li Zhaoyi's name was mentioned by well-known economist J.A. Schumpeter. The influence on the French physiocrats was a rare case of China's contribution to the development of world economic science that is expected to provide inspiration for future intercultural interactions. It is concluded that the official policy of introducing "philosophy and social sciences with Chinese characteristics" to the outside world will help to maintain interest in the history of China's influence on European thought.*

Keywords: economic science, Republican China, Li Zhaoyi (Ly Siou Y), ancient Chinese thought, French physiocrats, Enlightenment.

For citation: Borokh O.N. Ancient Chinese Economic Thought and the French Academic Context of the 1930s: Li Zhaoyi's Doctoral Thesis. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 219–230. DOI: 10.31857/S086919080015545-6

В Китае начиная с 1980-х гг. научное сообщество уделяет большое внимание теме взаимодействия культур и заимствования знаний. Первоначально китайские авторы исследовали проблемы влияния Запада на Китай и усвоения западных научных познаний. Ныне в центре внимания находится вопрос китайского воздействия на западную культуру и науку. В процессе развития мировой экономической мысли подобных прецедентов было немного, что придает им в глазах китайских ученых особую ценность.

Проблема китайского влияния на французских физиократов XVIII в. уже вышла за рамки исторического исследования и превратилась в источник вдохновения при обсуждении будущей роли Китая на глобальной интеллектуальной сцене. Это повысило ценность старых публикаций на данную тему, увидевших свет в прошлом столетии. Забытые имена их авторов становятся частью современных обсуждений мирового статуса китайской мысли.

На рубеже XX–XXI вв. в научный оборот вернулось наследие китайского ученого Ли Чжаои. В 1936 г. он защитил во Франции на факультете права Дижонского университета

диссертацию «Основные течения китайской экономической мысли в древности (с VI в. до н.э. по III в. до н.э.) и их влияние на формирование доктрины физиократов» [Ly, 1936]. Работа была нацелена на выявление китайского воздействия на западную экономическую теорию через демонстрацию содержательного сходства древнекитайских идей с европейской мыслью эпохи Просвещения.

Обзор школ древнекитайской мысли предшествовал в диссертации обсуждению китайского вклада в становление современной экономической науки. Ли Чжаои попытался выделить «физиократические» аспекты китайской традиции. Он утверждал, что, в отличие от Древней Греции и Древнего Рима, в Китае «в период античности были развиты и иногда даже систематизированные течения экономической мысли» [Ly, 1936, p. 7]. Это позволило заявить об исторических преимуществах китайской традиции: «Китайская экономическая мысль высокой античности имеет большую важность для истории экономических учений, поскольку она предоставляет нам собрание ценных документов, в то время как другие цивилизации в этот период представляются напротив очень бедными в этой сфере» [Ly, 1936, p. 7].

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ КИТАЙСКИХ УЧЕНИЙ

Ли Чжаои исследовал идеи даосизма, конфуцианства, моизма и легизма доциньского периода. Важной особенностью работы стало использование европейских концепций для выявления специфики древнекитайских идей. Ли Чжаои охарактеризовал учения Лао-цзы и Чжуан-цзы как «анархический натурализм» [Ly, 1936, p. 12]. Он пояснил, что Лао-цзы возложил ответственность за войны на «искусственную цивилизацию», оторвавшую народ от естественной простоты Дао. Для спасения людей следовало разрушить цивилизацию и ее порождения: общественные институты, авторитеты, законы, мораль. Основатель даосизма осуждал стремление к роскоши, призывая жить в «райской простоте и полной свободе». С помощью недеяния или невмешательства – «у вэй» – обществом должно править Дао как совершенный естественный закон.

Ли Чжаои заявил, что взгляды Лао-цзы близки к «естественному закону» западной философии, воззрениям либеральных экономистов XVIII в. и физиократов, учениям А. Смита и Дж.С. Милля, а также идеям Г. Спенсера. Лао-цзы утверждал, что мудрствование породило «великое лицемерие», а раздор между людьми ведет к появлению этических норм (Дао дэ цзин. Чжан 18). Чжуан-цзы полагал, что «великие разбойники» не переведутся в государстве до тех пор, пока в нем не вымрут мудрецы (Гл. 10), усмиряющие людей подобно укрощению коней (Гл. 9). По мнению Ли Чжаои, эти суждения близки идеям Ж.-Ж. Руссо, считавшего, что науки и искусства обязаны своим рождением людским порокам: «К чему нам были бы искусства, если бы не было питающей их роскоши? Нужна ли была бы юриспруденция, если бы не существовало человеческой несправедливости? Во что обратилась бы история, если бы не было ни тиранов, ни войн, ни заговорщиков?» [Руссо, 1981, с. 31].

Цитата Лао-цзы о пяти цветах, портящих зрение и пяти звуках, притупляющих слух (Чжан 12), стала еще одним поводом для обращения к Руссо, противопоставлявшему роскошь хорошим нравам. Однако, по мнению Ли Чжаои, Лао-цзы идет дальше, чем Руссо, призывая подавлять желания, поскольку стремление к богатству порождает споры и войны [Ly, 1936, p. 20].

Ли Чжаои отметил, что об идеях анархизма в Древнем Китае упомянул П.А. Кропоткин в книге «Современная наука и анархия»: «Действительно, мы встречаем анархические мысли уже у древних философов, а именно у Лао-Тзэ в Китае...» [Кропоткин, 1920, с. 51].

Древние даосы и анархисты XX в. сходным образом считали общественные институты преступными, а любую форму правительства – бесполезной. Существенная разница заключалась в отношении к собственности. У Кропоткина «анархический идеал становится чисто коммунистическим» [Ly, 1936, p. 23]. А Лао-цзы не только отвергал коммунизм, но и проповедовал индивидуализм: «у каждого должна быть своя собственная собственность (sa propre propriété), каждый должен жить для себя» [Ly, 1936, p. 24].

Еще одно различие состояло в том, что, согласно М.А. Бакунину, высшим законом для человека является закон эволюции человечества, то есть закон прогресса. Лао-цзы утверждал, что люди жили в состоянии совершенства в глубокой древности, после чего утратили его из-за эволюции и искусственной цивилизации. Даосский мудрец отверг ведущие к конфликтам закон эволюции, материальную цивилизацию, роскошь и богатство.

В эпикурейском индивидуалистическом учении Ян Чжу даосская пассивность и презрение к миру превратились в пессимизм и индивидуализм. Признание быстротечности человеческой жизни стало оправданием для следования своей природе и удовлетворения естественных желаний. Ли Чжаои сопоставил взгляды Ян Чжу с учением немецкого философа М. Штирнера, ставившего в центр индивида и оправдывавшего его стремление к безграничному преследованию собственных интересов. Если Лао-цзы и Кропоткин стремились избавить человека от давления государственных институтов, то Ян Чжу и Штирнер ставили на первое место свободу личности.

Автор диссертации указал, что следование учению Штирнера превратит человеческое общество в «союз эгоистов», объединившихся ради максимального удовлетворения собственных потребностей. На фоне «крайнего и патологического эгоизма» Штирнера учение Ян Чжу выглядит более взвешенным. Оно основано на даосском либерализме, и потому его эгоизм не является ни эгоистичным, ни альтруистичным. Ян Чжу не хотел обогащаться за счет других, но также не хотел беднеть ради их блага. Он не намеревался ничего давать другим и ничего от них не требовал. Эти воззрения характеризуют «даосский индивидуализм» [Ly, 1936, p. 29].

Советские исследователи отмечали, что среди китайских анархистов большим авторитетом пользовались работы Кропоткина, Бакунина и Штирнера [Стабунова, 1983, с. 9]. Кружок китайских анархистов начал формироваться во Франции еще до Синхайской революции [Стабунова, 1983, с. 48]. Влияние этой традиции можно проследить в исследовании Ли Чжаои, написанной под научным руководством историка рабочего движения Э. Долеана. Это позволяет объяснить интерес китайского докторанта к социалистическим идеям. В библиографии диссертации, помимо трудов анархистов, указаны четыре работы К. Маркса и одна работа Ф. Энгельса.

В конфуцианской книге «Ли цзи» в описании утопического общества «Великого единения», в котором люди совместно заботятся о детях и стариках, а молодые находят применение своим талантам, Ли Чжаои обнаружил сходство с европейскими гуманитарными принципами. Древняя идея государственного вмешательства в интересах поддержки старых и больных стала для него «предвосхищением современных законов социального страхования» [Ly, 1936, p. 33].

В экономическом учении Мэн-цзы исследователь выделил систему «колодезных полей» – «цзин тянь», «позволяющую каждому стать собственником» [Ly, 1936, p. 35], предложение снизить налоги, осуждение монополизма и обоснование необходимости разделения труда. Ключевой характеристикой взглядов Сюнь-цзы стало ограничение человеческих желаний с помощью ритуалов ради предотвращения социальных конфликтов в условиях нехватки материальных благ.

Учение всеобщей любви и солидарности моистов Ли Чжаои представил как китайский прообраз христианства. Если бы эта школа одержала верх над конфуцианством и даосизмом, она стала бы «политико-религиозной сектой, которая руководила бы Китаем как христианство в Средние века» [Лу, 1936, р. 42]. Всеобщая любовь Мо-цзы сближается с христианством и отдаляется от идей конфуцианства, поскольку у Конфуция и Мэн-цзы любовь к людям была четко регламентированной: сначала любят себя и своих близких, и лишь потом – всех окружающих. Моисты воспринимали труд как разновидность религиозного служения, они «работали без отдыха, не расслабляясь, стоически страдали ради других» [Лу, 1936, р. 48]. По мнению Ли Чжаои, в отличие от Т. Мальтуса, рассматривавшего рост населения как зло для человечества, Мо-цзы считал его благом, которое позволяет увеличить производство.

Легисты Шэнь Дао, Инь Вэнь-цзы и Хань Фэй-цзы призывали к управлению обществом с помощью законов. Ли Чжаои назвал их «приверженцами капитализма в крайней националистической форме» [Лу, 1936, р. 54]. Их стремление к обогащению своего государства переросло в «империалистические» попытки покорять другие царства военным или экономическим путем. Концепция всемогущества закона и абсолютной власти государства привела легистов к полному подавлению индивидуальности и обоснованию вмешательства в экономику путем введения монополии на соль, национализации шахт и лесов, регулирования цен. Экономические идеи этой школы исследователь призвал искать у Гуань-цзы.

Автор диссертации обнаружил у легистов физиократические идеи. Политика этой древнекитайской школы была направлена на обогащение народа, мораль могла существовать, лишь когда склады полны и люди избавлены от нищеты. Источник богатства легисты видели в сельском хозяйстве. Чтобы избежать расслоения между имущим и неимущим классами, государство должно стабилизировать цены. Для этого оно действует как «крупный трест» – покупает продукцию, когда она в избытке и цены на нее падают, и, напротив, продает ее при повышении цен.

На основании обзора течений древнекитайской экономической мысли исследователь заключил: «Иногда мы удивляемся, что их принципы так глубоки и аромат свеж, хотя они старые и насчитывают двадцать веков. Принципы даосизма, к примеру, так же новы, как принципы современного анархизма. Некоторые идеи конфуцианства аналогичны гуманитарным принципам современных общественных институтов, например, социальному страхованию. Также мы находим определенное сходство между школой легистов и фашизмом, когда речь идет об абсолютной власти, вмешательстве государства и принципах дирижистской экономики. Всеобщая любовь и гуманистический подход Мо-цзы имеют акценты, которые можно найти в христианстве» [Лу, 1936, р. 93].

Межкультурные сопоставления позволили Ли Чжаои заявить, что древние идеи адаптируются к потребностям разных эпох, преодолевают пространства и рамки старых цивилизаций, после чего вновь становятся молодыми. «Экономическая мысль древнего Китая ... важна не только для китайской истории и [китайской] цивилизации, но и представляет античный гений человечества. Изучение этой мысли очень важно для науки и истории экономических доктрин» [Лу, 1936, р. 94].

КИТАЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ФРАНЦУЗСКИХ ФИЗИОКРАТОВ

Вторая часть диссертации раскрывает воздействие древнекитайской экономической мысли на физиократов. Подчеркивая новизну своего исследования, Ли Чжаои отметил: «Эти влияния почти проигнорированы вплоть до настоящего времени. В любом случае, нет никакого серьезного исследования по этой теме, которая, тем не менее, очень важна для истории экономической мысли и понимания доктрины физиократов» [Лу, 1936, р. 8].

Ли Чжаои утверждал, что «только начиная с физиократов экономическая наука (*l'économie*) обрела четкое существование» [Ly, 1936, p. 6]. Автор диссертации сослался на мнение П. Струве, согласно которому политическая экономия не могла оформиться в науку до того, как в ней было выделено понятие естественного экономического закона [Struve, 1921, p. 294].

Новое прочтение обрели споры западных исследователей о том, кого из европейских экономистов следует считать основателем экономической науки. Ссылаясь на «Историю экономических учений» Р. Гоннара, Ли Чжаои подчеркивал, что лишь Ф. Кенэ и физиократы приступили к созданию научной экономической науки, до них была эра эмпирических систем наподобие меркантилизма [Gonnard, 1922, p. 10].

Желая оспорить наделение статусом создателя экономической науки шотландца Адама Смита, китайский исследователь сослался на мнение бельгийского экономиста Г. Дени, порицавшего в «Истории экономических и социалистических систем» (1897) тех, кто с легкостью находил в учении физиократов недостатки, не признавая его величия. В диссертации были использованы идеи профессора Бернского университета А. Онкена, отмечавшего, что Кенэ первым среди экономистов «выдвинул систему, построенную естественнонаучным методом» [Онкен, 1908, с. 21], «применил точный абстрактный метод к исследованию экономических явлений и этим именно придал политической экономии научный характер» [Онкен, 1908, с. 7]. Онкен утверждал, что в Великобритании «уже давно перестали считать Адама Смита творцом экономической науки» [Онкен, 1908, с. 2]. Среди трудов, подчеркивавших важность учения физиократов, Ли Чжаои указал также на работы Г. Шелле.

Европейские авторы нередко цитировали высказывания физиократов о Китае и китайских учениях, но, по мнению китайского докторанта, «не отдавали отчета в важности этого факта» [Ly, 1936, p. 63]. Ли Чжаои подчеркнул, что если китайское происхождение части идей физиократов не будет выявлено, фундаментальные идеи этой школы не получат объяснения и могут быть неверно интерпретированы. Он несколько раз назвал китайское влияние на физиократов «любопытным» (*curieuse*) [Ly, 1936, p. 64, 94].

Проблему китайского влияния на физиократов Ли Чжаои поместил в контекст истории интеллектуальных контактов Франции и Китая. В XVIII в. благодаря усилиям миссионеров китайские идеи повлияли на Вольтера, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье. Физиократы не могли остаться в стороне от этой волны увлечения Китаем, когда «игнорирование Конфуция было таким же большим преступлением, как и Сократа и Платона» [Ly, 1936, p. 70–71]. Влияние Китая и его философии на физиократов представлялось Ли Чжаои «очевидным» [Ly, 1936, p. 73]. В качестве подтверждения он ссылаясь на книгу З. Дашиньской-Голинской, отмечавшей, что физиократы рассматривали Конфуция как идеал ученого. Об этом говорил маркиз де Мирабо, цитировавший в надгробной речи на могиле Кенэ французского иезуитского историка Ж.Б. Дю Альда. В менее патетической форме Кенэ с Конфуцием сопоставлял аббат Бодо [Daszyńska-Golińska, 1922, p. 7–8].

Ли Чжаои напомнил, что первые семь глав «Китайского деспотизма» Кенэ содержат описание политического, морального и экономического уклада Китая, составленное по рассказам путешественников и миссионеров. Восьмая глава представляет особую ценность, поскольку в ней Кенэ дает систематическое и подробное изложение китайской доктрины. Ли Чжаои сослался на предисловие Бодо к «Китайскому деспотизму», где отмечалось, что эта глава «содержит параллель между естественными конституциями лучшего правительства империй и принципами науки, которую преподают и практикуют в Китае» [Quesnay, 1888, p. 564]. По мнению Дашиньской-Голинской, произведение Кенэ создает впечатление, будто вся теория физиократов происходит из китайской философии [Daszyńska-Golińska,

1922, р. 8]. Ли Чжаои пришел к выводу, что влияние Китая и его философии на учение физиократов является несомненным [Ly, 1936, р. 77].

Диссертация Ли Чжаои опирается на тезис об исключительной важности для учения физиократов идеи естественного закона. Французские мыслители подчеркивали, что законы, на которых основано государственное управление не были установлены людьми: к примеру, законодательная власть изначально не принадлежала ни государю, ни его подданным. Ли Чжаои заявил, что подобные идеи присутствовали в древнекитайской философии. Прежде всего это отраженный в древних книгах «Ши цзин» и «Шу цзин» культ Неба, выступавшего символом естественных законов, управляющих вселенной и обществом. Под Небом или Всевышним владыкой Шанди китайцы понимали высший разум или естественные законы, которые руководят миром. О культе Неба в Китае Кенэ подробно писал в первом параграфе второй главы «Китайского деспотизма», озаглавленном «Естественные законы» [Quesnay, 1888, р. 585–590].

Китайский автор утверждал, что все школы доциньской мысли подверглись влиянию концепции естественных законов, интерпретация которых была различной. У даосов, выступавших за недеяние как принцип поведения человеческого общества, – это Дао, которое руководит вселенной. Конфуцианский моральный закон стал воплощением естественных законов, а самосовершенствование человека было достижимо лишь путем их имитации. Основным принципом легизма было управление на основании законов – «фа», скопированных со справедливых естественных законов, призванных служить образцом для законов общественных. Ли Чжаои подчеркивал, что естественные законы стали основой китайской философии. «Говоря коротко, мораль, ритуал, Дао, фа – все это лишь естественные законы, и эти естественные законы также законы физиократов» [Ly, 1936, р. 83]. В политической и экономической сфере естественные законы проявляются в невмешательстве, поэтому концепции недеяния у даосов и *laissez faire* у физиократов похожи.

Китайский исследователь указал на парадоксальный характер учения физиократов: «Сторонники *laissez faire* в экономике и приверженцы деспотизма в политике, какое противоречие, скажут люди!» [Ly, 1936, р. 86]. Ключ к пониманию этого парадокса, по его мнению, дает китайская философия. Под ее влиянием физиократы верили, что человеческими обществами управляют естественные законы, которые предписывают каждому человеку то, что для него наиболее предпочтительно. Это не деспотизм в том виде, как его понимают обычные люди, а деспотизм естественных законов, которым должен соответствовать весь мир. С точки зрения физиократов, китайский император деспотически обеспечивает осуществление естественных законов. У него абсолютная власть, но Кенэ отмечал, что она «заключается в строгом соблюдении законов и фундаментальных максим правления» [Quesnay, 1888, р. 613]. Ли Чжаои привел цитату из «Истории экономических учений» Ш. Жида и Ш. Риста, пояснявшую, почему физиократы считали китайского императора идеальным типом деспота: «В качестве сына неба он представляет естественный порядок, который в то же время является божественным порядком. Он также и землевладельческий монарх, который раз в год торжественно прикладывает руку к сохе. Своему народу он предоставляет управляться самостоятельно или по меньшей мере сообразно со своими обычаями и обрядами» [Жид, Рист, 1995, с. 41].

Аграрное китайское государство было для физиократов идеалом, и это сопоставление стало еще одним подтверждением межкультурного влияния. Китайские правители и мудрецы неизменно рассуждали о сельском хозяйстве, для легистов единственным источником богатства был крестьянский труд. Кенэ отмечал, что сельское хозяйство всегда почитали в Китае, а крестьяне пользовались особым вниманием императоров [Quesnay, 1888, р. 601]. Профессор Доллеан назвал принцип физиократов «агроцентризмом». По мнению

Ли Чжаои, как эхо китайской мысли он присутствует в третьей максиме Кенэ – *«Государь и народ никогда не должны упускать из виду, что земля есть единственный источник богатства и что одно только земледелие умножает последние»* [Физиократы, 2008, с. 408].

Ли Чжаои сделал вывод: «Не будет преувеличением сказать, что здесь есть китайское влияние» [Ly, 1936, p. 90]. В основе организации сельского хозяйства в Китае лежала собственность на землю, а занятые в нем имели полную свободу деятельности. Схожие принципы собственности и свободы можно найти у Кенэ. Четвертая максима рекомендует обеспечить гарантии собственности на богатства их законным владельцам, а тринадцатая – предоставить каждому свободу возделывать на своем поле то, что он считает нужным [Физиократы, 2008, с. 408–409].

Кенэ отмечал, что, согласно китайским обычаям, в сельском хозяйстве собственник получал половину дохода и должен был платить налоги. Другая часть оставалась у работников как возмещение затрат и произведенных работ. Сославшись на работу Дашиньской-Голинской [Daszyńska-Golińska, 1922, p. 10–11], Ли Чжаои заключил, что китайская система напоминает схему распределения доходов в «Экономической таблице» Кенэ [Ly, 1936, p. 91].

НАСЛЕДИЕ ЛИ ЧЖАОИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

После возвращения на родину Ли Чжаои преподавал на экономическом факультете Университета Сунь Ятсена. Ученый оставил исследования межкультурных взаимодействий и занялся пропагандой идеи кооперации, опираясь на изученные во Франции работы Ш. Жида. После победы революции 1949 г. Ли Чжаои покинул материковый Китай, в 1966–1971 гг. он был деканом факультета западных языков Тамканского университета на Тайване.

О диссертации Ли Чжаои в Китае узнали в первое десятилетие реформ благодаря возобновлению научных обменов с внешним миром. В 1988 г. известный экономист У Баосань сообщил, что во время зарубежной поездки увидел защищенную в Дижоне в 1936 г. докторскую диссертацию обучавшегося во Франции китайца о влиянии древнекитайской экономической мысли на формирование учения физиократов [Тань Минь, 2015, с. 210].

У Баосань отметил, что связь доктрины французских физиократов с древнекитайской экономической мыслью была в 1930-е гг. проанализирована в диссертации Ли Чжаои, статье американского ученого Л.А. Мэверика [Maverick, 1938] и главе о воздействии древнекитайской экономической мысли на страны Запада в книге Тан Цинцзэна [Тан Цинцзэн, 2010, с. 435–441]. По мнению У Баосаня, представления на Западе о традиционных китайских экономических идеях были недостаточными, поскольку ученые не могли ознакомиться с ними на языке оригинала, а на западных языках этой теме были посвящены всего две работы. Это защищенная в США диссертация Чэнь Хуаньчжана «Экономические принципы Конфуция и его школы» [Chen Huan-chang, 1911] и работа Ли Чжаои, которая «была написана на французском языке, очень краткая, и знающих о ней было мало» [У Баосань, 2003, с. 98].

В начале 1990-х гг. на диссертацию Ли Чжаои сослался Тань Минь в монографии «Китайские источники учения французских физиократов». Он признал, что обратился за копией работы к директору библиотеки Дижонского университета после того, как узнал о ее существовании от У Баосаня. Тань Минь заявил, что первая часть диссертации Ли Чжаои «занимает более половины из 90 страниц текста, ее содержание в основном известно ученым, изучающим китайскую экономическую мысль, ...оно представляется довольно бедным и не имеет какого-либо большого значения». Диссертация «добавила некоторый

материал к теме влияния китайской экономической мысли на физиократов, но не предоставила никаких новых точек зрения» [Тань Минь, 1992, с. 31–32]. Тем не менее, Ли Чжаои сказал о важности китайского влияния не только как истока физиократии, но и как фактора истории экономической науки в целом.

В монографии о китайских экономических диссертациях первой половины XX в. Цзоу Цзиньвэнь указал, что работа Ли Чжаои «впервые с точки зрения движения китайского знания на Запад исследовала влияние китайской экономической мысли на учение физиократов» [Цзоу Цзиньвэнь, 2016, с. 587]. При оценке ее содержания он солидаризовался с критическим суждением Тань Миня о том, что в первой части диссертации ничего особенно ценного нет.

Современные китайские исследователи ставят на первое место тему влияния Китая на Европу, отводя второстепенную роль трактовке в диссертации Ли Чжаои древнекитайских экономических идей. Однако противопоставление первой и второй части работы не позволяет раскрыть целостность замысла Ли Чжаои. Его интерпретация «общеизвестных» идей китайской древности была новаторской, поскольку была нацелена на выявление присутствия в китайских учениях концепции «естественного закона», которую могли использовать физиократы.

Ма Ли полагает, что оценка воздействия Китая на физиократов в работе Ли Чжаои была завышенной. Выявление общности древнекитайских экономических идей и учения физиократов (естественные законы, деспотизм и агроцентризм) не подтверждало знакомства французских авторов того времени с китайской классикой. На этой основе невозможно определить, является сходство идей случайным совпадением или следствием прочтения физиократами сочинений китайских мыслителей [Ma Li, 2020].

Диссертация Ли Чжаои упомянута в многотомном пособии по изучению «идей Си Цзиньпина социализма с китайской спецификой новой эпохи», подготовленном Китайской академией общественных наук [Си Цзиньпин, 2019]. Поиски подтверждений мирового влияния китайской традиции возродили интерес к источникам идей физиократов. «Многие китайские историки экономической мысли указывали, что экономическая мысль древнего Китая в разных странах Запада действительно оказала довольно сильное влияние. Оно было более важным, чем влияние учений Рима, идей христианства, Библии. Особенно очевидно это на примере французских физиократов. Последние признаны важным источником экономической науки в современном смысле, символом которой является Адам Смит» [Си Цзиньпин, 2019]. Содержащийся в этих рассуждениях пересказ выводов книги Тан Цинцзэна «История китайской экономической мысли» (1936) является неполным. Ученый отмечал, что влияние древнекитайской экономической мысли на Запад было глубоким, но не всеобщим, оно «ограничивалось одним периодом и одной школой» [Тан Цинцзэн, 2010, с. 440].

Пособие по изучению идей Си Цзиньпина сообщает, что «в первой половине XX в. были некоторые китайские труды со строгим экономическим анализом, например, “Основные течения китайской экономической мысли в древности (с VI в. до н.э. по III в. до н.э.) и их влияние на формирование доктрины физиократов” Ли Чжаои, а также “Экономические принципы Конфуция и его школы” Чэнь Хуаньчжана и др., это еще более четко продемонстрировало научную ценность и практический смысл древнекитайских экономических идей» [Си Цзиньпин, 2019].

Обе работы были написаны на иностранных языках и защищены в зарубежных университетах. Труд Чэнь Хуаньчжана перевели на китайский язык со столетним опозданием. Содержание диссертации Ли Чжаои поныне доступно китайской аудитории лишь во фрагментарном пересказе. Причисление этих работ к примерам «строгого экономического

анализа» можно объяснить лишь их упоминанием в «Истории экономического анализа» Й. Шумпетера, отметившего, что от Древнего Китая «до нас не дошло никаких рассуждений по строго экономическим вопросам, которые можно было бы назвать “научными” в рамках нашего понимания этого термина» [Шумпетер, 2001, с. 64]. Именно после данного критического суждения присутствует ссылка на труды американского исследователя Э.Д. Томаса, Ли Чжао и Чэнь Хуаньчжана. Косвенным аргументом в пользу наличия в них экономического анализа могут служить разве что предшествующие перечислению этих работ слова Шумпетера «См., однако» («See, however»), допускающие присутствие в китайской традиции или ее современном истолковании научной аргументации [Шумпетер, 2001, с. 64].

Знакомство с книгой Шумпетера состоялось в КНР в годы реформ до того, как стали известны имена Чэнь Хуаньчжана и Ли Чжао. При подготовке её первого китайского издания 1991 г. переводчики не имели представления о том, кто это такие. Для Чэнь Хуаньчжана (陈焕章; Huan Chang Chen) они подобрали фонетическую запись 黄昌辰. Для Ли Чжао, обозначенного у Шумпетера как S.Y. Lu, им пришлось ограничиться подбором фамильного иероглифа и записать его как S.Y. 李 [Тань Минь, 2015, с. 224]. Поскольку название диссертации Ли Чжао в сноске было сокращено наполовину «*Les grands courants de la pensée économique chinoise dans l'antiquité...*», его перевели как «Очерк экономической мысли древнего Китая» («古代中国经济思想大纲») [Шумпетер, 1991, с. 86].

Тань Минь вспоминал, что при первом знакомстве с диссертацией он также не смог определить, кто скрывается за именем Lu Siou Y. Это стало возможным лишь после обнаружения в каталоге старых публикаций статьи «Исследование влияния политических и экономических идей древнего Китая на физиократов» с иероглифическим написанием имени автора в журнале «Шэхуэй яньцзю» Университета Сунь Ятсена за 1938 г. [Ли Чжао, 1938]. Оказалось, что содержание статьи на французском языке идентично второй главе диссертации [Тань Минь, 2015, с. 211]. С того времени имя Ли Чжао стало в Китае узнаваемым, а его идеи привлекли научный интерес.

В первой половине XX в. китайские ученые, получившие подготовку в зарубежных университетах, овладевшие современной исследовательской методологией и ознакомившиеся с иностранной научной литературой внесли существенный вклад в осмысление истории интеллектуального взаимодействия между Китаем и Западом. Наиболее заметное воздействие на развитие общественных наук в Китае в республиканский период оказали опиравшиеся на англо-американскую академическую традицию выпускники университетов США. Достижения обладателей европейских ученых степеней, среди которых был Ли Чжао, долгое время оставались малоизвестными.

Диссертацию Ли Чжао следует оценивать в сопоставлении с другими работами, опубликованными китайскими докторантами на иностранных языках в первой половине XX в. Ссылок на труды англо-американского либерального экономического мейнстрима в работе Ли Чжао очень мало. Его новаторство в трактовке китайской древности состояло в опоре на европейскую академическую традицию, проведении сопоставлений с идеями Руссо, Кропоткина, Штирнера. В работах китайских исследователей республиканского периода с американскими дипломами ничего подобного не было.

В современном Китае интерес к наследию Ли Чжао связан как с актуальностью его исследования влияния древнекитайской мысли на французских физиократов, так и с упоминанием его имени в книге Шумпетера. Общим знаменателем является проблема проникновения китайских идей во внешний мир и их признания мировым научным сообще-

ством. Провозглашение китайским руководством в 2016 г. политики развития «философии и общественных наук с китайской спецификой» и требование продвижения их достижений за рубеж обеспечит сохранение интереса к этим вопросам в обозримом будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Жид Ш., Рист Ш. *История экономических учений*. М.: Экономика, 1995 [Gide Ch., Rist Ch. *Histoire des doctrines économiques*. Moscow: Ekonomika, 1995 (Russian translation)].

Кропоткин П. *Современная наука и анархия*. Петербург; Москва: Голос труда, 1920 [Kropotkin P. *La Science Moderne et l'Anarchie*. Petersburg; Moscow: Golos Truda, 1920 (in Russian)].

Онкен А. *История политической экономики до Адама Смита*. М.: Тип. М.А. Александрова, 1908 [Oncken A. *Geschichte der Nationalökonomie: Die Zeit vor Adam Smith*. Moscow: Tipografia M.A. Aleksandrova, 1908 (in Russian)].

Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о науках и искусствах. *Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения*. Т. 2. М.: Педагогика, 1981. С. 20–42 [Rousseau J.J. *Discours sur les sciences et les arts*. Rousseau J.J. *Pedagogical Works*. Vol. 2. Moscow: Pedagogika, 1981. Pp. 20–42 (in Russian)].

Стабурова Е.Ю. *Анархизм в Китае. 1900–1921*. М.: Наука, 1983 [Staburova E.Yu. *Anarchism in China. 1900–1921*. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].

Физиократы. Ф. Кенэ, А.Р.Ж. Тюрго, П.-С. Дюпон де Немур. *Избранные экономические произведения*. М.: Эксмо, 2008 [Physiocrats. Quesnay F., Turgot A.R.J., du Pont de Nemours P.S. *Selected Economic Works*. Moscow: Eksmo, 2008 (Russian translation)].

Шумпетер Й.А. *История экономического анализа*. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2001 [Schumpeter J.A. *History of Economic Analysis*. Vol. 1. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya shkola (in Russian)].

Ли Чжаои (Li Saou Y 李肇义). Чжуннун сюэпай шоу Чжунго гудай чжэнчжи цзинцзи сысян инсян чжи каочжэн (Исследование влияния политических и экономических идей древнего Китая на физиократов; 重农学派受中国古代政治经济思想影响之考证). *Шэхуэй яньцзю (Социальные исследования; 社会研究)*. 1938. Т. 1. № 3. С. 1–30 [Li Zhaoyi. L'influence de la pensée économique-politique de la Chine ancienne sur la doctrine physiocratique. *Social Research*. 1938. Vol. 1. No. 3. Pp. 1–30].

Си Цзиньпин синь шидай Чжунго тэсэ шэхуэйчжэу сысян сюэси цуншу (Библиотека изучения идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи; 习近平新时代中国特色社会主义思想学习丛书). Ред. Се Фучжань (谢伏瞻). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2019 [The Study Book Series of Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. Ed. Xie Fuzhan. Peking: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2019 (in Chinese)] <https://www.bookuu.com/ebook.php?act=detail&id=77753&sn=59> (accessed: 10.01.2021).

Тан Цинцзэн (唐庆增). Чжунго цзинцзи сысянши (История китайской экономической мысли; 中国经济思想史). Пекин: Шаньу иньшугуань, 2010 [Tang Qingzeng. *The History of Chinese Economic Thought*. Peking: Shangwu yinshuguan, 2010 (in Chinese)].

Тань Минь (谈敏). Фаго чжуннун сюэпай сюэшо дэ Чжунго юаньюань. (Китайские источники учения французских физиократов; 法国重农学派学说的中国渊源). Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1992 [Tan Min. *The Chinese Origin of Physiocratic Economics*. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe, 1992 (in Chinese)].

Тань Минь (谈敏). Цюйцзин цзи (Сборник извилистого пути; 曲径集). Шанхай: Шанхай цайцзин дасюэ чубаньшэ, 2015 [Tan Min. *Collection of Winding Path*. Shanghai: Shanghai caijing daxue chubanshe, 2015 (in Chinese)].

У Баосань (巫宝三). У Баосань цзи (Сочинения У Баосаня; 巫宝三集). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2003 [Wu Baosan. *Collected Works of Wu Baosan*. Peking: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2003 (in Chinese)].

Цзоу Цзиньвэнь (邹进文). Цзиньдай Чжунго цзинцзисюэ дэ фачжань – и люсюэшэн боши луньвэнь вэй чжунсинь дэ каоча (Развитие современной китайской экономической науки: исследование докторских диссертаций китайских студентов, обучавшихся за границей; 近代中国经济学的发展 – 以留学生博士论文为中心的考察). Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2016 [Zou Jinwen. *The Development of Modern Chinese Economics: Doctoral Dissertations by Overseas Chinese Students*. Peking: Zhongguo renmin daxue chubanshe, 2016 (in Chinese)].

Шумпетер Й. [约瑟夫·熊彼特]. Цзинцзи фэнси ши. Ди и цзюань (История экономического анализа. Т. 1; 经济分析史, 第1卷). Пекин: Шаньу иньшугуань, 1991 [Schumpeter J.A. *History of Economic Analysis*. Vol. 1. Peking: Shangwu yinshuguan, 1991 (in Chinese)].

Chen Huan-chang. *The Economic Principles of Confucius and His School*. 2 vols. New York: Columbia University, Longmans, Green & co., 1911.

Daszyńska-Golińska S. *La Chine et le Système physiocratique en France*. Varsaviae: Cura et sumptibus Universitatis Liberae Polonae, 1922.

Gonnard R. *Histoire des Doctrines Économiques*. [Vol. II]. *De Quesnay à Stuart Mill*. Paris: Nouvelle librairie nationale, 1922.

Ly Siou Y. *Les Grands Courants de la Pensée économique chinoise dans l'Antiquité (du VIe au IIIe siècle avant J.-C.) et leur Influence sur la Doctrine physiocratique*. Paris: Jouve & Cie, 1936.

Ma Li. *L'art de gouverner chinois dans les périodiques de langue française de 1750 à 1789*. Montpellier: Presses universitaires de la Méditerranée, 2020. <https://books.openedition.org/pulm/4376> (accessed: 10.01.2021).

Maverick L.A. Chinese Influence upon the Physiocrats. *Economic History*. Vol. 3. No. 13. 1938. Pp. 54–67.

Quesnay F. Despotisme de la Chine. *Œuvres Économiques Et Philosophiques de F. Quesnay, Fondateur Du Systeme Physiocratique*. Francfort: J. Baer and Paris: J. Peelman et Cie, 1888. Pp. 564–659.

Struve P. L'idée de loi naturelle dans la science économique. *Revue d'économie politique*. 1921. Vol. 35. No. 3. Pp. 294–317; No. 4. Pp. 463–482.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БОРОХ Ольга Николаевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, Москва, Россия.

Olga N. BOROKH, PhD (Economics), Leading Researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.31857/S086919080014031-1

«КАЗАХСКИЙ НАРОД ДОЛЖЕН ЕЙ НИЗКО ПОКЛОНИТЬСЯ»:
ИРИНА ВИКТОРОВНА ЕРОФЕЕВА (1953–2020)

© 2021

С.А. ПАНАРИН ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-6906-4705; sergpanar@mail.ru

Резюме: Ирина Викторовна Ерофеева еще при жизни заслужила репутацию лучшего специалиста по политической истории Казахстана 2-й половины XV – 1-й половины XIX в. На ее смерть откликнулся телеграммой соболезнования Президент Республики Казахстан К.-Ж. Токаев. Казахские журналисты назвали ее женщиной-батыром, которой казахи должны низко поклониться. Это не было преувеличением. Ее книги и публикации источников по истории казахов оказались чрезвычайно востребованы в момент становления постсоветского Казахстана как независимого государства, но при этом ни в одной из них она ни на йоту не отступила от принципа строгой научной доказательности своих суждений и выводов.

И.В. Ерофеева изучала также историю расселения русских и немцев в Казахстане и их возвратную миграцию «на историческую родину» в постсоветский период. Поездка в Монголию возбудила у нее еще один исследовательский интерес – она начала заниматься памятниками буддизма на территории Казахстана, став одним из инициаторов комплексного изучения остатков буддийского монастыря Аблай-хит, равно как и одним из авторов коллективной монографии по результатам этого исследования. Венцом ее научной карьеры по праву считается поистине титанический труд, которому она отдала 17 лет жизни, – издание писем казахской правящей элиты за период с 1675 по 1821 гг. Ей принадлежит сам замысел уникального свода, вобравшего в себя 811 посланий, из которых 4/5 ранее не публиковалось; она написала введение, биографии авторов писем, ряд статей в приложениях, подготовила комментарии; нашла спонсоров и издателей, благодаря которым научная книга стала памятником полиграфического искусства.

Ирина Викторовна оставила нам целое семейство текстов высшей категории, в которых в полной мере отразилась эвристика ее мысли, сила духа, любовь к земле Казахстана, его народам, персонажам его истории.

Ключевые слова: И.В. Ерофеева, политическая история Казахстана, публикация источников.

Для цитирования: Панарин С.А. «Казахский народ должен ей низко поклониться»: Ирина Викторовна Ерофеева (1953–2020). *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 231–241. DOI: 10.31857/S086919080014031-1

“KAZAKH PEOPLE SHOULD BOW LOW TO HER”:
IRINA VIKTOROVNA EROFEEVA (1953–2020)

© 2021

Sergei A. PANARIN ^а

^а – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6906-4705; sergpanar@mail.ru

Abstract: *Irina Erofeeva won a universal recognition as the best expert in the political history of Kazakhstan of late 15th–early 19th centuries. The President of Kazakhstan responded to her death with a condolence telegram. Kazakh journalists called her a female batyr, whom Kazakhs should bow deeply to. Her own books and her perfectly adjusted, commented and supplied with notes and indexes publications of sources on the history of Kazakhs, appeared to become in a great demand at the time when the former Soviet Kazakhstan has been transforming itself into an independent state. What is most impressive, in none of her oeuvres did she deviate from the principle of verifying her conclusions with a critically tested empirical evidence.*

Both the history of Russians and Germans in Kazakhstan and the monuments of Buddhism dating back to the Dzungarian expansion in the Kazakh steppe were also in the focus of her interest. She became one of the initiators of a comprehensive study on the remnants of the Buddhist monastery Ablai-Hit and one of the authors for a corresponding collective monograph. Yet, the masterpiece of her scholarly career is two-volume edition of the letters of the Kazakh ruling elite in the period from 1675 to 1821. She came up with the very idea of a unique collection that absorbed 811 messages, of which four-fifths were never published; wrote biographies of the authors of the letters and several research articles for the supplement; prepared the introduction and comments; edited 1,800 pages, and, found generous sponsors and sophisticated publishers.

Keywords: Irina V. Erofeeva, Kazakhstan political history, historical sources.

For citation: Panarin S.A. “Kazakh People Should Bow Low to Her”: Irina Viktorovna Erofeeva (1953–2020). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 231–241. DOI: 10.31857/S086919080014031-1

21 ноября 2020 года в Алматы на 68-м году жизни умерла Ирина Викторовна Ерофеева.

По чисто формальным показателям она не обладала на момент смерти высоким статусом: ничем не заведовала, никем не руководила, не была академиком, даже доктором – всего лишь кандидатом исторических наук на пенсии. Разве что удостоилась после выхода в свет ее главного труда, о котором речь ниже, звания почетного доктора Международного казахско-турецкого университета им. Ходжа Ахмета Яссави в г. Туркестане... Тем не менее смерть ее получила широкий резонанс. Внимание публики не могли не привлечь громкие заголовки статей, опубликованных вскоре после ее кончины: «“Батыр Ирина”: историк великой Степи» (информационно-аналитический портал *Orda_Kz*, 24 сентября); «Она не склоняла голову даже перед высокими чиновниками» (газета *Экспресс-К*, 3 декабря); «Казахский народ должен ей низко поклониться!» (Казахстанское информационное агентство *Newtimes.kz*, 6 декабря). Совсем необычной была реакция власти на смерть «всего лишь» кандидата наук. Президент Республики Казахстан (РК) Касым-Жомарт Токаев прислал телеграмму соболезнования, зачитанную на онлайн-панихиде по Ирине: «Я искренне разделяю с вами горечь и боль невосполнимой утраты – кончины И.В. Ерофеевой. Она была высоким профессионалом истории казахской государственности. Она целиком посвятила себя работе. Была патриотом своего народа. Ее научные труды по праву занимают особое место в нашей науке» [Онлайн-панихида, 2020].

Эти посмертные слова в адрес друга, при воспоминании о котором щемит сердце, справедливы, но не полны, как не будет полным и то, что я попытаюсь сказать здесь об Ирине. Ибо знания о ее жизни до нашего знакомства в 1992 г. у меня недостаточны для того, чтобы показать эту жизнь во всех ее деталях. В Казахстане друзья Ирины готовят библиографию ее трудов; надеюсь, что она будет включать и научную биографию. А я в этом тексте попробую представить, хотя бы эскизно, не одного ученого, но и человека.

I

Ирина родилась в Усть-Каменогорске, столице Восточно-Казахстанской области (ВКО) – центре края, славящегося богатыми месторождениями полиметаллических руд, за что известный геолог В.К. Котульский выделил его в отдельную геологическую область – Рудный Алтай [Лузгин, 2017]. Ее предки по отцу происходили из старообрядцев, бежавших из Руси на входившие в состав Речи Посполитой земли по р. Сож и ее протоке – «ветке». В 1760 г. пришла российская воинская команда для «выгонки» «веткинцев» назад в Россию. Одну их часть выселили на земли к югу от Байкала, где их со временем стали называть «семейскими», другую – на Рудный Алтай, там за ними закрепилось название «поляки» [Болонев, 1985, с. 30; Казанцева, Мурашова, 2007]. Среди поселений «поляков» было и село Ерофеевка в долине р. Малой Ульбы. Очень возможно, что названо оно было по имени первопоселенца из рода, к которому причислял себя отец Ирины. В ХХI век оно вошло как леспромхозовский поселок; но после того, как Комитет лесного хозяйства РК на порядок сократил объем вырубки в ВКО, Ерофеевка умерла [Вологодская, 2011]¹.

По материнской линии Ирина возводила свой род к Александру Жаркову – дворянину «чингизидско-тюркского происхождения и чисто азиатской внешности» [Сугирбаева, 2020], участвовавшему в восстании декабристов на Сенатской площади, осужденному на каторгу в Риддеровском руднике на Рудном Алтае и в 1826 г. бежавшему. Однако всех приговоренных к каторжным работам отправляли исключительно в Иркутскую губернию, а человека с фамилией Жарков вообще нет в справочнике, содержащем документально подтвержденные данные о всех, кто привлекался к следствию по делу о тайных обществах [*Декабристы*, 1988]. Ирина предполагала, что Жарковым ее мятежный предок стал называться после побега и женитьбы на спрятавшей его казачке с такой фамилией, его же собственная фамилия неизвестна [Сугирбаева, 2020]. Среди алтайских Жарковых бытует более расплывчатая версия: их родоначальником был дворянин с такой фамилией, «политический», где-то между 1825 и 1840 гг. приговоренный к каторге на Риддере или к ссылке в те же края². Увы, сведений о каторге на Риддере пока не обнаружено, а политических ссыльных селили за пределами Алтайского горнозаводского округа [Карпенко, 1963, с. 181]. Вместе с тем, если судить по архивным данным, Жарковы жили на Горном Алтае как минимум с ХIХ в. и работали на его рудниках [Плац, 2019].

II

Я неслучайно уделяю столько места генеалогии Ирины. Даже если исключить из нее легендарного декабриста, очевидно, что родоначальниками и продолжателями обеих ее ветвей были люди *независимые*. Как подчеркивала сама Ирина, для ее «дальних и близких предков никогда не было характерным заниматься тем, что в обозримом будущем может принести весомые дивиденды в виде успешного продвижения по карьере, материальных и прочих льгот» [Сугирбаева, 2020]. В большинстве своем они были людьми не рядовых занятий: кадровыми офицерами и горными инженерами, предпринимателями и исследователями, путешественниками и деятелями культуры...

Родовые качества Ерофеевых и Жарковых усилились, когда две ветви соединились. Дед по отцу всё свободное время посвящал книгам по истории, дед по матери увлекался чтением мемуаров и сам писал их под конец жизни [Сугирбаева, 2020]. Отец Ирины,

¹ На 30 июня 2012 г. оставалось несколько домов, выглядящих нежилыми. См.: [Ерофеевка, 2012].

² Об этом свидетельствует переписка по поводу фамилии Жарков на форуме «Всероссийское генеалогическое древо».

Виктор Степанович Ерофеев, в качестве научного сотрудника Института геологических наук АН Казахстана участвовал в изысканиях на юго-западе Алтая; его исследования были посвящены региональной геологии, палеогеографии и литологии. По их результатам он совместно с Ю.Г. Цехановским подготовил вышедшую двумя выпусками этапную монографию о закономерностях образования геологических формаций [Ерофеев, Цехановский, 1982; 1983], а в 1984 г. стал доктором геолого-минералогических наук. В то же время на протяжении всей жизни он увлекался батырами – окруженными поэтическим ореолом персонажами казахской истории [Сугирбаева, 2020]. Увлечение героями степной политики и вообще историей своих предков, своей малой родины, Казахстана, было унаследовано дочерью. И оно получило *дополняющий* импульс – любовь к тексту – со стороны матери Галины Арсентьевны, которая с 1954 по 1984 гг. заведовала Городской детской библиотекой № 1, в 1959 г. преобразованной в Областную.

III

История рода, сезонное кочевничество геолога-отца и его «батырское хобби», погруженность матери в мир книги предопределили выбор Ирины – стать профессиональным историком. В 1971 г. она поступила на исторический факультет Усть-Каменогорского пединститута, который окончила в 1976 г. Но как ученый она «созрела» до получения диплома. Здесь она следовала примеру отца: тот, будучи еще студентом, сдавал в Комитет геологии вполне профессиональные отчеты о работе поисково-съёмочной партии по изучению Зайсанской впадины [Республиканские, 1959–1960]. А дочь на IV курсе написала статью о военном инженеру XVIII в. И.Г. Андрееве, оставившем интересные свидетельства о казахах Среднего жуза. Статья принесла Ирине диплом I степени на Всесоюзном конкурсе научных студенческих работ; диплом же стал основанием для рекомендации в аспирантуру Института истории, этнографии и археологии имени Ч. Валиханова. Туда она поступила сразу после вуза, а уже в 1979 г. защитила кандидатскую диссертацию [Ерофеева, 1979]. После защиты ее приняли в тот же институт, где к 2003 г. она «доросла» до ведущего научного сотрудника [Ерофеева, 2021].

В конце 1970-х гг. в Институт пришло немало талантливых молодых историков, из которых на мой, скорее всего, пристрастный взгляд выделялась троица выпускников одного и того же 1976 года: Нурбулат Эдигеевич Масанов, Ирина Викторовна Ерофеева, Жулдузбек Бекмухамедович Абылхожин. Они общались, сотрудничали, не раз бывали соавторами. Ирина и Нурбулат стали друзьями на всю жизнь. При этом первая, находясь в постоянных контактах со вторым – бесстрашным человеком, несокрушимым логиком, выдающимся исследователем [см. о нем: Нурбулат, 2006; Ерофеева, 2007(1); Масанов, 2017], сохранила человеческую и научную самостоятельность; это был тандем равносильных характеров и умов, и каждый его член не подавлял, а подвигал другого на новое понимание известного, поиск непознанного. Неслучайно после внезапной кончины Масанова в 2006 г. спустя лишь год после того, как он возглавил только что созданный Научно-исследовательский институт по проблемам культурного наследия кочевников (НИИ), ни у кого не было сомнений в том, что новым директором должна стать Ерофеева. Ведь уже были опубликованы работы, сделавшие ее имя известным не только в научном сообществе, но и за его пределами. Это выходившая трижды блестящая книга о хане Абулхаире [Ерофеева, 1999(2)]; разделы в дважды переиздававшейся коллективной монографии по истории Казахстана [Ерофеева, 2000(1); 2000(2)]; великолепно изданная книга о символах казахской государственности [Ерофеева, 2001(2)]; книга о родословиях казахской элиты XVIII–XIX вв. [Ерофеева, 2003]. Все они оказались очень востребованы в момент становления независимого Казахстана

как государства; но при этом ни в одном из этих текстов автор ни на йоту не отступил от принципа строгой научной доказательности информации, предлагаемой читателю. В те же годы Ирина продемонстрировала и мастерство публикатора, подготовив, как и положено, с сопроводительными статьями, комментариями, приложениями и указателями издание двух «описаний киргиз-кайсацких орд», сделанных русскими свидетелями-современниками А.И. Лёвшиным [Левшин, 1996] и И.Г. Андреевым [Андреев, 1998].

IV

Масанов успел подготовить и провести представительную международную конференцию; но редактировать и издавать ее материалы пришлось уже Ерофеевой [Феномен, 2007]. Этой рода работой она к тому времени владела в совершенстве. И уже тогда ярко проявились некоторые стороны ее личности: перфекционизм в исполнении задуманного; целостное восприятие книги как одного из совершеннейших плодов человеческой культуры и поэтому особое внимание к ее эстетической составляющей; высокоразвитое чувство вкуса и меры; способность заражать своим максималистским видением задуманного ею проекта его спонсоров. А находить их Ирина могла как никто из известных мне ученых.

Возьмем для примера «Символы казахской государственности». Формат этого издания – 90×100/16, толщина книжного блока без переплета – 1 см, лендеринговый переплет жемчужно-серого цвета с тиснением заголовка матовым серебром одет в плотную гляцевую темно-красную суперобложку также с серебряным тиснением. Форзац – темно-серый, подборка шрифтов на титуле и контртитуле и размещение текста ласкают глаз. Названия трех разделов книги напечатаны на отдельной странице на цветном фоне – темно-красном, темно-синем и жемчужно-сером. Иллюстрации расположены на левой странице разворота, сопровождающий текст – на правой. Большинство иллюстраций – изображения печатей степных правителей, каждая воспроизведена дважды: в обведенном тонкой серебряной рамкой белом квадрате в центре страницы – в увеличенном виде, так что прекрасно видны выведенные арабией титул и имя хана или султана; в левом верхнем углу – уменьшенное черно-белое изображение той же печати в светло-сером квадрате, также заключенном в нитяную серебряную рамку. На страницах же с фотографиями памятников казахским правителям сдержанное в цветовом отношении фото памятника на $\frac{3}{4}$ представлено на светло-сером фоне, образуемом уже профильным фото того же памятника. И все эти изобретательные и изящные детали издания в их почти идеальном сочетании появились благодаря творческой фантазии не только художников В.Ф. и О.В. Прониных, но и И.В. Ерофеевой.

Хотя на посту директора Ирина пробыла неполные пять лет, масштабы сделанного лично ею и под ее руководством впечатляют. За 2006–2011 гг. НИИ были изданы: одна коллективная монография [*Аныракайский треугольник*, 2008] и одна индивидуальная [Рогожинский, 2011]; шесть тематических сборников научных статей [Феномен, 2007; *Вклад кочевников*, 2008; *Научные чтения*, 2009; *Роль кочевников в формировании*, 2010; *Роль кочевников в формировании степей*, 2010; *Археология*, 2011]; два атласа, уникальных по объему, содержанию и качеству издания [*Историко-культурный*, 2011; *От Алтая до Каспия*, 2011]. Была переиздана в дополненном виде монография Н.Э. Масанова [Масанов, 2011] и проведены четыре крупных международных конференции, материалы которых были опубликованы в указанных выше сборниках. Оценивая объем и качество этой продукции, стоит обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, произведена она была коллективом, по численности постоянных сотрудников сопоставимым с не самым крупным исследовательским Центром в составе Института востоковедения РАН. Но этот небольшой коллектив включал специалистов разного профиля – от историков, археологов и архивных

работников до фольклористов, картографов и специалистов по ландшафтам. Что позволило проводить действительно комплексные исследования, в необходимости которых Ирина, четко понимавшая неразрывную связь кочевников с местом обитания и преемственность их исторической памяти, была убеждена. Во-вторых, выход продукции института нарастал с каждым годом и в 2011 г. достиг пика почти в 4 тыс. печатных страниц.

На то были две причины. Одна – совершенно естественная для научных исследований гуманитарного профиля: нужно время для их проведения и написания итоговых текстов; как следствие, наибольшее количество работ и должно было завершиться к концу пятилетия. Вторая причина, до боли знакомая ученым всего постсоветского пространства, *не* была естественной: чиновничье «управление» наукой. Слишком часто оно сопряжено с корыстным интересом, когда на первое место выходит не целесообразность, а стремление получить «красивую» отчетность, устроить на руководящий пост «своего» человека, удовлетворить болезненное самомнение начальника, поживиться за счет науки. А еще, когда руководитель объекта управления не боится постоять за планы, цели и методы работы своего учреждения. Такой была Ирина, быстро ставшая для начальства бельмом в глазу. Но убрать ее было непросто: количество и качество производимой НИИ продукции, равно как и финансовая отчетность, не давали никаких поводов для снятия директора. Вдобавок каждой враждебной вылазке начальства подчиненные противопоставляли дополнительный всплеск творческой активности. Таким образом, министерские интриги тоже можно считать причиной нарастания объема институтских трудов. И все-таки *раисы* нашли выход: 22 июля 2011 г. Ирине исполнилось 58 лет, она переступила принятый в РК порог пенсионного возраста для женщин, и тут же была отправлена на пенсию [Сагадиев, 2011]. Что касается НИИ, то уже через год его фактически умертвили, слив с Институтом культурной политики и искусствознания.

V

Казалось бы, после такого удара должны были опуститься руки, заявить о себе усталость, накопившаяся за пятилетие в высшей степени напряженного труда без выходных и с рабочим днем в 10–12 часов. Но Ирина не сдалась. Слишком сильна была в ней кровь бунтарей-предков, слишком гордым характером она обладала, слишком развит у нее был дар познания, *поравнявший для нее жизнь с исследованием*, чтобы она могла уgomониться в тихой заводи пенсионерского житья. Понимая, что после пяти лет полной самостоятельности в научном поиске вернуться в Институт истории в качестве сотрудника она не сможет, Ирина, числясь периодически в штате такого научного учреждения, где ей давали свободу действия, встала, по сути, на путь фрилансера. Благо растущее признание позволяло ей на этом пути и зарабатывать на жизнь, и выбирать только те исследовательские темы, что были ей интересны.

А круг ее интересов не ограничивался казахской политической историей. В нем находились и периодически выходили на первый план история расселения русских и немцев в Казахстане и их миграции в постсоветский период. Об этом свидетельствуют ее главы в двух коллективных трудах, подготовленных и изданных в России [Ерофеева, 1999(1); Ерофеева, 2001(1)], и три биографические статьи в сборнике, посвященном вкладу немцев в историю и культуру Казахстана [Культурное наследие, 2012]³. Еще об одной проблеме – о качестве исторических исследований – она часто говорила в интервью, а специально ее рассмотрела в большой статье об «альтернативных по отношению к научным знаниям

³ О генерале Г. Гасфорте (1794–1874), дипломате и путешественнике К. Миллере (1705–?), администраторе и ученом Г. Генсе (1787–1845) [Культурное наследие, 2012, с. 80–95, 96–111, 112–119].

группоцентристских версиях национальной и всемирной истории, призванных воспевать предков как славных непогрешимых героев, внесших бесценный вклад в развитие человеческой цивилизации и культуры» [Ерофеева, 2007(2), с. 132]. Наконец, в последние годы жизни Ирина увлеклась памятниками буддизма на территориях Казахстана, некогда находившихся под контролем Джунгарского ханства. Она стала одним из инициаторов комплексного исследования остатков буддийского монастыря Аблай-хит, существовавшего в Восточном Казахстане с 1654 г. по первую четверть XVIII в., и одним из авторов коллективной монографии по результатам этого исследования [Байпаков и др., 2019].

Венец ее научной карьеры – поистине титанический труд, где она выступила сразу в трех ипостасях историка, историографа и публикатора. Имеется в виду двухтомная публикация писем казахской правящей элиты за период с 1675 по 1821 гг. [*Эпистолярное*, 2014], вызвавшая восторженные отзывы как в прессе [Юрицын, 2015], так и в кругу специалистов [Почекаев, 2016; Трепавлов, 2016]. Этим проектом она упорно занималась, пусть в разные годы с разной интенсивностью, 17 лет. Ей принадлежит сам замысел уникального свода, вообравшего в себя послания 22 ханов, 1 жены хана и 3 султанов. Она ввела в научный оборот много посланий, обнаруженных ею и ее помощниками в архивах Казахстана, России и Узбекистана и написанных на чагатайском тюрки, османо-турецком, фарси, китайском, маньчжурском, ойратском языках⁴: 657 из 811 или 4/5 от общего количества. Ею написаны биографии всех авторов писем, в том числе полузабытых и одного совсем забытого правителя Старшего жуза Жолбарыс-хана, и еще 17 лиц, упоминаемых в публикуемых посланиях. Она является одним из авторов статейных приложений, посвященных значению посланий как исторического источника, городам и селениям – резиденциям авторов писем, их одеяниям, оружию, тамгам. Также Ирина написала введение, подготовила комментарии и провела сквозное редактирование текста. Наконец, она нашла щедрых спонсоров и прекрасных издателей, благодаря которым книга стала настоящим памятником полиграфического искусства.

Ирина Ерофеева отнюдь не была кабинетным аскетом. Она любила жизнь во всех ее проявлениях – любила красиво одеться, сделать сногшибательную прическу, вкусно покушать, не избегая при этом хорошего вина. Любила книгу, дорогу, новые впечатления, новые занятия. Была верным другом. Все это было в ее жизни. Как были и яркие любовные истории, хотя она так и не создала семьи. Зато она создала целое семейство *текстов высшей категории* – книг, статей, публикаций источников, в которых в полной мере отразилась не только эвристика ее мысли, но и сила ее духа и любовь – к земле Казахстана, ее ландшафтам, к персонажам его истории – и к самому процессу поиска и решения, интеллектуального труда и научного творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Андреев Н.Г. *Описание Средней орды киргиз-кайсаков*. Сост., транскрипция скорописи XVIII в., коммент. И.Е. Ерофеевой. Алматы: Гылым, 1998 [Andreev N.G. *The Description of the Kyrgyz-Kaisak Middle Horde*. Comp., comment. and transcribed from the 18th century cursive by I.V. Erofeeva. Almaty: Gylm, 1998 (in Russian)].

Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения. Отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы: Дайк-пресс, 2008 [*The Anyrakai Triangle: A History-cum-geography Area and a Chronicle of the Great Battle*. Ed. by I.V. Erofeeva. Almaty: Daik-Press, 2008 (in Russian)].

⁴Переводы сделаны такими признанными специалистами как Т.К. Бейсембиев, Т.А. Пан, Н.С. Яхонтова и К.Ш. Хафизова.

Археология Семиречья, 1857–1912 гг. Сост.: И.М. Самигулин, гл. ред. Б.Т. Жанаев. Астана: LEM, 2011 [*Archaeology of Semirechie, 1857–1912.* Comp. by I.M. Samigulin, ed. by B.T. Zhanaev. Astana: LEM, 2011 (in Russian)].

Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Казизов Е.С., Ямпольская И.В. *Буддийский монастырь Аблай-хит*. Алматы: Археологическая экспертиза, 2019 [Baipakov K.M., Erofeeva I.V., Kazizov E.S., Yampol'skaya I.V. *Buddhist Monastery Ablai-khit*. Almaty: Arkheologicheskaya ekspertiza, 2019 (in Russian)].

Болонев Ф.Ф. *Семейские. Историко-этнографические очерки*. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985 [Bolonev F.F. *Semeiskie. Historical and Ethnographic Essays*. Ulan-Ude: Buryat publishing house, 1985 (in Russian)].

Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Редкол.: И.В. Ерофеева, А.М. Хазанов, Л.Е. Масанова. Алматы: Дайк-пресс, 2008 [*The Nomads' Contribution to the Development of World Civilization*. Ed. by I.V. Erofeeva, A.M. Khazanov, L.E. Massanova. Almaty: Daik-Press, 2008 (in Russian)].

Вологодская Г. Поселки пустеют на глазах. *Караван*. 09.12.2011. [Vologodskaya G. Settlements Coming to be Vacant before Our Eyes. *Caravan*. 09.12.2011 (in Russian)].

Декабристы. Биографический справочник. Издание подготовлено С.В. Мироненко. Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1988 [*Decembrists. A Biographical Dictionary*. Prep. by S.V. Mironenko, ed. by acad. M.V. Nechkina. Moscow: Nauka, 1988 (in Russian)].

Ерофеев В.С., Цехановский Ю.Г. Парагенетические ассоциации континентальных отложений (Семейство гумидных парагенезов). *Труды ГИН АН СССР. Вып. 363*. М.: Наука, 1982 [Erofeev V.S., Tsekhanovskii Yu.G. Paragenetic Associations of Continental Sediments (Family of Humid Parageneses). *Proceedings of the Geological Institute*. Vol. 363. Moscow: Nauka, 1982 (in Russian)].

Ерофеев В.С., Цехановский Ю.Г. Парагенетические ассоциации континентальных отложений (Семейство аридных парагенезов. Эволюционная периодичность). *Труды ГИН АН СССР. Вып. 373*. М.: Наука, 1983 [Erofeev V.S., Tsekhanovskii Yu.G. Paragenetic Associations of Continental Sediments (Family of Arid Parageneses. Evolutionary Periodicity). *Proceedings of the Geological Institute*. Vol. 373. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].

Ерофеева И.В. *Казахстан второй половины XVIII – первой четверти XIX в. в трудах и записках русских ученых и путешественников: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02*. Алма-Ата, 1979 [Erofeeva I.V. *Kazakhstan in the Second Half of the 18th – First Quarter of the 19th Century in the Works and Notes of Russian Travelers and Scholars: Dissertation for the Candidate Degree in History*. Alma-Ata, 1979 (in Russian)].

Ерофеева И. Региональный аспект славянской миграции из Казахстана (на примере Северно-Казахстанской и Восточно-Казахстанской областей). *В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии*. Под ред. А.Р. Вяткина, Н.П. Космарской и С.А. Панариной. М.: Наталис, 1999(1). С. 154–179 [Erofeeva I. The Migration of the Slavic Population from Kazakhstan: A Regional Perspective (Case Studies of the Regions of Northern and Eastern Kazakhstan). *On the Move: Voluntarily and Involuntarily. Post-Soviet Migrations in Eurasia*. Ed. by A. Vyatkin, N. Kosmarskaya, S. Panarin. Moscow: Natalis Press, 1999(1). Pp. 154–179 (in Russian)].

Ерофеева И. *Хан Абулхайр: полководец, правитель и политик*. Алматы: Санат, 1999(2) [Erofeeva I. *Khan Abulkhair: Commander, Ruler and Politician*. Almaty: Sanat, 1999(2) (in Russian)].

Ерофеева И.В. Казахское ханство и власть в традиционном обществе казахов. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. *История Казахстана. Народы и культуры*. Алматы: Дайк-пресс, 2000(1). С. 113–207 [Erofeeva I.V. The Kazakh Khanate and Power in a Traditional Society. Massanov N.E., Abylkhozhin Zh.B., Erofeeva I.V., Alekseenko A.N., Baratova G.S. *History of Kazakhstan. Peoples and Cultures*. Almaty: Daik-Press, 2000(1). Pp. 113–207 (in Russian)].

Ерофеева И.В. Миграционные процессы на территории Казахстана в дореволюционный период. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. *История Казахстана*.

Народы и культуры. Алматы: Дайк-пресс, 2000(2). С. 230–256 [Erofeeva I.V. Migrations into and within Kazakhstan in the Pre-revolutionary Period. Massanov N.E., Abylkhodzhin Zh.B., Erofeeva I.V., Alekseenko A.N., Baratova G.S. *History of Kazakhstan. Peoples and Cultures*. Almaty: Daik-Press, 2000(2). Pp. 230–256 (in Russian)].

Ерофеева И. Славянское население Восточного Казахстана в XVIII–XX веках: миграционное движение, стадии социокультурной эволюции, проблемы реэмиграции. *Этнический национализм и государственное строительство*. Отв. ред. Ю.Г. Александров. М.: ИВ РАН – Наталис, 2001(1). С. 321–372 [Erofeeva I. The Slavic Population of Eastern Kazakhstan in the 18th–20th Centuries: Migration, Stages in Sociocultural Evolution, Issues of Repatriation. *Ethnic Nationalism and Construction of a Nation-state*. Ed. by Yu.G. Aleksandrov. Moscow: IOS RAS – Natalis, 2001(1). Pp. 321–372 (in Russian)].

Ерофеева И.В. *Символы казахской государственности. Позднее средневековье и новое время*. Алматы: Аркаим, 2001(2) [Erofeeva I. *Symbols of the Kazakh State. Late Middle Ages and Early Modern Times*. Almaty: Arkaim, 2001(2) (in Russian)].

Ерофеева И.В. *Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники)*. Алматы: Print-S, 2003 [Erofeeva I.V. *Genealogies of Kazakh Khans and Kozha of the 18th–19th Centuries (History, Historiography, Sources)*. Almaty: Print-S, 2003 (in Russian)].

Ерофеева И. Нурбулат Эдигеевич Масанов: ученый и личность. *Вестник Евразии*. 2007(1). № 4 (38). С. 45–57 [Erofeeva I. Nurbulat Edigeevich Massanov as a Scholar and Individual. *Acta Evrasica*. 2007(1). No. 4 (38). Pp. 45–57 (in Russian)].

Ерофеева И.В. События и люди Казахской степи (эпоха позднего средневековья и нового времени) как объект исторической ремистификации. Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева. *Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана*. Отв. ред. Р. Крумм. Алматы: Дайк-Пресс. 2007(2). С. 132–224 [Erofeeva I.V. Events and People of the Kazakh Steppe in the Late Middle Ages and Modern Times as an Object of Historical Remistification. N.E. Massanov, Zh.B. Abylkhodzhin, I.V. Erofeeva. *Historiography in Present-day Kazakhstan: Myth-making Versus Scientific Knowledge*. Ed. by R. Krumm. Almaty: Daik-Press, 2007 (2). Pp. 132–224 (in Russian)].

Ерофеева Ирина Викторовна. *Энциклопедия немцев России* [Irina Viktorovna Erofeeva. *Enzyklopädie der Russlanddeutschen* (in Russian)]. <https://enc.rusdeutsch.ru/articles/6012> (accessed: 21.01.2021).

Ерофеева ВКО. MOD, 30.06.2012 [Erofeevka VKO. MOD (in Russian)] <https://www.youtube.com/watch?v=R9lNrSHp3pU> (accessed: 13.07.2021).

Историко-культурный атлас казахского народа. Отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы: Print-S, 2011 [Historical-cultural Atlas of the Kazakh People. Ed. by I.V. Erofeeva. Almaty: Print-S, 2011 (in Russian)].

Казанцева Т.Г., Мурашова Н.С. Старообрядцы Алтая. *Книжница Самарского староверия*. 25.10.2007 [Kazantseva T.G., Murashova N.S. The Altai Old-believers. *Bookshop of Samara's Old-Believers*, 25.10.2007 (in Russian)] <https://sam-star-https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/47-1-0-301> (accessed: 17.01.2021).

Карпенко З.Г. *Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах*. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1963 [Karpenko Z.G. *The Western Siberia Industry of Mining and Metal-working in 1700–1860*. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO AN SSSR, 1963 (in Russian)].

Культурное наследие немцев в Центральной Азии. *Das Kulturerbe der Deutschen in Zentralasien*. Алматы: Возрождение; Deutsche Allgemeine Zeitung, 2012 [Cultural Heritage of Germans in Central Asia. Almaty: Vozrozhdenie; Deutsche Allgemeine Zeitung, 2012 (in Russian)].

Левшин А.И. *Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей*. Алматы: Санат, 1996 [Levshin A.I. *The Description of the Kyrgyz-Cossack or Kyrgyz-Kaisak Hordes and Steppes*. Almaty: Sanat, 1996 (in Russian)].

Лузгин Б.Н. Котульский Владимир Климентьевич. *Электронные ресурсы Алтай*. 2017 [Luzgin B.N. Kotul'skii Vladimir Kliment'evich. *Electronic Resources of Altai*. 2017 (in Russian)] <http://era.altlib.ru/385> (accessed: 17.01.2021).

Масанов Н.Э. *Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества*. Изд. 2-е, доп. Сост. Л.Е. Масанова, И.В. Ерофеева. Алматы: Фонд Нурбулата Масанова, 2011 [Massanov N.E. *The Kazakh Nomadic Civilization: Lovelihoods Foundations of a Nomadic Society*. 2nd supplemented edition. Comp. by L.E. Massanova, I.V. Erofeeva. Almaty: Nurbulat Masanov foundation, 2011 (in Russian)].

Масанов Нурбулат Эдигеевич. *Биобиблиография*. Сост. Л. Масанова. Алматы: Service Press, 2017 [Massanov Nurbulat Edigeevich. *Biobibliography*. Comp. by L. Massanova. Almaty: Service Press, 2017 (in Russian)].

Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Под ред. Б.Т. Жанаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2009 [Scientific Readings in Commemoration of Massanov. Ed. by B.T. Zhanaev. Almaty: Daik-Press (in Russian)].

Нурбулат Эдигеевич Масанов. *Вестник Евразии*. 2006. № 3 (33). С. 190–192 [Nurbulat Edigeevich Masanov. *Acta Eurasica*. 2006. No. 3 (33). Pp. 190–192 (in Russian)].

Онлайн-панихида, посвященная памяти Ирины Викторовны Ерофеевой, 25.11.2020 [Online Funeral Service Dedicated to the Memory of Irina Viktorovna Erofeeva (in Russian)] <https://www.youtube.com/watch?v=R8Jhf-U7Z3w> (accessed: 13.07.2021).

От Алтая до Каспия. Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана. В 3 т. Отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы: б.и., 2011 [From Altai to the Caspian Sea. Atlas of the Kazakhstan Monuments and Sights of Nature, History and Culture. Vols. 1–3. Ed. by I.V. Erofeeva. Almaty: s.p., 2011 (in Russian)].

Платц И.А. К биографии Александра Александровича Жаркова, одного из основателей Кемеровского рудника. *Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница»*. 2019. Вып. 10. С. 139–141 [Platz I.A. Note on the Biography of Aleksandr Aleksandrovich Zharkov, One of the Kemerovo Mine Founders. *Scientific Notes of the Tomskaya Pisanitsa Museum-Reserve*. 2019. Vol. 10. Pp. 139–141 (in Russian)].

Почекаев Р.Ю. [Рец. на:] Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Введ., биогр., коммент., сост. и ред. И.В. Ерофеевой. Алматы: АБДИ Компани, 2014. *Письменные памятники Востока*. 2016. № 1 (24). С. 131–135. [Pochekaev R.Yu. Rev.: Epistolary Heritage of the Kazakh Ruling Elite of 1675–1821. Introduction, biographies, commentaries, comp. and ed. by I.V. Erofeeva. Almaty: ABDI Kompani, 2014. *Pis'mennyye Pamiatniki Vostoka*. 2016. No. 1 (24). Pp. 139–141 (in Russian)].

Республиканские геологические фонды – Архив. Отчеты за 1959 и 1960 гг.

[Republican Geological Funds – Archive. Reports for 1959 and 1960 (in Russian)] <https://e.geology.kz/Referat/Index> (accessed: 13.07.2021).

Рогожинский А.Е. *Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы*. Алматы: Signet Print, 2011 [Rogozhinskii A.E. *Petroglyphs within the Archaeological Landscape of Tamgaly*. Almaty: Signet Print, 2011 (in Russian)].

Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Под ред.: И. Ерофеева, Б. Жанаев, Л. Масанова. Алматы: Print-S, 2010 [The Role of Nomads in the Formation of the Cultural Heritage of Kazakhstan. Ed. by I. Erofeeva, B. Zhanaev, L. Massanova, Almaty: Print-S, 2010 (in Russian)].

Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Ред. коллегия: И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, Л.Е. Масанова. Алматы: LEM, 2010 [The Role of Nomads of the Eurasian Steppes in the Development of World Military Art. Ed. by I. Erofeeva, B. Zhanaev, L. Massanova. Almaty: LEM, 2010 (in Russian)].

Сагадиев А. Бездарные всегда к коварству склонны... Казахстанский минкульт ликвидирует уникальный Институт номадизма. *Centrasia*. 26.07.2011 [Sagadiev A. The Talentless Are Always Prone to Perfidy... The Kazakhstan Ministry of Culture is liquidating a Unique Institute of Nomadism. *Centrasia*. 26.07.2011 (in Russian)] <https://centrasia.org/newsA.php?st=1311660900> (accessed: 24. 01.2021).

Сугирбаева М. Ирина Ерофеева: «История казахов – это непрочитанный роман». *Exclusive*. 04.11.2020 [Sugirbaeva M. Irina Erofeeva: “The Khazakhs History is a Novel Unread”. *Exclusive*. 04.11.2020 (in Russian)]. <http://www.exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/122040/> (accessed: 24.01.2021).

Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства. Ред: И.В. Ерофеева. Алматы: Дайк-Пресс, 2007 [*Phenomenon of Nomadism in the History of Eurasia*. Ed. by I.V. Erofeeva. Almaty: Daik-Press, 2007 (in Russian)].

Трепавлов В.В. [Рец. на:] Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сб. исторических документов в 2-х тт. Автор проекта, введ., биографий ханов, научн. комм., сост. и отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы: АБДИ Компани, 2014. *Восток (Oriens)*. 2016. № 4. С. 224–227 [Trepalov V.V. [Review of:] Epistolary Heritage of the Kazakh Ruling Elite of 1675–1821. A Collection of Historical Documents. Vol. 1–2. Introduction, biographies, commentaries, comp. and ed. by I.V. Erofeeva. Almaty: ABDI Kompani, 2014. *Vostok (Oriens)*. 2016. No. 4. Pp. 224–227 (in Russian)].

Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сб. исторических документов в 2-х тт. Введ., биогр., коммент., сост. и ред. И.В. Ерофеевой. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг.; Т. II. Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. Алматы: АБДИ Компани, 2014 [*Epistolary Heritage of the Kazakh Ruling Elite of 1675–1821. A Collection of Historical Documents. T. 1–2*. Introduction, biographies, commentaries by I.V. Erofeeva. Comp. and ed. by I.V. Erofeeva. T. 1. Letters of the Kasakh Rulers Issued between 1675 and 1780. T. 2. Letters of the Kasakh Rulers Issued between 1738 and 1821. Almaty: ABDI Kompani, 2014 (in Russian)].

Юрицын В. Ирина Ерофеева «взломала» переписку ханов и султанов. Но сугубо в интересах науки. *Zona-Kz*. 13.04.2015 [Yuritsyn V. Irina Erofeeva Hacked the Correspondence of Khans and Sultans, but Exclusively for the Sake of Science. *Zona-Kz*. 13.04.2015 (in Russian)] <https://zonakz.net/2015/04/13/irina-erofeeva-vzломала-perepisku-khanov-i-sultanov-no-sugubo-v-interesakh-nauki/> (accessed: 06.02.2010).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПАНАРИН Сергей Алексеевич – кандидат исторических наук, заведующий Центром исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Sergei A. PANARIN, PhD (History), Head of the Center for the Study of Common Problems of the Contemporary East, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia.

ПУБЛИКАЦИИ

DOI: 10.31857/S086919080015709-6

«РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВОДАХ И ЗЕМЛЯХ ЯПОНИИ»
НИСИКАВА ДЗЁКЭН (1648–1724)

© 2021

А.А. НОВИКОВА ^a

^a – АНО «Московский центр международного сотрудничества», Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-1308-953X; kitsune86@mail.ru

Резюме: Представленный комментированный перевод «Размышлений о водах и землях Японии» (яп. «Нихон суйдо ко:») Нисикава Дзёкэн (1648–1724) является первым, выполненным на европейские языки. Сочинение хорошо иллюстрирует новый этап в развитии географической мысли Японии и формировании национального самосознания, наступивший в середине эпохи Эдо (1603–1868). Автор, сочетая элементы западных и дальневосточных географических представлений, по-новому интерпретирует положение Японии в мире и ее особенности в сравнении с другими странами. Распространенная в Японии и на Дальнем Востоке до этого географическая парадигма предполагала идею превосходства Китая, его срединности. Хотя Нисикава был не первым, кто пытался оспорить тезис о китаецентричности, его аргументация в данном вопросе оригинальна и представляет собой эклектическое сочетание географического детерминизма и традиционной дальневосточной геомантии: положение Японии на карте мира необычайно благоприятно и способствует особому балансу стихий, что, в свою очередь, обуславливает и благоволение богов к Японии, и особый характер ее обитателей, их приверженность верным ритуалам, красоте и силе. Кроме того, Нисикава затрагивает такие темы, как общее строение мира, этимология различных вариантов названия Японии, размеры Японских островов.

Ключевые слова: Япония, эпоха Эдо (1603–1868), Нисикава Дзёкэн (1648–1724), историческая география.

Для цитирования: Новикова А.А. «Размышления о водах и землях Японии» Нисикава Дзёкэн (1648–1724). Восток (Orient). 2021. № 4. С. 242–258. DOI: 10.31857/S086919080015709-6.

“THOUGHTS ON WATERS AND LANDS OF JAPAN”
BY NISHIKAWA JOKEN (1648–1724)

© 2021

Anna A. NOVIKOVA ^a

^a – The State Unitary Enterprise “Moscow Center for International Cooperation”, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-1308-953X; kitsune86@mail.ru

Abstract: The present publication is a translation of Nishikawa Joken’s (1648–1724) treatise “Nihon Suido Ko:” (“Thoughts on Waters and Lands of Japan”), with commentaries and a preface. The treatise was composed approximately in 1700 and published in Kyoto in the beginning of the 18th century. Nishikawa based his work on the traditional East-Asian system of knowledge as well as on the European geographical data. This eclectic combination produced an original

work, which one can hardly attribute as a reproduction of Western science, neither as Japanese traditional thought. The aim of the author was to describe the position of Japan within the world and to explain why this position was unique and advantageous. Although attempts to reconsider Japan's inferior to China position were not uncommon during the Tokugawa age, Nishikawa's originality lies in his way of argumentation. He uses the rhetoric of geographic determinism. It is due to a specific location and consequently the advantageous interaction of elements and branches that Japan is the home for luminous deities. The good nature and the devotedness to the right rituals of the Japanese people are also the product of the beneficial geomantic characteristics. The other topics the author considers are the attempt to confound the bias that Japan is small in size, the underneath meaning and the etymology of different names of Japan, the general structure of the world. "Nihon Suido Ko:" is a valuable source on the early development of Japanese national self-identification as well as on the history of Japanese geographic thought.

Keywords: Japan, Edo period (1603–1868), Nishikawa Joken (1648–1724), history of geography.

For citation: Novikova A.A. "Thoughts on Waters and Lands of Japan" by Nishikawa Joken (1648–1724). *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 242–258. DOI: 10.31857/S086919080015709-6.

О Нисикава Дзёкэн (1648–1724), авторе «Нихон суйдо ко:» (日本水土考, «Размышления о водах и землях Японии», 1700), перевод которого представлен в данной статье, известно немного. Он принадлежал к купеческому сословию, всю жизнь прожил в Нагасаки, получил классическое конфуцианское образование, изучал и европейские науки, вероятно, неплохо знал голландский язык. На склоне лет Нисикава оставил торговую деятельность, удалился на покой и начал писать и издавать в большом количестве сочинения, касавшиеся широкого спектра тем. Наибольшую известность получили издания по мировой географии и астрономии, а также сборник поучительных рассказов «Тё:нин-букуро» («Мешок премудростей горожанину в помощь») [Кайбара, Нисикава, 2017].

Нисикава Дзёкэн стал автором первого японского сочинения о мировой географии, основанного на новейших достижениях, главным образом, европейской науки, – «Каи цу: сё: ко:» (華夷通商考), «Рассуждения о торговле с Китаем и варварами», 1696. В нем Нисикава представил описания не известных до этого стран, в частности, России. До XVI в. японцы имеют фрагментарные, не систематизированные, письменно не зафиксированные представления как о соседних народах, так и об относительно отдаленных странах. Эти сведения передавались главным образом устно, что не даёт возможности их достоверно реконструировать. Отцы-иезуиты, проповедовавшие в Китае, – Маттео Риччи (1552–1610), Джулио Аллени (1582–1649), – переводят на китайский язык географические сочинения европейцев, а также создают карты мира, используя при этом передовые достижения европейской науки. Новая географическая информация распространяется не только в Китае, но и во всей Восточной Азии, включая Японию. Географические карты, а также сочинения по мировой географии были привезены на архипелаг в XVI–XVII вв. Около середины XVII в. появляются японские копии европейских карт мира, а на рубеже XVII–XVIII вв. – первые письменные описания, основанные, в том числе, на новых сведениях, почерпнутых из европейских источников, переведенных на китайский язык. Кроме Нисикава, труды, затрагивающие мировую географию, создают в 1712 г. Тэрасима Рёэн (даты жизни неизвестны) – «Вакан сансай дзюэ» (和漢三才図会, «Японо-китайская иллюстрированная энциклопедия трех миров»), а также Араи Хакусэки (1657–1725) – «Сайран игэн» 采覧異言 («Рассказы об удивительных вещах», 1713), «Сэйё: кибун» 西洋紀聞 («Записи об услышанном с Запада», 1715?).

Мировая география была одной из главных тем Нисикава, ей он посвятил целый ряд сочинений: «Нихон суйдо ко:», «Дзо:хо каи цу:сё: ко:» (増補華夷通商考, «Дополненные рассуждения о торговле с Китаем и варварами», 1708), «Кайи бэндан» (怪異弁断, «Повествование об удивительных явлениях», 1714), «Сидзю:никоку дзимбуцу дзусэцу», (四十二国人物図説, «Иллюстрированное описание народов сорока двух стран», 1720).

«Нихон суйдо ко:», как сообщает предисловие, относится к 1700 г. Самая ранняя, известная нам, прижизненная публикация датируется 1720 г. Нам не удалось установить, существовали ли более ранние публикации, так же как и причину, по которой их не было в течение 20 лет после создания сочинения.

На фоне появления новых знаний о внешнем мире активизируются попытки осмыслить положение Японии в нем. В системе буддийских и конфуцианских представлений, которые являлись в значительной степени основой мышления японцев в начале эпохи Эдо, Японии отводилось периферийное, часто – подчиненное положение. В особенности, в этом смысле был важен китайский подход, поскольку он в центр мироздания помещал исключительно Китай, остальные же страны, включая Японию, относились к категории либо стран-даников, либо варваров. Использование европейских знаний, условно беспристрастных, позволяло по-новому взглянуть на место Японии в мире. Именно такую задачу поставил перед собой Нисикава Дзёкэн: обобщить имеющиеся у него сведения и на их основе сформулировать особенности Японии, в результате чего географическое положение Японии оказалось бы во всех отношениях благоприятным. Не в этом, однако, состоит уникальность Нисикава Дзёкэна как мыслителя, поскольку почти все наиболее значительные авторы эпохи Эдо так или иначе пытались осмыслить это в своих произведениях и часто приходили к выводу об исключительности или даже превосходстве Японии над другими странами, прежде всего, над Китаем, по ряду показателей. Отличительная особенность Нисикава состоит в его способе аргументации этой идеи, который сводится к утверждению исключительного географического положения Японии.

Трактат представляет собой сплошной текст, не разделенный на части, его предваряет небольшое предисловие автора, кроме того, к нему прилагаются две карты: восточного полушария Земли (рис. 1)¹ и Японии (рис. 3). В предисловии Дзёкэн формулирует цель создания текста – дать рекомендации своим читателям, каким образом следует описывать Японию, беседуя с иностранцами; при этом подчеркивается, что аргументация его объективна и построена на достижениях современной географии и картографии: «Поистине из всех стран мира нет такой, которая бы не почитала саму себя наилучшей, не использовала бы собственные сказания о себе, чтобы говорить о своей красоте и не была бы при этом субъективной. Посему сейчас, используя заморские карты и отбросив пристрастные суждения, я познал принцип, согласно которому наша страна является наипрекраснейшей».

Как уже было сказано, текст не имеет деления на главы. Общая логика повествования сводится к следующему: вначале автор определяет географическое расположение Японии. Делается это как методами европейской географической науки (с указанием географических координат), так и с привлечением элементов дальневосточной геомантии. На полях карты восточного полушария Нисикава помещает знаки дальневосточного зодиака и триграммы «И цзин» в соответствии с их географической трактовкой и указывает, относительно каких знаков расположена Япония. Далее, опираясь на многозначность символических значений циклических знаков, автор приходит к выводу, что географическое положение Японии исключительно благоприятно и соответствует малой (зарождающейся) энергии *ян* (см. прим. 29).

¹ Рисунки находятся на цветной вклейке.

Кроме того, Нисикава часто прибегает к игре слов – используя широко распространенное в японском языке явление омонимии, он пытается доказать, что старинные топонимы Японии и распространенные имена людей также свидетельствуют об особой благодати Японских островов: например, *химэ* и *хико* в женских и мужских именах соответственно означают не «дева» («принцесса») и «господин» («принц»), а «солнечная дева» и «дитя солнца». Однако главным достоинством страны, по мнению Нисикава, является характер ее жителей, которые во всем следуют конфуцианским добродетелям, тщательно соблюдают ритуалы, а также крепки здоровьем и прекрасны обликом. Именно качества жителей страны, подчеркивает автор, должны приниматься во внимание, когда нужно определить хороша или дурна эта страна. Качества же людей, в свою очередь, обусловлены упомянутым выше благоприятным влиянием циклических знаков в месте расположения Японии. Помимо людей, ее населяющих, Япония также отличается превосходным климатом, ведь она расположена в самом центре умеренного пояса. Нисикава не обходит стороной и традиционные темы, которые часто затрагивались при сравнении Японии с другими странами: он пытается опровергнуть утверждение, что его родина является маленькой страной, и доказать, что размеры ее вполне внушительны, а также использует тезис о несменяемой японской императорской династии. Своеобразие трактовки последнего у Нисикава заключается в том, что одной из причин этого служат превосходные качества жителей Японии, а не только божественное происхождение правителей: династия не сменялась, поскольку «[п]ределы Японии не широки, но и не узки, характер, нравы и обычаи людей однородны, и управлять ими просто». Завершает свои рассуждения автор упоминанием стратегического преимущества островного положения – отделенную морем от недружественных народов Японию чрезвычайно трудно покорить. Подчеркнем еще раз, что, хотя идея об исключительности Японии была достаточно распространенной, Нисикава – один из немногих, если не единственный, – авторов эпохи Эдо, который видит причину этой исключительности в географическом положении страны на земном шаре. Благоприятные «свойства вод и земель» предопределены самим расположением островов, причем у Японии есть антипод – Острова демонов, расположенные с противоположной стороны Земли, чьи свойства также предопределены самим их местом на карте: «А в направлении триграммы Северо-восток от Американского материка, возможно, существуют так называемые Острова Демонов. По словам сведущих людей, на этих островах обитает множество всевозможных демонов, они затрудняют проход кораблей [рядом], и обычно призраки творят там всякие непотребства. Поэтому они и называются Островами Демонов. Таким образом, земля, расположенная возле триграммы Северо-восток, является местом, где собираются во множестве демоны [либо] божества».

Как уже было отмечено, первая публикация «Нихон суйдо ко:» относится к 1720 г., он был издан в Киото под одной обложкой с другим, менее значительным, географическим сочинением «Рё:ики ниндзу ко:» (両域人数考, «Рассуждение о народах двух стран»), которое представляет собой краткое описание Китая и Японии и, в целом, в сокращенном виде повторяет более известные сочинения Нисикава. Это издание можно встретить в крупнейших библиотеках Японии, таких, как библиотеки университетов Васэда, Киото и в Библиотеке Парламента. В эпоху Эдо было, как минимум, одно переиздание «Нихон суйдо ко:». В 1820 г. этот текст вышел в составе сборника сочинений Нисикава, наряду с «Рё:ики ниндзу ко:» и «Суйдо кайбэн». Сборники географических трудов Нисикава, включающие «Нихон суйдо ко:», в XX в. издавались трижды – в 1944, 1988 и 1997 гг. Эти издания являются переводом с *камбуна* на *бунго* и повторяют друг друга. Комментирование текста японскими издателями не осуществлялось. Кроме того, насколько нам известно, ни на один из европейских языков

текст не переводился. Таким образом, настоящий перевод является первым комментированным переводом «Нихон суйдо ко:». Он выполнен по изданиям 1720 г. и 1988 гг. [Нисикава, 1988]. Иллюстрации приводятся по изданию 1720 г. [Нисикава, 1720].

Автор выражает огромную благодарность за помощь в подготовке перевода научному руководителю д.и.н. Е.К. Симоновой-Гудзенко, а также коллегам к.ф.н. М.В. Бабковой, В.В. Башкееву, М.С. Целуйко, Комэйз Тайсаку (PhD, Киотоский университет).

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВОДАХ И ЗЕМЛЯХ ЯПОНИИ

Предисловие к размышлениям о водах и землях Японии

Описывая карту мира и размышляя об иноземных странах, нельзя не говорить о свойствах вод и земель², опираясь на науку географию. Поистине из всех стран мира нет такой, которая бы не почитала саму себя наилучшей, не использовала бы собственные сказания о себе, чтобы говорить о своей красоте и не была бы при этом субъективной. Посему сейчас, используя заморские карты и отбросив пристрастные суждения, я познал принцип, согласно которому наша страна является наипрекраснейшей. В этом сочинении излагаются свойства вод и земель Японии с тем, чтобы донести [эти знания] до коллег. Рассуждая подобным образом, можно обращаться к иноземцам, поэтому нельзя пренебрегать [этими сведениями].

Осень, 1700 г., седьмой лунный месяц³.

Недостойный Кюринсай⁴ из Сакиэ в Хиё⁵.

Размышления о водах и землях Японии

Японские долготы.⁶

² «Воды и земли», «свойства вод и земель» (水土, *суйдо*) – термин, который соответствует современному термину «география», «географические условия», «физическая география». Название трактата поэтому можно перевести как «Размышления о японской географии», однако дословный перевод был использован из соображений большего соответствия содержанию и времени составления.

³ В оригинале: «года старшего брата металла и дракона эры Гэнроку», что в европейском летоисчислении соответствует 1700 г. Седьмой лунный месяц – середина августа – середина сентября.

⁴ Кюринсай (求林齋) – один из псевдонимов Нисикава Дзёкэн (西川如見). Последнее имя также не является личным, хотя именно под ним автор трактата наиболее известен. Личное имя Дзёкэн – Тадахидэ (忠英).

⁵ Хиё (肥陽) – старое название области на о. Кюсю, в которую входили провинции Хидзэн (肥前) и Хиго (肥後). Соответствует современным преф. Сага, Нагасаки и Кумамото. Топоним Сакиэ не удалось идентифицировать, однако известно, что Нисикава большую часть жизни проживал в г. Нагасаки.

⁶ Нисикава использует градусную меру, в первую очередь, для обозначения размеров как Японии, так и всего мира. Долгота обозначается термином 經度 (*кэйдо*). Слово омонимично современному термину «долгота», однако первый иероглиф отличается. В современном термине употребляется иероглиф «основа», «(вертикальная) нить» 經度 (как противоположность «утку», поперечной нити в ткани – 緯, *и*, который используется, соответственно, для обозначения широты), а Дзёкэн использует иероглиф со значением «диаметр», «путь». Ниже в тексте Нисикава употребляет современный термин. Возможно, это произошло из-за сходства написания и значения омонимичного иероглифа. Возникают определенные вопросы относительно верного понимания им термина: наиболее вероятно, что для автора это альтернативная мера расстояния (хотя с идеей шарообразности Земли он знаком), а не элемент системы координат, на что указывает отсылка к расстоянию между градусами. Очевидно, что если для параллелей оно будет одинаковым для всего земного шара, то для меридианов будет различаться в зависимости от широты (см. ниже).

С востока на запад – всего двенадцать градусов, с юга на север – три или два градуса. (Один градус составляет сорок *ри*.)⁷

Если считать от северного полюса⁸, то:

до Кинай⁹ – 35 градусов или 35 с половиной.

до Эдо – 35 с половиной или 36 градусов.

до Осю¹⁰ – от 37–38 градусов до 40 градусов. (Цугару¹¹ и Пекин в Китае¹² – на той же широте).

Кюсю – от 34 градусов (Кокура¹³ в провинции Будзэн¹⁴) до 32 или 31 градуса (южная оконечность Сацума¹⁵).

Сикоку – 34 или 32 с половиной градуса.

Нагасаки – 33 градуса с небольшим.

⁷ Сведения Дзэкэна неточны: расстояние между параллелями составляет около 111 км, но он пишет о 40 *ри* (1 *ри*/里 в эпоху Эдо равнялся 3 927 м), что составляет в метрической системе более 157 км. Несмотря на это, как видно из дальнейшего изложения, координаты он указывает в целом с незначительной погрешностью.

⁸ «Северный полюс» – 北極 (*хоккеку*), что практически соответствует современному термину. Вторая часть термина позаимствована из китайской натурфилософии – «Великий предел» (кит. *тайцзы*).

⁹ Регион Кинай (畿内) – старое название области в центральной части Хонсю, место формирования японской государственности, где до XIX в. располагалась императорская столица (Киото). Территориально примерно соответствует современному экономическому региону Кинки и этнокультурной области Кансай.

¹⁰ 東奥 (То:о; То:оку), синонимично О:сю: 奥州 – обширный регион на северо-восточной оконечности Хонсю. Соответствует современному региону Тохоку.

¹¹ Пролив Цугару (津軽), или Сангарский пролив (между северной оконечностью Хонсю и южной оконечностью Хоккайдо) на момент создания «Нихон суйдо ко:» соответствовал северной границе Японии. Хотя колонизация Хоккайдо началась в XVII в. с образованием княжества Мацумаэ, окончательное покорение острова и ассимиляция местного населения произошли значительно позднее. Поэтому Нисикава не включает Хоккайдо в состав основной территории Японии. Первый международный договор, обозначивший Хоккайдо территорией Японии, был заключен в 1855 г. с Российской империей (Симодский трактат).

¹² По отношению к Китаю Нисикава, как и его современники, употребляет не один устоявшийся, а несколько терминов. Термин «земля Тан» – один из них и восходит к названию империи Тан (яп. – То:, 唐), существовавшей в 618–907 гг. Именно в этот период контакты между японским и китайским двором были наиболее интенсивными. В эпоху Эдо (1603–1867) Япония не имела дипломатических контактов с Цинским двором, как и на протяжении долгого периода с X по XIX в. (исключение составляет короткий промежуток времени в XV в.). В результате в японской языковой практике название государства Тан надолго закрепилось в качестве термина, употребляемого по отношению к Китаю вне зависимости от названия государства, которое принимала правившая там династия. Кроме того, термин «земля Тан» был нейтральным, в отличие от некоторых других – «Срединное государство» (中国, кит. *чжунго*, яп. *тю:гоку*), «Срединный цветок» (中華, кит. *чжунхуа*, яп. *тю:ка*) – употребление которых подразумевало, что автор разделял представление о Китае как о геополитическом, цивилизационном и культурном центре, а Нисикава, как и многие другие мыслители эпохи Эдо, данную идею оспаривает. Это почти не совпадает с современными языковыми стандартами: термин *то:* (или *кара* в японском прочтении) употребляется как рудимент в составе терминов, обозначающих сорта ткани, виды растений или животных, кулинарные термины и т.п. и не является прямой отсылкой к Китаю. Термин *Тю:гоку* («Срединное государство») стал стандартным термином разговорного языка (и наиболее употребительным сокращенным для письменного) для Китая (КНР) как государства. Термин *Тю:ка* в быту используется в таких словосочетаниях, как, например, «китайская кухня», кроме того, используется (как калька с китайского) в официальном полном названии КНР.

¹³ Кокура (小倉) – приамовый город на северной оконечности Кюсю, расположенный на берегу пролива Каммон (Симоносэкий пролив), отделяющего Кюсю от Хонсю. Являлся столицей одноименного княжества. В 1871–1876 – центр одноименной префектуры (упразднена в 1876 г.). В настоящее время входит в состав (составляет два административных округа) города Китаюсю (преф. Фукуока).

¹⁴ Провинция Будзэн (豊前国) – провинция на севере Кюсю. В эпоху Эдо принадлежала клану Кокура, затем была преобразована в префектуру Кокура, а с 1876 г. ее территория поделена между современными префектурами Фукуока и Оита.

¹⁵ Сацума (薩摩国) – провинция на юге Кюсю, а также название клана, который в эпоху Эдо владел этой провинцией и соседними Осуми и Хюга. Соответствует современной преф. Кагосима.

Если взглянуть на карту всех земель, [то заметно, что] с обратной стороны огромного океана¹⁶ взаимно сталкиваясь образованы три великих области земли¹⁷. Первая область расположена к северу от экватора¹⁸, и ввиду того, что у нее крайне большой разброс в долготах, ее для удобства делят на три континента¹⁹. А именно: Азия, Европа и Ливия²⁰. Вторая область располагается к западу от Ливии и к югу и северу по сторонам от экватора, ее называют Америкой. Третья область расположена к югу от экватора, она широко раскинулась, и ее называют Магелланика²¹. Таким образом, вместе получается пять континентов. Каждая из стран расположена в границах пяти континентов, кроме того, каждый из многочисленных островов относится к какой-либо области земли и континенту²². Это и есть весь так называемый «мир».²³ По-видимому, из трёх великих областей первая превосходит

¹⁶ Термин «океан» – перевод 大瀛海 – досл. «величайшее море», его можно перевести как «мировой океан». В современном языке не употребляется. Восходит к китайской терминологии, употребляемой, как минимум, с эпохи Хань (206 до н.э.–220 н.э.). Например, в «Исторических записках»: «Это те девять областей, которые учредил Великий Юй, но их не следует принимать за [полное] число областей [на земле]. Так же как существует девять частей в Золотых уездах и священных округах, так и вне Срединных княжеств тоже имеются девять областей. И их окружают небольшие моря, так что люди, птицы и дикие животные [каждой из них] не могут сообщаться друг с другом. Каждая такая [обособленная] область и есть чжоу. Все эти девять чжоу окружены огромным Морем-океаном, [а за ним] Небо сходится с Землей» [Сыма Цянь, 1986, с. 169–170]

¹⁷ Термин «три великих области» 三大界 (сандайкай). Как видно из дальнейшего текста, «первая область» соответствует «Старому свету», издавна известные земли (Евразия и Африка). «Вторая область» – «Новый свет», Америка, то есть, недавно открытые земли. «Третья область» – Южный материк, полумифические земли, пока не исследованные.

¹⁸ В оригинале – 中帶赤道 (тю:тай сэкидо:) – «срединный экватор». Вторая часть термина соответствует современному написанию слова «экватор». Хотя Африка входит в состав «первой области», но на карте в начале трактата большая часть этого материка расположена севернее экватора. См. рис. 1.

¹⁹ Современные термины «материк», «часть света», как и «континент» пока не употребляются. Вместо них Нисикава использует китайизированный термин сю: 洲, «континент», «материк», «остров»). На «континенты» Нисикава делит только «первую область».

²⁰ Употребленный здесь термин 利未亜 по-японски должен читаться как «Римия», однако необходимо учитывать, что он заимствован Нисикава из одной из карт Маттео Риччи (1552–1610) или ее копии. Риччи записывал европейские топонимы, используя китайские иероглифы по звучанию. По-китайски это сочетание читается как «Ливэйя», что, скорее всего, соответствует европейскому «Ливия». В европейской географии в этот период наравне употреблялись два топонима: и «Африка», и «Ливия». Дзёкэн выбрал последний вариант.

²¹ «Мэггарианика». Нисикава употребляет этот термин либо полностью: 墨瓦臘尼加, либо в сокращенном варианте 墨瓦臘尼 (без последнего иероглифа). Имеется в виду «Неведомая Южная земля» (Terra Australis Incognita), которая была крупнейшим географическим мифом европейской науки, начиная с античности. Изображалась на картах мира начиная с Эратосфена и Птолемея и до XVII в. на месте Антарктиды, Австралии и Океании, значительно превосходя их совокупную площадь. В XVIII в., по мере исследования морей Южного полушария, напротив, размер суши на юге начинает существенно уменьшаться относительно реального. Миф восходит частично к античным представлениям о том, что симметрично по отношению к северной ойкумене должна существовать южная с обратной стороны Земли; частично – к эмпирическим данным о существовании массива суши с неопределенными размерами в Южном полушарии. В Японии закрепилось название, восходящее к другому термину: Magallanica или Magellanica, который записывался либо как 墨瓦臘泥加, либо 墨瓦臘尼加. Однако с 1708 г., после публикации «Карты всех стран Земного шара» (地球万国一覽之図, Тюкю: банкоку итиран-но дзу) окончательно закрепился второй вариант. Дзёкэн также использует его.

²² Данная идея для Нисикава важна не только сама по себе как часть описания структуры мира, но и, возможно, для создания азиатской идентичности Японии. Как видно из дальнейшего текста, центром пространства в его картине мира была Азия.

²³ Термин «мир» (世界, яп. сэкай, кит. шицзе), который Дзёкэн употребляет практически в современном значении, восходит к буддийскому термину «локадхату» (санскр. loka-dhaatu), обозначающему все сущее. (<https://baike.baidu.com/item/世界/24458>; <https://zh.wikipedia.org/wiki/世界> или <https://ja.wikipedia.org/wiki/世界>, дата обращения 28.10.2019). Другой термин, обозначающий «мир», который часто использует как Дзёкэн, так и другие авторы этого времени – дословно «все страны», «десять тысяч стран» (банкоку, 万国); в современном языке он используется, но реже, например, для обозначения всемирных выставок.

остальные. Вторая и третья следуют за ней. Поэтому, рассуждая о географии, обязательно повествуют о водах и землях первой области. Опять же среди трёх континентов первой области, Азию считают превосходящий остальные²⁴. Он – первый [континент] в первой [из областей земли]. Центральная часть Азии приходится на Китай²⁵, к западу от Китая находится Индия²⁶. К западу оттуда – различные племена варваров²⁷. От Китая к востоку – страна Япония. К востоку от Японии лежит величайшее в мире бескрайнее синее море²⁸, которое разделяет землю. По этой причине, хотя на картах материк Америка располагается на востоке, он расположен с другой стороны Земного шара на западе²⁹, свойства её вод и земель делают её страной, где преобладает *инь*³⁰ и злотворная *ци*³¹. Когда исследуется суть формы Земли в целом, то, само собой, необходимо относить Америку к крайнему западу³². Что касается всей Земли, то хотя и нет установленного места для востока и запада,

²⁴ Здесь, как и в описании «областей», климатических зон и т.д., Дзёкэн рассматривает области Земли иерархически, и Япония в этой системе оказывается принадлежащей к области, стоящей выше всех остальных, что является одним из доказательств ее превосходства.

²⁵ В этом отрывке Китай называется: 辰旦 (яп. *Синтан*, кит. *Чэньдань*). Это буддийский термин. Как и термин «земля Тан» он является, скорее, нейтральным и не указывает на срединное положение Китая.

²⁶ Для обозначения Индии Дзёкэн использует несколько терминов. В данном случае – старинный термин *Тэндзю* (天竺, кит. *Тяньчжу*), который изначально употреблялся в буддийской лексике и обозначал родину Будды. Термин древний и в Китае употребляется, начиная с «Исторических записок» Сыма Цяня и «Шанхайцин». Помимо *Тэндзю*, в «Нихон суйдо ко:» Дзёкэн на карте упоминает другое название – *Индя* (записано слоговой азбукой по звучанию *インデヤ*), но только на карте, а не в тексте. Чрезвычайно любопытно при этом, каким образом эти названия соотносятся между собой на карте: *Тэндзю* располагается в середине Азии западнее Китая, а *Индя* представляет собой полуостров, юго-западнее *Тэндзю*, однако по размеру он сильно уступает Индостану, а также отличается от него по форме. Таким образом, европейские сведения не были соотнесены автором с дальневосточными представлениями. О других названиях Индии и ее частей в сочинениях Нисикава см.: [Исидзаки, 2010].

²⁷ 戎蠻 (дзю:бан). – досл. «западные и южные варвары». В соответствии с китайской геополитической моделью, сформировавшейся в эпоху Западного Чжоу (1045–770 до н.э.), мир делился на «Срединное государство» (Китай), обладавшее наивысшей культурностью, и варваров четырех сторон света. Данная модель частично была воспринята соседними народами, включая Японию (иногда, правда, центр «сместался» в сторону страны, пользующейся этой моделью, в данном случае – Японией), частично – была воспринята просто как лексема для обозначения неизвестных народов.

²⁸ 溟海遠濶世界第一 (мэйкай энкацу сэйкай дайити). Очевидно, в виду имеется Тихий океан. Современный термин «Тихий океан» (太平洋, *Таихэй*;) не употребляется.

²⁹ Дзёкэн знаком с идеей шарообразной формы Земли. Для него она является очевидной. Однако он не всегда последователен. Так, в одном месте трактата он утверждает, что нет определенного места для востока и запада, а в другом, напротив, выводит все географические свойства Японских островов (как и Америки) из положения «на крайнем востоке» («крайнем западе»).

³⁰ «Инь-ян (陰/陽) – одна из пар основополагающих теорий кит. философии, выражающая идею универсальной дуализированности мира и конкретизирующаяся в неограниченном ряду оппозиций: темное и светлое, пассивное и активное...» [Духовная культура Китая, 2006, с. 271]. Дзёкэн в данном случае использует дихотомию благотворное/злотворное, что не является первоначальным значением.

³¹ «Ци (氣, яп. чтение *ки*) – “пневма” (“эфир”, “атмосфера”, “газ”, “воздух”, “дыхание”, “дух”, “нрав”, “темперамент”, “энергия”, “жизненная сила”, “материя”). Одна из основополагающих и наиболее специфич. категорий кит. философии, выражающая идею континуальной, динамич., пространственно-временной, духовно-материальной и витально-энергетич. субстанции... Общепризнанным в кит. философии было представление о *ци* как о бескачественном первовеществе, из которого состояла Вселенная в исходной фазе своего развития, называемой “хаосом”, “Великим пределом”... Начальные формы дифференциации этого вещества – инь/ян и “пять элементов”» [Духовная культура Китая, 2006, с. 549–551]. *Ци* (как и *инь/ян*, пять элементов, триграммы и зодиакальные знаки) – одно из главных понятий универсального для Дальнего Востока протонаучного языка, восходящего к китайской классической философии и употреблявшегося для описания любых сфер бытия.

³² Этот термин образован по аналогии с северным или южным полюсом (西極, *сайкёку*).

но когда нужно чётко определить направление Юго-Запад³³, то необходимо определить каждый из полюсов³⁴.

[Географическое] положение Японии можно определить, двигаясь на юг от первой области Земли, она будет лежать напротив триграммы Северо-Восток³⁵ выше экватора. Если определить её положение, отсчитывая от центра Азии, то она будет прямо на восток напротив знака зайца^{36 37}. Центральная точка Японии расположена в тридцати пяти градусах к северу от Китая и в тридцати пяти градусах от экватора, от восточной до западной оконечности её протяженность составляет 12 градусов, и форма её такова: протяженная с востока на запад и узкая с юга на север. [Форма] несколько искривлена и подобна шее плавающего дракона³⁸. Таков её природный облик³⁹.

Эта страна расположена к востоку от всех прочих, земля, где утром первым начинает сиять солнце, где прежде всего рождается янская *ци*⁴⁰, земля, где берет начало гексаграмма грома⁴¹. [Эта страна] господствует на стороне знака зайца⁴². По этой причине [страна]

³³ Направление обозначено с помощью триграммы 坤 (кит. *кунь*, яп. *кон*). Триграмма – «мантико-нумерологич. графема... Одна из оригинальных и фундаментальных общеметодологич. категорий кит. философии, изначально и в собств. смысле обозначающая арифметически и геометрически выверенные символы архетипов как конституционные элементы двух классификац. схем (8 триграмм и 64 гексаграммы)» [Духовная культура Китая, 2006, с. 198]. Нисикава активно использует первую схему. Триграммы как архетипы могли обозначать любые предметы действительности и их взаимодействие – в данном случае, относящиеся к физической географии.

³⁴ Используется термин 大極 (кит. *тайцзи*, яп. *тайкёку*), первоначально означающий одно из фундаментальных понятий китайской философии – «Великий предел», предельное и совершенное состояние бытия до выделения стихий *ян/инь*, пяти первоэлементов и т.д. Однако Дзёкэн употребляет его не в этом космологическом смысле, а в качестве термина для обозначения географических полюсов Земли. Современный термин для полюса 極 (*кёку*) восходит к этому понятию.

³⁵ Триграмма 艮 (кит. *гэнь*, яп. *гон*) в географическом смысле обозначает северо-восточное направление.

³⁶ Знаки зодиака, на Дальнем Востоке имевшие собственное обозначение, традиционно использовались для составления календаря, вместе с десятью знаками «небесных» и «земных стволов», восходящими к пяти элементам, маркируя разные отрезки времени: год, день, время суток. Знаки циклического цикла, скорее всего, имеют не китайское происхождение, а были заимствованы у тюрко-монгольских племен (хотя и чрезвычайно рано, см.: [Духовная культура Китая, 2007, с. 748–749]) и коррелируют с подобными представлениями Месопотамии и Средиземноморья. Однако знаки зодиака могли иметь более универсальное применение, подобно триграммам обозначая различные архетипы. В данном случае Дзёкэн использует их в географическом значении. Знак дальневосточного зодиака 卯 «заяц», «кролик», «кот» (кит. *мао*, яп. *у*) в географическом смысле соответствует направлению «Восток».

³⁷ Для трактовки данного положения необходимо обратить внимание на карту, которая прилагается к трактату (см. рис. 1). На карте Дзёкэн по границе окружности земли, помимо иероглифического обозначения сторон света (т. н. «четыре направления»), расположены триграммы «И-цзин» и знаки дальневосточного зодиака в соответствии с их географическим значением. Таким образом, Дзёкэн, в меньшей степени пользуется европейскими математическими координатами для определения положения географических объектов, и в большей – традиционными представлениями. Это предоставляет возможности для поиска дополнительного смысла в том или ином географическом положении страны: и триграммы, и зодиак соответствуют определенным стихиям и первоэлементам, что создает условия для метафизической трактовки.

³⁸ 游龍 (кит. *ю-лун*, яп. *ю-рю*) – летящий дракон. Традиционный для Дальнего Востока комплиментарный эпитет, обозначающий величественную осанку или походку (URL: <https://bkr.info/slovo.php?ch=游龍>, дата обращения 28.10.2019).

³⁹ 風水 – *фу:суй*, дословно – «ветер и вода». «Свойства местности». Так же обозначается дальневосточная геомантия *фэншуй*. В данном случае термин употребляется почти в том же смысле, что и *суйдо* (水土) – «географическая среда», «географические свойства».

⁴⁰ Для обозначения «солнца» и «ян» использован один и тот же иероглиф – 陽 (яп. *ё*; кит. *ян*), но в разных смыслах.

⁴¹ 震雷 – кит. *чжэньлэй*, яп. *синрай*. 51-я гексаграмма в «И цзин», представляет собой удвоенную триграмму 震 (кит. *чжэнь*, яп. *син*), которая ассоциируется с Северо-Востоком. Данная гексаграмма, в свою очередь, ассоциируется с громом.

⁴² Знак зайца (кота) – 卯 (кит. – *мао*, яп. *у*) соответствует Востоку. В представлениях Нисикава Япония соответствует крайнему Востоку, поэтому он увязывает положение страны с этим знаком, хотя если исходить из нарисованной им же карты-схемы ей должны быть ближе знаки «тигр» (寅) и «бык» (丑). (См. рис. 1)

преисполнена добродетели дерева⁴³. Стихия дерева, тигра и зайца порождает стихию огня, быка и змеи⁴⁴. Поэтому самой природе соответствует то, что в этой стране главенствует божество солнца, соответствующее добродетели огня⁴⁵. Так, название «Япония»⁴⁶ в наибольшей степени отвечает этому принципу. Возможно, и старинное название – Хитаками⁴⁷ – происходит от того, что здесь первым начинает светить солнце.

Страна, расположенная напротив триграммы «уситора», – место, где заканчивается энергия *инь* и начинается *ян*⁴⁸. Крыса и бык соответствуют элементам воды и земли. Тигр и заяц вместе составляют стихию дерева⁴⁹. Дерево порождается водой и землей. Энергия *ян* тигра и дерева порождается из природной предельной *инь*⁵⁰. То, что порождает вначале стихия дерева, должно быть по качеству молодым. Поэтому, когда, сообразуясь со смыслом знаков тигра и зайца [Японию] называют молодым деревом или же Фусо⁵¹, то это основано на указании на восточную сторону и энергию *ян* элемента дерева. Кроме того, эту страну называют «Страна обильных тростниковых равнин и благих колосьев»⁵². «Обильный» оз-

⁴³ Знаку «зайца» соответствует дерево (один из пяти элементов).

⁴⁴ См. прим. 41: на карте Японские острова помещены между знаками «тигра» и «быка». В классической схеме пяти элементов 五行 (кит. – *усин*, яп. – *гогэ*;) дерево переходит в элемент огонь. При этом дерево, как и заяц соответствуют Востоку, а огонь соответствует Югу. Зодиак «змея» (巳) при этом также соответствует стихии огня и Югу.

⁴⁵ Вероятно, имеется в виду Аматаэрасу-оомиками, центральное божество японского пантеона, первопреек императорского рода, являющееся при этом солярным божеством. Нисикава пытается доказать, что почитание данного божества предопределено самой природой – местом, в котором расположены Японские острова.

⁴⁶ Самоназвание Японии – *Нихон* (日本) дословно обозначает «солнечная основа», «корень солнца». Впервые зафиксировано в качестве такового в мифолого-летописном своде «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720), хотя предполагается, что появилось несколько раньше.

⁴⁷ Хитаками, Хидакими (日高見, «страна, где высоко видно солнце») – Нисикава представляет данный термин как старинное самоназвание Японии в подтверждение своих идей. Однако в таком качестве упоминается только в «Оохараэ-но котоба» (одно из *норито*, молитвословий *синто*), произносимое в рамках обряда Великого очищения). В «Нихон сёки» [Нихон сёки, с. 243] и «Хитати-фудоки» [Древние фудоки, с. 61] он употребляется в более узком смысле: название страны *эмиси*, т.е. крайней северо-восточной части Хонсю.

⁴⁸ Триграммы, в зависимости от интерпретации, имеют разные значения, но в любом случае связаны со сторонами света, энергией *ян* или *инь*, пятью элементами. В интерпретации, используемой Нисикава, триграмма «уситора» (艮, кит. *гэнь*), напротив которой на карте располагается Япония, соответствует Северо-Востоку, а также «малой *ян*» («зарождающейся», «молодой»). То есть, *инь* уже закончила своё влияние, а *ян* только открыла его.

⁴⁹ Япония расположена между этими знаками «крыса» и «бык», с одной стороны – к северу, и тигр и заяц – с другой, чуть южнее. Они действительно соответствуют указанным элементам: крыса – вода, бык – земля, тигр и заяц – дерево.

⁵⁰ Данное рассуждение можно трактовать двояко. С одной стороны, термин *суйдо* 水土 можно перевести как «природа», «физическая география», с другой – это помещенные рядом два из пяти элементов китайской натурфилософии – «вода» и «земля».

⁵¹ 扶桑 (кит. *Фусан*, яп. *Фусо*;) – термин китайской мифологии, который обозначал «древо жизни», «мировое дерево», на ветвях которого обитали десять солнечных воронов, либо страну, лежащую за морем на востоке от Китая, один из легендарных островов бессмертных. Впоследствии стал употребляться (в Китае) как поэтическое иносказательное название Японии, и лишь затем был воспринят японцами как одно из названий собственной страны. Например, название одного из известных памятников эпохи Хэйан (794 – 1185) «Фусо: рякки» (扶桑略記 «Краткие анналы Японии», 1094). Таким образом, здесь указание на одно из старых названий Японии, которое одновременно является названием мифического дерева и страны к востоку от Китая.

⁵² 豊草原瑞穂国 (*Тоёасихара мидзүхо-но кун*). Данный термин позаимствован из мифологии синто. Источники по синто: (в первую очередь, «Кодзики») не дают четкой картины мира: можно вычленить как элементы «вертикальной», так и элементы «горизонтальной» разметки пространства. Тем не менее, более четко описана трехчастная «вертикальная» структура: «Равнина высокого неба» (*Такама-га хара*, место обитания «небесных божеств»), «Тростниковая равнина – срединная страна» (*Асихара накацүкун*; существует несколько вариантов этого названия, включая указанный Нисикава; обиталище людей и «земных божеств») и «Страна желтых вод» (*Ёми-но кун*, подземная страна мертвых). Повествование в японских мифах не носит универсального характера и имеет отношение исключительно к этой стране, поэтому «Тростниковая равнина» – не универсаль-

начает «богатый» и «тучный», это выражение для похвалы. Тростник – это порождаемое водой и землей, чрезвычайно живучее [растение]. Японское чтение иероглифа «благое знамение» – «вода»⁵³. Здесь подразумевается, что трава и деревья порождаются водой. Кроме того, японское чтение иероглифа «колос» – «огонь»⁵⁴. Иероглифы «колос» и «огонь» по-японски читаются одинаково. Семена растений порождаются на основе янской *ци*, от энергии *ян*, которая находится внутри *инь*⁵⁵. Это – аллегория преумножения и процветания в этой стране. Также [мидзу] было благопожелательным именем для древних. Во всех именах: Мидзугаки, Мидзуномиарака – и подобных, где использовался иероглиф «мидзу»⁵⁶, это носило смысл предотвращения пожара.

Эта страна расположена ближе всех к триграммам «Северо-восток» и «Восток», и поэтому здесь берет начало янская *ци*⁵⁷. В тех вещах, что первыми порождает энергия *ян*, проявляются качества молодости, и пневма *ци* в них сильна и изобильна. По этой причине у многих жителей Японии сердца исполнены человеколюбия – в силу того, что этот природный характер заложен порождением стихии Востока и дерева. Они склонны к воинской доблести, поскольку впитывают могучий дух⁵⁸ гор⁵⁹, соответствующих триграмме Северо-восток. Также в силу этих качеств [жители Японии] любят всё чистое, прекрасное, героическое и белое и ненавидят [проявления] мутной и нечистой⁶⁰ иньской *ци*, [у них] много праздничных обрядов и мало траурных: Новый год, свадебные обряды – всем этим поздравительным церемониям твёрдо следуют даже простолюдины, что отличает [жителей Японии] от людей других стран; праздник Нового года означает рождение янской *ци*, а свадьба – начало человеческих отношений и продолжения рода. Не иначе, божество⁶¹ заключается в прямой, а не искривленной *ци*. Поэтому этот народ обычно предпочитает веселость и не выносит печального облика. Поэтому так подробны ритуалы, празднующие

ное понятие, обозначающее Землю, мир людей и т.д., а, скорее, конкретное указание на страну, к которой относится мифологический цикл, т.е. его можно также трактовать как одно из самоназваний Японии.

⁵³ Имеется в виду омонимичное японское чтение двух иероглифов: 瑞 («благое знамение», *мидзу*) и 水 (*мидзу*, «вода»). Это игра слов, которую Нисикава использует не только в этом рассуждении.

⁵⁴ Японское чтение иероглифа 穂 (колос) – *хо*, является омонимом одного из чтений иероглифа «огонь» (火). Игра слов, аналогичная предыдущей.

⁵⁵ Энергии *ян* и *инь* взаимно порождают друг друга. Одной из аллегорий этого служит порождение «живых» («янских») растений из «неживых» («иньских») семян.

⁵⁶ Имеется в виду, что в именах использовался иероглиф 瑞.

⁵⁷ Уже упоминавшиеся триграммы *гэнь* (艮) и *чжэнь* (震), расположенные напротив Японии на карте-схеме.

⁵⁸ 精 (кит. *цзин*, яп. *сэй*) – специфическая категория дальневосточной философии. Первоначально означало очищенный рис, в философском смысле обозначает квинтэссенцию чего-либо: в физическом (семя, сперма) или же духовном смысле. В данном случае для перевода был выбран эквивалент «дух», хотя допустимо перевести «эссенция» и т.д. В определенной трактовке – «сгущенная» пневма *ци* [Духовная культура Китая, 2006, с. 526].

⁵⁹ *Гэнь* (艮) в большинстве схем соответствует горам как форме рельефа. Что касается черт личности, то они интерпретируются в зависимости от схемы.

⁶⁰ *Кэгарэ* (穢れ) – нечистота, одна из основных категорий традиционного японского комплекса верований *синто*. Отсутствует понятие «греха» в понимании авраамических религий, основным отрицательным понятием служит ритуальная нечистота, которая может быть вызвана как загрязнением в прямом физическом смысле, болезнью, смертью, так и нарушением норм коллективного сосуществования (например, разрушением межей на рисовых полях). Для избавления от *кэгарэ* применялись ритуалы очищения, которые также содержали элементы физического омовения.

⁶¹ 神 (яп. *син*, *ками*, кит. *шэнь*) – также, как *ци* и *сэй*, одно из состояний мировой пневмы (материи-энергии), является «разреженной» и соответствует «духу», «духовной», «божественной субстанции». В японском языке тот же иероглиф может обозначать также синтоистское божество *ками*. Поэтому данное рассуждение можно перевести примерно следующим образом: «...божества любят прямую, а не искривленную *ци*». Один из аргументов Нисикава в пользу того, что географическое положение Японии исключительно благоприятно заключается в том, что ее свойства вод и земель привлекают божеств.

начало [жизни], а ритуалы, оплакивающие ее окончание, редки. Таков природный характер народа этой страны.

Те, кто называет Японию страной-принцессой⁶², ставят её на место императрицы, и так следует сообщать другим странам. Те, кто утверждают, что это название происходит от Тайбо, неправы. Если вдуматься, в Японии по обычаю девочек называют «принцессами», а мальчиков – «принцами»⁶³. Японское прочтение иероглифа «принц» – «солнечное дитя». Японское прочтение иероглифа «принцесса» – «солнечная дева». Можно сказать, что все люди этой страны – потомки солнечного божества. Или, возможно, это по причине того, что солнечное божество принято изображать в женском облике?⁶⁴ Таким образом то, что [Японию] ставят на место императрицы, исходит из природного состояния её вод и земель. То место, где господствует триграмма Северо-восток, располагает малым количеством энергии *ян*. Если сказать простыми словами: облик женщин расцветает и увядает благодаря малому количеству *ян*⁶⁵. У женщин в семьдесят семь лет расцвет сменяется упадком. По этой причине земля триграммы Северо-восток – это место, которое управляет расцветом и увяданием женщины. Красота женщин Японии исключительна, их приверженность [дочернему] долгу, целомудрие и самоотверженность ни в древности, ни теперь не поддаются исчислению. Это также соответствует малой *ян* в положении триграммы Северо-восток.

Причина, по которой эту страну называют страной богов, вероятно, лежит в природе вод и земель. В «Исторических записках» говорится, что восточная сторона – это обитель духа света⁶⁶. Положение напротив триграммы Северо-восток – это земля окончания *инь* и начала *ян*,

⁶² 姫氏國 – термин, употреблявшийся по отношению к Японии со Средних веков. Например, так трактовался этот термин в «Яматайси» (пророческое стихотворение, часто цитируемое, начиная с эпохи Хэйан (794–1192); время создания неизвестно, первое упоминание – 790 г.; предположительно сочиненное в Японии на классическом китайском языке, хотя иногда приписывается китайскому автору). Предположительно, восходит к китайской легенде о Вэнь-ване и Тайбо. Последний был старшим сыном правителя Даньфу и несмотря на то, что должен был наследовать престол основателя государства Чжоу, уступил его младшему брату Цзили, отцу Вэнь-вана, прародителя династии Чжоу, по приказу отца и отправился управлять варварами. [Сыма Цянь, 1972, с. 181–182] По одной из версий, популярной среди японских неоконфуцианцев (последователи Чжу Си (1130–1200); наиболее крупное и поощряемое самурайскими властями направление конфуцианства эпохи Эдо), Тайбо отправился в Японию и принес на острова китайскую «культурность». Поскольку он был потомком царского рода, с этим, якобы, связан один из эпитетов Японии – «страна-принцесса». Нисикава отрицает данную версию, вероятно, поскольку она указывает на подчиненное положение Японии по отношению к Китаю.

⁶³ «Принцесса» (*химэ*, 姫) и «принц» (*хико*, 彦). Имеются в виду распространенные элементы, входящие в состав женских и мужских имен, этимологически восходящие к титулатуре и теонимам. Далее используется игра слов: первый слог этих слов (*хи*) как отдельное слово означает «солнце» и «день», а *мэ* и *ко* – «девушка» («дева») и «ребенок» соответственно. Таким образом Нисикава обосновывает происхождение японцев от солярного божества, что является отсылкой к синтоистскому мифу о снисхождении на землю (Японские острова) внука солнечной богини Аматаэрасу-оомиками, Ниниги-но микото, предка первоимператора Дзимму. Однако первоначально этот миф повествует о происхождении императорской династии, а не народа в целом. Японская мифология ничего не говорит о творении людей.

⁶⁴ Очевидно, отсылка к Аматаэрасу-оомиками к центральному женскому солярному божеству культа *синто*.

⁶⁵ Поскольку на северо-востоке энергия *ян* только зарождается (см. выше), она еще не достигла полного расцвета. *Ян* соответствует мужскому началу, а *инь* – женскому, поэтому с точки зрения женской красоты и добродетели энергия *ян* не должна быть преобладающей.

⁶⁶ Скорее всего, имеется в виду следующий отрывок из «Исторических записок»: «На следующий год (164) Синьюань Пин, уроженец княжества Чжао, увидев издали [необыкновенные] испарения, явился к императору и сказал ему: “К северо-востоку от Чаньани появились чудодейственные испарения, составленные из пяти цветов, [они образуют облако], подобное шапке человека”. Кто-то другой сказал, что «на северо-востоке находится обиталище духа света Шэньмин (神明), а на западе – могила этого духа». Когда Небо ниспосылает предзнаменование, нужно соорудить храм для жертв Верховным владыкам, чтобы этим соответствовать знамению». [Сыма Цянь, 1986, с. 167–168] При этом Р.В. Вяткин в комментарии указывает, что однозначной трактовки значения Шэньмин нет. Одно из них указывает на то, что это дух (божество) Солнца. Данная трактовка, вероятно, ближе всего к пониманию Нисикава. Обратим внимание, что на некоторых средневековых картах так обозначалось божество Аматаэрасу-оомиками. См.: [Dolce, 2007, p. 289].

земля, куда приходят божества *ян* и откуда уходят демоны *инь*. Что касается сезонной пневмы *ци*, то здесь нужно обратить внимание на канун Нового года. [Это время,] когда умерщвляющая иньская *ци* зимы уходит, а животворная янская *ци* весны приходит. Поэтому в эту ночь в каждом доме встречают счастье от светлых янских божеств и изгоняют беды, происходящие от иньской *ци*⁶⁷, и это в общих чертах соответствует природным обычаям Японии. По причине божественности этой страны, в почитании духа света [Япония] превосходит остальные страны. А в направлении триграммы Северо-восток от Американского материка, возможно, существуют так называемые Острова Демонов⁶⁸. По словам сведущих людей, на этих островах обитает множество всевозможных демонов, они затрудняют проход кораблей [рядом], и обычно призраки творят там всякие непотребства. Поэтому они и называются Островами Демонов. Таким образом, земля, расположенная возле триграммы Северо-восток является местом, где собираются во множестве демоны [либо] божества. И таким образом, поскольку свойства вод и земель Островов Демонов соответствуют замутненности, *инь*, несчастью и злу, то там и собралась нечисть. А так как свойства вод и земель Японии соответствуют чистоте, *ян*, умеренности⁶⁹ и правдивости, то там обитают светлые духи. Это вне всяких сомнений.

В этой стране регулярно сменяются четыре сезона⁷⁰. Хотя мир огромен, земель с правильными четырьмя сезонами немного. Среди многочисленных островов океана⁷¹ нет

⁶⁷ До перехода на григорианский календарь в Японии отмечали Новый год по китайскому лунному (лунно-солнечному календарю), и праздник соответствовал не середине зимы, а началу весны. В настоящее время отмечается как самостоятельный праздник *Сэцубун* (節分) 3 февраля. Считалось, что в этот день силы *инь* и *ян* вступают в противоборство, и неизменно побеждает солнечное, животворящее начало. Данное поверье получило ритуальное выражение в популярном до сих пор обряде «изгнание демонов»: в домах и святилищах разбираются соевые бобы и произносятся заклинание: «Черти вон! Счастье в дом!» («Они-ва сого! Фуку-ва ути!», 鬼は外! 福は内!). Дзёкэн переносит логику сезонного праздника на географическое положение Японии, которое соответствует «постоянному» изгнанию демонов *они* и привлечению божеств *ками*. У данного географического положения на Земном шаре есть противоположность, напротив, привлекающая демонов в силу своего географического положения. См. ниже.

⁶⁸ *Они-га сима* (鬼島). Представления о существовании такого географического объекта восходят к Средним векам. Упоминается, к примеру, в «Повести о доме Тайра». Однако Дзёкэн помещает его на реальной карте мира к востоку от Северной Америки (см. рис. 2; карта, прилагающаяся к другому географическому сочинению Нисикава – «Дзохо каи цу:сё: ко:»). На карте рядом с соответствующей надписью изображены два острова, в связи с чем название переводится в данном случае во множественном числе, хотя в тексте количество островов не обозначено. В китайской мифологии, судя по всему, идея о существовании такого острова (островов) не была широко распространена, вероятно, наибольшее влияние на представление Нисикава в данном случае оказали европейцы. Любопытно, что у берегов Французской Гвианы существует остров Дьявола (L'île du Diable). Однако прототипом этого острова для Нисикава он вряд ли мог послужить, поскольку получил это название только во второй половине XVIII в. Есть вероятность, что прототипом послужил известный с XVI в. о. Сэйбл (Канада), навигация вблизи которого действительно затруднена из-за встречающихся океанических течений и магнитной аномалии. Необычные природные условия стали причиной гибели более 300 кораблей. На упомянутой карте острова изображены правее Северной Америки, однако в тексте «Дзохо...» там нет такого подробного описания. Кроме того, в самой Японии есть несколько необитаемых островов, название которых записывается так же: например, Оидзима в преф. Симанэ и Кисима в преф. Кумамото.

⁶⁹ Также можно перевести как «средианность». Положение в центре чего-либо в странах Дальнего Востока по примеру Китая считалось более благоприятным, соответствующим более высокому положению, по сравнению с соседями. Ср. самоназвание Китая – «Срединное государство».

⁷⁰ *Сидзи тю:сэй* (四時中正) – выражение, обозначающее наличие в регионе «правильного» климата с выраженными четырьмя сезонами. Восходит к китайским представлениям о «правильности» умеренного климата. Однако в самой Японии, в зависимости от региона, климат может приближаться к субтропическому. Кроме того, на основной части Японских островов возможно выделить дополнительно один или два сезона: сезон летних дождей (в отличие от «сухого» лета) и сезон тайфунов, помимо основных четырех, представление о которых сформировались во многом под влиянием китайской культуры.

⁷¹ Для обозначения мирового океана используется термин 大海 (*дайкай*, досл. – «великое море»). Интересно, что тем же иероглифическим термином обозначалось оз. Бива, но читался он в данном случае как *оо-уми*.

подобных Японии с четырьмя сезонами. Все страны, расположенные на 47 градусов к северу и югу от экватора⁷², – исключительно жаркие страны. А страны, расположенные в 60 и более градусах от экватора, напротив – чрезвычайно холодные страны. Только те страны, которые расположены от 27–28 градусов до 42–43 градусов, считая от экватора, обладают климатом с правильными четырьмя сезонами⁷³. Центральный столичный регион Японии расположен в 35 градусах от экватора, её восточная оконечность – в 38–39 градусах, а западная – в 31–32 градусах; это соответствует середине умеренного пояса с четырьмя сезонами, и свойства вод и земель таковы, что *ян* и *инь* уравнивают друг друга. Не говоря о том, что исключительной редкостью является также и то, что столица Японии расположена в самом центре умеренного пояса с истинной *ци*^{74 75}. По этой причине жители японской столицы в большинстве своём красивы.

Согласно древним представлениям, форму Японских островов сравнивали со стрекозой⁷⁶. Сейчас, когда её исследуют с помощью карты, то [изображают] её подобной летящему дракону⁷⁷. Северо-восточные горы уподобляют голове, северные воды – плечам, небо северо-востока – спине, западные болота – пояснице, юго-западную землю – хвосту, южный огонь – животу, юго-восточный ветер – его груди, восточный гром – горлу⁷⁸. Это её (т.е. Японии. – А.Н.) природная форма. Определенно можно сказать, что Великое святилище Исэ несет на себе северо-восточные небеса и обращено к юго-восточным ветрам⁷⁹. Юго-восток и ветер соответствуют [стихии] дерева. [Дерево] – мать [южного] огня и порождает добродетель огня. Вероятно, поэтому [святилище Исэ] стоит обращенным на юго-восток. Кроме того, триграмма «юго-восток» соответствует [зодиакальным знакам] дракона и змеи. Дракон соответствует совершенной фазе стихии дерева, а змея – зарождающейся фазе стихии огня. Японское прочтение зодиакального дракона – «стоять»⁸⁰. Японское прочтение

⁷² В тексте, скорее всего, ошибка – исходя из предыдущего и последующего изложения, должно быть 27 градусов.

⁷³ Идея деления на три климатические зоны: «слишком жаркая», «умеренная» и «слишком холодная» заимствована из сочинений Маттео Риччи, которые были доступны Нисикава Дзёкэн либо в оригинале, либо в изложении.

⁷⁴ Пояс “верной *ци*” (*сэйки*, 正氣) – то есть, тот, где правильно взаимодействуют стихии и первоэлементы.

⁷⁵ «Умеренный пояс» (*тю:до*.; 中道). Здесь Дзёкэн, вероятно, пытается обыграть традиционную китайскую идею «срединого государства», которую начиная с эпохи Эдо японские мыслители начинают различными способами применять к собственной стране (см., например, [Toby, 1983]. То, что столица Японии расположена в центре «срединого», умеренного климатического пояса – еще одно доказательство ее превосходства над другими странами.

⁷⁶ Стрекоза-поденка (*кагэро*.; 蜻蛉, Ephemeroptera).

⁷⁷ См. прим. 37.

⁷⁸ Стихии в данном случае соответствуют сторонам света. Здесь необходимо обратить внимание на карту Японских островов, прилагающуюся к трактату (рис. 3), а также на аналогичные ей карты эпохи Эдо, например, на карту Исиава Рюсэи (1661–1720). Если представить на ее месте изображение дальневосточного дракона, действительно, указанные «части тела» будут приходиться на те области Японии, о которых пишет автор. Кроме того, сакральные карты Средних веков и начала эпохи Эдо нередко изображали Японские острова окруженными змеями или драконом, что имело защитный смысл. См.: [Dolce, 2007, p. 304–305].

⁷⁹ Святилище Исэ – главное в культе *синто*.. Во Внутреннем святилище почитается главное божество – Аматарасу-оомиками. Начиная с эпохи Эдо культ Исэ распространился не только среди аристократии, но и на практически на все слои населения, включая горожан и крестьян. Широко практиковались паломничества даже из отдаленных уголков страны. Снова необходимо обратить внимание на карту (рис. 3). Если принять, что регион Кинай является центром, «тылом», и святилище Исэ обращено к нему «спиной», то «лицом» оно обращено точно на юго-восток. Кроме того, в буддийской картине мира южное направление считается благоприятным: в буддийской географии в центре мира расположена гора Сумеру, которую с четырех сторон света окружают четыре крупных материка. К югу расположен материк Джамбудвипа, имеющий форму яйца. Ему уделяется особое внимание, поскольку именно там появился на свет Будда Шакьямуни. См.: [Ермакова, Островская, 2004, с. 97–102].

⁸⁰ Иероглиф 辰 (яп. *тацу*, зодиакальный знак дракона) читается так же, как глагол «стоять» в инфинитиве. Здесь используется игра с омонимами, аналогичная той, что уже упоминалась до этого несколько раз (см. прим. 52, 53, 62), и не имеющая отношения к реальной этимологии японских названий.

зодиакального знака змеи – «видеть»⁸¹. Вместе они складываются в смысл «стоять, обращенным к духу света». Это причина того, что не только дух света, но и все люди и животные Японии несут на себе [небеса] северо-востока и объемлют [пустоту] юго-востока⁸². Обладая крепкой спиной, они несут в себе отменное здоровье, вдохновленное небесной *ци*, и с небесами в сердце их природная форма.

Протяженность Японии в градусной мере с востока на запад составляет двенадцать градусов. Протяженность с юга на север составляет одну четвертую часть протяженности с востока на запад и достигает трех градусов. Если сравнить это с Индией или Китаем, то хотя Японию и называют «маленьким островом», однако немного стран в пределах мира, подобных ей. Тем более, что существует великое множество стран слишком жарких или слишком холодных. По словам людей сведущих, в океане есть восемь больших островов, и Япония среди них – крупнейший остров⁸³. Отчего же её называют маленьким островом? Или же её называют страной размером с просыное зернышко. Это отнюдь не так. Очевидно, что вся суша необъятна, и очевидно, что размер её огромен. То, что сейчас называют «миром», в окружности составляет 360 градусов и не превышает 5000 *ри*⁸⁴. Таким образом, если сравнить с этим протяженность Японии с востока на запад в градусной мере, то [общая протяженность суши] не превышает [протяженности Японии] более, чем в 32 раза. Таким образом, и Япония является большой страной. Как же можно называть её страной размером с просыное зернышко? Но не следует ценить свою страну за то, что она огромна по размерам. Определять её достоинство следует исходя из того, правильно ли чередуются там четыре сезона, и прекрасны или дурны там люди. Поэтому для стран, территория которых велика, трудно это однозначно установить, поскольку нравы и обычаи людей там многообразны. Поэтому хотя Китай и называют страной мудрецов, трудно ею управлять из-за продолжительных смут в государевом доме. Хотя государство Чжоу существовало восемьсот с лишним лет, но из них и триста лет не пришлось на правления мирные, величественные и безмятежные⁸⁵, и тем более редки случаи, чтобы история династии превосходила триста лет⁸⁶. Пределы Японии не широки, но и не узки, характер, нравы и обычаи людей однородны, и управлять ими просто. По этой причине династия государей Японии от основания государства и до нынешнего времени не менялась – среди всех стран такова только Япония⁸⁷. Определенно, причина этого кроется в божественном и чудесном устройстве вод и земель.

⁸¹ Иероглиф 見 (яп. *ми*, зодиакальный знак змеи) омонимичен одной из форм (основе) глагола видеть миру.

⁸² Отсылка к буддийскому понятию «пустое, незамутненное сердце» – как благожелательный эпитет по отношению к ставшему на путь просветления.

⁸³ В данном случае, скорее всего, имеется в виду не конкретное количество крупных островов Мирового океана, а традиционное значение числа восемь – множественность, большое количество объектов. Тем не менее, любопытно отметить, что среди крупнейших островов Земли Хонсю стоит именно на восьмом месте, таким образом, крупнейший остров Японского архипелага действительно входит в восьмерку самых больших по площади островов, хотя и не находится на первом месте.

⁸⁴ Длина экватора составляет чуть более 40 000 км. 5 000 *ри* в пересчете на метрическую систему – менее 20 000 км. Нисикава, таким образом, в два раза преуменьшил размеры мира.

⁸⁵ Эпоха Чжоу в китайской истории действительно длится 800 лет с XI по III в. до н.э. и отмечена существенными конфликтами, как внутренними, так и соседними государствами.

⁸⁶ Из китайских государств более 300 лет существовали (помимо Чжоу), к примеру, Хань (с перерывом) и Сун. Государства Тан (династия Ли) и Мин (династия Чжу) правили Поднебесной немногим менее 300 лет. Династия Ли (Чосон) в Корее к рубежу XVII–XVIII вв. также правила уже более 300 лет. Предшествовавшая ей династия Ван правила почти 500 лет. Дзэкэн, таким образом, несколько преуменьшает «долголетие» соседних правящих династий. Несмотря на это, японский императорский дом действительно выделяется на фоне остальных династий в мировой истории (см. примечание 86).

⁸⁷ Официально считается, что династия не прерывалась с ее основания в 660 г. до н.э. Однако эта дата (основанная на расчетах XIV в. Китабатакэ Тикафуса, 1293–1354) не соответствует действительности, так как в ми-

Со стратегической точки зрения Япония превосходит все остальные страны. Ибо если маленькая страна расположена близко к большой, то непременно подчиняется воле большой страны и в конце концов поглощается ею. Японская земля, хотя и расположена рядом с большой страной, но отделена от неё бурным морем и, таким образом, всё равно что расположена далеко. По этой причине ей не приходится подчиняться воле большой страны. И уж тем более Япония не может быть ею поглощена⁸⁸. Страдания, причиняемые большой стране – Китаю – северными варварами, происходят из-за того, что их земли расположены близко друг к другу. Что уж говорить о маленьких странах? Однако стратегическое положение Японии в силу природных условий наилучшее среди всех стран. Когда её называют страной «спокойных бухт», то указывают именно на выгодное стратегическое положение. Когда её называют страной тысячи тонких копий, то указывают на доблесть и подготовку воинов. [Мы] живем в огромном замке «спокойных бухт», подготовили доблестных воинов с тысячью копий и вечно не будем знать небесных и земных невзгод. Наш народ – потомки духа света, наш путь – заветы духа света. Мы – те, кто любят чистоту и непорочность, придерживаются искренности и простодушия, следуют путем человеколюбия и доблести, и нам хватает собственной мудрости. Это происходит от природной божественной доброты нашей страны. Отчего же не ценить её!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Грачев М.В. (при уч. Е.К. Симоновой-Гудзенко) Идея преемственности императорской власти в древней и средневековой Японии. *Синто – путь японских богов*. Ред.: Ермакова Е.М., Комаровский Г.Е., Мещеряков А.Н. Т. 1. СПб.: Гиперион, 2002. С. 148–165 [Grachev M.V. (with Simonova-Gudzenko E.K.) The Idea of Imperial Succession in Ancient and Medieval Japan. *Shinto – the Way of Gods*. Eds. E.M. Ermakova, G.E. Komarovskii, A.N. Meshcheriakov. Vol. 1. Saint Petersburg: Giperion, 2002. Pp.148–165 (in Russian)].

Древние фудоки (Химати, Харима, Бунго, Хидзэн). Пер., предисл. и коммент. К.А. Попова М.: ИВ АН СССР, 1969 [*The Ancient Fudoki (Hitachi, Harima, Bungo, Hizen)*. Trans., Preface and Comments by K.A. Popov. Moscow: Institute of Oriental Studies AN SSSR, 1969 (in Russian)]

Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. Гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. I. Философия. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006 [*The Spiritual Culture of China: Encyclopedia in 5 vols*. Ed. M.L. Titarenko. Vol. I. Philosophy. Moscow: Vostochnaia literatura RAS, 2006 (in Russian)].

фолого-летописных сводах сроки правления и жизни ранних государей явно завышены, и эти сведения не подтверждаются археологическими данными. Кроме того, по косвенным данным удастся установить, что до периода Нара (710–784) произошло, по меньшей мере, два переворота со сменой правящего рода, которые в хрониках не признаются таковыми. И тем не менее, по мере отстранения государей династии Ямато от реальной власти, начиная с VIII в., династия действительно не пресекалась, считается старейшей в мире – настолько старой, что ее представители не имеют фамилии (поскольку нет необходимости отличать представителей разных правящих домов), а носят только личные имена. Идеологема о непрерывности династии использовалась множеством мыслителей задолго до Нисикава, а также после него и стала практически клише в рассуждениях об исключительности Японии. Подробнее о развитии идеи о непрерывности династии см.: [Грачев, 2002]. Оригинальность Дзёкэн в данном случае состоит в том, что он видит причину непрерывности государственного рода не в воле и покровительстве божеств, а в географическом предопределении и нравах японцев.

⁸⁸ В XVII в. правители и мыслители в Японии нередко всерьез опасались завоевания со стороны крупного соседа – Цинского Китая. Империя Цин образовалась в результате завоевания империи Мин маньчжурами в первой половине XVII в. В последующие десятилетия вплоть до середины XVIII в. границы новой империи продолжали расширяться, и в сёгунате опасались агрессии с ее стороны. Впоследствии, ближе к концу XVIII в. источником опасности стал другой крупный сосед – Российская империя, однако во времена Нисикава столкновений с русскими еще не происходило, и представления о России были весьма туманными. Сам Нисикава, исходя из других его сочинений, считал ее одной из европейских стран, расположенных далеко от Японии.

Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. Гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. II. Мифология. Религия. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2007 [*The Spiritual Culture of China: Encyclopedia in 5 vols.* Ed. M.L. Titarenko. Vol. II. Mythology. Religion. Moscow: Vostochnaia literatura RAS, 2007 (in Russian)].

Ермакова Т.В., Островская Е.П. *Классический буддизм*. СПб.: Азбука-классика, 2004 [Ermakova T.V., Ostrovskaya E.P. *The Classic Buddhism*. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2004 (in Russian)].

Исидзак Такахико. Нисикава Дзёкэн-но Индо нинсики: Санкоку сэкайкан-кара готайсю:-э. *Индогаку буккё:гаку кэнкю:*. Токио, 2010. Т. 59. № 1. С. 31–34 [Ishizaki Takahiko. Nishikawa Joken's View of India: from the World of the Three Countries to the Idea of Five Continents. *Indogaku Bukkyo:gaku Kenkyu:*. Tokyo, 2010. Vol. 59. No. 1. Pp. 31–34 (in Japanese)].

Кайбара Экиэн. *Поучение в радости*. Нисикава Дзёкэн. *Мешок премудростей горожанину в помощь*. Пер. с яп., вступ. ст., коммент. и исслед. Мещерякова А.П. СПб.: Гиперион, 2017 [Kaibara Ekiken. *Edification on Joy*. Nishikawa Joken. *Townpeople's Sack of Wisdom*. Trans., Pref., Comment and Study by A.N. Meshcheriakov. Saint Petersburg: Giperion, 2017 (in Russian)].

Нисикава Дзёкэн. *Нихон суйдо ко:*, *Суйдо кайбэн*, *Дзо:хо: кай цу:сё: ко:*. Токио: Иванами сётэн, 1988 [Nishikawa Joken. *Nihon Suido Ko:*, *Suido Kaiben*, *Zo:ho: Kai Tsu:sho: Ko:*. Tokyo: Iwanami Shoten, 1988 (in Japanese)].

Нисикава Дзёкэн. *Нихон суйдо ко:* [Nishikawa Joken. *Nihon Suido Ko:* (in Japanese)]. https://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/bunko08/bunko08_b0112/index.html (accessed: 28.10.2019).

Нихон сёки. Анналы Японии: в 2 т. Пер. и коммент. Е.Л. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. Т. 1. Свитки I–XVI. СПб.: Гиперион, 1997 [*Nihon Shoki. The Annals of Japan: in 2 vols.* Trans. and Comment. by E.L. Ermakova, A.N. Meshcheriakov. Vol. 1. Scrolls I–XVI. Saint Petersburg: Giperion, 1997 (in Russian)].

Сыма Цянь. *Исторические записки («Ши цзи»)*. Пер. с кит. Р.В. Вяткина, В.С. Таскина. Т. 1. М.: ГРБЛ, 1972 [Sima Qian. *Records of the Grand Historian («Shi ji»)*. Trans. by R.V. Viatkin, V.S. Taskin. Vol. 1. Moscow: Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury, 1972 (in Russian)].

Сыма Цянь. *Исторические записки («Ши цзи»)*. Пер. с кит., вступ. ст., комментарий и приложения Р.В. Вяткина. Т. IV. М.: ГРБЛ, 1986 [Sima Qian. *Records of the Grand Historian («Shi ji»)*. Trans., Comments and Appendix by R.V. Viatkin. Vol. IV. Moscow: Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury, 1986 (in Russian)].

Ayusawa S. Geography and Japanese Knowledge of World Geography. *Monumenta Nipponica*. Tokyo, 1964. Vol. 19. No. 3/4. Pp. 275–294.

Dolce L. Mapping the “Divine Country”: Sacred Geography and International Concerns in Mediaeval Japan. *Korea in the Middle*. Ed. by R.E. Breuker. Leiden: CNWS Publications, 2007. Pp. 288–312.

Toby R. *State and Diplomacy in Early Modern Japan: Asia in the Development of Tokugawa Bakufu*. Princeton University Press, 1983.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ON THE AUTHOR

НОВИКОВА Анна Андреевна –
главный специалист Аналитического
управления АНО «Московский центр
международного сотрудничества»,
Москва, Россия.

Anna A. NOVIKOVA, head analyst
at the Analytical Department of the State Unitary
Enterprise “Moscow Center for International
Cooperation”, Moscow, Russia.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S086919080016041-2

Для цитирования: Кукеев Д.Г. [Рец. на:] *Перевод материалов маньчжурского архива военного совета (цзюньцзичу) [касающихся] джунгарских послов: на китайском и маньчжурском языках*. В 3-х тт. Первый исторический архив КНР, Исследовательский центр по изучению истории и географии приграничных регионов и национальностей Китая при Центральном университете национальностей. Пекин: Издательство Центрального университета национальностей, 2009. 2851 с. (*Цзюньцзичу Маньвэнь Чжуньгаэр Шичжэ Дан-и-Бянь: Мань, Хань*. Бэйцзин: Чжунъян миньцзу чубаньшэ, 2009.10); ISBN 978–7–81108–686–7. *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 259–263. DOI: 10.31857/S086919080016041-2

For citation: Kukeev D.G. [Review of:] *The Translations at the Grand Council (Junjichu) Archive of the Zunghar Missions*. The First Historical Archives of China. Minzu University of China, China's Frontier Ethnic Regions History and Geography Research Center. Beijing: Minzu University of China Publishing House, 2009. 2851 p. (in Chinese) ISBN 978–7–81108–686–7. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 259–263. DOI: 10.31857/S086919080016041-2

ПЕРЕВОД МАТЕРИАЛОВ МАНЬЧЖУРСКОГО АРХИВА ВОЕННОГО СОВЕТА (ЦЗЮНЬЦЗИЧУ) [КАСАЮЩИХСЯ] ДЖУНГАРСКИХ ПОСЛОВ: НА КИТАЙСКОМ И МАНЬЧЖУРСКОМ ЯЗЫКАХ. В 3-х тт. Первый исторический архив КНР, Исследовательский центр по изучению истории и географии приграничных регионов и национальностей Китая при Центральном университете национальностей. Пекин, 2009. 2851 с. (*ЦЗЮНЬЦЗИЧУ МАНЬВЭНЬ ЧЖУНЬГАЭР ШИЧЖЭ ДАН-И-БЯНЬ: МАНЬ, ХАНЬ*). Бэйцзин: Чжунъян миньцзу дасюэ чубаньшэ, 2009.10)¹; ISBN 978–7–81108–686–7

© 2021

Д.Г. КУКЕЕВ ^a

^a – Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия
ORCID: 0000-0001-5072-6094; kukeevd@list.ru

XVIII век в истории как Дальнего Востока, так и Центральной Азии был отмечен интенсивными цинско-ойратскими отношениями, которые нашли свое отражение в большом количестве маньчжурских материалов. Маньчжурские архивные материалы дисперсно хранятся в архивах провинций Северо-Востока Китая и в нескольких автономных районах КНР, однако наиболее сконцентрированная и упорядоченная часть документов на маньчжурском языке находится в Первом историческом архиве в Пекине, насчитывая 2 млн

¹军机处满文准噶尔使者档译编：满，汉 / 中国第一历史档案馆，中国边疆民族地区历史与地理研究中心合编 - 北京：中央民族大学出版社 (*Цзюньцзичу мань вэнь чжуньгаэр шичжэ дан-и-бянь: Мань, хань / Чжунго ди-и-лиши дан-ань-гуань, Чжунго бяньцзын миньцзу дицуй лиши юй дили яньцзю чжунсинь хэ бянь*. Пекин: Чжунъян миньцзу дасюэ чубаньшэ), 2009.10. ISBN 978–7–81108–686–7

единиц [Wu, 2007, p. 56], и в архиве Музея императорского дворца в Тайбэе в количестве 387 тыс. единиц [Elliott, 2001, p. 16]².

Такое обилие было связано с тем, что в течение XVII–XVIII вв. маньчжурский язык оставался незаменимым инструментом в деятельности высших эшелонов цинской власти в Пекине. При этом его применение не было ограничено лишь ближним кругом цинского императора, но и распространялось по всей периферии империи Цин, являясь секретным военным и политическим средством общения у разных прослоек цинской власти, которая несла службу на пограничных территориях.

В этой связи сборник документов «Цзюньцзичу маньвэнь чжуньгээр шичжэ дан-и-бянь» 军机处满文准葛尔使者档译编: 满, 汉 (Перевод материалов маньчжурского архива Военного Совета (Цзюньцзичу), [касающихся] джунгарских послов) на китайском и маньчжурском языках представляет несомненный интерес, поскольку он основан на маньчжурских первоисточниках с их переводом на китайский язык. Практически все документы сборника (коих 608) впервые вводятся в научный оборот.

Работой по сбору, комплектованию и изданию материалов занимались сотрудники Первого исторического архива (中国第一历史档案馆) в Пекине и сотрудники Исследовательского центра по изучению истории и географии приграничных регионов и национальностей Китая при Центральном университете национальностей (Чжунъян миньцзу дасюэ Чжунго бяньцзян миньцзу дицуй лиши юй дили яньцзю чжунсинь, 中央民族大学中国边疆民族地区历史与地理研究中心).

Сборник начинается с предисловия руководителя указанного Исследовательского центра профессора Даличабу (达力扎布), в котором отмечается, что появление данного Центра было прямым результатом участия ученых Центрального университета национальностей, специализирующихся на изучении истории и географии Китая в так называемом Проекте 985, начатом в 2004 г. (Т. 1, с. 1).

Спустя 5 лет после учреждения Центра, в 2009 г., вышел трехтомный Сборник документов по посольским связям между империей Цин и Джунгарским ханством на маньчжурском и китайском языках. В нем представлены материалы одного из маньчжурских архивов Военного Совета (Цзюньцзичу) династии Цин 清代军机处满文档案, известные как «И ши дан» 夷使档 («Чужеземные посольства»), которые хранятся в Первом историческом архиве Китая. Важно отметить, что в маньчжурском архиве Военного Совета (Цзюньцзичу)³, помимо указанного архива «И ши дан» также существует богатая коллекция по разносторонним связям цинских властей с ойратами, в которой к истории джунгаров относятся архивы «Чжуньгээр дан» 准噶尔档 («Джунгарский архив»), «Аоча дан» 熬茶档 («Архив дел в связи с «подношением чая» [монастырям в Тибет]»), «Бэйлуцзюнь-у дан» 北路军务档 («Военные дела северного направления») и другие.

В вводной статье Чжао Линчжи 赵令志 к Сборнику отмечено, что архив «И ши дан» содержит документы цинского правительства, в которых отражены формы официальной переписки в их отношениях с джунгарскими послами. В оригинальной версии на маньчжурском языке архив «И ши дан» называется “elcin takūraha baitai dangse”, что по-русски означает «Архив по делам, [связанным с] отправкой послов». В официальной китаезычной версии времен Цин перевод весьма тенденциозен, особенно в части иероглифа 夷, смысловое значение которого имеет немного негативный оттенок и переводится также как «варвар». Составители сборника отмечают, что применение словосочетания «И ши дан»

² Определенная часть копий маньчжурских документов хранится в Маньчжурской коллекции ИВР РАН и Маньчжурском фонде Национальной библиотеки в Париже [Пан, 2006]

³ Структуру и содержимое всего маньчжурского архива Военного совета (Цзюньцзичу) раскрыл. У Юаньфэн [Wu, 2013].

夷使档 («Чужеземные посольства») в их нынешнем переводе маньчжурских документов на китайский язык оставляют прежним, но лишь для того, чтобы «сохранить архивную оригинальность» 保存档案原貌. При этом, не совсем разделяя данную тенденциозность и стараясь быть объективнее, составители Сборника и дали ему название как «Цзюньцзичу маньвэнь чжуньгаэр шичжэ дан-и-бянь» 军机处满文准葛尔使者档译编 (Перевод материалов маньчжурского архива Военного Совета (Цзюньцзичу), [касающихся] джунгарских послов) (Т. 1, с. 5).

Составители Сборника, сообщают, что архив «И ши дан» состоял из 14 «цэ» 册 (папок), 608 «цзянь» 件 (документов) и 2745 «е» 页 (листов), однако всего в архиве насчитывается 18 «цэ». В этой связи составители подчеркивают недостаток архива «И ши дан»: из 18 «цэ» повторяются 4 «цэ», и поэтому в Сборнике переводов указываются 14 «цэ», которые не повторяются. Другим недостатком, по мнению составителей, является запутанная информация в архивных материалах по случаю прибытия джунгарских послов Халю и Дуэрту в 1743 и 1745 г., и в этой связи составители призывают учитывать это и наводить справки в соответствующих архивах и исторических материалах по этому поводу (Т. 1, с. 5). Со своей стороны, отмечу, что данное утверждение о количестве «цэ» в архиве «И ши дан» не является исчерпывающим, поскольку маньчжуровед Марк Эллиот из Гарварда, считает, что «И ши дан» включает в себя лишь 8 «цэ» [Elliott, 2001, p. 29].

Составители Сборника, говоря об архиве «И ши дан», отмечают, что его материалы отражают 5 важных моментов, которые имелись в цинско-джунгарских отношениях:

Во-первых, это вопрос о границе, который в тот период являлся одним из самых безотлагательных, требовавших скорейшего разрешения. В документах Сборника, как утверждает Чжао Линчжи, отражена значительная информация, убеждающая в том, что цинский император изо всех сил старался отстаивать интересы халхаской знати, а джунгарский хан Галдан-Цэрен прилагал огромные усилия, чтобы закрепить за Джунгарским ханством Алтай, и принимал превентивные меры на случай возможного реванша со стороны Цин и халха-монголов (Т. 1, с. 2–3).

Во-вторых, это вопросы, связанные с проведением подношений буддийским монастырям в Тибете, так называемые манча, по-китайски передаваемые как «ао-ча» 熬茶. Документы свидетельствуют, о том, что подписав мирный договор (1739), Галдан-Цэрен направлял посольства в Пекин для обсуждения посещений джунгарами Тибета для проведения «манча». Для ойратоведения интересным является то, что в архиве «И ши дан» имеются документы, в которых рассматриваются обращения джунгаров с просьбой направить к ним авторитетных лам из Тибета. Еще во времена Цэван-Рабдана (1697–1727) из Тибета в Джунгарию был приглашен один очень уважаемый лама, но по истечении более 30 лет он так и остался в Джунгарии. По этой причине цинское правительство впоследствии все время отказывало джунгарским правителям в их просьбе направить в Джунгарию тибетского ламу для проповеди буддизма. Вместо этого цинское правительство предлагало представителям джунгаров самим прибыть в Пекин и выбрать видного, приехавшего из Тибета ламу; или был предложен такой вариант: направить из Джунгарии молодого ойратского монаха в Пекин для обучения, а спустя 3–4 года он должен был вернуться на родину и заниматься миссионерством. Эти предложения решительно отвергались джунгарами (Т. 1, с. 3).

В-третьих, вопросы, отражающие торговую деятельность. Практически всегда дипломатические миссии джунгаров добирались в империю Цин вместе с торговыми караванами. Будучи в империи Цин, члены торговых караванов находились на полном самообеспечении, а их число не должно было превышать 200 человек. Джунгарские послы в качестве подарков привозили меха, лошадей, изделия из яшмы, деревянные чашки, а цинское правительство постоянно щедро одаривало их, обильно награждая джунгарского хана и пришедших

послов шелковыми материями, предметами гардероба, буддийскими четками, керамикой, стеклянными изделиями, лаковыми изделиями, эмалированной посудой, шкатулками из слоновой кости, огнивом, кисетами, серебряными лянми, буддийскими сутрами и др. (Т. 1, с. 3).

Четвертый момент затрагивал, по мнению составителей Сборника, вопросы встречи и провода посольств. Документы свидетельствуют, что в случае падежа лошадей, послам восстанавливали количество лошадей из резервов Нэй-у-фу, имевшего свои запасы за пределами Великой стены. Составители приятно удивлены, что организация этих мер цинским правительством была продуманной до мелочей (Т. 1, с. 3).

И, в-пятых, вопросы этикета при приеме посольств. Каждый раз, когда прибывали джунгарские послы, Военный совет предварительно определял протокол приема посольств и обращался к императору для его утверждения. В нем предлагался список лиц для определения на должности цинских чиновников, сопровождавших джунгарских послов; вопросы размещения послов; проведение переговоров на официальной встрече; проведение банкета в честь приезда посольства; награждение членов посольств; издание указа о визите высоких лам-ринпоче; обеспечение охраной и сопровождение посольства в обратный путь и т. д. Какое бы мероприятие ни проводилось, они все принимались к производству после того, как проходили обсуждение в Военном совете (Цзюньцзичу), у высокопоставленных чиновников, а также после обязательной резолюции императора в их докладах на его имя. Составители Сборника полагают, что тем самым цинское правительство уделяло повышенное внимание к прибывшим джунгарским посольствам, что в итоге свидетельствовало об огромном желании императора решить джунгарский вопрос (Т. 1, с. 4).

В сборнике наглядно представлены факсимиле маньчжурских документов из архива «И ши дан», а также их перевод на официальный китайский язык, принятый во времена династии Цин. Работа по составлению и публикации сборника заключалась в следующем: деятельность по переводу и комплектованию возглавляли Чжао Линчжи и Го Мэйлань 郭美兰, членами исследовательской группы стали студенты-магистранты Центрального университета национальностей КНР Гу Сунхао 顾松浩, Чжу Чжимэй 朱志美, Чжао Юйнань 赵郁楠, Ван Цзинли 王景丽 и Ли Хуан 李璜. Кроме того, Го Мэйлань, Чжао Линчжи и Ли Хуан отвечали за систематизацию, факсимиле и размещение в нужном порядке маньчжурских материалов; Чжао Линчжи, Го Мэйлань, Гу Сунхао, Чжу Чжимэй, Чжао Юйнань и Ван Цзинли по отдельности подготовили начальную версию черновика переводов, Чжао Линчжи занимался их вычиткой и обработкой, Го Мэйлань рассмотрела и утвердила перевод текста; Чжао Линчжи, Ли Хуан и Гу Сунхао составили указатель на маньчжурском и китайском языках (Т. 1, с. 6).

Сборник состоит из 3 томов (上册, 中册, 下册) и содержит 608 документов, охватывающих период с 1734 по 1754 г. В первом томе (上册), помимо введения, представлены маньчжурские факсимиле 186 документов и их переводы на китайский язык, где самый ранний документ датируется 1734 г. (12-й год правления Юнчжэна), а последний в этом томе – 1739 г. (5-й год правления Цяньлуна). Во втором томе (中册) читатель знакомится с 210 документами, которые хронологически начинаются с 1741 г. (7-й год правления Цяньлуна) и завершаются 1747 г. (13-й год правления Цяньлуна). Завершающий том (下册) представлен 212 документами: начиная с 1748 г. (14-й год правления Цяньлуна) по 1754 г. (19-й год правления Цяньлуна).

В конце завершающего тома имеется указатель имен, географических названий и учреждений, переданный иероглифами и латинской транскрипцией их маньчжурского варианта.

Придирчивый читатель может обнаружить некоторую сбивчивость в порядке нумерации по датам: документы № 171 и № 172 следуют не в этом порядке: после документа, датиро-

ванном 5-м годом, 1-м месяцем, 12-м днем правления Цяньлуна идет документ 5-го года, 1-го месяца, 11-го дня правления Цяньлуна (Т. 1, с. 939). То же встречается и в третьем томе Сборника в документах № 505 и 506 (Т. 3, с. 2736–2737). А вот во втором томе порядок нарушается не по дням, а по месяцам: документ № 242 датируется 9-м годом, 6-м месяцем, 21-м днем правления Цяньлуна, а следующий за ним документ № 243 – 9-м годом, 1-м месяцем 18-м днем правления Цяньлуна (Т. 2, с. 1818–1819).

Вызывает некоторое недоумение проделанный китайскими коллегами перевод не на современный китайский язык с научным комментарием, а на официальный китайский язык времен династии Цин без какого-либо комментария. К другому, не менее важному недостатку Сборника надо отнести отсутствие примечаний и пояснений.

В целом же хочется поздравить китайских коллег с этим изданием, которое не только продемонстрировало важность изучения документов богатейшего Первого исторического архива в г. Пекине по истории Центральной Азии и ойратов, но и вселило надежду на дальнейшую публикацию редких материалов по истории уничтожения Джунгарского ханства цинскими войсками и рапортов цинских карателей, в которых будет отражен ход инкорпорации Джунгарии в состав империи Цин и процесс геноцида джунгаров со стороны цинских войск.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Пан Т.А. *Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв.* СПб.: Петербургское востоковедение, 2006 [Pang T.A. *Manchu Written Sources on the History and Culture of the Qing Empire in the 17–18th Centuries*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2006 (in Russian)].

Elliot M. The Manchu Language Archives of the Qing Dynasty and the Origins of the Palace Memorial System. *Late Imperial China*. 2001. No. 1. Pp. 1–70.

Wu Yuanfeng. Qingdai junjichu manwen yuezhebao ji qi shiliao jiazhi. (Ежемесячные маньчжуро-язычные связки «чжэ» из Военного совета (Цзюньцзичу) при Цин и их историческая ценность). *Manyu yanjiu*. 2007. № 2. Pp. 56–67 [On the Manchu Monthly File Packages of Military Confidential Administration in Qing Dynasty and Its Value in Historical Materials. *Manyu yanjiu*. 2007. No. 2. Pp. 56–67 (in Chinese)].

Wu Yuanfeng. Qingdai manwen dang'an shulun. (Описание архива на маньчжурском языке при Цин). *Manwen dang'an yu qingdai bianjiang he minzu yanjiu*. Beijing: Shehui kexue chubanshe. 2013. Pp. 1–18 [Wu Yuanfeng. Summary on Manchu Archives in Qing Dynasty. (*Manchu Archives and Studies on Frontier and Ethnic Groups in Qing Dynasty*). Beijing: Shehui kexue chubanshe. 2013. Pp. 1–18 (in Chinese)].

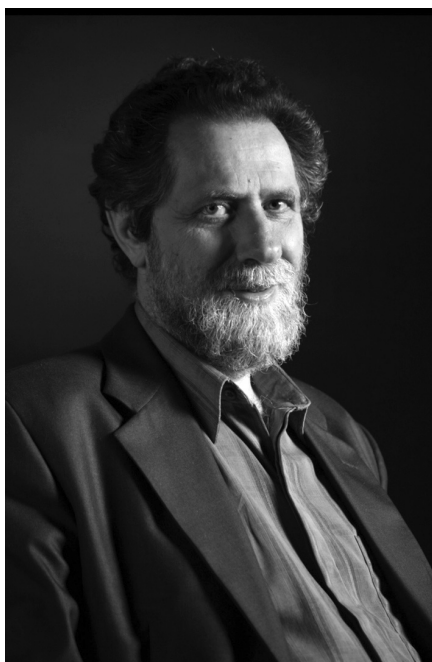
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КУКЕЕВ Дорджи Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, межкультурной коммуникации и регионоведения Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия.

Dordzhi G. KUKEEV, PhD (History), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Intercultural Communications and Region Studies of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia.

PERSONALIA

IN MEMORIAM

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ РОЩИН
(1952–2021)

16 апреля 2021 г. в Москве от сердечного приступа скоропостижно скончался Михаил Юрьевич Рошин, историк-арабист и кавказовед. Его отличали жизнелюбие, немалая эрудиция и широта научных интересов: от арабистики и новой истории Ближнего Востока до исламоведения и политологии на постсоветском Кавказе, в Поволжье, Крыму и Центральной Азии. Он изучал суфиев, мусульманских радикалов-*салафитов*, квакеров, старообрядцев и многое другое. Михаил Юрьевич не был кабинетным ученым. Он много и часто ездил, был настоящим полевым исследователем с богатым, более чем тридцатилетним стажем. Знавшие Михаила Юрьевича запомнили его как отзывчивого человека с множеством друзей, противника насилия, всегда готового к ученой беседе, для которого не имели значения политические границы, чины и звания.

Рошин родился в Москве 14 сентября 1952 г. Он поступил в Институт стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ, который окончил в 1974 г. как специалист по истории арабских стран. Еще два года, до 1976 г., он работал военным переводчиком в Ираке. Вместе с известным арабистом А.В. Малашенко с августа 1979 по март 1980 г. М.Ю. Рошин был переводчиком-консультантом в экспедиции Института физики Земли АН СССР в Ливии,

исколесив при этом всю страну. Вся его научная карьера связана с Институтом востоковедения, в аспирантуру которого он поступил по возвращении из Ирака. В 1980 г. он защитил под руководством Р.Г. Ланды диссертацию «Роль традиционных и современных факторов в формировании социальной ориентации арабской молодежи в 1950–70-е гг. (на примере Ливана, Сирии, Ирака, Египта и Палестины)». До 1988 г. он работал в Отделе арабских стран, затем в Отделе сравнительно-теоретических исследований, с 2009 г. – в Отделе (с 2010 г. – Центре) изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья.

Арабистика до конца оставалась одним из его основных научных интересов. В 2003–2017 гг. он ежегодно читал лекции по арабской истории, географии и литературе на кафедре истории и географии Московского государственного лингвистического университета, профессором которого работал по совместительству. Еще в 2001–2021 гг. Рошин пишет множество небольших статей по арабистике и исламоведению в Православную и Большую Российскую энциклопедии. Но уже в 1990-е гг. география и тематика его исследований резко меняется. Он становится популярным экспертом по постсоветским обществам, к голосу которого стали прислушиваться в России и за рубежом. Характерно, что подобная метаморфоза тогда же произошла с некоторыми другими востоковедами, включая А.В. Малашенко, ставшего признанным политологом, специалистом по исламу в России. Рошин начинает заниматься этнорелигиозной проблематикой, преимущественно на Северном Кавказе.

Первым шагом на этом пути было участие в междисциплинарном институтском проекте Т.Ф. Сиверцевой «Портрет восточного села» (1991–1997). Рошин был одним из его инициаторов и главных исполнителей. Именно он предложил выбранные в итоге два горных селения на северо-западе и юге Дагестана, подобрал основных респондентов, привлек к обработке данных экспедиций крупного лингвиста М.Е. Алексева, руководил второй экспедицией сентября–октября 1992 г. в Хуштада и одной из экспедиций в с. Шиназ и Рутул. Он был одним из составителей и главных авторов коллективной монографии «Дагестан: село Хуштада» (1995), писал в книгу «Дагестанское село: вопросы идентичности (на примере рутульцев)» (1997). В работах 1990-х–2020-х гг. он тяготеет к персональной истории, удачно сочетая ее со сравнительно-историческим подходом к российскому и зарубежному мусульманскому Востоку. Наиболее оригинальны его находки на материалах Кавказа. К числу наиболее ярких из них можно отнести публикацию частного архива адатных соглашений-*иттифак* в Цумадинском районе; реконструкцию возвращения в постсоветский Дагестан из Турции суфиев ветви накшбандийа-халидийа, исламского дискурса дагестанских реформаторов-*джадидов* на примере Али Каяева, параллелей между деятелями национального сопротивления на Кавказе и Ближнем Востоке.

За этим проектом последовало множество других, посвященных религиоведению, социальной антропологии и политологии локальных мусульманских (но не только) сообществ с советским и колониальным прошлым. Рошин проводил полевые исследования на Северном Кавказе и в Закавказье, в 2000–2020-е гг. выезжал в Центральную Азию (на Памир), Крым и Донбасс. Он не получил специального этнологического образования, но в «поле» обучился всему. Его дар этнографического «полю» ценили «полевики»-профессионалы, в частности, известный дагестанский этнограф М.А. Агларов, с которым Рошина связывала давняя дружба, и бывшие респонденты.

Общественный темперамент и широта научных интересов Рошина нередко выводили его за пределы кавказоведения и ориенталистики. Еще в начале 1980-х гг., если не раньше, он увлекся старообрядчеством и даже крестился вместе с женой в старообрядческой церкви. С этим связан цикл его работ 1990-х гг. о старообрядцах, среди которых выделяются выполненные в продолжение концепции Макса Вебера о протестантской этике исследования морали труда в предпринимательстве у старообрядцев. Наряду со старообрядчеством

еще одним научным «полем» и частью жизни Рощина в 1990-е–2000-е гг. были квакеры. Он ездил на международные квакерские собрания, отправлял своих детей в квакерские лагеря, участвовал в целом ряде их научных и общественных проектов, в частности, подготовке к изданию хрестоматии отрывков из классической европейской беллетристики в переводе на чеченский язык.

С конца перестройки Рощин много занимался общественной деятельностью. В 1991–1992 гг. он побывал депутатом Севастопольского райисполкома Москвы. После окончания первой российско-чеченской войны отправился наблюдателем за выборами президента Чечни в Грозный. Поздней осенью 1999 г. вместе с правозащитником В.А. Попковым объявил голодовку в знак протеста против начала второй российско-чеченской кампании. Как человек он был очень разный. Но очень миролюбивый, скорее даже бесконфликтный. Удивительнее всего, что в последние годы он посвятил себя конфликтологии (религиозной, этнической, политической). В конце первой российско-чеченской войны он интервьюировал Шамиля Басаева в Чечне, а с весны 2014 г. начал ежегодно ездить в Донбасс на границе Украины, где бушевала гражданская война.

Последние его поездки – в Донецк и Нагорный Карабах, весной и осенью 2020 г., говорят сами за себя. Как старообрядец Михаил Юрьевич осуждал всякое насилие, возможно, отсюда его стремление быть там, где он может хоть чем-то, хоть как-нибудь – противостоять насилию, которое так процветало в последние десятилетия на постсоветском пространстве. Возможно, это кредо заставило его в сентябре 2020 г. отправиться в разгар 44-дневной войны в Нагорный Карабах, где под бомбежками он провел три недели. Смерть настигла его посреди множества творческих замыслов. Он не успел закончить статью о неосуфизме у дагестанских мусульман и книгу «Ислам на Северном Кавказе в постсоветский период». Планировал экспедиции в Донецк и Махачкалу весной-осенью 2021 г. Зная жизнелюбие и энергичность Михаила Юрьевича, не верится, что его больше нет среди живых. Всем нам его будет очень не хватать.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ М.Ю. РОЩИНА

Молодежь стран Азии, Африки и Латинской Америки: 1970-80-е годы. Сост. и отв. ред. М.Ю. Рощин, В.И. Юртаев. М.: Восточная литература, 1988.

Егорин А.З., Рощин М.Ю., Прошин Н.И. Ливия. *Новейшая история арабских стран Африки (1917–1987).* Отв. ред. В.В. Наумкин. М.: Наука, 1989. С. 169–206.

Молодежный ренессанс. Проблемы социализации молодежи. Сост. и отв. ред. А.Г. Быстрицкий, М.Ю. Рощин. М.: Восточная литература, 1990.

Гарамантида (африканская Атлантида). Сост. М.Ю. Рощин. М.: Восточная литература, 1994.

Дагестан: село Хуштада. Сост. и отв. ред. Т.Ф. Сиверцева, М.Ю. Рощин, В.О. Бобровников. М.: ИВ РАН, 1995.

Old Belief and Work. *Religion, State and Society.* 1995. Vol. 23. No. 3. Pp. 263–267.

Dagestan and the War Next Door. *Perspective.* September – October 2000. Vol. XI. No. 1. Pp. 4–9.

Rhetoric Clouds of “War on Terrorism”. *Perspective.* November–December 2001. Vol. XII. No. 2. Pp. 1–9.

L’Islam en Tchetchenie. *Tchetchenie: La Guerre Jusqu’au Dernier?* Ed. par F. Longuet Marx. Paris: Mille et Une Nuits, 2003. Pp. 117–148.

Шейх Мухаммед Назим Киприотский и его последователи (к вопросу о возрождении суфизма в Дагестане). *Подвижники ислама (культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе).* Сб. ст. Отв. ред. и сост. С.Н. Абашин и В.О. Бобровников. М.: Вост. лит., 2003. С. 306–325.

Sufism and Fundamentalism in Dagestan and Chechnya. *Insight Turkey.* April–June 2004. Vol. 6. No. 2. Pp. 95–102.

Ali Kayev – Muslim Educator and Reformer of Daghestan. *Islam and Sufism in Daghestan*. Ed. by M. Gammer. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters, 2009. Pp. 79–84.

Evgenii M. Primakov: Arabist and KGB Middleman, Director and Statesman. *The Heritage of Soviet Oriental Studies*. Ed. by M. Kemper, S. Conermann. L. –N. Y.: Routledge, 2011. Pp. 103–111.

Ислам на Северном Кавказе: история. Дагестан; Чечня; Кабардино-Балкария; Северная Осетия; Ислам на Северном Кавказе: современность. Проблема джихадизма. *Ислам на Северном Кавказе: история и современность*. Под ред. И. Текушева и К. Шевченко. Прага: Medium Orient, 2011. С. 13–27, 28–43, 51–64, 82–86, 87–101.

Tenguise Abouladze à la recherche du repentir. *Le cinéma russe, de la perestroïka à nos jours*. Condé-sur-Noireau : Editions Charles Corlet, 2013. Pp. 124–129.

Ал-Харакат ал-исламийа фи Дагистан ва Уситийа аш-Шималийа. *Асийа ал-Уста ва-Шимал ал-Кавказ: ас-салафийун, аш-ши‘а, ал-джихадийун*. Дубай: Марказ ал-мисбар ли-д-дирасат ва-л-бухус, 2014. С. 129–148 (на араб. яз.).

Islamic State and the Radicalized Fighters of Northern Caucasus. *Keston Newsletter*. 2018. No. 27. Pp. 14–19.

Неопубликованные рукописи Г.И. Карпова по этнографии туркмен в российских архивах. *Восток*. 2019. № 5. С. 218–233 (соавт.: О.И. Брусина, О.Б. Наумова, Л.Т. Соловьева).

Orthodoxy in South Ossetia. *Keston Newsletter*. 2019. No. 29. Pp. 11–16.

Крымские татары и религиозно-этнический плюрализм Крыма. *Российские турки: история и современность*. М.: ИВ РАН, 2019. С. 74–81.

Православие в Сарире (средневековой Аварии) – VII–XVII вв. *Актуальные вопросы изучения христианского наследия Востока. Материалы международной конференции (Сергиев Посад, 12 ноября 2019 г.)*. Отв. ред. диак. С. Пантелеев. Сергиев Посад: МДА, 2020. С. 143–151.

В.О. БОБРОВНИКОВ, П.И. ТАХНАЕВА

ПАМЯТИ ЯНИСА ЭШОТСА
(1966–2021)

Сегодня ночью, полупьяным, пританцовывая,
С кувшином винной гущи в руке, я собираюсь
Отправиться на рынок каландара
И в одночасье проиграть все что есть.

Это отрывок из газели Фарид ад-Дина Атгара (1146–1221), которую известный востоковед, иранист, исламовед, специалист по исламской философии, сотрудник Института исмаилитских исследований Янис Эшотс перевел для издания на русском языке книги Уильяма Читтика «Суфизм: руководство для начинающего». Во многом эти строки приложимы и к самому Янису. Лирический герой газели говорит о своем мистическом опыте встречи с Истиной, опыте, который опьяняет и освобождает от любых уз, рамок или границ. Может, именно изучение этого опыта сделало его столь удивительным и неповторимым, необычайно скромным и непритязательным, бесконечно увлеченным своей работой, с неизменным блеском в глазах. Человек мира, он был исследователем от Бога, вышедшим далеко за пределы национальных научных школ и историографий. Он понимал Восток, изучал его и любил во всех его прекрасных проявлениях – интеллектуальных, духовных, художественных и эстетических.

В начале июля иранское информационное агентство ИСНА с прискорбием сообщило, что вечером 18 июня 2021 г. под Лондоном при невыясненных обстоятельствах трагически погиб Янис Эшотс. Церемония прощания, которая состоялась во вторник 27 июля с.г. в Manor Park Cemetery & Crematorium, транслировалась в Интернете, близкие, друзья и коллеги смогли дистанционно принять в ней участие. Наряду с классической музыкой на церемонии прозвучали также арабские и персидские слова и мелодии, которые он слушал при жизни. Говоря о разносторонних талантах Яниса, широте интересов, выступавшие на церемонии отмечали его умение заводить друзей, делиться дружбой, поддерживать ее. Ведущий даже отметил, что он любил хороший виски. Действительно, в некоторых напитках Янис разбирался ничуть не хуже сомелье. Наука потеряла выдающегося исламоведа, переводчика классических исламских текстов на русский язык, главного редактора журнала

«Ишрак», журнал «Восток» – члена редакционной коллегии, блестящего рецензента, а мы все – настоящего друга и единомышленника, на которого всегда можно было положиться.

Янис Эшотс родился в 1966 г. в Латвии. В 1985–1991 гг. учился в знаменитом Литературном институте им. А.М. Горького на переводческом отделении по специализации «Перевод художественных текстов». Изучал персидский язык как основной, а арабский – факультативно. Чуть позже Янис пришел к выводу, чтобы понять исламскую цивилизацию, нужно владеть арабским языком на таком уровне, чтобы читать классические тексты, поэтому он стал активно осваивать арабскую филологию. Он превосходно владел персидским, арабским, английским, русским, латышским языками, был интересным собеседником и духовно одаренным человеком, тонко чувствовавшим сокровенный смысл исламской культуры. Был очень цельным в своих занятиях и увлечениях, в свободное время слушал персидскую суфийскую музыку, много читал, редактировал.

С 1998 г. он преподавал в Латвийском университете – Теологическом факультете и Факультете современных языков, читал курсы «Введение в суфизм», «Введение в ислам», «Мусульманские секты», «Калам». С 2009 г. – редактор ежегодного альманаха по исламской философии «Ишрак». С 2010 по 2013 гг. – профессор арабского и персидского языка отделения ориенталистики Факультета современных языков Латвийского университета. Приблизительно в это время Янис устраивается работать в Научно-издательский департамент Института исмаилитских исследований (Лондон, Великобритания).

Творческое наследие Яниса Эшотса поистине уникально. Он был ведущим мировым специалистом по исламской философии сефевидской эпохи. К сожалению, Янис так и не увидел издание своей последней книги “Patterns of Wisdom in Safavid Iran”, но многие его русскоязычные издания, где он выступал не только как автор, но и как научный редактор, вышли под эгидой Фонда Ибн Сины. Наверное, одними из наиболее значимых его работ стали переводы трактатов Садр ад-Дина ал-Кунави «Ключ к сокрытому» и Садр ад-Дина аш-Ширази «Престольная мудрость».

В 2004 г. вышел его перевод с арабского книги Муллы Садра «Престольная мудрость» (М.: Восточная литература). Одновременно он занимался написанием кандидатской диссертацией по классической персидской поэзии, сосредоточившись на творчестве Низами Гянджеви (1141–1209). Чуть позже приступил к написанию диссертации на соискание степени доктора богословских наук по теме «Гностицизм Муллы Садры аш-Ширази (1570–1640)». В 2007 г. получил степень PhD в Таллинском университете, защитив диссертацию на тему «Учение Муллы Садры о *wujūd*: синтез мистицизма и философии» (“Mulla Sadra’s Teaching on *Wujūd*: A Synthesis of Mysticism and Philosophy”).

В профессиональном плане Янис был редким специалистом, человеком многосторонних талантов и особых компетенций. Он брался за темы, на которые замахнуться рискнет далеко не всякий иранист. Во-первых, это философия, которой из иранистов в нашей стране до Яниса никто специально на таком уровне не занимался (за исключением, пожалуй, коллег из Таджикистана, отрезанных, к сожалению, от нас событиями конца XX в.). Во-вторых, это постклассическая исламская философия, которая сама по себе – изрядный вызов для любого исследователя. В университетской среде современного Ирана существует выражение «сказать, как Мир Финдариски», означающее непонятное, туманное высказывание, что многое говорит о творчестве автора, не всегда понятном даже образованным носителям культуры. Мир Финдариски, как и другие авторы, которыми Янис занимался, требовал от ученого уникального уровня овладения персидским и арабским языками, знания философского контекста, уходившего своими корнями в античность и доисламское прошлое Ирана, тонкого понимания персидского поэтического языка.

Компетенции такого рода – плод усилий и самого исследователя, и широкого круга учителей, наставников. Одним из учителей, которого Янис вспоминал чаще других, был

его преподаватель персидского языка из Ирана. Он учил Яниса не только привычным для всех студентов аспектам языка, но также и языку литературы, и языку базара. Для Яниса этот опыт был очень ценен. Его речь на персидском было невозможно спутать ни с чьей еще, настолько она была всегда изящно витиеватой, составленной из многих аллюзий на классику персидской поэзии и приправленной речевыми оборотами, знакомыми только тем, кто глубоко погружен в культуру. Все это помогало ему переводить сложнейшие тексты Мир Дамада, Мир Финдариски и Муллы Садры, восстанавливать цитаты из античных источников в работах философов эпохи Сефевидов, комментировать отсылки ишракистов к доисламской культуре Ирана.

Помимо собственно исламской философии, в сфере научных интересов Яниса Эшотса находились исламский мистицизм (*ирфан*), исмаилизм, шиизм, персидская литература. Он происходил из протестантской семьи, глубоко и тонко понимал суфизм, что также не мешало ему черпать духовный опыт и в православных монастырях на Афоне, которые он искренне любил. Так он во многом воплотил в своей жизни образ *'арифа*-мистика, чьими устами Хафиз восклицает: «Везде дом любви, будь то мечеть или синагога». Янис, конечно, прекрасно видел границы между религиозными течениями, но эти границы не мешали ему находить проявление божественной гармонии и Истины везде, куда бы он ни приходил. Возможно, все дело было в том, что он приносил эту гармонию с собой.

Классические труды Садра ад-Дина ал-Кунави и Садра ад-Дина аш-Ширази (Муллы Садра), переведённые Янисом, стали значительным вкладом в российское востоковедение. Мулла Садра в современном Иране вознесен на недостижимый пьедестал, и в этой связи его наследие должно быть знакомым любому, кто хочет иметь представление о современной иранской идеологии. Ал-Кунави – ученик Ибн ал-Араби и его толкователь – олицетворяет собой один из путей трансляции суфийской философии в Иран. Он принадлежал к кругу друзей Джалал ад-Дина ар-Руми, и последний находился в некоторой степени под его влиянием. Таким образом, без знакомства с ал-Кунави наше знание о классической персидской литературе будет неполным.

Редкий по своему содержанию и многолетний проект Яниса Эшотса совместно с Фондом Ибн Сины – ежегодник исламской философии «Ишрак» – состоялся только благодаря его высокому профессионализму, кругозору и энтузиазму. Он дружил с авторами и полушутливо называл «Ишрак» «журналом друзей Яниса». Добрые человеческие отношения с коллегами из разных уголков света позволили ему в течение многих лет успешно издавать ежегодник, где можно найти его переводы и классических текстов, и статей современных иранских ученых, а в число авторов журнала вошли звезды мирового исламоведения первой величины: Уильям Читтик, Герхард Боверинг, Хасан Ханафи, Мухаммад Легенхаузен, Хамид Алгар, Голамхусайн Аавани и многие другие.

Янис протянул для исследователей исламской философии много важных нитей от Шихаба ад-Дина ас-Сухраварди к постклассической исламской философии, а оттуда – к современному мистицизму и традиционализму. Эти нити будут вплетать в ткань своих работ еще многие поколения ученых.

ТРУДЫ Я. ЭШОТСА

Книги

Аш-Ширази, Садра ад-Дин. *Престольная мудрость*. Пер. с араб. Янис Эшотс. М.: Вост. лит., 2004.

Ešots J. *Mullā Sadrā's Teaching on Wujūd: a Synthesis of Mysticism and Philosophy*. Tallinn: Tallinn University Press, 2007.

Корбен А. *Световой человек в иранском суфизме*. Пер. с франц. Ю. Стефанова. Предисл. Я. Эшотс. М.: Фонд исследований исламской культуры; Волшебная Гора; Дизайн-Информация-Картография, 2009.

Ишрак: Ежегодник исламской философии. Ishraq: Islamic Philosophy Yearbook. № 1. Гл. ред. Я. Эшотс. М.: Языки славянской культуры, 2010.

Руми, Джалал ад-Дин, Мухаммад. *Маснави-йи Ма'нави («Поэма о скрытом смысле»)*. Четвертый дафтар. Пер. с перс. и коммент. Л.Г. Лахути, Н.И. Пригариной, М.А. Русанова, Н.Ю. Чалисовой. Науч. ред. Я. Эшотс. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010.

Ишрак: Ежегодник исламской философии. Ishraq: Islamic Philosophy Yearbook. № 2. Гл. ред. Я. Эшотс. М.: Вост. лит., 2011.

Ишрак: ежегодник исламской философии. 2012, № 3. Гл. ред. Я. Эшотс. М.: Вост. лит., 2012.

Читтик У. *Суфизм: руководство для начинающего*. Пер. с англ. М.Г. Романова, Я. Эшотса. М.: Вост. лит., 2012.

А.В. Смирнов, И.Р. Насыров, Е.А. Фролова, Я. Эшотс. *История арабо-мусульманской философии: Учебник*. Под ред. А.В. Смирнова. М.: Академический Проект, 2013.

Ишрак: ежегодник исламской философии. 2013, № 4. Гл. ред. Я. Эшотс. М.: Вост. лит., 2013.

А.В. Смирнов, И.Р. Насыров, Е.А. Фролова, Я. Эшотс. *История арабо-мусульманской философии: Антология*. Под ред. А.В. Смирнова. М.: Академический Проект, 2013.

Ишрак: Ежегодник исламской философии. Ishraq: Islamic Philosophy Yearbook. Гл. ред. Я. Эшотс. 2014, № 5. М.: Вост. лит., 2014.

Ишрак: Ежегодник исламской философии. Ishraq: Islamic Philosophy Yearbook. Гл. ред. Я. Эшотс. 2015, № 6. М.: Наука — Вост. лит., 2015.

Ишрак: Ежегодник исламской философии. Ishraq: Islamic Philosophy Yearbook. Гл. ред. Я. Эшотс. 2016, № 7. М.: Наука — Вост. лит., 2016.

Ишрак: Ежегодник исламской философии. Ishraq: Islamic Philosophy Yearbook. Гл. ред. Я. Эшотс. 2017, № 8. М.: Наука — Вост. лит., 2017.

Ишрак: Ежегодник исламской философии. Ishraq: Islamic Philosophy Yearbook. Гл. ред. Я. Эшотс. 2019, № 9. М.: ООО «Садра», 2019.

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

Эшотс Я. Садр ад-Дин аш-Ширази. Приходящее в сердце о познании Господствия (часть 1). *Восток (Oriens)*. 2000. № 2. С. 109–132.

Эшотс Я. Садр ад-Дин аш-Ширази. Приходящее в сердце о познании Господствия (часть 2). *Восток (Oriens)*. 2000. № 5. С. 109–127.

Эшотс Я. Садр ад-Дин аш-Ширази и «ирфанизация» философии. *Историко-философский ежегодник 2000*. Ред. Н.В. Мотрошилова. М.: Наука, 2000. С. 378–390.

Ešots J. Unification of Perceiver and Perceived and Unity of Being. *Transcendent Philosophy*. December 2000. Vol. 1, no. 3. Pp. 1–7.

Ešots J. Preexistence of Souls to Bodies in Sadra's Philosophy. *Transcendent Philosophy*. June 2002. Vol. 3, no. 2. Pp. 183–197.

Ešots J. Rationalism and Mysticism: a Few Considerations Regarding the Superior of the Divine Wisdom. *Islam-West Philosophical Dialogue*. The Papers Presented at the World Congress on Mulla Sadra (May 1999, Tehran). Vol. 4 "Mulla Sadra and Comparative Studies". Tehran: Sadra Islamic Philosophy Research Institute, 2002. Pp. 157–171.

Ešots J. Shah Nematollah Vali Kermani as a Mystical Poet: Three Trends of Islamic Mysticism and Three Bases of His Poetry. *Celebrating a Sufi Master. A Collection of Works on the Occasion of the First International Symposium on Shah Nematollah Vali*. San Jose (California): San Jose State University Press 2002. Pp. 58–76.

Ešots J. Why is the Mathnawi Called “the Shop of Oneness”: Reflections on Rumi’s Methodology. *Proceedings of the International Conference on Mawlavi Rumi (IIS, London, 25-26 January 2002)*. London: Salman-Azade Press, 2003. Pp. 116–128.

Эшотс Я. Хамадани. *Ислам на территории бывшей Российской империи*. Вып. 4. Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Вост. лит., 2004. С. 87–88.

Ešots J. Magnification of Luminaries in Suhrawardi’s Philosophy. *Ceļš (LU TF teoloģisks un kultūrvēsturisks izdevums)*. 2003–2004. No. 55. Pp. 66–80.

Эшотс Я. Понятие справедливости в суфизме: Джалал ад-Дин Руми и Мухийад-Дин ал-‘Араби. *Глобализация и справедливость*. М.: РУДН, 2007.

Шихаб ад-Дин Сухраварди. Свист Симурга. Пер., вступ. ст., коммент. Яниса Эшотса. *Восток (Oriens)*. 2011. № 5. С. 119–133.

АЛИКБЕРОВ А.К.,

д.и.н., директор Института востоковедения РАН

ЛУКАШЕВ А.А.

к.филос.н., с.н.с. Института философии РАН

РАВАНДИ-ФАДАИ Л.М.

к.и.н., с.н.с. Института востоковедения РАН,

доцент кафедры современного Востока ИАИ ФИПП РГГУ

Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110166 от 18.01.1994 г.)

Подписано к печати 14.08.2021
Тираж 240 экз.

Формат 70×100 ¹/₁₆
Зак. 5/4а.

Уч.-изд. л. 23,1
Цена свободная

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: Российская академия наук

20 экз. распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

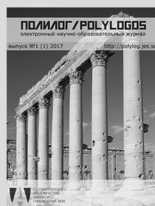
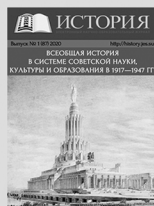
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ

Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА

Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА

Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членв-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).